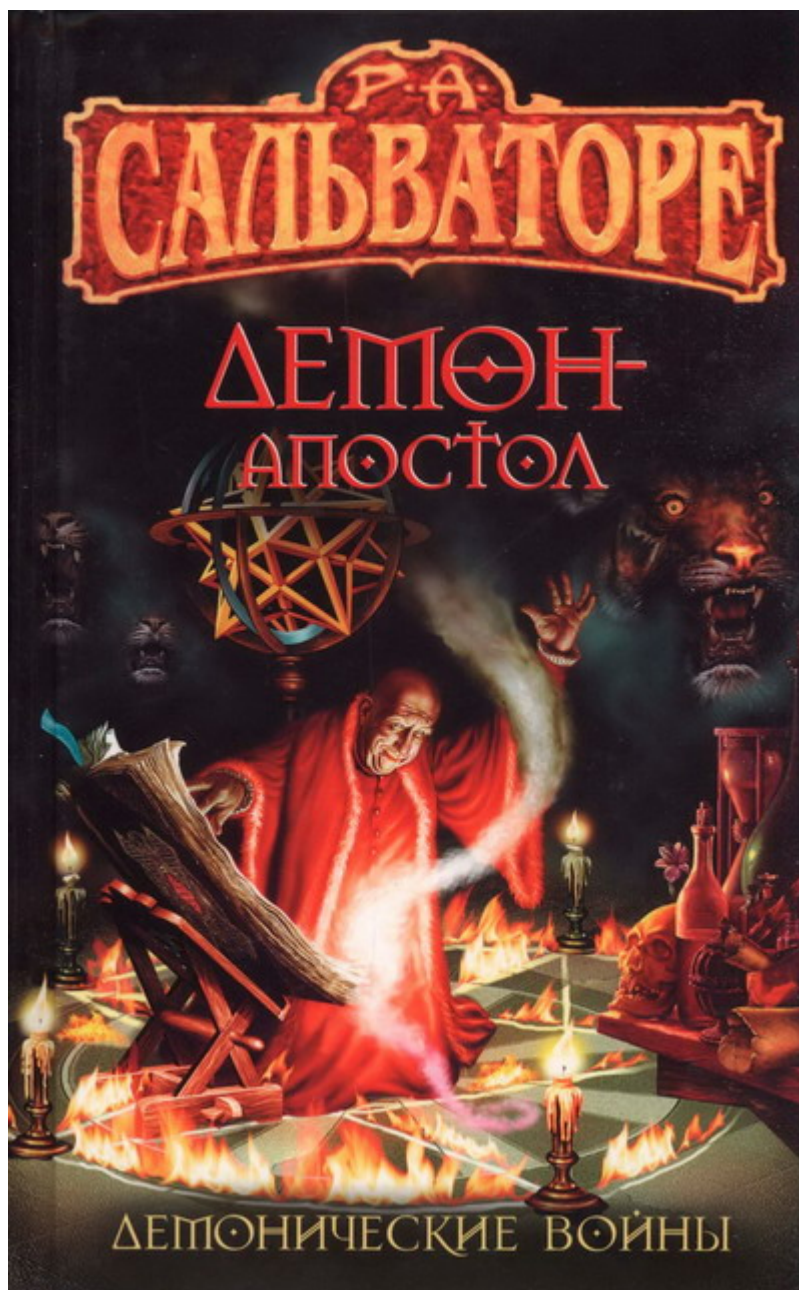

**Роберт Сальваторе
Демон-Апостол**

Демонические войны – 3

- Lord Kiron. OCR & ReadCheck - Валерий. <http://www.oldmaglib.com>
«Р.А. Сальваторе "Демон-апостол"»: ЭКСМО, Домино; Москва, СПб.; 2005
ISBN 5-699-11308-4

Аннотация

Разыскав в древней библиотеке аббатства Санта-Мер-Абель старинную магическую книгу, отец-настоятель Маркворт обращается к Духу Зла и позволяет тому всецело завладеть своей душой, а в результате обретает великую силу, дабы продолжить жестокую и непримиримую борьбу за власть.

Однако Зло бессильно перед бесстрашием и отвагой Элбрайна и его бессмертных спутников — кентавра-Смотрителя, юной воительницы Джилсепони и эльфа Джуравиля.

Одержатъ победу в схватке с силами Тьмы помогают магические камни — дар монаха Эвелина.

Великая сага о борьбе с демоном достигает своей кульминации.

Роберт Сальваторе «Демон-Апостол»

Посвящаю эту книгу Гэри, безупречному воину.

Часть первая НА РАСПУТЬЕ

Зима уже вступила в свои права, дядя Мазер, но, похоже, в этом году она будет спокойной и мягкой, как будто сама Природа, а не только люди, нуждается в передышке. Не знаю, почему мне так кажется, но не могу не верить своему инстинкту рейнджера. Хотя, может быть, нам с Пони просто нужно отдохнуть, дядя Мазер. Может, моя убежденность в том, что зима будет мягкой, не более чем надежда на это.

Однако пока Пони, Джуравиль и я возвращались из Санта-Мер-Абель, никаких слухов о сражениях или хотя бы появлении гоблинов, горных великанов или поври до нас не доходило. Мы шли через Палмарис и добрались до деревень Кертинелла и Ландсдаун без всяких приключений, несмотря на то что в качестве подкрепления местным силам из Урсала сюда прислали один-единственный гарнизон. Предполагается, что, когда враги будут окончательно разгромлены, солдаты помогут сельским жителям в окрестностях Палмариса восстановить свои хозяйства.

Вот уже неделя, как мы прибыли на место, и пока никаких стычек не было, все тихо, спокойно. Томас Джинджерворт — глава здешних поселенцев — и капитан королевской армии Шамус Килрони надеются, что к весне жизнь вернется в нормальное русло.

Вернется в нормальное русло?

Да, вместо умерших скоро на свет появятся новорожденные; да, вместо сожженных домов будут построены новые. Спустя несколько месяцев жизнь и впрямь «вернется в нормальное русло».

Однако мне уже пришлось однажды пережить нечто подобное, когда сровняли с землей старый Дундалис, — еще до того, как тол'алфар увел меня к себе и я узнал о твоём существовании, дядя Мазер, — и я-то знаю, как долго не заживают шрамы войны. Оставленные демоном раны в сердцах уцелевших, не стихающая тоска по погибшим, боль от того, что пришлось покинуть родные места, а по возвращении обнаружить на месте дома обгорелые развалины. Люди еще не понимают, что изменилось само понятие о нормальной жизни. Последствия войны зачастую бывают страшнее, чем она сама.

Разве я воспринимал бы мир так же, как сейчас, если бы гоблины не напали в свое время на Дундалис? Нет, и не только потому, что годы, проведенные с тол'алфаром, круто изменили мою жизнь. Изменился мой взгляд на саму реальность — в том числе и понимание того, что такое долг, общество, человечество, наконец.

И подобные перемены происходят со всеми людьми, прошедшими через ужасы войны.

Больше всего меня беспокоит Пони. Когда гоблины первый раз напали на Дундалис, из всей деревни уцелели только мы двое. От ужасов пережитого она едва не погибла и на время потеряла память. Только любовь приемных родителей помогла ей пережить это тяжелое время, а теперь и они стали жертвами зла. На Пони обрушилась новая трагедия.

Наш друг Смотритель обрел свободу, мы помогли ему и бежали из Санта-Мер-Абель. Однако Пони едва не повернула обратно! И если бы это произошло, если бы она снова вошла под своды аббатства, да еще и с магическими камнями в руках, трудно представить себе, что бы она там натворила, перед тем как встретить смерть.

Ей было все равно, дядя Мазер. Увидев изуродованные трупы приемных родителей, она просто ослепла от ярости и была готова разрушить Санта-Мер-Абель до основания; да что там — уничтожить весь мир.

Когда мы пересекли Мазур-Делавал и оказались в знакомой местности, она стала чуть поспокойнее. Да и хлопоты, связанные с водворением Белстера О'Комели в качестве нового владельца трактира «У доброго друга», в какой-то мере помогли ей еще раз обрести хотя бы некоторую долю «нормальности» в жизни.

И все же я боюсь за Пони и все время не спускаю с нее глаз.

Что касается меня самого, то не знаю, что буду чувствовать после всех этих сражений, выпавших на мою долю. Наверное, как и все выжившие, я оправлюсь от потери, а близкое столкновение со смертью поможет мне обрести новое понимание жизни. Во мне сейчас почти не осталось страха. С трудом верится, дядя Мазер, но, оказавшись в самом центре этой кровавой бойни, я обрел ощущение мира.

Я не знаю, что ждет человека после смерти. Это осознание задевает какие-то очень глубинные струны в моей душе. Смерть неизбежна: в бою, от болезни, несчастного случая или, наконец, просто от старости. Смирившись с этой мыслью, я перестал бояться жизни. Странно, не правда ли? Теперь меня не страшат никакие проблемы, не отпугивают никакие препятствия. Стоит напомнить себе, что когда-нибудь меня не станет, а мое тело пойдет на корм земляным червям, и страх отступает. Какая в самом деле разница, когда это произойдет — чуть раньше или чуть позже?

В последнее время мне не раз приходилось стоять перед множеством людей, излагая им свою точку зрения и понимание того, как надо действовать. Юного Элбрайна наверняка волновало бы — а вдруг я сделаю какую-нибудь глупость? Ну, скажем, споткнусь и упаду на глазах у всех, или люди не так воспримут мои слова. Теперь эти опасения кажутся мне ничтожными. Пройдет не так уж много времени, и все, что нас сейчас волнует, не будет иметь равным счетом никакого значения. Я покину этот мир, и от меня в нем останется лишь горстка праха. Стоит напомнить

себе об этом — и все страхи отступают.

Так что сейчас у нас мир, и в душе у меня мир, который, однако, станет еще прочнее, если мне удастся хоть немного унять душевную боль Пони.

Элбрайн Виндон

ГЛАВА 1 ЖИЗНЬ БЕРЕТ СВОЕ

В комнате было темно, занавески задернуты, но сквозь них уже проглядывало серое предраассветное небо. Элбрайн инстинктивно протянул руку, чтобы коснуться любимой, — это всегда действовало на него успокаивающе — но ее рядом не оказалось.

Он приподнялся, с удивлением оглядываясь. Да, Пони не было в комнате. Элбрайн не привык спать в постели, тем более такой мягкой и удобной, как эта, предоставленная в их с Пони распоряжение жителями Кертинеллы. Вздыхнув, он перекатился на бок, встал и потянулся. Подошел к окну, отметив мимоходом, что меч Пони не висит рядом с его собственным. Это, однако, не удивило его; окончательно проснувшись, он точно знал, где она.

Отодвинув занавески, он понял, что день уже наступил. Небо затянули плотные серые облака, но чувствовалось, что солнце поднялось над горизонтом. Дни стали заметно короче — шел декабрь, двенадцатый и последний месяц года, и до зимнего солнцестояния осталось всего три недели.

Взглянув в сторону леса, Элбрайн увидел то, что и ожидал, — свет костра. Широко расставив руки и наскоро сделав несколько медленных приседаний, он натянул одежду, накинул плащ и взял Ураган, свой чудесный меч, выкованный эльфами и когда-то принадлежавший дяде Мазеру, — символ Элбрайна-рейнджера.

Его дом находился на краю деревни, и по дороге ему никто не встретился. Миновав загон и то, что осталось от сарая, который они с Джуравилем сожгли, убегая от монстров, захвативших Кертинеллу, он углубился в лес.

Снег толстым слоем покрыл землю около недели назад, но с тех пор стало заметно теплее. Сейчас низко над землей стлался густой туман, мешая разглядеть тропинки и голые кусты. Однако Элбрайн хорошо знал дорогу к маленькой, защищенной со всех сторон полянке, где обычно проходил их с Пони утренний ритуал: эльфийский танец с мечом, би'нелле дасада.

Элбрайн приближался к полянке совсем неслышно, чтобы не помешать Пони. Он хотел посмотреть, как она исполняет танец, когда думает, что за ней не наблюдают.

И вот он увидел ее; на сердце сразу же стало спокойнее, по телу разлилось приятное тепло.

Женственное, полностью обнаженное тело окутывала легкая туманная дымка. Густые светлые волосы, сейчас отросшие немного ниже уровня плеч, волной вздымались при каждом повороте; голубые глаза искрились. Прекрасный тонкий меч с гордым именем Победитель серебристо сиял в свете туманного утра или отсверкивал оранжевым, когда на него падал отблеск горящего рядом костра.

Пригнувшись, чтобы она его не заметила, Элбрайн не сводил с Пони взгляда. Подумать только, было время, когда она лишь мечтала освоить би'нелле дасада и подглядывала за ним, исполняющим этот танец. Какой хорошей ученицей она оказалась! Он восхищался ею, но при этом испытывал смешанные чувства. С одной стороны, его пленяли красота и совершенство ее движений, та степень гармонии, которой ей удалось достичь за столь короткое время, а с другой стороны... Да что греха таить, с другой стороны, его охватило вполне естественное желание. Они с Пони не были вместе с конца лета, с тех самых пор, как на пути в Санта-Мер-Абель, когда они еще только шли освобождать Смотрителя, она неожиданно нарушила их клятву воздержания и соблазнила его. Впоследствии Элбрайн не

раз пытался снова воззвать к ее чувствам, но тщетно.

Сейчас, глядя на нее, он чувствовал себя околдованным. Такая гладкая кожа, такие изумительные изгибы тела, такие плавные, перетекающие друг в друга движения сильных, совершенных по форме бедер и ног. Нет, определенно, она самая красивая и желанная женщина на свете... До Элбрайна внезапно дошло, что он тяжело дышит, а все тело у него пылает жаром, хотя день был весьма и весьма прохладный!

Он развязал плащ, бросил его на землю и снял всю остальную одежду. Взял в руки меч и вышел из кустов. Пони заметила его, лишь когда он оказался на расстоянии шага. Испугавшись, она резко повернулась и не ответила на его улыбку.

Он не ожидал такой реакции — плотно стиснутые зубы, недобрый блеск голубых глаз. Однако последующее удивило его еще больше. Внезапным яростным рывком Пони вонзила меч глубоко в землю.

— Я... У меня и в мыслях не было помешать тебе, — запинаясь произнес он как потерянный.

Действительно, что он такого сделал? Они вместе упражнялись в би'нелле дасада вот уже на протяжении нескольких недель, совершенствуя стиль борьбы и стараясь добиться полной гармонии движений. В какой-то мере им обоим совместный танец с мечом заменял другую форму близких отношений — ту, от которой они по обоюдному согласию временно отказались.

Шея и плечи Пони блестели от пота. Единственной ее реакцией были тяжелое дыхание и прикованный к Элбрайну сердитый взгляд.

— Я могу уйти, если пожелаешь... — начал было он.

Однако внезапно Пони прервала его. Выбросив вперед руку, она ухватила его за волосы, притянула к себе, поднялась на цыпочки и впилась ему в губы жадным поцелуем.

Не выпуская из рук меча, Элбрайн обнял ее, хотя все еще несколько скованно, не зная точно, как далеко ему будет позволено зайти.

Пони, похоже, не возражала. Напротив, ее поцелуй становился все более страстным, все более жаждущим. Элбрайн больше не был эльфийским воином. Однако у него хватило разума в конце концов слегка оттолкнуть Пони, прервать поцелуй и вопросительно взглянуть на нее. Ведь они недаром отказались от интимных отношений, несмотря на то что ни от кого не скрывали своей любви и были — в глазах всех, кто знал их, в своих собственных сердцах и, как они верили, в глазах Бога — мужем и женой. Однако обязанности Пони были слишком ответственны и сопряжены с опасностью не меньше, чем служение Элбрайна, чтобы стоило идти на риск возможной беременности.

Все это она и прочла в его взгляде, но вместо ответа лишь глухо заворчала, выхватила у него меч, швырнула его на землю, обняла Элбрайна и снова впилась губами в его губы, водя руками по спине и бедрам.

Никаких сил сопротивляться у него не осталось. Он хотел Пони слишком страстно, любил слишком горячо. Продолжая целовать Элбрайна, она резко опустилась на землю, потянув его за собой. Он начал было действовать, как всегда, медленно и не спеша, наслаждаясь каждым моментом их любовного слияния.

Ничего не получилось. Пони набросилась на него, как изголодавшийся зверь на добычу. На этот раз их слияние было быстрым и оглушительным, оставив Элбрайна в полном смятении мыслей и чувств. Прежде они всегда любили друг друга с нежностью и теплотой, с ласковыми поглаживаниями и бессмысленным, но таким приятным лепетом влюбленных. Сейчас все происходило исключительно на физическом уровне; звуки, срывающиеся с губ Пони, выражали яростное желание, и ничего больше. Элбрайн, конечно, прекрасно понимал, что эта внезапно прорвавшаяся ярость нацелена не на него, а на весь мир; просто благодаря ему, Элбрайну, она обрела возможность излить ее. Таким образом она освобождалась от ужаса и боли, накопившихся в ее душе. И Элбрайн подчинился, попытался дать Пони то, что ей, по-видимому, в данный момент больше всего было нужно.

Когда все закончилось, они, завернувшись в плащ Пони, сидели у костра в объятиях

друг друга, не произнося ни слова. Слишком ошеломленный и переполненный чувствами, испытывая облегчение и усталость, Элбрайн задремал и не заметил, как Пони выскользнула из его объятий.

Когда он очнулся, она сидела рядом с тем местом, где лежали их мечи, завернувшись в плащ Элбрайна. Вид у нее был отсутствующий, на щеках блестели слезы.

Чувствуя смущение, он перевел взгляд вверх, на пустое серое небо. Она тоже смущена, понял он и решил набраться терпения не задавать никаких вопросов. Она сама придет к нему и все объяснит, когда...

...когда будет готова.

Спустя час, когда он вернулся в Кертинеллу, там уже кипела обычная дневная суета. Он пришел один. Пони покинула его, так и не сказав ни единого слова. Просто нежно поцеловала то ли в знак извинения, то ли чтобы показать, что с ней все в порядке. Элбрайн не нуждался ни в каких извинениях и на данный момент удовлетворился таким «объяснением»; однако, что бы ни сказала или сделала Пони, это не развеяло его опасений за нее. То, что произошло между ними сегодня утром, было ей необходимо, дало успокоение и освобождение, но Элбрайн знал, что демоны в душе его возлюбленной еще живы.

Даже идя на встречу с Томасом Джинджервортом, он думал о Пони, ломал голову над тем, как ей помочь.

Элбрайн пришел раньше, чем они договаривались, однако Томас уже ждал его в сарае в самом центре деревни, выполняющем роль общего дома. Коренастый, невысокий мужчина, закаленный долгими годами нелегкого крестьянского труда, Томас при виде Элбрайна поднялся и протянул ему руку. Тот пожал ее, отметив, что кожа у него шероховатая, а рукопожатие сильное. Удивительно, но за все время их знакомства они впервые обменялись рукопожатием. И вдобавок смуглое лицо Томаса расплылось в широкой улыбке, что тоже случилось нечасто.

Все у него наконец сладилося, понял Элбрайн.

— Как дела у Полуночника сегодня, в такой прекрасный день? — спросил Томас. Элбрайн пожал плечами. — Ну-ка попробую угадать. Твоя очаровательная подруга прошла по деревне всего несколько минут назад оттуда же, откуда и ты, — из северной части леса.

Томас подмигнул ему, добродушно и без малейшего намека на непристойность, но лицо Элбрайна не изменило хмурого выражения.

— С караваном все в порядке. — Томас смущенно откашлялся и сменил тему разговора. — Жаль, что время упущено, а то можно было бы отправиться еще в этом году.

— Мы должны дождаться, пока мороз ослабеет.

— Мы? — с улыбкой спросил Томас.

С тех самых пор, как Элбрайн и Пони пришли в Кертинеллу, он пытался уговорить Полуночника сопровождать караван, который, по его замыслам, должен был направиться в Тимберленд. Однако Элбрайн отвечал уклончиво и был явно не склонен совершать это путешествие. Томас постоянно давил на него, но тщетно, хотя некоторые торговцы заявляли, что не дадут ни денег, ни припасов, если Полуночник не согласится сопровождать караван.

Элбрайн посмотрел в полное надежды, иссеченное ветрами лицо Томаса Джинджерворта и напомнил себе, что этот человек его друг.

— Я пойду с вами, — решительно заявил он. — Когда-то Дундалис был нашим с Пони домом. Мы не можем остаться в стороне, если речь идет о восстановлении его и других деревень.

— Но разве военные не рассчитывают на тебя? — спросил Томас.

Ни для кого не было секретом, что Полуночник помогал капитану Шамусу Килрони обеспечивать безопасность в округе. По слухам, они стали друзьями, и Пони тоже очень тепло относилась к этому человеку.

— Капитан Килрони полагает, что этому региону никакая опасность больше не угрожает, — ответил Элбрайн. — Похоже, он настроен отвести свою бригаду в Палмарис.

Вчера Пони беседовала с ним... и, по-моему, хочет поговорить еще раз сегодня утром. — Томас кивнул, хотя явно не пришел в восторг от сообщения о возможной передислокации военных. — Она попытается убедить его задержаться тут еще на какое-то время, может быть даже на всю зиму, а весной уйти с нашим караваном на север. Ведь это в интересах короля — чтобы торговля с Тимберлендом восстановилась как можно скорее.

— Да уж, — ответил Томас. — Купец Комли, один из главных спонсоров нашего каравана, — личный друг короля Дануба Брока Урсальского. Комли и в голову не пришло бы даже задуматься о походе на север, если бы он не был уверен, что король хочет как можно скорее возобновить торговлю с Тимберлендом.

Логично, считали оба собеседника. Во время войны многие парусные суда затонули или пострадали во время стычек с «бочками» поври, а строевой лес, пригодный для изготовления мачт, поступал только из Тимберленда — местности, где находились деревни Дундалис, Сорный луг и На-Краю-Земли.

— Возможно, Комли или кому-то из его людей имело бы смысл также поговорить с капитаном Килрони, — сказал Элбрайн.

— Я обдумую это, — ответил Томас. — Рад, что Полуночник и Пони будут с нами в этом опасном путешествии. Нет нужды доказывать тебе, что мои страхи не лишены оснований. Никто не знает, где находятся сейчас остатки армии демона. Может, на севере десять тысяч гоблинов, поври и великанов раскинули лагерь и преспокойно распевают кроважанные песни!

Элбрайн недоверчиво улыбнулся. Монстры на севере, конечно, наверняка есть, но не в таком количестве, как предположил Томас, поскольку организующая их сила в лице демона дактиля уничтожена.

— Хорошо бы Роджер Не-Запрешь был здесь и тоже отправился с нами, — внезапно сказал Томас.

— Белстер найдет его, как только тот вернется в Палмарис.

Роджер сопровождал барона Рошфора Бильдборо, отправившегося на переговоры с королем. Возвращаясь из Санта-Мер-Абель и проходя через Палмарис, Элбрайн и Пони не только ввели Белстера во владение «Другом», но и поручили новому хозяину трактира найти Роджера после его возвращения из Урсала. Элбрайн не сомневался, что молодой человек нагонит их, как только барон отпустит его.

— Надеюсь, он вернется к началу баффэя, — сказал Томас. — Вряд ли мы раньше отправимся в путь. Только бы погода не подвела.

Элбрайн увидел, как напряглось лицо Томаса. Как и многие другие, Томас страстно желал как можно скорее отправиться на север, и потому проблема погоды очень волновала его. Для короля Хонсе-Бира, для барона из Палмариса, для купцов и людей наподобие Томаса было очень важно, чтобы именно жители Хонсе-Бира заселили освобожденные от монстров земли Тимберленда и начали снова вывозить на продажу строевой лес для мачт. По договоренности между Хонсе-Биром, Бехреном и Альпинадором Тимберленд считался «ничейной» территорией, не подчиняющейся ни одному из королевств. Но этот регион всегда приносил Хонсе-Бире очень большую прибыль, и потому король и купцы стремились к тому, чтобы там поселилось как можно больше выходцев из их королевства. Не так давно разнесся слух, что альпинадорцы собираются освоить пустынные области Тимберленда. Конечно, такое развитие событий не помешало бы вывозить оттуда строевой лес, однако все понимали, что в этом случае цена на уникальную древесину могла бы резко подскочить.

Элбрайн понятия не имел, насколько правдивы эти слухи: их могли распускать сами торговцы, чтобы таким образом ускорить отправку каравана. Но он был сторонником возвращения на север, и на то у него имелись сугубо личные причины. Когда-то его отец, Олван Виндон, переселился в Дундалис, чтобы осваивать приграничные земли, где прежде не ступала нога человека, и увидеть то, что до него не видел никто из людей. Олван гордился своей судьбой и был признанным, хотя и неофициальным главой Дундалиса.

До тех пор, пока не пробудилась Тьма.

Именно в тех краях, неподалеку от Дундалиса, Элбрайн нашел в заповедной роще могилу Мазера, своего погибшего дяди, тоже рейнджера, воспитанного эльфами до него, и в ней — Ураган, меч, когда-то принадлежавший Мазеру. И в том же лесу около Дундалиса Элбрайн встретил кентавра по имени Смотритель, ставшего ему другом и недавно, можно сказать, восставшего из могилы. И там же кентавр познакомил Элбрайна с удивительным черным жеребцом Даром, с которым Полуночника тоже связывала самая тесная дружба.

Он всеми корнями был связан с этими местами и теперь воспринимал возвращение туда как долг перед отцом и остальными членами семьи. Он обязан был вернуться, помочь в восстановлении Дундалиса и двух других деревень, а потом нести службу как защитник людей, которые поселятся там, и всего живого, обитающего в окрестных лесах.

— Говорят, все, кто поселится на севере, получают хорошее вознаграждение, — заметил Томас, довольно потирая руки.

Увы, подумал Элбрайн. Того, кто мечтает отправиться в Тимберленд с целью разбогатеть, ждет большое разочарование. Там очень и очень трудная жизнь. Ее основу составляют охота, рыбалка и нелегкий крестьянский труд; на торговле деревом не проживешь. Нет, люди, стремящиеся разбогатеть, в Тимберленде не селятся; туда уходят те, кому дорога свобода, которую больше нигде не найти. Они получают свое «вознаграждение», можно не сомневаться, но оно будет несравненно ценнее, чем королевское золото.

— Не стоит опережать события, — сказал Элбрайн. — Возможность восстановить и заново заселить Дундалис и другие деревни зависит от того, остались ли монстры в этой пустынной местности. Если они все еще там, восьмидесяти человек, которые идут с тобой на север, не хватит, чтобы выбить их оттуда.

— Именно поэтому мы и просим Полуночника пойти с нами, — Томас подмигнул ему. — И конечно, Пони.

— Именно поэтому Пони и пытается убедить капитана Килрони остаться в Кертинелле на зиму, а потом отправиться с караваном на север, — ответил Элбрайн. — Будем надеяться, что он согласится.

— И будем надеяться, что у его солдат там не будет работы, — добавил Томас.

— Ах, Джилсепони! Как грустно видеть твой угасший взор.

Этот неожиданно прозвучавший мелодичный голос не напугал Пони, в глубине души надеявшуюся, что Белли'мар Джуравиль где-нибудь поблизости. Она пришла в эту рощу к югу от Кертинеллы не только из-за того, что отсюда лагерь военных просматривался как на ладони, но в большей степени именно потому, что, по ее предположениям, именно тут мог объявиться эльф, как обычно отправившийся на разведку. Ей хотелось расспросить его о солдатах, чужаках, которых она увидела, выйдя из леса. Эти люди скакали в сторону лагеря.

— Сколько еще ты будешь печалиться? — спросил Джуравиль, и его полупрозрачные крылья затрепетали в воздухе, когда он перелетел на ветку напротив Пони. — Когда в твоих глазах снова вспыхнут искорки, радуя взоры всех, кто любит тебя?

— Я все время думаю о своей семье, — ответила она. — Когда мои родители погибли в Дундалисе, я долгие годы ничего не помнила о них и о случившемся с ними несчастье. Но когда погибли Петтибва и Грейвис, я почему-то помню все.

— В первый раз ты была совсем юная, — попытался утешить Пони Джуравиль. — Слишком юная, чтобы постигнуть всю глубину разыгравшейся трагедии, и потому разум изгнал саму мысль о ней из твоей памяти. Слишком юная, понимаешь?

— А глубину этой трагедии, по-твоему, можно постигнуть?

— Ну... — начал было эльф и смолк, заметив, что Пони почти не слушает его, устремив взгляд на лагерь военных.

Как грустно, что такой молодой женщине, прожившей на свете всего четверть века, довелось дважды пережить потерю семьи! У нее был такой вид, что у Джуравиля заныло сердце: а вдруг ее лицо никогда больше не осветит улыбка?

— Что тебе известно о солдатах, прискакавших в Кертинеллу сегодня утром? —

неожиданно спросила Пони.

— Они из гарнизона в Палмарисе, — ответил Джуравиль. — И они очень спешат. Я держался поблизости, надеясь услышать, о чем они говорят. Но они скакали без остановок и в пути не обменялись ни словом.

Глядя на лагерь, Пони задумчиво покусывала нижнюю губу, и эльф понял, что ее беспокоит. Вдруг эти солдаты присланы сюда с сообщением, что она и Элбрайн беглецы, объявленные вне закона?

— Барон Бильдборо — друг, — напомнил ей Джуравиль. — Твой конь и меч — достаточно убедительное доказательство его хорошего отношения, даже если ты не доверяешь оценке Роджера.

— Нет, доверяю, — торопливо ответила Пони.

Слова Джуравилья угодили в самую точку. Барон Бильдборо, вне всяких сомнений, был противником церкви Абея. И барон Бильдборо понимал, что собой представляет Роджер. Недаром именно ему он поручил передать Пони Грейстоуна и Победителя, ее замечательного коня и чудесный меч.

— Этих солдат прислал сюда барон, а не церковь, — продолжал Джуравиль. — Теперь, когда барон понял, что его любимого племянника убил посланник церкви — и, по-видимому, с благословения, если не по приказу ее главы, — он не станет поддерживать монахов.

— Логично, — сказала Пони, пристально глядя на эльфа. — Скажи, ты хорошо рассмотрел всадников? Среди них нет Роджера?

— Только солдаты, — заверил ее Джуравиль, заметив тень, скользнувшую по прекрасному лицу Пони. — Скорее всего, Роджер еще не вернулся в Палмарис.

— Я просто подумала...

— Ты боишься за него? Напрасно. Он сопровождает очень влиятельного и уважаемого человека, — напомнил ей Джуравиль. — Мало кто в Палмарисе обладает такой властью и могуществом, как барон Рошфор Бильдборо.

— Если не считать главы аббатства Сент-Прешес.

— Ну, он обрел власть совсем недавно, — возразил Джуравиль. — Позиция барона Бильдборо гораздо устойчивее, поскольку он правит Палмарисом уже давно и все его предки тоже занимали там видное положение. С ним Роджер в полной безопасности. — Похоже, этот аргумент убедил Пони. — И все же ты хочешь, чтобы он поскорее вернулся. — Пони кивнула. — Хочешь, чтобы он сопровождал караван в Дундалис.

У Джуравилья были кое-какие подозрения. Как и все тол'алфар, он обладал способностью внимательно смотреть и слушать, все подмечать, вникать в ситуацию и размышлять, а потом, казалось бы совершенно неожиданно, доискиваться до сути.

— Роджер может оказаться очень полезен. Кроме того, я беспокоюсь за него и предпочла бы, чтобы он оставался с Элбрайном до тех пор, пока не освоится в большом мире и не научится отличать друзей от врагов, — заявила Пони.

— Что значит — с Элбрайном? — спросил дотошный эльф. — С вами обоими, ты имеешь в виду?

Пони неопределенно пожала плечами, и этот двусмысленный ответ лишь усилил подозрения эльфа насчет того, что сама она не собирается отправляться на север с караваном.

— Мне нужно встретиться с капитаном Килрони, — сказала она в конце концов.

— Не исключено, что в ближайшее время его отзовут в Палмарис, — откликнулся Джуравиль. — Тут нет монстров, — добавил он, заметив удивленное выражение на ее лице. — Его бригада может лучше послужить королю в другом месте.

— Неподалеку засела целая шайка поври, которую он хочет уничтожить до своего возвращения, — ответила Пони. — И в интересах Элбрайна я буду просить его остаться здесь на зиму, а потом вместе с караваном отправиться в Дундалис.

— Разумно. А Джилсепони тоже собирается в путь вместе с караваном? — напрямую спросил Джуравиль. Она молчала; чувствовалось, что вопрос задел ее за живое. — Элбрайн,

без сомнения, уверен, что ты пойдешь с ними. И Томас Джинджерворт тоже. Я слышал, как он говорил об этом.

— Тогда почему ты спрашиваешь...

— Потому что мне кажется, что ты не собираешься идти с ними, — ответил Джуравиль. — Ты не хочешь возвращаться домой?

Он поймал ее, поняла Пони — и непроизвольно бросила взгляд в южном направлении.

— Конечно, я вернусь в Дундалис, — ответила она. — Раз Элбрайн идет туда, значит, и мое место там.

— Но ты бы хотела жить в другом месте?

— Я ничего такого не говорила. Но, ясное дело, если я захочу поселиться где-то еще, Элбрайн последует за мной.

— Однако ты еще не решила?

Пони снова пожала плечами.

— Я вернусь в Дундалис, но не с караваном, — призналась она. Несмотря на то что он предполагал возможность такого поворота событий, эти слова ошеломили Джуравиль. — Мне надо ненадолго вернуться в Палмарис. Хочу повидаться с Белстером О'Комели, посмотреть, как он управляется с «Другом».

— Но можно успеть и в Палмарисе побывать, и вернуться еще до того, как отбудет караван, — возразил Джуравиль.

— Пока что я по горло сыта и севером, и сражениями, — чуть-чуть резковато ответила Пони.

— Скорее всего, так оно и есть, но только отчасти. — На лице эльфа заиграла улыбка. — На самом деле сражения только начинаются. Отец-настоятель церкви Абея объявил войну семье Джилсепони, и теперь она хочет объявить войну ему.

— Не я первая начала...

— Нет, не ты, — перебил ее эльф. — Ты собираешься вернуться в Санта-Мер-Абель, чтобы вести борьбу против тысячи монахов, обученных воевать и вооруженных магическими камнями? Или хочешь напасть на аббатство Сент-Прешес, новый глава которого, по словам магистра Джоджонаха, один из самых лучших воинов, когда-либо выходивших из стен Санта-Мер-Абель? А как насчет Элбрайна? — продолжал эльф, торопливо семени вслед за Пони, которая зашагала в сторону лагеря. — Каково ему будет узнать, что ты лишила его возможности помочь тебе в этой борьбе?

— Хватит! — не выдержала Пони, резко повернувшись к нему лицом. — Я не собираюсь лишать Элбрайна чего-то.

— Если ты намерена воевать в одиночку, тогда это именно так и выглядит.

— Ты ничего не знаешь.

— Тогда расскажи мне.

Эти простые слова напомнили Пони, что Джуравиль — друг, настоящий друг, которому можно доверять. Она немного успокоилась.

— Я не для того ухожу на юг, чтобы объявлять кому-то войну. Хотя, будь уверен, церковь Абея заплатит за ту боль, которую они мне причинили. — По спине Джуравиль пробежал озноб; никогда прежде Пони не говорила так холодно, так сурово. И ему это не нравилось, совсем не нравилось. — Но с этим можно и обождать. Для Элбрайна и Роджера на первом месте стоит проблема Дундалиса; если, конечно, Роджер вернется к нам. И еще, безусловно, нужно дождаться результатов переговоров барона Бильдборо с королем. Очень может быть, война с церковью перестанет быть моим личным делом.

— Тогда почему твой взор обращен на юг? — спросил Джуравиль.

— По пути в Санта-Мер-Абель, когда я думала, что впереди нас ждет или конец, или решение всех проблем, я соблазнила Элбрайна.

— Что же тут такого? — усмехнулся эльф. — Вы муж и жена, в конце концов.

— Мы недаром договорились пока воздерживаться, потому что боялись...

— Ты ждешь ребенка! — Джуравиль широко распахнул золотистые глаза. Пони не

стала опровергать его догадку. — Но может, ты ошибаешься? С тех пор прошло всего несколько недель.

— Я знала это уже на следующее утро после того, как все произошло, — сказала Пони. — Не могу объяснить, в чем тут дело — в том, что я владею каменной магией, или в чудесах, которые способна творить сама жизнь, — но я знала, совершенно точно знала. И все, что происходило дальше, — или, точнее говоря, не происходило — подтверждает тот факт, что я жду ребенка, Белли'мар Джуравиль.

Слушая ее, эльф улыбался все шире, думая о том, каковы перспективы этого ребенка, с такими-то родителями. Правда, его улыбка погасла, когда он заметил хмурое выражение на лице Пони.

— Тебе радоваться надо, — сказал он, — а не делать такую кислую физиономию.

— Война еще не окончена, — ответила Пони. — И Дундалис необходимо восстановить.

— Все это сейчас должно отойти на второй план, Джилсепони Виндон. Думай только о том, что происходит внутри тебя. Важнее этого для Элбрайна и тебя нет ничего.

Имя Джилсепони Виндон вызвало мимолетную улыбку на лице Пони — никогда раньше Джуравиль так ее не называл.

— Не говори Элбрайну, — попросила она. — Ни о моих планах в отношении юга, ни о моем... нашем ребенке.

— Он имеет право знать, — запротестовал эльф.

— Он и узнает, но я сама ему скажу, — сказала Пони, и Джуравиль отвесил ей почтительный поклон. — Ладно, я иду к капитану Килрони. Нужно узнать, зачем тут появились эти солдаты.

Она пошла дальше, и эльф следовал за ней точно тень. Если они ошибаются насчет этих солдат, если те и впрямь ищут Элбрайна и Пони, тогда Джуравиль будет рядом с ней; а как еще должен поступить друг?

По дороге он задумался над тем, что для него означает это слово: «друг». Что подумала бы госпожа Дасслеронд да и все остальные тол'алфар, если бы узнали, как много для него скрывается за этим словом применительно к Элбрайну и Пони? Почти все эльфы по-дружески относились к Полуночнику, когда он жил в их долине, и даже Тантан со временем прониклась теплыми чувствами и к нему, и к Джилсепони. Но до сих пор — и когда Джуравиль решил сопровождать Элбрайна и его друзей на гору Аида, куда они шли, чтобы сразиться с демоном; и когда по дороге он вызвался доставить беженцев в эльфийскую долину; и когда госпожа Дасслеронд позволила этим несчастным остаться у них; и даже когда Тантан тоже отправилась на Аиду и там погибла — эльфы действовали из прагматических соображений, понимая, что тем самым помогают самим себе. Теперь Элбрайн и Пони опять вовлечены в самую настоящую войну, которая, однако, касается только людей; участие в ней не принесло бы эльфам никакой выгоды. Тем не менее у Джуравилья даже и мысли не было о том, чтобы устраниваться от нее.

Он будет сражаться вместе со своими друзьями — и умрет вместе с ними, если такова судьба. Почему он отправился с ними в Санта-Мер-Абель, чтобы спасти Смотрителя и приемных родителей Джилсепони? Только из соображений дружбы; обычный эльфийский прагматизм был тут совершенно ни при чем.

Он знал, что госпожа Дасслеронд не одобрит его поведения; конфликт между его друзьями и церковью относился к разряду тех, которые должны были разрешать исключительно сами люди. Уже не в первый раз действия Джуравилья выходили за рамки принципов, действующих внутри эльфийского сообщества и гласивших, что благополучие эльфов превыше всего. Жизнь одного-единственного эльфа ценнее жизни тысячи представителей любой другой расы, даже людей, к которым эльфы относились совсем неплохо.

Однако Джуравиль сейчас не отставал от Пони. Если ей придется сражаться, он будет биться бок о бок с ней.

Разговор с Томасом закончился, когда, направляясь в сторону лагеря военных, по деревне проскакали солдаты. Элбрайн тут же пошел разыскивать Дара. Как и Пони, он опасался, что появление этих солдат имеет отношение к магическим камням и бегству кентавра из Санта-Мер-Абель. По его предположению, Пони как раз сейчас должна была разговаривать с капитаном Килрони. На душе у Элбрайна заметно полегчало, когда, оказавшись около лагеря, он не увидел никаких признаков сражения: если бы солдаты попытались схватить Пони, она пустила бы в ход магию и сровняла бы с землей половину лагеря!

— Приветствую тебя, Полуночник! — окликнул его караульный.

Второй солдат подошел, чтобы принять поводья Дара, но Элбрайн только рукой махнул.

— Кто к вам прибыл? — спросил он.

— Они из гарнизона в Палмарисе, — ответил солдат. — Сейчас разговаривают с капитаном Килрони.

— И Джилсепони с ними?

— Она еще не приходила, — ответил солдат.

Элбрайн поскакал дальше, в глубь лагеря. Все, кто попадался навстречу, тепло приветствовали его; за последние несколько недель он сумел завоевать их уважение во время стычек с недобитыми монстрами. Теперь солдаты понимали, какая это удача, что Полуночник — и Джилсепони! — с ними. Элбрайн, в свою очередь, тоже проникся уважением к этим храбрым людям.

Однако его тревога усилилась, как только он спешился и вошел в палатку капитана Килрони. На лицах всех присутствующих застыло такое мрачное выражение, что Элбрайн невольно положил руку на рукоятку меча.

— Есть какие-нибудь новости? — первым делом спросил он.

Килрони поднял на него взгляд. Капитан был выше и массивнее Элбрайна, но не обладал такой великолепной мускулатурой. Аккуратно подстриженная борода, усы и густые волосы были огненно-рыжие. Яркие синие глаза выражали сейчас печаль и озабоченность.

Шамус Килрони бросил взгляд на женщину, возглавляющую прибывший из Палмариса отряд, и Элбрайн напрягся, ожидая чуть ли не нападения.

— Какие новости? — требовательно повторил он.

— Кто это? — спросила женщина, довольно полная, с копной таких же жгуче-рыжих, как у Килрони, волос и с такими же пронзительно-синими глазами.

Элбрайн подумал, что они, возможно, родственники, хотя женщина говорила скорее на сельском диалекте, в то время как речь Шамуса Килрони была очень правильной и отличалась прекрасной дикцией.

— Союзник, который помогает моей бригаде как разведчик, — ответил Килрони.

— Просто разведчик? — в упор глядя на Элбрайна, женщина вопросительно подняла бровь.

В ее глазах промелькнуло выражение подозрительности и одновременно любопытства.

— У меня нет времени даже начать перечислять все, что он для нас сделал, — нетерпеливо ответил Килрони. — Барон Рошфор Бильдборо мертв, — ответил он на вопрос Элбрайна.

Зеленые глаза Полуночника широко распахнулись — прежде всего он подумал о Роджере.

— Убит на дороге к югу от Палмариса, — объяснила женщина решительным мрачным тоном. — Вроде бы на его карету напал какой-то зверь. Дикий кот, скорее всего.

— На пути из Урсала? — спросил Элбрайн.

— На пути в Урсал, — уточнила женщина.

— Но ведь это было несколько месяцев назад! — удивился Элбрайн.

Если женщина сказала правду, то получается, что они с Пони прошли через Палмарис

уже после убийства, а между тем ничего о нем не слышали.

— Уж простите, но мы не считали, что нужно в первую очередь скакать сюда, — с иронией заметила женщина. — Есть люди познатнее капитана Шамуса Килрони и его новоиспеченного друга, которым требовалось сообщить новость раньше.

— А что случилось со спутниками барона? — спросил Элбрайн, не обращая внимания на ее язвительный тон.

— Все убиты.

Элбрайна охватило смятение.

— Они разбили лагерь, — сказал один из солдат. — Впечатление такое, будто их застали врасплох. Барон попытался спрятаться в карете, но кот залез туда и разорвал его на части.

Слушая это объяснение, Элбрайн все больше сомневался в том, что речь идет об обыкновенном диком коте. За годы жизни с тол'алфар он прекрасно изучил повадки животных. Да, в этой местности водились огромные дикие коты, хотя между Урсалом и Палмарисом, едва ли не в самой цивилизованной части королевства, их почти не осталось. И к тому же они никогда не нападали на группу людей. Кот мог наброситься на одинокого человека единственно с целью пропитания или в том случае, если бы кто-то попытался отнять у него добычу. Но чтобы он преследовал человека, спрятавшегося от него в карете...

— Я своими глазами видел, как они лежали в луже крови, разорванные на куски, — закончил солдат.

— А кого убили первым? — спросил Элбрайн.

— Судя по всему, караульного у костра, — ответил солдат. — Он даже не успел выхватить оружие. А потом зверюга разделался с остальными охранниками.

— Значит, барон погиб последним? В карете?

Солдат кивнул, плотно сжав губы.

Бессмыслица какая-то, подумал Элбрайн. Разве что зверь был болен или — что уж совсем маловероятно — там было несколько котов.

— Кот много сожрал? — спросил он.

— Все люди были изодраны в клочья, — ответил солдат. — Внутренности вывалились наружу. У одного в разорванной груди было даже видно сердце! А сколько кот съел, я не знаю.

— К чему все эти подробности? — недовольно спросила женщина.

Килрони бросил на Элбрайна предостерегающий взгляд, но тот уже поднял руки, показывая, что прекращает расспросы. Все понятно. Ему это и не требовалось. Ни один голодный кот не оставит несожженным такой лакомый кусочек, как сердце, и ни один не станет догонять убегающего человека, когда вокруг полно убитых. Если рассказ солдата соответствует действительности, барона убил не обычный зверь.

И тут возникли совсем уж неприятные мысли. Элбрайн много раз видел, как работают с магическими камнями, подолгу беседовал о них с братом Эвелином и знал о существовании одного, способного превратить человеческую руку в тигриную лапу.

— Ты знал тех, кто сопровождал барона? — спросил он солдата.

— С одним мы вроде как дружили, — ответил тот, — а остальных я видел прежде. Личная охрана барона, вот кто они были.

— Я слышал, что вместе с бароном Бильдборо путешествовал еще один человек, не охранник...

— А-а, такой коротышка, — сказала женщина. — Да, мы тоже слышали о нем.

— Его тело обнаружили?

— Вроде нет, — ответил солдат.

И то хорошо, подумал Элбрайн, хотя это еще ни о чем не говорило. Кот — если это был кот — мог оттащить Роджера подальше и сожрать позже. А если это был монах, он мог захватить Роджера в плен, чтобы выпытать у него сведения об Элбрайне и Пони.

— С какой целью вы сюда прибыли? — спросил он женщину.

— Чтобы сообщить капитану Килрони о бароне.

— Смерть барона будет иметь очень тяжелые последствия для Палмариса, — заметил Шамус Килрони. — В особенности если учесть, что она последовала почти сразу же после убийства аббата Добриниона.

— В городе и без того в последнее время неспокойно, — добавила женщина. — Новый аббат только что вернулся из поездки в Санта-Мер-Абель на эту их... да, Коллегию аббатов. Наверное, рассчитывает и на что-то большее, хотя у него есть соперники.

Эти слова только подтверждали худшие опасения Элбрайна. Ему уже приходилось иметь дело с новым главой аббатства Сент-Прешес. Встреча была короткой, но вполне достаточной для того, чтобы сделать вывод: Де'Унnero человек неприятный, заносчивый и плохо владеющий собой. Со смертью Бильдборо во властной структуре Палмариса образовалась брешь — его единственный племянник, Коннор, был мертв, и аббат Добринион тоже, — и, можно не сомневаться, Де'Унnero поспешит ее заполнить. А тот факт, что он тут же отправился в Санта-Мер-Абель, вызывал опасения, не прихватил ли он с собой и пленника, Роджера Не-Запрешь.

У Элбрайна возникло чувство, будто церковь Абеля — огромный черный монстр, поднимающийся, чтобы затмить солнце. Сопоставив свое путешествие в Аиду для сражения с демоном и последующий поход в Санта-Мер-Абель с целью освобождения кентавра из когтей отца-настоятеля, он начинал понимать, что эти две миссии не слишком отличались друг от друга, — если отличались вообще.

— А ты что собираешься делать дальше? — спросил он Килрони.

Тот беспомощно вздохнул.

— Придется возвращаться в Палмарис. Город нуждается в защите.

— Здесь ты тоже нужен, — напомнил ему Элбрайн. — Что, если с наступлением зимы сюда явятся монстры, которых здешним жителям без вас не одолеть? А ведь существует еще проблема каравана.

— Сравнил тоже — очистить Тимберленд от монстров и охранять Палмарис! — с негодованием возразила женщина.

Она подошла к капитану, глядя на него таким взглядом, который наводил на мысль о близком знакомстве между ними или, снова подумал Элбрайн, о родственных взаимоотношениях.

Он посмотрел на Килрони, но тот лишь пожал плечами, давая понять, что ему нечего противопоставить простой логике последних слов.

— А что будет с бандой поври тут, по соседству? — спросил Элбрайн.

Ведь совсем недавно они условились разделаться с «красными шапками», по каким-то причинам задержавшимися неподалеку и представлявшими угрозу для всякого, осмелившегося выйти за пределы охраняемой зоны вокруг деревень Кертинелла и Ландедаун.

— Предлагаю покончить с ними, не откладывая, — заявил Шамус Килрони и затем, не обращая внимания на протесты женщины, заговорил тоном, не оставляющим места для дебатов. — После чего, если погода не помешает, мы тут же отправимся в Палмарис. — Женщина заворчала и вперила в Элбрайна сердитый взгляд. — Я дам тебе Полуночника, — добавил Шамус, который в конце концов все же решил представить его.

— Полуночник? — неохотно переспросила женщина. — Странное имя.

— А это сержант Колин Килрони из охраны Палмариса, — продолжал Шамус.

— Сестра? — спросил Элбрайн.

— Кузина, — ответил Шамус с таким видом, точно ему на язык попало что-то горькое.

— Из лучшей части нашей семьи, — тут же вклинилась в разговор Колин, и Элбрайн не понял, шутит она или говорит серьезно. — Ох, конечно, мой кузен обучался в Урсале — всякие там светские разговоры и прочее. Ему даже доводилось обедать за королевским столом. — Шамус недовольно заворчал, но она лишь усмехнулась с ироническим видом и посмотрела на Элбрайна. — Ну, господин Полуночник...

— Просто Полуночник, — поправил он ее.

— Ну, господин Полуночник, — продолжала она, будто ничего не слышала, — ты добился своего и сможешь покончить с «красными шапками». Я и мои люди отправимся с тобой, чтобы поразмяться. Все мы здорово переживаем из-за того, что случилось в Палмарисе. Может, это будет и неплохо для нас — разрядиться на поври.

Сопровождающие ее солдаты угрюмо согласились.

— У нас мало времени, — сказал Шамус Килрони. — Нужно найти и подготовить подходящее поле боя.

— Какое еще поле боя? — тут же вскинулась Колин. — Где меч выхватишь, там тебе и поле боя.

Элбрайн перевел взгляд с капитана на его кузину. Судя по всему, между ними существовало сильное соперничество; в бою это могло плохо кончиться.

— Я разведую, куда ушли поври, и подыщу подходящее место для нападения. — С этими словами он вышел из палатки.

— Наивный, — вслед ему сказала Колин.

— Никто не справится с этой задачей лучше Полуночника, — ответил ей Шамус.

Покачивая головой и улыбаясь, Элбрайн сел на Дара и поскакал прочь, почти сразу же забыв об этой женщине и сосредоточившись на мрачных новостях, которые она привезла.

Едва оказавшись за пределами лагеря, он встретил Пони. Бросив на него подозрительный взгляд, она поняла, что дело плохо.

— Барон Бильдборо убит еще на пути в Урсал. — Элбрайн спешил и встал рядом с женой. — И вся его охрана тоже, хотя Роджера среди мертвых не нашли.

— Снова поври? — послышался из-за деревьев ироничный голос Джуравиля. — Наверняка тот же, что убил аббата Добриниона.

— В твоих словах, может, даже больше смысла, чем ты думаешь, — ответил Элбрайн. — Те, кто нашел барона, говорят, что его убил дикий кот. Однако описание останков никак не соответствует повадкам этого зверя.

— Тигриная лапа, — тут же сообразила Пони.

Этот камень монахи использовали, чтобы превратить свою человеческую руку в лапу дикого кота. Повесив голову, Пони закрыла глаза, и Элбрайн обхватил ее за плечи. Каждое новое столкновение с церковью Абея — или даже сообщение о нем — тяжкой ношей ложилось на плечи Пони; каждое их деяние, полностью лишённое святости, отвергающее все те принципы, которыми руководствовался их друг Эвелин, лишь усиливало боль от потери приемных родителей.

— Палмарис в опасности, — сказал Элбрайн, обращаясь больше к Джуравилю. — Капитан Килрони и его солдаты не задержатся тут надолго. Нужно поскорее разделаться с бандой поври.

— А как же Роджер? — спросила Пони. — Может, он в беде, а мы будем как ни в чем не бывало по-прежнему выполнять тут свои обязанности?

Элбрайн беспомощно развел руками.

— Я же сказал — среди погибших Роджера не нашли.

— Может, его схватили, — предположил Джуравиль.

— Если его увезли в Санта-Мер-Абель, я вернусь туда, — заявила Пони таким холодным тоном, что у Элбрайна мурашки по коже побежали.

На этот раз, предполагал он, она собирается войти туда через главные ворота, и вряд ли те, кто попытается помешать ей, уцелеют.

— Если его захватили, то, конечно, мы отправимся на выручку, — заверил Пони Элбрайн. — Но пока нет никаких доказательств этого, нужно верить в Роджера и делать то, что было намечено.

— Но если мы будем сражаться с поври, а потом уйдем на север, то как узнаем, что случилось с Роджером? — возразила Пони.

Да, все так. Однако Элбрайн по-прежнему не считал, что они должны бросить все и

отправиться на поиски Роджера Не-Запрешь. Паренек выкарабкается. Когда Элбрайн с Джуравилем, спасая его, проникли в захваченную поври Кертинеллу, выяснилось, что он уже сумел освободиться сам.

— Не знаю. Пока не знаю, — признался он. — Но ясно одно: мы должны верить в Роджера. Если, конечно, его не убили там, на дороге. В таком случае ничего уже сделать нельзя.

— Даже отомстить за друга?

Резкие слова Пони глубоко задели Элбрайна. Он посмотрел на нее с таким выражением, точно перед ним была незнакомка, а не самый дорогой для него человек на свете.

Не выдержав его взгляда, Пони опустила голову и вздохнула.

— Конечно, ты сделал бы это. Я боюсь за Роджера, вот и все.

— Можно послать сообщение Белстеру О'Комели, — предложил Джуравиль. — Город слишком велик, и если мы станем просто бродить по улицам, то вряд ли можем рассчитывать наткнуться на Роджера или услышать что-нибудь о нем. А трактир Белстера в самом центре. Понемножечку, по крупице, глядишь, он и выяснит что-нибудь для нас.

— Да уж, в трактир все сплетни стекаются, — с надеждой сказала Пони.

— Я поговорю с Томасом Джинджервортом насчет курьера, которому можно доверять, — предложил Элбрайн.

— Никому нельзя доверять больше, чем мне, — заявила Пони.

Элбрайн остановился и закрыл глаза; понадобилось немало времени, чтобы справиться с охватившим его раздражением. Потом он медленно повернулся к Пони, не сводя с нее пристального, изумленного взгляда.

— Пойду найду Смотрителя, — торопливо сказал Джуравиль. — Мы с ним выясним, где поври, и сегодня же вечером сообщим вам.

С этими словами эльф исчез, оставив этих двоих разбираться между собой; впрочем, они вряд ли его слышали.

ГЛАВА 2 НАСЛЕДНИКИ ДЖОДЖОНАХА

— Есть несколько братьев, которые в самое ближайшее время могут быть переведены в ранг послушников, — сказал отец-настоятель Далеберт Маркворт, неслышно подойдя сзади к брату Браумину Херду.

Они стояли на стене аббатства Санта-Мер-Абель, высоко над холодными водами залива Всех Святых.

Браумин от испуга даже подскочил и повернулся к отцу-настоятелю. У Маркворта были редкие, истончившиеся серебряные волосы, но сегодня он чисто выбрил голову, и это заметно изменило его облик. Уши выглядели крупнее, а застывшее лицо напоминало белую маску. Вглядываясь в это иссохшее лицо, молодой монах заметил искорки — злые? насмешливые? — в обычно безжизненных глазах. И каким бесконечно старым он выглядел!

Тем не менее в последнее время отца Маркворта окружала несомненная аура силы. Браумину казалось, что он даже стал выше и уж точно держался прямее, чем прежде. Двигался он не по возрасту энергично, и Браумин знал, что все мысли о скорой смерти старого негодяя были бы пустой надеждой. Испуг от неожиданного появления Маркворта прошел, но молодой монах по-прежнему не сводил с него взгляда, удивляясь, с какой стати старик поднялся на стену, где гулял пронзительный ветер. Брат Браумин Херд, известный своей дружбой с казненным еретиком Джоджонахом, совершенно очевидно не принадлежал к числу любимцев отца-настоятеля.

— Несколько, — повторил Маркворт, так и не дождавшись ответа от молодого монаха. — И вполне возможно, кое-кто из братьев постарше воспримет их как соперников в борьбе за вакансии, освободившиеся после перевода в Палмарис Маркало Де'Унnero и

смерти еретика Джоджонаха.

Убийства, ты имеешь в виду, мысленно поправил его брат Браумин. Это произошло три недели назад, в середине калембра, одиннадцатого месяца года, когда зима только начала наступление. В Санта-Мер-Абель была созвана Коллегия аббатов, и отец Маркворт, как и следовало ожидать, использовал эту возможность, чтобы добиться официального объявления Эвелина Десбриса еретиком и преступником. Магистр Джоджонах, наставник и друг Браумина, выступил против Маркворта. Он заявил, что, хотя Эвелин выказал открытое неповиновение церкви и бежал, прихватив с собой камни, он был святым человеком и уж никак не еретиком, а если тут кто и еретик, то это Далеберт Маркворт, искажающий церковную доктрину в интересах сил зла.

В то же самое утро магистра Джоджонаха сожгли на костре.

И брат Браумин, поклявшийся своему дорожному наставнику не вмешиваться, беспомощно наблюдал, как сначала пытали, а потом убили его друга.

— Ты заметил, что подготовка к приему новых учеников уже ведется? — спросил Маркворт. — Может показаться, что она началась слишком рано, но если зима в этом году выдастся суровая, то будет трудно даже выйти во двор, чтобы прогнать новичков через Строй Добровольного Страдания.

— Да, отец-настоятель, — механически ответил Браумин.

— Хорошо, сын мой, хорошо. — В голосе Маркворта послышались снисходительные нотки. Он похлопал молодого монаха по плечу — холодным, чисто формальным жестом. — В тебе заложен огромный потенциал, сын мой. При соответствующем руководстве ты сможешь занять место магистра Де'Унnero, а брат Фрэнсис заменит проклятого Джоджонаха.

Стиснув зубы, Браумин сумел промолчать, хотя у него вызывала отвращение сама мысль о том, что брат Фрэнсис Деллакорт, мягкотелый интриган, лакейская душонка, займет место его любимого Джоджонаха.

Стараясь скрыть усмешку, но не слишком преуспев в этом, отец Маркворт ретировался. Молодой монах не сомневался, что отец-настоятель намекал на возможность получения им звания магистра. Этот титул, которого многие домогались, под пятой Маркворта открывал мало практических возможностей и был скорее почетным. Зато если бы Браумин получил его, это позволило бы отцу-настоятелю подавить любые вспышки недовольства внутри церкви Абея. Многие аббаты и магистры с уважением относились к Джоджонаху. Внезапность и жестокость, с которыми Маркворт и аббат Джеховит из Сент-Хонса обвинили, вынесли приговор и казнили его, застали врасплох всех и огорчили очень многих. Конечно, те, кто даже хотел бы протестовать, помалкивали просто из страха — Маркворт и Джеховит в качестве орудия убийства использовали солдат Бригады Непобедимых, элитной охраны самого короля. К тому же никто не осмелился выступить против отца-настоятеля ордена Абея прямо в его родном аббатстве Санта-Мер-Абель, величайшей крепости мира.

Теперь Маркворт прикладывал все усилия, чтобы подвести аргументированную базу под свои тогдашние действия. Он добился объявления Эвелина вне закона, но применение такой же меры к Джоджонаху могло встретить возражения. Возведение в ранг магистра брата Браумина Херда, известного как протеже Джоджонаха, могло бы утихомирить недовольных.

Однако, даже понимая все это, Браумин должен был принять новое назначение, связанный той же клятвой, которая заставила молодого монаха промолчать, когда его дорогого друга сжигали заживо.

Он стоял, пристально глядя на беспокойное море внизу. Каким маленьким чувствовал себя Браумин по сравнению с могущественной природой, каким жалким по сравнению с силой интригана Далеберта Маркворта.

Потирая руки, отец Маркворт вернулся в аббатство. По обращенным к заливу коридорам, где были открыты все окна, гулял холодный ветер. Вообще-то его это мало

волновало. Сегодня у него было благодушное настроение; в какой-то степени он был даже искренен с братом Браунином Хердом. Со времени Коллегии аббатов весь мир для него как будто окрасился в новые, яркие тона; он избавился от Джоджонаха, он добился объявления Эвелина еретиком. В документе, обвиняющем последнего, содержался намек на то, что Эвелин и Джоджонах плели нити заговора еще до того, как Эвелин отправился на Пиманиникуит собирать священные камни. Чего еще можно было желать? Только одного: возвращения украденных камней. Если он сможет сделать это, то в анналах церкви Абея его имя будет упоминаться как одно из самых уважаемых; и если нет, теперь никто не посмеет осуждать его.

Нет, его репутации ничто не угрожает. Во времена правления Далеберта Маркворта раскрыт заговор внутри церкви Абея и уничтожен демон дактиль; все будущие поколения монахов будут произносить его имя с почтительным благоговением.

Слегка подпрыгивая, старик торопливо шагал по коридорам и в дверях едва не столкнулся с братом Фрэнсисом Деллакортом. Молодой монах тяжело дышал от быстрого бега. Брат Фрэнсис явно обрадовался, увидев Маркворта.

— Ты принес новости, — рассудил Маркворт, заметив пергамент, который Фрэнсис стискивал в руке.

С трудом переводя дыхание и удивленно открыв рот, молодой монах с некоторым испугом смотрел на Маркворта — перемены в облике отца-настоятеля не ускользнули и от его внимания.

— Полагаю, это больше приличествует моему званию. — Маркворт провел рукой по бритой голове.

Фрэнсис пробормотал что-то нечленораздельное и непослушными руками начал развязывать ленту на пергаментном свитке.

— Это список, который я просил тебя составить? — нетерпеливо спросил Маркворт.

— Нет, отец-настоятель. Сообщение от аббата Де'Унnero, — ответил Фрэнсис, постепенно успокаиваясь. — Курьер сказал, это сведения первостепенной важности. Я подумал — может, это имеет какое-то отношение к пропавшим камням.

Маркворт выхватил у него пергамент, сорвал ленту, развернул свиток и торопливо пробежал глазами по строчкам. Сначала на его лице появилось выражение смутения, но оно быстро сменилось злобной улыбкой, от которой кончики губ поднялись вверх.

— Камни, да? — спросил брат Фрэнсис.

— Нет, сын мой, — ответил Маркворт. — Ни слова о камнях. Похоже, в Палмарисе царит хаос, поскольку барон Бильдборо избрал самое неподходящее время, чтобы уйти из жизни.

— Простите? — спросил сбитый с толку Фрэнсис, пораженный тем, насколько слова старика не соответствовали самодовольному выражению его лица.

Им обоим, конечно, уже было известно о смерти Рошфора — эта новость пришла в Санта-Мер-Абель задолго до Коллегии аббатов.

— Я имею в виду, что смерть барона Бильдборо нанесла серьезный удар его семье, — объяснил отец-настоятель. — Они просмотрели все записи, и подозрения аббата Де'Унnero подтвердились: барон не оставил наследника. Жаль, конечно, поскольку Рошфор Бильдборо по большому счету был прекрасным человеком и мудрым правителем, что соответствовало традициям этой семьи.

Фрэнсис не знал, что и сказать. Всего несколько дней назад они получили сообщение о кончине Коннора Бильдборо, племянника и единственного наследника баронского титула.

— Отправь к аббату посланца с ответом, что его письмо получено и понято, — распорядился Маркворт и пошел дальше, сделав Фрэнсису знак следовать за собой. — А что с моим списком?

— Я почти закончил, отец-настоятель, — робея, ответил монах. — Однако работники в аббатстве постоянно меняются — одни сами уходят, других нанимают всего на неделю.

— К чему эти оправдания?

— П-простите, отец-настоятель, — запинаясь ответил Фрэнсис. — Просто это нелегко...

— Сосредоточься на тех, кто появился тут после моей поездки в Палмарис, — приказал Маркворт, — даже если позже они покинули аббатство. — Он бросил на монаха суровый взгляд. — Каждый из нас должен делать свое дело.

— Я просто хотел с вами поговорить, — извиняющимся тоном ответил Фрэнсис.

— Ну вот, мы и поговорили. — Маркворт повернулся и ушел.

Брат Фрэнсис надолго замер в пустом коридоре, задетый резким обращением отца-настоятеля. В последнее время у отца Маркворта было приподнятое настроение, но, судя по всему, это не мешало ему разговаривать грубо и язвительно. Фрэнсис попытался представить себе, что будет, если он не справится с выполнением поставленной перед ним задачи. Но упрекнуть себя ему было не в чем. Он работал со всем возможным усердием, без передышки — если не считать доставки вот этого сообщения от аббата Де'Унnero, — составляя тот список, который Маркворт поручил ему.

Ладно, к резкому тону брату Фрэнсису было не привыкать. Гораздо больше его беспокоили новости из Палмариса и реакция на них отца-настоятеля. Подобно всем предыдущим врагам Маркворта, барон Бильдборо был теперь мертв. Совпадение? И как удачно все складывается — в живых не осталось ни одного Бильдборо, чтобы унаследовать титул барона.

Отгнав прочь эти мысли, брат Фрэнсис постарался полностью сосредоточиться на том, что сейчас для него было важнее всего. Нужно обойти все кладовые и переговорить с братом Мачузо, в подчинении которого находятся те, кто работает на кухне и занимается уборкой. Дел неуворот.

Братья Браумин Херд, Мальборо Виссенти, Холан Делман, Андерс Кастинагис и Ромео Муллахи каждый своим путем пробирались в тайную часовню далеко внизу под общими помещениями Санта-Мер-Абель. Это была маленькая комнатка рядом со старой библиотекой, той самой, где магистр Джоджонах нашел ответ на вопрос о сути философского конфликта между отцом Марквортом и братом Эвелином Десбрисом. По прошествии недели после казни Джоджонаха пятеро монахов сразу после вечерни встречались здесь каждую ночь для совместной молитвы.

Соединив руки, они сидели на полу вокруг единственной горевшей в центре свечи. Брат Браумин, самый старший среди них, как обычно, начал молитву, взывая к духам Джоджонаха и Эвелина Десбриса, прося дать сил их последователям, указать им верное направление. Браумин заметил, что Кастинагис и Муллахи невольно съезжились, когда он говорил об Эвелине, — одно только упоминание этого имени без присовокупления проклятий в церкви Абеля рассматривалось как гнусное преступление, поскольку Эвелин был официально объявлен еретиком. Правда, то же самое говорилось и о Джоджонахе, но пятеро братьев лично знали магистра на протяжении долгого времени, и ни один из них не был согласен с таким вердиктом.

Помолившись, Браумин встал и сверху вниз поглядел на своих товарищей, задержавшись взглядом на двух самых молодых. Поначалу на этих встречах присутствовали лишь трое — сам Браумин, Виссенти и Делман, — но, когда они собрались в четвертый раз, их обнаружили одноклассники Делмана, чрезмерно любопытные молодые люди Кастинагис и Муллахи. Они хотя и присутствовали при ужасной казни своего доброго друга Джоджонаха, не были настолько тверды в вере, чтобы стоило сообщать им об этих встречах, не то что приглашать сюда. Однако оба производили впечатление искренних молодых людей, и никто не стал возражать.

— Ты понимаешь, зачем мы здесь собрались? — спросил Браумин Муллахи.

— Чтобы молиться.

— Мы и без того молимся по несколько часов ежедневно, — возразил Браумин.

— Сколько бы человек ни молился, все будет мало, — вмешался в разговор брат

Кастинагис, очень прямой и искренний молодой человек.

— По-твоему, никакой разницы между нашими вечерними и дневными молитвами нет? — спросил Браумин, и все с любопытством посмотрели на него. Мальборо Виссенти, худощавый, нервный и к тому же страдающий тиком молодой человек, беспокойно заерзал. — А между тем эта разница существует и носит философский характер. Дело в том, что лишь наши молитвы, обращенные к магистру Джоджонаху и брату Эвелину, соответствуют подлинному духу церкви Абея. В этом и состоит суть наших встреч.

— Значит, чтобы ходить сюда, нужно признавать эту разницу? — спросил Кастинагис.

— Да, но неформально, — ответил Браумин, — а в сердце своем.

— Но мы ведь даже понятия не имели об этом. Почему же, в таком случае, вы нас приняли? — спросил Кастинагис. — Вы считаете нас шпионами отца-настоятеля, да?

— Нет, брат Кастинагис, — ответил Браумин. — Я знаю, как вы были преданны магистру Джоджонаху, да упокоится он в мире.

— Лучше человека я не знал, — робко произнес брат Муллахи.

Муллахи и Кастинагис были очень близки еще до того, как они оказались в Санта-Мер-Абель, несмотря на разницу характеров. В отличие от бойкого Кастинагиса Муллахи всегда говорил, опустив голову, и так тихо, что его слова были едва слышны.

— Потому что ты никогда не встречался с братом Эвелином, — ответил Браумин.

Теперь любопытство в глазах молодых людей сменилось почти враждебностью; похоже, они восприняли слова Браумина как вызов, брошенный памяти их любимого магистра Джоджонаха.

— Но вы не были на месте его гибели, на горе Аида, вмешался в разговор брат Делман, стремясь разрядить напряжение, — не видели руку брата Эвелина Десбриса, не ощущали его ауру, такую мощную и прекрасную.

— И с магистром Джоджонахом о брате Эвелине Десбрисе вы не разговаривали, — добавил Браумин. — Если бы это произошло, вы бы восприняли мои слова не как оскорбление памяти Джоджонаха, а как напоминание о принципах, которыми мы должны руководствоваться в своей борьбе, как это делали и магистр Джоджонах, и Эвелин Десбрис.

Эти слова успокоили молодых людей, и даже Кастинагис почтительно склонил голову.

Браумин подошел к стоящему в углу сундуку, тому самому, где они хранили подушки и свечу, и достал старую, потрепанную книгу.

— Преступление, приведшее к тому, что брат Эвелин отошел от ордена Абея, относится к разряду осуждаемых самой церковью, — заявил он.

— Убийство магистра Сигертон? — недоверчиво спросил брат Кастинагис.

Его удивление было вполне понятно — с самой первой встречи Браумин постоянно подчеркивал, что Эвелин невиновен.

— Нет, — резко ответил Браумин. — Не убийство магистра Сигертон; этот человек погиб, потому что хотел помешать Эвелину бежать.

— Брат Эвелин просто защищал свою жизнь, — вставил Делман.

— Нет, я имею в виду действия самой церкви, — объяснил Браумин. — В особенности предпринятые против «Бегущего» — корабля, который по велению Маркворта в Году Господнем 821 доставил четырех Собирателей на остров Пиманиникуит.

Трое молодых монахов навострили уши. О том, где и как собирают священные камни, в Санта-Мер-Абель было известно лишь братьям, возведенным в ранг послушников, но даже большинство из них мало что знали о затерянном в океане острове. Всем монахам сообщалось лишь, что камни падают с небес и что они суть дар Божий, — но этим все и ограничивалось. Магистр Джоджонах поведал правду Браумину, а тот, в свою очередь, Виссенти. Теперь, решил он, настало время открыть эту едва ли не самую важную тайну и всем остальным.

— Пиманиникуит — это остров далеко в Мирианике; именно там с небес падают священные камни, — торжественно начал брат Браумин. — Это случается только раз в семь поколений, или, точнее говоря, каждые сто семьдесят три года. Мы благословенны Богом,

потому что одно из таких Явлений произошло во время нашей жизни. Однако еще больше благословен был брат Эвелин, один из четырех монахов, отобранных для того, чтобы отправиться на этот остров, и один из двух Собирателей, которым было позволено ступить на священную землю во время чудесного камнепада. Вторым был брат Таграйн, не успевший вовремя укрыться от падающих с неба камней и тем самым обрекший себя на гибель. Так получилось, что его убил тот самый камень, который впоследствии брат Эвелин использовал для уничтожения нашего главного врага, демона дактиля.

Брат Браумин остановился, вглядываясь в лица своих товарищей. Они были ошеломлены, это не вызывало сомнений. И все же они должны узнать правду, должны понять значение происшедшего — несмотря на всю опасность такого знания. Любой молодой монах, хотя бы просто произнесший название острова, тем самым нарушал правила церкви Абеля и подлежал суровому наказанию — изгнанию или даже казни.

— То, что вы непременно должны знать, произошло после возвращения в Санта-Мер-Абель, — продолжал Браумин. — Это было великое событие, несмотря на гибель брата Таграйна; брат же Эвелин радовался от всей души, потому что он привез с острова множество таких священных камней, каких до него не привозил никто. Не иначе как ему помогал сам Бог.

— Однако потом, — в голосе Браумина зазвучали зловещие нотки, — радость обернулась ужасом, а дар Божий — сатанинским грехом. Выполнив свою задачу, «Бегущий» отплыл из гавани Санта-Мер-Абель, направляясь в залив Всех Святых. Его экипаж радовался щедрому вознаграждению — так они полагали, хотя на самом деле это была всего лишь иллюзия, созданная с помощью священных камней.

— Воры! — воскликнул брат Делман. — Воры здесь, среди нас!

— Убийцы, — поправил его Браумин. — «Бегущий» так никогда и не покинул залив Всех Святых. Корабль был обстрелян из баллист и катапульт со стен вот этого самого аббатства и пошел ко дну вместе со всеми, кто находился на борту.

Три юных, смертельно бледных лица обратились к рассказчику; взоры широко распахнутых глаз устремились сначала на брата Браумина, потом на Виссенти; тот, уже слышавший эту историю раньше, истово закивал. Брат Кастинагис, однако, покачал головой с таким видом, будто не верил услышанному, а брат Муллахи, казалось, вот-вот упадет в обморок.

— Так поступали далеко не всегда. — Браумин поднял древнюю книгу, а потом перевел взгляд на свечу, заметно укоротившуюся по сравнению с тем, какой она была в начале встречи. — Однако наше время на сегодня истекло. Давайте помолимся о душах тех, кто погиб на «Бегущем».

— Но, брат Браумин... — запротестовал Кастинагис.

— Хватит, — ответил тот. — И знайте: если вы хоть с кем-нибудь заведете разговор о том, что здесь слышали, и об этом станет известно, вас будут пытаться, а потом убьют. Вспомните обуглившийся труп магистра Джоджонаха, и у вас отпадут всякие сомнения в этом, а ведь в глазах отца Маркворта преступление нашего дорогого магистра меньше того, во что оценивается разглашение тайны о священном острове.

Браумин опустил на колени и начал молиться. Он знал: образ Джоджонаха, навеки запечатленный в сердцах всех собравшихся в этой комнате, замкнет им уста. И еще — он не сомневался, что ни один из них не опоздает на следующую встречу, которая должна была состояться спустя две ночи.

Этой же ночью происходила встреча совсем иного рода, и сценой, на которой она разыгрывалась, только отчасти был Санта-Мер-Абель. «Иди к нему и выясни, что у него на уме и на сердце, — настойчиво произнес голос внутри головы Маркворта. — Я покажу тебе дорогу».

Голос приказал, и Маркворт послушался. Он сидел в самой уединенной комнате своих апартаментов, в центре начерченной на полу пентаграммы с пятью горящими свечами в ее

углах, стискивая в руке гематит и с восторгом ощущая, как магическая связь между ним и камнем становится все прочнее и вместе с ней возрастает его мощь.

Вскоре дух Маркворта вышел из тела и свободно воспарил над ним. Эту пентаграмму он нашел в древней книге «Колдовские заклинания». На протяжении многих столетий книга была запрещена церковью, а все ее копии сожжены, за исключением одного экземпляра, хранившегося в подвальной библиотеке аббатства. Маркворт понимал, почему церковь так поступила: эта книга содержала в себе ключ к огромной силе. Используя пентаграмму, слова почерпнутых из книги заклинаний и одновременно гематит, Маркворт сумел даже вызвать парочку второстепенных демонов.

С помощью этой книги создания подземного мира могут быть поставлены на службу добру, подумал он, глядя на свое неподвижно застывшее тело. Быстрый осмотр соседних помещений и коридоров убедил его в том, что никакая опасность ему не угрожает. Он покинул аббатство, с огромной скоростью полетел на запад и спустя несколько минут оказался уже над южным берегом Мазур-Делавала, на расстоянии примерно восьмидесяти миль от Санта-Мер-Абель.

Вскоре в поле его зрения показались темные здания Палмариса. Дух Маркворта поднялся над городом и поглядел на спящие дома, отыскивая аббатство Сент-Прешес. Найдя его, он устремился вниз и прошел сквозь толстую каменную стену. Маркворт посещал аббатство всего год назад и хорошо помнил расположение помещений; найти личные апартаменты нового аббата ему не составило труда.

К его удивлению, Де'Уннеро ходил по комнате, напряженно стиснув кулаки. На нем была лишь ночная рубашка — он явно собирался ложиться спать, но, как всегда, был полон энергии.

Возьми свой камень души, мысленно приказал Маркворт аббату.

Камень души — так по-другому называли гематит, который монахи ордена Абея на протяжении столетий использовали для связи между собой. К примеру, один монах мог войти в тело другого и сказать окружающим то, что считал нужным; так и сам Маркворт поступил с Фрэнсисом, когда тот находился на горе Аида. Однако захват чужого тела вообще-то считался делом жестоким и даже отвратительным; определенной связи можно было достигнуть и без него. Если, скажем, у аббатисы Сент-Гвендолин стряслась беда, она могла взять камень души и связаться с Сент-Хонсом или Санта-Мер-Абель, умоляя о помощи. Монахи этих аббатств духовно «услышали» бы слова аббатисы. Но Маркворт, с его вновь обретенной мощью, собирался применить возможности гематита на более высоком уровне — и не сомневался в успехе.

Де'Уннеро остановился и в смятении огляделся по сторонам.

— Кто здесь? — спросил он.

Дух Маркворта приблизился к нему и вошел внутрь его тела — не слишком глубоко, не с целью захвата, но только для того, чтобы Де'Уннеро отчетливо ощутил его присутствие.

Новоиспеченный глава аббатства Сент-Прешес метнулся к письменному столу и ключом, на цепочке висющим на шее, открыл в нем тайное отделение. Замер на мгновение, но потом все же достал гематит, крепко сжал в ладони и довольно быстро тоже покинул тело. Его дух недоуменно уставился на дух Маркворта, который теперь он видел совершенно отчетливо.

— Что это за новый способ общения? — раздраженно спросил дух Де'Уннеро.

— Ты пошел на огромный риск, — не отвечая на вопрос, холодно сказал Маркворт.

— Я не боюсь духов и знаю, кто вы.

— Я имею в виду не нашу сегодняшнюю встречу, а тот случай, когда ты погнался за каретой барона Бильдборо, — объяснил Маркворт.

— С какой стати мы обсуждаем это сейчас? — спросил Де'Уннеро. — Барон умер несколько месяцев назад, и вы с самого начала знали — должны были догадываться! — что я в это замешан. Однако на Коллегии аббатов вы ни словом не упоминали о бароне.

— А тебе не приходит в голову, что у меня были дела поважнее? — возразил

Маркворт. — К тому же именно сейчас смерть барона Бильдборо приобретает особое значение.

— Значит, вы говорили с моим посланцем.

— Нет, я просто умею читать между строк, — поправил его Маркворт. — У барона из Палмариса не осталось наследника — очень удачный поворот событий для нового главы аббатства Сент-Прешес.

— И для отца Маркворта, который считал Рошфора Бильдборо своим врагом, — заметил Де'Унnero.

— Как он умер? — спросил Маркворт. Удивительно, но, несмотря на отсутствие телесной оболочки, было заметно, что дух его собеседника расслабился. На его лице даже промелькнула улыбка, однако ответа не последовало. — Тигриная лапа, да?

— Если угодно.

— Оставь свои игры. Проблема слишком важна.

— Как и проблема Коннора Бильдборо? Или аббата Добриниона? — с хитрой улыбкой спросил Де'Унnero.

Маркворта удивило такое проявление неуважения. Он сделал этого молодого человека аббатом — что было совсем нелегко. А сейчас Де'Унnero вел себя так, словно он ровня Маркворту, а не его подданный; и это Маркворту не нравилось, совсем не нравилось.

— Вы убили их обоих, — продолжал наступление Де'Унnero. — Пусть и руками тех, из кого я сделал Карающих Братьев.

— Ты слишком много позволяешь себе.

Дух его собеседника вздохнул; Маркворт ощутил это столь же явственно, как если бы тот находился в своем физическом теле.

— Я не дурак, отец-настоятель, и жив до сих пор только благодаря своей наблюдательности. Аббата Добриниона убил не поври. Человек, принесший тела Коннора Бильдборо и брата Юсефа в Палмарис, повторял дикое, по его мнению, заявление Коннора о том, что Добриниона убила церковь. Дикое? — он злобно усмехнулся. — Да, возможно — для тех, кто на протяжении нескольких последних месяцев не общался близко с отцом Марквортом.

— Ты ступаешь на опасную дорогу, — предостерег его Маркворт. — Я тебя возвысил, я могу тебя и уничтожить.

— Ничуть не сомневаюсь в этом, — ответил Де'Унnero. — А между тем я вам не враг и никогда им не был. Я называю вещи своими именами, это верно, но с уважением и одобрением. Все время, пока шло обучение Юсефа и Данделиона, я уговаривал вас позволить мне вернуть украденные камни. И сейчас скажу, что, если бы это дело было поручено мне, камни были бы уже в Санта-Мер-Абель, а те, кто захватил их, друзья этого еретика Эвелина, лежали бы в неосвященной земле.

Маркворт не мог с этим не согласиться — Маркало Де'Унnero был, возможно, самым компетентным и потому самым опасным человеком, которого он когда-либо знал. Молодому аббату было чуть больше тридцати, но физически он не уступал двадцатилетним.

— Но я напоминаю об этом вовсе не для того, чтобы критиковать вас, — торопливо добавил дух Де'Унnero, — а только чтобы напомнить, как обстоит дело, и попросить вас не расспрашивать меня больше.

— О том, как ты устранил барона Бильдборо? — спросил Маркворт. Его собеседник отпрянул, услышав эти резкие слова. — Ты расскажешь мне все, или я тебя уничтожу.

В тоне Маркворта не чувствовалось угрозы — скорее просто констатация факта. Он хотел убедиться, что Де'Унnero не станет угрожать раскрыть имя убийцы аббата Добриниона и Коннора Бильдборо. Если бы тот сделал это, Маркворт разорвал бы связь и перешел к решительным мерам. Однако Де'Унnero понимал, с кем имеет дело.

— Я вам не враг, отец-настоятель. Я ваш верный подданный, — сказал он. — Да, это я действовал на дороге из Палмариса в облике дикого кота.

— Ты понимаешь, как сильно рисковал?

— Не больше, чем вы, — возразил Де'Уннеро. — Даже меньше, я бы сказал, поскольку аббат Добринион был одним из нас, и его убийство могло бы привести к тому, что вся церковь поднялась бы против вас. Смерть же Бильдборо для церкви Абея большого значения не имеет.

— Но не для короля, — саркастически заметил Маркворт.

В ответ Де'Уннеро лишь пожал плечами — дескать, это несущественно. И то правда; власти церкви следовало опасаться больше, чем светской.

— Все прошло гладко, — продолжал Де'Уннеро. — Никто не связывает гибель барона Бильдборо со мной и уж тем более с вами.

— Все равно шепоток пойдет — дескать, какое удачное совпадение, — ответил Маркворт. — В особенности если учесть, что барон Бильдборо не оставил наследника.

— Шепоток уже пошел, да и до гибели Бильдборо перешептывались. Однако кто посмеет обвинить в чем-либо отца-настоятеля церкви Абея за отсутствием ясных, неопровержимых доказательств? Нет, нужно думать о преимуществах создавшегося положения, а не о возможных, хотя и маловероятных осложнениях.

— Преимущества пока тоже весьма сомнительны, — ответил Маркворт. — Нам не известно, кому король дарует титул барона. Может, прислушавшись к этим самым шепоткам, Дануб Брок Урсальский изберет не того, к кому благоволит церковь, а своего ставленника, который больше всего будет думать о том, чтобы власть короля в Палмарисе оставалась неприкосновенной.

— Ну почему же? Разве не король по доброй воле дал элитных солдат аббату Джеховиту на время проведения Коллегии аббатов?

— Не сомневаюсь, он поступил так вопреки желанию советников, — возразил Маркворт. — Джеховиту пришлось немало потрудиться, чтобы король начал к нему прислушиваться.

— Ну, трудился-то он не зря, — заявил Де'Уннеро. — Сейчас, когда светской власти в Палмарисе больше нет, самое время церкви усилить свою роль в управлении городом. Те люди в Урсале, чье происхождение позволяет им претендовать на титул барона, вряд ли захотят покинуть столицу ради управления провинциальным городом. В особенности если учесть слухи о якобы существующих заговорах и сопряженную с ними возможную опасность.

Хладнокровие этого человека не могло не произвести впечатления на Маркворта. Даже то, что представляет собой угрозу для церкви, он пытается обратить в свою пользу!

— Поговорите с Джеховитом так же, как вы сейчас говорите со мной, — закончил Де'Уннеро. — Он на хорошем счету у короля и, значит, для нас — выгодный союзник. Чем слаженнее мы будем действовать, тем сильнее власть церкви.

— Твоя власть, ты хочешь сказать...

— Я служу вам, отец-настоятель, — перебил Маркворта Де'Уннеро. — Король не пойдет против нас в это тяжелое послевоенное время. Сейчас ему выгоднее позволить нам помочь ему.

Пожалуй, это имеет смысл, подумал Маркворт.

— Я сегодня же поговорю с Джеховитом, — сказал он. Затем добавил уже совсем другим тоном: — Не смей больше предпринимать никаких решительных действий без моего позволения. Времена сейчас слишком опасные, а наши позиции слишком уязвимы, чтобы можно было полагаться исключительно на суждение столь неопытного человека, как ты.

— Однако что касается барона Бильдборо... Могу я надеяться, что вы одобряете мои действия?

Не отвечая, Маркворт разорвал контакт. Его дух вылетел из комнаты Де'Уннеро и спустя несколько минут уже оказался в собственном теле. Следовало лечь спать, поскольку столь долгое использование камня души обычно действовало изнуряюще. Но вот странность! Отец Маркворт, напротив, чувствовал себя моложе, сильнее и страстно жаждал продолжить изыскания.

Вместо того чтобы лечь в постель, он послал свой дух на юго-запад, в самый крупный город Хонсе-Бира.

Аббатство Сент-Хонс в Урсале было вторым по величине после Санта-Мер-Абель. Оно находилось в непосредственной близости от королевского дворца и соединялось с ним длинным, узким коридором. Традиционно настоятель Сент-Хонса выступал в роли духовного советника короля и его двора. Маркворт хорошо знал это место. Именно здесь он стал главой ордена Абея, приняв помазание от аббата Шермана, которого позднее сменил аббат Деллахунт, а потом и Джеховит; в церемонии принимал участие Дануб Каул Урсальский, отец нынешнего короля. Маркворту не составило труда найти личные покои аббата.

Реакция Джеховита на это духовное вторжение — после того как он взял камень души и вышел из тела — была восторженной.

— Какие удивительные возможности открывает миру такой способ связи! — воскликнул дух старого аббата. — К примеру, во время войны генералы могли бы легко связываться с полевыми командирами! Или вот...

— Хватит, — прервал его дух Маркворта, прекрасно понимая, что надеждам этого человека не суждено сбыться. Такие путешествия духа не доступны ни аббату, ни магистру, ни тем более какому-то мирскому солдату; вообще никому, кроме него самого. — Ты слышал о том, что барон Бильдборо погиб, не оставив наследника?

— Я только сегодня получил это известие, — мрачно ответил Джеховит. — По правде говоря, отец-настоятель, я едва урвал минутку для отдыха. Всю неделю меня не было в Урсале, и сейчас...

— Значит, тебе известно, что в Палмарисе открылась вакансия, — прервал его Маркворт, которому недосуг было слушать болтовню Джеховита.

— Проблема в том, что наш бедный король очень устал. Хотя война и выиграна, за последние месяцы он столкнулся с таким множеством проблем, что я всерьез опасюсь за его здоровье.

— Тогда сам Бог велит нам помочь ему, — сказал Маркворт. — Убеди короля отдать титул барона Де'Унnero; церковь сумеет справиться с проблемами Палмариса.

Без сомнения, его собеседника это предложение застало врасплох.

— Король Дануб даже понятия не имеет, кто такой Маркало Де'Унnero. Да и я тоже, если уж на то пошло; мы и встречались-то всего раз на Коллегии аббатов.

— Я готов дать ему самые лучшие рекомендации, — заверил его Маркворт. — И пойми вот что. Даже получив сан епископа, а именно так в прошлые времена называлась эта комбинация титулов барона и аббата, Маркало Де'Унnero будет подчиняться мне — и тебе, если ты поможешь мне в этом. — Последнее соображение явно оказалось слишком большим искушением для Джеховита; он закивал и улыбнулся. — Вспомни, были времена, когда власть церкви не уступала королевской. Убеди короля.

— Может, я смогу встретиться с Де'Унnero с помощью камня души, как вы со мной...

— Ничего у тебя не получится, — перебил его Маркворт. — Эта магия доступна только мне. И все, вопрос закрыт. Однако я буду часто навещать тебя.

Покорность и смирение Джеховита удовлетворили отца-настоятеля, и он понесся обратно в Санта-Мер-Абель. И снова, несмотря на огромный расход энергии, отдыхать ему не хотелось. Почти час он мерил шагами комнату, прикидывая так и эдак, какие перспективы власти неожиданно распахнулись перед ним.

Только сегодня утром он подумал о том, что его репутация в истории церкви сейчас прочнее, чем когда бы то ни было; выше она могла бы стать лишь в том случае, если бы украденные магические камни были возвращены. Однако теперь проблема этих камней казалась пустячной. Правильно сказал Де'Унnero — церковь действительно прежде играла гораздо более активную роль в управлении государством. В те времена даже король Хонсе-Бира проходил обряд помазания точно так же, как отец-настоятель ордена Абея. Затем на протяжении многих столетий между властью церкви и короля сохранялось примерное

равновесие: могущественные, но отделенные друг от друга. Король регулировал светскую деятельность своих подданных, занимался армией, вел переговоры с соседними королевствами Бехреном и Альпинадором и практически не вмешивался в деятельность церкви. Во многих провинциях, в особенности отдаленных и с небольшим населением, церковь была даже более влиятельна, чем король, правящий где-то далеко, так что многие подданные даже не знали его полного имени.

Однако сейчас, благодаря мудрым и прозорливым действиям Маркворта в Палмарисе, устранению Коннора Бильдборо, аббата Добриниона и последующей гибели барона, баланс сил в королевстве может быть смещен в сторону церкви. По словам Джеховита, Дануб Брок Урсальский в последнее время сильно переутомился. Если вырвать из-под его власти Палмарис...

И Маркворту, и Джеховиту было далеко за семьдесят; очевидно, жить обоим осталось недолго. И почему, спрашивается, Маркворт должен удовлетвориться тем местом, которое уже сейчас будет отведено ему в истории церкви? Внезапно его амбиции взлетели очень высоко, и он не сомневался, что у Джеховита наверняка мелькнула та же мысль. Вместе, используя людей вроде Де'Уннеро как марионеток, они могли бы изменить мир.

И такая перспектива Маркворту чрезвычайно нравилась.

Недалеко от апартаментов отца-настоятеля, в своей освещенной единственной свечой комнате стоял брат Фрэнсис Деллакорт, глядя на отражение в зеркале, со всех сторон окруженное темными тенями.

Всю сознательную жизнь Фрэнсис чувствовал себя вознесенным над обычными, средними людьми — нет, над всеми людьми. Он верил, что избран Богом, хотя никогда не формулировал эту мысль такими словами; верил в то, что весь мир вокруг был просто сном, вызванным к жизни исключительно ради него одного. Фрэнсис был убежден в собственной непогрешимости — совершенное отражение совершенного Бога.

Но потом на дороге в Палмарис он убил Греди Чиличанка.

Это произошло совершенно случайно. Он не собирался убивать Греди и ударил его по голове с одной целью — чтобы помешать и дальше вести себя неуважительно по отношению к отцу-настоятелю. Однако на следующее утро Греди не проснулся. Монах похоронил его, но с тех пор воспоминание об одутловатом, безжизненном лице Греди, на которое падают комья земли, не давало ему покоя. И главное, выбило из-под ног пьедестал, на который он себя вознес.

С того рокового дня все события вокруг Фрэнсиса закружились в бешеном водовороте. Он стал свидетелем пыток и казни магистра Джоджонаха и, хотя никогда не питал к нему особой симпатии, не мог поверить в то, что наказание соответствует его преступлениям.

Да, он был свидетелем этих ужасных событий, но молчаливо соглашался с происходящим, рабски служил отцу-настоятелю — потому что глава ордена не осудил его; напротив, то и дело повторял, что Фрэнсис все сделал правильно и что судьба Греди — и судьба его родителей — является результатом их собственных преступлений. В результате преданность Фрэнсиса Маркворту даже возросла; он сумел убедить себя в том, что единственная возможность вернуть утраченный пьедестал состоит в том, чтобы слепо следовать за этим великим человеком.

А потом Маркворт приказал доставить Джоджонаха в зал, где проходила Коллегия аббатов. Посланные за ним солдаты схватили его прямо в двух шагах от Фрэнсиса, и в последний момент молодой монах взглянул в глаза обреченного магистра.

И этот обреченный магистр, знавший правду о смерти Греди и понимающий, кто за нее в ответе, простил Фрэнсиса.

Теперь молодому монаху осталось лишь смотреть в зеркало на темные тени, роящиеся вокруг его смертного тела, — они казались ему отражением скверны, испятнавшей его бессмертную душу, — и сражаться с одолевавшими его угрызениями совести и чувством вины.

Он утратил невинность, а вместе с ней и свой пьедестал.

И еще один человек в Санта-Мер-Абель не спал в этот час; он мыл посуду — задача, которую ему следовало выполнить гораздо раньше тем же вечером. Однако другие дела — и прежде всего планирование следующей, самой дерзкой разведывательной операции — задержали Роджера Не-Запрешь до глубокой ночи. Став свидетелем убийства барона Бильдборо по дороге в Урсал, он бросился в Санта-Мер-Абель в надежде найти там Элбрайна и Пони. Однако в деревушке неподалеку от аббатства, с тем же названием Санта-Мер-Абель, он стал свидетелем еще одного убийства — казни человека по имени Джоджонах.

Роджеру на вид можно было дать лет пятнадцать — хрупкий, невысокий юноша, страдающий той же болезнью, которая унесла в могилу его родителей. Хорошо зная повадки уличных нищих, он без труда мог прикинуться жалким сиротой. Великодушный магистр Мачузо из Санта-Мер-Абель проявил снисхождение к бедняжке и взял его на работу в аббатство, где Роджер и трудился вот уже три недели. А сам держал ухо востро и услышал много полезного. В частности, ходили слухи, что какие-то преступники незаконно проникли в аббатство и магистр Джоджонах помог им освободить Смотрителя из темницы отца Маркворта. Однако в том, что касалось дальнейшего, слухи были достаточно противоречивы, и Роджер не понял, сумели ли незваные гости — в которых он узнал Элбрайна, Пони и Джуравилья — покинуть Санта-Мер-Абель. Ясно было одно: кентавра в аббатстве больше нет.

Роджер знал, где сможет найти ответ на все интересующие его вопросы. Однако мысль проникнуть в личные апартаменты человека столь могущественного, как Далеберт Маркворт, все же пугала его. А ведь он был отнюдь не робкого десятка — к примеру, он смело сражался с поври в их лагере в Кертинелле и даже одолел одного из Карающих Братьев церкви Абея. Кроме того, Роджер страстно желал завоевать уважение Полуночника, что, может быть, было важнее всего.

ГЛАВА 3 МАЛЕНЬКАЯ ЛИЧНАЯ ВОЙНА

— Ты так и не сообщила ему, — сказал Пони Джуравиль.

— Всему свое время. Не думаю, что стоило затевать этот разговор накануне сражения, — резко ответила Пони, хотя Джуравиль всего лишь констатировал факт и в его тоне не было ни малейшего оттенка осуждения.

Пони хотела заявить эльфу, чтобы он не лез не в свое дело, но внезапная вспышка молнии, прорезавшая затянутое облаками небо, испугала ее. Вот-вот должна была разразиться столь характерная для поздней осени буря.

— Ребенок в той же степени Элбрайна, как и твой, — спокойно заговорил эльф, когда отгремел гром. — Элбрайн имеет право узнать о нем, перед тем как идти в бой.

— Я поговорю с ним, когда сочту нужным, — отрезала Пони.

— Он знает, что ты собираешься отправиться в Палмарис, а не в Дундалис?

Пони кивнула и закрыла глаза. Когда сегодня они с Элбрайном остались вдвоем, она объяснила ему, что хочет вернуться в Палмарис — попытаться разузнать о судьбе Роджера и посмотреть, как идут дела у Белстера. Ей нужно как-то успокоить свою печаль, сказала она, и лучше всего этому будет способствовать окружение Палмариса.

Элбрайну это не понравилось, нет. Она вспомнила его глаза, полные смятения, волнения и страха за нее, и ее сердце сжалось от боли.

— Но ты расскажешь ему о ребенке, перед тем как уйти? — не унимался Джуравиль.

— Ну да, и тогда он бросит караван и все остальные дела и вместо этого будет сидеть возле меня, исполняя прихоти, которых у меня нет. — В тоне Пони послышались саркастические нотки. Джуравиль слегка отступил и, обхватив подбородок тонкими

пальцами, внимательно поглядел на молодую женщину. — Не волнуйся, пройдет не так уж много времени — и мы с Элбрайном снова будем вместе.

Она понимала, что эльф беспокоится за нее и за их взаимоотношения с Элбрайном. Он был добрым другом, и, видя его в такой тревоге, она лишний раз напомнила себе, что должна взвешенно принимать эти очень важные решения.

— Ребенок родится на исходе весны, — продолжала Пони. — У Элбрайна хватит времени...

— Чем раньше он узнает, тем лучше, — перебил ее Джуравиль.

— А вдруг ребенок не выживет?

— Учитывая, насколько ты сильна в каменной магии, вряд ли что-то может случиться с младенцем, — возразил Джуравиль.

— Сильна в каменной магии, — фыркнула Пони. — Ну да, поэтому во время боя я сижу на холме, наблюдая за тем, как другие сражаются.

— Зато скольких людей ты исцелила...

Джуравиль продолжал что-то говорить, но Пони отвернулась, не слушая его. Нужно, чтобы как можно меньше людей знало о том, что она умеет использовать магические камни; в особенности сейчас, когда из Палмариса прискакали эти солдаты. Пони и прежде не афишировала это свое умение, несмотря на то что королевские солдаты были единственными представителями власти в округе. Хотя, без сомнения, со временем все равно станет известно, что их с Элбрайном преследует церковь. Пони использовала камни только для того, чтобы исцелить раненых во время сражения, но и тогда она старалась скрыть применение камней, используя мази и повязки. По иронии судьбы ее успехи как целительницы привели к тому, что в самих сражениях она не участвовала; капитан Килрони считал, что нельзя рисковать ее жизнью. Учитывая, как она была зла и жаждала мести, такое решение, конечно, ее отнюдь не радовало.

— Я вот почему-то мирюсь со своей, в общем-то, незавидной ролью, — продолжал между тем Джуравиль. — Показаться солдатам я не могу и вынужден довольствоваться тем, что произвожу для Полуночника предварительную разведку.

— Ты же всегда говорил, что война между людьми — не дело тол'алфар, — сердито ответила Пони.

— Да уж, эти малышки любят болтать на эту тему, — послышался из темноты знакомый голос, и на маленькую поляну выбежал огромный кентавр. — Хотя на самом деле эльфы считают, что им до всего на свете есть дело!

Пони против воли улыбнулась. Лицо Смотрителя, как всегда, сияло улыбкой в обрамлении черных волос и такой же бороды, хотя горе тому, кого он считал своим врагом.

— Ах, моя маленькая Пони! — продолжал он. — Не кручинься. Мне тоже довелось смотреть на сражения с поври и гоблинами, когда я даже дубинки не мог поднять!

— Уж очень у тебя накидка была тяжелая, — с кривой улыбкой сказал Джуравиль. — Зато какая! Ни у кого такой никогда в жизни не было.

— Завидуешь?

Джуравиль рассмеялся и попрощался с ними; ему нужно было доложить Элбрайну о том, где они с кентавром обнаружили поври.

— На этот раз расправиться с карликами будет раз плюнуть, — сказал Смотритель, когда они с Пони остались одни.

— Ты их видел?

— Ага. Они в пещере, всего в двух милях от Кертинеллы. Я хорошо знаю это место. Туда ведет только один вход. По-моему, поври в растерянности. Некоторые рвутся в бой просто потому, что поври почти всегда рвутся в бой. Но большинство, похоже, понимают, что для них это последняя возможность обратиться домой.

— Насколько пещера удобна для обороны? — спросила Пони.

— Да ну, куда там, если Полуночник нападет неожиданно, — ответил кентавр. — Они, конечно, выдержат недолгую осаду, в зависимости от того, сколько натаскали туда жратвы,

но из пещеры им не выбраться, если Полуночник с солдатами перекроют вход. На мой взгляд, поври не рассчитывают отсиживаться там долго и не догадываются, что их заметили. Джувиль посоветует Полуночнику нанести удар завтра перед рассветом.

— До рассвета еще далеко. — В глазах Пони загорелись озорные огоньки.

— Думаю, времени хватит, чтобы запечатать карликов в их норе, — с усмешкой ответил кентавр.

Буря разразилась вскоре после наступления сумерек. Дождь хлестал по голым деревьям, над которыми водоворотом кружился густой туман, то и дело вспыхивали ослепительные молнии, придавая всей сцене феерический, почти сверхъестественный вид. Однако духу Пони буря была не помеха, и она летела сквозь нее, словно еще один клочок тумана, невидимый для взгляда смертных созданий. Сделала несколько кругов над скалой, в которой находилась указанная кентавром пещера, даже проникла внутрь, насчитала сорок три поври — больше, чем было замечено во время разведки, — и убедилась, что пещера действительно имеет лишь один вход. Потом она вернулась в лес и обнаружила там всего пятерых стражников, но не удивилась их малочисленности; очевидно, карлики никак не ожидали, что на них нападут в такую бурю.

На этом путешествие духа закончилось, и он вернулся в тело Пони, поджидающее в другой пещере на расстоянии нескольких миль. Смотритель терпеливо охранял вход, а Грейстоун, прекрасный, сильный конь Пони, стоял внутри, прядая ушами.

— Добраться до пещеры не составит особого труда, — сообщила она.

Смотритель повернулся на звук ее голоса. Позади него ослепительно вспыхнула молния, сияющим контуром очертив огромную, мощную фигуру. Грейстоун заржал, нервно переступая с ноги на ногу.

— Может, не стоит брать с собой коня, — заметил кентавр. — Ночка уж больно беспокойная, — Пони встала и подошла к жеребцу. Погладила мускулистую шею, пытаясь успокоить его. — Поскачешь на мне, так уж и быть. Ну, рассказывай, что видела.

— В двух местах по два караульных, но они больше думают о том, как бы укрыться от грозы, чем о возможном нападении. На расстоянии около сотни ярдов от пещеры, одни слева, другие справа. А пятый торчит на скале, прямо над входом в пещеру.

— Похоже, гроза нам поможет. Никто ничего не услышит, — заметил кентавр.

— Мы доберемся до входа, а те, что внутри, и знать ничего не будут, — сказала Пони с недоброй усмешкой.

Ночное небо прорезала еще одна молния, как бы подчеркивая злобный смысл ее слов.

До ушей караульных поври донесся дробный стук копыт. Если до этого они были озабочены главным образом тем, как укрыться от хлещущего дождя, то сейчас схватились за оружие; у одного был небольшой арбалет, у другого боевой молот. Они обошли группу деревьев, сквозь плотную завесу дождя разглядели контуры большого коня и облегченно вздохнули; конь был без всадника и без седла.

— Дикий, — прошептал один карлик. Другой поднял арбалет. — Нет, не стреляй! Подкрадемся к нему и свалим ударом по голове. Полакомимся лошадиным мясом этой ночью!

Держась бок о бок, поври неслышно заскользили по лесу. Чем ближе они подходили к коню, тем шире делались их улыбки; он, по-видимому, ни о чем не догадывался. Они не видели голову и шею коня; эти части его тела были скрыты густым кустарником. Внезапно снова вспыхнула молния, и почти сразу же по лесу прокатился мощный раскат грома.

Неожиданно кентавр выскочил из-за кустов и скинул одеяло, прикрывающее человеческую часть его туловища. Карлики отпрыгнули в разные стороны. Смотритель схватил за голову того, что с арбалетом, поднял повыше, швырнул на землю и нанес ему несколько мощных ударов дубинкой.

Однако второй поври тут же кинулся на него и с такой силой врезал молотом прямо по

ребрам, что кентавр пошатнулся. Однако в голове у него вертелось одно — как эти двое рассуждали о своих планах наесться лошадиного мяса — и на все остальное ему было наплевать. Он развернулся и поднял дубинку.

— Коня, значит, мечтали слопать? — взревел кентавр.

И дубинка обрушилась прямо на кроваво-красную шапку поври, с такой силой припечатав его к земле, что колени хрустнули с громким чавкающим звуком. Боевой молот упал на землю, поври бешено замолотил руками, но вскоре затих.

Донесшийся из темноты стон убедил кентавра в том, что с первым поври еще не покончено. Смотритель ринулся было в ту сторону, но внезапно остановился, разглядывая то место своего тела, куда пришелся удар молотом. Там вздулся огромный синяк; может быть, проклятый карлик даже сломал ему пару ребер. Хуже того, понял кентавр, наклонившись еще ниже, — под синяком тянулась рваная рана, из которой капала кровь.

Это зрелище и вовсе вывело его из себя. Первый поври между тем с трудом, но поднялся на ноги и явно готовился к атаке.

Смотритель обрушил на него удар копыт и пару раз стукнул дубинкой по голове.

И что же? Кентавр невольно зауважал противника — тот опять начал подниматься! Дубинка снова взлетела вверх и обрушилась на голову карлика. И еще, и еще: этих жилистых коротышек одним ударом не прошибешь.

Пони, которой предстояло расправиться с двумя другими караульными, действовала гораздо осмотрительней. Еще раз прибегнув к гематиту, она выскользнула из тела и уточнила, где именно расположились «ее» поври. Оба сидели на нижних ветвях деревьев на расстоянии примерно десяти ярдов друг от друга, в точности там, где она видела их в прошлый раз. Радовало то, что арбалетов у них не было; у одного с пояса свисал меч в ножнах, другой держал в руке дубинку.

Дух Пони быстро осмотрел местность и вернулся в тело. Можно было без труда прикончить обоих с помощью камней, но она решила поработать мечом. Вопреки совету Смотрителя Пони поскакала на Грейстоуне, однако оставила его в сосновой роще неподалеку. Этой ночью погода и впрямь разбушевалась, вдруг конь испугается молнии в самый неподходящий момент? И дальше она пошла пешком, надеясь, что за воем ветра и постоянными раскатами грома все остальные звуки будут не слышны.

Найдя деревья, на которых сидели поври, Пони остановилась рядом с широким вязом. Спустя несколько мгновений, привыкнув к темноте, она уже могла различить темные фигуры съевшихся на ветках карликов и вытащила Победитель, магический меч, прежде принадлежавший Коннору Бильдборо. В его рукоятку были вделаны магнетиты, и еще один такой же камень Пони сжимала в свободной руке. Шаг за шагом она подобралась к поври, находящемуся от нее справа, тому самому, у которого был меч.

— Возвращайся на свое место! — проворчал поври, когда Пони была уже на расстоянии не больше ярда от него, очевидно по ошибке приняв ее за товарища.

Она бросилась вперед и вонзила меч в ногу карлика. Тот свалился с ветки, замахнулся мечом, но Пони уже отскочила и развернулась таким образом, чтобы не упускать из виду второго поври, который прыгнул с дерева и теперь бежал к ним.

Первый продолжал наступать, дико размахивая коротким мечом, но Пони парировала все его удары. При этом она мысленно сосредоточилась на серебряной застежке в форме черепа, которой у шеи был скреплен плащ второго поври.

Вскоре он оказался совсем рядом и с ликующим криком воздел над головой дубинку. Пони вскинула руку, разжала пальцы и направила всю свою магическую энергию в магнетит.

Внезапно поври с дубинкой пошатнулся и рухнул на спину, издавая булькающие звуки; изо рта у него хлынул поток крови.

— А-а, ведьма проклятая! — закричал первый карлик и бросился вперед.

Теперь Пони целиком повернулась к нему, но сама не нападала, уклоняясь, отскакивая или легко парируя его удары. Тем не менее энергия поври не ослабевала, он все так же

яростно размахивал мечом.

Пони перебросила меч в левую руку, отбила удар карлика и уколола его в плечо. Тут же перебросила меч в правую руку и отбила новый удар.

Она забавлялась с ним, как кошка с мышью, — кольнет туда, кольнет сюда, но все ранения были не смертельны. Вскоре появился кентавр, ведя в поводу Грейстоуна.

— Закругляйся с этим, — сказал он, некоторое время понаблюдав за танцем смерти. — Мне требуется твоя магия.

Пони оглянулась на него. Ее ярость тут же испарилась при звуках тяжелого дыхания и при виде красного пятна на боку человеческой части туловища кентавра. Она вонзила меч глубоко в грудь поври, прямо в сердце.

После чего достала камень души и занялась исцелением Смотрителя. К ее облегчению, рана оказалась не слишком серьезной.

— Ну, пошли, — решительно объявил он, доставая огромный лук и стрелу, более похожую на копье.

Пони подняла руку, удерживая кентавра, и подошла к тому поври, который нападал на нее с дубинкой, а сейчас лежал у корней дерева. Склонилась над ним, внимательно рассматривая сначала дыру в горле, там, где прежде была застежка в форме черепа, а потом другую, в задней части шеи, откуда магнетит вышел. Выпрямилась, обследовала дерево и обнаружила, что камень ушел глубоко в ствол. Вздыхнув, Пони перехватила меч и принялась его кончиком ломать древесину, пытаясь выковырять магнетит.

— Когда-нибудь я его потеряю, — объяснила она кентавру.

— Скажи-ка, можно этот камень использовать для отталкивания металла? Или только для притягивания? — спросил он.

Пони с интересом посмотрела на него. Кусочки магнетита в рукоятке ее меча действовали таким образом, что она могла то притягивать лезвие противника, то отталкивать его.

— Тогда я научу тебя, как лучше использовать этот камень, — с хитрой улыбкой заявил кентавр. — Но не сейчас, конечно.

На это ушло несколько минут, но в конце концов Пони достала магнетит. Накинула одеяло на плечи кентавра, и они тронулись в путь, Смотритель впереди, а Пони за ним, верхом на Грейстоуне. У нее мелькнула мысль снова использовать гематит и произвести разведку, но жаль было тратить магическую энергию, хотелось сохранить ее для решительного сражения, которое им предстояло.

Когда очередная молния высветила скалу и вход в пещеру, они заметили пятого караульного, однако и он успел разглядеть их. Скатился вниз и хотел было закричать, но огромная стрела кентавра пронзила его, подбросила высоко в воздух и швырнула на камни, раскиданные у входа. Смотритель тут же достал новую стрелу и прицелился в темную дыру, ожидая, что уродливые твари вот-вот полезут из пещеры.

Пони подошла к нему и предостерегающе подняла руку.

— Ну, что там такое? — слышался голос изнутри.

В этот момент Пони с особой ясностью вспомнила все: родителей, погибших в Дундалисе; свою вторую семью, Чиличанков, замученных до смерти по приказу церкви. Но острее всего припомнились ей трупы Грейвиса и Петтибвы, оказавшиеся во власти демонических сил, и чувства, которые она тогда испытывала: тошноту и болезненное отвращение. С каждым новым образом, вспыхивающим в ее сознании, гнев внутри нарастал, преобразуясь в магическую энергию, хлынувшую из руки в графит и пробуждающую его собственную мощь. Пони сдерживалась изо всех сил, ощущая, как воздух вокруг нее потрескивает от магической энергии, а волосы на голове под воздействием статического электричества встают дыбом.

Наконец напряжение стало невыносимым, и из ее руки вырвался всплеск белого огня, пронесся через вход и взорвался внутри пещеры. Поври взвыли, и, вдохновленная этим радующим душу звуком, Пони освободила еще один смертоносный заряд энергии.

Внутри пещеры раздался оглушительный грохот, а потом поври повалили к выходу — и тут же попали под обстрел кентавра.

Однако самые отчаянные продолжали рваться наружу, и Пони уложила их третьим взрывом.

Снова и снова она обрушивала на пещеру волны магической энергии. Грохот теперь не умолкал ни на мгновение, над входом повисло облако пыли, в воздух взлетали обломки скалы.

Крики внутри постепенно начали стихать. Уцелевшие поври наверняка распластались на полу, прячась за камнями. Пони подняла руку, и следующая молния ударила в скалу над входом. Камни рухнули, заваливая вход в пещеру, давя поври, лишая их всякой надежды выбраться из каменной могилы. Но Пони, казалось, и этого было мало. Магическая энергия волна за волной с адским грохотом обрушивалась на скалу, дробя ее в пыль.

Кентавр замер в нескольких шагах позади Пони, опустив лук и пристально глядя на свою подругу. Она, похоже, уже почти не владела собой; наверное, ей казалось, будто каждый новый удар уносит с собой боль и печаль, освобождает память от разрушительных демонов, нашедших там прибежище.

Однако Смотритель последние несколько недель был почти неразлучен с Пони и понимал, что эти демоны свили себе гнездо слишком глубоко в ее душе и освободиться от них будет очень, очень нелегко. Он подошел поближе. Если сила ее иссякнет и ноги подкосятся, он подхватит ее.

— Еще слишком рано для серьезных разговоров, — проворчал король Дануб Брок Урсальский.

Перед ним стояла большая тарелка вымоченных в яйце и затем поджаренных ломтиков хлеба, смазанных бобовым соусом. Дануб был интересным мужчиной, хотя за последние три года приобрел лишние тридцать фунтов веса. Глаза у него были серые, а светло-каштановые волосы и борода коротко, аккуратно подстрижены, и в них только-только начала проглядывать седина.

— Но, мой король, — возразил аббат Джеховит, — многие дети в Палмарисе сегодня утром вообще останутся без завтрака.

Король выронил серебряную вилку. Среди присутствующих, а это были в основном его светские советники, пронесся возмущенный ропот.

— Ситуация в Палмарисе тяжелая, без сомнения, но, по-моему, вы преувеличиваете, — вмешалась в разговор Констанция Пемблбери, самая молодая — ей было всего тридцать пять — и самая рассудительная советница короля.

— А по-моему, вы недооцениваете... — начал было Джеховит, но его перебил резкий голос герцога Таргона Брея Каласа.

— Мой дорогой аббат! — воскликнул он. — Можно подумать, барон Рошфор Бильдборо лично кормил сирот! И сколько их, позвольте узнать, умерло от голода за три месяца, прошедших со дня его смерти?

Джеховита ничуть не удивила реплика Каласа, в прошлом командира прославленной Бригады Непобедимых. Разногласия между ними имели место и прежде, а сейчас даже усилились, после того как король, несмотря на яростные протесты Каласа, позволил Джеховиту использовать Непобедимых во время Коллегии аббатов. Ни для кого не было секретом, что солдаты оказались вовлечены во внутрицерковные распри. Каласу, человеку короля, это было совсем не по душе.

— Город потерял своего аббата, своего барона, а потом и его племянника — и все это на протяжении нескольких недель, — возразил Джеховит, глядя прямо в лицо короля, потому что в конечном счете решение зависело только от него. — А теперь выяснилось, и скоро об этом узнают все, что барон не оставил наследника. И все это произошло сразу после того, как закончилась война, от которой этот регион пострадал едва ли не больше всех остальных. По всем сообщениям, Палмарис охвачен беспорядками, которые будут лишь

усиливаться, так как дело движется к зиме.

— Какие такие сообщения? — тут же парировал Калас. — После известия о смерти барона Бильдборо ни о каких беспорядках не сообщалось, а о том, что барон не оставил наследника, стало известно всего несколько дней назад. Ни о каких других присланных из Палмариса сообщениях мне не известно.

В глазах Джеховита вспыхнули угрожающие огоньки.

— Орден Абея располагает другими средствами связи, — заявил он. Калас насмешливо фыркнул и прищурился. — В городе неспокойно, — повторил аббат, обращаясь к королю. — И с каждым днем отсрочки по наведению там порядка опасность анархии возрастает. Уже поговаривают о том, что пора грабить торговый квартал, и можно не сомневаться, что бехренские жрецы, чьи языческие храмы расположены в непосредственной близости к порту, непременно воспользуются моментом.

— Вот тут и кроется истинная причина вашей обеспокоенности, аббат Джеховит, — прервал его Калас. — Боитесь, что языческие жрецы переманят ваших прихожан на свою сторону.

— Конечно боюсь. И король Хонсе-Бира тоже должен опасаться этого.

— Разве у нас церковь и светская власть не отделены друг от друга? — спросил Калас, не дав королю и слова вымолвить.

Дануб посмотрел на него, но возражать не стал. Отодвинул тарелку — позавтракать в спокойной обстановке все равно явно не получится — и сложил перед собой руки, предоставляя соперникам возможность продолжить словесный поединок.

— В Хонсе-Бире они выступают как братья, идущие рука об руку, — сказал Джеховит. — Однако в Бехрене дело обстоит иначе. Там королевством правят жрецы, и их мнение по всем проблемам жизни простого народа является решающим. Вы хотите, чтобы Палмарис стал плацдармом жрецов-язычников, герцог Калас? Посмотрим, какая вашему королю от этого будет польза. — В его голосе зазвучали саркастические нотки.

Герцог проворчал что-то нечленораздельное и отвернулся.

— Что вы предлагаете? — спросил король аббата.

— Назначить временного правителя, — ответил тот. — Время уже и без того потеряно, но сейчас, когда выяснилось, что барон не оставил наследника, нужно действовать без промедления.

Король Дануб повел взглядом по лицам собравшихся.

— А вы что скажете?

— В королевстве много людей благородного звания, которые могли бы занять эту должность, — ответил Калас.

— Но очень мало — если вообще есть — тех, кто пожелает отправиться в Палмарис, да еще в это время года, — вмешалась в разговор Констанция Пемблбери.

И это была истинная правда. В лишенном комфорта Палмарисе с его резким климатом существовало множество проблем, отсутствующих в Урсале, городе, где очень уютно, со всей возможной роскошью устроился королевский двор. Даже герцоги — в том числе и сам Калас — передоверяли своим баронам управление отдаленными городами, предпочитая оставаться в столице, заниматься охотой и рыбной ловлей, закатывать сногшибательные обеды и волочиться за женщинами.

— Существует единственный разумный выбор, — подал голос Джеховит. — Человек, обладающий огромной харизмой и к тому же уже имеющий большое влияние в городе.

— Нет! Только не он! — воскликнул Калас, но аббат и бровью не повел.

— Если в Палмарисе и сохраняется хоть какое-то подобие порядка, то лишь благодаря усилиям Маркало Де'Унnero, нового главы аббатства Сент-Прешес.

— Вы хотите, чтобы я даровал титул барона аббату? — недоверчиво спросил король Дануб.

— Церковь присвоит Де'Унnero другой, более весомый титул — епископа Палмариса.

— Епископа? — недоуменно спросил Калас.

— Этот титул редко используется в нынешние времена, — объяснил Джеховит, — однако прежде дело обстояло иначе. Он присваивался тем, кто исполнял обязанности одновременно барона и аббата.

— А в чем различие между епископом и аббатом? — спросил король Дануб.

— Титул епископа облакает властью, равнозначной той, которой располагает светский правитель, — ответил Джеховит.

— Только вот ответ держать епископ станет перед отцом-настоятелем, а не перед королем, — вставил Калас, и лицо Дануба омрачилось.

Собравшиеся — в том числе и хладнокровная Констанция Пемблбери — тут же начали возмущенно перешептываться.

— Нет, — поторопился ответить на этот выпад Джеховит. — Епископ держит ответ перед отцом-настоятелем по всем вопросам, касающимся церкви, а по проблемам управления городом — только перед королем. Я очень высоко оцениваю личные качества Маркало Де'Уннеро, король Дануб. Он молод и полон энергии. К тому же он едва ли не самый доблестный воин, вышедший из стен Санта-Мер-Абель, говорю это без всякого хвастовства!

— Трудно поверить, что аббат сможет вот так запросто перешагнуть через свои церковные связи, — заметила Констанция. — При всем к вам уважении, мой добрый Джеховит, вынуждена признать, что ваша просьба сводится к тому, чтобы король фактически передал часть власти отцу-настоятелю. И все только ради того, чтобы не тратить времени и сил на поиски более подходящей кандидатуры из числа людей благородного звания.

— Король в отчаянном положении, и я протягиваю ему руку помощи, — ответил Джеховит.

— Чушь! — взорвался Калас и добавил уже более спокойно, обращаясь к королю. — Я подберу вам подходящую кандидатуру вместо барона Бильдборо. Кого-нибудь из Бригады Непобедимых, может быть, или менее значительную фигуру из числа людей благородного звания. На худой конец, у нас в этом регионе уже размещен воинский контингент, возглавляемый достойным человеком и доблестным воином.

Король Дануб, явно в растерянности, перевел взгляд с Джеховита на Каласа.

— Что более опасно в тяжелые времена, хотелось бы знать, — вкрадчиво спросил аббат, — принять помощь от равного тебе партнера или усиливать позицию и подкармливать амбиции мелкой сошки? Человека, который, возможно, только и мечтает, как бы возвыситься?

Сраженный этим ударом Калас не нашелся что ответить. С побагровевшим лицом, он крепко стиснул зубы, с трудом удерживая себя в руках. Большинство собравшихся тоже были возмущены, хотя Констанцию все происходящее, скорее, забавляло.

— Прошу вас, обдумайте все преимущества моего предложения, — спокойно продолжал аббат, обращаясь к королю. — Если место барона Бильдборо займет никому не известный человек, жители Палмариса не будут знать, чего им от него ожидать. Пусть сначала Де'Уннеро успокоит их. Его они тоже знают не очень хорошо, поскольку он совсем недавно вступил в свою должность. К тому же церковные обязанности — Коллегия аббатов, в которой ваша Бригада Непобедимых тоже сыграла немаловажную роль, — не без умысла напомнил Джеховит, — заставили аббата Де'Уннеро почти на месяц оставить Палмарис. И все же если в городе и сохраняется хотя бы относительное спокойствие, то только благодаря его влиянию. И это несмотря на все испытания, через которые пришлось пройти жителям Палмариса.

Последовала долгая пауза, во время которой король обдумывал услышанное.

— Вы рекомендуете этого аббата только как временного правителя? — спросил он в конце концов.

— Пока временно... возможно, до наступления лета... а потом на ваше усмотрение, — ответил Джеховит. — Однако, мне кажется, вы будете просто поражены успешной

деятельностью Маркало Де'Уннеро. Он, без сомнения, наведет в Палмарисе порядок и тем самым усилит ваши позиции.

— Какой вздор! — Герцог Калас подошел к королю и встал рядом со своим противником. — Не верьте ни единому слову этого человека, мой король.

— Не вам указывать мне, чему верить, а чему нет, — жестко, холодно отрезал Дануб, заставив герцога невольно отступить.

— К тому же есть и другие соображения, — как ни в чем не бывало продолжал Джеховит, не обращая внимания на Каласа. — Тимберленд должен быть снова открыт для торговли и даже, возможно, объявлен территорией Хонсе-Бира.

— Уважаемый Джеховит, у нас договор с Бехреном и Альпинадором о том, что Тимберленд должен оставаться доступным для всех трех королевств, — напомнила ему Констанция Пемблбери.

— Однако уже на протяжении многих лет единственными поселенцами там являются жители Хонсе-Бира, — возразил аббат. — И, по моему глубокому убеждению, война в корне изменила ситуацию. Сейчас — думаю, с этим никто не будет спорить — Тимберленд принадлежит лишь поври и гоблинам. Если мы очистим от них этот регион, он может рассматриваться как завоеванная территория и перейти под управление короля Дануба Брока Урсальского.

— Ловкая комбинация, — согласился король, — хотя и чреватая всякими осложнениями.

— Тем больше оснований именно сейчас принять протянутую вам руку церкви, — гнул свое Джеховит, — ведь именно церковь оказывает заметное влияние на варваров южного Альпинадора. Объявив Де'Уннеро епископом, вы снимете с себя все заботы о Палмарисе. Ответственность за дальнейшую судьбу города целиком и полностью ляжет на церковь. А если Де'Уннеро преуспеет в достижении там порядка и благополучия, то народ неустанно будет восхвалять мудрого короля!

Физиономия герцога Каласа снова побагровела от ярости — как смеет аббат так откровенно и прямо подсовывать королю приманку!

Однако король, увы, уже проглотил ее; не будучи очень амбициозным, он был не прочь расширить свои владения. Внешне совершенно лишенное риска, предложение Джеховита сулило возможность присоединить к королевству северные территории, причем на вполне законных основаниях. Слишком лакомый кусок, чтобы от него отказаться. И к тому же Дануб Брок Урсальский был человеком импульсивным — что расчетливый аббат уже не раз с успехом использовал.

— Временный правитель, — объявил король. — Быть по сему. Сегодня же пошлите сообщение, что аббату Маркало Де'Уннеро присваивается титул епископа, — Джеховит улыбнулся; Калас недовольно заворчал. — А герцог Калас немедленно сообщит командиру воинского контингента в Палмарисе, что отныне его солдаты переходят в подчинение Де'Уннеро и остаются там, пока в городе не воцарится спокойствие. Теперь оставьте меня! — внезапно закончил король. — Мой завтрак, наверное, уже остыл.

Когда аббат выходил из комнаты, на его лице по-прежнему играла улыбка. Пропустив остальных, Констанция Пемблбери оказалась рядом с ним.

— Неплохо проделано, — сказала она, когда они остались одни.

— Можно подумать, мне от всего этого будет какая-то выгода, — запротестовал Джеховит. — Все, чего я желаю, — это услужить королю.

— Все, чего вы желаете, — это услужить отцу Маркворту, — с усмешкой заметила Констанция.

— Не слишком-то велика услуга. А если король решит, что Маркало Де'Уннеро не тот человек, который может править в Палмарисе?

— Уж и не знаю, что тогда делать. — В глазах Констанции вспыхнули лукавые огоньки. — Ведь епископа, и по закону, и по традиции можно сместить только по обоюдному согласию короля и отца-настоятеля. — Джеховит резко остановился,

пораженный тем фактом, что Констанция знала об этом, но промолчала во время разговора с королем. — Баланс сил неизбежно меняется после войны со всеми ее победами и поражениями, и у меня хватает прагматизма понимать, как велика власть церкви Абеля над обездоленными, настрадавшимися людьми. Есть ли в северных провинциях Хонсе-Бира хоть одна семья, которая не потеряла кого-нибудь? А когда у людей на душе тяжело, они, увы, склонны больше верить пустым обещаниям вечной жизни, чем тому, что все у них наладится еще на этой земле.

— Пустым обещаниям? — осуждающе переспросил аббат. — Вот, значит, как вы относитесь к церкви.

Констанция, однако, сделала вид, что не замечает его тона.

— Теперь в Палмарисе и северных территориях будет доминировать влияние Санта-Мер-Абель, — продолжала она. — Не так уж плохо для короля Дануба, учитывая, что ему предстоит сложный процесс очистки Тимберленда от врагов, который, скорее всего, приведет к пересмотру соглашений с нашими соседями.

— А когда эта задача будет выполнена?

Констанция пожала плечами.

— Я считаю неразумным идти против церкви, — ответила она.

— И что вы потребуете за свою помощь?

Женщина рассмеялась.

— На наш век тружеников хватит, я полагаю. Однако можно есть сухой хлеб, а можно... с маслом. У меня хватает ума понять, что теперь отец Маркворт держит в руках разделочный нож.

Физиономия аббата расплылась в широкой улыбке. Он понимал: перед ним не союзник; но ведь и не враг. И, по его глубокому убеждению, такую позицию наверняка займут многие знатные люди. До того как демон пробудился, они не сталкивались с серьезными проблемами и теперь мечтали как можно скорее снова избавиться от них.

Он оставил Констанцию — нужно было в уединении подготовиться к следующему духовному визиту отца-настоятеля. Маркворт будет доволен, без сомнения. И все же ситуация остается напряженной, поскольку есть еще, пусть и немногие, люди — как, скажем, герцог Калас, — которые никогда не согласятся с тем, чтобы церковь усиливала свое влияние в ущерб королевскому.

Да, впереди их ждет интересный год.

К рассвету дождь снова усилился, но ветер стих. Погода стояла не по-зимнему теплая, и это было хорошо, поскольку в противном случае путешествие в Палмарис пришлось бы отложить на несколько недель.

Пони и кентавр долго бродили у входа в пещеру. Они не знали, сколько поври уцелело, но то тут, то там камни начинали шевелиться — это очередной карлик пытался выбраться и сбежать. Кентавр обрушивал на обломок скалы удары дубины и разражался хохотом, когда в ответ слышался поток ругательств.

Сейчас настала очередь Пони караулить, вместе с Джуравилем, который присоединился к ним час назад. Смотритель рыскал по лесу, собирая ветки для растопки и крупные бревна для большого костра.

— Смотрите, какое славное бревнышко, — заявил он, вернувшись в очередной раз.

Пони и Джуравиль рассмеялись — ствол, который тащил кентавр, был не меньше двадцати футов в длину.

— Ага, в особенности если ты собираешься прошибить им дверь какого-нибудь замка, — съехидничал Джуравиль.

— Может, и придется, но только изнутри, если солдаты увидят меня, пока я стою и болтаю с глупым эльфом! — тут же парировал Смотритель и напомнил Джуравилю, что тот обещал на рассвете отправиться в лес, чтобы предупредить их о приближении солдат.

— Иду-иду, славный мой полуконь. — Джуравиль отвесил ему поклон и скрылся в

лесу.

— Скажет тоже — полуконь, — проворчал кентавр и бросил бревно на грудь других у входа в пещеру. — Интересно, если бы я был наполовину эльф, как бы он меня называл? Полупони, что ли?

Пони улыбнулась; ей нравились их бесконечные добродушные поддразнивания.

Кентавр потащил бревно к выходу, и тут из отверстия пещеры вылетела пущенная из арбалета стрела, едва не угодив ему в переднюю ногу.

— Разберешься с ним? — спросил он Пони.

Она уже держала в руке графит; миг — и вырвавшаяся из него слепящая молния угодила в отверстие пещеры. Оттуда послышались крики и проклятия, которые становились все глуше, по мере того как кентавр заваливал бревнами вход. Покончив с этим, он подтащил несколько огромных валунов для усиления воздвигнутой баррикады.

— Ты уверена, что сможешь поджечь все это? — спросил он Пони, наверное, уже в десятый раз.

Она бросила на него такой взгляд, что он счел за лучшее больше не приставать и вернулся к работе.

— Полуночник на подходе, — послышался голос Джуравиля. — Он уже обнаружил двух убитых поври. Солдаты идут следом за ним, но на расстоянии.

Пони подошла к завалу со змеевиком и рубином в руке, знаком показав кентавру отойти подальше. Спустя миг ее со всех сторон окружало мерцающее бело-голубое защитное поле, из которого выступала лишь раскрытая ладонь с лежащим на ней рубином. Собрав всю оставшуюся магическую энергию, Пони послала ее в сверкающий алый камень, и вскоре языки пламени охватили ее со всех сторон.

Смотритель и Джуравиль следили за ее действиями, предусмотрительно стоя в стороне.

Пони оглянулась, выбрала в гряде дерево посуше, втянула руку с рубином внутрь и освободила всю свою магическую энергию. Внезапно взрыв пламени полностью поглотил и ее, и баррикаду, сотрясая камни, яростно пожирая накинанные Смотрителем бревна, стреляя во все стороны искрами и горящими ветками.

Влажное дерево протестующе зашипело, но сила пламени была столь велика, что большинство веток и бревен все равно вспыхнули. Шипение усиливалось, когда дождь падал на горячие камни и испарялся в воздух.

Пони вышла из пылающего костра, и воздух наполнился клубами густого серого дыма. В пещеру, конечно, он повалил тоже. Пони сняла защиту, убрала рубин и змеевик, снова достала графит, предполагая, что в любой момент поври могут начать пробиваться сквозь баррикаду.

— Полуночник на подходе, — напомнил Джуравиль.

— Надо полагать, снаружи живых поври уже не осталось? — послышался из-за деревьев хорошо знакомый голос.

— А ты думал, мы будем всю ночь сидеть сложа руки, дожидаясь тебя с твоими лентями солдатами? — ответил кентавр и подмигнул Полуночнику, вышедшему из-за деревьев.

Тот посмотрел на дымящуюся грудь у входа в пещеру, на расколотые магическими зарядами валуны и перевел взгляд на Пони, обычно пышные волосы которой сейчас свисали мокрыми прядями. Его первой реакцией была злость. Как могли друзья затеять все это, ни словом с ним не обмолвившись? Как могла Пони подвергать себя опасности, а он ничего не знал об этом? Однако Элбрайн тут же заставил себя взглянуть на все происходящее ее глазами. В ней бушевала ярость гораздо более сильная, чем у него; ярость, которую она почти не имела возможности излить на врагов. Поскольку оба они оказались на положении преступников, Пони не осмеливалась открыто использовать камни во время сражений. И опять же, когда выяснилось, какой она хороший целитель, ей пришлось во время боев держаться в стороне, чтобы помогать раненым.

Потом, взглянув на все глазами кентавра, он проникся сочувствием и к нему. После

того как монахи вызволили Смотрителя из недр горы Аида, ему пришлось многое пережить — плен, жестокие пытки. И все же кентавр даже меньше Пони имел возможность принимать участие в сражениях, тоже из страха быть узнанным; ведь Шамус Килрони, что ни говори, был не только другом, но и капитаном армии короля.

Элбрайн снова перевел взгляд на Пони и почувствовал, что, несмотря на все погодные катаклизмы этой долгой ночи, которую она к тому же провела без сна, сейчас на душе у нее стала спокойнее, чем когда бы то ни было с тех пор, как они покинули Санта-Мер-Абель. Ну как он мог злиться на нее и кентавра за то, что они затеяли эту свою, личную войну?

— Похоже, вы славно повеселились, — с улыбкой сказал он.

— Ну, на твою долю тоже осталась парочка-троечка поври, — успокоил его Смотритель. — А сколько их будет на севере...

— Солдаты приближаются, — предостерег их Джуравиль, устроившийся на нижней ветке дерева.

Он сделал знак кентавру, тот подскакал к дереву, и эльф легко спланировал на его широкую спину.

— Мы и впрямь неплохо повеселились, правда? — Смотритель подмигнул Пони и скрылся в лесу.

Пони забралась на Грейстоуна, а Элбрайн, напротив, слез с Дара, вытаскивая эльфийский лук, Крыло Сокола. Сейчас дым стал гуще, но кто знает этих карликов? Они такие живучие.

— Чем это его? — недоуменно спросила Колин Килрони, разглядывая лежащего у подножия дерева мертвого поври.

У того в шее была сквозная дыра, и очень похожее отверстие уходило глубоко в ствол мощного дуба, древесина которого, как известно, отличается большой твердостью.

— Арбалет, скорее всего, — ответил один из солдат. — Поври часто их используют. Может, кто-то из своих нечаянно вышиб из него дух.

Колин пожала плечами. Солдат, наверное, прав, но ей в жизни не приходилось видеть арбалет, способный нанести *такой* удар.

— Дым в лесу, — доложил один из разведчиков.

Колин быстро взобралась на коня и поскакала вперед, чтобы догнать Шамуса, возглавляющего колонну. Вскоре все добрались до полянки перед пещерой и обнаружили Полуночника, который, низко пригнувшись, стрелял из лука в глубину пещеры через небольшие отверстия, которые образовались в завале, представляющем собой дымящуюся грудку бревен и валунов. Пони спокойно сидела на своем скакуне шагах в двадцати от Полуночника.

Колин бросила на нее оценивающий взгляд. Она уже знала, что Полуночник помолвлен с женщиной по имени Пони. Судя по всему, это она и есть, подумала Колин, получившая от одного из солдат ее описание. Очень подробное описание, кстати сказать; солдат просто захлебывался от восторга, рассказывая, какую огромную помощь оказывает им Пони после сражений.

Взглянув на молодую женщину, Колин поняла, чем объясняется восторженное отношение солдата. Пони и впрямь была хороша собой, с этими густыми волосами и огромными искрящимися глазами. Однако сейчас она просто сидела в стороне, словно покорная жена, ожидающая мужа-героя.

— Смазливая игрушка, — прошептала себе под нос Колин и презрительно фыркнула.

— Как тебе удалось разжечь огонь в такой дождь? — спросил Шамус Полуночника, подойдя к нему.

— Это не я, — усмехнулся тот. — Просто молния ударила очень удачно, сбила сверху деревья и обломки скалы, которые завалили вход. Вот поври и оказались в западне. Сегодня Бог на время одолжил нам свой громopodobный меч.

— По-моему, молнии так не бьют, — недоверчиво посмотрела на него Колин. — И

неужто это Бог так аккуратно сложил ветки и бревна? Или ты успел сделать это за те десять минут, на которые опередил нас? Много же тебе пришлось потрудиться.

— Нет, нет... — начал было Элбрайн, но Пони перебила его.

— Это наши друзья трапперы. Они увидели, куда попала молния — с час назад или чуть больше, — и подбросили в огонь веток и бревен.

— И убили караульных «красных шапок» в лесу? — продолжала допытываться Колин.

Пони пожала плечами.

— Мы обнаружили здесь трапперов, они и рассказали, как было дело. Когда они узнали, что вскоре вы появитесь, то сочли за лучшее убраться. Только попросили нас не дать уцелевшим поври сбежать.

— Нас? — по-прежнему недоверчиво спросила Колин, переводя взгляд с Полуночника на молодую женщину.

Пони сделала вид, что не придает значения вопросу и тону, каким он был задан.

— Они сказали, там десятка два этих негодяев, хотя кто знает, сколько их на самом деле уцелело?

— И, можете не сомневаться, они вскоре полезут наружу, — вмешался в разговор Полуночник. — Нужно поставить лучников в ряд напротив входа, тогда ни один не уйдет отсюда живым.

Шамус Килрони сделал знак лучникам занять позиции.

— Что-то слишком легко все получилось, — заметил он, обращаясь к Полуночнику.

— А что, непременно нужно, чтобы потруднее? — спросил тот.

Оба перевели взгляд на Колин и не удивились, заметив хмурое выражение ее лица.

В самом деле, такой поворот событий вовсе не обрадовал Колин Килрони. Когда власти в Палмарисе в конце концов решили послать кого-нибудь на север с сообщением о смерти барона, она добровольно вызвалась возглавить отряд. Дело в том, что аббат Добринион был ее личным другом. Уверенная, что его убили «красные шапки», она жаждала сразиться с ними, отомстить за смерть аббата. Сейчас она спрыгнула с коня, вихрем пронеслась мимо обоих мужчин и остановилась около дымящегося завала.

— Может, тут есть другой выход, — почти с надеждой в голосе сказала она. — Может, они уже выбрались наружу и обошли нас!

— Нет тут другого выхода, — ответил Полуночник. — Они в ловушке внутри пещеры и скоро станут задыхаться от дыма.

— А может, там есть хоть небольшие отверстия, через которые внутрь проникает воздух?

— Их легко можно найти и заткнуть, но, думаю, это ни к чему, — сказал Полуночник. — Дым слишком густой, и небольшие отверстия не меняют дела. Тех карликов, которые полезут наружу, мы перестреляем, а остальные умрут в пещере.

— Кто его знает? — задумчиво протянул Шамус. — Одна из удивительных особенностей этой войны состоит в том, что пленникам с обеих сторон просто на редкость везет.

— А на кой нам пленные гоблины? — взорвалась Колин. — Или эти вонючие «красные шапки»?

— Поври никогда не проявляют милосердия к людям, — встал на ее сторону Полуночник.

Они с Колин уставились друг на друга с одинаковым, слегка удивленным выражением, поскольку до сих пор по всем вопросам их точки зрения не совпадали.

— Я говорю не о милосердии, а о практичности, — сказал Шамус. — Эти поври в пещере никому уже не страшны. Судя по сообщениям, которые идут со всех концов королевства, сейчас карлики только и мечтают о том, как бы убраться домой. Может быть, если мы отпустим их, они в обмен на свободу сообщат нам что-нибудь важное о своих прежних союзниках.

— Ну да, а потом вернутся и убьют еще кого-нибудь! — горячо возразила Колин.

И снова Полуночник был согласен с ней.

— Разве можно доверять поври? Если даже они не нападут на нас опять, разве не станут они рыскать по морю, нападая на мирные суда?

— Но вдруг сведения, которыми они располагают, окажутся очень ценны? — продолжал настаивать Шамус.

Полуночник посмотрел на Пони, и, как ни странно, взгляды остальных тоже обратились на нее.

— Плевать я хотела на этих поври, — сказала она. — Делайте с ними все, что пожелаете, — убейте или возьмите в плен. Мне это безразлично.

— Очень вразумительный ответ! — с иронией заметила Колин.

— Я видела слишком много сражений, чтобы меня волновала судьба какой-то маленькой шайки «красных шапок», — возразила Пони.

Колин насмешливо фыркнула и отвернулась. Пони со слабой улыбкой посмотрела на Элбрайна; он понял, что она уже утолила гнев и ей в самом деле безразлична дальнейшая судьба поври.

— Ну, Полуночник, мы договорились? — спросил капитан Килрони.

— Ты обещал помочь мне избавиться от этих карликов до того, как вернешься в Палмарис, — ответил Элбрайн. — Однако как именно ты это сделаешь, выбирать тебе. Сражение закончилось еще до того, как я оказался здесь.

Шамус воспринял эти слова как знак согласия. Подошел к завалу, отыскал в нем отверстие побольше и закричал в темноту, обещая пощадить тех карликов, которые выйдут без оружия.

Некоторое время стояла тишина, и Шамус послал часть людей притащить еще сушняка, а остальные остались у завала и принялись размахивать одеялами, чтобы огонь разгорелся поярче и дым стал погуще.

Внезапно поври, осыпая людей проклятиями и камнями, бросились на баррикаду. В ней были отверстия, но слишком маленькие для их плотных бочкообразных тел, зато вполне достаточные для стрел лучников. Камни редко попадали в цель, а вот стрелы одна за другой валили с ног тех поври, которым удавалось вырваться на свободу. В конце концов наступление карликов захлебнулось.

Все произошло очень быстро, и вот уже опять наступила тишина, если не считать потрескивания горящих веток. У завала лежало несколько мертвых поври, раненые уползли обратно в пещеру, а одному в особенности не повезло — его придавило обломком скалы в непосредственной близости от огня.

Капитан Шамус Килрони снова прокричал свое предложение, назвавшись представителем короля Хонсе-Бира, облеченным властью в полевых условиях заключать любые соглашения.

На этот раз в ответ послышалось требование дальнейших гарантий, и только после того, как они были даны, двадцать семь уцелевших поври — среди них, как и следовало ожидать, оказались раненые — с почерневшими от копоти физиономиями выбрались из пещеры и были взяты под стражу.

Полуночник и Пони наблюдали за ними со стороны, он настороженно, она с самыми противоречивыми чувствами. Что касается Колин Килрони, с ней все было яснее ясного — то, что она испытывала, выдавали кислое выражение лица и глухое ворчание, издаваемое каждый раз, когда из узкого лаза в завале показывался очередной карлик в красной шапке.

Отряд тут же отправился обратно в Кертинеллу. Капитан скакал впереди, Полуночник рядом с ним, а Пони замыкала шествие. Вскоре к ней присоединилась Колин Килрони.

— Похоже, твое искусство целителя сегодня не понадобится, — снисходительным тоном заметила она.

— Я всегда радуюсь, когда так бывает, — рассеянно ответила Пони.

Колин прищипорила коня и поскакала вперед.

ГЛАВА 4

ТАЙНА РАСКРЫТА

Браумин Херд быстро и целеустремленно переходил из комнаты в комнату в верхнем этаже северного крыла аббатства. Он собирал подсвечники, которых в мрачном аббатстве было огромное количество, но не все подряд, а лишь указанные в списке, начатом еще Джоджонахом и законченном самим Браумином уже после гибели магистра. Во всех подсвечниках этого крыла было вставлено по солнечному камню, но только каждый тридцатый из вставленных камней обладал магическими свойствами. Это была та часть здания, где молодые монахи проходили испытания, и магистры установили систему магических солнечных камней, чтобы предотвратить любые мошенничества с чистым кварцем, позволяющим видеть на расстоянии, или даже с гематитом.

Магистр Энгресс, мягкий, спокойный человек уже в возрасте, объяснил брату Браумину, как определять заколдованные подсвечники, что было совсем нелегко, поскольку речь ведь шла о солнечных камнях! Браумину пришлось наплести ему, будто некоторые студенты подменяют подсвечники. Магистр ни о чем его не расспрашивал, поручив обрадованному Браумину каждый вечер после занятий переставлять подсвечники в нужном порядке.

Доверчивому старику Энгрессу, конечно, и в голову не приходило, чем на самом деле занимался Браумин. С десятью подсвечниками в руках молодой монах перед каждой следующей встречей сторонников Эвелина спускался в подземелье и расставлял подсвечники в стратегически важных точках соседних помещений для обнаружения духовной слежки, если она за ними ведется. Единственная надежда маленькой группки заговорщиков основывалась на полной секретности; если бы подозрительному Маркворту стало известно об их «подрывных» речах, им наверняка пришлось бы разделить судьбу магистра Джоджонаха.

Этой ночью Браумин особенно торопился; быстро собрал нужные подсвечники и переставил остальные таким образом, чтобы недостача не бросалась в глаза.

Брат Фрэнсис, однако, заметил изменение числа подсвечников. Он вошел в учебные помещения сразу же вслед за тем, как Браумин начал спускаться по редко используемой лестнице и затем торопливо зашагал по пустому пыльному коридору четырьмя этажами ниже.

Фрэнсис не стал его догонять; вместо этого он напрямик отправился в личные апартаменты отца Маркворта. Негромко постучал, боясь обеспокоить его. Когда Маркворт ответил, Фрэнсис вошел и увидел, что тот сидит за письменным столом, проглядывая какие-то бумаги и отодвинув в сторону остатки трапезы.

— Не следует вам за ужином заниматься делами, отец-настоятель, — сказал Фрэнсис. — Меня беспокоит, что вы... — Он замолчал под пристальным взглядом Маркворта.

— Список обширнее, чем я предполагал. — Отец-настоятель отодвинул бумаги.

— Санта-Мер-Абель нуждается в большом штате прислуги, — ответил Фрэнсис. — И многие из наемных рабочих по природе своей бродяги. Стоит им поднакопить денег на то, чтобы несколько раз пообедать, и они снимаются с места.

— На то, чтобы несколько раз выпить, — с кислой миной поправил его Маркворт. — Почему, в таком случае, ты не разбил этот список на более упорядоченные группы? На одном листе надо было указать тех, кто ушел еще до того, как сюда вторглись эти негодяи. На втором тех, кто ушел после их бегства, а оставшихся на третьем.

— Вы же сами торопили меня, отец-настоятель, — кротко возразил Фрэнсис. — И многие из тех, кто ушел еще до появления незваных гостей, позже вернулись. Слишком сложная получается система.

— Поработай над ней, в таком случае! — Маркворт сердито оттолкнул бумаги, так что они разлетелись во все стороны. — Усовершенствуй ее! Мы должны быть уверены, что

Джоджонах и эти негодяи не оставили в аббатстве шпионов. Выявляй всех подозрительных и следи за ними. Если у тебя будут основания думать, что кто-то — не важно кто — шпион, тайно арестуй его и приведи ко мне.

Чтобы ты пытал их, как Чиличанков, подумал Фрэнсис, но, конечно, промолчал. Однако сверкающий взгляд отца-настоятеля свидетельствовал о том, что он, возможно, догадался о чем-то по мрачному выражению лица молодого монаха.

— Ты следишь за братом Браумином? — спросил Маркворт. Фрэнсис кивнул. — Я не доверяю ему, — аббат поднялся и обошел стол, — хотя и не опасаясь. Он всегда симпатизировал Джоджонаху, но, думаю, со временем это пройдет. В особенности после интенсивного обучения, которое ему предстоит как будущему магистру.

— Вы решили повесить его?

Глаза Фрэнсиса широко распахнулись, не столько от удивления, сколько от злости. Ведь он так рассчитывал, что отец-настоятель сделает магистром его самого — в награду за преданную службу. А что получается? Это место достанется брату Браумину Херду, другу еретика Джоджонаха. Немыслимо, невозможно!

— Это самая разумная линия поведения, — ответил Маркворт. — Де'Уннеро и Джеховит, конечно, всегда были и будут на моей стороне, но многие из остальных аббатов приглядываются к моим действиям, пытаюсь понять, не преследовал ли я Джоджонаха из каких-либо личных побуждений.

— А были такие побуждения?

Что я говорю, с ужасом подумал Фрэнсис?

Отец-настоятель прекратил вышагивать по комнате, остановился на расстоянии вытянутой руки от Фрэнсиса и поглядел на него с такой яростью, что у бедняги мелькнула мысль, а не убьет ли Маркворт его прямо тут, на этом самом месте? Выглядевшие вблизи еще более устрашающими бритая голова и остrokонечные уши отца-настоятеля делали такую перспективу вполне реальной.

— Есть такие, кто потихоньку задает всякие вопросы, — потихоньку, потому что они трусы, как ты понимаешь. — Маркворт снова принялся большими шагами мерять комнату. — Их интересует, в самом ли деле внезапный поворот против Джоджонаха соответствовал интересам церкви и достаточно ли вескими были доказательства заговора, чтобы стоило столь поспешно выносить приговор и приводить его в исполнение. Я сам слышал, как некоторые из них бормотали, что лучше было бы добиться полного признания, прежде чем казнить его.

Фрэнсис кивнул, хотя и не хуже Маркворта понимал, что Джоджонах никогда не признался бы в том, в чем его обвиняли. Да, этот храбрый человек не отрицал, что участвовал в освобождении пленников. Но того признания, которого Маркворт от него добивался, — что много лет назад он помогал брату Эвелину украсть камни и убить магистра Сигертонa — он не сделал бы никогда. И Фрэнсис, и отец-настоятель прекрасно понимали, что такого сговора на самом деле и не было.

— Однако хватит об этом. — Маркворт взмахнул высохшей рукой, и Фрэнсис понял, что произошло что-то важное. — Баланс сил изменился.

— Внутри церкви?

— Между церковью и государством. Королю Данубу нужна помощь, чтобы навести порядок в Палмарисе. Сейчас, когда мертвы и барон, и его единственный наследник, в городе начались беспорядки.

— К тому же их любимого аббата Добриниона тоже больше нет.

— Ты нарочно испытываешь сегодня мое терпение, да? — прошипел Маркворт, сверля Фрэнсиса взглядом. — У жителей Палмариса есть новый правитель, посильнее Добриниона.

— Без сомнения, они полюбят и его. — Фрэнсис изо всех сил старался, чтобы в его голосе не прозвучало даже намек на иронию.

— Они будут уважать его! Бояться его. Они поймут, что не король, а только церковь властна над их жизнью, только она может дать им спасение и подлинную радость. Маркало

Де'Унnero сумеет объяснить им это или, по крайней мере, держать их в узде, пока они не поймут, в чем состоит истина.

— Он же всего лишь аббат.

— Епископ, — поправил Фрэнсиса Маркворт.

Молодой монах просто рот раскрыл. Он был одним из самых компетентных историков Санта-Мер-Абель и занимался вопросами геополитики различных регионов мира. Он лучше, чем кто бы то ни было, понимал, что стоит за титулом епископа, и знал, что этот титул не был никому пожалован вот уже на протяжении трех столетий.

— Ты, похоже, удивлен, брат Фрэнсис, — заметил Маркворт. — А меня удивляет, что король с такой легкостью отказался от второго по величине города Хонсе-Бира.

— Не с-с-совсем так... — заикаясь пролепетал монах. — Удивительно, что король отказался от второго по величине города Хонсе-Бира в пользу церкви.

Маркворт расхохотался — как будто Фрэнсис и впрямь сказал что-то смешное.

— Сейчас для меня особенно важно, чтобы ты был моими ушами и глазами в Санта-Мер-Абель, — заявил отец-настоятель.

— Вы уезжаете?

— Пока нет, но я буду больше занят делами за пределами аббатства. Так что не спускай глаз с брата Браумина и приглядывай за новыми студентами и служащими.

Маркворт махнул рукой, отпуская Фрэнсиса, и принялся снова вышагивать по комнате. Монах поклонился и вышел.

Возвращаясь в учебные помещения, он пытался разобраться в услышанном. Новости ошеломили его. Он никогда не был горячим поклонником Маркало Де'Унnero, главным образом потому, что, как и большинство остальных, смертельно боялся этого переменчивого и непредсказуемого человека. Как епископ, он будет обладать огромной властью; может, Де'Унnero станет настолько силен, что перестанет подчиняться даже отцу-настоятелю? Фрэнсис покачал головой, пытаясь отогнать эти пугающие мысли. Маркворт, похоже, доволен таким развитием событий; скорее всего, он сам приложил к ним руку.

И все же из головы не шел образ Де'Унnero после нападения поври на Санта-Мер-Абель — глаза вытаращены, весь покрыт кровью, главным образом вражеской, потому что сам он был ранен очень незначительно. А ведь это сражение он же и спровоцировал, причем им двигала исключительно жажда убийства — иначе с какой стати было открывать им ворота?

Монах содрогнулся. Что, если Де'Унnero все же вырвется из-под власти отца-настоятеля? И если это произойдет, удастся ли уцелеть Фрэнсису и другим монахам, преданным Маркворту?

Он шел, не разбирая дороги, но по случайному стечению обстоятельств повторяя путь Браумина. И, скользя по темным коридорам одного из нижних уровней, внезапно услышал, как кто-то молится еле слышным шепотом.

Вначале, как всегда, была молитва, обращенная к Джоджонаху и Эвелину. После нее все сидели тихо, явно нервничая и напряженно ожидая, что брат Браумин продолжит историю «Бегущего» и плавания на Пиманиникуит.

Ему были понятны их волнение и страх. Даже говорить открыто о Пиманиникуите считалось серьезным преступлением или, если угодно, роковой ошибкой. После возвращения с острова Пеллимар один из трех уцелевших во время путешествия братьев чересчур разболтался о своих приключениях.

И что же? Он не пережил ту зиму.

А теперь Браумин рассказывает об этом плавании четырем товарищам и тем самым фактически ставит их под удар.

Браумин подумал о Джоджонахе, представил себе, как он гордо стоял перед Марквортом — точно так же, как Эвелин перед демоном. Потом в памяти всплыла гора Аида и устремленная к небесам рука Эвелина, проткнувшая спекшуюся, покрытую пеплом

поверхность горы и как будто бросающая вызов самой смерти.

И тогда Браумин продолжил рассказ, повторяя те живые детали, о которых говорил ему Джоджонах. Снова рассказал о плавании, но уже более подробно. С гордостью поведал историю сражения с «бочкой» поври и в особенности о том, как героически вел себя во время него Эвелин.

— Он взял в руку рубин, — драматическим тоном рассказывал Браумин, для убедительности выставив перед собой кулак, — пробудил в нем магию, швырнул — швырнул, заметьте! — в открытый люк корабля поври и взорвал со страшной силой!

По комнате пронесся вздох удивления. Очень немногие оказывались способны продолжать воздействовать на камень даже после того, как непосредственный контакт с ним был нарушен, и это считалось высшим проявлением магического искусства, в особенности если речь шла о таком могущественном камне, как рубин.

— Все так и было, — заверил их Браумин. — И брат Эвелин даже не понимал значения того, что сделал. Когда по возвращении в Санта-Мер-Абель он рассказал о случившемся магистру Джоджонаху, тот просто умолял его никому не говорить ни слова, потому что это ясно доказывало, насколько был силен в каменной магии Эвелин Десбрис.

— А почему магистр Джоджонах хотел сохранить это втайне? — спросил Делман.

— Потому что такой вариант использования камней при желании можно истолковать как противоестественный взрыв силы, инспирированный демоном, — ответил Браумин. — Магистр Джоджонах был достаточно мудр, чтобы понимать, насколько инерционны руководители церкви Абея, склонные толковать все, хоть немного выходящее за рамки обычного, как угрозу своей власти.

Помолчав, Браумин продолжил повествование о плавании, но уже без прежнего воодушевления, почти меланхолическим тоном. Рассказал об убийстве братом Таграйном совсем молодого моряка — имя его с годами было позабыто — по приказанию брата Квинтала; убийстве, ставшем расплатой только за то, что парень спрыгнул с борта «Бегущего» и поплыл к священному острову. Рассказал о том, что уже на острове Таграйн утратил веру; впад в неистовство и почти обезумев, он пропустил момент, когда начался камнепад, и погиб от удара в голову тем самым камнем, с помощью которого впоследствии был уничтожен демон.

И потом, еще более мрачным тоном, Браумин рассказал о возвращении домой и о мятеже на корабле, закончившемся тем, что брат Квинтал разорвал на части главаря мятежников. В голосе Браумина зазвучали нотки гнева, когда он перешел к тому, как морякам «Бегущего» подсунули фальшивое вознаграждение — иллюзию золота, достигнутую с помощью магических камней, — и об окончательном надругательстве над всем святым, выразившемся в безжалостном уничтожении «Бегущего» и его экипажа.

Когда он закончил, воцарилась тишина; все были слишком ошеломлены, чтобы произнести хотя бы слово.

Однако был человек, которому в этот момент стоило невероятного труда сохранить молчание. В коридоре, прижавшись ухом к двери маленькой комнаты, стоял брат Фрэнсис, испытывая страстное желание ударом ноги распахнуть дверь, ворваться внутрь и прокричать Браумину прямо в лицо все, что он о нем думает! Хорошенько встряхнуть отступника и сказать, что эти глупые слова не пройдут ему даром, что за них он будет подвергнут мучительным пыткам и казнен. И главное, что он не только подставляет под удар самого себя, но и тех, кто его слушает, — их тоже ждет ужасная смерть.

А потому брату Фрэнсису хотелось рассказать им, как все происходило на самом деле, показать, что в изложении Браумина все события искажены, хотя... Хотя на самом деле Фрэнсису мало что было известно об этих событиях.

Он так и не вошел. Стоял у двери, истекая потом, тяжело дыша и успокаивая себя тем, что услышит остальную часть беседы и сможет выступить свидетелем перед отцом Марквортом против этих преступников, когда их призовут к ответу.

— Эта книга, — снова приступил к делу Браумин, доставая древний том из складок просторной рясы, — была найдена магистром Джоджонахом в очень старой библиотеке, не так далеко от того места, где мы сейчас находимся. Думаю, магистр Джоджонах чувствовал, что жить ему осталось недолго, и отчаянно пытался отыскать в исторических записях ответ на волнующий его вопрос.

— И он нашел его! — продолжал Браумин, выдержав драматическую паузу. — Вот здесь, в этой самой книге, подробном описании, сделанном братом Фрэнсисом...

— Фрэнсисом? — пискнул Виссенти почти истерическим тоном.

— Другим Фрэнсисом, — объяснил Браумин. — Человеком, который жил семь столетий назад.

— Ну да, это не мог быть наш Фрэнсис, — с усмешкой сказал Виссенти.

— Вряд ли наш дорогой брат Фрэнсис способен написать что-то такое, чего магистр Джоджонах не знал бы, — рассмеявшись, заметил Кастинагис.

— Разве что записки самоубийцы, — вмешался в разговор Делман, и все расхохотались.

Браумин быстро успокоил их, вернув разговор к прежней теме. Оказывается, в прошлые времена монахи Санта-Мер-Абель снаряжали на Пиманиникуит собственный корабль и открыто, хотя и с благоговением, говорили о священном острове. Никаких убийств или мятежей не было. Плавание, служившее поводом для великого праздника, не было порождением безудержной алчности, способной завести даже на стезю убийств.

Слушатели вздыхали и улыбались — приятно было сознавать, что святые заповеди, на которых основывалась церковь Абея, в самом деле существовали, хотя, к сожалению, сейчас были позабыты.

Брат Фрэнсис отнюдь не радовался; более того, его терпению пришел конец. Он толкнул дверь и ворвался в комнату. Все четверо вскочили и окружили его, едва не соприкасаясь головами.

— Грязная ложь! — воскликнул он. — Твои слова только внешне почтительны, а по существу, ты говоришь ересь.

— Ересь? — переспросил Браумин, стиснув кулаки.

Он сделал знак брату Виссенти. Тот, заметно нервничая, вышел в коридор, огляделся и, вернувшись в комнату, неслышно затворил за собой дверь.

— Ересь, — решительно повторил Фрэнсис. — Да за одни эти лживые слова человека могут сжечь на костре, а тех, кто их слушает...

— Лживые слова? — воскликнул Делман. — Рассказ брата Браумина звучит гораздо правдоподобнее того, о чем нам говорят отец Маркворт и магистры!

— Ты уже поддался порче! — возразил Фрэнсис. — Наслушался полуправды, искажающей священные события!

— Значит, ты считаешь, что мой рассказ о судьбе «Бегущего» лжив? — спросил Браумин.

— Все твои слова лживы! Ты глуп, брат Браумин, а эти твои подпевалы и вовсе ничего не соображают. Однако знайте: вы играете в опасные игры, гораздо более опасные, чем вы можете себе представить.

— Можем, очень даже можем, ведь все мы были свидетелями того, что произошло с магистром Джоджонахом, — сказал Кастинагис.

Перед внутренним взором Фрэнсиса внезапно возник образ магистра, и ему стало не по себе.

— Зачем ты пришел сюда? — спросил его Браумин.

— Чтобы назвать глупца глупцом, — ответил Фрэнсис, — и предостеречь его, чтобы он не обольщался, его тайна раскрыта. Чтобы предостеречь всех вас. — Он обвел взглядом собравшихся. — Ваши еретические разглагольствования очень опасны, потому что их могут услышать и принять на веру другие. А ты, брат Кастинагис, призови на помощь все свое

воображение и представь себя на месте маги... Джоджонаха.

Он повернулся, собираясь покинуть комнату, а остальные замерли в тревожном ожидании. Неужели Браумин так и позволит ему уйти?

Однако Браумин лишь кивнул. Братья расступились, освобождая Фрэнсису дорогу, и он беспрепятственно покинул комнату.

— Думаю, нашим встречам пришел конец, — с кривой улыбкой заметил Кастинагис.

Брат Браумин посмотрел сначала на него, потом на всех остальных. Ему хотелось успокоить товарищей, сказать, что их вера в него и в дело, доверенное ему магистром Джоджонахом, имеет под собой веские основания.

Но он не находил слов. В сознании каждого из них сейчас всплывал образ Джоджонаха, и Браумин не мог сделать ничего, чтобы изгнать его оттуда, не мог заверить их, что им не придется разделить судьбу магистра. На какое-то мгновение он задумался: может, и впрямь не следовало выпускать отсюда брата Фрэнсиса? Но что они могли сделать? Убить его? Или захватить в плен и держать под замком на одном из нижних этажей Санта-Мер-Абель?

Брат Браумин закрыл глаза и покачал головой. Единственным, что могло помешать раскрытию их тайны, было убийство брата Фрэнсиса.

Но как раз этого они сделать не могли.

— Прошлой ночью после вечерни брат Браумин отправился не в свою комнату, — заявил отец Маркворт. Брат Фрэнсис кивнул, стараясь выглядеть удивленным. — Ты знал об этом?

— Вы же сами велели мне приглядывать за ним, — ответил Фрэнсис.

Отец Маркворт помолчал в надежде услышать подробности, разочарованно вздохнул и задал наводящий вопрос:

— И куда же он пошел?

— Вниз, — коротко ответил Фрэнсис, но тут же торопливо продолжил, заметив недовольство на лице Маркворта. — Он постоянно спускается в библиотеку, где в последнее время работал еретик Джоджонах.

— Значит, он тоже на пути к проклятию.

Признание о том, что он видел и слышал, готово было сорваться с уст Фрэнсиса — пусть эти глупцы расплатятся за то, что сделали! — но его удержало одно обстоятельство. Прежде ему хотелось услышать от Маркворта, что на самом деле произошло с «Бегущим».

Он, однако, не сказал ни слова. Учитывая события последних месяцев — захват Чиличанков, холодное равнодушие, с которым Маркворт воспринял убийство Фрэнсисом Греди, казнь Джоджонаха, — Фрэнсис чувствовал, что не готов услышать подлинную историю «Бегущего». И еще он не знал, что станет делать со своей совестью, если выдаст Браумина и его товарищей, а потом будет стоять на площади деревни Санта-Мер-Абель и смотреть, как их пожирает пламя.

— Кто был с братом Браумином? — внезапно спросил Маркворт.

Фрэнсис хотел было сказать, что тот был один, но вопрос прозвучал слишком неожиданно. К тому же его терзал страх, что Маркворт уже знает правду.

— Брат Виссенти, — выпалил он.

— Ну конечно, кто же еще, — задумчиво произнес Маркворт. — Нервный маленький негодяй. И как я только допустил его в Санта-Мер-Абель! И брат Делман наверняка тоже с ними. Ах, вот этого жаль! В нем скрывается огромный потенциал. Именно поэтому я внес его в список монахов, которым было дозволено совершить паломничество на гору Аида.

— Может, этого не следовало делать, — осмелился высказаться Фрэнсис. — Может, именно во время этого путешествия он и попал под разлагающее влияние Джоджонаха.

— А разве ты не путешествовал вместе с ними? — с усмешкой спросил Маркворт. Фрэнсис с беспомощным видом поднял руки. — И еще кто? Кастинагис?

— Не знаю, может быть, — ответил Фрэнсис. — Я не мог подойти слишком близко. В этих нижних коридорах всегда пусто, и звук шагов отдается громким эхом.

— Подумать только! Еретические речи в самых недрах моего аббатства. — Маркворт уселся за письменный стол, с отвращением покачивая головой. — Как глубоко уходят корни заговора Джоджонаха? Впрочем, не важно. — Внезапно в его голосе зазвучала решимость. Он достал из ящика стола пергамент и потянулся к перу. — Жалкие ничтожества, не больше. Достаточно одного росчерка пера...

— Прошу прощения, отец-настоятель, — прервал его Фрэнсис, положив руку на пергамент.

Старик недоуменно поднял на него взгляд.

— У меня нет уверенности насчет их намерений, — торопливо объяснил Фрэнсис.

— Разве это не очевидно?

— По-моему, они просто пытаются найти для себя объяснение... — Фрэнсис запнулся, подыскивая нужные слова, — смерти Джоджонаха. И брат Браумин, и остальные знали его только с хорошей стороны. Он был их учителем.

— Нетрудно догадаться, чему он их учил, — сухо ответил Маркворт.

— Может быть. Однако более вероятно, что они просто пытаются понять причину тревоги, которая томит их души.

Маркворт откинулся в кресле, пристально глядя на Фрэнсиса.

— Твое сочувствие к ним кажется странным и неуместным.

— Это не сочувствие, а прагматизм. Брат Браумин — личность известная в других аббатствах, и многие относятся к нему с симпатией. К тому же ни для кого не секрет, что он был очень близок с Джоджонахом. Разве не по этой причине вы в прошлый раз сказали, что собираетесь возвысить его до магистра?

— Все, что я могу сделать для любого еретика, — это помочь ему поскорее воссоединиться с демоном, которого он почитает как своего бога, — ответил Маркворт.

— Но ведь, может быть, брату Браумину нужно просто немного времени, чтобы осознать правду, — симпровизировал Фрэнсис, не веря собственным ушам.

— В таком случае, пусть поторопится, — зловещим тоном ответил Маркворт.

Фрэнсис выпрямился и отошел от стола.

— Конечно, отец-настоятель. Я буду продолжать следить за каждым его шагом.

— С расстояния, неприметно. Может, в заброшенную нами сеть попадут и другие еретики, и тогда я одним махом прихлопну их всех, продемонстрировав подлинную мощь подлинного Бога.

Фрэнсис кивнул, поклонился и вышел из комнаты. Его потрясло главным образом собственное поведение. Почему он не выдал Браумина и его товарищей? Ведь он не верил ни единому их слову. Они уже ступили на тропу ереси, которая, несомненно, приведет их туда же, где оказался Джоджонах.

Мысленно повторяя эти слова, точно литанию, он старался не думать, не вспоминать...

...о том, что на пороге смерти магистр Джоджонах простил его.

ГЛАВА 5 РАЗЛУКА

Элбрайн и Пони помогли капитану Килрони доставить пленников в Кертинеллу и разместить их в одном из сараев. Хотя никто из карликов как будто не помышлял о бегстве, капитан не поскупился на охрану, предварительно разбив пленников на группы по трое в каждой.

Элбрайн сам отвел на место Грейстоуна и Дара — Пони слишком устала и тут же отправилась в предоставленный им с Элбрайном дом. Вернувшись через полчаса, он думал, что она уже спит, однако Пони, все еще в насквозь промокшей одежде, стояла у окна и смотрела в лес.

— Смотри, дыру в полу протопчешь, — с улыбкой сказал он.

Она мимолетно улыбнулась в ответ и снова отвернулась к окну.

— Нам нужно поговорить о том, что произошло сегодня ночью, — сказал Элбрайн, расстроенный тем, что Пони обошлась без его помощи.

— Существовала проблема, мы с кентавром ее уладили, вот и все.

— Эта проблема могла быть улажена и по-другому, — возразил он, — с меньшим риском.

Пони повернулась к Элбрайну с сердитым выражением лица.

— С меньшим риском для кого? Даже если бы весь гарнизон Палмариса участвовал в сражении, оно не прошло бы успешнее. Ни один человек не получил ни царапины, а угроза ликвидирована.

Она еще не договорила, а Элбрайн, точно защищаясь, поднял руки.

— Я просто боюсь...

— Что меня могут ранить? — перебила его Пони. — Или убить? Я тебе много раз говорила — не позволяй себе защищать меня.

— Что ты, что ты! Ровно в той степени, в какой ты позволяешь защищать меня. Просто я не уверен, что ты поступаешь разумно. — Он остановился, полагая, что она тут же бросится в атаку. Однако Пони лишь грустно смотрела на него, склонив голову набок. — Очевидно, что завал перед пещерой вспыхнул не от удара молнии.

— Ты так говоришь только потому, что знаешь о моей способности работать с камнями.

— Совершенно очевидно также, что магическое воздействие было очень сильным, — продолжал Элбрайн. — Кто знает? Может, в этой местности уже бродят монахи, которых отправили разыскивать нас и кентавра. Им не составит труда обнаружить, что кто-то использовал камни. — Пони кивнула; против этого ей нечего было возразить. — А пленники? Представляешь, какие слухи они могут распустить о твоём могуществе?

— Большинство тех, кто почувствовал его на себе, мертвы, — с мрачным видом ответила Пони.

— И все же я понимаю и тебя, и Смотрителя, — торопливо добавил Элбрайн. — Вас обоих переполняет праведный гнев, и тем не менее именно вам сейчас приходится мириться с пассивной ролью.

В этот момент Пони едва не сообщила ему о беременности. Она хотела объяснить ему, что позволила себе этот взрыв, потому что в ближайшее время у нее не будет другой возможности отомстить врагам, излить свою ярость; что ради будущего ребенка она собирается укрыться в более безопасном месте, что...

Он все говорил и говорил — о походе в Тимберленд, о том, что Пони и кентавр смогут принимать участие в сражениях, как только солдаты покинут их.

Она вряд ли слышала хотя бы слово, просто смотрела на этого человека, которого так любила. Медленно подошла к нему, а потом, оказавшись совсем рядом, подняла руку и приложила палец к его губам, заставив замолчать. Провела кончиком пальца по щеке, поднялась на цыпочки и нежно поцеловала его.

И сразу же почувствовала, как он напрягся, — наверняка вспомнил их яростное соитие недавно в лесу. Пони отступила, медленно скользя рукой по его щеке.

И вдруг этот момент внутренней тишины разрушила капля, скатившаяся с волос Элбрайна и со звонким «цанг!» упавшая им под ноги. Оба поглядели вниз и нервно засмеялись, увидев, что рядом с ними на полу уже натекла лужа. Потом они посмотрели в глаза друг другу, вспоминая все, что их связывало, все, что пришлось вместе пережить. Пони снова поцеловала его, и еще раз, и еще, все более страстно.

Не говоря ни слова, отступила на шаг и расстегнула плащ, позволив ему упасть на пол. Расшнуровала тунику и стянула ее через голову. Так, обнаженная по пояс, она замерла, глядя на своего возлюбленного.

Он, однако, тоже не двигался с места. Не уверен, что правильно понял ее? До сих пор потрясен той яростью, с которой она в прошлый раз накинулась на него?

Грустно улыбнувшись, Пони снова подошла к Элбрайну, поцеловала, и его руки

наконец обхватили ее плечи, заскользили по влажному телу.

На этот раз все было совсем иначе, чем тогда, в лесу, — легкие прикосновения, ласковые слова, нежные поцелуи и объятия.

Потом они лежали, тесно прижавшись друг к другу. Пони больше не заводила разговора о своих дальнейших намерениях, но оба знали — с утренним светом они расстанутся. Она поскачет на юг, ему предстоит дорога на север.

И снова у нее мелькнула мысль рассказать ему о своем состоянии, и снова она отвергла ее, исключительно ради его душевного спокойствия. Перед ним лежит долгий путь на север, в Дундалис, когда-то бывший их домом. Чтобы выполнить свою задачу — обеспечить безопасность каравана и очистить регион от остатков вражеских сил, — Элбрайн не должен ни на что отвлекаться.

Всю оставшуюся часть дня и ночь они не расставались и никуда не выходили. Разговаривали мало, просто радовались обществу друг друга.

Утро выдалось ярким и чистым. Они пошли в лес; на прощание — совместный танец с мечом. Потом Пони оседлала Грейстоуна и упаковала припасы.

— Встретимся здесь же в день весеннего равноденствия, — сказал Элбрайн.

— Всего-то три месяца. Ты справишься?

— Вряд ли мне удастся долго удерживать Томаса, — ответил он. — Он так и рвется в Тимберленд.

— Тогда немедленно отправляйся в путь и поскорее возвращайся обратно. Я буду ждать тебя здесь.

Элбрайн вздохнул и вдруг улыбнулся ей мальчишеской улыбкой; зеленые глаза сверкнули в утреннем свете.

— Слишком долго без тебя.

— Значит, договорились — встречаемся в Кертинелле в день весеннего равноденствия, — сказала Пони. — К тому времени я окончательно успокоюсь, перестану оглядываться на прошлое, буду смотреть только вперед.

— Ну да, ведь впереди нас ждет безоблачная жизнь без забот и тревог.

Оба рассмеялись, прекрасно понимая, что для воспитанного эльфами рейнджера легких путей нет. Они будут жить на краю Вайлдерлендса, защищая три маленькие деревушки от гоблинов и поври, великанов и диких зверей; вместе со Смотрителем защищая животных и лес от легкомысленных и черствых людей.

Нет, это не будет безоблачная жизнь без забот и тревог, понимала Пони. Хотя бы потому, что в нее войдут плач и смех малыша со всеми сопутствующими этому радостями и горестями. И снова признание едва не сорвалось с ее уст, и снова она сдержала его. Поцеловала Элбрайна долгим, нежным поцелуем, взобралась на Грейстоуна и поскакала на юг.

Ни разу не оглянувшись.

— Она ушла, — сказал Элбрайн, когда в зеркале Оракула появился образ дяди Мазера. — И мне уже недостает ее, хотя утро еще в самом разгаре.

Прислонившись к холодной стене маленькой пещеры, он усмехнулся, немного осуждая себя за такую чувствительность. Но что делать? Ему в самом деле недоставало Пони, а мысль о том, что разлука продлится несколько месяцев, причиняла боль. Сидя здесь, в темноте и тишине, он с трудом верил, что стал настолько зависим от нее. Мало того что она обладала прекрасными бойцовскими качествами и навыками опытного воина. Она эмоционально поддерживала его, стала ему другом — единственным другом-человеком среди тех, кого он относил к своим ближайшим друзьям; ей он мог доверить все свои мысли и чувства.

Элбрайн тяжело вздохнул и снова усмехнулся, подумав о том, какая пустота в душе ожидает его на протяжении долгого пути на север.

— Мне понятно, почему она захотела уйти, дядя Мазер, — продолжал он. — И пусть я

по-прежнему не согласен с ее решением, она вправе поступать так, как считает нужным. И сейчас я меньше беспокоюсь за нее, чем несколько дней назад. Достаточно вспомнить ее реакцию, когда Шамус Килрони решил взять карликов в плен. Всего неделю назад Пони ни за что не согласилась бы на это или, что даже более вероятно, убила бы всех поври еще до нашего появления. Может быть, ее печаль начала отступать. Это наверняка произойдет, когда она окажется в Палмарисе и увидит, что Белстер О'Комели сумел вернуть «Другу» его прежнее процветание, в чем я ничуть не сомневаюсь.

— Мне недостает ее, и разлука будет тяжелой и долгой, — повторил Элбрайн. — Но, может быть, все к лучшему. Сейчас Пони нужно побыть там, где не льется кровь, чтобы оплакать Чиличанков. Не думаю, что север подходящее место для этого. Там наверняка осталось еще немало поври, гоблинов и даже великанов.

Элбрайн закрыл глаза и провел рукой по густым русым волосам.

— Солдаты тоже ушли, — заговорил он снова, обращаясь к молчаливому призраку, — почти сразу же после Пони. Мне будет не доставать и Шамуса Килрони, он хороший человек, но я рад, что в походе на север с нами не будет солдат. Люди, которых я поведу, сохраняют тайну кентавра и Джуравилы; будут молчать они и о том, что Пони владеет каменной магией. Томас Джинджерворт понимает, как это важно, и делает все, чтобы никто не проболтался. Только чересчур любопытный человек может обратить внимание на меня и Пони, а вот со Смотрителем дело обстоит иначе. Слишком уж он приметен, и всякий, кому известно о недавних событиях в Санта-Мер-Абель и аббатстве Сент-Прешес, сразу же узнает его. Пусть солдаты идут себе на юг; мы со Смотрителем и Джуравилем справимся сами.

Да, все правильно, подумал Элбрайн. Хорошо, что Пони отправилась в Палмарис. И он действительно верил, что никаких непреодолимых трудностей на севере их не ожидает. Его мысли вернулись к воспоминаниям о недавней близости с Пони, полной нежности и в этом смысле резко контрастирующей с тем, что произошло ранее, в лесу. Он знал: именно это выражало истинную суть их отношений, их взаимной любви; а то, что она смогла справиться с гневом и печалью, внушало надежду.

С уверенностью, что его жена сумеет одолеть все трудности, он покинул пещеру. Снаружи утро было уже в самом разгаре — яркое, с чистым, безоблачным небом. Более того, от одного края горизонта до другого сияла радуга — как благословение, как обещание. Элбрайн улыбнулся, в зеленых глазах вспыхнули искорки; возникло странное ощущение, будто радуга предназначена для него и Пони, будто, несмотря на расстояние, она соединяет их.

На сердце у него стало легче. Он — воспитанный эльфами рейнджер Полночник; он не имеет права отчаиваться. Сейчас на его сильные плечи возложена задача очистить Тимберленд от поври, гоблинов и великанов; и горе тем монстрам, которые встанут у него на пути.

Съехав с дороги в небольшую рощицу неподалеку от Ландсдауна, Пони тоже увидела радугу. Однако она остановилась не ради того, чтобы полюбоваться на ее красоту, и никаких романтических мыслей относительно того, что радуга — это мостик между нею и Элбрайном, у нее не возникло.

Ее взгляд был прикован к облаку пыли, свидетельствующему о приближении капитана Килрони и его солдат.

Пони углубилась в рощу.

Наконец головной всадник проскакал мимо, обшаривая взглядом местность; однако Пони он не заметил.

Вскоре показались Шамус Килрони и его решительная кузина; они, как обычно, спорили. Пони подумала, что ей будет не доставать Шамуса Килрони. Она уважала этого человека и полагала, что, если бы их встреча произошла при других, менее тяжелых обстоятельствах, они могли бы стать друзьями. Колин не вызывала у нее особой симпатии; ей не нравился снисходительный тон этой женщины. Но это так, пустяки. Что ни говори,

Колин производила впечатление опытного воина. Чувствовалось, что за время войны ей пришлось многое испытать, и наверняка именно этим объясняется ее подозрительность.

Мимо проскакали солдаты по четыре в ряд. Пони стало чуть-чуть обидно за них — они выглядели не так браво, как рыцари прославленной Бригады Непобедимых, которых Пони приходилось видеть, когда она служила в королевской армии. Никаких сияющих доспехов; но это были умелые, испытанные в боях воины, усталые, но готовые отразить любое нападение.

Позади солдат шли плененные поври, связанные от пояса к поясу и нагруженные кто мешком с припасами, кто вязанкой дров. Несмотря на груз, они не отставали от солдат. Поври всегда славились своей выносливостью. Их бочкообразные суда не имели парусов и приводились в движение ножными рычагами. Тем не менее поври свободно пересекали открытый Мирианик и даже умудрялись догонять идущие под парусами суда. И сейчас поври держали шаг наравне с лошадьми, без ропота и жалоб.

Отряд проскакал мимо, ушел за поворот и скрылся из виду. Хорошо знакомая с тактикой капитана Килрони, Пони знала, что торопиться не следует, — наверняка вскоре появится пара замыкающих; так оно и произошло.

Только после этого она выехала из рощи.

— Ты так ничего и не сказала ему, — прозвучал знакомый голос.

Пони резко повернулась и увидела Джуравилья, удобно устроившегося на ветке в десяти футах над землей.

— Мы что, снова будем это обсуждать? — сердито спросила она.

— Я лишь опасаюсь...

— Знаю я, чего ты опасаешься, — перебила его Пони. — И я опасаюсь того же. Если Элбрайн погибнет на севере, то так и не узнает, что стал отцом.

Джуравиль в волнении перепрыгнул на ветку пониже.

— Как холодно ты это говоришь.

— Ну, что есть, то есть. Мы с Элбрайном наступаем смерти на пятки с тех самых пор, как отправились в поход на гору Аида.

— И все же, думаю, ты жалеешь, что не сказала ему.

— Жалею, да, но знаю, что это было бы неправильно. Если бы он узнал правду, то не пошел бы на север, по крайней мере без меня. А я не собираюсь идти в Дундалис.

— Никогда?

— Ну почему же? Дундалис — мой дом, и, конечно, я туда вернусь. Но не сейчас. — Пони помолчала. — Тимберленд нужно очистить от врагов, и никто не сделает это лучше Полуночника. — Эльф кивнул в знак согласия. — А раз так, Белли'мар Джуравиль, не говори ничего Элбрайну. Но я обещаю тебе: мой ребенок будет расти в Дундалисе, и с Элбрайном мы встретимся еще до того, как он родится.

— Если Элбрайн окажется при смерти, я скажу ему правду.

Пони улыбнулась и кивнула.

— Не сомневаюсь в этом, друг мой.

— Еще одно обещание — и я буду удовлетворен, — после паузы сказал Джуравиль. — Дай слово, что всегда будешь думать о собственной безопасности, не будешь нарываться на сражения и вообще будешь держаться подальше от всяких заварушек. — Во взгляде Пони снова вспыхнуло возмущение. — Это не только твое дитя, но и Полуночника, поэтому его безопасность очень волнует тол'алфар.

— С какой стати ты просишь об этом? — взорвалась Пони. — Будь спокоен, я берегу моего...

— А поври в пещере? — не менее возмущенно прервал ее Джуравиль, но тут же обезоруживающе улыбнулся.

Ну, что с ним поделаешь? Эльф — настоящий, преданный друг, и он искренне беспокоится за нее.

— Сдаюсь, — засмеялась Пони. — Обещаю.

— Тогда до свидания, — грустно сказал Джуравиль. — И смотри не забывай наш уговор. Ты понятия не имеешь, насколько важна зародившаяся в тебе жизнь.

— Что ты имеешь в виду? — с беспокойством спросила Пони, почувствовав, что за словами Джуравилья что-то скрывается.

— Красоту малыша.

Уклончивый ответ, но Пони слишком хорошо знала эльфов, чтобы понимать: большего от него не добиться.

— Мы с Элбрайном встретимся в день весеннего равноденствия в Кертинелле, — сказала она. — Надеюсь, и ты там будешь.

Джуравиль произвел в уме быстрый подсчет. Со слов Пони он знал, что ребенок был зачат на пути в Санта-Мер-Абель на исходе лета. Интересно, будет ли она в состоянии отправиться в путь в то время, о котором говорит? Но распространяться на эту тему эльф не стал; в конце концов, расчет времени она может сделать лучше него.

Пони достала из сумки гладкий серый камень — камень души, как его называют.

— Хочешь взять? — спросила она. — Это исцеляющий камень, он может вам пригодиться.

Джуравиль покачал головой.

— У нас есть магическая повязка, которую носит Смотритель. Пусть камень останется у тебя.

Пони убрала камень.

— День весеннего равноденствия, — напомнила она.

— Счастливого тебе пути, Джилсепони Виндон, — ответил Джуравиль.

Пони улыбнулась ему напоследок, прищипорила коня и рысцой поскакала по дороге на юг.

Джуравиль провожал ее взглядом, задаваясь вопросом, доведется ли им еще встретиться. Хорошо, что на лице Пони несколько раз промелькнула улыбка, пусть мимолетная и не свидетельствующая о том, что ей по-настоящему весело. Настроение у нее такое неустойчивое, реакция на каждое слово такая болезненная. Ах, оставалось лишь надеяться, что ей удастся избежать неприятностей на опасных улицах Палмариса.

Но даже если, как и договорено, весной Пони вернется в Кертинеллу, Джуравиль не был уверен, что они там встретятся. Пора ему возвращаться домой, в Эндур'Блоу Иннинес. Нужно сообщить госпоже Дасслеронд о ребенке Полуночника, который, в сущности, был ребенком тол'алфар.

Пони все время держалась на расстоянии от скачущих впереди солдат. Наконец они разбили лагерь среди заброшенных крестьянских домов в одном из множества селений, которые все еще лежали в развалинах.

Пони устроилась на ночь неподалеку. Теплый свет в окнах, человеческие фигуры, снующие из дома в дом, — все это успокаивало. Солдаты чувствовали себя уверенно. И все же Пони казалось, что со стороны капитана Килрони глупо держаться столь открыто, в особенности если учесть, что с ними более двадцати пленников.

Поэтому ночью Пони мало отдыхала; используя камень души, она незаметно, но неусыпно охраняла отряд.

В это время Элбрайн, Джуравиль и Смотритель удобно расположились на холме неподалеку от Кертинеллы. Полуночник лежал на спине, подложив руки под голову и глядя в усыпанное звездами небо. Смотритель тоже улегся, скрестив передние ноги, хотя и держал прямо человеческую часть туловища.

— Тяжело дышать, если лягу на бок, — объяснил он друзьям.

Из всех троих больше всех был возбужден Джуравиль. Он смотрел не столько вверх, сколько на Элбрайна, хотя ни один эльф в такой ясный вечер не смог бы остаться равнодушным к зрелищу усыпанного звездами неба. Джуравилья беспокоили грустный вид

Элбрайна и его поза, свидетельствующая не о безмятежном состоянии духа, а о покорности судьбе.

Смотритель тоже заметил состояние Элбрайна.

— Она вернется, — сказал он. — Ты же знаешь, на сердце у нее только ты.

— Конечно, — Элбрайн усмехнулся, но тут же вздохнул.

— Ох уж эти мне женщины! — горестно посетовал кентавр. — Временами я радуюсь, что поблизости нет представительниц прекрасного пола моего рода.

— Звучит не слишком весело, — криво улыбнувшись, ответил Элбрайн и посмотрел на Джуравилья.

— Ах, хорошо все-таки быть кентавром! — Смотритель игриво подмигнул ему. — Тут полно диких кобыл. И никаких тебе вопросов и объяснений!

Элбрайн закрыл лицо руками и вздохнул, не желая продолжать разговор в том же духе, но не в силах избавиться от навешанной словами грубого кентавра картинкой, возникшей перед его внутренним взором.

— Радуйся, что Дар жеребец, — заметил Джуравиль, и Полуночник снова испустил тяжкий вздох.

Смотритель только пуще расхохотался.

Потом, успокоившись, они молча отдыхали на холме, глядя в ночное небо. Спустя какое-то время кентавр достал волынку. Безыскусная мелодия, плывущая между деревьями, словно вечерний туман, лишь усиливала таинственное очарование ночи.

ГЛАВА 6 ОЖИДАНИЕ

Роджер Не-Запрещь ругал себя за глупость. Конечно, глупость, потому что он наверняка ошибается. И все же он упрямо шел по коридору к апартаментам отца Маркворта с метлой в руке, пытаясь напустить на себя унылый — может, слишком унылый? — вид, как будто ему поручено произвести где-то здесь поблизости уборку.

У двери отца-настоятеля он остановился, огляделся, даже немного помахал метлой.

— Целый час, — прошептал он, подбадривая себя.

Монахи собрались на вечерню, и сюда никто не должен был прийти по крайней мере в течение часа. Ночь за ночью Роджер очень внимательно изучал распорядок в аббатстве, прекрасно отдавая себе отчет в том, что одна-единственная ошибка может стоить ему жизни. Воспоминание об Элбрайне, Пони и герое кентавре, с которым он никогда не встречался, укрепило его решимость. Оглянувшись в последний раз, он подошел к двери и опустился на одно колено.

На то, чтобы открыть простой замок, у него ушло всего несколько секунд. Легкость, с которой оказалось возможным проникнуть в помещение самого могущественного в мире монаха церкви Абея, заставила Роджера замереть на месте. Он испугался, что, возможно, тут установлена какая-нибудь магическая или механическая ловушка. Внимательно оглядел дверной косяк, но не обнаружил ничего. Еще раз посмотрел в оба конца коридора, глубоко вздохнул и напомнил себе, что магическую ловушку невозможно разглядеть.

Но зато он наверняка почувствует ее присутствие — по той боли, которую ощутит, если она сработает.

Упрямый юноша вошел в комнату и снова опустился на одно колено, чтобы запереть замок. Потом, прислонившись к двери и едва дыша, он огляделся по сторонам. Апартаменты Маркворта состояли из четырех комнат. Это было центральное помещение, что-то вроде приемной. Дверь в левой стене была закрыта, в отличие от той, которая находилась прямо напротив входа позади письменного стола; за ней можно было разглядеть другое помещение и угол постели. Третья дверь, справа, была широко распахнута, позволяя видеть четыре удобных кресла, стоящих на ковре перед очагом, в котором тлел огонь.

Роджер вошел в эту дверь и оказался в кабинете, но вскоре вернулся в приемную, не

обнаружив ничего сколько-нибудь примечательного. Потом он обследовал спальню и там на ночном столике нашел дневник Маркворта. Читать много Роджеру не доводилось, хотя одна добрая женщина в Кертинелле, тетушка Келсо, научила его. Почерк Маркворта оказался очень разборчивым; Роджер понимал практически все — немалый подвиг для простого крестьянского паренька. Монахи умели читать и писать, как и большинство людей благородного звания, как воспитанный эльфами Полуночник, Пони и другие исключительные личности. Но хорошо, если двое из тридцати тех, кто называл себя подданными короля Дануба Брока Урсальского, знали хотя бы буквы.

По этим меркам Роджер Не-Запрещь был чтец хоть куда. Но только вот беда — то и дело попадались незнакомые слова, а иногда ему не удавалось уловить логическую связь между предложениями. Быстро пролистав дневник, он не обнаружил в нем ничего ценного. В основном философские размышления вроде рассуждений о том, что церковь важнее простого народа, светской власти и даже короля. Эти слова заставили Роджера содрогнуться, вспомнив недавнее убийство одного из светских правителей, барона Бильдборо, человека, который сумел вникнуть в его обстоятельства и занял вместе с ним позицию против церкви.

Продолжая перелистывать дневник, Роджер пришел к выводу, что его писали два разных человека; точнее, одна рука, но некоторые записи были сделаны как бы от себя, а другие под диктовку. Разница ощущалась не столько в формулировках, сколько в тоне.

Нет, что-то тут не то. Или и в самом деле писали два человека, или у отца Маркворта серьезные проблемы психического свойства.

Роджер задумался, можно ли каким-то образом использовать дневник против Маркворта. Скажем, прийти с дневником к королю, присовокупив к нему то, что было известно самому Роджеру: что какой-то монах, а вовсе не поври убил аббата Добриниона и что барона Бильдборо тоже убил человек, имеющий отношение к церкви, а не дикий зверь.

Нет, его слова будут восприняты как вздор, даже если в качестве доказательства он представит дневник. Роджер поискал еще какие-нибудь отрывки о короле, но отец Маркворт был очень осторожен в выражениях; никаких намеков на предательство или умысел против короны, просто философские рассуждения. Это не доказательство, одна болтовня.

Зато еще кое-что привлекло внимание Роджера: снова и снова Маркворт упоминал о каком-то озарении, о голосе внутри, о направляющей руке. Складывалось впечатление, будто отец-настоятель думает, что с ним напрямую говорит Бог и что сам он единственный в мире представитель Высшего Существа.

Эта мысль снова заставила Роджера содрогнуться; замеченное прежде теперь выглядело совершенно иначе. Что может быть опаснее человека, возомнившего себя представителем Бога?

Он положил дневник на столик и покинул спальню.

Теперь оставалась лишь одна, запертая дверь. Подозрения Роджера усилились, когда стало ясно, что на ней установлены три отдельных замка. Более того, на двух из них обнаружились ловушки по типу «игла-пружина».

Потратив немало времени на изучение ловушек, Роджер приступил к делу, орудуя зубочисткой и выводя ловушки из строя таким образом, чтобы потом можно было легко вернуть их в прежнее состояние. Поняв, сколько он потерял на них времени, Роджер тяжело вздохнул и все же, прежде чем приступить к замкам, тщательно проверил, не пропустил ли еще чего-нибудь. Наконец дошла очередь и до замков, с которыми он, как обычно, справился без труда.

Комната оказалась почти пуста, если не считать нескольких подсвечников, большой раскрытой книги и вырезанного на полу странного узора. Сердце Роджера бешено заколотилось, дыхание участилось, а по спине побежало неприятное покалывание. Здесь была совершенно жуткая аура — холод, тьма духа, чувство полной, всеобъемлющей безнадежности. Его так и тянуло поскорее уйти, и все же он набрался мужества и взглянул на название книги. «Колдовские заклинания». Роджер тут же покинул комнату, а когда закрыл дверь, то несколько долгих минут простоял, прислонившись к ней и дожидаясь, пока

перестанут дрожать руки, чтобы можно было заняться замками.

Теперь оставалось лишь осмотреть приемную и огромный письменный стол со множеством выдвижных ящиков, в надежде обнаружить хоть там что-нибудь стоящее.

— Он, должно быть, где-то здесь, брат, — извиняющимся тоном произнес магистр Мачузо, полноватый невысокий человек с румяными и такими округлыми щеками, что в них почти утопал крошечный нос. С этими словами он повел брата Фрэнсиса по кладовым, но молодого человека, которым тот интересовался, нигде не было. Магистр как раз шел на вечерню, когда Фрэнсис задержал его под предлогом неотложного дела. — На этой неделе Роджер Биллингсбери должен работать в кладовых.

— Прошу прощения, магистр Мачузо, — вежливо поклонившись, с улыбкой сказал Фрэнсис, — но у меня такое впечатление, что здесь его нет.

— Само собой! — Мачузо смущенно засмеялся. — Ох, я стараюсь держать их в узде, но, сам знаешь, по большей части они здесь надолго не задерживаются. Заработают на выпивку или курительный табак — и поминай как звали. Все сельские жители наслышаны о нашем великодушии и знают, что им ничего не будет, если они сбегут. Я даже возьму их обратно, когда спустя несколько недель они придут снова и будут умолять, чтобы им дали работу. — Жизнерадостный магистр снова рассмеялся. — Если уж Божьи люди не станут прощать людям их слабости, то кто тогда станет?

Фрэнсис сумел заставить себя улыбнуться.

— Деревенские жители, вы сказали. Этот Роджер Биллингсбери... Он из деревни Санта-Мер-Абель? Вы знакомы с его семьей?

— На второй вопрос уверенно отвечаю «нет» и, наверно, то же самое и на первый. Я знаком с большинством жителей... конечно, из самых почтенных семей... но не знаю никаких Биллингсбери. Если не считать юного Роджера, конечно. Хороший парнишка. Старательный, ловкий такой. И не дурак.

— Он сказал, что он из этой деревни? — продолжал допытываться Фрэнсис.

Мачузо пожал плечами.

— Может, и так. По правде говоря, я мало обращаю внимания на такие детали. Во время войны многие были вынуждены покинуть родные места. Некоторых деревень просто больше нет. И если юный Роджер заявляет, что он из Санта-Мер-Абель, с какой стати я стану допрашивать его?

— Конечно, конечно. — Фрэнсис снова поклонился. — Вы этим вовсе не должны заниматься, магистр Мачузо. Уверен, что, если бы все мы в Санта-Мер-Абель относились к своим обязанностям столь же добросовестно, как магистр Голвай Мачузо, жизнь отца-настоятеля была бы несравненно легче. — Общительный толстяк снова рассмеялся. — А куда еще мог отправиться юный Биллингсбери, не знаете?

Мачузо задумался, но затем покачал головой и беспомощно развел руками.

— Если он не сбежал, то наверняка вернется в кладовые. Говорю тебе, он усердный малый.

Фрэнсис от всей души надеялся, что Роджер не покинул Санта-Мер-Абель. Если подозрения Фрэнсиса имеют под собой почву, Роджер избавит его от некоторых очень назойливых проблем. Он попрощался с Мачузо и вернулся к себе, где хранил камень души, который аббат подарил ему из личной коллекции. Нужно произвести собственное расследование, и побыстрее.

В ящиках вопреки ожиданию лежало совсем немного: скомканный кусок бумаги с одним из первых набросков указа, осуждающего магистра Джоджонаха, где упоминались какие-то таинственные «незаконное вторжение и бегство», и еще одна бумага о том, что заговор внутри аббатства по-прежнему существует. К великому огорчению Роджера, в письменном столе не обнаружилось ни одного потайного отделения, хотя, по его мнению, они должны были существовать. Однако время истекало, пора было уходить. Он направился

к двери, в последний раз оглядел комнату, чтобы удостовериться, что в ней все так, как было, и выскользнул в коридор.

И только повернулся, чтобы закрыть дверь, как голос из полумрака произнес:

— Запри замок.

Юноша замер на месте, словно обратившись в камень. Только взгляд метался туда и обратно, ища путь к отступлению. Волны паники нахлынули на него, и все же он лихорадочно пытался придумать какую-нибудь правдоподобную историю. Уголкем глаза он заметил движение в стороне, повернулся и оказался лицом к лицу с человеком, который держал в руке палку от его метлы.

— Странный инструмент для того, кто должен работать в кладовых, Роджер Биллингсбери, — сказал брат Фрэнсис.

По белой веревке, которой была подпоясана темная ряса, Роджер догадался, что перед ним монах довольно высокого ранга, возможно послушник.

— Мне велели прийти сюда и убраться...

— Тебе велели работать в кладовых, — перебил его Фрэнсис, не имея ни времени, ни желания слушать подобные глупости.

Он только что использовал камень души, дух его воспарил над коридорами аббатства и по счастливой случайности заглянул в приемную отца-настоятеля, где и обнаружил, к своему крайнему изумлению, юного кухонного подручного, склонившегося над письменным столом.

— А-а, ну да-а-а... Но брат Йохимелд...

— Хватит! Ты Роджер Биллингсбери? — спросил Фрэнсис. Роджер кивнул, лихорадочно обдумывая, что делать. Можно ударить монаха метлой и броситься бежать; тот хотя и был выше него, но не выглядел сильным. — Откуда ты?

— Из Санта-Мер-Абель, — без запинки соврал Роджер.

— Ты не из Санта-Мер-Абель.

— Эт-т-о деревня, не аббатство, — снова начал заикаться Роджер.

— Нет!

Роджер выпрямился, крепко сжимая метлу. Однажды он уже убил монаха, Карающего Брата, и от всей души надеялся, что больше этого делать не придется.

— В деревне Санта-Мер-Абель нет никаких Биллингсбери.

— Мы тут недавно, — пролепетал Роджер. — Наши дома сожгли...

— И где были эти ваши дома?

— Маленькая деревушка...

— Где? — повторил Фрэнсис и резким голосом обрушил на Роджера целый град вопросов. — Как называется? Сколько людей жило в ней? Как зовут других беженцев?

— На юге...

— Неправда, — заявил Фрэнсис. — Я узнал твой акцент. Ты из деревни к северу от Палмариса. — Роджер решительно выпрямился, но следующие слова буквально подкосили его. — Ты друг этих... приятелей Эвелина Десбриса. Может быть, даже друг самого еретика. Ты друг женщины по имени Пони и ее товарища, которого зовут Полуночник.

У Роджера побелели костяшки пальцев, так крепко он стиснул метлу. В отчаянии он замахнулся, чтобы нанести удар, но Фрэнсис проявил неожиданную сноровку, одной рукой вырвал у Роджера метлу, а другой влепил ему пощечину.

— Глупец. Я тебе не враг. Если бы это было так, ты уже стоял бы на коленях перед отцом-настоятелем, в кандалах.

— Тогда что все это значит? — спросил Роджер, потирая ушибленную щеку и удивляясь тому, что этот с виду не отличающийся большой силой человек запросто обезоружил и ударил его.

— Пошли, да побыстрее. — Фрэнсис оглянулся. — Вечерня вот-вот закончится, не хватало только с отцом-настоятелем здесь столкнуться.

— Что нам теперь делать? — спросил брат Виссенти, наверное, уже в двадцатый раз, но, как и в предыдущих случаях, Браумин уклонился от ответа.

— Когда придет Делман? — в свою очередь спросил он.

Виссенти посмотрел на дверь комнаты Браумина, как будто ожидая, что она вот-вот распахнется и появится Делман.

— Он... Он сказал, что обязательно придет... — срывающимся голосом ответил Виссенти.

Браумин легонько похлопал его по плечу, пытаясь успокоить, хотя, конечно, не хуже своего товарища понимал всю серьезность ситуации. Брат Фрэнсис, можно сказать доверенное лицо отца Маркворта, застал их прямо во время очередной встречи!

— Нужно пойти к отцу-настоятелю и умолять его простить нас, — внезапно с почти безумным видом выпалил Виссенти.

Браумин едва не испепелил его взглядом: да как только такое в голову могло прийти? Даже если бы он уже был привязан к шесту, а вокруг него пылал огонь, брат Браумин Херд не стал бы умолять Маркворта о прощении. Как только у Виссенти повернулся язык сказать такое, если он, конечно, на самом деле верит в святость Эвелина и Джоджонаха?

Однако Браумин понимал, что Виссенти напуган до смерти. И не без оснований.

— Никакого преступления против церкви Абея мы не совершили. — Браумин изо всех сил старался говорить как можно спокойнее. — Мы встретились просто для того, чтобы вместе помолиться. Но нужно обязательно договориться... — Его прервал осторожный стук в дверь; оба монаха замерли. — Брат Делман? — прошептал Браумин, обращаясь к Виссенти.

— Или брат Кастинагис, — ответил тот, заикаясь от волнения.

Браумин медленно подошел к двери и приложил к ней ухо, пытаясь вычислить, кто бы это мог быть. Стук повторился.

Браумин посмотрел на Виссенти; у того был такой вид, словно он вот-вот упадет в обморок. Беспомощно пожав плечами, Браумин осторожно взялся за ручку двери и глубоко вздохнул, не в силах справиться с разыгравшимся воображением, рисующим перед ним образ разгневанного отца Маркворта в сопровождении целого отряда вооруженных людей, которые должны доставить его в судилище. В конце концов он умудрился справиться с собой, слегка приоткрыл дверь, и, хотя не увидел ни Маркворта, ни палачей, сердце у него екнуло.

— Позволь мне войти, — негромко сказал Фрэнсис.

— Я занят, — ответил Браумин.

Фрэнсис усмехнулся.

— Чем бы ты ни занимался, я уверен, что мое дело важнее. — С этими словами он толкнул дверь. Браумин навалился на нее плечом.

— Уверяю тебя, нам нечего обсуждать, мой добрый брат. — Браумин попытался закрыть дверь, но Фрэнсис вставил в щель ногу. — Мой добрый брат, я правда ужасно занят.

— Готовишься к следующей встрече? — спросил Фрэнсис.

— Точнее говоря, к молитве.

— К богохульству, ты имеешь в виду, — сурово заявил Фрэнсис. — Если ты предпочитаешь обсуждать со мной этот предмет в коридоре, — он возвысил голос, — тогда что же... Ты заинтересован в сохранении тайны, не я.

Браумин широко распахнул дверь и сделал шаг в сторону, пропуская Фрэнсиса. Выглянул в коридор, убедился, что тот пуст, закрыл дверь, повернулся и увидел, что Фрэнсис и Виссенти стоят, в упор глядя друг на друга. Виссенти напоминал загнанного в угол зверя; в какой-то момент у Браумина даже возникло чувство, что от страха он может броситься на Фрэнсиса. Однако вместо этого Виссенти отвернулся, не выдержав пристального взгляда; руки у него дрожали.

— Что-то в последнее время как у меня с кем-нибудь встреча, так и ты тут как тут. — Браумин сознательно постарался отвлечь внимание Фрэнсиса от Виссенти. — Другой, менее

доверчивый, чем я, мог бы подумать, что ты за мной приглядываешь.

— Другой, более мудрый, чем ты, мог бы понять, что за тобой необходимо приглядывать, — ответил Фрэнсис.

— И кто же этот умник?

— У меня, во всяком случае, хватает ума не заводить еретических разговоров в подвалах Санта-Мер-Абель.

— Все, что я говорил, чистая правда. — Браумин оскалился и сделал угрожающий шаг вперед.

— Все, что ты говорил, грязная ложь, — возразил Фрэнсис, не сдвинувшись ни на дюйм.

Внезапно Виссенти подскочил к Фрэнсису и встал рядом с ним, очень близко, так что тот оказался как бы зажат между ним и Браумином, причем выражение их лиц и позы ничего хорошего не предвещали.

Однако Фрэнсиса это, похоже, нимало не беспокоило.

— Я пришел сюда не для того, чтобы вести теологические диспуты, — сказал он.

— Тогда зачем? — спросил Браумин.

— Чтобы предостеречь тебя, — ответил Фрэнсис. — Мне известно о ваших сборищах, посвященных памяти еретика Джоджонаха и Эвелина Десбриса.

— Он не еретик! — взвизгнул Виссенти.

Фрэнсис не обратил на него ни малейшего внимания.

— И отцу-настоятелю тоже известно о вас. Очень скоро он займется вами вплотную и уничтожит, как Джоджонаха.

— Без сомнения, используя сведения, полученные от преданного своему долгу брата Фрэнсиса, — заметил Браумин.

Фрэнсис тяжело вздохнул.

— Если бы ты только знал, каким могуществом он обладает! Неужели ты всерьез полагаешь, что отцу Маркворту требуется моя помощь?

— Почему ты говоришь нам все это? — спросил Браумин. — Почему просто не пришел сюда с охранниками отца-настоятеля, чтобы арестовать меня? Тогда, может, Маркворт позволил бы тебе первому поднести раскаленную головню к моим ногам.

На лице Фрэнсиса возникло такое странное выражение, что Браумин невольно остановился. Казалось, этим человеком внезапно овладела ужасная слабость, в глазах появилось недоуменное и в то же время отсутствующее выражение.

Спустя некоторое время Фрэнсис снова смог сосредоточиться на Браумине и сказал с пугающей серьезностью:

— Отец-настоятель вот-вот доберется до вас. Поверьте, это правда! Он готовится к тому, чтобы заняться разбором вашего дела. И поскольку никто из вас не имеет ранга магистра, все будет происходить здесь, в Санта-Мер-Абель, и благословения остальных аббатов не потребуются. Вы пропали.

— Мы не еретики, — стиснув зубы, ответил Браумин.

— Это не имеет ровно никакого значения. У отца-настоятеля хватит доказательств, а если нет, он их без труда сфабрикует.

— Ты хоть сам понимаешь, что говоришь? — воскликнул Браумин. — В таком случае, о какой справедливости в нашем ордене может идти речь?

Фрэнсис стоял, глядя прямо на него и никак не реагируя.

— Тогда мы обречены, — жалобно проскулил Виссенти и посмотрел на Браумина, надеясь услышать слова опровержения, но тому нечего было сказать.

— Может быть, есть и другой путь, — заявил Фрэнсис.

Лицо Браумина окаменело. Он подумал, что речь идет о том, чтобы открыто отречься от еретиков Джоджонаха и Эвелина, преклонить колена перед могущественным Марквортом и умолять его о прощении. Может быть, для Виссенти этот путь и годился; а может, и не только для него одного.

Браумин закрыл глаза и попытался справиться с возмущением, направленным против тех, кого он считал товарищами. Даже если они предпочтут умолять Маркворта о милосердии, словами или действиями еще больше отягощая его, Браумина, участь, он не будет осуждать их.

Но не станет поступать так, как они. Для себя Браумин решил окончательно и бесповоротно, что примет любое наказание, даже смерть на костре, но не отречется от принципов, которых придерживался Эвелин Десбрис, и не скажет ни одного худого слова о своем наставнике Джоджонахе.

И тут Фрэнсис сумел заставить его врасплох.

— Я выведу вас из Санта-Мер-Абель, — предложил он. — Вы сможете сбежать и спрятаться.

— Ты готов помочь нам? — недоверчиво спросил Виссенти. — Ты понял, что истина на нашей стороне, брат Фрэнсис?

— Нет, — ответил Браумин, не дав Фрэнсису и рта раскрыть и с любопытством глядя на него. — Нет, он не проникся нашими убеждениями.

— Да, я считаю тебя еретиком, — не стал возражать Фрэнсис.

— Тогда почему ты готов помочь нам? — спросил Браумин. — Почему предлагаешь вывести нас за пределы Санта-Мер-Абель, если, с твоей точки зрения, мы представляем угрозу для тебя и твоего возлюбленного отца Маркворта? — Интересно, подумал он, известно ли отцу-настоятелю об этом визите Фрэнсиса? А что, если он сам послал его сюда, чтобы таким образом избавиться от заговорщиков? — Ты опасаясь нежелательной реакции изнутри церкви и за ее пределами, если мы пятеро, как перед этим Джоджонах, будем сожжены? Или, может, ты не уверен, что Маркворту так уж легко удастся повернуть это дело? — Фрэнсис медленно, с мрачным видом покачал головой, но Браумина это не остановило. — Значит, ты хочешь, чтобы мы ушли и тем самым разорвали всякую связь с церковью.

— Ты не знаешь истинного положения дел, брат, — ответил Фрэнсис. — Ты переоцениваешь негативную реакцию простого народа на ужасную казнь Джоджонаха. Многие, бывшие свидетелями сожжения этого еретика, до сих пор вспоминают это событие, захлебываясь от восторга.

— Не смей называть его еретиком! — воскликнул Виссенти.

— Их не слишком-то огорчил этот спектакль, — не обращая на него внимания, продолжал Фрэнсис. — Им довольно скучно живется, и они совсем не против стать свидетелями еще чего-нибудь в этом роде. Что же касается других аббатов, то им сейчас не до нас: слишком много дел, связанных с послевоенной разрухой. Уверяю тебя, они разве что вопросительно поднимут бровь. Отец-настоятель объявит вас еретиками и прикончит прежде, чем кто-либо успеет слово сказать. А потом, когда дело будет сделано, они и думать забудут об этой проблеме; как я уже сказал, у них и своих забот хватает.

Этот ответ потряс Браумина. В самом деле, отец Маркворт узурпировал власть аббата Добриниона в Палмарисе; захватил в плен мирных жителей и так хорошо «позаботился» о них, что они умерли; публично сжег Джоджонаха на костре, добившись на это согласия других церковных руководителей. Что ему горстка каких-то мелких заговорщиков? Но почему, почему, в таком случае, Фрэнсис здесь?

— Я знаю, почему ты не можешь допустить этого! — внезапно воскликнул Виссенти, отпрыгнув назад и тыча рукой в брата Фрэнсиса. — Даже брата Фрэнсиса, преданного лакея отца-настоятеля, тронуло доброе обращение нашего дорогого Джоджонаха!

Фрэнсис молчал с растерянным видом, а Браумин поразился тому, как уверенно прозвучал голос Виссенти. Ни коллеги, ни наставники не были высокого мнения об умственных способностях Мальборо Виссенти, но все знали, что у него случаются озарения. Возможно, все дело было в его повышенной нервной возбудимости, позволяющей улавливать поступающие извне сигналы, не отдавая себе в этом отчета. Как бы то ни было, Виссенти уже не раз разгадывал такие головоломки, перед которым Браумин вставал в тупик.

— Ты же считаешь Джоджонаха еретиком, — сказал он Фрэнсису.

— Он сам обрек себя на гибель. Ты же слышал — он признался, что помогал проникшим в аббатство людям освободить пленника.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой его действия, — ответил Браумин, взмахнув рукой. — Как бы то ни было, ты считаешь, что он предал церковь, и тем не менее похоже, мой добрый брат Виссенти говорит правду. Иначе почему ты не хочешь, чтобы нас сожгли? Почему мысль о том, что мы разделим судьбу Джоджонаха, так страшит тебя?

Фрэнсис изо всех сил стремился сохранить спокойствие, но из этого ничего не получалось. Он задрожал, на лбу выступил пот.

— Магистр Джоджонах простил меня, — в конце концов выпалил он. — Простил мне мои грехи! — Браумин недоверчиво смотрел на него, пытаясь понять, какой во всем этом смысл; потом перевел взгляд на Виссенти, но тот, похоже, ничего больше не мог добавить к сказанному раньше. — Мой приход сюда вовсе не объясняется состраданием или тем, что я разделяю ваши убеждения. Я предлагаю вам шанс спастись, уйти из Санта-Мер-Абель, из моей жизни и жизни отца-настоятеля. Уходите, спрячьтесь где-нибудь и унесите с собой свои глупые убеждения.

— Как ты собираешься это сделать? — спросил Виссенти.

— И куда мы пойдем? — добавил Браумин.

— Вам известно, что Джоджонах помог сбежать кентавру по имени Смотритель, — объяснил Фрэнсис. — С ним были и двое людей, в прошлом друзей Эвелина Десбриса, — и снова в душе Браумина зашевелились подозрения. Может, Маркворт таким образом решил выйти на более важных врагов? — Все они покинули Санта-Мер-Абель, но уже после этого сюда пробрался их человек, не знающий, что они уже не здесь. Он наверняка вернется к ним; думаю, можно будет уговорить его прихватить вас с собой.

— Как удачно для тебя и отца-настоятеля, — заметил Браумин.

— Я не гарантирую вашу безопасность, — продолжал Фрэнсис. — Покинув аббатство, вы должны будете сами позаботиться о себе. И не сомневайтесь, у вас могут оказаться очень могущественные враги. Уверен, что отец-настоятель постарается снова захватить кентавра и остальных заговорщиков. Да, за пределами аббатства вам придется справляться самим. Я чувствую себя обязанным Джоджонаху и поэтому помогу вам; не хочу до конца своих дней оставаться должником еретика. Я прошу вас только об одном: если вы попадетесь, не упоминайте моего имени. И еще мне нужна... книга.

— Какая книга? — удивился Браумин.

— Книга, которую ты читал на этой вашей дурацкой встрече, — ответил Фрэнсис. — Книга, содержащая ложь о нашем прошлом, на основании которой ты неверно толкуешь наше настоящее. — Браумин лишь насмешливо фыркнул в ответ на это замечание. — Вы не покинете Санта-Мер-Абель, если не оставите мне эту книгу.

— Зачем она тебе? — возразил Браумин. — Чтобы сунуть на полку к другим запретным томам? Похоронить ее там, поскольку она содержит истину, способную разрушить ваш священный орден?

— Этот вопрос не обсуждается, брат, — жестко ответил Фрэнсис. — Ты отдашь мне книгу добровольно, или я возьму ее из твоей комнаты после того, как все вы сгорите на костре.

— Эту книгу дал мне Джоджонах, — сказал Браумин, — и просил хранить.

— Она будет сохранена. Там, где ей надлежит быть.

Браумин закрыл глаза, чувствуя, что в этом вопросе Фрэнсис не уступит. И мысленно обратился к Джоджонаху, прося его подсказать, как поступить. Настало ли время и ему пострадать за правду? Джоджонах хотел, чтобы Браумин стал магистром, но, если он покинет Санта-Мер-Абель, это будет невозможно. Оказавшись выброшенными из церкви, он и его друзья не смогут оказать положительного воздействия на ее дальнейшее развитие.

Но если они останутся, то умрут, и очень скоро.

Ответ пришел к нему в виде воспоминания об одном далеком месте, когда-то бывшем

обиталищем злого духа, а теперь ставшем усыпальницей истинного святого. Браумин как бы воочию снова увидел воздетую вверх, торчащую из земли руку Эвелина — последний вызов демону, последний призыв, обращенный к Богу.

Теперь брат Браумин знал ответ. Какие бы планы у Бога ни были в отношении него, ему предстояло еще раз увидеть это место, прежде чем умереть. Он подошел к постели, наклонился, достал из-под нее книгу и вручил Фрэнсису, глядя ему в глаза.

— Прочти ее. Прочти то, что написал другой брат Фрэнсис из Санта-Мер-Абель. Тогда ты поймешь, какому человеку служишь.

Не сказав ни слова, Фрэнсис прошел мимо него и покинул комнату.

— Ты отдал ему книгу, — словно не веря своим глазам, со страхом сказал Виссенти. — Теперь он точно выдаст нас.

— Если бы он собирался выдать нас, мы давно уже были бы в руках Маркворта.

— И что нам теперь делать?

— Ждать. — Браумин успокаивающе положил руку на плечо Виссенти. — Брат Фрэнсис выполнит свое обещание.

Виссенти облизнул губы и пожал плечами. Больше он никаких вопросов не задавал, просто стоял рядом с Браумином, недоуменно глядя на дверь.

Жаль, что сквозь дверь они не могли видеть брата Фрэнсиса, все еще стоящего в пустом, тускло освещенном коридоре, глядя на книгу, которую Браумин дал ему. Где-то в самой глубине сознания шевелилась мысль, что, может быть, в словах Браумина кроется истина. Он и сам видел достаточно жестокости, творимой его возлюбленной церковью.

И теперь он держал в руках древний том, который мог поколебать самую основу его верований, доказать, что вся его жизнь — ложь, а господин, которому он служит, — дьявол. Может, стоит открыть эти страницы, и он тоже погрузится в пучину ереси, как это произошло с Джоджонахом, а потом и с его учениками?

Брат Фрэнсис сунул книгу под мышку и спустился в нижнюю библиотеку, торопясь побыстрее избавиться от опасного тома. Ему предстояло много дел — нужно было еще раз увидеться с Роджером Биллингсбери и произвести кое-какую подготовительную работу, — но они могут подождать. Сейчас самое главное — спрятать книгу подальше, чтобы никто не мог ее обнаружить.

Часть вторая

ЦЕРКОВЬ И СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

На протяжении столетий в королевстве Хонсе-Бир духовная власть церкви и светская власть государства были разделены. По моему глубокому убеждению, именно разумный баланс между ними способствовал тому, что наша страна просуществовала так долго. Такое равновесие сил не характерно для Короны, о чем я узнал, пока жил с тол'алфар, — как много известно мудрым эльфам!

В Альпинадоре, к примеру, религия носит совершенно другой характер, являясь неотъемлемой частью повседневной жизни каждого человека. Причина в том, что там гораздо холоднее и угроза смерти существует на каждом шагу, Варвар убивает оленя и молится над его трупом, благодаря за то, что теперь он и его семья не будут голодать. Оказавшись вдали от дома, он молится богу бурь, а если это не помогает и погода ухудшается, то богу своего домашнего очага, чтобы тот помог ему быстро найти дорогу домой. И такие ситуации возникают там постоянно. Для варвара религия — личное дело, ведь в Альпинадоре нет никакой официальной церкви, если не считать небольших миссий, учрежденных церковью Абея. И светской власти там тоже, по существу, нет; отдельные деревни представляют собой маленькие независимые государства, разбросанные слишком далеко друг от

друга, чтобы до них доходили указы верховной власти. На моей родине, в Тимберленде, ситуация во многом примерно такая же, хотя, конечно, мы знали о существовании короля Хонсе-Бира.

Тем не менее факт этот не оказывал никакого влияния на нашу жизнь.

В южном королевстве Бехрен церковь и светская власть практически слиты воедино. Их верховный вождь одновременно является жрецом самого высокого ранга; опасная ситуация, лишенная равновесия сил, без которого невозможно держать тиранию в узде. Этот самый вождь вправе убить любого человека — и часто делает это, — не опасаясь никаких последствий. Может ли король Хонсе-Бира Урсальский поступать так же? Думаю, нет, поскольку за действиями короля пристально следит церковь, и аббаты не допустят этого — разве что из чисто эгоистических побуждений. К примеру, чтобы ослабить власть короля в глазах его подданных, показав всем, на какие преступления способна светская власть.

Но что происходит, если сама церковь творит беззаконие, дядя Мазер? Логически рассуждая, король Дануб должен, в свою очередь, осуществлять контроль над действиями церкви. Тем не менее он не выразил ни малейшего недовольства по поводу того, что случилось с Чиличанками. Может быть, это объясняется чисто практическими соображениями: с одной стороны, жизнь каких-то Чиличанков, а с другой — масса неприятностей, которые может причинить королю и его окружению церковь, если поднять этот вопрос. Тут поневоле призадуматься — а выступил бы король Дануб против отца Маркворта более решительно, если бы ему стало известно, кто на самом деле убил барона Бильдборо? Или опять практические соображения перевесили бы?

Или, может быть, практичность тут ни при чем, а просто баланс сил начал угрожающе смещаться?

Боюсь, дело обстоит именно так, дядя Мазер, и не думаю, что я преувеличиваю. Я убежден, что в этой борьбе церковь побеждает. На первый взгляд кажется, что светская власть оказывает на жизнь простых людей гораздо большее влияние, чем церковь. Налоги, армия, прокладка дорог и сбор пошлин за пользование ими — все это в руках короля Дануба.

Однако в конечном счете власть церкви оказывается сильнее. Когда человек лежит на смертном одре, имеет значение вера, а не материальные блага. В эти последние мгновения решающими оказываются слова какого-нибудь местного священника, а вовсе не указы короля; слова, несущие или утешение, или угрозу. Король Дануб распоряжается расходами, а отец Маркворт — душами. Король властен над человеческой жизнью и имуществом, а церковь может посулить нечто гораздо более ужасное, чем смерть, — вечные муки, по сравнению с которыми любые страдания в этой жизни кажутся ничтожными.

Истинная власть принадлежит церкви, дядя Мазер. И если она задумает использовать свою власть в дурных целях — а по-моему, в последнее время происходит именно это, — то самое худшее еще впереди. Даже несмотря на то что поври, гоблины и великаны изгнаны, а демон дактиль уничтожен.

Уничтожен?

А может, и нет, дядя Мазер. Может, дух демона жив и действует — только в другой, несравненно более опасной ипостаси.

Элбрайн Виндон

ГЛАВА 7 ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Огонь горел еле-еле. Теперь они превратились в беглецов и должны были соблюдать усиленные меры предосторожности, но ночью уж очень похолодало, и Браумин позволил Делману разжечь небольшой костер.

Глядя на своих товарищей, Браумин чувствовал, что на душе у него теплеет. Это было совсем немаловажно — что все они согласились покинуть Санта-Мер-Абель и,

следовательно, церковь Абеля. Даже самый младший из них был членом ордена на протяжении десяти лет, это не считая восьми лет подготовки, без которой никто не имел права войти под своды Санта-Мер-Абель. И вот так, разом, перечеркнуть все эти годы тяжкого труда...

И еще Браумину было приятно сознавать, что их исход объяснялся отнюдь не только страхом перед Марквортом. Вот разве что Виссенти. Браумин с трудом сдержал улыбку, глядя, как этот нервный молодой человек сидит, скорчившись у огня, и вертит головой из стороны в сторону, пытаясь разглядеть во мраке, не появятся ли враги. Да, Виссенти, возможно, вдохновил к побегу именно страх перед Марквортом.

Браумину припомнилось, как среагировали остальные, когда он сказал, что им придется покинуть Санта-Мер-Абель с посудомойщиком, каким-то образом связанным с друзьями Эвелина Десбриса и магистра Джоджонаха. Они удивились, конечно, но еще больше были ошеломлены, когда он открыл им, каким образом он связался с этим человеком. Подумать только, брат Фрэнсис помогает им! Однако все четверо выдержали, возможно, самое важное и сложное испытание из всех, через которые им когда-либо приходилось проходить: они безоговорочно поверили Браумину и согласились последовать за ним. Задолго перед этими последними событиями они присоединились к нему, чтобы вместе продолжать дело Эвелина и Джоджонаха. Однако до сих пор все сводилось только к разговорам и тайным встречам, наполненным жалобами и печальными воспоминаниями о том, что они пережили, глядя на горящего на костре магистра. Потом получилось так, что Маркворту, по-видимому, стало известно о них. И тут перед ними встал отчаянный выбор: остаться с Браумином или предать заветы своего любимого наставника.

По правде говоря, Браумин не был уверен, чего можно от них ждать в этот критический момент. Хотелось верить, что они выстоят — как Джоджонах. Хотелось верить, что и его самого Маркворту не сломить. Однако, по счастью, брат Фрэнсис предложил им третий выход, который, по крайней мере, отсрочил это высшее испытание веры.

Хватит оглядываться, решил Браумин, теперь нужно смотреть только вперед. Возможно, им и впрямь предстоит встреча с таинственными друзьями Эвелина Десбриса. Хотелось бы услышать от них подтверждение всего, во что он верил.

Он посмотрел на Роджера Биллингсбери. Тот сидел в стороне от всех и прутиком чертил что-то в пыли. Как оказалось, это была карта местности, с Санта-Мер-Абель, заливом Мазур-Делавал, Палмарисом и двумя населенными пунктами к северу от него.

— Ты отсюда родом? — спросил Браумин, показывая на эти точки.

— Это Кертинелла и Ландсдаун, — ответил Роджер. — Две деревни на севере Хонсе-Бира. В Кертинелле я впервые встретился с Элбрайном, которого еще называют Полуночником.

— Другом Смотрителя?

— Я никогда не встречался с кентавром, — признался Роджер, — хотя и видел издалика, как его на привязи вели за караваном.

Браумин Херд кивнул. Именно с этим караваном он возвращался с горы Аида.

— А Полуночник — ученик Эвелина? — спросил он.

— Он был другом Эвелина, — ответил Роджер. — Вот подруга Полуночника, Джилсепони — все зовут ее Пони, — та была настоящей ученицей Эвелина. Никто во всем мире так не владеет магией. — Браумин недоверчиво посмотрел на него. — Конечно, тебе трудно поверить в это после стольких лет жизни в аббатстве, но скоро увидишь все собственными глазами.

Браумин и сам страстно желал встретиться с этой женщиной, ученицей Эвелина.

Подошел брат Делман и присел на корточки рядом с Роджером.

— Как далеко эти деревни от Палмариса? — спросил Браумин.

— Неделя пути, если без остановок, — ответил Роджер.

— И там мы встретимся с друзьями Джоджонаха? — вмешался в разговор Делман.

Роджер пожал плечами.

— Погода стоит хорошая, и они уже могли уйти к себе домой, в Тимберленд. Там есть такая деревня — Дундалис. — Он нарисовал на карте новую точку к северу от Кертинеллы.

— Еще неделя пути, да? — спросил Делман.

— По крайней мере, — ответил Роджер. — Дундалис примерно на таком же расстоянии к северу от Кертинеллы, как Палмарис к югу. Туда ведет единственная дорога, не очень хорошая, и я не знаю, насколько она безопасна.

— Раз Полуночник и Джилсепони должны прийти туда, значит, и мы туда же направимся, — объявил Браумин.

— Я не меньше вас хочу найти их, — заверил его Роджер, — но мы можем только предполагать, где они находятся. Им приходится скрываться от церкви. Они могут быть на севере, могут быть в Палмарисе. В одном я почти уверен: Смотритель вернулся на север. Кентавру, сами понимаете, на городских улицах спрятаться нелегко!

Браумин улыбнулся, но Делман начал нервно озираться по сторонам.

— Стоит ли так открыто говорить обо всем этом? — спросил он.

— Опасаешься, что у нас могут появиться «духовные» гости? — спросил Браумин.

— А что? Может, брат Фрэнсис все это сделал нарочно. Я имею в виду, свел нас с Роджером и вывел из Санта-Мер-Абель только для того, чтобы проследить за нами и таким образом найти друзей Эвелина.

При этих словах Роджер нахмурился, но Браумин по-прежнему выглядел спокойным.

— Я доверяю Фрэнсису... в этом вопросе, — сказал он. — Сам не знаю почему. Конечно, все его предыдущее поведение не вызывает доверия, но мне показалось, что на этот раз он был искренен.

— Что ему стоит притвориться, если он выполняет задание Маркворта, — возразил Делман.

— Сделать то, чего ты опасаешься, можно было, используя одного Роджера, — ответил Браумин, покачивая головой. — На самом деле это было бы даже проще. Ведь Роджер понятия не имеет о магических камнях, и ему даже в голову не пришло бы, что чей-то дух может следовать за ним по пятам. — На этот раз улыбнулся и Делман. — Что касается Фрэнсиса, то я верю его рассказу о том, что магистр Джоджонах простил его. Хорошо помню, что, когда солдаты тащили магистра на Коллегию аббатов, Фрэнсис как раз стоял у них на пути. Это очень похоже на нашего доброго Джоджонаха — простить Фрэнсиса. А раз так, зрелище смерти Джоджонаха наверняка потрясло Фрэнсиса. Может быть, даже перевернуло все его представления о мире.

— Я готов согласиться с первой частью твоих рассуждений, брат, — покачал головой недоверчивый Делман, — но вот выводы ты делаешь неправильные. Фрэнсис ненавидел магистра Джоджонаха. Во время путешествия к Аиде это бросалось в глаза. А тебя, по моему, он ненавидит даже больше.

— Может, больше всех он ненавидит себя самого, — ответил Браумин, устремив взгляд во тьму.

Делман тяжело вздохнул. Он не разделял уверенности Браумина, но, по правде говоря, это не имело особого значения. Разве у них был другой выход? Если бы они остались в аббатстве, то погибли бы на костре или, возможно, были вынуждены совершить ужасный грех — признать свою вину, отречься от того, во что верили; спасти тело, но погубить душу. И если Маркворт схватит их теперь, когда они покинули Санта-Мер-Абель, исход будет таким же.

Оставалось лишь надеяться, что Браумин не ошибся во Фрэнсисе.

Магистр Теорилл Энгресс был, наверное, самым добрым и мягким монахом среди всех, кого Фрэнсис когда-либо знал. Абсолютно лишенный амбиций, он был примерно тех же лет, что Маркворт, и прожил в Санта-Мер-Абель уже больше пятидесяти лет. Свое достаточно высокое звание он получил не в награду за выдающиеся деяния, а просто в силу возраста. Скромный и великодушный, пользующийся уважением монахов не только Санта-Мер-

Абель, но и всего ордена Абея, он выполнял свои обязанности тихо и добросовестно, без малейших пререканий. Ходили слухи, что казнь Джоджонаха сильно огорчила его, но, как и во всех остальных случаях, он оставил свое мнение при себе. Энгресс вообще позволял себе возражать только в случае крайней необходимости — как, к примеру, по вопросу о преждевременном возведении брата Фрэнсиса в ранг магистра.

Может быть, именно репутация старика подтолкнула Фрэнсиса к тому, что, едва выведя заговорщиков из Санта-Мер-Абель, он оказался у его двери.

Энгресс, уже в ночной рубашке, не проявил никаких признаков удивления, когда открыл дверь и увидел в пустом коридоре Фрэнсиса.

— В чем дело, брат? — вежливо спросил он и даже улыбнулся своей мягкой улыбкой, хотя было очевидно, что ночной гость поднял его с постели. Фрэнсис стоял, точно оцепенев. — Что-нибудь случилось? Может, с отцом-настоятелем? Он желает меня видеть?

— Не с ним, магистр, — с трудом проглотив ком в горле, ответил Фрэнсис. — Со мной.

Энгресс устремил на молодого монаха пристальный взгляд. Ни для кого не было секретом, что совсем недавно он возражал против планов отца Маркворта возвести Фрэнсиса в ранг магистра. Помолчав, старик отступил в сторону и пригласил нежданного гостя войти.

Фрэнсис уселся в кресло рядом с ночным столиком, глубоко вздохнул и оперся подбородком на руку.

— Надеюсь, это не имеет отношения к вопросу о твоём повышении? — спросил Энгресс.

Фрэнсис с очень странным выражением посмотрел на старика, заглянул в его добрые, мудрые глаза, окинул взглядом густую гриву мягких серебристых волос, составляющих резкий контраст с бритой головой Маркворта.

— Нет, — ответил он. — Это не имеет никакого отношения к тому рангу, который я уже имею или должен вскоре получить. Это вообще не имеет отношения к церковной иерархии или политике. Это касается только... меня.

Энгресс посмотрел на него с подозрением. Но потом, видимо, рассудив, что это не трюк с целью добиться его согласия на возведение Фрэнсиса в ранг магистра, он уселся в кресло напротив явно взволнованного молодого человека и даже успокаивающе положил ему на плечо морщинистую руку.

— Ты в тревоге, брат. Молитва облегчит твою боль.

Фрэнсис поднял голову.

— Я прошу об отпущении грехов.

Теперь Энгресс не смог скрыть удивления.

— Может быть, с этим тебе лучше обратиться к отцу-настоятелю? В конце концов, он твой наставник...

— Во всех других случаях, — перебил его Фрэнсис, — но не в этом.

— Тогда говори, брат, — доброжелательно сказал Энгресс. — Конечно, я дам тебе благословение, если ты истинно покаешься.

Фрэнсис кивнул, нервно ломая руки и пытаясь подыскать подходящие слова... Но какие могли тут быть подходящие слова?

— Я убил человека, — выпалил он, от волнения едва не свалившись с кресла.

Глаза старика широко распахнулись, но он сдержал себя.

— Ты хочешь сказать, что своими действиями лишил человека жизни?

— Я хочу сказать, что ударил его и от этого удара он умер, — ответил Фрэнсис. Его трясло; пришлось даже закусить губы, чтобы они не дрожали. — На пути из аббатства Сент-Прешес. Это я ударил молодого Чиличанка... Греди...

— Я слышал о его смерти, — сказал Энгресс, — хотя мне сказали, что Греди Чиличанк просто замерз во время этого путешествия.

— Он умер, потому что я ударил его... сильно. Я не хотел убивать его...

И Фрэнсис с чувством огромного облегчения рассказал все как было — как Греди плюнул в лицо отцу-настоятелю и как он, Фрэнсис, ударил его, желая всего лишь защитить

Маркворта, потребовать уважения к нему.

Старый магистр попытался успокоить его, приводя тот довод, что преступление против Бога совершается в сердце и что, следовательно, если это и в самом деле был несчастный случай, совесть Фрэнсиса может быть чиста.

Однако Фрэнсис на этом не остановился. Он рассказал о Джоджонахе и Коллегии аббатов, о том, что Джоджонах перед смертью простил его. И снова Энгресс попытался успокоить его, но Фрэнсис и теперь еще не закончил. Он рассказал Энгрессу о Браумине Херде и остальных еретиках.

— Я позволил им уйти, магистр, — признался он. — Пошел против воли отца Маркворта и показал брату Браумину путь за пределы аббатства.

— Почему ты так поступил? — спросил Энгресс, одновременно ошеломленный и заинтригованный.

Фрэнсис покачал головой, не в силах ответить на этот вопрос даже себе самому.

— Я не хотел, чтобы они погибли. Такое жестокое... слишком жестокое наказание всего лишь за то, что они заблуждаются!

— Отец-настоятель не приемлет ереси, — заметил старик. — Вообще терпимость в традиции церкви Абея, но это не относится к тем, кто несет в себе угрозу самому существованию ордена.

— Вот почему мне так больно, — сказал Фрэнсис. — Я ведь понимаю, как важны безопасность и целостность ордена. Я согласен с отцом-настоятелем... но даже если бы и не так, то как посмел я пойти против него! Это невыносимо!

— Мысль о казни товарищей была для тебя невыносима. Скажи, ты искренне веришь, что поступил неправильно?

— Какой из моих поступков вы имеете в виду? — спросил Фрэнсис.

— Это тебе решать, — ответил магистр Энгресс. — Ты пришел сюда, прося отпустить тебе грехи, и я могу сделать это, но только если ты скажешь, в чем именно искренне раскаиваешься.

Фрэнсис беспомощно поднял руки.

— Я рассказал все как было.

— Верю тебе. Но твои поступки такие противоречивые. Ты как маятник — то за отца-настоятеля, то против него.

— А разве мерой того, совершено преступление против Бога или нет, является отношение к отцу-настоятелю?

— И снова, брат мой, это тебе решать. Если ты пришел сюда, желая освободиться от тягостного чувства вины перед отцом Марквортом, тогда, боюсь, я тебе не помощник. В этом случае тебе нужно просить прощения у самого отца-настоятеля. Если же ты полагаешь, что в сердце своем не умышлял худого против Бога, тогда другое дело. Что касается происшествий на дороге, то я, как и Джоджонах, дарую тебе отпущение этого греха, потому что ты явно сожалеешь о случившемся и потому что в полной мере виновным тебя считать нельзя.

Разберись в своей душе. Если свое поведение касательно этой истории с братом Браумином ты считаешь преступлением против Господа, тогда что тобой руководило? Злоба или просто трусость?

Фрэнсис надолго замер, пытаясь вникнуть в слова Энгресса, пытаясь понять, что в самом деле подтолкнуло его поступить так, а не иначе. В конце концов, так и не разобравшись в своих чувствах, он беспомощно посмотрел на старого магистра.

— Каюсь в том, что совершил против Греди Чиличанка, — сказал он, поскольку честный ответ мог дать только на этот вопрос.

— Я уже отпустил тебе этот грех. — Энгресс поднялся и помог встать Фрэнсису. — Пусть твое сердце больше не страдает от бремени этой вины. Если захочешь освободиться и от остальных, возвращайся, и мы снова поговорим. Но поторопись, мой юный брат. — Он улыбнулся. — Я стар, очень стар, и могу покинуть этот мир еще до того, как ты разберешься в себе!

Он похлопал Фрэнсиса по спине, вывел его в коридор и взялся за ручку двери.

— Я могу быть уверен, что все останется между нами? — спросил Фрэнсис.

— Это священное таинство, в котором участвовали только ты и Бог, — заверил его старый магистр. — Меня тут, можно сказать, и не было. Как я, смертный магистр Энгресс, могу с кем-то говорить о том, в чем даже не принимал участия?

Фрэнсис кивнул и удалился.

Ошеломленный услышанным, Энгресс провожал его взглядом, пока тот не скрылся за поворотом. Он вел себя, как и надо при отпущении грехов, — отстраненно и спокойно; был просто глазами и ушами Бога.

Нет, не совсем так, как надо, должен был признать Энгресс спустя несколько минут. Он отпустил Фрэнсису грех в отношении Греди Чиличанка, но не стал разбираться с остальными не только по тем причинам, о которых говорил молодому монаху. Им руководили и чисто практические соображения; он хотел как можно быстрее закончить эту встречу. Если бы отец-настоятель, который всегда держал Фрэнсиса под рукой, застал его здесь, это могло бы породить множество очень, очень опасных вопросов. Энгресс был недоволен собой — как всегда, когда соображения практичности заставляли его действовать не в полном соответствии с требованиями религии.

И теперь перед ним возникла еще одна проблема: как монах, он не мог разглашать тайну, доверенную ему Фрэнсисом, но как человек, Энгресс был просто в шоке. Подумать только, такой заговор в Санта-Мер-Абель! Подумать только, молодые братья ордена Абея, сами по себе славные люди, тайно встречаются и обсуждают решения отца-настоятеля, возможно даже плетут заговор против него!

И тем не менее, учитывая все — войну, события в аббатстве Сент-Прешес и темницах Санта-Мер-Абель, а больше всего ужасную казнь магистра Джоджонаха, — Энгресс вполне мог понять, что люди, у которых есть совесть, станут объединяться, восставая против самого ордена. Энгресс дружил с Джоджонахом, и, хотя у него не было доказательств, которые позволили бы опровергнуть обвинения, выдвинутые Марквортом, в душе своей старый магистр не верил, что Джоджонах и в самом деле еретик.

— Ты слишком круто используешь свою власть, Далеберт Маркворт, — прошептал Энгресс. — Так можно растерять многих сторонников.

Чувствуя себя бесконечно усталым и старым, магистр Теорилл Энгресс закрыл дверь, опустился на колени рядом с постелью и вознес молитву, прося Господа вразумить его.

Он помолился за брата Фрэнсиса.

Потом он помолился за брата Браумина и его товарищей.

— Всех очень огорчило то, что Джилсепони покинула нас, — мрачно сказал Томас, — как и уход Шамуса Килрони с его солдатами. Но наша решимость от этого не уменьшилась, в особенности после того, как ты сказал, что отправляешься с нами.

— Да, как и обещал, — со вздохом подтвердил Элблайн.

— И погода благоприятствует, — продолжал Томас. — Всего-то одна буря. А выпавший снег уже стаял.

Ответа не последовало, и после паузы Томас заговорил снова.

— Кое-кто настаивает, что нужно отправляться в путь прямо сейчас. — Это признание не удивило Элбрайна. — Дескать, мы могли бы уже быть в Дундалисе и построить себе хоть какие-то временные жилища, если бы вышли сразу же после того, как О'Комели и остальные доставили все припасы.

Элблайн усмехнулся; задним числом всегда легко рассуждать. Они и в самом деле уже давно могли бы быть в Дундалисе и, если бы их не слишком задержали на пути монстры, могли бы уже построить временное жилье и запасти дров, чтобы пережить зиму. Но кто знал, что погода выдастся такой мягкой? Элблайн прожил большую часть жизни на севере и хорошо знал, что если бы буря — а они, как правило, были частым явлением в этой местности — захватила караван Томаса по дороге, то немногим уцелевшим пришлось бы

возвращаться в Кертинеллу.

— Земля почти замерзла, — рассуждал Томас, — а снега нет как нет.

— Здесь по крайней мере, — сказал Элбрайн. — Что происходит в сотне миль к северу, неизвестно.

— Наверняка то же самое, — без колебаний ответил Томас. — Ты же сам так говорил.

Элбрайн согласился. Вместе с Джуравилем и кентавром они обсуждали этот вопрос и пришли к выводу, что, скорее всего, дальше на севере сейчас тоже тепло.

— А если мы будем ждать до баффэя, то колеса наших повозок могут утонуть в весенней грязи, — продолжал Томас.

— А если мы выйдем сейчас и в пути нас застанет сильнейшая буря?

— А кто докажет, что такая буря не обрушится на нас весной? — возразил Томас.

Элбрайн хотел напомнить ему, что весенние бури редко бывают так опасны, как зимние, поскольку после них почти всегда приходит тепло и снег, каким бы глубоким он ни был, уже через несколько часов тает. И бояться нужно не снега, а холодов — таких, какие бывают только зимой и могут превратить человека в глыбу льда.

— Если бы мы вышли после той бури — единственной за все время, — гнул свое Томас, — то сейчас уже устроились бы в Дундалисе. И я, и многие другие считаем, что стоит попытаться. Погода мягкая, ровная. Земля замерзла, Полуночник с нами. Что нам помешает через неделю быть в Дундалисе? А там пусть зима приходит, нам она будет не страшна.

Элбрайн молчал. Он много чего мог бы возразить, но Томас просто не услышал бы его. Кроме того, он и сам не знал, хочет отговаривать Томаса или нет.

Нет, наверное. Не на этот раз.

Пони покинула его, и все, чего он хотел, — это снова оказаться в ее объятиях. Может быть, если он сейчас поведет караван в Дундалис, то освободится задолго до окончания зимы. Элбрайн улыбнулся. Вот будет сюрприз для Пони, если еще до прихода весны он объявится в Палмарисе.

Однако улыбка растаяла, как только он перевел взгляд на Томаса. Нехорошо это — соглашаться из эгоистических побуждений, может быть во вред всем этим решительным, смелым людям.

Хотя, по правде говоря, Смотритель и Джуравиль, зная, что Элбрайну предстоит разговор с Томасом, только сегодня утром убеждали его не задерживаться с выходом.

— Ты понимаешь, что я ничего не могу гарантировать? — спросил Элбрайн. Томас широко улыбнулся. — Если нас в пути застигнет буря...

— Мы крепче, чем ты думаешь, — ответил Томас.

Элбрайн издал тяжкий, безнадежный вздох. Томас понял намек и от всей души рассмеялся.

— Я не могу гарантировать ничего, — угрюмо повторил Элбрайн. — Что касается монстров, тут все ясно. Мы сможем или прикончить их, или уклониться от встречи. Однако что касается капризов природы, тут я бессилен.

— Она просто приглашает нас в путь, — жизнерадостно заявил Томас. — Мои старые кости чувствуют это.

Элбрайн кивнул и наконец произнес те слова, которые Томас Джинджерворт и многие другие так давно жаждали услышать:

— Начинайте укладываться.

ГЛАВА 8 ЕПИСКОП РАЗВИВАЕТ БУРНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Пони скорчилась в уголке сторожки у ворот, наблюдая за спектаклем, разыгрывающимся в порту Палмариса. К берегу только что причалил паром, битком набитый жителями городка Эмвой, расположенного на другой стороне Мазур-Делавала. Сейчас солдаты гарнизона в Палмарисе и пара монахов аббатства Сент-Прешес сдерживали

вновь прибывших, пропуская их в город только после подробных расспросов и досмотра вещей. С каждым днем обстановка в порту становилась все сложнее.

Пони находилась в городе уже неделю. Попытавшись по прибытии войти в него через северные ворота и столкнувшись со схожими проблемами, она проникла в город тайно, под покровом ночной темноты. С помощью малахита прямо на Грейстоуне поднялась над практически неохраняемым участком городской стены. Это было нечто — внезапно потерявший в весе Грейстоун сделал огромный прыжок, воспарил над стеной и мягко опустился по другую ее сторону!

Оставив жеребца в конюшне тут же неподалеку, Пони зашагала напрямик в трактир. Белстеру О'Комели, как и прежде Чиличанкам, помогала Дейнси Окоум. Однако «Друг» процветал, и теперь тут работали еще кое-какие знакомые Белстера с севера. Пони опасалась, что ее могут узнать, но Белстер и его друзья превратили ее в Карали дан Обри — так звучала комбинация имен ее детской подруги и совсем крошечной племянницы, которые погибли во время давнего нападения гоблинов на Дундалис.

До Пони не сразу дошло, что у Белстера тут целая организация. Без таких подпольных братств в Палмарисе теперь невозможно, объяснил он ей, — из-за политики, проводимой новым настоятелем Сент-Прешес Де'Уннеро. Поговаривали, что он уже не просто аббат, но и епископ Палмариса — титул, наделяющий властью и аббата, и барона. Это известие ужаснуло Пони. В мире, где указам короля и отца-настоятеля требовались недели, чтобы дойти до тех, кому они предназначались, такое положение фактически делало Де'Уннеро диктатором.

Пони целыми днями бродила по городу, приглядываясь к тому, что здесь происходит. Перемены были особенно заметны около ворот и в порту.

Палмарис был хорошо укреплен, но прежде всего это был торговый город, порт, расположенный в устье великой реки, центр всей торговой деятельности северо-западной части Хонсе-Бира. Учитывая это, охрана на воротах всегда существовала лишь для проформы, однако сейчас...

Внешним предлогом усиления защиты города послужила гибель аббата Добриниона и барона Бильдборо. Однако Пони, основываясь на рассказах Элбрайна и Джоджонаха, а также на том, что ей было известно о Де'Уннеро, не сомневалась, что к смерти барона Бильдборо причастна сама церковь. Ей стало ясно, что новоиспеченный епископ использует страх жителей Палмариса для усиления своей власти.

Теперь церковная и светская власть оказались сосредоточены в одних руках. Зрелище солдат и монахов, вместе работающих в порту, заставило Пони содрогнуться.

Примерно половину прибывших на пароме пропустили в город, но остальных погрузили на судно и отправили обратно в Эмвой. Возвращаясь из порта, солдаты вели себя развязно, можно сказать нагло, — насмешничали, задирались и даже проявили открытую враждебность по отношению к компании бехренских подростков, игравших на одной из улиц. На протяжении многих десятилетий жители Бехрена обитали в районе южной части порта, и в те годы, что Пони прожила в городе, она видела по отношению к ним со стороны жителей Палмариса лишь сочувствие и братское отношение. В особенности этим отличались как раз монахи, которые часто раздавали в порту еду, одежду и помогали вновь прибывшим из Бехрена обустроиться в незнакомом городе.

Теперь все изменилось! И от новой политики страдали не только обитавшие в порту бедняки или не имеющие связей торговцы, пытающиеся проникнуть в город.

Пони быстро зашагала через весь Палмарис, направляясь в холмистую его часть, где обитали зажиточные горожане. Прошлой ночью в «Друге» один из многочисленных знакомых Белстера упоминал о странных событиях, имевших место в этом районе; и об этом же какой-то человек недавно говорил в порту.

Ей очень быстро стало ясно, что имели в виду и тот и другой. По улице Бильдборо, центральной в этом районе, с наглым видом прогуливались около дюжины солдат и три монаха церкви Абея. По счастью, Пони увидела их прежде, чем они ее, и спряталась за

живую изгородь, которые часто попадались в этой части города. Затаив дыхание, она скорчилась там, браня себя за то, что явилась сюда в физическом теле, вместо того чтобы использовать камень души и предпринять духовное обследование района.

Когда группа подошла поближе, Пони заметила в руке одного из монахов красный драгоценный камень.

— Гранат, — еле слышно прошептала она.

Гранат, или иначе Око Дракона, использовали для обнаружения магического присутствия. Эта группа занималась поисками магических камней!

Они остановились у каких-то ворот, и один из солдат латной рукавицей с силой стукнул по колоколу у входа. Почти мгновенно появились двое охранников. Вскоре разговор перешел на повышенные тона, и Пони, прятаясь на расстоянии нескольких домов, слышала каждое слово.

— Мы действуем по приказу епископа Палмариса и не собираемся стоять тут, препираясь с телохранителями какого-то простого купца, — заявил солдат, который звонил в колокол. — Открывайте ворота, да пошире, а не то мы их в щепки разнесем. Заодно разделаемся и с теми, кто посмеет встать у нас на пути.

— И не воображайте, что хозяин защитит вас с помощью магических трюков, — добавил второй солдат. — С нами братья из аббатства, и им раз плюнуть отразить любую подобную атаку.

Последовали тычки, новые угрозы, и в конце концов телохранители открыли ворота. Они попросили, чтобы внутрь вошли только один или двое, но солдаты с монахами отпихнули их в сторону и ввалились в дом всей гурьбой. И очень быстро вернулись, ведя мужчину средних лет в богатой одежде. Один из монахов нес большой вычурный головной убор — что-то вроде короны, — украшенный множеством мерцающих драгоценных камней.

Некоторые из них наверняка были магическими. Пони приходилось слышать, что торговцы часто покупают камни у церкви, а потом с помощью алхимиков, использующих другие камни, превращают их в магические предметы типа амулетов. Без сомнения, именно магическая энергия короны привела поисковую группу к этому порогу. Вот когда Пони порадовалась, что не явилась сюда в виде духа!

Солдаты и монахи прошли мимо — Пони вздохнула свободно — и направились в сторону Чейзвинд Мэнор, где прежде жила семья Бильдборо, а теперь разместились резиденция аббата... нет, епископа Де'Уннеро.

— Странно... — шептала Пони, прокладывая дорогу к центру города по запруженным людям улицам.

Она уговаривала себя, что со стороны Де'Уннеро вполне резонно заниматься поисками магических камней в столь опасное время, сразу же после окончания войны и гибели двух предыдущих правителей города. Однако в глубине души она подозревала, что у него была совсем другая цель.

Епископ искал ее.

— Кузина, если ты хоть что-то соображаешь — а я подозреваю, что это не так, — то поумеришь свой пыл еще до того, как мы прибудем в Чейзвинд Мэнор, — сказал Шамус Килрони Колин.

Еще не успели они пройти через северные ворота Палмариса, как услышали о переменах в городе. Шамус и Колин направились прямо в аббатство Сент-Прешес, рассчитывая поговорить с новым аббатом. Однако им дали, как говорится, от ворот поворот, многозначительно намекнув, что лучше бы им вернуться к себе в казармы и ждать вызова.

Ждать пришлось долго, и все это время Шамус прикладывал усилия, чтобы удержать Колин от резких движений. По мере того как до них доходили все новые слухи — аббату дарован титул епископа, что позволило ему объединить в своих руках церковную и светскую власть; он перевел свою резиденцию в Чейзвинд Мэнор; солдаты Колин отныне будут использоваться в качестве эскорта при выполнении церковью своих задач, — настроение у

Шамуса и Колин портилось все больше. У Колин в особенности, поскольку она все еще оплакивала гибель барона.

В конце концов, спустя больше недели после возвращения в Палмарис, из Чейзвинд Мэнор пришел приказ явиться с докладом к Де'Уннеро. Во дворе было полно монахов. Ждать пришлось больше часа. Один за другим внутрь входили известные военачальники, а потом во двор въехала большая карета с гербом короля. Имен двух вышедших оттуда людей Шамус не знал, но понял, что это важные особы, скорее всего посланцы короля.

Они без единого слова или хотя бы приветственного кивка капитану королевской армии прошли внутрь.

— Сколько, интересно, нам еще ждать? — громко спросила Колин.

Все промолчали. За исключением Шамуса.

— Они знатные люди и могут заставлять нас ждать столько, сколько сочтут нужным, — проворчал он. — А нам лучше знать свое место, если мы не хотим потерять его.

— Скажите пожалуйста! — фыркнула Колин. — Может, мне еще начать униженно кланяться? Да, сэр, и нет, сэр, и не позволите ли мне стереть слюну с вашего подбородка?

— Ты не понимаешь, что такое дворяне, да еще придворные.

— Где уж мне! Я ведь прослужила барону всего десять лет, — ответила Колин.

— Однако барон Рошфор Бильдборо хоть и был человеком знатного происхождения, не принадлежал ко двору Дануба Брока Урсальского. Этим дворянам требуется твое уважение, а не то останешься без языка или без чего-нибудь еще более ценного!

Колин сплюнула на землю, прямо под ноги ближайшему монаху. Оглянувшись на солдат, многие из которых совсем недавно, как и она, служили барону, и слегка успокоилась, заметив мрачное выражение их лиц, свидетельствующее о том, что им тоже не нравится происходящее. Все они служили Рошфору Бильдборо на протяжении многих лет, уважали и даже любили этого человека.

Из главной двери вышел монах с пергаментным свитком в руке.

— Шамус Килрони, — объявил он, — капитан королевской армии. И Колин Килрони из городской охраны.

— Держи себя в руках, — прошептал Шамус, пока они подходили к монаху.

— А что будет, если я сорвусь, кузен? Ты меня заколешь? — проворчала она в ответ. — Но прежде я оторву наглому узурпатору голову, так и знай!

Внутри этот дурацкий разговор, к облегчению Шамуса, пришлось прекратить. Там их встретили группа вооруженных солдат — никого из них Колин не знала — и множество монахов с угрюмыми физиономиями, которые потребовали сдать оружие. Шамус с готовностью подчинился; ему было известно, что при королевском дворе оружие дозволялось носить лишь специальным охранникам. Колин же шлепнула по руке монаха, который потянулся к ее оружию, и с угрожающим видом выхватила меч. Монах отпрыгнул, явно приготовившись к схватке, а солдаты положили руки на рукоятки мечей.

Однако Колин лишь улыбнулась, перехватила меч за середину лезвия и вручила его монаху.

— Если что, я не буду сражаться на твоей стороне, — негромко сказал Шамус по дороге в зал для аудиенций.

— Я на тебя и не рассчитываю, — сухо ответила Колин.

Большой зал был заполнен множеством народа — монахи, солдаты, знатные посетители и торговцы. Когда Шамус в отлично сшитой форме королевских войск и Колин в потрепанной походной одежде вошли в зал, многие повернули головы и бросили на них взгляд, но без всякого интереса.

— Нетрудно догадаться, кто из этих двоих имеет отношение к королевскому двору, — с усмешкой сказал один из прибывших раньше знатных посетителей.

Епископ взмахом руки велел ему замолчать и вперил пристальный взгляд сначала в Шамуса, а потом в Колин.

Этот человек производит впечатление, вынуждена была признать Колин, и у него такой

пронзительный взгляд. Эта их первая встреча тут же превратилась в состязание воли — они уставились друг на друга, не мигая.

В конце концов епископ перевел взгляд на Шамуса.

— Вы Шамус Килрони? — спросил он. — Капитан Килрони?

Шамус расправил плечи. — Так точно, сэр.

— Хорошо. Вам известно, какой титул мне присвоен? — Шамус кивнул. — Надеюсь, вы оба, — он искоса посмотрел на Колин, — отдаете себе отчет в том, что это означает?

— Думаю, это означает, что Бильдборо больше нет, — ответила Колин, и Шамус ткнул ее локтем под ребра.

Однако Де'Уннеро лишь рассмеялся.

— Точно, — с усмешкой сказал он. — Очень верно сказано. Итак, я служу и королю, и отцу-настоятелю как барон и как аббат — вот что такое епископ.

— Это нам известно, епископ Де'Уннеро, — поторопился отреагировать Шамус, прежде чем Колин успеет в очередной раз съязвить.

— И поскольку город в смятении, король Дануб счел разумным усилить мой гарнизон контингентом своих солдат, — заявил епископ.

— Понимаю, — сказал Шамус. — Я и мои люди полностью в вашем распоряжении.

— А вы что скажете, Колин Килрони? — спросил епископ. — Многие здесь, в Чейзвинд Мэнор, отзываются о вас очень хорошо. До меня, правда, дошли слухи, что Колин Килрони, вернувшись с севера, выразила недовольство переменами в городе. — Колин широко распахнула глаза, удивленная тем, что новый епископ вот так прямо говорит об этом. Она собралась было ответить, но Де'Уннеро остановил ее. — Я понимаю ваше возмущение. Мне говорили, что никто не был больше вас предан барону Рошфору Бильдборо. Мне по душе такая преданность. — Он наклонился вперед и продолжил так тихо, что его могли слышать только Колин и Шамус. — Хотелось бы, чтобы она распространялась и на преемника вашего обожаемого барона. Учтите, я не потерплю другого отношения.

Де'Уннеро откинулся назад, Колин угрожающе прищурилась, они снова уставились друг на друга — и на этот раз Колин первой отвела взгляд.

— Я желаю услышать полный отчет о вашем походе на север, — продолжал епископ, по-прежнему сверля Колин взглядом. — К несчастью, в данный момент я занят.

— Мы будем ждать вашего вызова, — ответил Шамус, собираясь поклониться, поскольку пришел к выводу, что аудиенция окончена.

— Нет, вы останетесь и подождете здесь, — заявил епископ и сделал знак одному из монахов. — Отведи их в соседнюю комнату.

— Ты уверена, что это тот глаз? — в третий раз спросила Дейнси Окоум и снова поправила повязку на глазу Пони.

— Правый, да, — со вздохом ответила Пони, с трудом сдерживая раздражение.

И все же сдерживая его — ей не хотелось огорчать Дейнси. Идея маскировки принадлежала Дейнси, она же и воплощала ее в жизнь; только благодаря этому Пони могла покинуть трактир. Кроме того, в свое время Дейнси была очень предана Грейвису и Петтибве, в какой-то мере заполнив собой пустоту, образовавшуюся в их жизни после того, как Пони оказалась в армии. Такое наказание назначил ей аббат Добринион, за то что она напала на своего мужа Коннора Бильдборо. Когда Чиличанков увезли по приказу церкви, Дейнси по доброй воле взвалила на себя все заботы о трактире, а теперь без единого слова жалобы оказывала Белстеру неоценимую помощь в работе.

Вот Пони и сдерживала раздражение, стараясь, чтобы Дейнси ничего не почувствовала.

— Правый, говоришь? — Дейнси и в самом деле казалась сбитой с толку.

— Думаю, все же левый, — послышался голос Белстера, и жизнерадостный хозяин трактира вошел в комнату.

Пони одним глазом посмотрела на него и увидела, как он расплылся в улыбке.

— Нет, правый, — повторила Пони, отталкивая руку Дейнси, снова протянувшуюся к

повязке.

Вот на Белстера она разозлилась по-настоящему, понимая, что он просто дразнит ее.

— Ну ладно, правый, — унялась наконец Дейнси. — Шея у тебя худая, это хорошо, но немножко порошка добавить не помешает. В твоём возрасте ни у кого не бывает таких блестящих волос!

Одно упоминание о сером порошке заставило Пони почесать висок и провести рукой по своим густым волосам. Дейнси, несомненно, права. С ее помощью Пони каждый вечер появлялась в «Друге», прикидываясь женой Белстера, Карали дан Обри О'Комели, с ватными подкладками под старомодной одеждой, на целых двадцать лет старше Джилсепони Альт.

— Есть что-нибудь новое? — спросила Пони.

— Ничего важного, — ответил Белстер. — Наш друг Роджер Не-Запрещь точно в воду канул. — Он грустно покачал головой и замолчал, дожидаясь, пока Дейнси уйдет. — А что с теми солдатами? Ты уверена, что они искали камни?

— Если нет, то зачем их сопровождали монахи? И монахи использовали гранат, или Око Дракона, как его еще называют, — камень, позволяющий найти того, кто прибегает к магии.

— Но просто так ведь камни невозможно обнаружить? — обеспокоенно спросил Белстер. — Только если их используют?

— Да. И я не использовала их со времени своего возвращения, — сказала Пони, и Белстер облегченно вздохнул. — Брат Эвелин рассказывал, что многие торговцы покупают у церкви магические камни.

— А теперь епископ хочет забрать их обратно.

— Возможно, но это не единственная причина, — согласилась Пони. — В основном он ищет камни потому, что надеется выйти через них на друзей Эвелина Десбриса.

— В этом я не сомневаюсь, — сказал Белстер, — хотя, скорее всего, он ищет не только тебя и Полуночника. Мне не понравилось то, что болтают о нем в народе.

Вернулась Дейнси, весело напевая, и Пони даже позавидовала ее беззаботности. Немного порошка и сероватой глины, тонким слоем наложенной на лицо Пони, — и Дейнси отступила, любуясь делом своих рук.

— Ну как, похожа я на жену Белстера? — Пони спрыгнула со стула и медленно повернулась, позволяя им как следует разглядеть себя.

— Хо-хо! И все же ты мне больше нравишься в прежнем виде, — засмеялся Белстер. И смолк, потому что в дверь постучали.

— В «Друге» солдаты! — послышался голос Хизкомба Мэллори, еще одного приятеля Белстера с севера, помогающего ему управляться с трактиром.

— Ты точно не использовала камни? — снова спросил Белстер и вместе с Дейнси вышел из комнаты.

Пони, однако, лишь выглянула оттуда.

Этим вечером — впрочем, почти как всегда — в «Друге» было полно народу, но трое солдат не затерялись бы ни в какой толпе. Они не только были одеты по всей форме, но и при оружии — у каждого на бедре висел меч. Белстер тут же направился к дальнему концу стойки, около которого они стояли, и с широкой улыбкой на лице принялся усердно вытирать ее.

— Джентльмены! — радостно воскликнул он. — Так редко приходится видеть наших доблестных защитников! Слишком редко, я бы сказал. Чем вас угостить? За счет заведения, разумеется.

Один из солдат почмокал губами, наклонился над стойкой и начал было что-то говорить, но другой толкнул его, заставив замолчать.

— Никаких угощений, — сказал он. — Сегодня по крайней мере.

Если у первого солдата и возникло желание возразить, то оно угасло, как только сквозь толпу пробился монах, подошел к солдатам и остановился перед Белстером.

— Ты О'Комели? — спросил он.

— Белстер О'Комели, — как обычно, жизнерадостно ответил тот, хотя и сквозь зубы; ему не понравилось, что монах, почти вдвое моложе него, разговаривал так неуважительно.

— Как ты заполучил этот трактир? — продолжал допытываться монах. — Ты был знаком с его предыдущими владельцами?

Однако, прежде чем Белстер успел открыть рот, в разговор вмешалась Дейнси.

— Я ее ему подарила, — заявила она. — И я имела право, потому что по всему выходило, что Чиличанки вернутся не скоро.

Некоторое время монах пристально разглядывал Дейнси, а потом перевел взгляд на солдат.

— Ох, не надо! — запротестовала Дейнси. — Меня уже три раза сажали в тюрьму. Сколько раз я должна повторять, что не крада эти проклятые камни?

Монах вопросительно посмотрел на солдат.

— Она правду говорит, — сказал один из них и покраснел.

Наверное, сам в свое время «допрашивал» Дейнси.

— О какой краже идет речь? — с невинным видом спросил Белстер и посмотрел на Дейнси, как бы не понимая, о чем она толкует. — Говорят, тут были какие-то мужчина и женщина с севера, с магическими камнями.

Он сказал это совершенно безбоязненно, поскольку слухи о Пони, Полуночнике и их делах ходили по всему Палмарису и, конечно, епископ со своими приспешниками не могли о них не знать.

— Ты с севера? — спросил монах.

— Из Кертинеллы, — соврал Белстер, справедливо полагая, что о Дундалисе упоминать опасно. — Собирался вернуться обратно, да вот мисс Дейнси предложила мне и моей жене начать здесь новую жизнь.

— Что тебе известно об этих мужчине и женщине с севера? — задал новый вопрос монах.

Белстер пожал плечами.

— Почти ничего. Говорят, они задержали монстров, дав нам возможность сбежать на юг. Вообще-то я их даже не видел... или, правду сказать, видел мужчину, но издалека. Красавец, каких поискать, и сидел на огромном черном жеребце.

— Красавец? — с иронией переспросил монах. — Он вор, господин О'Комели. Советую лучше приглядываться к своим знакомым.

— Мы с ним не знакомы. Просто человек, который помог мне и многим другим вырваться из лап монстров.

Белстер заметил, какое впечатление произвел на четырех слушателей его почтительный тон в отношении этого якобы преступника, — одни имели презрительный вид, другие явно были заинтригованы. Что ж, совсем неплохо лишний раз поддержать репутацию друга Элбрайна и заронить зерно сомнения в сердца этих пешек епископа.

Из комнаты появилась Пони и подошла к Белстеру.

— Ты предложил гостям выпить? — спросила она и взяла его под руку.

— Моя жена, Карали, — представил ее Белстер.

— Ах, отец! — воскликнула Пони, обращаясь к монаху. — У вас нет с собой этих замечательных камней? А то полечили бы мне глаз. Гоблин заехал кончиком копья, знаете ли.

Монах угрюмо посмотрел на нее.

— Приходи в аббатство, — лицемерно предложил он. — Может, кто-то из старейшин...

Он взмахнул рукой, сделав знак солдатам следовать за собой, и направился к выходу.

— Ты рисковала, сокровище мое, — тихо сказал Белстер Пони.

— Никакого риска, — ответила та, провожая взглядом незваных гостей. — Если бы они узнали меня, я бы просто убила их.

Дейнси даже рот разинула.

— А если бы они пригласили тебя пройти с ними в аббатство? — спросил Белстер.

— Чтобы исцелить мой глаз? — фыркнула Пони. — Церковь, из которой сбежал Эвелин, которая убила мою семью и терзала Смотрителя, такими делами не занимается. Монахи церкви Абея помогают, если им самим это выгодно, и только тем, кто в благодарность поделится с ними золотом или властью.

Ее голос звучал так холодно, что у Белстера по спине пробежала дрожь. Он попытался сменить тему разговора.

— И снова мы должны поблагодарить Дейнси.

Маленькая женщина присела в неуклюжем реверансе.

— Это правда, Дейнси, — от всей души сказала Пони. — Уже сколько раз ты помогала мне! Понимаю, почему Петтибва и Грейвис любили тебя.

Дейнси залилась краской, захихикала, подхватила поднос и унеслась к одному из столиков.

— Хорошая девочка, ничего не скажешь, — заметил Белстер.

— И это, к несчастью, может погубить ее, — ответила Пони.

Белстеру хотелось сказать, чтобы она не впадала в пессимизм, но... язык не повернулся. В последние дни люди нового епископа — солдаты и монахи — так и кишели, куда ни глянь, как будто затягивая петлю вокруг Пони и всех жителей Палмариса.

Монах оставил Колин и Шамуса в маленькой комнате, где не было ничего, кроме трех кресел и небольшого камина. Огонь не горел, в дымоходе завывал ветер.

Шамус сел в кресло, закинул руки за голову и прислонился к стене, закрыв глаза. Хорошо знакомый с придворной жизнью, он понимал, что ожидание может затянуться надолго.

Колин, как и следовало ожидать, с этим смириться никак не желала — то принималась мерить шагами комнату, то садилась в кресло, то снова вскакивала. Но сколько бы она ни топала тяжелыми сапогами по деревянному полу, кузен никак не реагировал, и это, конечно, лишь подогревало ее нетерпение.

В конце концов, спустя час с лишним, она подвинула кресло к стене, уселась и вперила тяжелый взгляд в дверь.

Прошел еще час. Колин начала вслух выражать недовольство, но Шамус приоткрыл один затянутый дремотой глаз и напомнил ей, что епископ Де'Уннеро — глава светской и духовной власти в городе и у него есть дела поважнее, чем разговор с ними.

Колин глухо заворчала, откинулась к стене, скрестила под креслом ноги и изо всех сил стиснула зубы.

Прошел еще час, и еще. Колин по-прежнему то металась по комнате, то сидела, но ворчать перестала, ввиду полной бессмысленности этого занятия, — Шамус крепко спал.

В конце концов ручка двери повернулась. Колин вскочила, точно ее подбросило, и ткнула Шамуса в бок. Он открыл глаза. К их удивлению, на пороге стоял епископ Де'Уннеро.

— Сидите, — сказал он, хотя сам остался стоять. — Я хочу услышать ваш рассказ о том, что произошло на севере. Однако меня не интересуют ни детали сражений с монстрами, ни подробности местной обстановки. Я хотел бы услышать о тех, кто выступал в качестве ваших союзников и способен помочь нам в дальнейшем, если тьма снова опустится на мир.

— На этот вопрос легко ответить, — тут же откликнулся Шамус. — В сражениях нам помогали Пони и Полуночник. В лесу им нет равных.

Де'Уннеро неожиданно рассмеялся; его развеселило, как легко он вышел на то, что его больше всего интересовало. Один простой вопрос — и он знал, где надо искать тех двоих, кого так хотела заполучить церковь Абея.

— Ну да, Полуночник и Пони, — промурлыкал он, сел в кресло и подвинулся поближе. — Расскажите мне о них. Все, что знаете.

Шамус с любопытством и в то же время недоуменно искоса взглянул на Колин; оба заметили нечто странное в тоне епископа. Получалось, что его интересуют только два

упомянутых героя. Как-то даже слишком уж интересуют.

— Они были в Кертинелле, когда вы туда прибыли? — продолжал нажимать епископ. — Или появились там позднее?

— Если быть точным, они прибыли на север задолго до нас, но именно в Кертинеллу, уже после того, как мы там оказались, — ответил Шамус.

— Когда? — взволнованно спросил епископ.

Шамус задумался, пытаясь вспомнить свою первую встречу с Полуночником и его прекрасной подругой. Точную дату он назвать не мог, но не сомневался, что это было где-то в начале калембра.

Де'Унnero нетерпеливо повторил вопрос, и обоим его собеседникам стало ясно, что эти двое интересуют его отнюдь не только как возможные будущие союзники.

В конце концов, добившись более-менее вразумительного ответа на свой вопрос, епископ стал выпытывать у Шамуса, а потом и у Колин все, что им было известно об этой паре. Он даже о кентавре спросил — не видели ли они его. Шамус ответил, что ходили какие-то слухи, но сам он никого похожего не видел, и Де'Унnero это сообщение явно обрадовало.

— Пойдите, но разве не человека-коня монахи вместе со своим караваном протащили через Палмарис? — спросила Колин.

— Выбирайте выражения, когда говорите о моих святых братьях, — сухо заметил Де'Унnero, но тут же снова оживился, вернувшись к тому, что его больше всего занимало. — И что, эти Полуночник и Пони все еще в Кертинелле?

— Или там, или чуть севернее, — ответил Шамус. — Они собирались повести в Тимберленд караван, рассчитывая отправиться туда на исходе зимы.

— Интересно, — пробормотал епископ, поглаживая подбородок и устремив взгляд вдаль. Поднявшись с кресла, он сделал собеседникам знак оставаться на месте и зашагал к двери. — Вы свободны. Возвращайтесь к себе и не рассказывайте никому — никому, ясно вам? — об этом разговоре.

И с этими словами он ушел, провожаемый недоуменными взглядами Шамуса и Колин.

— Вот как, значит, — после долгой паузы заметила Колин. — С точки зрения церкви твой друг и его девушка преступники. Думаю, это удар для тебя! — Шамус молчал, не сводя взгляда с двери. — И что нам теперь делать?

Колин встала и практически вытащила его из кресла, где он застыл словно изваяние. Шамус привел в порядок мундир и расправил плечи.

— С чего ты это взяла? Епископ не называл Полуночника и Пони преступниками.

— Ну, здесь же каким-то образом замешан кентавр, — заметила Колин, явно радуясь огорчению своего обычно чопорного кузена. — Кентавру церковь уж точно приклеила ярлык преступника. Монахи его захватили, а потом он каким-то образом от них сбежал. Твои друзья наверняка в этом замешаны. И что теперь делать капитану королевской армии Шамусу Килрони?

— Я служу моему королю, — холодно ответил он, — и тебе следует делать то же самое.

— Королю или... епископу?

— Епископ действует от имени короля, — резко ответил Шамус.

Колин устремила на него пристальный взгляд. Да, он, несомненно, сильно огорчен, подумала она; ну что же, Шамус, с его склонностью к слепому повиновению, это заслужил. Колин успела почувствовать, что он глубоко уважал обоих, и Пони, и Полуночника, и сейчас с трудом мог смириться с мыслью о том, что они не совсем те, кем казались, а возможно, представляют собой нечто гораздо большее.

Самой Колин было плевать на то, что Полуночник был преступником в глазах епископа Де'Унnero. По существу, ее уважение к нему и Пони даже возросло. Она всегда служила барону, не королю, а поскольку ее любимый барон незадолго до смерти поссорился с церковью, пугающие перемены в Палмарисе ее совсем не радовали.

Если Полуночник и его подруга в состоянии насолить церкви, это будет просто здорово, с ухмылкой подумала Колин.

Шамус, конечно, воспринял встречу с Де'Уннеро совсем иначе. Она его беспокоила, очень беспокоила. Его собственные наблюдения и рассказы жителей Кертинеллы убедили Шамуса в том, что Полуночник хороший человек, истинный герой, в трудную минуту пришедший на помощь северянам. Конечно, здесь какая-то ошибка; этот человек никак не может быть преступником!

ГЛАВА 9 ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ

Полуночнику не нужно было придумывать имя своему коню — когда-то оно пришло к нему само, магическим образом, и как нельзя лучше подходило замечательному жеребцу.

Сейчас Дар мчался по лесу в тумане с такой легкостью, с какой обычный конь скакал бы по открытому полю, — перепрыгивая через занесенные снегом кусты, не задевая низко растущих ветвей. Полуночник не направлял его; правильнее было бы сказать, что он открыл свои мысли для коня и в дальнейшем полностью положился на него.

И они навалились-таки на гоблинов.

Дар выскочил из-за густых елей, и Элбрайн заметил впереди движение: гоблин на маленьком коне, быстро удирающий прочь.

Гоблин то и дело прищипывал коня, все время оглядываясь на быстро приближающегося Элбрайна, но не заметил толстый сук впереди.

Потерявший всадника конь продолжал скакать, но все медленнее.

Полуночник приблизился к упавшему гоблину, который катался по земле, завывая и прижав руки к разодранному о сук дерева лицу, выхватил меч и прикончил злобную тварь.

Потом он вытер меч о плащ гоблина и вложил в ножны, свисающие с седла. Оглянувшись, сжал пятками бока Дара, и тот свернул в сторону. Очень быстро они заметили второго гоблина и бросились вдогонку.

Этот перебежал от дерева к дереву, но, к своему несчастью, выскочил на ровное место всего ярдах в десяти впереди Элбрайна. Запел Крыло Сокола, стрела угодила гоблину в бок, проткнула легкие и швырнула его, умирающего, на землю.

Шум позади заставил Полуночника резко обернуться. Еще один гоблин выскочил из кустов и опрометью бросился прочь. Даже не разворачивая коня, Элбрайн лишь чуть-чуть переместился в седле, выстрелил и сразил гоблина наповал.

Устроившись на дереве неподалеку, Джуравиль наблюдал за Элбрайном не просто с уважением, а почти с благоговением. Эльфы многому научили Полуночника, но сказать, что все умения он почерпнул только у них, было бы ложью. Эльфы выработали у него прекрасную реакцию и способность управлять телом, но то, как виртуозно он использовал эти навыки, ошеломляло.

Восхищенно покачивая головой, Джуравиль зорко вглядывался в туман. И внезапно в тех же кустах, из которых выскочил последний гоблин, он заметил еще одного и вскинул свой лук. Разглядеть мелкую, съежившуюся в кустах тварь было нелегко, и эльф выстрелил.

Гоблин подскочил с криком боли. Джуравиль выстрелил раз, другой, третий, снова вскинул лук, но гоблин уже зашатался и рухнул на землю.

Эльф отвернулся, скользнув взглядом по сторонам и сожалея лишь о том, что потратил на единственного гоблина четыре стрелы. И продолжил путь, перескакивая с ветки на ветку и держа наготове лук.

Кентавр тоже скакал по лесу, громко издеваясь над гоблинами. Заметив несколько этих тварей верхом на конях — явление очень необычное, — Смотритель перестал сыпать оскорблениями, достал волынку и заиграл тихую, спокойную мелодию. Он, десятилетиями защищающий диких коней в лесах Тимберленда, просто трясся от ярости при мысли о том,

что какие-то мерзкие гоблины скачут верхом на этих грациозных, прекрасных созданиях.

Он умел разговаривать с лошадьми и вместо стрел послал вслед им свою мелодию. Улыбка тронула его губы, когда, наклонившись, чтобы не задеть низкую ветку, и продравшись сквозь кусты, он вырвался на маленькую поляну. Там, примерно футах в десяти от него, гoblin яростно молотил пятками в бока своего коня и дергал уздечку.

Однако конь, услышав призыв кентавра, не двигался с места.

Продолжая играть, Смотритель свободной рукой достал дубинку и медленно двинулся вперед. Гоблин на мгновение оглянулся, еще отчаяннее заработал ногами, руками и запрыгал в седле.

Конь негромко заржал, но стоял как вкопанный. Смотритель громко расхохотался и сунул волынку под мышку.

— Чем это ты тут занимаешься? — спросил он.

Гоблин перестал подскакивать, медленно повернул безобразную голову и совсем рядом увидел кентавра. Завопил, но тут его череп раскололся от удара тяжелой дубины; гоблин соскользнул с седла, тяжело рухнул на землю и задержался в последних судорогах.

Не обращая на него больше никакого внимания, Смотритель сказал, обращаясь к коню:

— Теперь уходи отсюда и спрячься в лесу. — Он снял с него уздечку и шлепнул по крепкому крупу. — Я позову тебя, когда можно будет больше не скрываться.

Теперь Смотритель перевел взгляд на гоблина и с удивлением заметил, что тот все еще дергается. Кентавр недоверчиво покачал головой. Это был второй гоблин, с которым он разделался подобным образом, но у первого, по крайней мере, хватило ума просто спрыгнуть с неизвестно почему запрямившегося коня и пуститься наутек!

А он хороший всадник, удивленно подумал Элбрайн. Гоблин явно знал местность — быстро перескакивал с тропы на тропу и чувствовал, когда нужно пригнуться, а когда свернуть.

Тем не менее Дар постепенно нагонял его.

Теперь гоблин превратился в призрачную серую тень, отчетливо проступающую сквозь туман. Полуночник достал лук и выстрелил, но конь гоблина метнулся в сторону, и стрела пролетела мимо.

Полуночник рванулся следом, выскочил из-за поворота и на ровном отрезке тропы снова вскинул лук. Однако на этот раз гоблин нырнул под прикрытые низко растущей ветки и снова уцелел.

Заворчав от огорчения, Полуночник ринулся за ним и увидел своего врага, уверенно скачущего впереди и как раз в этот момент оглянувшегося назад.

И потом, совершенно неожиданно, гоблин выскочил из седла и взлетел в воздух.

Поначалу он неистово молотил руками и ногами, но потом обмяк и уже больше не шевелился. Полуночник все понял, оказавшись рядом с ним и увидев сидящего на ветке Джуравилья. Один конец прочной эльфийской веревки был привязан к дереву, а другой обмотался вокруг тощей шеи гоблина.

— Стрелы экономишь? — с усмешкой спросил Элбрайн.

Не успел Джуравиль ответить, как в лесной чаще послышался шум, и эльф взлетел ближе к верхушке дерева. Из-за тумана, однако, видно было немного, зато острый слух позволил ему понять, что происходит.

— Больше мы не можем рассчитывать застать их врасплох, — крикнул он вниз. — Гоблины перегруппировываются.

Не успел он договорить, как в утреннем воздухе отчетливо прозвучал другой голос.

— Это вы для меня стараетесь, да? — ревел кентавр где-то в том направлении, куда смотрел Джуравиль. — Собрались в одном месте, чтобы мне легче было разделаться с вами!

Вскоре, как и следовало ожидать, послышались звуки сражения.

— Смотритель решил перегруппироваться вместе с ними, — заметил эльф и запрыгал с ветки на ветку.

Дар поскакал напрямую, все быстрее и быстрее, без дороги, просто на голос кентавра. И коня, и всадника хлестали ветки, царапали кусты, но Элбрайн лишь пригибался как можно ниже, прикрывая рукой глаза.

Понимая, что друг в беде, умный конь мчался точно ветер и спустя несколько минут оказался на краю большой чашеобразной впадины.

Один гoblin лежал внизу с расколотым черепом, другой катался по земле, завывая от боли и держась за раненое плечо. Однако еще восемь тварей окружили Смотрителя, тыча в него копьями и мечами. Он яростно кружился на одном месте, не подпуская их близко, молотя своей огромной дубинкой и выкрикивая проклятия. И все же их было слишком много, с каждым мгновением они придвигались чуть ближе, ранив его все сильнее.

И тут кентавр заметил Элбрайна, прыгнувшего на Даре вниз.

— Что-то ты долгонько! — взревел Смотритель и с новой энергией ринулся в бой.

Полуночник молниеносно поднялся во весь рост на спине бегущего коня. Как только они оказались рядом с дерущимися, Элбрайн спрыгнул на землю, а Дар хватил одного из гоблинов копытами и круто свернул влево.

Полуночник обнажил меч и бросился на ближайшего гоблина. Тот сделал попытку заблокировать удар, но не успел. Полуночник вытащил меч из груди врага, перекувырнулся, чтобы ускорить движение вперед, встал на одно колено и отбил занесенное над ним копьё. От удара копытеносец пошатнулся, сделал шаг вперед и напоролся на острие меча. Мощным рывком Элбрайн поднял насаженного на меч гоблина, швырнул его на землю, быстро обернулся и отбил нападение следующего противника. Этот, по меркам гоблинов, неплохо владел мечом, снова и снова замахиваясь на Полуночника, но тот парировал все атаки. Гоблин попытался отступить, и теперь Полуночник ринулся вперед. Его меч взлетел трижды — к чести гоблина, он сумел отбить два первых удара.

Вдохновленный появлением друга, Смотритель тоже на месте не стоял, но вскоре выяснилось, что сражаться не с кем. Гоблины узнали Полуночника, который снился им в ночных кошмарах. Когда под ударами его меча пал их третий товарищ, они развернулись и пустились наутек, под прикрытие деревьев.

Полуночник ринулся было следом, но остановился, когда прямо у него перед лицом что-то промелькнуло. Это оказалась маленькая эльфийская стрела, вонзившаяся в ногу одного из гоблинов, который тут же захромал. Пролетела еще одна стрела и угодила в ягодицы следующего гоблина. Тот взвыл от боли, но лишь увеличил скорость.

— Куда же вы? Мне надоело бегать! — разочарованно взвыл кентавр, запустил дубинкой в ближайшего гоблина, но не попал — дубинка залетела в кусты.

Гоблин на бегу обернулся, и злая усмешка исказила его безобразное лицо.

— Сейчас тебе будет чем драться! — крикнул он, поднял меч и швырнул его в Смотрителя.

— Тупица, — пробормотал кентавр. — Может, ты братец того дурака, который так и не догадался слезть с коня?

В два огромных прыжка он оказался рядом с гоблином, развернулся и нанес ему удар копытами задних ног в грудь и в плечо. Гоблин, казавшийся совсем крошечным рядом с огромным кентавром, отлетел в сторону и рухнул в кусты.

Не обращая на него внимания, Смотритель достал из зарослей свою дубинку и точно гора навис над сраженным противником.

— Что, плохо без меча-то? — поддразнил он и обрушил удар дубинки на гоблина.

Джуравиль между тем прикончил тех, кто еще трепыхался у склона холма, и принялся обыскивать ближайшие кусты. Вскоре он нашел гоблина, которому его стрела попала в ногу; тот был мертв, лежал в луже крови с разрубленным черепом.

— Где рейнджер? — спросил эльфа кентавр.

Дар, стоящий бок о бок с ним, ударил по земле копытом.

— Ищет остальных, надо думать, — ответил Джуравиль.

Смотритель перевел взгляд на деревья, между которыми висели клочья тумана, и

улыбнулся.

Гоблин прислонился к дереву, похлопывая себя по боку в тщетной попытке унять боль и не решаясь прикоснуться к стреле Джуравиля, торчащей из ягодицы. Послышался какой-то звук, и он замер, широко распахнув от ужаса глаза, но это, по счастью, оказались два его товарища.

Один ухватился за стрелу и попытался ее вытащить, но раненый гоблин вскрикнул от боли. Тот, кто помогал ему, остановился и похлопал себя ладонью по губам.

— Тихо! — прошипел третий. — Хочешь, чтобы Полуночник и этот человек-конь нашли нас? За тобой и так остался кровавый след...

Все трое в ужасе уставились на красную полосу, которая тянулась за раненым гоблином.

И тут с ветки прямо на них прыгнул Полуночник. Одного гоблина он свалил ударом кулака, другого мечом рассек по диагонали от плеча до бедра, круто развернулся и прикончил третьего, который замахнулся, собираясь бросить в него копье.

Друзья поджидали Элбрайна на дороге, греясь в лучах не по сезону теплого солнца и передавая друг другу мех с вином, наполненный квестел ни'тол, прекрасным эльфийским вином, известным людям под названием «болотного».

— Это что же, я тружусь, а вы отдыхаете? — с напускным возмущением спросил Элбрайн. — Нас трое, и сбежали тоже трое, а гоняться за ними по лесу я должен один?

— И скольких ты прикончил? — спросил кентавр.

— Всех.

— А-а, ну тогда это пустяки, — заметил Джуравиль.

— И ты еще жалуешься, — проворчал кентавр, сделал огромный глоток и протянул мех Элбрайну.

Тот с улыбкой отказался.

— Я редко пью «болотное», — сказал он. — Стоит поднести фляжку к губам — и руки начинают ныть от боли.

Он имел в виду годы обучения у тол'алфар, когда ему приходилось каждое утро ходить по болоту, собирая млечные камни, а потом тащить их к специальному корыту и выжимать из них сок, от чего в результате у него болели руки.

Это было сказано не всерьез, конечно, но Смотритель был мастер оборачивать шутки против самого шутника.

— Опять жалуется, — тяжело вздохнул он. — Знаешь, эльф, лучше бы вы в обучение брали кого-нибудь из моего рода.

— Мы пытались, добрый мой Смотритель, — ответил Джуравиль, возвращая ему мех. — Из кентавра, прошедшего обучение у эльфов, получается отличный боец, но... хитрости маловато.

— Нет, вы только взгляните! — заворчал кентавр. — Мое же вино пьет и меня же оскорбляет!

Элбрайн улыбнулся, отошел к Дару и вложил меч в ножны, свисающие с седла. Тщательно осмотрел жеребца, нашел на шее длинную, довольно глубокую царапину. С удовольствием отметил, что мягкие эльфийские руки уже поработали над раной.

— Что, мне предстоит этим заниматься всю оставшуюся жизнь? — внезапно спросил он таким серьезным тоном, что и кентавр, и эльф тут же воззрились на него. — Гоняться по лесам за монстрами?

— Если будешь действовать и дальше в таком темпе, то скоро их тут совсем не останется, — с улыбкой ответил эльф.

— Надеюсь, что нет! — с выражением ужаса на лице воскликнул Элбрайн, но тут же рассмеялся, подошел к Джуравилю и взял у него мех с вином.

Остальные двое тоже расхохотались. Они понимали, что он имел в виду. Присутствие

гоблинов, поври и великанов, без сомнения, несло ужасные страдания местным жителями. И все же в борьбе с ними были свои положительные аспекты — чувство товарищества и общность цели спланивали тех, кто в мирное время не был друзьями. А эта, самая последняя фаза войны, заключительные стычки с недобитым врагом, как-то особенно бодрила. Вот и сегодня поутру, как и каждый день, троица обогнала караван Томаса Джинджерворта, напала на лагерь гоблинов и расчистила путь остальным.

Элбрайн, самый молодой из них, особенно остро чувствовал возбуждение борьбы. Жизнь так и кипела в нем, как всегда бывало, когда ему удавалось применить на практике навыки, полученные во время обучения у эльфов.

— А вон и Джинджерворт, — кентавр заметил поднимающийся к небу дым.

По крайней мере, туман явно начал таять. Элбрайн вглядывался вдаль. Впереди целый день безопасного пути; если так пойдет и дальше, они окажутся в Дундалисе через два-три дня.

ГЛАВА 10

ОСТЕРЕГАЙСЯ СТАТЬ ГУМАНИСТОМ, БРАТ МОЙ

— Я наведу в городе порядок, — решительно заявил новый епископ.

Он произнес эти слова вслух, не мысленно, и все же Маркворт услышал его, хотя физическое тело отца-настоятеля находилось в сотне миль отсюда, в его личных апартаментах в Санта-Мер-Абель!

— Я уже начал действовать в этом направлении, — продолжал Де'Уннеро, справившись с растерянностью, вызванной неожиданным появлением призрака отца-настоятеля.

Маркворт кивнул, поражаясь тому, что при такой духовной связи ему теперь доступен даже язык жестов. В прошлый раз, появившись у Де'Уннеро, он должен был сказать аббату, чтобы тот взял свой камень души, без чего их духовная встреча была бы невозможна. Сегодня необходимости в этом не было; Маркворт сумел перебросить свой дух в Чейзвинд Мэнор таким образом, что мог напрямую, без камня души, разговаривать с Де'Уннеро во плоти. Это был уровень связи, которого они никогда не достигали прежде. У Маркворта возникло ощущение, будто он из своей спальни просто шагнул в комнату епископа, оказался перед ним в физическом теле!

И Де'Уннеро, похоже, тоже был потрясен.

Вглядевшись в его лицо, Маркворт заметил на нем выражение сильного, почти яростного желания. Маркало Де'Уннеро всегда был человеком страстным, в особенности когда речь заходила о возможности усиления его власти. В то же время он всегда умел держать себя в руках. Даже оказавшись в гуще сражения с гоблинами, он сохранял ясную голову и не терял самоконтроль.

— Будь осторожен, не выходи за пределы разумного, — напомнил ему Маркворт. — Король будет пристально следить за тобой, чтобы убедиться, насколько хорошо епископ справляется с обязанностями барона.

— Я проявляю особое внимание к посланцам короля, — ответил Де'Уннеро. — А королевские солдаты под предводительством капитана Килрони будут освобождены от многих неприятных обязанностей и посвятят себя исключительно моим делам. Охраны в Палмарисе и без них хватает. Я организовал розыск всех имеющихся в городе магических камней. Таким образом я рассчитываю выйти на друзей еретика.

— Смотри, как бы купцы не засыпали жалобами короля, — предостерег его Маркворт.

Однако, произнося эти слова, думал он совсем о другом. Его внимание привлекли последняя фраза епископа и то выражение, с каким она была сказана. Дураком он его, что ли, считает? У Маркворта возникло отчетливое ощущение, что, конфискуя все магические камни в городе, Де'Уннеро вовсе не рассчитывает таким образом выйти на бывших друзей Эвелина. Нет, эта фраза была произнесена лишь для того, чтобы успокоить Маркворта. И все

же Де'Уннеро ее произнес, и этот факт сам по себе радовал. Наверняка он что-то знает, о чем сейчас не хочет говорить, но что может помочь настигнуть беглецов.

Епископ улыбнулся.

— Купцы будут делать то, что им велено. У них поджилки трясутся от страха передо мной. Они не осмелятся обратиться к королю.

Маркворт понимал, что Де'Уннеро играет в опасную игру. За всеми купцами, их охранниками и слугами не уследишь. Очень скоро сообщения о том, как епископ обходится с купцами, дойдут до Урсала, если уже не дошли. И все же отец-настоятель колебался, стоит ли требовать от своего ставленника прекратить эту игру. Уж очень интересные возможности тут открывались. Чем плохо, если церковь вернет себе все священные камни, объявив, что таково желание самого Бога? В этом случае вряд ли король пойдет против церкви, а уж купцы тем более.

— Но даже если купцы и сообщат королю, — продолжал Де'Уннеро, улыбаясь все шире, — у нас есть оправдание для таких действий. Королю Данубу известно об украденных камнях. Разве не его солдаты возвели изменника Джоджонаха на погребальный костер? Если мы представим пропавшие камни как угрозу ему и всему королевству... — Епископ многозначительно замолчал.

Да, мысль эта и в самом деле была очень соблазнительной для отца-настоятеля. Возможно, пришло время для церкви Абеля вернуть себе камни, *все* камни. Если собрать то, что находится у купцов, это с лихвой возместит украденное Эвелином. Возможно, пришло время для церкви Абеля вновь утвердить себя в качестве главенствующей силы в жизни каждого человека цивилизованного мира.

Какое наследие в этом случае оставит за спиной Далеберт Маркворт?

— В Палмарисе очень большой анклав беженцев, — во внезапном озарении сказал он. — Сделай их жизнь невыносимой. Пусть у церкви и государства будет как можно больше общих врагов.

Де'Уннеро снова заулыбался; без сомнения, эта мысль ему понравилась.

— А что с камнями? — спросил он. — Я могу продолжать?

Теперь настала очередь Маркворта улыбаться; он понимал, что этот выскочка будет продолжать начатое независимо от того, получит разрешение или нет.

— Да, но не перегибай палку. Король Дануб будет на нашей стороне, в этом я уверен, но только в том случае, если мы не навлечем на себя гнев всего класса торговцев.

На этом Маркворт разорвал связь, и его дух понесся обратно в Санта-Мер-Абель. По правде говоря, его не очень-то волновал гнев купцов или даже самого короля. Он все больше проникался ощущением безграничности собственной власти. Война изменила соотношение сил в королевстве — в пользу церкви. Назначение Де'Уннеро епископом открывало множество крайне интересных возможностей.

Возможности... Возможности... Где предел этим возможностям?

Оказавшись снова в Санта-Мер-Абель, отец-настоятель взглянул на гематит, который сжимал в руке. Какую власть может дать этот новый способ связи! Оказаться в любом месте в любое время, не оставляя никакого следа.

Возможности... Возможности... Что мешает ему добраться таким образом до Урсала, до королевского двора, до самого короля?

Брат Фрэнсис застал отца-настоятеля в прекрасном расположении духа, и это дало ему надежду, что новости относительно Браумина и его единомышленника будут восприняты более-менее спокойно. И хотя в первый момент лицо Маркворта побагровело, он довольно быстро взял себя в руки и даже ухитрился улыбнуться кривой улыбкой.

— Значит, они, все пятеро, сбежали? — спросил отец-настоятель. Фрэнсис кивнул. — Ты уверен, что эти... что Браумин Херд и остальные заговорщики покинули Санта-Мер-Абель?

— Они ушли, отец-настоятель, — ответил Фрэнсис, смиренно опустив взгляд.

— В Санта-Мер-Абель есть где спрятаться.
— Я уверен, что они ушли, — повторил Фрэнсис.
— Они что-нибудь унесли с собой? — В голосе Маркворта заклокотал гнев. Фрэнсис пожал плечами, удивляясь этому вопросу. — Я имею в виду священные камни.
— Нет, отец-настоятель! — выпалил Фрэнсис. — Конечно нет!
— Глупости! Немедленно пошли дюжину братьев произвести проверку всех камней.
— Да, отец-настоятель.

Фрэнсис повернулся, собираясь уйти и ругая себя за то, что не предусмотрел такой реакции Маркворта. Конечно, после первой пропажи у отца-настоятеля должна была тут же возникнуть мысль, не обрушилось ли на них вновь проклятие Эвелина Десбриса.

— Куда ты? — Маркворт вперил в него пронзительный взгляд.
— Вы же сами велели послать братьев сделать опись.
— Когда мы закончим!

Фрэнсис вернулся к столу и замер перед ним, словно ожидая приговора. Маркворт тоже молчал, потирая морщинистый подбородок. Так продолжалось довольно долго, но потом лицо у него прояснилось.

— Да, отец-настоятель, я забыл вам сказать, что наш посудомойщик, Роджер Биллингсбери, тоже сбежал из аббатства, — продолжал Фрэнсис.

— А почему меня это должно волновать?

Брат Фрэнсис во все глаза уставился на него. Разве не Маркворт просил его составить список служащих аббатства? И разве не он высказывал предположение, что, возможно, среди них есть шпион? Внезапно Фрэнсис подумал, не сделал ли он глупость, упомянув о Роджере. Он-то думал, что отец-настоятель, внимательно изучив его список, пришел к тем же выводам, что и он сам; за отсутствием других потенциальных шпионов, Роджер больше всех подходил для этой роли.

— Те, кто работает по найму, по твоим же собственным словам, часто сбегает, — сказал Маркворт. — Ты еще жаловался на это, когда я просил тебя составить список.

Фрэнсис был крайне удивлен тем, что отец-настоятель как будто не улавливал связи между группой Браумина и подозрительным кухонным работником.

— Не понимаю, отец-настоятель, — сказал он. Тот насмешливо взглянул на него. — Не понимаю, почему вы так спокойно реагируете. Я думал, бегство этого юнца приведет вас в ярость.

— В ярость? С какой стати? Не понимаешь, мой юный брат? Бегство Браумина из аббатства означает конец маленького заговора Джоджонаха и одновременно подтверждение его вины.

— А может, они просто испугались? — осмелился спросить Фрэнсис и тут же отступил от стола под пристальным взглядом отца-настоятеля.

— Им нечего было бы бояться, если бы они не отступали от правил ордена, — с кривой улыбкой заявил Маркворт. — Я горжусь тем, что нагоняю на еретиков страх. Когда их схватят — а их схватят, не сомневайся, — нужно будет провести дознание, чтобы разобраться, до какой степени они погрязли в грехе.

Переминаясь с ноги на ногу, Фрэнсис с ужасом представлял себе, на какую судьбу, возможно, обрекли себя Браумин и его товарищи.

— У тебя удрученный вид, брат, — заметил Маркворт.

У Фрэнсиса возникло чувство, будто под испытующим взором отца-настоятеля из него уходит сама жизнь.

— Я просто опасаюсь... — начал он, но остановился, подыскивая нужные слова. — Брат Браумин, конечно, сбился с пути... и остальные тоже...

— Но?

— Но ведь они не всегда были такими! Их сердца отзывались на призыв Господа... по крайней мере, это можно сказать о Браумине.

— И ты веришь, что их можно вернуть на путь истинный?

Фрэнсис кивнул.

— Если проявить терпимость и великодушие. Разве не будет лучше — и с точки зрения ордена, и с точки зрения той памяти, которую вы о себе оставите, — если вам удастся вернуть в лоно церкви этих протеже Джоджонаха? Разве для нашего дела не будет полезнее, если ему послужат таланты брата Браумина? А потом, по всей вероятности, он сам станет яростным критиком Эвелина и Джоджонаха, примером того, кто сначала погряз во тьме, а потом сумел выкарабкаться к свету.

Все это было чистой воды импровизацией, просто Фрэнсис отчаянно страшился стать свидетелем еще одной казни братьев ордена. Но хотя его слова вроде бы звучали логично и убедительно, он понимал, что гонится за химерой. Если даже Маркворт скажет «да», то согласится ли Брамин Херд? Фрэнсис очень сомневался в этом. Гораздо более вероятно, что упрямый глупец так и будет стоять на своем до самого костра.

— Я только задаюсь вопросом, нельзя ли обернуть эту ситуацию в нашу пользу, — пролепетал он в заключение.

— Нет, брат Фрэнсис, тебя волнует не этот вопрос. — Отец-настоятель встал и обошел стол. — Твои речи основаны не на прагматизме, а на сострадании.

— А разве сострадание не добродетель? — еле слышно спросил Фрэнсис.

— Так-то оно так, — Маркворт обнял его руками за плечи — очень необычный жест для этого замкнутого человека, заставивший Фрэнсиса почувствовать себя еще более неловко, — но только если оно проявляется по отношению к тому, кто его заслуживает. Как насчет терпимости к гоблину? Или великодушия к поври?

— Но ведь они не люди.

Маркворт расхохотался.

— Еретики тоже не люди! — неожиданно зло произнес он, но снова быстро взял себя в руки и продолжал холодно: — На самом деле еретики хуже гоблинов и поври, потому что они, прежде обладавшие душой, отвергли этот дар Божий, тем самым оскорбив своего Создателя. Я бы сказал, поври жаль даже больше, ведь они изначально лишены этого дара. Поври и гоблины — создания тьмы, они злы по своей природе; еретик же отворачивается от Господа по собственному выбору. В этом и состоит его грех, брат мой.

— Разве мы не должны до конца бороться за душу каждого грешника?

На этот раз отец-настоятель не смеялся. На этот раз он буквально пригвоздил Фрэнсиса к месту суровым, непреклонным взглядом.

— Берегись, брат Фрэнсис! — мрачно заявил он. — Ты очень близко подошел к самому краю пропасти, в которую скатились и Джоджонах, и Эвелин. Этот глупый идеализм до добра не доведет. Примером тому может послужить судьба Браумина Херда и других заговорщиков.

— Но ведь еще святая Гвендолин говорила, что только любовь способна породить любовь.

Фрэнсис изо всех сил старался, чтобы его слова прозвучали не как возражение, а как просьба помочь разобраться в трудной проблеме.

— Святая Гвендолин была дура душой.

Глаза у Фрэнсиса чуть не выскочили из орбит, пришлось даже прикусить нижнюю губу, чтобы не разинуть от удивления рот. Все годы обучения ему снова и снова вдалбливали в голову, что произносить бранные слова по отношению к святым — тяжкий, несмыслимый грех.

— Ну, что с тобой? Ты скоро будешь магистром... может быть, — Маркворт бросил на него хитрый взгляд искоса, — и как магистр, должен научиться смотреть правде в глаза. Гвендолин была самая настоящая дура; это признают большинство моих коллег.

— Но ведь никто не возражал, когда ее канонизировали, — пролепетал Фрэнсис.

— Исключительно из прагматизма. Гвендолин была единственным кандидатом женского пола, и если бы ты повнимательнее читал историю того тревожного времени, то понимал бы, что возникла необходимость умиротворить женщин. Отсюда и взялась эта

святая. Пойми меня правильно, мой юный ученик. Гвендолин обладала великодушным сердцем, она была добра по природе своей. Но наших истинных целей она никогда не понимала. — Он помолчал. — Берегись, как бы и тебе не стать гуманистом.

— Я не знаю, что означает этот термин, — признался Фрэнсис.

— Берегись, как бы у тебя не возникло искушения поставить права личности выше добра в более широком понимании этого слова. Я надеялся, что мне удалось помочь тебе избавиться от этой слабости, пока мы улаживали дела с Чиличанками. Однако, по-видимому, она укоренилась слишком глубоко. Хочу, чтобы ты понял: это последнее предупреждение. Всегда существовали те — и Эвелин с Джоджонахом тоже принадлежали к ним, — кто считает, будто церковь должна быть пастухом заблудших овец, целителем ран, духовных и физических. По их понятиям, мы должны жить как нищие и ходить со своими священными камнями в народ, помогая людям жить. Это величайший грех.

Фрэнсис удивленно склонил голову набок — ничего греховного он тут не видел.

— Глупцы! — рявкнул Маркворт. — Не дело церкви — лечить болячки мира; ее главная задача — дарить надежду на лучшую жизнь, которая ждет людей за роковой чертой. Если бы церковь превратилась в собрание нищенствующих, кого она могла бы вдохновить? Дарить надежду черни — вот в чем наша слава и наша сила. Только страх перед нами, представителями неумолимого Бога, удерживает их от того, чтобы свернуть с пути истинного. Помни об этом постоянно. Если мы распахнем двери аббатства и отдадим камни простому люду, что станет с нашей тайной, мой юный брат? А без тайны о какой надежде на будущее счастье может идти речь?

Фрэнсис изо всех сил пытался понять смысл этой удивительной речи; и некоторые доводы казались ему убедительными. Но он ничего не мог поделать с тем, что отдельные несоответствия просто бросались в глаза.

— Но ведь мы отдаем камни купцам и людям знатного происхождения, — осмелился возразить он.

— Вынужденно. Мы продаем или даже отдаем очень незначительную часть камней в обмен на богатство и власть. А как иначе мы смогли бы убедить простой люд смотреть на нас с надеждой? Церковь должна возвышаться над чернью, и временами ради этого приходится сотрудничать со светской властью и торговцами. — Маркворт усмехнулся, как показалось брату Фрэнсису, зловеще. — Однако опасаться нечего, мой юный брат, — закончил отец-настоятель, ведя Фрэнсиса к двери. — Сейчас орден Абея поистине снискал благословение Божие. У нас появился деятель, который желает и имеет возможность поправить положение дел.

Брат Фрэнсис поклонился и вышел. Он боялся за Браумина и остальных, боялся вновь стать свидетелем ужасной расправы, но еще больше боялся того, что Браумина или, скорее всего, кого-нибудь из его товарищей послабее приволокут обратно в Санта-Мер-Абель. И тогда под пытками он признается, что это Фрэнсис вывел их из аббатства!

Как поступит в этом случае отец-настоятель? Учтет его всегдашнюю преданность и проявит терпимость или в интересах добра — в более широком понимании этого слова — будет действовать совсем по-другому?

ГЛАВА 11 ДРУЗЬЯ В ЛЕСУ

Мазур-Делавап так и сиял в неярких лучах солнца, однако стоило набежать плотным тучам, как Роджер и его спутники тут же вспоминали, что уже наступила зима. Воздух был морозный, а когда огромный паром рассекал волны, брызги обдавали холодом.

Они шли сюда окольными путями, опасаясь преследования и имея намерение изменить свою внешность — отрастить бороды и сменить бросающиеся в глаза коричневые рясы на другую одежду. И вот теперь они уже видели Палмарис, город, где властвовал Маркало Де'Уннеро, что, по правде говоря, их очень пугало. Можно не сомневаться, он уже в курсе

того, что они сбежали. И как бы они ни меняли внешность, при встрече этот опасный человек, конечно, узнает их.

Вот почему вопреки желанию Роджера разыскать кого-нибудь из своих прежних знакомцев они сошли с паром с твердым намерением сразу же отправиться дальше, на север. На улицах все было спокойно, если не считать того, что время от времени попадались группы солдат и тогда приходилось сворачивать куда-нибудь в боковой переулок.

Спустя полчаса, оказавшись у северных ворот, они столкнулись с другой проблемой. Угрюмая охрана никого не впускала в город и не выпускала из него без тщательного досмотра вещей.

— Жаль, что мы не прихватили с собой парочку камней, — сказал Кастинагис. — Янтарь по крайней мере. Тогда мы могли бы просто пройти по воде.

Остальные энергично закивали в знак согласия — в особенности Виссенти, — но Браумин напомнил им, что в случае кражи камней Маркворт уж точно бросился за ним в погоню.

— Ну, и как мы будем выбираться отсюда? — спросил Кастинагис.

Не зная, что сказать, Браумин посмотрел на Роджера.

Как-то так само собой сложилось, что со всеми сложными проблемами обращались именно к нему. Он безропотно взял на себя ответственность; напротив, это ему льстило. Немного поразмыслив, Роджер предложил им в сущности очень простой план. Поскольку погода стояла хорошая, многие крестьяне с юга проезжали через Палмарис на север, везли в разоренные районы сено и другие припасы. Роджер вывел бывших монахов на улицу, вдоль которой тянулись трактиры и длинной вереницей выстроились фургоны. В них сидели крестьяне, попивая винцо перед дальней дорогой.

В сено они и зарылись, по два человека на фургон. Там было душно, сыро и во всех отношениях неудобно; но фургоны должны были вот-вот тронуться в путь, и скоро друзья окажутся в безопасности. Стражники у ворот расспрашивали возниц, но досмотр производили поверхностно.

В первом фургоне, благополучно покинувшем город, прятались Кастинагис и Муллахи. Спустя какое-то время они выпрыгнули из повозки, немного пробежали следом, свернули в сторону и стали ждать.

Сначала мимо проехали несколько повозок, потом показались быстро идущие Делман и Виссенти, а вслед за ними и Роджер с Браумином.

— Твоя смекалка уже в который раз выручает нас, — с благодарностью сказал Делман Роджеру.

— Да ну, пустяки, — ответил тот, хотя на самом деле эта похвала доставила ему удовольствие. — Дальше, думаю, у нас сложностей не будет. Еще несколько миль местность довольно густо заселена, а потом пойдут редкие деревеньки. Мы должны добраться до Кертинеллы без проблем.

— И там найдем друзей Эвелина? — спросил Браумин.

Этот вопрос Роджеру задавали, наверное, уже раз сто, но ответа на него он по-прежнему не знал, мог только строить догадки. Может, Пони и Элбрайн вернулись в Кертинеллу, в особенности учитывая, что теперь с ними был кентавр; а может, и нет. Роджер пробежал взглядом по обращенным к нему лицам, на которых застыло одинаковое выражение отчаянной надежды на то, что вот сейчас случится чудо и он наконец сумеет ответить на этот волнующий вопрос. Точно дети, право слово, хотя всем было за двадцать, а Браумину даже больше тридцати; и Роджер в данном случае выступал в роли отца, на которого с верой и надеждой устремлены взгляды «детюшек».

— Мы найдем их или узнаем, куда они ушли, — ответил он.

Физиономии монахов расплылись в улыбке. Виссенти тут же зафонтанировал идеями относительно того, как друзья Эвелина помогут навести в мире порядок.

Роджер не мешал ему фантазировать. Он жалел этого человека, да и всех остальных тоже; или, по крайней мере, сочувствовал им. На них теперь было выжжено клеймо еретиков

— и они понимали, какое наказание полагается за это! Они потеряли все, сохранили только верность своим принципам. Хотя, в общем, это было не так уж мало.

Но, к сожалению, принципами сыт не будешь.

И удару меча принципы тоже не помеха. И равнодушному огню погребального костра.

Они шли до глубокой ночи, стараясь удалиться от Палмариса как можно дальше. И все же, разбив лагерь на вершине одинокого холма, они все еще видели вдали огни большого города.

Роджер стоял, глядя на эти далекие огни, когда к нему подошел Браумин. Некоторое время они молча смотрели на раскинувшийся вокруг мир, охваченный безумием.

— Может, нам следовало рискнуть и задержаться в Палмарисе, — сказал в конце концов Браумин. — Вдруг мы встретили бы там кого-нибудь из твоих друзей?

Роджер покачал головой.

— Мне, конечно, было бы приятно увидеться с ними, но, по-моему, мы поступили правильно, сразу же убравшись из города. Опасное место.

— Ну, ты, наверное, имеешь в виду не само место, а его правителей? — усмехнулся Браумин. — Они похожи на тех, кто правит в Санта-Мер-Абель.

— Я был с бароном Бильдборо, когда его убили, — признался Роджер, не сводя взгляда с далеких огней, что не помешало ему услышать, как участилось дыхание Браумина. — Мы отправились в Урсал, чтобы поговорить с королем об убийстве аббата Добриниона.

— Его убил поври, — сказал Браумин. Таково было общераспространенное мнение.

— Нет, Добриниона убил монах, — с горечью возразил Роджер и повернулся лицом к Браумину. — Это был не поври, а монах... точнее говоря, два монаха. Ваша церковь называет таких людей Карающими Братьями.

Целая гамма чувств попеременно отразилась на лице Браумина: замешательство, недоверие, гнев.

— Откуда тебе знать... — возразил он, к сожалению, не так убежденно, как ему хотелось бы.

— Коннор Бильдборо, племянник барона, докопался до истины. — Роджер снова повернулся к далеким городским огням.

— Он не слишком надежный свидетель. Отец-настоятель захватил и допрашивал его. У молодого Бильдборо были причины ненавидеть церковь.

— У него были веские доказательства, — сказал Роджер. — И вот еще что заставляет верить ему. Оба Карающих Брата погнались за ним в Палмарис, намереваясь убить. Именно тогда они и встретились со мной, Полуночником и Пони. Там их и ждал конец, но, к сожалению, уже после того, как они убили Коннора.

— Опиши их, — с дрожью в голосе попросил Браумин.

— Один такой большой, сильный, а другой маленький, но быстрый в движениях и гораздо более опасный, как мне кажется.

Браумин чуть не упал, услышав эти слова. Он шел с караваном, когда они встретились в Палмарисе с Марквортом. Именно тогда Коннора сначала захватили, а потом отпустили. И вместе с отцом-настоятелем были два очень опасных человека, братья Юсеф и Данделион. Они оставили караван на пути в Палмарис, и больше их никто не видел.

— Доказательства Коннора убедили барона, — продолжал Роджер. — И поскольку новый глава аббатства Сент-Прешес не прислушался к словам Рошфора Бильдборо, он решил обо всем рассказать королю, а меня прихватил с собой в качестве свидетеля. Однако в первую же ночь на нашу карету напали. Погибли все, кроме меня.

— Повезло тебе. Интересно, каким образом?

— Я был в лесу, когда этот огромный дикий кот напал, — объяснил Роджер, — и видел только конец сражения... или, правильнее сказать, кровавой бойни.

— Опиши кота. — Браумина начало подташнивать от всего услышанного.

— Вообще-то он был не такой уж и большой, но быстрый и очень злобный. И нападал как-то очень... целеустремленно.

— Дикие животные иногда бросаются на людей. Но, похоже, ты не веришь в это? — спросил Браумин.

Роджер пожал плечами.

— Я хорошо знаю, как выглядят дикие коты, которые водятся в этой местности. По большей части они рыжевато-коричневые. А этот был оранжевый с черными полосками. Тигр, так их называют, хотя сам я их никогда не видел. Путешественники, которые отваживались забираться в западный Вайлдерлендс, рассказывали...

Роджер внезапно остановился, пораженный видом Браумина. Тот стоял с закрытыми глазами, стиснув кулаки и дрожа.

Для Браумина Херда все мгновенно встало на свои места, и это повергло его в неопиcуемый ужас. Он хорошо знал нового епископа Палмариса и знал также, что его любимый камень — «тигриная лапа»; с помощью него тот мог превращать отдельные части своего тела в тигриные.

— На мир надвигается тьма, — в конце концов сказал Браумин.

— А я думал, она только что ушла.

— Эта новая будет пострашнее прежней.

И Роджеру, который собственными глазами видел убийство Коннора Бильдборо, его дяди и Джоджонаха, возразить на это было нечего.

От костра остались одни угли. Дул холодный ветер, и четверо спящих монахов лежали совсем близко к огню, плотно закутавшись в одеяла. Делман и Роджер сидели неподалеку; сейчас была их очередь караулить.

Роджер несколько раз пытался завести беседу с этим серьезным, здравомыслящим монахом, но Делман, похоже, был не в настроении разговаривать. Понимая, какая неразбериха творится в его душе, Роджер не настаивал. Однако часами сидеть молча было трудно, и у него начали слипаться глаза.

— От огня меня клонит в сон, — сказал он и встал, быстро растирая затекшие руки и ноги. — Пойду немного пройдуся.

— В лес? — недоверчиво спросил Делман.

— Я провел несколько месяцев в этих лесах, — Роджер беспечно махнул рукой, — и тогда они кишели поври, гоблинами и великанами.

В глубине души Роджер надеялся, что его слова произведут впечатление на Делмана, но тот лишь кивнул.

— Не уходи слишком далеко.

— Ничего со мной в лесу не случится, — ответил Роджер.

— Я не сомневаюсь. Просто боюсь, что усну, а брат Браумин проснется и увидит меня спящим. — Он улыбнулся, и Роджер ответил тем же.

— Хорошо, я буду рядом.

Роджер спустился с холма и остановился, как только глаза привыкли к темноте. Он и в самом деле не боялся леса, уверенный, что в случае опасности успеет скрыться от любого врага...

Если не считать овчарок, напомнил он себе и словно воочию увидел огромных ужасных псов, которых иногда держали поври. Именно эти злобные твари выследили его, когда он отправился обследовать захваченную поври Кертинеллу. У Роджера до сих пор остались шрамы, приобретенные, когда его захватывали и потом держали в плену, в основном оставленные клыками этих свирепых псов.

Тем не менее сейчас он без страха углубился в лес. Здесь он чувствовал себя в своей среде. Прошло всего несколько минут, и лагерный костер превратился в еле различимое пятнышко света. В конце концов Роджер уселся на большой валун и поднял взгляд к звездам, думая об Элбрайне и Джуравиле, но в особенности о Пони. Как ему не доставало их, этих первых в его жизни настоящих друзей! Они не только помогали ему, когда он в этом нуждался; они не опасались указывать ему на его недостатки и учили избавляться от них. Он

и уцелел-то лишь благодаря им, но кроме того, научился сдерживать свой нрав, свою гордыню и в любой сложной ситуации сохранять ясную голову.

Дрожь пробежала по его телу, когда он подумал, что случилось бы с ним во время убийства Бильдборо, если бы не уроки Полуночника и его друзей. Бездумная самонадеянность наверняка заставила бы его ринуться в бой, и тогда дикий кот убил бы и его. А что произошло бы, если бы он в панике бросился в Палмарис, рассказывая всем свою невероятную историю? Наверняка лишь нажил бы себе могущественных врагов, против которых оказался бы бессилен. Да, только благодаря друзьям Роджер приобрел великое умение сначала думать, а потом уж действовать.

И теперь ему страстно хотелось увидаться с ними снова, рассказать Полуночнику все, что он узнал, и, главное, показать ему, как сильно он изменился. И с Джуравилем он тоже хотел встретиться; эльф, конечно, одобрит его действия, а Роджер так жаждал одобрения!

Но больше всего он хотел снова увидеть Пони, ее яркие голубые глаза, ее прекрасную улыбку. Хотел смотреть, как струятся по плечам ее роскошные волосы, хотел вдыхать их цветочный аромат. Роджер знал, что она никогда не будет принадлежать ему. Она любит Элбрайна, а к Роджеру питает лишь дружеские чувства. Однако по большому счету это не имело для него никакого значения. Он не завидовал — больше не завидовал — Элбрайну, испытывая огромное удовольствие просто от того, что находится рядом с Пони, разговаривает с ней, смотрит, как грациозно она движется.

Роджер долго сидел на камне, рассеянно глядя на звезды, но вместо них видя лишь прекрасное лицо Пони. Да, Пони и ее друзья смогут навести порядок в мире или по крайней мере в их собственном маленьком уголке.

Эта мысль успокоила юношу — скоро, совсем скоро он окажется среди могущественных друзей. Но потом он вернулся в настоящее, вспомнил о своих нынешних обязанностях и оглянулся в сторону лагеря. По виду там все было тихо и спокойно, но Роджер заторопился обратно, непроизвольно ускоряя шаг.

Однако вскоре он остановился и оглянулся, испытывая удивительно неприятное чувство, от которого мурашки побежали по коже. Все было тихо, спокойно, но взгляд его медленно скользил по сторонам, пытаясь уловить признаки движения.

Здесь кто-то был! И этот кто-то наблюдал за ним.

Внезапно сердце у него заколотилось как бешеное, все мышцы напряглись. Перед глазами всплыла сцена убийства барона Бильдборо. А вдруг и сейчас где-то в тени притаился огромный тигр?

Он с трудом смог заставить себя двинуться дальше, тихо-тихо, осторожно переступая, пытаясь не издавать ни малейшего шума. Один шаг, второй...

Что-то быстро промелькнуло в кустах и тут же скрылось.

Роджер вскрикнул и бросился бежать.

Мимо пролетела стрела, напугав его и заставив остановиться. Он, однако, не упал; помешала тонкая, но прочная нить, туго протянувшаяся перед ним. Еще одна стрела пронеслась мимо, но третья задела его по спине. Роджер молниеносно развернулся, пытаясь сообразить, что происходит, а между тем все новые и новые нити протягивались вокруг него под самыми разными углами, опутывая его со всех сторон. И чем больше он пытался вырваться, тем больше запутывался в них.

Вот когда ему пригодилось умение не терять головы в самой отчаянной ситуации. Он выпрямился, жестко уперся ногами в землю, ухватился за одну из нитей и потянул.

В тот же миг немного в стороне и сверху возникло какое-то движение. Роджер замер, ожидая, что враг вот-вот обрушится на него. Спустя несколько мгновений он осмелился оглянуться и едва не упал от облегчения, увидев — нет, не тигра и не гигантского паука! — знакомую фигуру, удобно устроившуюся на ветке.

— Джуравиль...

— Где он? — спросил эльф.

Голос был женский, и Роджер понял, что перед ним другой — вернее, другая —

тол'алфар.

— Г-где к-к-кто? — запинаясь спросил он.

И тут обнаружил, что эльфы окружают его со всех сторон, одни на земле, другие на деревьях.

— Ты сам только что назвал его, — нетерпеливо сказала эльфийка. — Белли'мар Джуравиль.

— Я... Я не знаю.

Роджер был ошеломлен и слегка напуган, поскольку эти эльфы выглядели отнюдь не дружелюбно и каждый держал в руке маленький лук. А ему очень хорошо было известно, что размерами этих луков обольщаться не стоит; у него на глазах Джуравиль не раз с помощью точно такого же наносил смертельные удары.

— Ты Роджер Биллингсбери, — заявил другой эльф. — Роджер Не-Запрешь.

— И ты разыскиваешь своих друзей — нашего брата Джуравилья и Полуночника, — добавил еще один эльф.

Молодой человек хотел было ответить, но его перебил новый эльф.

— И женщину по имени Джилсепони Альт.

— Да, да, да! — закричал Роджер. — Почему вы спрашиваете, если не даете мне слова...

— Мы не спрашиваем, — ответила первая эльфийка. — Мы говорим то, что нам известно. — Роджер даже не пытался возражать, опасаясь, что его снова перебьют. — Мы предполагаем, что Белли'мар Джуравиль ушел на восток, направляясь к очень большому аббатству.

— К Санта-Мер-Абель, — сказал Роджер. — То есть, я точно не знаю, там ли Джуравиль, но Полуночник и Пони...

— Расскажи нам об этом, — снова перебили его.

— Все, что тебе известно.

— Я и пытаюсь, но вы мне рта не даете раскрыть! — возмущенно воскликнул Роджер.

Сидящая на ветке эльфийка призвала остальных к спокойствию.

— Пожалуйста, расскажи нам все подробно, Роджер Не-Запрешь, — сказала она, когда все смолкли. — Это очень важно.

Он посмотрел на окружающие его со всех сторон еле заметные нити и беспомощно поднял руки. Эльфийка — судя по всему, их предводительница — кивнула, и несколько эльфов тут же освободили Роджера от пут.

Общение с Джуравилем убедило его в том, что тол'алфар не враги, поэтому он охотно рассказал обо всем, что узнал, пока был в аббатстве. О том, что кентавру по имени Смотритель каким-то образом удалось выбраться из недр взорванной горы, бывшей до этого местом обитания демона, но после этого он оказался в плену; что Пони, Полуночник и, возможно, Джуравиль проникли в аббатство и освободили кентавра. Потом Роджер поведал эльфам о Джоджонахе — монахе, который помог Полуночнику и его друзьям, — и постигшей его ужасной участи.

— Кто твои нынешние спутники? — спросила эльфийка. — Они тоже из Санта-Мер-Абель?

— Последователи Джоджонаха и еще одного монаха, брата Эвелина, героя, друга Полуночника и Джура...

— Нам известно о брате Эвелине Десбрисе, — заверила его эльфийка. — Одна из наших сестер вместе с ним отправилась на гору Аида и пожертвовала своей жизнью, чтобы дать возможность Эвелину и остальным уничтожить демона.

— Тантан! — воскликнул Роджер, которому Пони рассказывала об этом походе.

Его улыбка, однако, тут же увяла при виде угрюмых физиономий эльфов.

— Мнение твоего друга в большой степени соответствует действительности, — мрачно продолжала эльфийка. Роджер непонимающе посмотрел на нее. — Монах... брат Браумин сказал, что на мир надвигается тьма. Судя по событиям в Палмарисе, это пророческие слова.

— Откуда вам известно о Браумине? — спросил Роджер и тут же понял, что этот вопрос не имеет смысла. Джуравиль уже не раз доказывал, какие прекрасные разведчики тол'алфар. Ничего удивительного, что эльфы следили за ним. — Вы знаете, что происходит в Палмарисе?

— Мы много чего знаем, Роджер Не-Запрешь, — ответила эльфийка. — Знаем о твоём походе с бароном Бильдборо, ставшем для него роковым. Знаем о новом епископе Палмариса Де'Унnero. Тол'алфар редко вмешиваются в дела людей, но уж если это происходит, можешь не сомневаться, мы узнаем все, что пожелаем... Возвращайся к своим друзьям. Вы идёте на север, чтобы найти Полночника?

— Надеюсь, он где-то поблизости от Ка-Тиннелы.

— А наш брат Джуравиль?

— Думаю, он с Полночником, — ответил Роджер.

Эльфийка посмотрела на своих товарищей, и они кивали в ответ.

— Помни, что тол'алфар неподалёку, Роджер Не-Запрешь, — закончила эльфийка.

Он увидел, как эльфы бесшумно растаяли в темноте. Только что были тут и вдруг исчезли, оставив его одного. Роджер вернулся в лагерь и обнаружил Делмана, сидящего на том же самом месте, разве что глаза у него были закрыты.

Роджер хотел было разбудить его, но передумал. У него возникло ощущение безопасности; сейчас, когда эльфы были поблизости, выставлять караульных не имело смысла. Он подошёл к костру, лёг, подложил руки под голову и поднял взгляд к усыпанному звёздами небу. Вскоре и его сморил сон.

ГЛАВА 12 ДЕЛА ИДУТ

— Ты обманываешь меня, — с угрожающим видом с ходу заявил дух Маркворта.

Духовная связь продолжала совершенствоваться. Теперь это был не телепатический разговор и даже не такая встреча, как вначале. Дух Маркворта, почти материальный, просто вошёл в комнату Де'Унnero и заговорил с ним!

Епископ, конечно, был изумлён не меньше самого Маркворта, что не мешало ему держаться с обычной самоуверенностью.

— Я не понимаю, о чём вы. У нас общие цели. Просто, может быть, вам не нравятся мои методы.

— Мне не нравится твоя ложь, — проворчал Маркворт. Де'Унnero с невинным видом поднял руки, как будто не понимая, о чём речь. — Конфискация камней — пример этого. По сути, я одобряю изъятие магических камней у купцов — они не принадлежат к церкви и не должны владеть священными камнями. В этом у нас нет разногласий.

Епископ пристально разглядывал собеседника. Их обоих, без сомнения, радовала перспектива того, что власть церкви в королевстве может стать доминирующей. Однако Де'Унnero был достаточно проницателен, чтобы понимать: он и отец-настоятель руководствуются при этом не совсем схожими мотивами.

— Нечего делать вид, будто изъятие камней в Палмарисе имеет отношение к друзьям Эвелина Десбриса, — продолжал Маркворт. — Тебе прекрасно известно, что их нет в городе.

— Как только я узнаю, где они, я изменю направление поиска, — пообещал Де'Унnero.

— Нет, занимайся Палмарисом. Твоя деятельность здесь важнее поисков беглецов.

Захваченный врасплох епископ не сумел скрыть неудовольствие.

— Одно не мешает другому, отец-настоятель, — осторожно подбирая слова, ответил он. — Наводя порядок в Палмарисе, я одновременно собирал информацию о беглецах. Они находятся где-то к северу от города, но это не значит, что я не могу до них добраться.

— *Добраться?* — повторил Маркворт. — Снова за старое, магистр Де'Унnero?

Кипя от ярости, но не желая показывать этого, епископ опустил взгляд. *Магистр Де'Унnero?* Какое жестокое напоминание о том, кто здесь хозяин, а кто слуга! В церкви

Абеля считалось величайшим оскорблением, если к человеку обращались, называя его прежний титул.

— Сколько раз мы будем препираться по этому поводу? — возмущенно продолжал Маркворт. — Сколько раз я должен повторять тебе: разбираться с тем, что оставил нам Эвелин Десбрис, будут другие, а у Маркало Де'Унnero есть более высокие задачи?

— И сколько раз эти другие должны потерпеть неудачу, чтобы вы наконец доверили мне разобраться с тем, что оставил нам Эвелин? — осмелился спросить Де'Унnero. — Сначала Квинтал, потом эти глупцы Юсеф и Данделион.

— Этих глупцов, между прочим, обучал Де'Унnero, — напомнил ему Маркворт.

— И Де'Унnero предупреждал вас, что они не справятся. Друзья Эвелина — могущественные и опасные враги. Они сумели преодолеть все преграды, воздвигнутые нами у них на пути. Давайте вспомним хотя бы, что эти сегодняшние беглецы не так давно предприняли поход на гору Аида, вступили в сражение с Бестесбулзибаром и одержали победу! — Ворчание Маркворта больше походило на рык дикого зверя. — Нельзя недооценивать их. По нашим сведениям, женщина очень искусна в обращении с магическими камнями, а мужчина...

Он замолчал, удивленный тем, что Маркворт внезапно рассмеялся.

— Меня радует страсть, с которой ты говоришь о наших достойных противниках, — объяснил он.

Теперь он, кажется, понял, что на самом деле движет епископом.

— Они сумели заслужить наше уважение.

— Они сумели заинтриговать тебя, — уточнил Маркворт. — Ты воспринимаешь поведение этого Полуночника как личный вызов. Как же, разве не Маркало Де'Унnero самый великий воин в мире?

— По-вашему, украденные камни меня не волнуют? — сухо спросил епископ, явно пытаясь увести разговор в сторону и тем самым подтвердив, что Маркворт прав.

— Ну почему же... И все же, по-моему, это не единственный и не главный мотив твоих действий в отношении того, кого называют Полуночником. И я не осуждаю тебя за это. Более того, меня восхищает твоя страстность. Когда ты еще только появился в Санта-Мер-Абель, сразу было видно, что ты человек решительный и многого добьешься. Поговаривают, что ты самый выдающийся воин, когда-либо вышедший из стен аббатства, и это, без сомнения, глубоко задевает тебя.

— Как это? — спросил Де'Унnero. — Если я и в самом деле настолько тщеславен, как вы считаете, то с какой стати эти разговоры должны задевать меня?

— Потому что это просто разговоры и потому что не все разделяют это мнение. Но больше всего потому, что тебя называют самым выдающимся воином церкви Абеля. Тебе не нравится это ограничение.

— Гордость. Один из величайших смертных грехов.

И снова Маркворт рассмеялся.

— Человек без гордости не имеет амбиций, а человек без амбиций, по сути, не лучше зверя. Нет, Маркало Де'Унnero, епископ Палмариса, мир ждет от тебя великих свершений. Возможно, победа над Полуночником станет одним из них. Но только... — отец-настоятель погрозил ему худым пальцем, — только если этот спор между вами будет решен в контексте других, более важных задач. Мир изменяется, и мы предвестники этих перемен. Я не стану рисковать своим добрым именем и возможностью для церкви стать доминирующей силой королевства ради твоих амбиций.

— Но подумайте, насколько сильнее станут ваши позиции, если убрать Полуночника? — запротестовал Де'Унnero. — Я знаю, где искать преступников, и могу уничтожить их, а заодно и вернуть то, что было украдено.

— Нет! — воскликнул Маркворт с такой силой в голосе, что епископ непроизвольно отшатнулся. — Нет. Сейчас нельзя идти на такой риск. Сосредоточься исключительно на Палмарисе.

— Но...

— Надо все очень тщательно спланировать. Существуют и другие пути. Может быть, завоевать доверие Полуночника и этой женщины, а потом неожиданно напасть на них.

— Вряд ли последователи Эвелина Десбриса когда-либо проникнутся доверием к церкви Далеберта Маркворта, — со всей откровенностью заявил Де'Уннеро.

— Тебе повезло, что я знаю — ты умнее, чем об этом свидетельствуют твои слова. Есть и другие способы уничтожить последователей Эвелина. Поищи хорошенько — и найдешь их.

С этими словами дух Маркворта исчез.

Сидя в кресле, Де'Уннеро обдумывал услышанное. Встреча проходила совсем не так, как он рассчитывал, поскольку Маркворт оказался гораздо проницательнее, чем предполагалось. В глубине души Де'Уннеро надеялся, что его перевод в Палмарис, да еще в качестве епископа, даст ему определенную автономию. Однако вновь обретенное мастерство Маркворта в применении камня души развеяло эти мечты; сейчас Де'Уннеро оказался под более пристальным наблюдением, чем даже в Санта-Мер-Абель.

Понимание этого факта окончательно вывело его из себя. Он вскочил, заметался по комнате и едва не схватил свою тигриную лапу, воображая, как в облике дикого кота мчится на север. Если он убьет двух главных врагов церкви, неужели Маркворт рассердится на него?

Но вдруг у него ничего не получится, вдруг его попытка насторожит Полуночника и заставит еще лишь надежнее спрятаться? Тогда, наверное, для него было бы даже лучше, если бы Полуночник убил его в лесу.

Лучше, чем почувствовать на себе всю ярость Маркворта.

Что это за человек в самом деле? Де'Уннеро знал Далеберта Маркворта на протяжении не менее десяти лет и был одним из его ближайших советников с тех пор, как занимался подготовкой первого Карающего Брата, Квинтала. Однако сейчас, во время их последнего разговора, отец-настоятель излучал ауру такого могущества, что у Де'Уннеро возникло чувство, будто он вообще не знает этого человека или, по крайней мере, все эти годы недооценивал его.

Мысль эта заставила его более внимательно отнестись к совету Маркворта, и к утру, проведя всю ночь без сна, он выработал новый план.

Маркворт устремился обратно, к своему телу, лежащему в постели в Санта-Мер-Абель. Все было тихо, никто не заметил его «отсутствия». Тело содрогнулось, когда дух снова вошел в него. Несмотря на поздний час, Маркворт тут же выбрался из постели. Хорошо, что брат Браумин и его сторонники покинули Санта-Мер-Абель, подумал он. И без них хлопот хватает.

Отец-настоятель подошел к письменному столу, достал оттуда маленький рубин, гематит и направился в комнату с пентаграммой. Обошел пентаграмму, склоняясь над каждым углом и с помощью рубина зажигая стоящую в нем свечу. Вошел внутрь пентаграммы и уселся на пол, скрестив ноги, — обычная поза глубокой медитации.

Так учил голос, звучащий у него в голове. Поначалу Маркворт сопротивлялся. Нигде, даже в «Колдовских заклинаниях» не говорилось о том, что нужно сидеть внутри пентаграммы. Обычно к такому варианту прибегали для вызова и подчинения себе потусторонних созданий. Маркворт так и поступил, когда ему понадобилось вызвать парочку второстепенных демонов, чтобы они вселились в трупы Чиличанков.

Однако сейчас, по мере того как росло его мастерство, Маркворт нашел пентаграмме другое, может быть даже более важное, применение. Он использовал камень души, чтобы погрузиться в глубины собственного разума, выйти на совершенно новый уровень сознания.

Эта комбинация магических камней и позиции внутри пентаграммы открывала доступ к величайшим таинствам вселенной, позволяла решать все личные проблемы и вмешиваться в события, способные до основания потрясти и церковь, и королевство. Там, в глубинах каменной магии и собственной души, Маркворта ждало такое одиночество, перед которым

меркли и казались ничтожными любые огорчения материального мира. А еще дальше, в глубинах этого одиночества, он нашел Бога.

Сегодня ночью таинственный голос звучал сильнее, чем прежде. Маркворт задавал вопросы, которые волновали его, и голос, как всегда, отвечал. Он должен укрепить мощь Санта-Мер-Абель и объединить вокруг себя всех монахов, чтобы можно было не опасаться никаких заговоров, когда настанет время распространить свою власть на все королевство. Остальные аббатства, даже если они не будут одобрять его политику, не решатся открыто выступить против, если не смогут рассчитывать на поддержку внутри Санта-Мер-Абель, самого крупного аббатства, превосходящего по величине все остальные, вместе взятые.

Его единственный серьезный противник — аббатство Сент-Хонс, более тесно, чем другие, связанное со светской властью.

Да, сейчас, когда Палмарис оказался под властью церкви, Маркворт должен быть готов к тому, что Урсал будет этим недоволен — если не сам король, то, уж конечно, его советники.

Не торопись, напомнил он себе. Доверься Де'Уннеро — что ни говори, цели у них и впрямь одни и те же. Заставь брата Фрэнсиса работать изо всех сил, выявляя несогласных и недовольных.

Закрыв глаза и слегка покачиваясь, Маркворт медитировал, все глубже уходя в себя. Может быть, он неправильно оценивал Де'Уннеро. Епископ должен быть тонким, хитрым политиком, а не прямолинейным воином. Ну, это не страшно. Нужно только умело использовать его, учитывая эти особенности.

«Разве ярость воина не разгорается еще жарче, если его враги рядом и все же вне пределов досягаемости?» — прозвучал голос в голове Маркворта.

Мысль о неуловимом Полуночнике только раззадорит епископа. Маркворт может все время запрещать Де'Уннеро преследовать его, словно натягивая тетиву V-образного лука, смертоносного оружия народа тогайру, кочевников западного Бехрена. И когда в конце концов отпустит, стрела стремительно полетит точно в цель.

И тогда на ничем не замутненном небосклоне воссияет солнце самого Маркворта.

Все ответы были получены, удовлетворенный отец-настоятель открыл глаза и потянулся. Голос внутри его головы тоже был доволен — голос, как он полагал, исходящий от самого Бога.

После того как с помощью магии аметиста Эвелин разрушил гору Аида, демон Бестесбулзибар утратил точку опоры на Короне, лишился физического тела. Только безрассудство отца-настоятеля Далеберта Маркворта, рискнувшего прибегнуть к помощи «Колдовских заклинаний», позволило духу демона вновь обрести надежду, что в этом мире для него еще не все потеряно.

Предполагалось, что Маркворт, как отец-настоятель церкви Абея, должен быть самым яростным противником демона.

И это придавало беседам с ним особенную прелесть.

Уже на следующий день рано утром капитан Шамус Килрони был вызван в Чейзвинд Мэнор и нашел там Де'Уннеро в крайне возбужденном состоянии, несмотря на то что епископ, по его собственному признанию, ночью не сомкнул глаз.

— Сейчас такое время, что мне не до сна, — заявил епископ и указал Шамусу на кресло.

Они находились в прелестном саду, где был накрыт стол на двоих. Шамус поклонился и сел.

— Вы наверняка и сами поняли, что разговор о ваших друзьях с севера оказался очень важен для меня, — начал Де'Уннеро, не дав Шамусу донести до рта кусок аппетитного омлета.

— Не мое дело судить о том, что важно для начальства, — ответил он.

Де'Уннеро улыбнулся; такое слепое повиновение полностью отвечало его интересам.

— Эти двое, Пони и Полуночник... Они стали вашими друзьями?

— Союзниками, — уточнил Шамус. — Мы сражались бок о бок. Я был рад, что они на нашей стороне.

— А кентавра, значит, вы ни разу не видели? — спросил епископ, и Шамус лишь покачал головой. — У вашей кузины прекрасная память. Когда через Палмарис проходил караван, с ним и в самом деле шел кентавр. Смотритель — так его зовут. Это один из самых опасных заговорщиков, в планы которого входило похитить священные камни из Санта-Мер-Абель. Мы выследили его и собирались покончить с этим заговором на корню, но тут вмешались ваши друзья — ваши, капитан Килрони, — и помогли ему бежать из аббатства.

Шамус вздохнул. Значит, Колин права. Полуночник и Пони действительно преступники; в глазах церкви по крайней мере.

— Я уже сказал, что мы не друзья. Для этого мне слишком мало известно о них.

— Думаю, правильнее будет сказать, что вам фактически не известно о них ничего, — с иронией заметил Де'Уннеро. — Но даже «союзничество» с этими людьми не делает вам чести. Когда отцу Маркворту станет известно о том, во что вы оказались замешаны, он, скорее всего, будет вынужден сообщить об этом королю. Можно лишь предполагать, как это скажется на вашей дальнейшей карьере.

Шамус точно язык проглотил. У него возникло чувство, будто Де'Уннеро добивается, чтобы он начал отрицать свои дружеские отношения с преступниками, но честь не позволяла ему сделать этого. Нет, он и впрямь сражался бок о бок с этими людьми, и будь что будет.

— А вы везучий человек, капитан Килрони, — продолжал епископ. Шамус недоуменно посмотрел на него. — Кентавр опасен, вне сомнения, но эти двое, Полуночник и Пони, возможно, еще опаснее. Разве это не везение — встретиться с ними и уцелеть? Им ничего не стоило застать вас врасплох и убить.

— Зачем? — спросил Шамус.

Все, что Де'Уннеро говорил о Пони и Полуночнике, никак не вязалось с его представлением об этих людях. Епископ рассмеялся.

— Мы непременно порассуждаем с вами о природе зла, но только в более подходящее время.

— Я солдат и видел немало зла, сражаясь с врагами, — ответил Шамус.

Де'Уннеро презрительно усмехнулся.

— Вы сражались с поври и гоблинами. Ну, может быть, с парочкой великанов. Но все это не идет ни в какое сравнение с подлинным злом, носителями которого являются Полуночник и Пони. Да, друг мой, поверьте, вам просто сказочно повезло. Но ничего, теперь вы предупреждены и, вернувшись со своими людьми на север, примете все меры предосторожности.

— Вернувшись на север?

— Возьмите дюжину... нет, человек двадцать самых отборных солдат, — распорядился епископ. — Скачите в Кертинеллу... или, если понадобится, еще дальше на север. Боюсь, Полуночник и эта женщина уже в Тимберленде.

— Я должен захватить их в плен? — не веря своим ушам, спросил Шамус.

— Ни в коем случае! Нет! Напротив, вы поможете им очистить Тимберленд от врагов и останетесь рядом с ними вплоть до моего прибытия. Вот тогда справедливость и восторжествует.

Покидая Чейзвинд Мэнор, Шамус Килрони чувствовал, что в голове у него все перемешалось. Мелькнула мысль наведаться к Колин, но что это дало бы, кроме новых огорчений и неприятностей? Да, неприятностей, потому что Колин наверняка позволит себе нелецеприятные высказывания в адрес епископа. Шамусу все еще не верилось, что Полуночник и Пони таковы, как говорил Де'Уннеро. Однако он напомнил себе, что личные чувства должны молчать, когда речь идет о служении королю.

И все же от мысли о том, что произойдет, когда епископ Де'Уннеро прибудет на север вершить правосудие, Шамуса бросало в дрожь.

ГЛАВА 13

ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНИЯ

Элбрайн вздохнул, огорченный услышанным. Он предполагал, что Джуравиль покинет их вскоре после того, как они доберутся до Дундалиса, но известие о том, что эльф уходит сейчас, когда они были лишь на полпути от Кертинеллы, стало для него сюрпризом.

— Я стосковался по дому, — объяснил ему Джуравиль. — За те столетия, что я живу на свете, это первый случай, когда я так надолго покинул Эндур'Блоу Иннинес.

— Ну, не преувеличивай. Ты был там, когда сопровождал людей, которых мы освободили в Вайлдерлендсе, — напомнил ему Элбрайн. — Мы с Пони встретились с тобой у входа в Эндур'Блоу Иннинес.

— Тогда я пробыл там слишком мало, чтобы успеть отдохнуть душой. Такие уж мы, эльфы. Ты должен понимать это лучше, чем кто-либо другой, Полуночник. Нам нет жизни без своей долины, без танцев под ясными небесами и общества друг друга.

— Что же тут не понять, — ответил Элбрайн. — Караван состоит из храбрых людей, а кентавр будет рыскать по лесам, чтобы враги не застали нас врасплох. Так что мы справимся. Это все мой эгоизм. Должен признаться, мне будет ужасно недоставать тебя. Почти как Пони.

— Ну, вряд ли я занимаю в твоём сердце такое же место, как она.

— Другое, да, но не меньшее. Ты мне как брат, Белли'мар Джуравиль, и знаешь это. Когда Тантан погибла, я потерял сестру.

— И я тоже.

— Мне будет плохо без тебя.

— Я же уйду не навечно... даже по человеческим меркам, — пообещал Джуравиль. — Дай мне побыть со своими, и потом я вернусь в Тимберленд, к моему названому брату.

— Я буду ждать тебя. И если ты не появишься к следующей весне, то так и знай: я сам отправлюсь в Эндур'Блоу Иннинес. Вместе с Пони, конечно.

Джуравиль улыбнулся в ответ, хотя очень сомневался, что Элбрайн и Пони отправятся в такой трудный и опасный путь, когда на руках у них будет ребенок. Эльф едва не проговорился.

— Когда ты уходишь? — спросил Элбрайн.

— Томас собирается разбить лагерь на рассвете, — ответил Джуравиль. — Я уйду незадолго до этого.

— Ты сказал кентавру?

— Это было не так уж сложно. Кентавры живут долго, друг мой. Смотритель переживет тебя и детей твоих детей, если, конечно, не погибнет от руки врага. Он хорошо знает тол'алфар. Знаешь, что он сказал? Что удивлен, почему я так долго остаюсь с тобой. И еще больше удивлен тем, что я отправился вместе с вами в аббатство.

— Он не рассчитывал, что друг придет спасать его?

— Смотритель знает, что от тол'алфар нельзя многого ожидать, — ответил Джуравиль. — Мы идем своим путем. Тебе не мешало бы усвоить это.

— От эльфов и я не жду ничего, — сказал Элбрайн. — Другое дело — Белли'мар Джуравиль, мой друг, мой брат.

И снова Джуравиль улыбнулся.

— В таком случае, до свидания. Помни, чему мы тебя учили и кто ты такой. У тебя есть выкованный эльфами Ураган и Крыло Сокола, дар моего отца. Все, что ты делаешь, к добру или к худу, отражается на нас, Полуночник. Ты в ответе за свои действия перед госпожой Дасслеронд и всеми эльфами, а больше всего передо мной.

Элбрайн понимал, что все это говорится не в шутку, и невольно расправил плечи. Опыт последнего года прояснил для него, что это такое — быть рейнджером. Он чувствовал

уверенность, что не разочарует своих учителей, будет достоин их чудесных даров, самым драгоценным из которых было его теперешнее имя — Полуночник.

— До свидания, — повторил Джуравиль.

И исчез, растворился в сумерках.

— Вот там, — сказал Элбрайн, указывая вниз по склону, густо заросшему кустарником.

Томас Джинджерворт наклонился, внимательно вглядываясь, хотя мало что мог различить — мешали кусты; он главным образом слышал звуки сражения. Потом что-то быстро промелькнуло в поле зрения: может, всадник?

— Пошли, — Элбрайн взял его за руку и повел по гребню холма туда, откуда было лучше видно.

Он не хотел, чтобы Томас пропустил «представление», да и сам был не прочь взглянуть на него. Наконец они добрались до более открытого места. Теперь все было видно как на ладони: кентавр бегал вокруг сильно помятого и растерянного великана.

Томас широко распахнул глаза и удивленно открыл рот; но не от вида великана — ему уже не раз приходилось сталкиваться с ними. Нет, причиной его потрясения стал огромный, могучий кентавр.

— Ха! Ну что, носорог, получил? Еще хочешь? — ревел Смотритель.

Поднявшись на задние ноги, копытами передних он ударил неповоротливое создание по груди и животу, а когда великан наклонился, пытаясь схватить его руками, кентавр вмазал ему по голове огромной дубиной.

Пошатнувшись, великан сделал шаг назад. Смотритель тут же развернулся и обрушил на него удары задних копыт, заставив чудище сложиться вдвое. Дубина взметнулась вверх, кентавр громко расхохотался.

При виде того, как под ударами дубины голова великана замоталась из стороны в сторону, а изо рта полетели вместе с кровавой слюной зубы, на лице Томаса заиграла недобрая улыбка.

— Смотритель, — сказал Элбрайн. — Наш союзник и друг.

— Хорошо, что не враг.

Новые удары заставили великана рухнуть на колени.

— Бей их и в хвост и в гриву, такое наше дело! — заорал кентавр, снова развернулся и копытом заехал великану в глаз.

Тот отшатнулся, сильно наклонившись назад, но потом снова выпрямился.

Смотритель ударил его по лицу, и на этот раз великан рухнул. Кентавр запрыгал вокруг него, лупя дубиной куда придется. В конце концов он остановился, глядя на поверженного, окровавленного врага.

На вершине холма Элбрайн посмотрел на Томаса, тот кивнул в ответ, и они заторопились прочь. Но не успели сделать и нескольких шагов, как послышался зловеющий хруст — дубина кентавра расколола череп великана.

До самого лагеря они не обменялись ни словом.

— Он нам не враг, поверь мне, — сказал Элбрайн, заметив выражение беспокойства на лице Томаса.

— Верю, — ответил тот. — Верю, потому что привык полагаться на суждение Полуночника. — Он помолчал, явно испытывая неловкость. — Когда мы были в Кертинелле, люди говорили... Знаешь, война только что кончилась, и ходили всякие слухи о...

— И эти слухи тревожили тебя, друг мой? — спросил Элбрайн.

— Нет, раньше не тревожили, но... Поговаривали, что какой-то кентавр объявлен преступником. Мне известно, что эти создания встречаются не так уж часто. Боюсь, речь шла именно о твоём друге Смотрителе.

— А имена других преступников не назывались? — спросил Элбрайн.

— Нет, я ничего такого не слышал, — ответил Томас.

— Ты не слышал, что церковь Абея разыскивает какую-то женщину? И что они ищут

ее даже более упорно, чем кентавра? Никто не говорил, что у этой женщины есть магические камни и она умеет обращаться с ними?

До Томаса наконец дошло, к чему клонит Полуночник, и он широко распахнул глаза. Ему уже было известно, что Пони и Элбрайн опасаются преследования церкви, но он даже представить себе не мог, что на них идет настоящая охота.

— Так оно и есть, — продолжал Элбрайн, как бы не замечая смятения Томаса. — Они ищут эту женщину и ее друга, воина из Тимберленда, у которого есть черный жеребец с белыми пятнышками над глазами. Якобы эти двое проникли в самое сердце церкви, в аббатство Санта-Мер-Абель, и освободили преступного кентавра. Томас Джинджерворт, тебе это описание никого не напоминает?

Явно испуганный, Томас тем не менее широко улыбнулся и засмеялся.

— Нет, — с простодушным видом ответил он. — Я, правда, когда-то встречался с одним воином из Тимберленда, но он был очень некрасив. Вряд ли на него польстилась бы женщина, которую разыскивает церковь.

Элбрайн улыбнулся и хлопнул Томаса по плечу.

— Что, о кентавре знаем только ты и я? — спросил Томас, когда они уже были у самого лагеря.

— И Белли'мар Джуравиль, — ответил Элбрайн. — Хотя наш маленький друг скоро покинет нас. А без эльфа роль Смотрителя возрастает. У него полно друзей в лесу, и другого такого разведчика еще надо поискать.

— Хороший разведчик, хороший боец, — добродушно заметил Томас. — Нам он подходит! — его улыбка увяла. — Я должен держать в секрете то, что мне о нем известно?

Элбрайн перевел взгляд на лагерь. Там было больше восьмидесяти человек — крепкие, мужественные люди, рискнувшие всем, чтобы снова вдохнуть жизнь в Тимберленд.

— Ну, не то чтобы в секрете, — решил он, — но вряд ли стоит делать это предметом широкого обсуждения. Решай сам, Томас.

Тот задумался.

— Они заслуживают доверия, — сказал он.

— Тем не менее, я думаю, Смотрителю лучше держаться в стороне от лагеря, — сказал Полуночник. — Чем меньше о нем будет разговоров, тем лучше. К тому же его облик многих заставляет нервничать.

— Ты опасешься, что церковь будет и дальше разыскивать его, — сделал вывод Томас.

— Они и не прекращали. Знаешь, в чем состоит единственное преступление кентавра? В том, что монахи, отправившиеся на гору Аида, чтобы разобраться в происшедшем, обнаружили его в недрах этой горы.

— Какое же это преступление? — удивился Томас. — Монахи должны были объявить его героем, а не преступником.

— Полностью с тобой согласен. Я уже давно бросил попытки понять смысл того, что делает церковь. Они объявили преступником Эвелина, а ведь он, поверь мне, был честнейшим, благороднейшим человеком. Они захватили и швырнули в мрачную темницу Смотрителя, потому что надеялись вытянуть из него сведения об Эвелине. И теперь он им нужен, чтобы узнать побольше обо мне и Пони. Вот так все мы трое стали преступниками, и Джуравиль тоже попал бы в это число, если бы церковь знала о нем. Он ведь вместе с нами отправился в Санта-Мер-Абель, чтобы спасти своего друга.

— А что будет с Пони? — со вздохом спросил Томас. — В Палмарисе церковь сейчас в силе, с тех пор как барона Бильдборо больше нет.

— Она справится, — ответил Элбрайн, но Томас почувствовал, что на самом деле его снедает беспокойство. — Врасплох они ее не застанут, и, значит, все будет хорошо.

На этом разговор закончился. Впереди у них было еще несколько дней трудного пути, и в лесах то и дело попадались монстры вроде того великана, с которым только что расправился кентавр.

Сидя на суку высокой, густой сосны, Джуравиль провожал взглядом Полуночника и Томаса, возвращающихся в лагерь. Все мужчины и женщины бросали на Полуночника восхищенные взгляды, а его команды ловили на лету. Это были сильные, мужественные, хорошо экипированные люди; Джуравиль не сомневался, что совсем скоро Тимберленд полностью окажется под их контролем.

Что было совсем немаловажно для тол'алфар. Эльфы предпочитали, чтобы за пределами Эндур'Блоу Иннинес царил мир. Именно ради этого они обучали рейнджеров.

Охраняя поселения на границе Тимберленда и Вайлдерлендса, рейнджеры невольно становились в некотором роде агентами эльфов. Они не только помогали защитить этот регион от вторжения монстров — и в высшей степени продуктивная деятельность Полуночника во время последней войны с успехом доказала это, — но становились окнами в большой человеческий мир.

Все, что происходило в этом мире, так или иначе затрагивало тол'алфар. Джуравиль возвращался домой с хорошими вестями о том, что возрождение Тимберленда не за горами — усилиями жителей Хонсе-Бира и, в частности, Полуночника. Джуравиль знал, что госпожу Дасслеронд беспокоила возможная экспансия Альпинадора в отношении этого богатого лесами региона. Поэтому он уже успел обогнать караван Томаса и с удовлетворением убедился в том, что никаких признаков варваров в этой местности не наблюдается.

Самый короткий путь домой вел на запад, но, мысленно пожелав Элбрайну доброго пути, Джуравиль двинулся на юг. Прошлой ночью он слышал тихую, прилетевшую на крыльях ветра мелодию и подозревал, что это тиесттиел, звездная песнь его братьев. Не песнь в обычном смысле этого слова, но у тол'алфар была своя магия, никак не связанная с каменной. Мелодии эльфов действовали успокаивающе, а ни о чем не подозревающего врага могли даже усыпить. Эльфы умели разговаривать с животными и по доступным лишь их восприятию приметам почти «увидеть», что произошло недавно в той или иной местности.

Но самым главным природным даром тол'алфар была эмоциональная, почти телепатическая связь между ними. Когда Тантан погибла в лавовом котле горы Аида, все эльфы Эндур'Блоу Иннинес почувствовали ее кончину. Их осталось так мало, и они были так близки между собой! Если эльф оказывался там, где до него прошел другой, он всегда чувствовал это.

Джуравиль отчетливо ощущал что-то такое на юге, и далекая песнь братьев стала для него путеводной звездой.

ГЛАВА 14 ЛОВЕЦ ДУШ

— То, что рассказывают прибывшие с севера купцы очень огорчает меня, — заявил король Дануб Брок Урсальский настоятелю Сент-Хонса.

Вопреки обычаю эта беседа была практически приватной; кроме них в комнате находились всего три человека — телохранитель и писец короля, а также монах, пришедший вместе с Джеховитом.

— Переходный период всегда сопровождается трудностями, — ответил Джеховит. — Церковь просит вас проявить терпение.

— Ходят слухи, что ваш епископ издал указ об изъятии всех магических камней в пользу церкви.

Правящая семья Хонсе-Бира владела превосходной коллекцией таких камней, на протяжении многих столетий полученных в дар от аббатов; среди них были и так называемые «дары служения», которые вручались королям еще в те времена, когда они носили титул и отца-настоятеля.

— Лучше всего объяснил бы ситуацию сам отец-настоятель, — ответил Джеховит. — Я

лишь могу предположить, что она осложнена пребыванием в этом регионе последователей вора и еретика Эвелина Десбриса. — Король Дануб, явно не удовлетворенный таким ответом, лишь многозначительно хмыкнул. — Я собираюсь издать такой же указ в Урсале.

— Не советую. — В тоне короля явственно прозвучала угроза. — И вообще, как далеко планирует зайти церковь? Единственное, что я могу допустить, — это помощь обездоленным, пострадавшим от войны людям.

— Вы поставили перед нами и другую жизненно важную задачу: навести порядок в Палмарисе, — ответил Джеховит. — Умоляю вас, проявите терпение. Судите о нашей деятельности по конечным результатам.

— Вы предлагаете мне игнорировать просьбы уважаемых купеческих семей? — насмешливо спросил король. — Людей, чьи отцы служили еще моему отцу, а деды — моему деду?

— Воздержитесь от ответа — пока, — посоветовал Джеховит. — Объясните им, что сейчас трудные времена, но вскоре все наладится.

Король Дануб устремил на старого аббата долгий, пристальный взгляд.

— Думаю, вы понимаете, что в этом вопросе ордену трудно рассчитывать даже на поддержку Констанции Пемблбери, — с усмешкой сказал он. — Не говоря уж о реакции герцога Таргона Брея Каласа. Ваша церковь получила возможность проявить себя, но лишь на условиях испытательного срока. Я даровал титул епископа, я могу и отозвать его. — Он щелкнул пальцами. — Вот так. И сообщите своему отцу-настоятелю, что если я буду вынужден аннулировать это звание и сопутствующие ему привилегии, то репутация церкви существенно пострадает. Мы поняли друг друга, аббат Джеховит? Не хотелось бы думать, что вы уйдете отсюда, так и не осознав всей серьезности ситуации. Вы просите меня проявить терпение, и я так и сделаю, но это будет длиться недолго.

В голове у аббата вертелось несколько ответов, но ни один не казался подходящим. Король застал его врасплох; Джеховит никогда не предполагал, что амбиции Де'Унnero простираются столь далеко и что он так рьяно начнет укреплять свои позиции в Палмарисе. Интересно, отцу-настоятелю известно о том, в каком направлении развиваются события?

Обдумывая этот вопрос, Джеховит еле заметно улыбнулся. Ему никогда не забыть духовный визит Маркворта; можно не сомневаться, что точно таким образом отец-настоятель поддерживает постоянный контакт с Де'Унnero. Да, дело плохо. Явно назревает кризис между церковью и государством, король и Маркворт вот-вот сойдутся на узкой тропе, и чем все это кончится, можно только догадываться.

Может, пора подумать и о себе, размышлял аббат. Дистанцироваться от церкви, к примеру. Если он шепнет королю Данубу о хитрых замыслах отца-настоятеля вообще и о его политике в Палмарисе в частности, может, таким образом его собственные позиции заметно усилятся, когда дело дойдет до открытого столкновения между королем и Марквортом.

Однако воспоминание о той духовной мощи, которую он ощутил в отце-настоятеле во время их последней «встречи», заставило аббата поежиться. Нужно действовать очень, очень осторожно; неизвестно еще, кто из этих двоих победит, король или Маркворт. А оказаться на стороне проигравшего... Нет, хуже этого ничего быть не может.

— Постараюсь выяснить все, что в моих силах, и сообщу вам, мой король, — с поклоном ответил аббат.

— Не сомневаюсь, — сухо сказал Дануб.

Пони склонилась над тазом, и ее вырвало. Она изо всех сил пыталась сохранить свой секрет, но Дейнси Окоум уже бросала на нее подозрительные взгляды.

Пони сделала глоток воды, прополоскала рот и сплюнула.

Позади раздались шаги, а вслед за ними скрип открываемой двери.

— Дейнси... — начала она, повернулась и замолчала, увидев в дверном проеме Белстера О'Комели.

— Тебя тошнит по утрам, — заметил он.

— Я неважно себя чувствую, — соврала Пони. — Но работать все равно могу.

— Ну да, если не будешь туго затягивать завязки фартука, чтобы на живот не давило, — лукаво отозвался Белстер. Пони смутилась и непроизвольно перевела взгляд вниз, на свой уже слегка выступающий живот. — Ну, пока не очень заметно.

— Тебе бог знает что мерещится, — начиная сердиться, сказала Пони и прошла мимо Белстера к двери.

Он взял ее за плечо и развернул лицом к себе.

— У меня своих трое.

— Ты говоришь загадками.

— Нет, я умею решать загадки, — расплывшись в широкой улыбке, поправил ее Белстер. — Я знаю, что у тебя есть возлюбленный. Знаю, что война окончилась и можно было позволить себе немного расслабиться, тем более что молодым всегда невтерпех. И, моя скрытная подруга, я знаю, что означает утренняя тошнота. Ты беременна.

Пони поняла, что отпираться бесполезно, и еле заметно кивнула.

Теперь улыбка Белстера расплылась до самых ушей.

— Тогда почему ты не с Полуночником? — внезапно нахмурившись, спросил он. — Ведь отец он, я уверен. — Пони лишь рассмеялась. — Тогда почему ты здесь, девочка, а Полуночник на севере? Он должен быть рядом с тобой, чтобы заботиться о тебе и исполнять каждое твое желание.

— Ему ничего не известно, — призналась Пони и соврала в свое оправдание: — Я и сама не знала, когда уходила из Кертинеллы.

— Значит, нужно вернуться к нему.

— Чтобы попасть в снежную бурю? — спросила Пони. — И еще неизвестно, в Кертинелле ли Элбрайн. Погода стоит мягкая, и, вполне возможно, он уже на пути в Тимберленд. — Она подняла руки, успокаивая явно взволнованного Белстера. — Мы встретимся ближе к весне, тогда я ему и скажу. Ничего страшного, мой добрый друг. Сейчас наши пути разошлись, но это не навсегда и даже ненадолго.

Белстер задумчиво посмотрел на нее, рассмеялся и заключил Пони в объятия.

— Нет, это нужно отпраздновать! — Он оторвал ее от пола и закружил по комнате. — Сегодня же вечером устроим в «Друге» грандиозную вечеринку!

Как ни странно, от этих слов у Пони заныло сердце, и не только потому, что она знала: вечеринка или любое другое открытое празднование абсолютно неприемлемы. Ее ранила реакция Белстера. Это Элбрайн должен был обнять ее и закружить по комнате, это он должен был разделить с ней радость. И уже не в первый раз она пожалела, что так ничего и не сказала мужу.

— Никаких вечеринок, — твердо сказала Пони, когда Белстер опустил ее на пол. — Никто не должен знать, кроме тебя.

— И даже Дейнси? Нет, ты должна сказать ей. Она верный друг. Может, иногда она не слишком быстро соображает, но кое в чем разбирается прекрасно. И это как раз такой случай.

— Ну ладно, пусть Дейнси. Но только когда я сама решу.

Белстер улыбнулся и удовлетворенно кивнул. И тут же снова расхохотался и закружил ее по комнате.

— Пора идти! — послышался голос из зала.

— Ну да, да! — Белстер осторожно опустил Пони, лицо его приняло серьезное выражение. — Твоя утренняя тошнота привела меня в такой восторг, что я едва не забыл о деле. Недавно по улице проходил глашатай, монах из аббатства Сент-Прешес, призывая все добрых прихожан церкви Абея собраться на городской площади у входа в аббатство. Надо думать, наш новый епископ собирается произнести речь.

— Вряд ли меня можно назвать доброй прихожанкой, — заметила Пони, — но я тоже хотела бы пойти.

— Считаешь, нужно использовать любой шанс узнать побольше о своих врагах? — с

иронией спросил Белстер.

Пони кивнула, с абсолютной серьезностью отнесясь к его вопросу.

— И о том, что вообще творится в Палмарисе.

— Камни не бери, — посоветовал Белстер.

Пони не возражала; после всего, свидетельницей чему ей довелось стать за последние дни, она не удивилась бы, если бы те же поиски камней проводились и на площади. Похоже, права граждан Палмариса меньше всего волновали его нового главу.

— Дейнси приведет тебя в надлежащий вид, — заметил Белстер, — если только ты не решишь отказаться от маскарада.

Пони задумалась.

— Маскарад, пожалуй, нужен, но совсем легкий.

Полностью перевоплощаться в пожилую жену Белстера ей не хотелось, да и вряд ли она будет заметно выделяться из общей массы.

Вскоре Пони, Белстер и Дейнси уже шли по улицам вместе с сотнями людей, стекавшихся к огромной площади. Пони послушалась совета Белстера и не взяла с собой камни. И правильно сделала. По всему периметру площади стояли вооруженные солдаты вперемешку с монахами; и те и другие внимательно вглядывались в толпу.

Новый епископ ждал на платформе, возвышающейся прямо перед входом в аббатство. Пони уже однажды видела этого человека, стоящего внутри кольца фургонов торгового каравана, на который напали гоблины. Именно она и Элбрайн выручили тогда купцов. Этот человек со своими монахами высунулись наружу, только когда сражение уже закончилось. Но и тогда единственным монахом, помогавшим врачевать раненых, был добряк Джоджонах. Элбрайн и Пони сразу же почувствовали, что Де'Унnero его недолюбливает.

Проталкиваясь поближе к платформе, Пони пришла к выводу, что ее первое впечатление от Де'Унnero соответствует тому, что она видела сейчас. Он стоял, скрестив руки на груди и обозревая толпу с видом победителя, уполномоченного никак не меньше, чем самим Богом. Как женщина восприимчивая, Пони без всякого труда разобралась в том, что он собой представляет. Высокомерие окружало его, точно темное облако, а от его пристального взгляда бросало в дрожь, поскольку этот человек не только ставил себя выше всех остальных, но и обладал почти неограниченной властью, позволяющей ему творить любую расправу.

Чем ближе Пони подходила к платформе, тем больше убеждалась в собственной проницательности. Весь его облик — упругие мышцы, скрещенные на груди руки, глаза хищника и коротко стриженные черные волосы — казалось, кричал о том, что этот человек очень, очень опасен. И когда его взгляд скользнул по тому месту, где она стояла, возникло ощущение, будто он смотрит на нее, только на нее.

Однако вскоре ей стало ясно, что у всех стоящих тут людей возникало то же самое чувство, и Пони немного успокоилась.

Толпа увеличивалась, люди шепотом передавали друг другу всякие слухи.

— Слышала? Он заставит заплатить этих грязных купцов за то, что все эти годы они обирали нас, — сказала какая-то старуха.

— И этих подонков, бехранских жрецов, — добавила другая. — Посадит их на корабль — и поминай как звали!

Чем дольше Пони слушала, тем сильнее возрастало ее беспокойство. Охота на последователей Эвелина продолжалась, амбиции Де'Унnero росли; и у него хватило ума создать «козлов отпущения», на которых сосредоточивалась вся неудовлетворенность простых людей. Он третировал купцов, а с бехранцами обращался еще хуже, внушая горожанам, что это и есть их враги.

Епископ сделал шаг вперед, воздел руки и громким, звучным голосом призвал всех к молитве.

Люди склонили головы, и Пони вместе с остальными.

— Возблагодарим Господа за то, что война окончилась, — начал Де'Унnero. —

Возблагодарим Господа за то, что Палмарис уцелел.

Дальше последовала в целом обычная для священников церкви Абея молитва: чтобы был хороший урожай, а бедствия обошли стороной, чтобы было процветание и изобилие. По знаку епископа в соответствующих местах толпа нараспев повторяла за ним слова молитвы. Эти моменты были выбраны очень точно, чтобы внимание собравшихся не рассеивалось. Пони заметила, что о бароне Бильдборо не было сказано ни слова, так же как и о короле Данубе, зато отец-настоятель Маркворт упоминался неоднократно.

Когда епископ закончил, снова воздев руки к небу, все последовали его примеру.

Потом по толпе вновь побежал шепоток, и кое-кто начал проталкиваться к выходу.

— Я вас еще не отпустил! — воскликнул Де'Уннеро. Все головы повернулись к нему, и шепот стих. — Есть проблема, которая требует обсуждения. Вы, граждане Палмариса, может быть, больше всех других жителей Хонсе-Бира почувствовали на себе ужасы войны, развязанной демоном. Так?

— Да, мой господин... — чуть слышно загудела толпа.

— Это правда, спрашиваю я вас? — взревел Де'Уннеро так внезапно и яростно, что Пони подскочила.

Теперь по толпе прокатился более громкий ропот согласия, в котором, однако, слышался отголосок страха.

— В том, что пришел Бестесбулзибар, вам некого винить, кроме самих себя! — загремел епископ. — Это тьма в ваших сердцах вызвала из бездны демона; это ваши грехи позволили дьявольскому созданию обрести плоть. Вам не уйти от ответственности! Тебе, тебе и тебе! — подскочив к краю платформы, он принялся тыкать в отдельных людей пальцем. — Сколько вы жертвуете церкви? Какую терпимость проявляете к язычникам? Доки забиты грязными неверующими! И кого вы признавали своим руководителем в последние годы? Может, аббата Добриниона? Нет. Как и многие другие, вы внимали только словам представителей светской власти.

Он замолчал, и по толпе, несмотря на страх, снова прокатился шепоток. Епископ явно намекал на барона Бильдборо, которого в городе любили и уважали.

— Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли, — продолжал он. — Ваш барон Бильдборо был прекрасным, скромным человеком, не старавшимся возвыситься над Богом. Но сейчас, друзья мои, — он поднял кулак, рукав рясы соскользнул, обнажая мощные бугрящиеся мышцы, глаза засверкали фанатическим блеском, — у нас есть возможность погрузить Бестесбулзибара и всех его злобных приспешников в вечный сон. Сейчас, слава мудрому королю Данубу, Палмарис воссияет как никогда. Мы живем на границе, мы — стражи королевства. Король Дануб понимает это и понимает также, что, если Палмарис вновь обретет свою душу, Бестесбулзибару сквозь наши ворота не пройти!

Его высокопарная речь заставила толпу разразиться восторженными криками. Пони, конечно, молчала. Оглянувшись, она увидела, что лица многих залиты слезами. Да, ничего не скажешь, епископ умел говорить; и он понимал, чего ждет от него народ. Он начал с того, что ущемил права тех, кого простые граждане искони считали своими врагами: купцов и иностранцев. А теперь он призывал к духовной борьбе. Многие, очень многие потеряли близких во время войны — и даже еще до того, как она разразилась, — и намек Де'Уннеро на то, что они могут каким-то образом вырваться за пределы своего жалкого существования, находил отклик в их сердцах.

— Вы должны снова вернуться к Богу! — гремел он. — Я обращаюсь ко всем и к каждому из вас — к тебе, к тебе и к тебе! — он снова принялся тыкать пальцем. — Священник аббатства Сент-Прешес больше не будет мелкой сошкой. Нет, говорю я вам, потому что Господь открыл мне истину. И Господь внушил нашему королю отдать город в заботливые руки церкви Абея. Теперь мы будем опекунами ваших душ. Мы будем нещадно вырывать семя Бестесбулзибара. И я покажу вам, как именно.

С каждым новым заявлением восторженные крики усиливались, но, незаметно оглядываясь, Пони видела, что это согласие с оратором укоренилось далеко не во всех

сердцах. Многие протягивали к епископу руки в отчаянной надежде обрести веру хоть во что-нибудь; однако многие не проявляли подобного энтузиазма и оставались здесь просто из страха перед вездесущими монахами и солдатами.

Так продолжалось до тех пор, пока Де'Уннеро не закончил. Теперь он снова спокойно стоял на платформе со скрещенными на груди руками. Да, он был вдохновенным оратором, умел расшевелить душу. Но Пони знала истину и понимала, что, действуя якобы во славу Божию, он на самом деле преследует собственные своекорыстные интересы; или, в крайнем случае, интересы другого, но тоже смертного существа.

Однако людям-то это неизвестно, напомнила она себе, оглядываясь по сторонам. И их неведение позволит Де'Уннеро жестоко расправиться со всеми, кто не согласен с церковью. Хотя среди толпы явно витали и скептические настроения.

Теперь Пони нужно было очень хорошо подумать и найти способ открыть простому народу правду.

Отец-настоятель почувствовал легкое покалывание духовной связи, когда руководил утренней молитвой студентов. Кто-то пытался вступить в контакт с ним, используя камень души; однако попытки эти были настолько слабы, что Маркворт не сумел вычислить, от кого они исходили.

Извинившись, он передал свои обязанности брату Фрэнсису и торопливо зашагал в свои апартаменты. Поначалу он хотел пройти в заветную комнату с пентаграммой, но потом заколебался. А вдруг монах, который пытается связаться с ним, «увидит» то, что там находится?

Какие глупости, одернул себя Маркворт и громко расхохотался. Кто бы ни был этот монах, он ничтожество, просто дитя с точки зрения возможностей духовной связи. Что он там может «увидеть»? Отец-настоятель остался в комнате с пентаграммой, где всегда чувствовал себя сильнее. Стараясь не упустить сигнал далекого вызова, взял камень души и погрузился в серую пустоту. Вскоре его дух покинул тело.

Это оказался Джеховит, который уже заметно ослабел от усилий пробиться к Маркворту. Дух отца-настоятеля покинул Санта-Мер-Абель и устремился к аббатству Сент-Хонс.

Спустя несколько мгновений он стоял перед Джеховитом. Да, никаких сомнений, настоятель Сент-Хонса уже изнемог до предела. Соединившись с ним, Маркворт приказал быстро и ясно изложить, что стряслось.

— Король недоволен действиями епископа Де'Уннеро в Палмарисе, — сказал Джеховит. — Тем, что он изымает у купцов магические камни... которые мы же им и продали. Это дерзость со стороны епископа, и если учесть, что он совсем недавно...

— Епископ Де'Уннеро действует с моего благословения, — перебил его Маркворт.

— Н-н-о, отец-настоятель, — Джеховит даже начал заикаться, — нельзя же допустить, чтобы весь класс купцов поднялся против нас. Король, конечно, не позволит...

— Это не касается короля Дануба, — объяснил Маркворт. — Магические камни — дар Божий и, следовательно, могут принадлежать только церкви Абея.

— Но вы же сами продавали их купцам и людям благородного звания, — осмелился возразить Джеховит.

И тут же его охватило ужасное ощущение холодного, смертельного ужаса, хотя чем оно вызвано, он не понимал.

— Может быть, в молодости я совершал неразумные поступки, — ответил Маркворт совершенно спокойно, но это напугало аббата еще больше. — Или, может быть, слишком привык действовать согласно традициям.

Джеховит посмотрел на него с удивлением. Маркворт всегда гордился именно тем, что следует традициям; всякий раз, когда Коллегия аббатов возражала против его действий, он неуклонно на них ссылался.

— Теперь вы изменили свою точку зрения? — осторожно подбирая слова, спросил

аббат.

— Ты же сам видишь, насколько я стал сильнее в каменной магии. Это помогает мне прозревать промысел Божий, — ответил Маркворт. — Теперь я вижу, что продажа священных камней была ошибкой.

Он замолчал, удивленный собственными словами. Разве не то же самое говорил Эвелин Десбрис? И разве не тот факт, что большую часть собранных им на Пиманиникуите камней аббатство продало, послужил одной из главных причин его бегства?

Да, такова ирония судьбы. И все же некоторая разница есть: действия одни и те же, но причины, их породившие, разные.

— Отец-настоятель? — рискнул вывести его из задумчивости Джеховит.

— Епископ Де'Уннеро действует в полном соответствии с моим новым пониманием истины и будет продолжать в том же духе, — твердо заявил Маркворт.

— Это вызовет гнев короля, — возразил Джеховит. — Он рассматривает назначение епископа как временную меру и наверняка в самое ближайшее время отменит его, поставив во главе города барона. И, скорее всего, этот человек будет не столь благосклонен к церкви.

— Король Дануб столкнется с тем, что аннулировать этот титул окажется намного сложнее, чем даровать его.

— Многие полагают, что церковь и государство должны быть разделены.

— Глупость, и больше ничего, — отрезал Маркворт. — Однако захватить власть сразу было бы с нашей стороны неразумно, поскольку это могло бы подтолкнуть испуганную чернь встать на сторону короля. Нет, мы будем действовать шаг за шагом, подчиняя себе сначала город, потом регион и так далее.

Джеховит удивленно замер. До сих пор он понятия не имел, как далеко простираются амбиции Маркворта, и изложенный план напугал его. Аббат Джеховит вел спокойную и комфортабельную жизнь при королевском дворе в Урсале и отнюдь не жаждал, чтобы что-то нарушило это положение вещей. Еще неизвестно, чем закончится битва титанов, и всегда есть шанс оказаться на стороне проигравшего.

Он перевел взгляд на призрак Маркворта, изо всех сил стараясь не показывать своих опасений.

— Король Дануб поймет мою точку зрения, — заверил его отец-настоятель.

— А мне что делать? — покорно спросил аббат.

Маркворт засмеялся.

— Да можно сказать, и ничего.

И с этими таинственными словами призрак Маркворта исчез.

Спустя несколько мгновений он уже был в своем теле и открыл глаза. В комнате ничего не изменилось. Однако... Да, несомненно, что-то было не так. Он медленно обвел помещение взглядом. Все вещи, казалось, находились на своих местах, но Маркворт очень остро чувствовал перемену. Может быть, кто-то входил в комнату?

Да, вот оно. Кто-то входил в комнату и видел его безжизненное тело. Маркворт вскочил и бросился в приемную.

Здесь тоже на первый взгляд все было как всегда, но ощущение совсем недавнего чужого присутствия оказалось настолько сильным, как будто незваный гость оставил за собой материальный след.

Маркворт прошел в спальню и там почувствовал то же самое. Поразительно, но он, наверное, мог бы проследить каждый шаг «посетителя». Этот человек сначала вошел в приемную, потом в спальню, но тут же развернулся и направился в комнату с пентаграммой. Каким образом мне удастся почувствовать это, удивился Маркворт. Может быть, я настолько преуспел в работе с гематитом, что сознание не целиком покидает материальное тело и способно запоминать некоторые происходящие поблизости от него события?

Так оно, наверное, и есть... Он даже догадывался, кто был этот незваный гость.

По возвращении в трактир Белстер сказал Пони и Дейнси:

— Он поставил их на колени. Людям нужно во что-то верить, и наш новый епископ понимает это.

— И конечно, попытается воспользоваться преимуществами этой ситуации; — добавила Пони.

— Бехренцев жаль, — заметила Дейнси. — Если, конечно, они стоят того, чтобы их жалеть!

Она рассмеялась собственной шутке, но тут же смолкла, почувствовав неодобрение собеседников.

— Вот-вот, на это епископ Де'Уннеро и рассчитывает, — сказала Пони Белстеру. — Именно этого и следует опасаться.

— К бехренцам не очень-то хорошо относятся в городе, — ответил Белстер. — У них свои обычаи, и это людям не нравится.

— Подходящая мишень, — заметила Пони.

— Не пойму, о чем вы толкуете? — удивленно спросила Дейнси. — Я никогда не любила монахов, а уж после того, как они меня допрашивали, и вовсе. Но ведь епископ-то... Его поставил король, не только церковь.

— Это точно, на нем два клейма, — ответила Пони.

— Так-то оно, может, и так, но что с этим поделаешь? — простодушно спросила Дейнси.

Бросив взгляд на Белстера, Пони поняла, что он думает о том же.

— Нужно использовать против Де'Уннеро его же тактику. — Это была чистой воды импровизация, потому что никакого плана у Пони не было. Она знала одно: необходимо помешать епископу, не дать ему зажать Палмарис мертвой хваткой. Но как? — Жители Палмариса должны узнать, Белстер.

— Узнать что? — спросил он. — Епископ уже изложил людям свои планы.

— Они должны узнать, что стоит за его действиями, — заявила Пони. — Люди Де'Уннеро не волнуют — ни в этой жизни, ни в последующей, если она существует. Его цель, цель его церкви — власть, и ничего больше.

— Странно слышать это, — ответил Белстер. — Но, в общем-то, так оно, наверное, и есть.

— У тебя здесь уже много знакомых, — продолжала Пони, — верных и надежных людей. Можно было бы использовать их, чтобы... ну, довести до сведения жителей Палмариса, что на самом деле означают действия епископа.

— Рвешься в бой, да? — напрямую спросил Белстер. — Воображаешь, что можешь поднять мятеж, который сметет прочь Де'Уннеро, церковь и солдат?

Эти слова охладили пыл Пони. По правде говоря, что-то в этом роде и грезилось ей в воображении, но, когда вопрос был поставлен ребром, до нее дошло, как безнадежны и даже глупы надежды на это.

— У меня и правда есть свои люди, — продолжал Белстер, — и я прибегаю к их помощи, чтобы защитить тех, у кого... ну, скажем так, неприятности. Но не воевать же нам прикажешь!

— Нет, нет, только не это! — воскликнула Дейнси. — Будь моя воля, я бы всех монахов утопила в Мазур-Делавале. Но если крестьяне возьмутся за оружие, то не продержатся и дня!

Белстер положил ей на плечо руку и с угрюмым видом произнес:

— Трудная задача — идти против аббатства и Чейзвинд Мэнор.

— Не труднее, чем та, что мы решали в Кертинелле, — ответила Пони, вызвав на лице Белстера усмешку. — Мы можем, по крайней мере, объяснять людям, что к чему. Шепнуть правду здесь, шепнуть там. Если делать это почаще, может, они и начнут что-то понимать.

— И им станет так же грустно, как тебе, потому что они не будут знать, что с этим делать, — возразила Дейнси.

Пони смотрела только на Белстера.

— У меня есть друзья, — заговорил он наконец, — а у тех тоже друзья. Можно будет,

наверное, организовать парочку встреч и рассказать о том, что нас беспокоит.

По правде говоря, Пони рассчитывала на чуть больший энтузиазм со стороны двух своих ближайших товарищей, но... И то хорошо.

Она пошла к себе в комнату, чтобы отдохнуть до наступления вечера, когда в трактире начнет собираться народ. Однако слова Дейнси не давали ей покоя и в постели. Позиция девушки не столько пессимистична, сколько прагматична, вынуждена была признать Пони, но от этого ей стало еще печальнее. Она и впрямь рвалась в бой, хотела объяснить всем и каждому, что нынешняя церковь стала другой, что она служит злу. Однако не вызывало сомнений, что такая позиция очень опасна и для нее самой, и для тех, кто согласится помогать ей. Если представить себе, что здесь и впрямь начнется мятеж...

Кто будет противостоять простым людям? Обученная, хорошо экипированная армия, за спиной которой к тому же монахи с их каменной магией.

Сколько тысяч людей погибнет на улицах в первый же день мятежа?

Пони ворочалась в постели, не находя покоя. Ладно, решила она, не будем торопиться. Так или иначе, способ сразиться с Де'Унnero найдется.

Брат Фрэнсис стоял на коленях в углу своей комнаты, повернувшись к стене и закрыв лицо ладонями, — поза полного смирения перед Богом, не так уж часто используемая монахами в последнее время. Но он чувствовал, что сейчас важен каждый жест, — ему казалось, что, если ему удастся безраздельно погрузиться в молитву, это развеет терзающие его сомнения.

В последнее время воспоминания о смерти Греди Чиличанка редко навещали его. Фрэнсис верил, что каким-то образом этому способствовало то, что он помог брату Брамину Херду и его товарищам сбежать из Санта-Мер-Абель. Сейчас, однако, перед его внутренним взором снова встало безжизненное лицо Греди, лежащего в могиле, выкопанной для него Фрэнсисом. Но этот образ был не единственным, лишившим его покоя. Он снова видел гору Аида, торчащую из земли руку Эвелина. И он никак, никак не мог забыть Маркворта, со скрещенными ногами сидящего внутри пентаграммы — пентаграммы! — в углах которой горели свечи. И лежащую перед ним *открытую* книгу «Колдовские заклинания».

И все же Фрэнсис старался сосредоточиться именно на этом жутком образе. Отчасти потому, что хотел понять, какой во всем этом смысл, но больше всего по причине того, что это было все же лучше, чем воспоминание об убитом им человеке.

Однако мертвое лицо Греди по-прежнему стояло перед ним.

Плечи Фрэнсиса задрожали от рыданий, вызванных не столько чувством вины, сколько страхом сойти с ума. Все, все, казалось, перевернулось вверх ногами. Перед его закрытыми глазами проплыл другой образ — Джоджонах, объятый пламенем погребального костра. Боже, как больно!

Затем образы странным образом разделились — с одной стороны сидящий со скрещенными ногами Маркворт, с другой Эвелин и его друзья. Теперь Фрэнсис отчетливо понимал: примирить и то и другое невозможно, совершенно невозможно.

Он вздохнул и замер, услышав за спиной слабый шорох. Сосредоточился и почувствовал, что волосы на голове встали дыбом: он понял, кто здесь.

Время шло, ничего не происходило. Внезапно Фрэнсиса обуял страх, что сейчас его просто убьют.

— Ты забыл о своих обязанностях, — раздался спокойный, даже приветливый голос Маркворта.

Фрэнсис осмелился повернуться и отнял от лица руки.

— Я...

Продолжать Фрэнсис не мог, даже был не в состоянии сообразить, о каких обязанностях идет речь.

— Ты явно обеспокоен чем-то.

Маркворт закрыл за собой дверь, сел на постель и посмотрел на Фрэнсиса; не лицо — маска мира и спокойствия.

— Я... У меня просто возникла потребность помолиться, отец-настоятель, — пролепетал Фрэнсис и встал.

Маркворт, все такой же спокойный и безмятежный, не сводил с него пристального взгляда: ну чем не маска? По спине Фрэнсиса пробежала дрожь.

— Мои обязанности не пострадают, их выполняют другие, — продолжал он, глядя в пол. — Но я сразу же вернусь к ним, как только закончу молиться.

— Успокойся, брат. — Маркворт неожиданно сжал его руку, Фрэнсис чисто инстинктивно попытался вырваться, но хватка у отца-настоятеля оказалась железной. — Успокойся. Конечно, времена сейчас трудные, и твоя тревога вполне понятна. Я и сам полон страха, как любой добрый монах церкви Абея. — Маркворт улыбнулся, потянул Фрэнсиса за руку и заставил его сесть на постель. — Да, трудные, тревожные времена. — Маркворт встал и занял позицию напротив Фрэнсиса. — Но зато сейчас и возможности перед нашим орденом открываются поистине невероятные.

— Вы говорите о Палмарисе?

Фрэнсис изо всех сил старался сохранить спокойствие, хотя больше всего на свете ему хотелось с воплем выбежать из комнаты... куда угодно. Может быть, на стену, выходящую к морю, или, может быть, даже прыгнуть с нее прямо в студеные волны!

— Палмарис — это лишь начало. У меня только что состоялась беседа с аббатом Джеховитом. — Он сделал жест, безошибочно направленный в сторону его апартаментов.

Заглянув в глаза отца-настоятеля, Фрэнсис понял, что выражение лица выдало его.

— Я ни за что не вошел бы к вам, — забормотал он, опустив голову, — если бы не знал точно, что вы там. Я постучался, но вы не ответили. Я... Я испугался за вас.

— Это очень трогательно, мой юный друг, мой... протеже, — сказал Маркворт. Фрэнсис вскинул на него удивленный взгляд. — Ах, ты опасаясь, что вместо тебя теперь Де'Унnero стал моим ближайшим советником! — Фрэнсис понимал, что отец-настоятель нарочно уводит разговор в сторону, что его последние слова просто нелепы. И все же... — Де'Унnero — епископ Де'Унnero — всего лишь орудие. С его энергией, он как раз тот человек, который требуется для эксперимента в Палмарисе. Однако уж слишком он амбициозен, и это ему мешает. Мы с тобой, друг мой, смотрим несравненно шире, видим в целом картину мира и понимаем, какая слава ожидает церковь.

— Это я помог выбраться отсюда брату Браумину и остальным, — неожиданно выпалил Фрэнсис.

— Знаю, — спокойно ответил Маркворт.

— Я просто боялся...

— Знаю, — повторил Маркворт.

— Если бы произошла еще одна казнь, многим в ордене это не понравилось бы, — попытался объяснить Фрэнсис.

— Включая брата Фрэнсиса, — сказал отец-настоятель, и на этот раз голос его прозвучал холодно. Фрэнсиса просто в жар бросило, но он не нашелся что ответить. — И отца-настоятеля Маркворта. — Старик снова уселся рядом с Фрэнсисом. — Меня отнюдь не радует роль, навязанная мне судьбой. — Ошеломленный Фрэнсис вскинул на него взгляд. — Времена, когда пробудился демон, разразилась война, а теперь перед церковью открылись новые возможности, заставили меня с головой погрузиться в историю нашего ордена, изучить все, даже его темные стороны. Я вызывал к себе второстепенных демонов, чтобы больше знать и прежде всего удостовериться, что с Бестесбулзибаром действительно покончено.

— Я... Я видел книгу, — сказал Фрэнсис.

— Эту книгу Джоджонах собирался использовать во зло. — Похоже, Маркворта несколько не взволновало последнее признание молодого монаха. — Да, это один из самых опасных томов, и я рад, что однажды смогу засунуть его в темный угол библиотеки, чтобы

он никому не попал в руки. Хотя, наверное, лучше было бы вообще уничтожить его.

— Почему же не сделать этого?

— Тебе известны правила нашего ордена, — ответил Маркворт. — Если книга опасна, она должна быть уничтожена, за исключением одной-единственной копии. Ее мы должны сберечь как хранители знаний. Опасаться нечего. Очень скоро эта ужасная книга будет возвращена на место, и пройдут столетия, прежде чем кто-то снова воспользуется ею.

— Не понимаю, отец-настоятель. Зачем нам хранить ее? Что вы из нее узнали?

— Гораздо больше, чем ты можешь себе представить, — со вздохом ответил Маркворт. — К примеру, я начинаю понимать, что пробуждение демона — не просто превратность судьбы, но событие, спровоцированное кем-то из Санта-Мер-Абель. Джоджонах, скорее всего, вместе с Эвелином тайно работали с этой книгой и, может быть, даже случайно применили те заклинания, которые пробудили спящее чудовище. — Пораженный Фрэнсис едва не задохнулся от этого открытия. Демона дактиля пробудили монахи Санта-Мер-Абель? — Возможно, что сами по себе Джоджонах и Эвелин вовсе не были поборниками зла. Возможно, начинали они с самыми добрыми намерениями. Однако потом... Потом то, с чем они столкнулись, разъяло их души или, по крайней мере, лишило ума. Впрочем, правду мы так никогда и не узнаем, да это и не столь важно. — Маркворт похлопал Фрэнсиса по колену и встал. — Что бы там на самом деле ни произошло, они ответственны за свои действиями конец обоих был предопределен. Пойми меня правильно. Я сочувствую нашим погибшим братьям, но не могу забыть, куда завели их гордость и глупость.

— А как же брат Браумин и остальные?

Маркворт усмехнулся.

— Стоит ли беспокоиться из-за таких пустяков, когда нам в руки вот-вот упадет все королевство? Они — заблудшие овцы; пусть себе гуляют на свободе, пока не наткнутся на голодного волка. Может, этим волком стану я, а может, епископ Де'Уннеро или даже кто-то, не имеющий отношения к церкви. Мне это безразлично. Мой взгляд прикован к Палмарису. И твой, брат Фрэнсис, должен быть устремлен туда же. По-видимому, вскоре мне предстоит путешествие, и ты будешь сопровождать меня. — Он подошел к двери, но, прежде чем уйти, подбросил Фрэнсису еще один лакомый кусок. — Моя свита будет состоять из одного магистра, и этим человеком станешь ты.

Фрэнсис долго сидел на постели, пытаясь переварить услышанное. Снова и снова прокручивал в уме слова Маркворта; казалось, они объясняли нахождение в его комнате ужасной книги и пентаграммы. Более того, сейчас отец-настоятель предстал перед ним совсем в ином ореоле; какой храбрый человек, просто стоик, принявший на свои плечи столь тяжкую ношу во благо церкви и, следовательно, всего мира. Да, такая борьба требует от человека всего — и в свете открывшихся обстоятельств Фрэнсису стало намного легче простить себе смерть Греди. Борьба со злом жизненно необходима; теологи и историки, оглядываясь на это время великих свершений, поймут и оценят их усилия, поскольку, несмотря на все мучительные личные трагедии, мир станет лучше.

Жизнь Фрэнсиса снова начала обретать смысл.

— Магистр Фрэнсис? — с дрожью в голосе произнес он, не веря собственным ушам.

Отец-настоятель был доволен собой. Он понимал, что подлинная власть зиждется не на уничтожении, а на способности подчинять себе. Теперь ему не составит никакого труда играть на слабостях Фрэнсиса. На чувстве вины и страхе, на проблесках сочувствия — и, безусловно, амбициях.

И это не составит никакого труда.

ГЛАВА 15 ЭЛЬФИЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА МИР

Ночной воздух был свеж и чист, в небе лишь время от времени проносились редкие темные облака. Ослепительный лунный свет не затмевал сверкания миллионов звезд. На таком небе только Гало пылать, подумал Джуравиль, но, увы, многоцветный пояс сейчас был не виден.

Эльф забрался уже далеко на юг, в местность, где лесистые лощины, густо заросшие деревьями, перемежались возделанными полями, отделенными друг от друга невысокими глинобитными стенами. Держась в тени, он то бежал, то принимался танцевать, не заботясь о том, что это иногда уводило его от основного направления. Хотя и чувствовал, что нужно спешить. Он даже негромко напевал, несмотря на то что в окнах многих уже восстановленных крестьянских домов теплились огоньки; милая его сердцу мелодия напоминала об Эндур'Блоу Иннинес.

Охваченный радостью движения, полностью погрузившись в себя, он даже не сразу услышал другие поющие голоса и песню, медленно плывущую в ночном воздухе.

Теперь эльф уже не отклонялся с пути. Он доверился своим инстинктам и знал, что те выведут его куда надо. Его сердце пело, так страстно он желал вновь увидеться со своими братьями. И он нашел их в роще, где в окружении сосен рос огромный дуб. При виде Джуравилья лица эльфов озарились улыбками. Он не удивился, увидев среди них Талларейша Иссиншайна, который, несмотря на свои преклонные года, любил странствовать за пределами эльфийской долины. Но зато присутствие здесь другой эльфийки повергло Джуравилья в шок. Поначалу он, правда, вообще не заметил ее, поскольку она накинула капюшон плаща и в темноте под ним можно было разглядеть лишь мерцание глаз.

— Мы скучали по тебе, Белли'мар Джуравиль, — сказала она.

Ее голос — ах, этот голос, звучный и мелодичный, удивительный даже по эльфийским меркам! — заставил танцующего Джуравилья остановиться.

— Моя госпожа, — с придыханием ответил он, удивленный, даже ошеломленный тем, что сама госпожа Дасслеронд забралась так далеко от их долины.

Джуравиль метнулся к ней, упал на колени, взял протянутую руку и нежно поцеловал ее.

— Песни тол'алфар многое теряют без твоего голоса, — ответила госпожа Дасслеронд; один из величайших комплиментов, которые один эльф может сделать другому.

— Простите меня, госпожа, но я не понимаю, — сказал Джуравиль. — Вы покинули наш дом, а между тем Эндур'Блоу Иннинес нуждается в вас. Шрам, оставшийся от демона...

— ...все еще не исчез. Боюсь, эта рана, нанесенная Бестесбулзибаром нашей долине, слишком глубока. Раз начавшись, разложение может в конце концов лишить нас своих домов, даже выгнать из самой долины. Но это проблема десятилетий или даже, возможно, столетий, а у нас, к сожалению, есть более безотлагательные нужды.

— Война закончилась, — сказал Джуравиль. — Полуночник уже там, где ему и надлежит быть... или скоро прибудет туда. Многострадальная земля вновь обретет мир, пусть и дорогой ценой.

— Нет, — ответила госпожа Дасслеронд. — Боюсь, все еще нет. В истории человечества всегда так бывало, что вслед за войной наступают беспокойные времена. Устоявшиеся структуры общества разваливаются, начинается новый виток борьбы за власть, и часто победу в ней одерживает отнюдь не самый достойный.

— Ты слышал о смерти барона из Палмариса, — спросил Талларейш, — и аббата Добриниона?

Джуравиль кивнул.

— Это известие пришло еще до того, как Полуночник отбыл в Тимберленд.

— Оба были добрыми, надежными людьми, насколько это вообще возможно для человека, — сказала госпожа Дасслеронд. — Палмарис очень важен для нас, поскольку он находится как раз посередине между нашим домом и самой густо заселенной территорией.

Да, Палмарис и в самом деле имел большое значение для эльфов, хотя они никогда открыто там не появлялись. О существовании эльфов вообще знали лишь очень немногие

люди, хотя за время войны, главным образом из-за того, что Джуравиль сражался рядом с Полуночником, число таких людей по меньшей мере удвоилось. Но все, что происходит у людей, всегда отражалось на эльфах, и госпожа Дасслеронд нередко тайно посылала их в Палмарис.

— Слухи о том, что творится в городе, не радуют нас, — заметил Талларейш. — Внутри церкви идет борьба, в которую мы... через тебя... против воли оказались вовлечены.

— Не совсем против воли, — ответил Джуравиль. Он удивился, заметив устремленные на него обвиняющие взгляды, и, как бы защищаясь, поднял руки. — Разве не сама госпожа Дасслеронд велела мне принять участие в походе к горе Аида? И разве не она покинула Кер'алфар и пришла мне на помощь, когда Бестесбулзибар напал на меня и беженцев?

— Так все и было, — ответила она. — Хотя до горы Аида дошла Тантан, а не Джуравиль.

— Вы даже перенесли демона в нашу долину, — продолжал Джуравиль. — И наверно, поступили правильно, — добавил он, заметив, что госпожа нахмурилась. — Не сделай вы этого, меня бы уж точно ждала смерть.

— Но на этом нам следовало поставить точку. С гибелью демона наше участие в конфликте подошло к концу.

Эти слова госпожи Дасслеронд больно задели Джуравиль. Действительно, так и развивались события — до тех пор, пока на склоне горы над эльфийской долиной не появились Полуночник и Пони. Магия не пропускала их внутрь, и к ним вышел Джуравиль, а потом, с благословения госпожи Дасслеронд, хотя и данного с явной неохотой, он отправился вместе с ними добивать то, что осталось от армии демона.

— Если бы вы приказали мне остаться в Эндур'Блоу Иннинес, я бы подчинился без единого слова, — сказал он ей. — Просто я полагал, что поступаю правильно.

— И поэтому оказался в Санта-Мер-Абель? — спросил Талларейш неодобрительным тоном.

Джуравиль понял: терпение эльфов иссякло. Госпожа Дасслеронд отпустила его с Пони и Полуночником, чтобы он собственными глазами увидел завершение войны с гоблинами, поври и великанами, но он существенно вышел за рамки этого поручения, приняв непосредственное участие в том, что касалось только людей.

Джуравиль покаянно опустил взгляд.

— Я оказался в Санта-Мер-Абель, потому что хотел помочь спасти кентавра. Ведь он друг эльфов уже на протяжении долгих лет.

— Это нам известно, — ответила госпожа Дасслеронд.

Последовала долгая пауза, а потом все эльфы заговорили одновременно, то и дело упоминая имя кентавра. Услышав несколько раз слово «оправдано», Джуравиль набрался мужества и взглянул в глаза своей госпожи.

— Поскольку все кончилось хорошо, я не вижу смысла обсуждать это твое решение, — сказала она. — Как дела у Смотрителя?

— Сейчас он на севере вместе с Полуночником, — ответил Джуравиль.

Он хотел рассказать о кентавре поподробнее, но тут один из прятавшихся среди ветвей эльфов подал знак, что кто-то приближается. Миг — и все эльфы словно растворились в густом подлеске.

Вскоре среди деревьев возник неверный свет факела, и тут же стали видны силуэты двух людей.

— Ты его знаешь, — госпожа Дасслеронд кивнула в сторону Роджера.

Остальные эльфы начали напевать, так тихо, что их голоса почти сливались с ночными шорохами. Мелодия создавала вокруг эльфов магический барьер, сквозь который наружу не проникали никакие звуки, позволяя продолжать разговор без опасения, что их услышат.

— Это Роджер Биллингсбери, — подтвердил Джуравиль, — известный также под именем Роджер Не-Запрещь; так ему больше нравится.

— А второй? — спросила госпожа Дасслеронд. — Его ты знаешь?

Джуравиль внимательно разглядывал молодого человека, пытаясь вспомнить, не видел ли он его в Санта-Мер-Абель.

— Нет. Не уверен, что даже встречался с ним.

— Его зовут Браумин Херд, — сказала Дасслеронд, — он последователь Эвелина Десбриса.

— Последователь?

— Кроме Роджера, их тут пятеро, — продолжала госпожа, — все братья церкви Абея, решившие пойти по стопам твоего старого друга Эвелина. Роджер ведет их на север, к Полуночнику. Церковь объявила этих монахов преступниками, и фактически больше идти им некуда.

— А может, они Карающие Братья, — с недоверием спросил он, — только притворяющиеся друзьями, чтобы добраться до камней, которые Эвелин унес из Санта-Мер-Абель и оставил Джилсепони?

— Нет, они не обманщики, — заверила его госпожа Дасслеронд. — Все последние дни мы не спускаем с них глаз и слушаем их разговоры.

— А им известно о вас?

— Только Роджеру, — ответила госпожа. — Он рассказал о нас остальным, но они ему не поверили. Может, сейчас самое время официально представиться.

Она медленно направилась к освещенным пламенем факела людям. У Браумина чуть глаза не вылезли на лоб при виде эльфийки, зато Роджер расплылся в широкой улыбке, заметив рядом с ней Джуравилья.

— Джуравиль! — воскликнул он и бросился к нему. — Как давно я тебя не видел!

Тут он посмотрел на Браумина, который пятился от эльфов с побелевшим лицом и дрожащими руками.

— Успокойся, брат Браумин! — приказала госпожа Дасслеронд таким командным тоном, какого монах не слышал даже у отца Маркворта. Он остановился как вкопанный. — Разве Роджер Не-Запрешь не рассказывал тебе о нас? Разве не говорил, что человека, которого ты разыскиваешь, сопровождает Белли'мар Джуравиль из тол'алфар?

— Я... Я думал... — залепетал Браумин.

— По-моему, мы в точности такие, как описывал Роджер Не-Запрешь, — продолжала госпожа Дасслеронд.

— Не-Запрешь? — Браумин бросил недоуменный взгляд на своего нового друга.

— Это прозвище или, точнее, титул, который больше чем имя, — ответил Роджер.

— Нам все это известно, потому что мы собственными ушами слышали, как он рассказывал о нас. Прятались среди деревьев, — сказала госпожа Дасслеронд. — Поэтому странно, что ты так удивился при виде нас. Однако сейчас не время удивляться. Нам многое нужно обсудить.

Браумин испустил глубокий вздох и постарался справиться со своими чувствами.

Роджер вопросительно взглянул на Джуравилья и шагнул было к нему, но тот, опасаясь гнева госпожи Дасслеронд, лишь покачал головой и отступил.

— Отведи нас к себе в лагерь, где мы сможем встретиться с твоими товарищами, — приказала госпожа Дасслеронд. — Не в моих правилах дважды отвечать на одни и те же вопросы.

Реакция оставшихся в лагере оказалась как раз такой, какую и следовало ожидать, — четверка была сражена наповал, обнаружив, что рассказ Роджера соответствует действительности. Правда, Кастинагис и Делман быстро справились с собой, но Муллахи рухнул на землю, без единого слова испуганно глядя на гостей, а Виссенти впал в столь характерное для него возбуждение и забегал туда и обратно, едва не свалившись в костер.

— Белли'мар Джуравиль принес хорошие новости, — начала госпожа Дасслеронд, когда монахи наконец успокоились. — Полуночник не так уж далеко впереди. Мы тоже отправляемся туда и рассчитываем найти его в Дундалисе.

— И кентавра, — заметил Роджер. — Он такой могучий! Просто нет слов. Вы будете

потрясены. И Пони. — Одно лишь упоминание о ней кружило ему голову. — Джилсепони Альт. Она была самым близким другом Эвелина. Он научил ее обращаться с камнями.

Джуравиль промолчал, но госпожа Дасслеронд обратила внимание на промелькнувшую по его лицу тень и сделала вывод, что не все слова Роджера соответствуют действительности. Однако она тут же переключилась на монахов, интересуясь их реакцией на слова Роджера о магических камнях, но никаких признаков тайных замыслов не обнаружила. Уверенная в своей способности читать сердца людей, как раскрытую книгу, госпожа несколько успокоилась.

— Может быть, если мы создадим церковь, основанную на новых принципах, Джилсепони Альт сочтет возможным вернуть камни, — заметил брат Кастинагис.

Роджер только рассмеялся.

— Если вы и впрямь создадите церковь, основанную на принципах, которые проповедовал Эвелин Десбрис, лучше попросите Пони стать вашей матерью-аббатисой, — заявил он.

— Думаю, она сочтет лестным это предложение, — сказала госпожа Дасслеронд. — Однако сейчас более уместно рассуждать не о том, что нас ждет в конце пути, а о том, как его преодолеть.

— Теперь нам будет легче, с такими-то союзниками. — С этими словами Брамин низко поклонился эльфам.

— Просто спутниками, — поправила его госпожа Дасслеронд. — Хотелось бы, чтобы вы не строили иллюзий относительно наших взаимоотношений. Сейчас наши пути совпадают, и, думаю, и вы, и мы лишь выиграем от этого. Мы, к примеру, можем быть вашими глазами и ушами. У нас есть общие враги — гоблины, поври и великаны, — и мы будем помогать друг другу сражаться с ними. В этом, ограниченном смысле вы можете рассматривать нас как союзников, но не на долговременной основе.

Роджера задел тон, каким все это было сказано, — отстраненный, даже какой-то бессердечный. Он снова посмотрел на Джуравилья, но ничего не прочел на его лице. Эльф понимал удивление Роджера, ведь до сих пор единственным тол'алфар, которого Роджер знал, был он сам. Но в отличие от госпожи Дасслеронд на нем не лежала ответственность за судьбу всех эльфов.

— Но если на пути у нас встанут ваши враги — солдаты короля или люди церкви, — вы будете с ними сражаться, полагаясь лишь на свои силы, — продолжала госпожа Дасслеронд, пробегая взглядом по лицам людей. — Тол'алфар не вмешиваются в дела людей.

Джуравиль понимал, что последнее заявление нацелено прежде всего в его адрес.

— Я всего лишь имел в виду... — попытался объяснить бедняга Брамин.

— Знаю, что ты имел в виду, — прервала его госпожа Дасслеронд.

— Я не хотел сердить вас.

Госпожа Дасслеронд снисходительно рассмеялась.

— Я просто излагаю все как есть, — сухо сказала она. — Если вы будете переоценивать наши взаимоотношения, это может окончиться для вас фатально. — Она сделала знак в сторону деревьев, и остальные эльфы тут же растаяли во мраке. — Не забывайте каждую ночь выставлять караульных. Если поблизости объявится монстр, мы поднимем тревогу, но что касается людей, вам придется полагаться лишь на себя.

С этими словами госпожа Дасслеронд в сопровождении Джуравилья неторопливо направилась в сторону деревьев, явно давая возможность людям еще раз хорошенько рассмотреть и оценить себя.

Все ее поведение лишний раз напомнило Джуравилью, что, заведя себе друзей среди людей, он вел себя не так, как это принято у эльфов.

В лесу госпожа Дасслеронд велела Талларейшу расставить дозорных, которые следили бы, в частности, и за лагерем монахов. Джуравиль вызвался быть одним из них, но госпожа Дасслеронд освободила его от этой обязанности.

— Как полагаешь, мы без труда найдем Полуночника? — спросила она его, когда они

остались одни.

— Он не будет прятаться, — ответил Джуравиль. — Но даже если и стал бы, мы всегда найдем его в лесу.

— Сейчас рейнджер в особенности важен для нас. Мне очень не нравится то, что происходит в Палмарисе. Полуночник может сыграть во всем этом важную роль, сделать так, чтобы события развивались в желательном для нас направлении... Расскажи мне об этой женщине, Джилсепони, — внезапно сменила тему разговора госпожа Дасслеронд. — Она ведь не с Полуночником, верно? Я поняла это по твоей реакции на слова Роджера Незапрешь.

— Она в Палмарисе, — ответил Джуравиль, — или, по крайней мере, должна быть там.

— Ты боишься за нее?

— Церковь прикладывает отчаянные усилия, чтобы найти ее. Но Джилсепони опытный воин и к тому же владеет каменной магией.

— Нас она не должна волновать, — напомнила ему госпожа Дасслеронд.

— Полуночник научил ее би'нелле дасада, — сказал Джуравиль, — и она замечательно преуспела в нем.

Госпожа Дасслеронд стиснула зубы и распрямила плечи, а эльфы в ветвях над ней начали перешептываться явно возмущенно. Такая реакция не удивила Джуравиль; он и сам поначалу рассердился, узнав, что Полуночник поделился с Пони этим полученным от тол'алфар даром. Но позднее, увидев, каким прекрасным воином она стала и как мужественно сражалась с гоблинами, он пришел к выводу, что Пони стоила этого дара, а Полуночник оказался великолепным учителем.

— Прошу вас, моя госпожа, не выносить суждения до того, пока вы сами не увидите танец Пони, — умоляюще произнес Джуравиль. — А еще лучше, если они будут исполнять его вместе с Полуночником. Гармония их движений...

— Хватит, Белли'мар Джуравиль, — холодно прервала его госпожа Дасслеронд. — Поговорим об этом в другой раз. Сейчас нас должен интересовать только Полуночник и то, насколько в интересах тол'алфар он распоряжается нашими дарами.

— Пони тоже должна входить в сферу наших интересов, — осмелился возразить Джуравиль.

— Потому что она владеет магическими камнями? — спросила госпожа. — Потому что умеет танцевать би'нелле дасада? Все это не делает ее другом тол'ал...

— Потому что она ждет ребенка, — перебил ее Джуравиль. — Ребенка Полуночника.

Госпожа Дасслеронд с любопытством посмотрела на него. Ребенок рейнджера! Такие случаи бывали, но крайне редко.

— Еще один человек, в котором будет течь кровь Мазера, — откуда-то сверху послышался голос Талларейша. — Это хорошо.

— Да, если и сама Пони достойна такой чести, — ответила госпожа Дасслеронд, не сводя взгляда с Джуравиль.

— Уверяю вас, она выше всех похвал, — ответил эльф. — Это просто чудо, когда два столь достойных человека находят продолжение в ребенке.

Он так и не понял, какое впечатление произвели его слова на госпожу Дасслеронд.

— Ты не хочешь отправиться в Палмарис, чтобы приглядеть за ней? — спросила она.

— У меня была такая мысль, — признался Джуравиль. — Но нет, я слишком долго не виделся с братьями и сестрами. И хочу вернуться домой.

— Ну вот, ты увиделся с нами. Ты удовлетворен?

Он понимал, какую честь она оказывает ему, предлагая самому сделать выбор.

— Да, удовлетворен, — ответил Джуравиль. — И, с вашего позволения, вместе с вами отправлюсь на север, на поиски Полуночника.

— Нет, — к его удивлению, возразила госпожа Дасслеронд. — Мы оставим двоих, чтобы сопровождать людей на север, а все остальные, в том числе и мы с тобой, отправятся на юг.

— К Джилсепони?

— Я желаю сама оценить женщину, которая носит дитя Полуночника. Женщину, которая танцует би'нелле дасада, пусть даже она научилась этому не у тол'алфар.

Джуравиль улыбнулся, уверенный, что госпожа останется довольна.

— Мы строим, они разрушают. Мы строим снова, а они снова разрушают, — причитал Томас Джинджерворт, глядя на обгоревшие руины Дундалиса. Здесь буквально не осталось камня на камне, все, все было сожжено или разбито в щепки. — И вот мы снова тут, глупые упрямцы, и жаждем начать все сначала. — Он засмеялся, но потом заметил выражение лица Элбрайна и смолк.

— Я был совсем мальчиком, когда Дундалис разгромили первый раз, — объяснил тот и кивнул в сторону обуглившихся развалин в центре деревне. — Это был трактир Белстера О'Комели «Унылая Шейла». Но до этого, еще даже до того, как Белстер пришел на север, на этом месте стоял мой дом.

— Надо сказать, прелестная была деревушка, — заметил Смотритель, неожиданно возникнув из-за кустов и открыто появившись перед людьми, к удивлению Томаса и Элбрайна. Томас рассказал им о кентавре, и кое-кто даже мельком видел его, но сейчас все просто рты пораскрывали. — Первый Дундалис нравился мне больше второго. Здесь чаще звучали детские голоса... вроде твоего, Полуночник, и Пони.

— Пони тоже из первого Дундалиса? — удивился Томас. — Я не знал.

— Сейчас не время говорить об этом, — ответил Элбрайн. — Вечером, может быть, когда вся работа будет сделана и мы соберемся у костра.

— Но почему в первом Дундалисе чаще звучали детские голоса, чем во втором? — спросил кто-то.

— Вторая группа, Белстер и его товарищи, пришли на север, чтобы заново отстроить Дундалис, как и мы сейчас, — объяснил Элбрайн. — Они знали его историю и побоялись брать с собой детей. Понимали, что всякое может случиться.

— И все же наверняка тоже погибли бы, если бы рейнджер не охранял их, — заметил кентавр.

Элбрайн равнодушно воспринял эту похвалу, хотя в глубине души гордился тем, что помог спастись многим жителям Дундалиса, когда армия Бестесбулзибара начала наступление. Эти люди оказались точно в той же ситуации, как в свое время его семья и друзья, но на этот раз дело обернулось совсем иначе.

— И вот мы здесь, собираемся снова возродить деревню, — заметил Томас.

— Ну, у вас будет рейнджер, — сказал кентавр.

Томас перевел взгляд на Элбрайна, увидел боль, застывшую в оливково-зеленых глазах, и положил руку ему на плечо.

— Вовсе не обязательно строить ее точно здесь. Тут полно подходящих мест.

Элбрайна охватило чувство признательности к этому человеку.

— Нет, пусть Дундалис поднимется снова вопреки гоблинам, демону и вообще любому, кто попытается остановить нас. Прямо здесь, на этом самом месте. И когда регион будет полностью очищен от врагов, мы приведем сюда других людей, и здесь снова зазвучат детские голоса.

В ответ послышались одобрительные возгласы.

— Но откуда начать? — спросила одна из женщин.

— С вершины вон того холма, — без колебаний ответил Элбрайн, указывая на север. — Оттуда хорошо проглядываются все тропы, и там мы построим просторный общий дом, чтобы было где выпить и потолковать, если все спокойно, и чтобы его можно было превратить в крепость, если снова грянет война.

— Ты говоришь так уверенно, *словно* планировал все заранее, — заметил Томас.

— Тысячу раз, — ответил Элбрайн, — с тех пор как был вынужден бежать и скрываться в лесу. Дундалис снова восстанет из пепла... теперь уж навсегда.

Вокруг заулыбались, слышались жизнерадостные возгласы.

— А другие деревни? — спросил Томас.

— Сейчас у нас не хватит людей, чтобы восстановить Сорный луг и На-Краю-Земли, — ответил Элбрайн. — Как только Дундалис оживет, на север потянутся новые поселенцы, они и возродят две другие деревни.

— И в каждой будет общий дом? — с широкой ухмылкой спросил Томас.

— Ну да, крепость, — сказал Элбрайн.

— И рейнджер, — рассмеялся Смотритель. — Тебе придется побегать, Полуночник.

Вскоре работа закипела. Они растаскивали обломки и с помощью вешек размечали места для будущих домов. Расчистили фундамент бывшего трактира и в тот же день врыли первые столбы, начав возведение крепости, о которой говорил Элбрайн.

Его самого весь день преследовали воспоминания: отец и другие охотники возвращаются домой и несут на шесте труп гоблина — событие, положившее начало множеству последующих бед; они с Пони сидят на холме, глядя на белый мох, устилающий землю вокруг прекрасных, молчаливых сосен; ночь, когда они увидели Гало, мерцающее в небе, словно многоцветная радуга.

И может быть, самое яркое — и самое мучительное — воспоминание: их первый с Пони поцелуй, чувство теплоты и нежности, разрушенное криками жителей деревни, на которую напали гоблины.

Вечером у костра он рассказал обо всем этом Томасу и остальным. Люди устали и знали, что завтра их ждет такой же трудный день, но никто не заснул, не пропустил ни слова из рассказа Полуночника. К тому времени, когда он закончил, луна уже зашла. Укладываясь спать, все были полны решимости возродить Дундалис.

Часть третья ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ

Жизнь на краю так называемого цивилизованного мира, где человека на каждом шагу подстерегает опасность, создает удивительное ощущение свободы, дядя Мазер. Это настоящая жизнь, лишенная какого бы то ни было притворства. И сам Томас, и большинство его друзей большую часть жизни провели в Палмарисе. Приглаживаясь к этим людям, я был поражен происходящими с ними переменами, постепенными, но тем не менее достаточно заметными. Все внешнее, амбициозное начало исчезать, и со временем проступили подлинные лица этих мужчин и женщин. И должен признаться — мне, выросшему в Дундалисе, а потом среди резковатых, иногда даже просто жестоких тол'алфар, гораздо больше по душе эти новые лица.

Просто чтобы выжить здесь, необходимо доверие, а доверие требует честности. Без этого опасность угрожает всем; вот почему чем больше опасность, тем больше люди сплачиваются, и в этом ключ к выживанию. Я знаю, кто мне враг, а кто друг, дядя Мазер, и без колебаний заслоню собой друга от нацеленного в него копья. И точно так же любой из них поступит по отношению ко мне. Совсем по-другому обстоит дело там, где не существует этой постоянной угрозы жизни; там на смену чувству товарищества приходят интриги и тайные союзы. Можно подумать, будто спокойная, безмятежная жизнь пробуждает в человеке самые темные свойства его натуры.

Я много думал обо всем этом, когда оказывался в таких местах, как Палмарис и Санта-Мер-Абель. Люди там скучают, поскольку из их жизни ушли риск и приключения; и тогда они создают их себе сами, но это не настоящие, а надуманные приключения. На юге и в особенности в церкви все только и плетут интриги. Похоже, у них там слишком много свободного времени, а в голове царит хаос, вот они и делают неправильные выводы, основываясь на неверных

предпосылках.

Я не прижился бы в таком мире, это уж точно. Не стоит и пытаться. Пусть лучше распорядок моей жизни подчиняется восходу и заходу солнца и луны, а на мои поступки влияют лишь смена времен года и изменения погоды. Я буду есть столько, сколько нужно для поддержания жизни, не предаваясь обжорству и испытывая благодарность к растениям или животным, которые позволяют мне не умереть с голоду. Я буду преклоняться перед природой, как перед богиней, не забывая ни на миг, что она может уничтожить меня в мгновение ока. Я буду терпим к слабостям других, потому что кто из нас без греха? И я буду поднимать свое оружие только для защиты, а не ради корыстных целей.

По-моему, именно этими принципами должен руководствоваться рейнджер. Клянусь, что не отступлю от них, дядя Мазер. Я буду жить просто и честно — как мой отец и ты, дядя Мазер, и как учили меня тол'алфар. Буду жить той жизнью, о которой обитатели цивилизованных земель, по-видимому, просто забыли.

Элбрайн Виндон

ГЛАВА 16 ЕПИСКОП ДАЕТ УРОК

За две недели, прошедшие после речи нового епископа, в Палмарисе многое изменилось. Каждый четвертый день в аббатстве Сент-Прешес устраивались религиозные служения, на которые собиралась огромная толпа, не меньше двух тысяч человек. Мало кто осмеливался спрашивать, почему для участия в этих служениях требовались золотые или серебряные монеты королевства с вычеканенным на них медведем, а если у человека не было денег, то драгоценности или хотя бы одежда.

Внешне все выглядело спокойно. Епископ постоянно демонстрировал свою силу — каждый день по улицам маршировали солдаты и монахи, — и это помогало поддерживать порядок. Люди вновь начали улыбаться, хотя и несколько вымученно. Пони называла все это «насаждением веры путем запугивания».

Для бехранцев, живших по соседству с портом, ситуация ухудшилась. С тех пор как в городе воцарился Де'Уннеро, солдаты и монахи получили право по любому поводу придирается к ним. Однако теперь каждый житель Палмариса знал, что ему не грозит ничего, если он оскорбит «иностранцев», наградит их плевком или даже бросит камень. Темнокожих бехранцев с их необычной манерой одеваться отличить от других жителей Палмариса было совсем не трудно. Очень подходящие «козлы отпущения» для Де'Уннеро, говорила Пони. Она много времени проводила в доках, приглядываясь ко всему происходящему; и она заметила, что бехранцы незаметно для постороннего взгляда начали объединяться и действовать согласованно в целях своей безопасности. Незадолго до прибытия солдат и монахов, которые отнюдь не появлялись строго по расписанию, те бехранцы, которые больше всего нуждались в защите — старики, больные, женщины с детьми, — исчезали словно по мановению волшебной палочки.

Зато другие — в основном мужчины и одна-две женщины — всегда оказывались на виду, принимая на себя удары и оскорбления.

И еще один из них привлек внимание Пони, и она решила, что к нему стоит приглядеться повнимательней. Это был высокий темнокожий моряк, капитан корабля под названием «Сауди Хасинта» и, по-видимому, человек известный, поскольку монахи его не беспокоили. Пони знала, что его зовут Альюмет; именно он перевозил ее, Элбрайна, Смотрителя и Джуравилу через Мазур-Делавал, когда они возвращались из Санта-Мер-Абель. Они пришли к нему по рекомендации и с запиской от магистра Джоджонаха, и он перевез их без единого вопроса.

Альюмет был гораздо больше чем просто капитан судна. Он дружил с Джоджонахом и в своих действиях явно руководствовался не столько прагматизмом, сколько несравненно

более высокими принципами. И сейчас он снова доказал это. Внешне капитан держался в стороне, расхаживал по палубе своего корабля, но Пони не раз видела, как он обменивался многозначительными кивками и взглядами с главой общины бехранцев.

План Пони в отношении друзей Белстера продвигался неплохо; к ее огромному облегчению, в большинстве своем они отнюдь не были очарованы новым епископом. Теперь она лелеяла мечту о том, чтобы каким-то образом связать свою группу с бехранцами, но ей было ясно, что это окажется гораздо более трудной задачей.

И решить ее поможет капитан «Сауди Хасинта».

— Сегодня я сам пойду вместе с вами, — заявил Де'Уннеро брату Джоллино.

Тот в сопровождении нескольких солдат как раз собирался покинуть аббатство, чтобы в очередной раз обыскать торговый квартал в тщетных поисках магических камней. Прошлой ночью епископ с помощью граната обнаружил, что в одном из богатых особняков кто-то использовал очень мощные камни. Этот дом уже осматривали монахи, и купец клялся, что у него ничего нет.

Брат Джоллино посмотрел на Де'Уннеро с удивлением и страхом. Он считался главным сборщиком магических камней при епископе, и многие завидовали его положению. Может быть, именно это породило слухи, будто Джоллино «договаривается» с некоторыми купцами, позволяя им оставлять у себя могущественные камни, сдавая только слабые.

— Не беспокойтесь, мой господин. Я все досконально проверю. — Монах поежился и даже начал заикаться под недоверчивым взглядом епископа. — Не ст-т-тоит терять время такому важному и занятому человеку, как вы. Я знаю, в чем состоит мой долг.

Де'Уннеро продолжал сверлить его взглядом, получая удовольствие от испуганного вида этого человека. Он решил отправиться вместе с отрядом не потому, что не доверял брату Джоллино, а просто от скуки — и рассчитывая примерно наказать лживого купца в назидание всем.

— Может, до вас дошли какие-то нелепые слухи насчет того, как я выполняю ваше... — начал было Джоллино, заметно нервничая.

— А что, должны были дойти? — прервал его Де'Уннеро, удивленно разглядывая монаха.

Тот дрожал мелкой дрожью, по лбу стекали крупные капли пота.

— Нет, нет, мой господин! — воскликнул Джоллино. — Я хочу сказать... Это просто выдумки тех, кто мне завидует. — На самом деле епископ не слышал ни единой жалобы на Джоллино. — Мы собираем все, все камни. — С каждым словом монах волновался все больше и даже начал размахивать руками. — Человеку, не принадлежащему к церкви, мы не оставляем и крошечного алмаза, даже если у него в доме нет ни одной свечи. Молиться можно и в темноте, говорю я ему. Пусть Бог...

Лепет Джоллино обернулся стоном, когда епископ ткнул указательным пальцем в болевую точку под ухом бедного монаха.

— Надо же, дорогой брат Джоллино, — издевательским тоном заметил епископ, глядя, как монах корчится от боли. — Мне никогда не приходило в голову, что ты можешь обманывать меня и церковь.

— Пожалуйста, мой господин, — захныкал Джоллино, хватая ртом воздух. — Я не обманываю вас.

— А сейчас что скажешь? — Де'Уннеро с такой силой надавил на болевую точку, что у Джоллино подкосились ноги.

— Нет, мой господин!

— Даю тебе последний шанс сказать правду, — заявил Де'Уннеро. — Но учти, мне она уже известна. Если соврешь, мой палец вонзится прямо тебе в мозг, и ты умрешь в страшных мучениях. — Джоллино открыл было рот, собираясь ответить, но палец епископа надавил с новой силой. — Еще один, последний шанс. Итак, ты обманываешь меня?

— Нет, — с трудом выдавил Джоллино, и Де'Уннеро убрал палец.

Монах со стоном рухнул на пол, прижимая ладонь к участку шеи под ухом. Епископ перевел испепеляющий взгляд на солдат, и те тут же испуганно отвернулись, сделав вид, что ничего не видели.

После того как Джоллино пришел в себя, отряд выступил в путь, и епископ с ними. Поначалу брат Джоллино в знак уважения держался позади, но Де'Уннеро приказал ему идти рядом.

— Ты уже заходил в этот дом... или, может, это была другая группа, — сказал епископ и тут же добавил, заметив, что монах снова занервничал. — Впрочем, это не имеет значения. Купец, который там живет, хитрая бестия, это ясно.

Вскоре они уже были в торговом квартале, шли по вымощенной булыжником дороге, с обеих сторон обсаженной аккуратно постриженной живой изгородью. Дома здесь находились далеко друг от друга — настоящие крепости, обнесенные высокими каменными стенами.

— Вот этот дом, — епископ указал на строение из гладкого коричневого камня. — Ты был здесь? — Джоллино кивнул и опустил взгляд. — Кто здесь живет?

— Алоизий Крамп, — ответил монах. — Смелый человек, сильный телом и духом. Торгует прекрасными тканями и мехом.

— Он отказался впустить вас?

— Нет, что вы, мой господин, — ответил один из солдат. — Он позволил нам войти и снизошел до того, что оказал нам полное содействие, а ведь господин Крамп очень богатый и влиятельный человек.

— Ты говоришь так, будто знаком с ним.

— Я охранял караван, который он возглавлял, — ответил солдат. — Мы ходили в Тимберленд.

— Интересно... — заметил епископ. — Расскажи-ка об этом господине Крампе.

— Настоящий воин. — Торговец явно произвел на солдата впечатление. — Участвовал во многих сражениях. Кидается в бой, даже если силы неравны. Дважды падал замертво, но уже через несколько часов поднимался и снова сражался как ни в чем не бывало. Его еще называют Барсуком, и это прозвище очень ему подходит.

— Интересно... — повторил епископ, хотя чувствовалось, что рассказ солдата не произвел на него особого впечатления. — Ты доверяешь этому человеку?

— Да, — ответил солдат.

— Возможно, именно твое суждение о нем помешало брату Джоллино как следует проверить его, — сказал епископ. Солдат начал было возражать, но Де'Уннеро остановил его, подняв руку. — Сейчас не время обсуждать эту проблему, но предупреждаю тебя: не вздумай мешать мне. Пожалуй, будет лучше, если ты останешься здесь, на улице.

Солдат ошетилился, расправил плечи, выпятил грудь. Не обращая больше на него внимания, епископ приказал остальным:

— Пошли, и быстро. Нагрянем к этому купцу до того, как он успеет спрятать свои камни.

— Господина Крампа охраняют собаки, — предупредил его Джоллино, но епископ не замедлил шага.

Подбежав к воротам, он одним молниеносным движением перебросил себя через них. Спустя несколько мгновений залаяли собаки, и ворота широко распахнулись. Джоллино и солдаты вбежали во двор, где увидели могучего охранника и двух черных псов, скаливших ослепительно белые зубы.

Один пес рванулся навстречу Де'Уннеро и взлетел в прыжке, целясь ему в горло. Тот неожиданно присел, пес пролетел над ним, но Де'Уннеро успел схватить его левой рукой за правую заднюю ногу, а правой за левую и рванул вниз. Пес изворачивался, пытаясь укусить его.

Резким движением широко разведя руки, Де'Уннеро почти разорвал пса пополам. Услышав хруст костей, он бросил визжащее животное на землю и повернулся как раз

вовремя, чтобы встретить второго пса, уже кинувшегося на него.

Мощный кулак нанес псу удар под челюсть, развернув его в воздухе. Пес рухнул на Де'Унnero, умудрившись тяпнуть его за предплечье, но тот мгновенно стряхнул его с себя и стиснул собачью глотку.

И так, продолжая сжимать ее, епископ без видимых усилий удерживал весящего не меньше сотни фунтов пса на вытянутой руке.

За его спиной брат Джоллино и солдаты просто рты пораскрывали от изумления; человек, охраняющий дом, остановился, потрясенный.

Де'Унnero сломал псу позвоночник, после чего швырнул умирающее животное прямо к ногам охранника Крампа.

Тот проворчал что-то угрожающее и выхватил меч.

— Остановись! — закричал ему брат Джоллино. — Это Маркало Де'Унnero, епископ Палмариса!

Охранник посмотрел на него, явно не зная, как поступить. Де'Унnero принял решение за него — направился к дому, просто оттолкнув охранника в сторону.

— Не стоит представлять меня господину Крампу, — заявил он. — Я сам представляюсь ему.

Он подошел к двери, Джоллино и солдаты за ним. Охранник стоял во дворе, тупо глядя на непрошенных гостей. Де'Унnero пинком ноги распахнул дверь и вошел в дом.

Слуги, привлеченные шумом и столпившиеся в холле, бросились врассыпную. Из двери напротив входа показался крупный румяный человек с густыми, выющимися черными волосами, слегка тронутыми сединой. Его лицо исказилось от ярости.

— Что все это означает? — требовательно спросил он.

Де'Унnero оглянулся на брата Джоллино.

— Да, это Алоизий Крамп, — подтвердил молодой монах.

На лице Де'Унnero заиграла улыбка. Не отрываясь, он смотрел на хозяина, приближающегося с таким видом, точно он собирался поднять епископа в воздух и вышвырнуть на улицу. Да, этот Крамп и впрямь производил впечатление — видный, очень крупный мужчина со следами рваных шрамов, в том числе и на шее. Шрам на шее был совсем свежий, больше похожий на только-только начавшую подживать рану.

— Что все это означает? — словно эхо, повторил Де'Унnero. — Означает. Означает. Не совсем подходящее выражение. Правильнее было бы спросить: «С какой целью вы здесь?»

— Что за чушь вы несете? — взъярился Крамп.

Охранник вбежал со двора, промчался мимо Де'Унnero и его людей, наклонился к своему господину и прошептал что-то; представлял его, понял епископ.

— Мой господин, — Крамп поклонился. — Вам следовало предупредить меня о своем визите, чтобы я мог...

— ...спрятать камни? — закончил за него Де'Унnero.

Алоизий Крамп вздрогнул. Это был сильный человек, подлинный воин, один из ведущих представителей своего клана, который получил суровую закалку в освоении земель Тимберленда и Вайлдерлендса. Когда-то он был траппером, но потом понял, что гораздо легче зарабатывать деньги в качестве посредника между трапперами и рынками цивилизованных городов.

— Я уже ответил на все вопросы церкви, — заявил Крамп.

— Это все слова. — Де'Унnero взмахнул рукой. — Кстати, очень полезный инструмент. Слова могут отражать истинное положение дел, но могут прикрывать и ложь.

Физиономия Крампа перекосилась. Человек не слишком образованный, он тем не менее понимал, что над ним насмехаются, и непроизвольно стиснул огромные кулаки.

Совершенно неожиданно Де'Унnero преодолел разделяющее их расстояние и указательным пальцем ткнул Крампа под челюсть.

— Я был здесь прошлой ночью, глупец, — прорывал он прямо в лицо Крампа. Тот схватил его за запястье, но сдвинуть с места вонзившийся в горло палец не смог. —

Слова, — прежним тоном продолжал епископ. — «Знайте, что эти камни, падающие на землю священного острова Пиманиникуит, будут даром истинного Бога избранным Им людям». Тебе известны эти слова, торговец Крамп? — Он сильнее надавил указательным пальцем, и тот попятился. — Это из Книги Абея, Псалом о Камнях. «И Бог научил избранных применять камни с пользой, и весь мир возрадовался, потому что они увидели, что это хорошо». — Епископ помолчал, мысленно отметив, что кулаки Крампа разжались. — Тебе известны эти слова? — повторил он свой вопрос.

Крамп покачал головой.

— Брат Джоллино? — спросил Де'Уннеро.

— Книга Деяний, — ответил молодой монах, — написанная братом Йензисом на пятидесятом году существования церкви.

— Слова! — закричал Де'Уннеро в обрамленное густой бородой лицо Крампа. — Слова, сказанные церковью... твоей церковью! И все же ты воображаешь, будто понимаешь их лучше избранных Богом! — Крамп покачал головой, явно сбитый с толку и испуганный. — Мой указ был предельно ясен. Нет, не мой! Фактически он исходил от самого отца-настоятеля Маркворта. Церковная доктрина запрещает владеть магическими камнями тем, кто не принадлежит к церкви.

— Даже если сама церковь продала...

— Запрещает! — рявкнул Де'Уннеро. — Без всяких исключений. Ты знал это, господин Крамп, и все же не вернул камни, которыми владеешь.

— У меня нет...

— У тебя есть камни! — С каждым словом Де'Уннеро все усиливал нажим пальца. — Я был здесь прошлой ночью и почувствовал использование магии. Можешь сколько угодно отрицать, я видел собственными глазами.

Оба замерли с таким видом, точно в любой момент могли броситься друг на друга. Большой гордый человек не мигая смотрел на епископа, тот отвечал ему тем же, как будто приглашая к сражению.

— Я могу сжечь твой дом до основания, а пепел развеять по ветру, — в конце концов заявил Де'Уннеро. Крамп облизнул губы. — Или ты будешь сотрудничать с церковью, или тебя объявят еретиком.

— Вы не имеете права врываться в мой дом, — осторожно подбирая слова, заметил Крамп. — Я был личным другом барона Рошфора Бильдборо.

— Он мертв, — ответил Де'Уннеро со смешком, очень не понравившимся солдатам, стоящим у него за спиной.

И снова эти двое замерли, точно статуи. Потом напряжение разрядилось — Крамп посмотрел на своего личного охранника и кивнул ему. Тот поднял на него недоверчивый взгляд.

— Иди! — приказал Крамп, и охранник выбежал.

— Мудрое решение, господин Крамп... — начал было брат Джоллино, но смолк под сердитым взглядом епископа.

Вскоре вернулся охранник, неся маленький шелковый кошелек. Он вручил его Крампу, а тот швырнул кошелек Де'Уннеро. Епископ поймал его на лету и, не отрывая взгляда от Крампа, передал брату Джоллино.

— Надеюсь, ты не настолько глуп, чтобы заставить меня или моих посланных приходить сюда в третий раз, — заявил он. Крамп ответил ему ненавидящим взглядом. — Ну-ка скажи, мой добрый торговец, — продолжал Де'Уннеро, внезапно резко сменив тон, — какие камни ты использовал прошлой ночью?

— Никаких, — грубо ответил тот. — Я не умею.

— Однако прошлой ночью, похоже, тебе пришлось сражаться. — Де'Уннеро кивнул на едва затянувшуюся рану Крампа.

— Я каждую ночь сражаюсь. Стараюсь держать себя в форме для похода на север.

Де'Уннеро протянул назад руку, и Джоллино вложил в нее кошелек. Епископ открыл

его и высыпал камни на ладонь — янтарь, алмаз, «кошачий глаз» и пару крошечных целестинов. Внимательно разглядывал их некоторое время и перевел подозрительный взгляд на шею Крампа.

— Если у тебя еще что-то осталось, считай, что ты мертв, — заявил он.

От тона, каким это было сказано, вздрогнули даже солдаты, не только охранник Крампа.

— Вы просили мои камни — камни, за которые я, кстати, заплатил хорошие деньги, — и я отдал их. Вы имеете в виду, что я бесчестный человек?

— Ничего я не имею в виду, — с вызовом ответил епископ. — Я прямо заявляю, что ты лжец.

Как и следовало ожидать, Крамп кинулся на него, но Де'Уннеро молниеносно развернулся и нанес ему удар ногой, отбросивший того на руки подскочившего охранника.

Де'Уннеро сунул кошелек и камни в карман рясы, круто развернулся и покинул дом в сопровождении своих людей. Однако на улице епископ неожиданно остановился.

— У нас сегодня еще есть дела в этом квартале? — спустя несколько томительных минут осмелился спросить брат Джоллино.

— Неужели ты не понимаешь? Господин Крамп обманул нас, — заявил епископ.

— Будем дом обыскивать? — спросил один из солдат.

— Разве что его развалины, — ответил Де'Уннеро, и ни у кого даже мысли не возникло, что он шутит. — Хотя, возможно, до этого не дойдет.

Он и в самом деле предполагал подобный вариант, поскольку понял гораздо больше, чем Крамп счел нужным рассказать ему. Этот человек сражался прошлой ночью, что подтверждалось и раной у него на шее. Однако Де'Уннеро было ясно, что рану пытались исцелить с помощью либо чудодейственных трав, либо магии. Хотя... Применение камня души не оставило бы и следа от раны. Значит, может быть, это были все же травы. Может быть.

— Смотрите и сами все поймете, — сказал Де'Уннеро, доставая из другого кармана гранат.

Он встал прямо перед воротами — слуга уже успел закрыть их, — сконцентрировавшись на гранате. Вскоре на лице епископа заиграла улыбка, и, не оглядываясь на своих спутников, он снова перемахнул через стену, на этот раз не потрудившись открыть ворота.

Он промчался через двор, не обращая внимания на крики охранников, ворвался в дом и там, в холле, обнаружил удивленного Алоизия Крампа, над которым хлопотали несколько служанок. И новая рана, которую епископ нанес ему своим пальцем, была уже практически исцелена.

Де'Уннеро остановился и втянул носом воздух. Никакого запаха трав. Не было нужды использовать гранат, чтобы разрешить эту загадку; он знал, в какие игры торговцы частенько играют со священными камнями.

— Снимай сапоги, — приказал он Крампу.

Тот нахмурился.

— При женщинах? — с иронией спросил он и перевел взгляд куда-то за спину Де'Уннеро.

Мало кто вычислил бы, что это означает, но епископ не колебался ни мгновения. Круто развернувшись, он увидел приближающегося охранника с мечом и с силой ударил его по руке. Однако кончик меча проткнул рукав епископа, тут же обагрившийся кровью. Де'Уннеро схватил охранника за руку и с силой отогнул ее назад, ломая кости.

Меч выпал из ослабевших пальцев. Епископ подхватил его, отступил на шаг, сделал выпад и вонзил меч в живот охранника.

Тот упал. Де'Уннеро оставил меч в его теле, повернулся, посмотрел на окаменевшего Крампа и...

...расхохотался.

За спиной взволнованно, бубнили что-то его спутники, но он сделал им знак не приближаться.

— Но, мой господин... — залепетал брат Джоллино, вместе с ошеломленными солдатами не сводя взгляда с человека, корчащегося на полу в луже крови.

— Я должен дать этот урок! — заявил Де'Уннеро. Его тон, холодный, как сама смерть, заставил молодого монаха замолчать. — Повторяю свою просьбу, из уважения к твоему положению, — сказал он Крампу. — Сними сапоги.

— Проклятый пес! Убийца! — закричал торговец, метнулся к стене и сорвал с нее старое копьё для забоя свиней. — Лучше сам сними свои сапоги, или их стянут с твоих вонючих ног! Жаль выбрасывать такую прекрасную пару вместе с трупом!

— Епископ! — воскликнул один из солдат.

— Стойте где стоите! — приказал Де'Уннеро. — Смотрите и запоминайте. Я учитель, а Крамп мой ученик.

— Верните ему меч! — приказал Крамп и поднял свое копьё — очень старое металлическое изделие со вторым, оканчивающимся крючком лезвием чуть ниже основного, предназначенным для того, чтобы животное не соскальзывало с лезвия. — Никто не посмеет сказать, что Алоизий Крамп убил безоружного человека!

Де'Уннеро снова рассмеялся.

— Безоружного? Похоже, ты готов повторить ошибку своего охранника.

Крамп осторожными шагами двинулся вперед, поводя копьём вперед и назад, чтобы помешать противнику вырвать его, как тот сделал это с мечом охранника.

Внезапно Де'Уннеро бросился вперед, но тут же снова отскочил, когда Крамп с диким криком рванулся к нему, целясь копьём в голову. Епископ присел и сделал кувырок, ускользнув от удара. Крамп посчитал, что преимущество на его стороне, и снова попытался нанести удар. Епископ отбил копьё, и оно ушло в сторону.

Потом он замер в странной позе — на одной ноге, морщась, как будто повредил вторую. Издав еще один, на этот раз победный крик, Крамп снова прыгнул вперед, целясь прямо в живот явно беспомощного противника.

Де'Уннеро сложился пополам; за его спиной Джоллино вскрикнул, подумав, что тот ранен.

Однако кончик копья так и не достиг цели — епископ сделал кувырок прямо над ним, вырвал у Крампа копьё и обеими ногами нанес ему сокрушительный удар, одной в лицо, а другой в грудь.

Тот рухнул на колени. Де'Уннеро отшвырнул копьё, схватил Крампа за волосы и вздернул его голову назад, выпрямив пальцы другой руки, чтобы вонзить их в шею противника. Однако в последний момент он передумал и просто отшвырнул Крампа. Тот упал и остался лежать, хватая ртом воздух.

Де'Уннеро повел взглядом по лицам зрителей, явно наслаждаясь победой. Потом он подошел вплотную к Крампу и опустился рядом с ним на колени.

— Я говорил тебе, чтобы ты не заставлял меня возвращаться, — сказал он поверженному торговцу. — Кажется, яснее ясного, а? Ах, ну да, это же просто слова.

Де'Уннеро потянулся к сапогу Крампа, но упрямец с силой ударил его ногой. Епископ мгновенно вскочил и вдавил ногу прямо ему в пах.

Крамп взвыл и согнулся пополам от боли.

— Если ударишь меня еще раз, я кастрирую тебя прямо здесь и сейчас, — холодно заявил Де'Уннеро и стянул с него сапоги.

На этот раз Крамп не сопротивлялся. На большом пальце левой ноги обнаружился предмет, который епископ и ожидал там увидеть, — золотое кольцо с маленьким гематитом.

— Свидетельство находчивости господина Крампа и причина удивительно быстрого восстановления сил, — сказал Де'Уннеро Джоллино, снимая кольцо с ноги Крампа. — Это обычный камень души, каких немало в аббатстве Сент-Прешес. Однако над ним поработали искусные алхимики и какой-то могущественный монах, владеющий магией. В результате

получилось вот это кольцо, обеспечивающее тому, кто его носит, быстрое заживление любых ран. Именно это маленькое чудо позволило нашему господину Крампу создать себе репутацию человека, способного даже в случае смертельного ранения через несколько часов подниматься с поля боя как ни в чем не бывало. Покров тайны сорван, тут и конец легенде, — добавил епископ, обращаясь к солдату, который восхищался подвигами Крампа.

Тот занервничал, затравленно оглядываясь по сторонам и явно опасаясь следующего шага взбалмошного епископа. Похожее выражение появилось и на лицах всех остальных, столпившихся в холле.

Насладившись этим зрелищем, Де'Унnero приказал:

— Отведите его в аббатство, в ту самую темницу, где мы держали преступного кентавра! — Два солдата тут же подскочили к могучему торговцу, подхватили его под руки и поставили на ноги. — Посмей оказать хоть малейшее сопротивление и... — добавил епископ, обращаясь теперь уже к торговцу, и поднял руку, превратившуюся в тигриную лапу, — ...будешь кастрирован.

Крамп едва не упал в обморок и позволил солдатам оттащить себя прочь.

Де'Унnero взглянул на лежащего на полу охранника.

— Похороните его лицом вниз, в неосвященной земле, — безжалостно приказал он слугам. Одна из женщин заплакала. По церковным канонам, это было величайшее оскорбление по отношению к покойному и членам его семьи. — На могилу положите камень с заклитием, чтобы его дьявольский дух не смог вырваться из преисподней.

Прищурившись, Де'Унnero пробежал взглядом по лицам слуг, давая понять, что их ждет точно такая же судьба, если они посмеют ослушаться.

И покинул дом в сопровождении брата Джоллино и солдат.

Он знал: те, кто видел этот урок, не скоро его забудут.

ГЛАВА 17 ДВЕ ВСТРЕЧИ

— Ты уверен, что они здесь? — в третий раз спросил Виссенти.

Нервный монах устремил взгляд во тьму позади костра и вздрогнул под порывом холодного северного ветра.

— Почему ты такой недоверчивый? — сказал Роджер. — Тол'алфар обещали, что будут сопровождать нас, значит, так и есть.

— Мы не видели их с тех пор, как прошли Кертинеллу, — заметил Кастинагис. — Может, они и не собирались идти дальше.

— Но ведь тол'алфар сказали нам, что мы найдем Полуночника в Дундалисе, — напомнил им Роджер, — и что они тоже ищут его. Думаю, мы придем туда завтра утром.

— Уже так близко? — спросил Брамин. — Ты узнаешь местность?

— Я никогда не был в Дундалисе, — признался Роджер. — Но в Тимберленде есть только одна дорога на север, а деревья вокруг нас становятся все выше и гуще. Значит, мы близки к цели. — Монахи недоверчиво переглянулись, явно придя в уныние. — По дороге легко идти. И тол'алфар поблизости, не бойтесь. То, что мы их не видим, ничего не значит — если они не хотят, чтобы их видели, мы ничего не заметим, пусть их тут хоть целая сотня соберется. Но даже без них беспокоиться не о чем. Если мы вдруг каким-то образом проскочим мимо Дундалиса, Полуночник найдет нас. Или кентавр. Это их лес, и никто не пройдет по нему без того, чтобы они не заметили.

— За исключением тол'алфар, — с улыбкой сказал Брамин, и лица остальных тоже просветлели.

— Без всяких исключений, — возразил Роджер, желая подчеркнуть свое уважение к Полуночнику.

— Чем скорее мы ляжем спать, тем скорее отправимся дальше, — заметил Брамин.

Он сделал знак Делману и Роджеру; они, как обычно, должны были первыми стоять на

страже.

Остальные монахи улеглись, придвинув одеяла поближе к огню, поскольку воздух, казалось, становился холоднее буквально с каждой минутой. Роджер и Делман долго сидели молча рядом с костром, пока Роджер не почувствовал, что звуки ритмичного дыхания спящих начинают убаюкивать и его.

Он резко поднялся и принялся вышагивать туда и обратно, потирая руки.

— Снова хочешь пойти прогуляться в лес? — зевнув, спросил Делман. Роджер улыбнулся и покачал головой, как будто сама идея гулять по лесу здесь, на севере, казалась ему нелепой. — Значит, на самом деле ты боишься ходить тут по лесу?..

— Боюсь? А может, мне просто холодно? В лесу, вдали от огня, можно и замерзнуть.

— Нет, боишься, — убежденно повторил Делман. — Ночь холодная, да, но костер не защитит от ветра. И все же ты ни разу не ходил один в лес ночью с тех пор, как неделю назад мы прошли Кертинеллу.

Роджер перевел взгляд во тьму ночного леса. На протяжении многих месяцев после вторжения поври он считал лес своим домом и бродил по нему в темноте без всякого страха. Однако Делман, как это было ему свойственно, оказался достаточно чуток. Этот лес пугал Роджера. Ему просто не верилось, что всего миль пятьдесят к северу — и картина так сильно изменится. Деревья здесь были выше и росли гуще, отовсюду доносились странные, непривычные звуки. Нет, это был не страх, решил он, а уважение. Здоровое уважение, которого здешний лес и заслуживал. Даже если бы все поври, гоблины и великаны исчезли из этого мира, относиться легкомысленно к лесу Тимберленда не следовало.

Понимание этой истины только увеличило уважение, которое Роджер питал к Элбрайну и Пони, — ведь они чувствовали себя в этом лесу как дома. Ничего не скажешь, тут дикие места, не то что вокруг Кертинеллы.

— Ты правда думаешь, что мы близко? — спросил Делман.

— Ну да. Расстояние от Кертинеллы до Дундалиса примерно такое же, как до Палмариса, и мы его уже почти прошли. Заблудиться невозможно, дорога слишком заметная. Мы ведь видели следы недавно прошедшего каравана — глубокие колеи, которые могли оставить лишь тяжело груженные фургоны.

— Все правильно, Роджер Не-Запрешь, — послышался из темноты знакомый голос.

— Полуночник!

Оглянувшись, Роджер увидел крупную фигуру человека, сидящего на низкой ветке дерева совсем неподалеку от лагеря. И, скорее всего, он уже давно находился тут!

Делман тоже вскочил на ноги и принялся будить братьев, говоря, что пришел Полуночник. Вскоре все пятеро монахов стояли рядом с Роджером, с любопытством глядя на ночного гостя.

— Он же говорил, что мы со Смотрителем найдем вас, — сказал Элбрайн.

При этих словах из темноты показался кентавр. Монахи уже видели его прежде, когда Смотрителя привели в Санта-Мер-Абель, но тогдашние, довольно смутные воспоминания о нем меркли перед зрелищем этого удивительного создания, стоящего совсем рядом, — тысяча фунтов мускулов и горящие, яркие глаза.

Но, конечно, больше всех был ошеломлен Роджер, до этого видевший кентавра лишь мельком. Желая прихвастнуть, он говорил монахам, что они будут поражены силой кентавра, но эти слова основывались на рассказах Элбрайна, Пони и Джуравилы. Сейчас он в первый раз по-настоящему видел Смотрителя и должен был признать, что эти рассказы, сколь бы драматичны они ни были, бледнели по сравнению с мощью и красотой удивительного создания.

Полуночник спрыгнул на землю и протянул руку Роджеру, но тот бросился к нему и заключил в объятия. Тот в свою очередь обнял юношу, поверх его плеча улынувшись Браумину Херду.

В конце концов Роджер оторвался от него, отскочил на шаг и протянул руку Смотрителю.

— Какой легковозбудимый мальчик! — заметил кентавр, обращаясь к Элбрайну.

— Мне пришлось многое пережить, — с серьезным видом сказал Роджер. — Мы отправились на север, чтобы найти вас, и вот... нашли. Теперь, только теперь я могу вздохнуть свободно.

— Мы уже два дня наблюдаем за вами, — сообщил Элбрайн.

Роджер широко распахнул глаза, как бы в обиде.

— Два дня? Тогда почему вы заговорили с нами только сейчас?

— Потому что твои товарищи — монахи, пусть и переодетые, — заметил кентавр. — А мы с ними, как известно, не лучшие друзья.

— Как вы узнали, кто мы такие? — удивился Браумин, оглядывая свою самую обычную крестьянскую одежду, по которой никак нельзя было догадаться, что он монах.

Надо же! Сначала эльфы, а потом эти двое, по-видимому, знали о путешественниках все задолго до того, как встретились с ними лицом к лицу.

— Мы не только приглядывались, но и прислушивались к вам, брат Браумин Херд, — ответил кентавр, и у монаха округлились глаза. — Ох, все просто! Я слышал твое имя и видел тебя на пути из Аиды.

Внезапно Браумину стало ужасно стыдно; он вспомнил, как скверно братья обращались с кентавром на марше.

— Я шел вместе с ними совершенно открыто, — запротестовал Роджер. — Неужели я привел бы к вам врагов?

— Нужно было убедиться, — объяснил ему Элбрайн. — Не сомневайся, мы доверяем тебе! И все же мы достаточно долго имели дело с церковью Абеля, чтобы понять: у них хватает и ума, и умения, чтобы вербовать союзников в рядах врагов.

— Уверяю тебя... — запротестовал было Кастинагис.

— В этом нет нужды, — перебил его Элбрайн. — Смотритель хорошо отзывается о брате Браумине, которого он запомнил еще с тех пор, как шел с караваном в Санта-Мер-Абель. Он называет его другом Джоджонаха, а тот был другом Эвелина, который, в свою очередь, дружил с Полуночником и Смотрителем. Мы поняли, что вы нарочно переоделись, чтобы вас не нашли братья.

— Думаю, эта ситуация вам хорошо знакома, — заметил Браумин, — по истории с Эвелином.

— Хо, хо, знай наших! — взревел кентавр, очень удачно подражая голосу Эвелина.

Элбрайн глянул на него искоса, явно не слишком довольный. Смотритель с невинным видом пожал плечами. Элбрайн лишь вздохнул; оставалось надеяться, что это не войдет у кентавра в привычку.

— Разве что Эвелин не снимал своей рясы, — ответил он, — даже когда ваша церковь открыла на него охоту.

Браумин улыбнулся, но Кастинагис выпятил грудь и расправил плечи с таким видом, словно воспринял слова Полуночника как оскорбление. Чересчур гордый, подумал Элбрайн — очень опасная черта. Он подошел к монаху и протянул ему руку.

Тут Роджер вспомнил о хороших манерах и вместе с Элбрайном и Смотрителем по очереди подошел ко всем монахам, представляя каждого.

— Еще один друг Джоджонаха, — заметил кентавр, когда очередь дошла до Делмана; он тоже помнил его со времени своего путешествия. — И недруг того, кто зовется Фрэнсисом, лакея Маркворта.

— Тем не менее именно брат Фрэнсис помог нам бежать из Санта-Мер-Абель, — заметил Браумин.

Элбрайн и кентавр с интересом посмотрели на него.

— Думаю, пора вам все рассказать с начала до конца, — сказал кентавр. Он бросил взгляд на остатки еды у костра. — После того как подкрепимся, конечно. — И он рысцой бросился к костру.

Остальные поторопились за ним — и не сделай они этого, он им ни крошечки не

оставил бы — и, покончив с едой, усадились у огня. Первым рассказал свою историю Роджер. Он начал с убийства барона Бильдборо. Виссенти, преодолев в конце концов свою нервозность и вновь обретя голос, объяснил, почему он думает, что к этой драме имеет отношение Маркало Де'Уннеро.

Потом Роджер поведал о конце магистра Джоджонаха; и Элбрайна, и кентавра этот рассказ глубоко задел и опечалил. Покидая Санта-Мер-Абель вместе с кентавром, Элбрайн в глубине души надеялся, что именно Джоджонах может способствовать возрождению церкви. Сообщение о казни магистра не удивило его, но огорчило до крайности.

Потом перешли к относительно недавним событиям. Брамин рассказал о том, как получилось, что тайна пяти братьев оказалась раскрыта, и как Фрэнсис увел их из-под карающей десницы Маркворта. Однако он был не в силах объяснить ни мотивов Фрэнсиса, ни его поступков.

Монахи принялись наперебой рассказывать о своих дорожных приключениях. Элбрайн с кентавром сделали вид, будто все это им очень интересно, хотя на самом деле их озаботило лишь сообщение о том, как церковь все больше и больше угнетает жителей Палмариса. И еще они очень удивились, узнав, что приятелей сопровождали в пути эльфы, в том числе сама госпожа Дасслеронд. Элбрайн и кентавр обменялись недоуменными взглядами; по их мнению, это было странно — что поблизости появилась такая большая группа эльфов, даже не сделав попытки вступить в контакт с ними. Да и сам факт того, что столько эльфов сразу покинули Эндур'Блоу Иннинес, представлял собой нечто исключительное.

— И вот мы пришли в твои края, Полуночник, — закончил Брамин, — в надежде найти здесь убежище и твою дружбу, как это когда-то произошло с братом Эвелином.

Элбрайн обвел их внимательным взглядом.

— Это Тимберленд, дикая, почти необитаемая местность, где люди должны держаться вместе, чтобы выжить. Мы рады всем, кто пришел к нам с открытым сердцем. Поутру я отведу вас в Дундалис. Томас Джинджерворт, который руководит поселенцами, будет рад принять шесть пар сильных рук. Он и его люди восстанавливают деревню, и работы на всех хватит.

— Пять пар рук, которые будут восстанавливать деревню, — с улыбкой поправил его Роджер, — и еще один разведчик в помощь Полуночнику и Смотрителю.

— Мне хотелось бы переговорить с тобой с глазу на глаз, — сказал Брамин Полуночнику.

Это сообщение вызвало удивленные взгляды со стороны его товарищей и прежде всего Роджера.

По выражению глаз и тону Брамина Элбрайн понял, что дело серьезное, и с готовностью согласился.

Все работало как часы. Во всяком случае, такое чувство возникало у Пони, когда она следила за действиями беженцев, как только разведчики сообщали, что приближается стража. Она очень внимательно наблюдала за ними на протяжении нескольких последних дней. Беженцам уже приходилось сталкиваться с притеснениями в Хонсе-Бире, но сейчас, находясь под постоянным давлением со стороны епископа, они, похоже, отточили навыки тихого сопротивления до уровня искусства.

Пони видела и дивилась тому, как сообщения передаются из уст в уста, как сигналы отстукиваются по стенам, как в нужный момент слегка приспускается флаг на одном из ближайших кораблей. С каждым новым наблюдением ее уважение к этим людям возрастало.

И вот уже куда-то двинулась группа беженцев, больше других нуждающихся в защите, — самые старые и самые младшие, беременные или женщины с маленькими детьми и мужчина, потерявший обе руки.

Пони уже не раз наблюдала за их уходом, но до сих пор ей так и не удалось проследить, куда именно они идут. Факт тот, что, оказавшись в районе порта, где в основном и обитали беженцы, солдаты обнаруживали, что им, собственно, и прицепиться не к кому. Однажды

они даже устроили всеобщую облаву, проверили каждый корабль в порту, но так никого и не нашли.

Теперь наконец, после долгих часов наблюдения, Пони оказалась близка к решению загадки. Следуя за цепочкой бехренцев, держась в тени зданий, она пробиралась по улицам и переулкам. Процессия миновала доки, прошла по берегу залива мимо длинного, низкого пакгауза и, следуя за изгибом Мазур-Делавала, оказалась совсем рядом с городской стеной. Берег здесь представлял собой обрыв из белого известняка. Над заливом возвышались несколько строений, но увидеть их, находясь внизу, у самой кромки воды, было невозможно — вид перекрывала длинная деревянная ограда, протянувшаяся вдоль края утеса. Скорее всего, ее установили для того, чтобы дети не могли свалиться в воду. Пони пошла вдоль залива по самому краю утеса. Взгляд вниз подтвердил ее подозрения.

Здесь, совсем недалеко от залива Короны, Мазур-Делавал в большой степени был подвержен воздействию морских приливов и отливов; разница в уровне воды составляла около десяти футов. Когда вода стояла низко, в толще известняка можно было разглядеть темные щели; это были затопленные сейчас входы в пещеры.

Бехренцы один за другим подходили к самому краю воды и, держась за специально привязанную веревку, ныряли в холодную воду, исчезая из виду.

Надо полагать, сами пещеры, входные отверстия которых можно было разглядеть сквозь толщу воды, располагались выше ее уровня.

— Прекрасно, — пробормотала Пони с уважением в голосе.

Ее восхитила изобретательность бехренцев; они нашли способ скрыться от преследования, не привлекая к себе ненужного внимания. Всего лишь кратковременное купание в холодной воде и еще несколько часов в лишенной удобств пещере — вот и вся цена за спокойствие и безопасность.

А почему, собственно, в лишенной удобств, подумала Пони? Может, тайные убежища бехренцев обустроены очень даже неплохо?

У нее возникло желание вслед за бехренцами спуститься к воде, нырнуть и всплыть в какую-нибудь пещеру. Мысль о том, что эти люди способны действовать так слаженно и продуманно, согревала ее, давая надежду на то, что в конце концов и все остальные жители города найдут способ воспротивиться жестокому давлению епископа Де'Уннеро и церкви. Бехренцев было всего около двухсот, и они заметно отличались от других цветом кожи. Возникал вопрос: на что способны пять тысяч человек, если Пони удастся поднять их против Де'Уннеро? Да, зрелище воды, в которую один за другим погружались бехренцы, очень, очень вдохновило ее.

За спиной Пони зашуршала трава. Резко обернувшись, она увидела приближающегося бехренского воина: невысокий жилистый человек, вооруженный кривой саблей — излюбленным оружием южан. Он надвигался на Пони, не произнося ни единого слова и нацелив саблю прямо на нее.

Пони взялась за рукоятку меча и сделала кувырок с таким расчетом, чтобы выйти из него непосредственно перед воином. К этому моменту меч уже был у нее в руке, и в ход пошла магия камней, вправленных в его рукоятку. Результатом этого магического воздействия стало то, что саблю с силой притянуло к лезвию меча, когда бехронец бросился на Пони.

На его лице проступило выражение удивления; этого момента растерянности хватило, чтобы Пони после кувырка сначала поднялась на колени, а потом встала в полный рост, оказавшись лицом к лицу с нападающим.

Бехренский воин оторвал саблю от меча, отскочил и занял оборонительную позицию. Пони не нападала; улыбаясь, бехронец медленно распрямился и начал лезвием сабли делать круговые движения с таким изяществом, что его руки казались гармоничным продолжением оружия. Чувствовалось, что он хорошо владеет им.

Внезапно сабля взметнулась вверх, вниз и снова вверх, но по диагонали, нацелившись в шею Пони сбоку.

Очень искусный воин, поняла Пони по тому, как точно был рассчитан угол удара; если парировать его обычным способом, то ничего не получится. Кривое лезвие как бы обогнет плоскую поверхность меча и достигнет цели.

Пони и не стала этого делать. Она так молниеносно выбросила вперед меч, что удар сабли пришелся по его рукоятке, и, внезапно изогнув запястье, заставила кривое лезвие изменить направление движения.

Бехренец перебросил саблю в левую руку и сделал новый выпад, нацелившись Пони в живот.

У нее потемнело в глазах от страха за ребенка. Она согнулась пополам и отскочила назад. Начался обмен ударами без четко выраженного преимущества с чьей-либо стороны, во время которого Пони пыталась как можно скорее понять стиль борьбы бехренского воина. И это ей удалось. То, как он сражался, должно было обеспечить ему несомненную победу, если бы его противник придерживался типичной для этой страны тактики «меч-и-щит».

Однако Пони прошла обучение у Элбрайна, а он в свое время у эльфов. Ее уверенность возросла, когда стало ясно, что би'нелле дасада в борьбе с тем, у кого кривое лезвие, окажется гораздо эффективнее. Она встала в боевую стойку — левая нога назад, правая вперед, колени полусогнуты, вес равномерно распределен на обе ноги. Согнув локоть, вращая лишь запястьем, а левую руку отставив назад для сохранения равновесия, она не давала бехренцу приблизиться к себе.

Теперь главная проблема состояла в том, как победить, не убивая его; нелегкая задача, в особенности если учесть, что схватка происходила на самом краю утеса.

В какой-то момент бехренский воин отступил, подняв саблю вертикально к лицу и глядя на Пони с уважением и одновременно оценивающе.

Однако Пони не дала ему возможности сделать это. Шагнула вперед, подпрыгнула и, едва коснувшись ногами земли, пролетела — так, по крайней мере, казалось ошеломленному бехренцу — вперед. Его рука только еще пошла в сторону для замаха, а кончик ее меча уже оказался прямо перед ним. Сейчас Пони могла нанести удар куда угодно — в горло, в сердце или в глаз, — и он, несомненно, оказался бы смертельным. Вместо этого она с силой ударила бехренца в плечо, ставя перед собой одну цель: чтобы он потерял способность владеть этой рукой. Даже и пронзая плечо глубоко она не стала, почти мгновенно вытащив меч и отступив на пару шагов назад. Сабля продолжала движение, но оно утратило энергию и силу, и Пони с легкостью выбила ее из ослабевшей руки противника.

Зажимая рукой кровоточащую рану, он замер, поражение глядя на нее.

Она отсалютовала ему, развернулась и бросилась бежать.

Но не тут-то было — на ее пути как из-под земли вырос второй бехренский воин. Пони остановилась, оглянулась и увидела, что первый нападающий уже поднял саблю и теперь сжимал ее левой рукой. Ну и упрямец! Выиграть бой, не убив ни одного из двух противников, — это была почти непосильная задача. И все же она просто не могла убить ни их, ни какого бы то ни было другого бехренца, который с большой долей вероятности мог тут появиться; они просто защищали свои семьи.

Она отпрыгнула сторону, ухватила за верхнюю часть ограды — та угрожающе заскрипела, и на какой-то миг возникло ощущение, будто она сейчас рухнет вместе с Пони, — и перемахнула через нее, оказавшись на открытом месте. Это давало определенные преимущества, если не учитывать того, что бехренцы, по-видимому, задались целью во что бы то ни стало сохранить свою тайну. В этом малообитаемом районе Палмариса повсюду были разбросаны полуразрушенные, пустые строения. Из-за одного из них показался третий воин, а четвертый крался вдоль городской стены.

Пони пробормотала проклятие и сунула руку в тайный карман с камнями — они, без сомнения, позволили бы ей скрыться, не причинив никому вреда. Можно, скажем, с помощью гематита завладеть телом одного из нападающих и заморочить головы другим. Или извлечь из графита ослепительный заряд молнии, ударить им под ноги приближающимся бехренцам, воспользоваться их замешательством и сбежать. Или с

помощью малахита подняться над нападающими, взлететь на какую-нибудь крышу и скрыться, перепрыгивая с одной крыши на другую.

Но использовать каменную магию в Палмарисе было рискованно, очень рискованно. К тому же, напомнила себе Пони, эти люди ей не враги, не то что те, кого могли привлечь ее камни.

Она двинулась в сторону узкого проулка, оглянувшись лишь на мгновение, чтобы убедиться, что два первых бехренца уже перелезают через ограду. И со всех сторон, она просто чувствовала это, стягиваются все новые и новые, сжимая кольцо вокруг нее.

Два бехренца заняли позицию у далекого выхода из проулка, еще два блокировали вход в него. Над головой зашуршало — группа из трех человек пробиралась по крыше. Те, что стояли на концах проулка, двинулись навстречу друг другу; один бехренец спрыгнул с крыши всего футах в десяти позади нее.

Пони сжала в руке графит, беспокоясь лишь о том, как бы не высвободилось слишком много энергии и не погиб кто-нибудь из бехренцев. А вдруг ей не удастся точно отмерить «дозу»?

— Я вам не враг... — начало было она, но тут стоящий позади бехренец внезапно бросился в атаку.

Пони метнулась в сторону, уклонившись от удара его сабли. Резко развернулась и локтем дважды ударила нападающего в лицо. Пошатываясь, он отступил, и ударом колена по его локтю Пони отбила саблю к стене дома. Рукояткой меча ударила бехренца по руке, заставив выронить оружие.

Взяв его свободной рукой за подбородок, она откинула назад его голову, приставила кончик меча к горлу, а самого бехренца прижала к стене и оглянулась на его приближающихся товарищей, от всей души надеясь, что их остановит положение, в котором он оказался.

Они замедлили шаги и вдруг начали перекрикиваться на своем языке. Потом, видимо, приняли решение не в пользу своего товарища и бросились в атаку.

На Пони лавиной обрушился страх, тысячекий, раздирающий душу на части. Страх, что она убьет кого-нибудь из бехренцев. Страх за свое нерожденное дитя — ведь если она погибнет, то и ребенок Элбрайна умрет вместе с ней. Страх перед той опасностью, которую использование камней может навлечь на всех них — на нее саму, на невинное дитя и на бехренцев, виновных лишь в том, что пытаются выжить.

Это был ужасно долгий, мучительный момент. И окончился он тем, что, глядя на приближающихся бехренцев, Пони отпрыгнула от своего пленника и бросила меч на землю.

— Я вам не враг, — решительно повторила она.

Человек, раненный ею на утесе, выкрикнул что-то, и на Пони обрушился удар сверху. Она стукнулась о землю с такой силой, что у нее едва не вышибло дух, но сумела откатиться в сторону и увидела приближающуюся к лицу кривую саблю.

Ее последняя мысль была о ребенке, так и не успевшем появиться на свет.

ГЛАВА 18

САД КОРОЛЕВЫ ВИВИАНЫ

Обогнув огромную цветочную клумбу, в саду позади замка в Урсале показались король Дануб и высокий темнокожий человек. Посланец Бехрена был очень зол и не скрывал этого; говорил на повышенных тонах и даже размахивал руками.

Плохой знак, подумал аббат Джеховит. Раз король терпит такое поведение, значит, для этого есть очень веские основания.

— Вместо вашего епископа я найду такого барона, который презирует церковь не меньше меня, — прошептал аббату на ухо герцог Таргон Брей Калас.

— Бог припомнит вам эти слова, когда смерть будет стоять у вас за спиной, — тоже очень тихо ответил старик.

Герцог Калас, молодой, сильный, полный жизни, лишь рассмеялся в ответ, однако и Джеховита его насмешка как будто ничуть не задела. Сохраняя полное спокойствие, он перевел взгляд на герцога, словно хотел сказать: подожди, пройдут годы — и твои кости начнут ныть при любом изменении погоды, а стоит прокатиться на лошади или даже прогуляться по саду, как замучит одышка; вот тогда ты и поймешь, кто из нас был прав.

Все эти мысли легко читались на хитром лице аббата, и герцог внезапно оборвал смех.

— Да, Бог, ваш всемогущий Бог, не смог, однако, спасти королеву Вивиану, — хмуро сказал он. — Или, может, его попытка провалилась, потому что он доверил ее выполнение слишком ненадежным посредникам?

Теперь нахмурился Джеховит. Последнее замечание Каласа глубоко задело его, в особенности если учесть, что они находились здесь, в саду, который когда-то разбила королева Вивиана и где теперь в память о ней каждое утро гулял король Дануб. В те времена они были так молоды и полны жизни, король и королева Хонсе-Бира! Данубу только-только перевалило за двадцать, а Вивиане недавно исполнилось семнадцать. Свежий, прекрасный цветок, вот какая она была; с длинными, до пояса, волосами цвета воронова крыла, таинственно мерцающими серыми глазами, которые смотрели прямо в душу, и кожей, похожей на лепестки белых роз, растущих у входа в замок. Все в королевстве любили их; им, казалось, принадлежал весь мир.

Но потом Вивиана подхватила где-то очень редкую, молниеносно убивающую свою жертву болезнь; потница, так ее называют. Утром того рокового дня двадцать лет назад, во время прогулки в саду, она пожаловалась на головную боль. К обеду слегла в постель с небольшим жаром, а к ужину, когда наконец появился Джеховит, чтобы облегчить ее страдания, уже потеряла сознание и просто истекала потом. Аббат трудился изо всех сил, призвал на помощь всех, у кого в Хонсе-Бире были магические камни, но...

Королева Вивиана умерла еще до того, как во дворец прибыли другие монахи.

Король Дануб ни в чем не обвинял Джеховита; более того, он даже не раз благодарил его за старания. Все при дворе подмечали, что в дни, последовавшие за смертью Вивианы, король вел себя просто на редкость великодушно. Однако Джеховит, который не только венчал королевскую чету, но впоследствии проводил много времени с ними обоими, никогда не верил, что Дануб так уж глубоко любил свою жену. И эти совершаемые якобы в ее память ежедневные утренние прогулки ничего не доказывали; в конце концов, сад был прекрасен, и королю, скорее всего, просто нравилось тут гулять. Внешне король и королева были счастливы вместе, но все знали, что за три года совместной жизни Дануб имел множество любовниц. К примеру, именно этим фактом объясняли неожиданный взлет карьеры Констанции Пемблбери, женщины отнюдь не благородного происхождения, занявшей пост официальной придворной советницы. Поговаривали также, что в случае смерти герцога Прескотта, который не имел наследника, хотя был женат шесть раз, именно Констанция стоит первой в ряду претендентов на герцогство Энтел.

Ладно, это все слухи. Однако ходили и другие слухи, которые, по сведениям Джеховита, были небезосновательны: королева тоже не осталась перед королем в долгу и нашла себе человека, который утешал ее в постели.

Этим человеком был герцог Таргон Брей Калас. Он никогда не питал нежных чувств к церкви Абея, но после кончины королевы его чувства переросли в неприкрытую ненависть ко всем монахам, и в особенности к Джеховиту.

— Пора бы позабыть о личных раздорах, — сказала Констанция Пемблбери, подходя к мужчинам и становясь между ними. — Лучше подумайте о том, почему жрец Рахиб Дайби вынужден был обратиться к королю Данубу, да еще в столь крайне неуважительной форме.

— Что посеешь, то и пожнешь, — заявил Калас. — Это результат того, что церковь творит в Палмарисе.

— Хватит! — возмущенно воскликнула Констанция. — Это все одни ваши предположения. Но даже если бы они оказались верны, ваш долг — в любой ситуации поддерживать короля Дануба против посланца Бехрена. Сейчас не время для распрей.

— Само собой, — вынужден был согласиться Калас и, прищурившись, посмотрел на Джеховита. — Ладно, дойдет очередь и до вас.

Разговор прекратился, когда мимо быстрыми шагами прошел жрец Рахиб Дайби, бросив яростный взгляд на аббата, облаченного в сутану церкви Абея.

— Предположения подтверждаются, — пробормотал себе под нос Таргон Брей Калас и повернулся в сторону приближающегося короля Дануба.

— Наши южные друзья выражают крайнее недовольство, — заявил король.

— Действиями церкви в Палмарисе, насколько я понимаю, — не отказал себе в удовольствии уточнить Калас.

— Что за гонения на бехранцев? — спросил король Джеховита. — У нас что, война с Бехреном? И если да, то почему я не в курсе?

— Мне ничего не известно ни о каких гонениях. — Аббат смиренно потупил взор.

— Ну, теперь известно, — сердито сказал король. — Похоже, новый епископ недолгоблively наших темнокожих соседей и всячески притесняет их в Палмарисе.

— Они не принадлежат к церкви Абея, — ответил Джеховит, как будто это что-то объясняло.

Король Дануб тяжело вздохнул.

— Зато они могущественная страна. Предлагаете начать с ними войну только потому, что они не принадлежат к церкви Абея?

— Конечно, мы не хотим войны с Бехреном, — ответил аббат.

— Может, вы тупы и не понимаете, что одно ведет к другому? — взорвался Таргон Брей Калас. — Может...

Констанция Пемблбери с такой силой сжала ему плечо и так яростно сверкнула глазами, что он замолчал, махнул рукой и зашагал прочь.

— Бехрен не станет воевать с нами из-за неприятностей в Палмарисе, — внешне спокойно заявил Джеховит.

А что еще он мог сказать? По правде говоря, все это ему не нравилось, страшно не нравилось. Да, грубые действия Де'Унnero вряд ли приведут к войне, но наверняка затронут другие тонкие проблемы и создадут дополнительные сложности.

Совсем недавно король Дануб поручил аббату связаться с Тетрафелем, герцогом Вайлдерлендса. На самом деле за этим титулом практически ничего не стояло; обычно его даровали представителям богатых семей, чтобы они могли жить безбедно и чувствовали себя обязанными короне. Сейчас у Дануба созрел некий план. Королю страшно нравились сильные пятнистые пони, которых разводили тогайранцы в западном Бехрене. Когда-то Тогай было независимым королевством, но лет сто назад Бехрен захватил его, и теперь вся торговля знаменитыми пони должна была происходить только через бехранский двор в Хасинте. У Дануба возникла идея, что если Тетрафель найдет перевал через горную гряду Пояс-и-Пряжка прямо в тогайранские степи, то приобрести желанных пони будет гораздо легче.

Ясное дело, жрецу Рахибу Дайби придется платить крупные взятки за то, чтобы он держал свое недреманное бехранское око закрытым на эти противозаконные сделки.

Джеховит, конечно, ни словом не обмолвился обо всем этом. Он лишь защищал свою церковь, напомнив королю, что бехранцы не поклоняются единому Богу. И конечно, заверил Дануба, что действия епископа в Палмарисе не приведут ни к каким серьезным неприятностям. Джеховит не хуже всех остальных понимал, что, если дело дойдет до открытого столкновения со свирепыми бехранцами, трудно предсказать, чем оно обернется для измученного войной Хонсе-Бира.

— Ну, зато они могут уже сейчас затруднить передвижение наших торговых кораблей, — возразил король Дануб. — Жрец Дайби только что намекнул на это, спросив меня, как наши корабли будут отбиваться от многочисленных пиратских судов, если бехранский флот не станет защищать их. Он также говорил о тарифах и других неприятных вещах, в том числе и о моратории на торговлю тогайранскими пони. Теперь ответьте мне,

аббат Джеховит: ваша церковь объявила войну торговцам Хонсе-Бира? Сначала вы потребовали, чтобы они вернули магические камни, за которые вашей же церкви были заплачены немалые деньги, а теперь... вот эти сложности с пони.

— А что такое с камнями? — обеспокоенно спросил только что вернувшийся Таргон Брей Калас.

Король Дануб лишь отмахнулся от него.

— Боюсь, этот путь ведет в никуда, аббат Джеховит.

— Потерпите еще немного, мой король, — ответил аббат. Чувствовалось, правда, что он говорит не от сердца, а как бы из чувства долга перед своей церковью. — После столь тяжелой войны в городе необходимо навести порядок.

Король Дануб покачал головой.

— Хонсе-Бир не может позволить себе и дальше терпеть действия епископа Де'Уннеро.

Джеховит начал было протестовать, но король оборвал его и зашагал к выходу, обсаженному кустами роз. Констанция Пемблбери и Таргон Брей Калас последовали за ним.

— Барон, который презирает церковь, — шепнул герцог аббату, проходя мимо него. — Обещаю вам.

И Джеховит понимал, что это не пустая угроза, поскольку Палмарис был расположен на землях герцогства Калас.

Старый аббат сидел на краю постели, с мертвенно-бледным лицом и дрожащими руками. Состояние, в котором находился аббат, напомнило отцу Маркворту о том, какую мощную ауру силы он излучает. Как обычно, он явился сюда, в Урсал, не во плоти, и тем не менее его присутствие вызвало ощущение первобытного ужаса даже у такого старого, многоопытного человека, как аббат Джеховит.

Какое же впечатление его аура может произвести на того, кто не изучал историю магических камней и не в состоянии даже представить себе, на что способна каменная магия? Да, настало время королю Хонсе-Бира узнать, в чьих руках подлинная власть.

Следуя указаниям Джеховита, Маркворт двинулся напрямик сквозь стены. Он прошел мимо ничего не подозревающих солдат, миновал огромный зал для приемов, небольшие помещения для частных встреч короля, его личную столовую и оказался в спальне.

На постели, где с удобством могли разместиться пятеро, лежал человек и крепко спал. Вся эта роскошь отнюдь не вызывала у Маркворта раздражения; напротив, только разжигала его жажду богатства. И оно совсем рядом, подумал он — протяни руку и бери. Тем не менее он лишь провел призрачной рукой по лицу короля и негромко окликнул его по имени. Тот зашевелился, произнес что-то нечленораздельное и откатился в сторону.

Но потом, внезапно, полупрозрачное лицо Маркворта оказалось прямо перед ним, вторглось в его сны, заставило прийти в себя. Очнувшись, король тут же сел, чувствуя, что по лбу стекает холодный пот.

— Кто здесь?

Маркворт призвал на помощь магию, чтобы его призрак стал лучше виден во мраке спальни.

— Мы с вами не знакомы, король Дануб Брок Урсальский, — заговорил он таким звучным, сильным голосом, как будто присутствовал здесь во плоти, — но вы обо мне слышали. Я — Маркворт, отец-настоятель церкви Абея.

— К-как так-кое может быть? — заикаясь пролепетал король. — Как вы прошли мимо моей охраны?

Маркворт засмеялся, однако король, уже окончательно пробудившийся, и сам понял абсурдность этих слов. Он свесил с постели ноги, натянув на плечи толстое стеганое одеяло.

Однако от внутреннего холода, пробиравшего его до костей, никакое одеяло защитить не могло.

— Почему вы так удивлены, мой король? — спросил Маркворт. — Разве вы сами не были свидетелем чудес, на которые способны магические камни? Разве вы не знаете, как

велика их потенциальная мощь? Что же удивительного в том, что я, глава церкви, способен вступать в такой контакт?

— Никогда не слышал ни о чем подобном, — ответил потрясенный король. — Если вы хотите получить аудиенцию, аббат Джеховит может устроить...

— У меня нет времени на соблюдение всех этих бессмысленных формальностей, — прервал его Маркворт. — Да, я хочу получить аудиенцию, и вот я здесь.

Король запротестовал, ссылаясь на протокол и правила вежливости, однако на Маркворта это не произвело ни малейшего впечатления. Тогда Дануб попытался сменить тактику, угрожая позвать охрану.

Маркворт снова рассмеялся.

— Но меня здесь нет, мой король. К вам пришел лишь мой дух, которому не могут причинить вреда даже все вооруженные силы Урсала.

Король разозлился, и это помогло ему справиться с собой. Он рывкнул на Маркворта, скинул одеяло, выбрался из постели и решительно направился к двери.

Призрак вскинул руку, и в сознании короля сформировался приказ вернуться в постель. Он вздрогнул, но сделал еще шаг в сторону двери.

Призрачная рука вытянулась, пальцы сжали воздух. Команда «Вернись!» билась в мозг Дануба. Он остановился, все еще сопротивляясь воле отца-настоятеля, но потом сделал обратно шаг, другой, добрался до постели и повалился на нее.

— Предупреждаю вас... — пробормотал он, хватая ртом воздух.

— Нет, мой король, здесь командую только я, — убийственно холодно и ровно произнес Маркворт. — Дела в Палмарисе идут очень хорошо. Труды Де'Унnero приносят замечательные плоды, город функционирует даже эффективнее, чем до войны. Несмотря на угрозы беженцев и жалобы глупых торговцев, курс епископа в отношении Палмариса останется неизменным, и вы не будете препятствовать этому.

— В самом деле, мой король, — теперь в тоне Маркворта зазвучали нотки покорности, — умоляю вас, давайте встретимся в Палмарисе. Непосредственно на месте вам будет легче понять истинное положение дел. Это лучше, чем делать выводы на основании нелепых слухов, распространяемых теми, кто ищет вашего расположения.

Король Дануб заворочался на постели и начал подниматься, полный решимости показать отцу-настоятелю, кто здесь главный. Однако, повернувшись, он обнаружил, что спальня пуста и призрак Маркворта исчез. Король оглянулся по сторонам, даже обежал всю комнату, но не обнаружил никакого следа Маркворта. Видел ли он его на самом деле?

Это был сон, сказал он себе. Всего лишь сон. Ничего удивительного. Засыпая, он думал именно о том, какая скверная ситуация складывается в Палмарисе.

Король снова лег и натянул на себя одеяло. Хорошо, думал он, Маркворт мне привиделся, но то, как он вторгся в мои мысли, мне привиделось тоже? Ведь он буквально подчинил меня себе? Это уже совсем не походило на сон. Прошло много времени, прежде чем король Дануб решился закрыть глаза и снова уснул.

Маркворт покинул комнату с пентаграммой до предела усталый, но довольный. Он собирался навестить теперь к Де'Унnero, чтобы велеть ему немного успокоиться. Предстояла встреча с королем в Палмарисе, и было важно, чтобы к этому моменту в городе наступили тишина и умиротворение.

Хотя... Так ли уж это важно? Маркворту припомнились слова, среди прочих прозвучавшие у него в голове, о том, что после ночной тьмы солнце сияет особенно ярко. Может, наоборот, пусть Де'Унnero развернет свою деятельность еще активнее, зажмет город в кулаке, а потом осуществит свое заветное желание и бросится вдогонку за Полуночником и Пони.

И тогда ему, Маркворту, сияющему солнцу, будет кого спасать!

Отец-настоятель прошел в спальню и со стоном повалился на постель. Духовный визит к человеку, не использующему камень души, чтобы со своей стороны поддерживать этот

контакт, и вообще не обученному практике каменной магии и медитации, потребовал от отца-настоятеля чудовищных затрат энергии. Он был бы не в силах навестить сейчас Де'Унnero, даже если бы захотел. Не важно, решил Маркворт. Учитывая, какой страх он нагнал на короля Дануба, в этом не было никакой необходимости. Король не осмелится пойти против него, независимо от того, как сложится ситуация в Палмарисе.

Наступило утро, солнечное и яркое. Король Дануб в обществе трех ближайших советников давал ежедневную аудиенцию в маленьком восточном саду замка Урсала. Этот сад был расположен чуть ниже замка на высоком утесе, с которого открывался вид на огромный город. С противоположной стороны сад вплотную примыкал к стене замка, а с двух других был окружен собственными каменными стенами.

Аббат Джеховит то и дело переминался с ноги на ногу, покачиваясь, если взгляд его случайно падал на раскинувшийся внизу город, и стараясь не смотреть на Таргона Брея Каласа. Вид у герцога был крайне самодовольный; он не сомневался, что наконец одержал победу в борьбе с Джеховитом. И, несмотря на ночное посещение Маркворта, аббат вовсе не был уверен, что Калас ошибается в оценке ситуации. Дануб еще не вышел, и Джеховит со страхом ожидал его появления.

— Итак, война вовсе не окончена, как ожидалось, — сказал герцог, обращаясь к Констанции Пемблбери. — Можно ли было предположить, что враг затаился внутри?

— Вы преувеличиваете, друг мой, — ответила она. — Какая война? Это просто спор между двумя великими правителями.

Калас насмешливо фыркнул.

— Уверяю вас, если мы допустим, чтобы Де'Унnero продолжал в Палмарисе разрушительную деятельность, то очень скоро снова будем иметь самую настоящую войну. Вспомните слова жреца Рахиба Дайби.

— Слова, которые вы толкуете, как вам выгодно. — Теперь Джеховит просто не смог промолчать.

— Я просто рассуждаю логически... — начал Калас, но тут же смолк.

Дверь замка с треском распахнулась, оттуда вышел король Дануб в сопровождении двух солдат и сел за стоящий в тени столик. Советники тут же подошли к нему.

— Нужно как следует разобраться в том, что происходит в Палмарисе, — с места в карьер заявил король.

— Я подготовил для вас список кандидатов, мой король, — сказал герцог Калас. — У каждого есть свои преимущества, но все люди достойные.

— Список? — удивленно спросил король.

— Да, список кандидатов на звание барона.

Это сообщение, похоже, ничуть не заинтересовало короля; напротив, вызвало его раздражение. Такая реакция смутила Каласа и Констанцию Пемблбери, но не Джеховита. Аббат начал догадываться, что произошло после того, как дух Маркворта расстался с ним.

— Это преждевременно. — Король взмахнул рукой, как бы ставя точку в обсуждении. — Сначала нужно попытаться беспристрастно оценить действия епископа Де'Унnero.

— Вы же с-с-слышали доклады, — заикаясь сказал Калас.

— Я слышу, что говорят другие, — холодно ответил Дануб. — И у всякого в Палмарисе свой интерес. Нет, эта проблема слишком важна. Я считаю своим долгом лично посетить Палмарис и оценить ситуацию. И только тогда, — продолжал король, не дав Каласу слова вымолвить, — если она окажется неудовлетворительной, дойдет очередь до возможной замены.

Калас настолько растерялся, что не нашелся что сказать, так разительно поведение короля отличалось от вчерашнего.

Но что делать? В конце концов, король есть король. Он вправе и изменить свою позицию, если на чаше весов лежит судьба целого королевства.

И только Джеховит догадывался, почему король внезапно изменил позицию; это его заставил сделать отец Маркворт.

ГЛАВА 19

СОЮЗНИКИ ПО ДОБРОЙ ВОЛЕ ИЛИ ПО НЕОБХОДИМОСТИ?

Элблайн верхом на Даре остановился у самого края леса. Прошлой ночью на местность обрушился свирепый буран и снегу намело выше человеческого роста. Новые жители Дундалиса, однако, пережили непогоду благополучно, поскольку успели построить себе надежное укрытие, выдержавшее и яростные порывы ветра, и толстый слой снега.

Однако прямо перед тем, как разразился буран, Элблайн и Смотритель выяснили, что перед ними возникла другая проблема. В развалинах Сорного луга, на расстоянии всего дня пути, осталось много гоблинов.

— Хорошо бы эльфы наконец объявились, — заметил Полуночник, сощурившись от ослепительного сияния, исходившего от лежавшего повсюду снежного покрова.

Ему до сих пор с трудом верилось, что такой большой отряд эльфов — по словам Роджера, их было больше дюжины — находится поблизости и никто из них ни разу не пришел, чтобы повидаться с ним.

— С этим маленьким народцем никогда не знаешь, чего ждать, — ответил кентавр. — Может, он сидит на дереве прямо над твоей головой, а ты и не догадываешься.

Полуночник искоса взглянул на кентавра, удивился, какое странное у него выражение лица, внезапно все понял и поднял взгляд. И там, на ветке в двадцати футах у него над головой, угнездилась хорошо знакомая крылатая фигура.

— Приветствую тебя, рейнджер. Давненько мы не пели с тобой вместе, — сказал эльф.

— Ни'естиел! — воскликнул Элблайн, узнав его по голосу, потому что на фоне яркого неба видел лишь силуэт и к тому же продолжал падать снег. — А где ваша госпожа, и Джуравиль, и остальные?

— Тут, неподалеку, — солгал Ни'естиел. — Я пришел сказать тебе, что гоблины снялись с места.

— Куда они идут? — спросил Элблайн. — На запад, в На-Краю-Земли? Или на восток? Эльф пожал плечами.

— Там, где они были, их нет, вот и все, что я... что мы смогли выяснить.

— Роджер еще не вернулся из разведки, — с некоторой тревогой в голосе заметил кентавр.

Полуночник разделял его беспокойство. Роджер был отличным разведчиком; можно сказать, мастером по части того, как лучше спрятаться и убежать. Но при таком глубоком снеге даже он мог попасть в беду: кто знает, может, он из охотника превратился в жертву?

— И еще один отряд движется с юга прямо сюда, — сообщил Ни'естиел.

Полуночник хотел было расспросить его поподробнее, но эльф уже умчался, перескакивая с дерева на дерево.

— Кто бы это мог быть? — спросил кентавр.

Ни у того, ни у другого не возникло по этому поводу никаких предположений. Элблайн проскакал немного по гребню холма, спустился с него, с трудом преодолевая сопротивление снежных наносов, и поднялся на следующий холм, откуда открывался вид получше. И почти сразу же они со Смотрителем заметили группу военных; судя по сверкающим шлемам и копьям, это были солдаты армии короля. Чувствовалось, что они устали, да еще этот снег...

— В буран попали, — заметил кентавр. — Ничего, зато сегодня погода хоть куда.

Полуночник улыбнулся, но вдруг улыбка сбежала с его лица, сменившись любопытством.

— Шамус Килрони! — воскликнул он. — Клянусь, это он возглавляет отряд!

— Да уж, если повезет, то повезет, — с иронией пробормотал себе под нос Смотритель, но Элблайн расслышал сказанное.

— Он хороший человек.

— Хороший-то хороший, но... Может, его послали разыскивать сбежавших монахов, — ответил Смотритель.

Однако Элбрайн думал об одном: какую неоценимую помощь могут оказать солдаты в борьбы с гоблинами, угнездившимися в Сорном луге.

— Вряд ли его послали за ними, — после долгой паузы сказал он. — Но даже если и так, мы быстро разберемся, что к чему, и спрячем монахов в лесу.

— С нетерпением жду встречи с твоими друзьями, — сухо заметил кентавр.

И только тут до Элбрайна дошло, что прямо на глазах ухудшающееся настроение Смотрителя не имеет почти никакого отношения к судьбе сбежавших монахов. В последнее время кентавр не прятался от людей, и все новые поселенцы во главе с Томасом Джинджервортом приняли его, не задавая никаких вопросов. Однако королевские солдаты хотя бы отчасти были союзниками церкви Абеля. Как им представить Смотрителя, что рассказать о нем, чтобы они оставили его в покое? Не то чтобы кентавр так уж жаждал человеческого общества, за исключением Полуночника и Пони, но ему надоело прятаться от людей.

— Еще немного — и они увидят нас, — продолжал кентавр. — Лучше мне убраться подобру-поздорову. — Он ударил копытом по земле и начал разворачивать свое крупное тело в сторону леса.

— Шамус хороший человек, — повторил Элбрайн. Кентавр остановился и, полуобернувшись, взглянул в такие зеленые, такие честные глаза друга. — Он тебя не осудит.

— Не будь дураком, не говори им обо мне, — ответил кентавр, — а то они сообразят, что это ты меня спас из заточения. Я понимаю, у тебя своя война с церковью, мой мальчик, но я не желаю еще раз оказаться внутри Санта-Мер-Абель. — На это Элбрайну возразить было нечего. — Иди и займись гоблинами, но только поторопись, если хочешь, чтобы на твою долю кто-нибудь из них остался. У меня живот подвело от голода, а мясо у гоблинов хоть и невкусное, зато сытное. — Он коротко хохотнул и поскакал к лесу.

Отрывистый, отнюдь не жизнерадостный звук этого смеха больно резанул Элбрайна. Жители старого Дундалиса очень удачно называли кентавра Лесным Духом, и до появления в этой местности рейнджера он был тут совсем одинок. Однако за последние месяцы кентавр привык к обществу Элбрайна и других людей; теперь стало ясно, почему появление солдат испортило ему настроение.

Полуночник вздохнул и рысцой поскакал вдоль гребня, наперерез отряду. Хорошо, что у него теперь есть новые союзники — друг Шамус и его прекрасно обученные солдаты; жаль только, что сложностей с ними не оберешься.

Проснувшись в темноте, Пони попыталась подняться, но стукнулась головой о неподатливое дерево на высоте не больше двух дюймов. Сразу же возникло ощущение удушья. Пони запаниковала. Подняв руки, она ощупала деревянную поверхность, но не нашла никакой ручки. Вскрикнула и забила ногами, набивая синяки.

Деревянная поверхность, казалось, окружала ее со всех сторон.

Она была заперта, похоронена заживо. Пони зашарила руками в поисках сумки с камнями, но их у нее отобрали, как и оружие. Осталось только это — жуткий гроб и тьма.

Она принялась кричать и изо всех сил колотить по дереву руками и коленями, не обращая внимания на боль. Может, если удастся пробиться наружу, там окажется только земля, которая завалит ее и задушит. Но лучше погибнуть в попытке освободиться, чем умирать медленно и мучительно. Она продолжала стучать и вопить, хотя уже почти не надеялась, что ее услышат.

Однако потом... Отклик последовал не сверху, как предполагала Пони, а откуда-то сбоку. Внезапно тьма исчезла, ее разогнал мягкий свет фонаря; кто-то стоял в двери каюты. Каюты! И она лежит вовсе не в гробу, а на койке, причем верхней, вот почему потолок так

близко.

Пони закрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула, испытывая чувство невероятного облегчения. Судя по легкому покачиванию, она находилась в трюме корабля.

Отдышавшись, Пони перевела взгляд на стоящего в двери человека. Она узнала его — именно он в свое время без единого вопроса перевез ее, Элбрайна, Джуравиля и Смотрителя через реку.

— Капитан Альюмет... Похоже, сама судьба снова свела нас.

Некоторое время он с любопытством разглядывал ее, но потом узнал, судя по искоркам, вспыхнувшим в его глазах.

— Ты — друг Джоджонаха, — сказал он. — Ах, это многое объясняет.

— Я не враг бехренцам и не друг церкви Абеля.

— Или, иными словами, города, поскольку сейчас город и церковь — это одно и то же.

Пони кивнула и очень осторожно — все тело у нее болело от ударов о потолок — соскользнула с койки. Альюмет мгновенно оказался рядом и поддержал ее.

— Ты с такой злостью сказал это, — заметила она, — хотя сам был дружен с Джоджонахом, а ведь он принадлежал к церкви Абеля.

Альюмет улыбнулся и даже подмигнул: очевидно, понял, какую ловушку она ему расставила.

— Эту церковь Джоджонах не одобрял, — ответил он, вешая фонарь на крючок. — Я встречался с ним всего раз, на переправе через Мазур-Делавал, когда он возвращался в Санта-Мер-Абель. Он сказал мне тогда, чтобы я запомнил имя Эвелина Десбриса. Теперь, когда до меня дошли слухи, что церковь в Палмарисе открыто поносит это имя, стала ясна причина беспокойства Джоджонаха. Он глубоко переживал за Эвелина и тревожился о том, сможет ли кто-нибудь продолжить его дело. — Что-то в словах и тоне бехренца наполнило душу Пони страхом; она чувствовала, что он сказал еще не все, и почему-то боялась того, что услышит дальше. — Магистра Джоджонаха казнили как еретика, обвинив его в заговоре с теми, кто помог бежать драгоценнейшему пленнику отца-настоятеля, кентавру, ставшему свидетелем разрушения горы Аида и гибели демона. — Пони тяжело опустилась на нижнюю койку. — Может, тебе что-то известно об этом заговоре?

Пони лишь сердито посмотрела на него.

— Ты огорчена и испытываешь чувство вины. — Альюмет, явно не лишенный наблюдательности, поклонился.

— Ты видел моих спутников, когда мы пересекали реку.

— Видел, — согласился капитан, — и думаю, что обвинение Джоджонаха в заговоре соответствует действительности. Что же касается ереси...

— Если не считать брата Эвелина Десбриса, никто больше Джоджонаха не был предан идеалам истины и добра.

Альюмет снова поклонился.

— А что тебе известно о кентавре? — спросил он.

Пони помолчала, разглядывая его и пытаясь вычислить, насколько он искренен. Может, он агент церкви? Вряд ли, учитывая обстоятельства ее пленения. Нет, Альюмет и его темнокожие братья — не враги.

— Смотритель сейчас на севере. — Говоря правду и даже называя имя кентавра, Пони хотела показать капитану, что доверяет ему. — Он герой и заслужил право на свободу.

— Он был на горе Аида, когда, как предполагается, там погиб демон?

— Это не только предполагается, — усмехнулась Пони и провела рукой по пышным светлым волосам. — Я сама была там, когда брат Эвелин уничтожил демона и разрушил его крепость. — Она заколебалась на мгновение: может, не стоит слишком уж откровенничать? Но потом решила довериться инстинкту. Слишком многое поставлено на карту; ей нужна помощь в борьбе против Де'Уннеро, и капитан мог стать ее союзником. — Мы думали, что Смотритель погиб, спасая нас, но удача и эльфийская магия помогли ему уцелеть. И что же? Он оказался в темнице Санта-Мер-Абель.

— Потому что отец-настоятель не поверил в его рассказ о демоне?
— Потому что отец-настоятель боится правды об Эвелине Десбрисе.
Обдумывая услышанное, Альюмет подошел к койке и уселся рядом с Пони.
— Вот почему беднягу Джоджонаха осудили и казнили.
— И вот почему Де'Унnero стал епископом Палмариса, — ответила Пони, пристально глядя на бехранца. — Ну, и что нам с этим делать?
Улыбка Альюмета свидетельствовала о том, что он понял, что имеет в виду Пони.
Ни слова не говоря, он протянул ей сумку с магическими камнями.

Спрятавшись в чаще леса, Смотритель наблюдал за встречаей Элбрайна с отрядом. Едва услышав стук копыт Дара, хорошо обученные солдаты заняли оборонительную позицию, но тут же расступились, узнав всадника. Элбрайн подскакал прямо к капитану, начались рукопожатия и взаимное похлопывание по плечу.

Прищурившись, кентавр забормотал проклятия. Ой, не нравилось ему, что солдаты вернулись. Но как хотелось списать дурные чувства — или, точнее, предчувствия — на то, что его разозлила необходимость снова прятаться!

Огорченно ворча, Смотритель развернулся, собираясь ускакать еще дальше в глубь леса, и тут же понял, что он не один.

Что-то промелькнуло мимо, через кусты и снежные завалы. Он мгновенно оценил направление и расстояние; по всему выходило, что его заметили.

Кентавр встал таким образом, чтобы человеческую часть его туловища скрыло дерево и на виду осталась только лошадиная.

— Иди сюда, славный мой конь, — донесся до него скрипучий голос гоблина. — Нужно хорошенько подкрепиться, прежде чем мы переломаем людям все кости. — С трудом сдерживаясь, Смотритель терпеливо дожидался, пока гоблин приблизится. — Теперь стой спокойно, и я убью тебя быстро.

И тут кентавр выдвинулся из-за дерева; у гоблина глаза чуть не выскочили из орбит! От неожиданности и испуга он швырнул свое копьё — на самом деле просто заостренную палку — на землю. И бросился бежать, но кентавр одной рукой схватил его за горло, а другой поднял тяжелую дубинку.

Она поднималась все выше, выше, а потом обрушилась извивающемуся гоблину на голову.

— Вот как, значит. Вы вылезли из своих нор, — пробормотал кентавр.

Этот факт удивил его. Со времени окончания войны монстры редко сами лезли в драку, думая лишь о том, как бы убежать подальше и побыстрее. Гоблины, поселившиеся в Сорном луге, построили там неплохие оборонительные сооружения, что свидетельствовало о некотором уме. Поври и великаны давно покинули эту местность; значит, у гоблинов, в виде исключения, есть толковый главарь.

Когда Ни'естиел предупредил Смотрителя с Полуночником о том, что гоблины снялись с места, он подумал, что, услышав о новых поселенцах в Дундалисе, гоблины решили убраться подальше. А выходит, они вот что задумали: подкрасться к ничего не подозревающим людям, нанести им неожиданный удар и, возможно, захватить часть припасов.

Кентавр замер, вслушиваясь в тишину леса, и вскоре начал различать звуки, сопровождающие движение гоблинов, — там что-то зашуршало, здесь хрустнула ветка. Да, они шли из Сорного луга, направляясь к Дундалису и явно собираясь напасть на новых поселенцев.

А теперь гоблины, так же как Элбрайн и Смотритель, наверняка заметили приближающийся отряд.

Если предположение кентавра о числе гоблинов в Сорном луге правильно, Элбрайна и солдат ждет очень неприятное утро.

— Дундалис уже всю восстанавливают, — сказал Элбрайн Шамусу Килрони, как только с приветствиями было покончено. Полуночник знал всех солдат Шамуса, так что представляться не было необходимости. — В самое ближайшее время ты сможешь доложить своему королю, что Тимберленд очищен от врага.

— Моему королю? — повторил Шамус таким тоном, что чувствовалось — что-то в словах Полуночника задело его за живое. — Разве Дануб Брок Урсальский не твой король тоже?

Элбрайну впервые в жизни задавали такой вопрос, и он не знал, как на него отвечать.

— Конечно, Хонсе-Бир моя родина, — сказал он, взвешивая каждое слово, потому что заметил: солдаты очень внимательно прислушиваются к их разговору. — Тем не менее король Дануб никогда не оказывал заметного влияния на мою жизнь.

Вот интересный вопрос, подумал Элбрайн. В самом деле, кто он? Гражданин Хонсе-Бира или... Или кто? Бездомный бродяга? Ну уж нет. И все же он никогда не воспринимал Дануба как своего короля, а госпожу Дасслеронд, если уж на то пошло, как свою королеву. Он беспомощно пожал плечами.

— И все же, если вдуматься, получается, что в этом конфликте мы с королем Данубом на одной стороне, — добавил он со смешком.

Шамус тоже рассмеялся, хотя чуткий Полуночник почувствовал в этом смехе некоторую натянутость.

— И что дальше? — спросил капитан. — Дундалис восстанавливается, но есть ведь и другие деревни?

— Да, две, — ответил Элбрайн. — В данный момент Сорный луг в руках довольно крупной и сильной шайки гоблинов, а На-Краю-Земли пуст, насколько нам известно.

В то же мгновение огромная стрела вонзилась в землю как раз между ним и Шамусом. Солдаты закричали: «К оружию!» — и снова начали занимать оборонительную позицию.

Однако не успели они этого сделать, как показался главарь гоблинов, а вслед за ним еще дюжина злобных тварей, точно материализовавшихся из тумана. Они с криками бросились на солдат, проявляя такую агрессивность, с которой Элбрайн не сталкивался с тех пор, как по пути в Санта-Мер-Абель они с Пони встретили торговый караван, оказавшийся беспомощным перед бешеным натиском монстров.

Солдаты не успели и глазом моргнуть, как один из них рухнул на землю, сраженный ударами двух копий, а под другим убили коня. Третий солдат получил скользящий удар, а Полуночник лишь в самый последний момент сумел увернуться от нацеленного в лицо копья.

Шамус подумал, что в первую очередь надо прикончить главаря, но не успел развернуть коня, как гоблины оказались уже среди солдат, разя их направо и налево.

Дар рванулся вперед, сбил одного гоблина с ног и затоптал его копытами, а Элбрайн с плеча зарубил второго. Шамус вскрикнул, испугавшись, что Полуночник бросает их, но тот как раз в этот момент молниеносно развернулся и остановился, выискивая, куда лучше нанести удар.

Шамус испытал одновременно чувство облегчения и стыда. Конечно, он плохо подумал о Полуночнике только из-за того, что наговорил ему Де'Унnero. Впрочем, сейчас не до того, напомнил себе Шамус и отбил копьё, нацеленное прямо на него. Он замахнулся, собираясь ответить ударом на удар, но тут на него бросился другой гоблин с остро заточенной дубинкой. Шамус зарубил его мечом, но потерял на это время и на мгновение открылся для удара первого гоблина с копьем.

Шамус громко вскрикнул, закрыл глаза и...

И ничего не произошло.

Открыв глаза, Шамус увидел, как один из солдат снес мечом голову напавшего на него гоблина, забрызгав кровью снег. Однако, пока солдат с ним расправлялся, на него сбоку набросились двое других гоблинов, схватили его и стащили с седла.

Шамус бросился на помощь, однако его конь получил сильный удар заостренной

дубинкой по крупу. Из глубокой раны хлынула кровь, но конь копытами ударил гоблина в грудь и отбросил далеко в сторону.

Шамус отчаянно пробивался к своему спасителю, но вокруг густо кишели гоблины, и единственное, что ему оставалось, — это изо всех сил спасать свою шкуру.

Полуночник развернул коня, оставив в снегу глубокие борозды. Увидел, что одному из солдат приходится особенно туго, бросился на помощь, но тут же заметил второго, который рухнул на землю, пронзенный копьем в грудь. Еще один упал, но лишь потому, что под ним убили коня.

Элбрайн выхватил меч и принялся осыпать гоблинов могучими ударами. Спрыгнул на землю, подбежал к упавшему солдату и яростно заработал мечом, отгоняя от раненого гоблинов. Вокруг кипела схватка, сверкали мечи, слышались лязганье, глухие удары, крики и стоны. Элбрайн метался то туда, то обратно, вращая запястьем и нанося точные разящие удары мечом.

Заметив в стороне двух пеших солдат, отчаянно отбивающихся от целой своры гоблинов, он бросился им на помощь. Между ним и Даром существовала телепатическая связь, усиленная магическим камнем, утопленным в груди коня. Разгадав замысел Элбрайна, Дар подскакал к нему, тот ухватился за седло, взлетел в него, протянул руку солдату и втянул его наверх. Удивленные гоблины поразевали рты, но Дар уже промчался мимо. Солдат перепрыгнул со спины Дара на своего коня, и, пока все это происходило, Элбрайн не подпускал к нему гоблинов.

Оглядев поле сражения, он увидел, что солдаты Шамуса, несмотря на то что многие из них потеряли коней, с успехом отбиваются от противника. В душе вспыхнула надежда... и тут же умерла, когда Элбрайн увидел двух гоблинов, стоящих чуть в стороне с копьями в руках; у их ног лежала целая куча запасных копий. Один швырнул копье прямо в солдата, повернувшегося к нему спиной, и Полуночник с ужасом понял, что ему не успеть.

Он закричал, пытаясь отвлечь внимание гоблина на себя.

Внезапно тот бросился бежать. Элбрайн чисто автоматически едва не кинулся догонять его, но тут же переключился на второго гоблина. Подскочил к нему, с размаху ударил мечом и только тут заметил, что тот уже ранен, — из нижней части спины у него торчала маленькая стрела. Полуночник улыбнулся, вспомнив другую стрелу, несоизмеримо большую, с которой началось сражение.

Бросив быстрый взгляд в сторону деревьев, но не заметив ни Смотрителя, ни эльфов, он поскакал к Шамусу. Тот был весь в крови, но, к облегчению Полуночника, это в основном была вражеская кровь.

— Наша взяла! — закричал Шамус и поскакал вперед, сшибив по дороге гоблина. Элбрайн тут же взмахнул мечом и снес твари голову, снова забрызгав кровью снег. — Наша взяла! — Шамус победоносно вскинул меч.

И правда, сейчас преимущество солдат не вызывало сомнений. Гоблины падали один за другим, и их крики наводили ужас на уцелевших. К радости Элбрайна, он заметил мертвого гоблина, из спины торчали три эльфийские стрелы.

Сражение закончилось так же внезапно, как началось. Оставшиеся гоблины разбежались по лесу, несколько солдат погнались за ними, но большая их часть, и с ними Полуночник, спешили и бросились к лежащим на снегу товарищам.

Элбрайн не сомневался, что все уцелевшие гоблины вскоре будут мертвы, об этом позаботятся Смотритель и эльфы.

Шамус Килрони так и сидел на коне, не сводя взгляда с Йордана и Тимота Тейеров, братьев, прослуживших под его началом всю войну. Йордан, весь в крови, стоял на коленях рядом с лежащим ничком братом, пытаясь остановить хлещущую из раны кровь. Однако стрела, вонзившаяся глубоко в живот Тимота, оказалась слишком большой; окровавленные внутренности вывалились наружу, кровь текла рекой. Йордан несколько раз тщетно окликнул брата, откинул голову назад и беспомощно закричал. Тяжело дыша, он упал на

тело Йордана, обхватил руками его голову и притянул к себе, как бы пытаясь своим дыханием вдохнуть в него жизнь.

— Не умирай! — повторял он снова и снова, покачиваясь из стороны в сторону. — Ох, не умирай!

Ярость заклокотала в душе Шамуса, в глазах у него потемнело.

— Скачи в деревню и найди человека по имени Браумин Херд, — донеслись до него слова Полуночника; но только когда тот повторил их, до Шамуса дошло, что тот обращается к нему.

Однако как раз в этот момент он нашел объект для своей ярости — пару гоблинов, карабкающихся на заросший деревьями гребень холма. Шамус прищипорил коня и рванул вперед.

— Шамус! — окликнул его Полуночник, но тут же понял, что без толку, поскольку капитан даже не оглянулся.

Элбрайн дал инструкции другому солдату, а сам поскакал вслед за Шамусом.

Тот летел сквозь чащу, не обращая внимания на ветки и колючие кусты. Гоблинов он больше не видел, но знал, что они никуда не делись, удирают со всех ног. На пути оказался очень густой кустарник, и конь застопорил движение. Шамус спрыгнул на снег, выхватил меч и побежал. Вскоре он оказался на краю неглубокой лощины, куда вела единственная, явно протоптанная совсем недавно тропа. Капитан скатился вниз и побежал дальше, падая, снова поднимаясь, а иногда передвигаясь даже на четвереньках и в кровь обдирая ладони, но не обращая на все это ни малейшего внимания и не замечая, что от холода у него начали стынуть руки. Впереди показались очертания сосновой рощи, куда он и устремился с прежним неистовством.

И вдруг услышал стон, а вслед за тем треск ломаемых костей. Он пошел осторожнее, раздвигая ветки и вглядываясь в морозную мглу.

Внезапно по воздуху пронесся гoblin и врезался в ствол дерева. Глаза у Шамуса полезли на лоб, когда он проследил обратно траекторию его движения и увидел огромного кентавра, одной рукой стиснувшего второго гоблина за горло, а другой занесшего над его головой внушительных размеров дубину.

Шамус вздрогнул, когда дубина пошла вниз и раскроила гоблина череп. Легким движением запястья кентавр отшвырнул и этого монстра, подхватил свой огромный лук — такого Шамусу в жизни видеть не доводилось, и теперь ему стало ясно происхождение той большой стрелы, которая возвестила о нападении гоблинов, — и рысцой поскакал в лес, ни разу не оглянувшись.

На плечо Шамусу опустилась рука, и он, взволнованный видом кентавра, от неожиданности чуть не выпрыгнул из сапог. Резко повернулся и увидел Полуночника с луком в руке.

— В лесу скрывается еще один враг, — заявил Шамус.

— Далеко не один, — ответил Полуночник, — ведь гоблины разбежались во все стороны. Пусть себе, друг мой. Если они не покинут эту местность, мы вскоре переловим их, хотя мне лично кажется, что уцелевшие будут бежать без оглядки до самых своих горных нор.

— Другой враг! — настойчиво повторил капитан, и Элбрайн с любопытством посмотрел на него. — Пугающее гоблинов и гораздо более опасный.

— Великан?

— Кентавр, — ответил Шамус, с прищуром глядя на Полуночника.

Тот невольно отшатнулся, перевел взгляд за спину капитана и разглядел мертвого гоблина. Шамус видел Смотрителя, это ясно; тайна оказалась раскрыта еще до того, как солдаты прибыли в Дундалис.

— Это не враг, — заявил Элбрайн.

— До меня доходили слухи о беглом кентавре, — сказал Шамус, — который перебрался в эти края. В наше время кентавры редко встречаются.

Элбрайн и капитан замерли, глядя друг другу в глаза. Элбрайн понимал важность этого момента. От того, как он себя поведет, будет зависеть, останутся ли они с капитаном друзьями и не окажется ли сам Элбрайн причислен к разряду преступников. Но он понимал также, что должен защитить Смотрителя, одного из своих самых верных друзей и к тому же несправедливо обвиненного.

— Это он и есть, — сказал наконец Полуночник сквозь стиснутые зубы. — Кентавра, которого ты видел, зовут Смотрителем. Он был захвачен и незаконно помещен в темницу в Санта-Мер-Абель. Именно его стрела предупредила нас о том, что приближаются гоблины, и именно его церковь Абели объявила своим врагом.

— То, что он сражается с нашими общими врагами, еще не означает...

— Нужно заняться ранеными, — оборвал его Элбрайн, повернулся и пошел обратно.

Шамус Килрони долго стоял среди деревьев, обдумывая увиденное. Он офицер армии короля, и не его дело разбираться, справедливо обошлись с этим кентавром или нет.

Закрыв глаза, капитан вспомнил инструкции и предостережения Де'Уннеро. Уже самый факт того, что Смотритель оказался здесь и, совершенно очевидно, был связан с Элбрайном узами дружбы, заставлял верить словам епископа.

Полуночник, этот замечательный воин, человек, которого Шамус знал как союзника и друга, действительно оказался преступником, не так давно проникшим в Санта-Мер-Абель.

Когда Элбрайн вернулся на поле сражения, раненых гоблинов уже добились. Сейчас солдаты занимались пострадавшими. Элбрайн остановился и с трудом справился с волнением, увидев три накрытых плащами тела.

Ему, конечно, уже не раз приходилось сталкиваться с гибелью людей, совсем недавно сражавшихся с ним бок о бок, но цена этого сражения, по его меркам, оказалась слишком высока. И, скорее всего, она была бы еще выше, если бы Смотритель не предостерег их, выиграв для них несколько драгоценных добавочных мгновений.

Но где же эльфы? Обойдя поле сражения, Элбрайн нашел всего пару гоблинов, погибших от эльфийских стрел. Монстров было чуть больше сорока, однако такая большая группа эльфов, о которой говорил Роджер, да еще во главе с госпожой Дасслеронд, могла прикончить их еще до того, как они добрались до солдат.

Все это не имело смысла, как и то, почему эльфы — самые великолепные разведчики в мире, ориентирующиеся в лесу лучше любого человека и даже кентавра, — не предостерегли его о нападении.

Однако Элбрайну было в чем упрекнуть и себя самого; он знал, что гоблины обосновались в этой местности, но не верил в то, что они могут напасть. И это даже после того, как Ни'естиел предупредил, что они покинули насиженное место! Получилось, что врагам удалось застать его врасплох.

И солдаты дорого заплатили за это.

Вскоре из деревни прибежали Роджер Не-Запрешь, Браумин Херд и остальные монахи.

К этому моменту умер четвертый солдат.

ГЛАВА 20 СОЖАЛЕНИЕ

— Ты не все учиываешь, девочка, — сказал Белстер громче, чем намеревался.

И тут же приложил палец к губам, испуганно оглядываясь по сторонам. В трактире, однако, сегодня было много народу, и за шумом никто ничего не расслышал.

Пони тяжело облокотилась на стойку.

— Сколько наших, по-твоему, готовы действовать вместе с темнокожими? — спросил Белстер.

— Ну конечно, — язвительно ответила Пони, — нам ведь и так хорошо, к чему еще какие-то союзники? Нас и без них много, в конце концов.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — проворчал Белстер. — Бехренцев не любят — и никогда не любили — в Палмарисе. Тут епископ Де'Унnero все точно рассчитал. Из них нетрудно сделать врага, а теперь появляешься ты и заявляешь, что мы должны сражаться вместе с ними. Нет, неправильно, говорю я. Мы потеряем больше, чем приобретем, если будем действовать вместе с капитаном Альметом.

— Альюметом, — поправила его Пони. — Он один из самых достойных людей, которых мне приходилось встречать.

— Что поделаешь? Цвет его кожи помешает многим поверить в это.

— Значит, им надо объяснить, — настаивала Пони. — Ты что, и сам имеешь что-то против бехренцев?

— Ну... — промямлил Белстер, которого неожиданный вопрос застал врасплох. — Ну, мне мало что о них известно, чтобы судить. Я как-то имел дела с одним, но очень недолго...

— С тобой все ясно, — сухо сказала Пони.

— Ох, не придирайся ты к словам! У меня ничего такого нет на уме...

— Знаю я, что у тебя на уме. Короче, если дойдет до дела, Альюмет и остальные бехренцы будут с нами. Нельзя пренебрегать такими союзниками.

— Ты веришь этому человеку? — спросил Белстер в четвертый раз с тех пор, как они завели этот разговор.

— Он мог запросто убить меня.

— Но предпочел отпустить, — сказал Белстер. — Не бескорыстно, я полагаю.

— И отдал мне камни, все до одного.

Белстер испустил глубокий вздох, покачал головой и поднял руки, как бы сдаваясь.

Пони отвела глаза и заглянула ему за спину. Внезапно на ее лице возникло выражение беспокойства. Белстер обернулся и увидел, что в зал вошли двое военных. Не королевские солдаты, ставшие за последнее время обычным — слишком обычным — явлением в Палмарисе, а городская охрана. Именно одна из них — женщина с яркими рыжими волосами — привлекла внимание Пони.

— Ты знаешь ее?

— Мы вместе сражались на севере, — негромко ответила Пони. — Ее зовут Колин Килрони.

— Сегодня маскировка у тебя в порядке, — заметил Белстер, пытаясь успокоить ее.

Что не совсем соответствовало действительности, и оба знали это; Дейнси отсутствовала, и Белстер сам помогал Пони наносить последние штрихи.

Какая глупость, мысленно обругала она себя! Эта ситуация — результат не невезения, а общей и очень опасной тенденции. По мере того как обстановка в Палмарисе ухудшалась и Пони начала заниматься организацией сопротивления Де'Унnero, она все меньше внимания уделяла собственной безопасности. Стала беспечной, а между тем такая безалаберность могла погубить все.

Она отступила от стойки и опустила голову, когда Колин Килрони со своим спутником проходили мимо. Рыжеволосая женщина на мгновение остановилась и бросила на нее внимательный взгляд, но потом прошла дальше.

— Может, тебе стоит выйти и подышать вечерним воздухом, — прошептал Белстер. Пони с сомнением оглядела зал, до отказа заполненный людьми. — Я попрошу Прима О'Брайена помочь мне. — Белстер имел в виду постоянного посетителя трактира, счетовода из Чейзвинд Мэнор. — Он должен мне почти за сорок кружек пива и будет рад избавиться от долга, ведь Де'Унnero платит не так щедро, как барон Бильдборо. Да и Мэллори крутится где-то поблизости.

Пони слабо улыбнулась, снова оглянулась по сторонам, низко опустила голову и направилась к двери, подальше от Колин.

Но, увы. Рыжеволосая женщина тут же поднялась и зашагала следом. Белстер с широкой улыбкой на лице двинулся ей наперерез.

— Что это, уважаемая госпожа, вы уже уходите? — Он оглядел зал. — Прим О'Брайн,

иди-ка сюда, принеси выпить нашим доблестным героям!

Из зала послышались возгласы, правда немногочисленные; кто-то в знак приветствия поднял кружки. Однако главной своей цели Белстер не достиг. Он попытался остановить женщину, но она грубо оттолкнула его и снова устремилась к двери.

Белстер глуповато улыбнулся второму солдату. Возникла мысль догнать рыжеволосую женщину, но это наверняка лишь привлекло бы еще большее внимание. Нет, решил он, пусть Пони сама выкручивается.

— Нет так нет, Прим, — сказал он. — Но учти, сегодня вечером у нас в трактире есть еще один дорогой гость.

— И не один, по правде говоря. Где уж Белстеру со всеми управиться? — Прим нехотя поплелся к стойке. — Ладно, так и быть, помогу, если немного скостишь мне долг.

Белстер отмахнулся от него и продолжал работать, то и дело поглядывая на дверь.

Отнюдь не случайность или простое совпадение привели этим вечером Колин Килрони в «Друга». По всем меркам она была вовсе не глупа и принадлежала к числу самых доверенных охранников дома барона Бильдборо. И хотя в дружбе с его племянником не состояла, но видела Коннора постоянно, в том числе и в день его свадьбы.

И его невесту она тоже видела.

Встреча с женщиной, которую называли подругой Полуночника, что-то всколыхнула в ее памяти, хотя со времени той знаменательной свадьбы прошло уже несколько лет. Поначалу Колин подумала, что Пони просто похожа на невесту Коннора, Джилл, дочь прежнего хозяина трактира «У доброго друга».

Однако затем остальные части этой головоломки начали становиться на свои места; в особенности когда она припомнила так хорошо знакомую ей рукоятку меча, свисавшего у Пони с пояса. Во время самой встречи она почти не обратила на нее внимания, но впоследствии эта рукоятка не раз будоражила ее воображение.

Точно такая же, как на Победителе, мече Коннора Бильдборо, знаменитом семейном оружии.

Сходство между женщиной по имени Пони и женой Белстера бросалось в глаза. Хотя жена Белстера выглядела старше, движения выдавали ее; это были движения воина, подруги Полуночника, так удивительно похожей на невесту Коннора Бильдборо.

Выйдя из трактира, Колин стояла на улице, собираясь с мыслями и складывая вместе отдельные части головоломки. Вокруг было тихо и темно, если не считать одинокого уличного фонаря и двух мужчин, сидящих у стены соседнего дома.

— Вы не видели женщину, — спросила у них Колин, — только что вышедшую из «Друга»?

Они лишь пожали плечами и возобновили прерванный разговор.

Бессмыслица какая-то, подумала Колин; куда могла деться жена Белстера? Она снова повернулась к двери. А вдруг женщина осталась внутри здания? А потом в памяти всплыло еще одно воспоминание. Как-то Колин нечаянно подслушала, как Коннор рассказывал одному из охранников барона, с которым был дружен, о потайном местечке, где он проводил время с Джилл, уединенном, скрытом от глаз, куда не долетал городской шум...

Пони сидела на крыше трактира, глядя на звезды и спрашивая себя, видит ли их сейчас Элбрайн. Она страшно скучала по нему и с нетерпением ждала момента, когда они снова увидятся. Тогда живот у нее станет еще заметнее, и Элбрайн наконец узнает тайну. От этой мысли ей стало легче; она уже не раз жалела о том, что он так и остался в неведении. Она сидела, глядя на ночное небо, нежно поглаживая живот и думая о том, как приятно было бы, если бы Элбрайн сейчас был рядом, и тоже приложил руки к ее животу, и, может быть, почувствовал первые движения их ребенка.

И все же в сердце своем Пони чувствовала, что всему этому не бывать. События в Палмарисе изменили ее планы, в такое решающе важное время нечего даже и думать о том,

чтобы покинуть город. Она твердо знала, в чем состоит ее долг: каким-то образом свести вместе все ручейки сопротивления Де'Уннеро, включая беженцев. Стоило ей подумать об этом, как задумчивая нежность в душе сменилась яростью. На нее нахлынули образы мертвых — убитых! — родителей, чьи тела поднимаются под воздействием дьявольских сил. Пони отняла руки от живота и уткнула лицо в ладони. Она отплатит за все демонам, принявшим личину руководителей церкви Абея! Она доберется до отца Маркворта и заставит его ответить за преступления против Грейвиса и Петтибвы, Греди и Коннора. Она...

Ее охватило такое беспредельное отчаяние, душу раздирала такая печаль, что она глухо зарыдала.

Вот почему она не услышала шаги человека, вслед за ней поднявшегося на крышу.

Печаль схлынула быстро — Дейнси предупреждала ее, что во время беременности возможны резкие скачки настроения, — и на смену ей пришла решимость отомстить. Пони прислонилась спиной к теплым кирпичам дымохода и снова перевела взгляд на ночное небо, надеясь увидеть отблески Гало и найти умиротворение в созерцании его красоты.

— Для жены Белстера ты слишком шустро лазишь, — послышался голос у нее за спиной.

Пони узнала голос и похолодела. До чего же она устала от незаметно подкрадывающихся людей!

— Ну, тут не так уж высоко, — ответила она, стараясь имитировать простонародный говор Петтибвы.

— Для подружки Полуночника — конечно, — сказала Колин, — даже если с тех пор, как мы виделись в последний раз, она повредила себе глаз.

У Пони упало сердце. Рука скользнула в карман, где всегда лежали несколько магических камней, среди них смертоносный магнетит и графит. Постаравшись взять себя в руки, она повернулась и увидела в трех футах от себя Колин, с рукой, покоящейся на рукоятке меча. Надо, наверное, встать, подумала Пони. Она ничуть не сомневалась, что сумеет сбросить женщину вниз даже при наличии у той оружия.

Однако стоило Пони начать подниматься, как Колин мгновенно оказалась рядом, крепко сжимая рукоятку меча.

Пони опустила обратно; очевидно, Колин относилась к тем, кто остро чувствует опасность.

— Что-то я тут никаких полуночников не вижу, — ответила она, — а то неплохо было бы ошипать парочку-троечку на ужин.

— Да, здесь их нет. Они в лесу, далеко на севере, и не летят, а бегут.

Последовала долгая, полная внутренней напряженности пауза.

— Ах, мой Белстер один вкалывает в трактире, — сказала Пони. — Он будет сердиться, что меня так долго нет.

— У Белстера есть помощники.

Пони изобразила на лице растерянность, хотя уже не сомневалась, что маскарад не удался. Она нащупала магнетит — с его помощью можно пробить нагрудную пластину Колин, — но потом остановилась на графите. Он позволит отключить женщину, не причинив ей вреда.

— Шутки в сторону, — заявила Колин. — Я узнала тебя — Пони, подружка Полуночника, Джилл, жена Коннора. Я не дура и достаточно видела и слышала, чтобы узнать тебя.

Пони вытащила из кармана руку с камнем и протянула ее в сторону женщины.

— Вот как? — Она оставила попытки имитировать простонародный говор. — Достаточно, чтобы понять, что мне ничего не стоит прикончить тебя?

Колин отступила, но лишь на мгновение. Что ни говори, ее репутация многоопытного, бесстрашного воина в полной мере соответствовала действительности.

— Ну, теперь я вижу, что ты и впрямь преступница, как описывал тебя этот Де'Уннеро.

Однако чуткая Пони уловила по меньшей мере оттенок неуважения, с которым было

произнесено имя епископа.

— Ты имеешь в виду епископа Де'Уннеро, — провоцируя Колин, сказала она, — законного правителя Палмариса. — Та молчала, но выражение лица говорило само за себя. — Ну что, будем драться? Что ты предпочитаешь? Уничтожить тебя с помощью магии, или, может быть, я спущусь и возьму свой меч?

— Меч Коннора, ты имеешь в виду.

Наблюдательность Колин удивила Пони, но не застала ее врасплох.

— Да, он принадлежал Коннору, пока посланцы церкви не убили его и его дядю, — не стала отпираться она. Колин широко распахнула глаза. — И аббата. — Пони решила не ослаблять нажима. — Неужто, по-твоему, это сделал поври? Мерзкий маленький карлик пробрался в Палмарис, в само аббатство Сент-Прешес, и убил этого выдающегося человека?

— Откуда тебе знать, как все это было?

— Оттуда, что Коннор узнал правду и отправился на север, чтобы предупредить меня, что на очереди у церкви Абея я.

Колин замерла и, казалось, даже не дышала. Пони выпустила из пальцев камень.

— Это нечестно — использовать против тебя магию, которой научил меня истинно Божий человек, — сказала она. — Позволь мне сходить за мечом, Колин Килрони, и я преподам тебе урок, который ты не скоро забудешь!

Этот открытый, даже грубый вызов всколыхнул гордость Колин. Однако любопытство и удивление все же пересилили.

— Хотя, по правде говоря, лучше бы ты без боя уступила позицию, — заметила Пони, — потому что я вовсе не уверена, что мы враги.

— Но если и так, что нам с этим делать?

Пони задумалась. В самом деле, что? Постепенно в сознании у нее начал формироваться план, включающий в себя группу друзей Белстера, преследуемых бехранцев и вот теперь еще Колин с ее солдатами; по крайней мере, кое-кто из них наверняка готов встать на сторону Пони. Все вместе они могли бы составить грозную силу. Однако пока обсуждать этот план с Колин она не могла хотя бы потому, что все еще опасалась доверить ей судьбу своих товарищей.

— Приходи в трактир через три дня, — предложила Пони, — тогда и поговорим.

— Где сейчас Полуночник? — неожиданно спросила Колин. Пони вскинула голову, тут же заподозрив ловушку. — Ладно, не отвечай. Если он здесь, в Палмарисе, спрячь его хорошенько, потому что Де'Уннеро охотится на него. А если он на севере, как нам было сказано, тогда пошли к нему гонца с сообщением, что Шамус тоже поскакал в те края. И хотя он сказал, что послан помочь твоему другу, на самом деле его приставили не спускать с него глаз, чтобы Полуночник никуда не сбежал до прибытия Де'Уннеро.

И эта женщина вот так запросто выкладывает столь ценные сведения! Пони невольно отступила, пытаясь переварить услышанное.

— Через три дня я буду здесь, — решительно заявила Колин, спустилась с крыши и растаяла в темноте.

Пони снова подняла взгляд к усыпанному звездами небу, но тут же опустила его.

Нет, сегодня ночью ей не будет покоя.

Время шло, поленья в камине трактира прогорели до углей. На улице, громко храпя, спали трое пьяных, в том числе удовлетворенный результатами своих трудов Прим О'Брайен и Хизкомб Мэллори. Кое-кто из клиентов ночевал в комнатах на верхнем этаже, Дейнси со своим кавалером наконец-то смогли уединиться в одной из спален первого этажа, а Белстер похрапывал в другой. В третьей сидела на постели Пони в легкой ночной рубашке и сжимала в руке камень души.

Шамус Килрони скакал на север в поисках Элбрайна, а тот даже понятия не имел, что этот человек служит теперь епископу Де'Уннеро.

Пони верила в Элбрайна и постоянно говорила себе, что он не один, с ним верные

друзья, могущественные Смотритель и Джуравиль. И тем не менее если его застанут врасплох...

Пони глубоко вздохнула и перевела взгляд на камень. В льющемся через окно лунном свете он серым пятном выделялся на ее бледной ладони. Подгоняемая жаждой мести, она по собственной воле отправилась в Палмарис, однако теперь не была уверена, что поступила правильно. Она знала, что здесь ее поджидает опасность — и Элбрайна на его пути тоже, — но теперь эта опасность подошла угрожающе близко. Внезапно выяснилось, что беспокоиться нужно прежде всего за Элбрайна, а она находилась далеко и не могла ему помочь.

Или могла?

Пони не отрывала взгляда от камня души, обдумывая, как лучше его использовать. Ни на миг она не забывала, как опасно прибегать к помощи магических камней в этом городе, где в их поисках по улицам рыщут гончие Де'Уннеро. Но не могла же она, после разговора с Колин, просто сидеть сложа руки и надеяться на то, что слепая удача спасет Элбрайна от неминуемой гибели?

Кроме того, Пони мучили другие опасения. Какие новые неожиданности откроет ей путешествие в царство духа? Что из того, что она считала истинным, окажется ложным? Однако задумываться над этим она не могла, по крайней мере сейчас, когда ее друзьям на севере угрожает реальная опасность.

Пони погрузилась в магию камня сердцем и душой. Он затягивал ее в свои глубины, но она отстранилась и рванулась наружу. Миг — и ее дух покинул тело, выскользнул из трактира в ночь и полетел над тихими улицами Палмариса, над северными воротами, где стражники играли в кости, вполглаза следя за пустынной северной дорогой. Внизу промелькнули темные крестьянские дома — Пони промчалась над ними, обгоняя самых быстрых птиц, самый сильный ветер. С головокружительной скоростью подлетев к Кертинелле, она слегка замедлила движение, чтобы посмотреть, нет ли здесь Элбрайна или Шамуса. Но нет, их не было; она не могла не заметить множество фургонов, из которых состоял караван. Ясное дело, они уже ушли дальше на север. Туда же помчалась и Пони, почти не глядя вниз, пока не оказалась над хорошо знакомой местностью, где появилась на свет.

Тут она снова полетела медленнее, потому что была не в силах удержаться и не окинуть взором родные места: склон к северу от Дундалиса и заросшую соснами долину за ним.

Шамус Килрони со своими солдатами уже в деревне, поняла Пони, как только увидела их типично военный лагерь. Проникнув сквозь стены, она с облегчением обнаружила, что Элбрайна там нет. Но вскоре снова забеспокоилась, потому что его не было нигде, хотя она обыскала всю деревню. Она понимала, что он может быть где угодно и найти его в лесу даже ей будет нелегко.

Пони заставила себя не паниковать и не огорчаться; вместо этого она стала чутко вслушиваться в ночь.

И вот оно — легкий ветерок принес знакомую мелодию, которую наигрывал Смотритель.

Спустя несколько мгновений она нашла кентавра; он стоял на обрыве и играл на своей волынке. Возникла мысль приблизиться к нему, каким-то образом попытаться связаться с ним, попросить отвести ее к Элбрайну, но тут в лощине неподалеку Пони заметила Дара. Конь стоял не двигаясь, словно зачарованный музыкой кентавра. На низкой ветке рядом с ним висело знакомое седло.

Когда Пони пролетала мимо, Дар негромко заржал, но она даже не заметила этого. Совсем рядом ощущалось что-то до боли родное, теплое и необыкновенно милое сердцу. Да, ее возлюбленный где-то тут, Пони почувствовала это с такой остротой, словно между ними существовала духовная связь, Миг — и она уже точно знала, где именно Элбрайн, как будто он сам окликнул ее.

Ничего не опасаясь, поскольку он знал, что Смотритель и Дар неподалеку, Элбрайн крепко, мирно спал на лежанке из сена, застланной одеялами. И меч, и лук лежали рядом.

Зная, что нужно торопиться, Пони тем не менее немного задержалась, чтобы просто полюбоваться на него, и уже в которой раз удивилась самой себе. Как она могла ни слова не сказать ему о ребенке? И как она могла покинуть его?

Ответ в том, что ее гнев оказался сильнее, чем она сама. Ее пронзило острое желание вернуться в Палмарис, в свое тело, побежать на конюшню, оседлать Грейстоуна и поскакать на север, не останавливаясь до тех пор, пока не увидит Элбрайна. Но нет, это невозможно, по крайней мере сейчас. Может, она поступила и неправильно, но теперь в дело вмешались новые обстоятельства. Она не может бросить Палмарис сейчас — так же как Элбрайн не может бросить свои дела и отправиться к ней.

А что же ребенок? Ох, как ей захотелось сказать Элбрайну о нем! И как захотелось, чтобы руки любимого нежно погладили ее уже заметно округлившийся живот!

Пони понадобилась вся ее воля — и довольно много времени, — чтобы успокоиться. Она смотрела на Элбрайна, не в силах решить, что ей делать. Но потом магия камня души помогла найти ответ на этот вопрос; она устремилась к своему возлюбленному и вошла в него, воссоединилась с ним в его сне.

Элбрайн проснулся в холодном поту, с таким чувством, что поблизости что-то притаилось.

На западе низко плыла луна. Смотритель больше не играл, но Дар спокойно стоял неподалеку; значит, никаких врагов поблизости нет.

Однако что-то — или кто-то? — здесь было, он чувствовал это, хотя полностью еще не стряхнул с себя наваждение сна. Элбрайн сел, сделал несколько глубоких вдохов, и в голове у него прояснилось. Он снова лег, подложив под голову руки.

И понял. Каким-то образом — с помощью магии, надо полагать — Пони пришла к нему.

Пони! От одной мысли о ней дрожь побежала по телу, а сердце оборвалось и покатилося куда-то. Но это была Пони, точно Пони, Элбрайн не сомневался; и с такой же уверенностью он мог бы сказать, что она в Палмарисе и с ней все в порядке.

Однако с не меньшей отчетливостью он понял, что в ближайшее время она не сможет покинуть город, а он не сможет отправиться к ней. Их встреча в начале весны не состоится; город в опасности, и Пони не считает себя вправе оставить беспомощных, охваченных беспокойством людей. И он не может идти туда, не должен идти, потому что...

Что-то еще билось, пытаясь проникнуть в его сознание; какое-то предостережение, да. Но уловить его сути он не смог, поскольку мысль о Пони, образ Пони, сожаление об их разлуке поглотили его целиком. Он сел, глядя в ночной лес, но видя лишь сияющие глаза Пони, вспоминая ее объятия и поцелуи, ощущая вкус нежной кожи на своих губах.

Оставалось лишь надеяться, что, движимые чувством долга, расстались они ненадолго, что вскоре их пути снова пересекутся.

Когда Пони возвращалась в Палмарис, ею владели точно такие же чувства. Она пролетела над все еще тихими улицами, проскользнула в темный общий зал трактира и дальше, по коридору, но внезапно замедлила движение, услышав звуки, доносившиеся из комнаты, соседней с ее спальней. Не раздумывая, Пони прошла сквозь стену и оказалась в спальне Дейнси.

Молодая женщина и ее кавалер со стонами и вздохами занимались любовью. Их пыл и страсть напомнили Пони об объятиях Элбрайна, о той ночи, когда она возомнила, что в мире наконец воцарилось спокойствие, и нарушила обет воздержания.

Тогда-то и был зачат ребенок.

Ах, это было так прекрасно, мгновения чистейшего экстаза и полной завершенности!

Но, в конце концов, за всем этим, возможно, стоял лишь могучий инстинкт. И уступка

этой чисто физической потребности привела к...

К чему? К осложнениям, очень, очень опасным осложнениям.

Дух Пони выскользнул из комнаты Дейнси и устремился к своему физическому телу, но внезапно остановился, ощутив присутствие внутри этого тела другого существа.

Она понимала, что нужно торопиться, но чувствовала острое нежелание входить в соприкосновение с этой новой жизнью!

Задержка длилась всего миг, но Пони он показался вечностью. Теперь она знала совершенно точно, что внутри ее зреет живое, быстро растущее создание. Конечно, она и прежде понимала, что беременна, но смысл этого слова по-настоящему не доходил до нее. Когда она сказала Джуравиллю, что, может, еще и не доносит дитя, это были не просто слова. Где-то глубоко в душе неизвестно почему укоренилось ощущение, что у нее случится выкидыш или ребенок родится мертвым; ей не верилось, что она будет матерью, это казалось нереальным, почти невозможным.

Но теперь она знала: дитя — ее и Элбрайна — было живо.

Слезы побежали из глаз, заструились по щекам. Она почувствовала, что теряет над собой контроль. Рука скользнула к животу, но теперь это прикосновение не успокаивало, а, напротив, рождало ощущение опасности.

— Дура! — выругала она себя, глядя в темноту, вскочила и забегала по комнате. — Какая же я дура!

Почему она не подождала? Зачем соблазнила Элбрайна, фактически принудила его заняться с ней любовью, хотя прекрасно понимала, чем это может обернуться?

В ярости Пони скинула с ночного столика тарелку, даже не заметив, что та упала на пол и разбилась.

— Ну зачем, зачем я сделала это? — вслух спросила она и снова потянулась к животу, но не погладила, а вцепилась пальцами в кожу. — Мир полон зла, с которым я обязана сражаться хотя бы в память об Эвелине. Но как я могу? Что я за воин с таким животом?

Пони снова потянулась к столику, на этот раз с мыслью схватить его и вышвырнуть в окно. В последний момент, однако, она остановилась, мгновенно осознав, какой шум подняла. И тут же услышала в коридоре быстрые шаги, а затем негромкий стук. Дверь распахнулась, на пороге стояла испуганная Дейнси Окоум, глядя на Пони широко раскрытыми глазами.

— Вам плохо, мисс Пони? — робко спросила она.

Пони охватило смущение, но ярость и сожаление все еще бушевали внутри. Она отошла от столика и повернулась лицом к Дейнси.

— Я могу как-то вам помочь? — обеспокоенно спросила Дейнси.

— Я беременна, — ответила Пони.

— Ну, об этом я уже догадалась.

Пони зло усмехнулась.

— Неужели? Да, ты поняла, что Пони беременна, но знаешь ли, что это означает на самом деле?

— Думаю, это означает, что через несколько месяцев вы будете нянчить младенца, — со смешком ответила Дейнси. — В шестом месяце года или, может, в конце пятого.

Пони ударом кулака свалила столик на пол, Дейнси подскочила от неожиданности.

— Это означает, что в решающий момент борьбы Пони не сможет принять в ней участие, — проворчала она. — Это означает, что, когда в Палмарисе вспыхнет мятеж, а это непременно случится, Пони будет валяться в родовых муках. — Выражение ее лица смягчилось, она опустила взгляд и добавила совсем тихо. — Это означает, что я выхожу из игры.

— Мисс Пони! — воскликнула Дейнси и стукнула ногой по полу.

— Какую же глупость я совершила, — упавшим голосом сказала Пони.

— Какую глупость вы сейчас совершаете, если уж на то пошло! — взорвалась Дейнси. — Это что же, вы сожалеете о том, что носите ребенка? — Пони не отвечала, но

выражение ее лица подтвердило догадку Дейнси. — Вы делаете ошибку. Нельзя так думать о ребенке, который у вас в животе. Нет, нельзя, он ведь это поймет, мисс Пони! Он все слышит, не сомневайтесь, и потом...

— Заткнись! — рявкнула Пони и сделала шаг вперед.

Дейнси немного отступила, но тут же остановилась и расправила плечи.

— А вот и нет! — заявила она. — Вы скучаете по своему возлюбленному, боитесь за него и ребенка, но сейчас вы говорите глупости, и я была бы вам не друг, если бы не сказала этого!

Подскочив к ней, Пони стала оттеснять ее за дверь. Дейнси пыталась сопротивляться, но Пони оказалась сильнее и в конце концов вытолкала ее в коридор. Дейнси рвалась обратно, но Пони захлопнула дверь прямо у нее перед носом.

Упрямая Дейнси снова заколотила в дверь.

— Вы слышите меня, мисс Пони! Я знаю, вы слышите меня! Вы чувствуете жизнь внутри себя и понимаете, что именно она, а не эта дурацкая борьба — ваша главная обязанность. Прислушайтесь к своему сердцу...

Безрезультатно поколотившись в дверь, Дейнси наконец ушла.

Пони рухнула на постель, уткнула мокрое лицо в ладони. Все в ее жизни перевернулось с ног на голову. Ах, если бы Элбрайн был здесь, поддержал ее! Ах, если бы она не была беременна...

Осознав, какая мысль только что пришла ей в голову, Пони выпрямилась на постели, широко распахнув глаза и тяжело дыша.

— Господи... — пробормотала она.

Руки скользнули к животу и принялись ласково поглаживать его в попытке взять обратно свои слова, в попытке уверить зреющего в ней ребенка, что она ничего такого не имела в виду.

Дверь распахнулась, на пороге снова стояла Дейнси.

— Мисс Пони? — негромко позвала она.

Пони едва не потеряла сознание и, наверное, упала бы, но Дейнси подскочила к ней, обняла, зашептала на ухо, что все наладится, все будет хорошо.

Ах, если бы можно было в это верить!

ГЛАВА 21 ЗОВ СЕРДЦА

— Ты уверен, что мы одни? — спросил Брамин, когда они с Элбрайном углубились в залитый полуденным солнцем лес неподалеку от Дундалиса.

За неделю, прошедшую после бурана, снег подтаял на несколько дюймов, но был еще очень глубокий. Белый ковер покрывал узор из теней, отбрасываемых голыми ветвями.

Полуночник пожал плечами.

— Кто знает? Смотрителя поблизости нет, это, пожалуй, единственное, в чем я уверен. И людей тоже, разве что это люди, умеющие ходить совершенно бесшумно, не вспугивая даже птиц. Роджер Не-Запрешь? Может быть. Ему везет на такие вещи — слушать то, что не предназначено для его ушей, и видеть то, что не предназначено для его глаз.

— Ну и конечно, эльфы, — добавил Брамин. — Они могут быть на расстоянии вытянутой руки, и даже Полуночник не будет знать об этом, если они не пожелают.

Элбрайн кивнул. После сражения с гоблинами он не видел никаких признаков эльфов, только временами слышал их тихую ночную песню. Они были неподалеку, это точно, но теперь он был не в силах объяснить себе их поведение. Почему они не предупредили его о нападении гоблинов и почему приняли столь незначительное участие в сражении, стоившем жизни четверем солдатам? И пожалуй, самое странное — почему они не пришли к нему потом, хотя бы просто с целью объясниться? Он с нетерпением ожидал этой встречи, если, конечно, она когда-нибудь произойдет. И твердо решил, что, даже если с ними и впрямь

госпожа Дасслеронд, открыто выскажет все, что думает об их позиции.

— Ладно. Здесь мы, наверное, в безопасности настолько, насколько это вообще возможно, — серьезно сказал Браумин. — У меня к тебе просьба.

Элбрайн молча смотрел на него, не зная, чего ожидать. Он боялся, что Браумин заговорит о возвращении украденных камней, принадлежавших — и по праву, как полагал Полуночник! — Пони; тогда ему придется отклонить эту просьбу.

— Я и мои друзья теперь одиноки в этом мире, — продолжал Браумин. — Сбежав из Санта-Мер-Абель, мы разорвали все связи с церковью Абея.

— Об этом нетрудно догадаться, — ответил Элбрайн. — Хотя, учитывая мстительность отца-настоятеля, я бы на вашем месте молился о том, чтобы эти связи и впрямь оказались полностью разорваны.

Губы Браумина тронула мимолетная улыбка.

— С нашей стороны точно разорваны, а это значит, что мы стали людьми, у которых больше нет дома. И хуже того, Полуночник, — людьми, у которых нет цели.

— Здесь, в Дундалисе, вы нашли друзей, а в лесах Тимберленда всегда можно спрятаться, так что никто вас не найдет, — ответил Полуночник. — Думаю, Шамусу и его солдатам даже в голову не приходит, что вы имеете какое-то отношение к церкви. Чем не жизнь? Бывают гораздо более трудные судьбы.

— Это правда, но не забывай, что мы всегда были людьми цели и всю свою жизнь, с детских лет, посвятили изучению Бога, — сказал Браумин. — Мы призваны Богом и не смогли бы даже переступить порог Санта-Мер-Абель, не проникшись мы этой уверенностью до глубины души. — Столь горделивое признание заставило Полуночника удивленно и как-то по-новому взглянуть на бывшего монаха. — Не думай, я не приукрашиваю, все так и есть. От любого студента ордена Абея требуется абсолютная преданность.

— И вот теперь вы покинули свой орден.

— Потому что поняли, что отец-настоятель Далеберт Маркворт искажает саму суть церковного учения. — Браумин невольно возвысил голос, но тут же испуганно оглянулся и продолжал уже тише: — Этому научил нас магистр Джоджонах, а его — твой друг Эвелин Десбрис. — На это Полуночнику возразить было нечего; Эвелин многому научил и его. — Мы не покинули орден. Мы, только мы воплощаем в себе подлинный дух церкви Абея, и именно это заставило нас уйти из Санта-Мер-Абель.

— И этот путь привел вас в Дундалис, — попытался развить его мысль Элбрайн, — а теперь у вас возникло ощущение, что путешествие не завершено, что простая жизнь на лоне природы не способна удовлетворить ваши духовные запросы. — Проблема была сформулирована так точно, что теперь Браумин удивленно взглянул на него. — Может, стоит построить тут церковь и учить людей тому, что вы считаете правильным?

— И долго мы в таком качестве просуществоваем в непосредственной близости от Хонсе-Бира и церкви Абея? — скептически спросил Браумин.

— Значит, вас толкают вперед не поиски цели, а самый обычный страх.

В первое мгновение лицо монаха исказилось от негодования, но он быстро сообразил, что Элбрайн поддразнивает его, и рассмеялся.

— Да, из Санта-Мер-Абель нас выгнал страх, но поверь, уходить нам было едва ли не страшнее, чем остаться.

— Ты сказал, у тебя есть просьба, — напомнил Брамину Элбрайн. — Что я могу сделать для вас?

Браумин глубоко вздохнул, и это снова навело Полуночника на мысль, что речь идет о чем-то серьезном.

— Я хочу просить тебя отвести нас в Барбакан, — торопливо ответил Браумин.

Интересно, подумал Элбрайн, что пугало Браумина больше — попросить о помощи или громогласно заявить о том, в чем она состоит?

— В Барбакан? — удивленно повторил он.

— Я видел могилу Эвелина и твердо знаю, что должен пойти туда опять. То же самое

можно сказать о брате Делмане. Остальные непременно тоже должны ее увидеть; это паломничество необходимо, чтобы мы, пятеро, поистине стали людьми одной цели.

— В чем же состоит эта цель?

— Очень надеюсь, что паломничество подскажет нам ее.

— Барбакан — все еще опасная для людей территория, — напомнил Браумину Элбрайн. — Гибель демона и разгром его армии не сделали эти места пригодными для обитания. Допустим, я отведу вас туда, а что потом? Вы сможете остаться там всего на несколько дней, а может, и часов. И тут же снова обратно, в Дундалис?

— Может, да, — не стал кривить душой Браумин, — а может, и нет. Я верю в сердце своем, что Эвелин укажет нам путь. Он отдал жизнь за правое дело и теперь, конечно, пребывает на небесах. В месте его гибели ощущается что-то магическое, что-то исцеляющее и непостижимое. Я остро почувствовал это, увидев его могилу.

— Более трехсот миль по дикой, безлюдной местности — и все ради надежды в конце получить озарение?

— А что еще нам делать? — сказал Браумин. — Знаю, я прошу у тебя слишком много, но делаю это во имя Эвелина и в надежде, что он и Джоджонах погибли не зря.

Элбрайн не знал, что и сказать. Очень велика была вероятность того, что в этом путешествии все они погибнут или, в лучшем случае, возвратятся измученные и едва живые. Однако Браумин говорил с такой искренней убежденностью, с такой решимостью! Он много лет был монахом и лучше Элбрайна знал, на что способна глубокая, искренняя вера. Может, человек, посвятивший всю свою жизнь поискам Бога и добра, и впрямь способен получить озарение? Кроме того, Полуночник и сам испытал нечто вроде священного трепета, увидев руку Эвелина, сумевшую уцелеть, когда все вокруг рушилось и пылало. Хотя в отличие от Браумина он понимал, что цель у Эвелина была сугубо практическая: он надеялся, что сумеет таким образом сохранить священные камни и меч Элбрайна.

— Ты представляешь себе, как это опасно? — спросил он.

— Я понимаю, что означает для нас не пойти: смерть, если не физическую, то духовную. И, что страшнее даже физической смерти, — духовное бессилие. Наши голоса смолкнут навсегда под пятой отца Маркворта.

— И Барбакан может это изменить?

Браумин пожал плечами.

— Я и мои товарищи знаем, что должны добраться до могилы Эвелина. И мы пойдем туда, с Полуночником или без него.

Элбрайн не сомневался в этом.

— Прогос еще наполовину виден на небосводе, — сказал он. — Зима в самом разгаре. Ты убедился, какая она здесь. Поверь, тот буран, который разразился за день до прихода Шамуса Килрони, — явление самое обычное в этих местах. Не знаю, когда тропы очистятся от снега, но даже если это произойдет, в горах вокруг Аиды дует ледяной ветер, способный заморозить кровь в ваших жилах.

— Опасности, конечно, нужно учитывать, — ответил Браумин, — но они нас не остановят.

Решимость монаха явно произвела на Элбрайна впечатление.

— Я поговорю со Смотрителем, — сказал он. — Он лучше меня знает северные края, а его лесные друзья могут подсказать, какая из опасностей нам угрожает реально.

— Нам? — с надеждой в голосе воскликнул Браумин.

— Ничего не обещаю тебе, брат Браумин, — ответил Элбрайн, но было ясно, что он, скорее всего, возглавит маленький отряд.

От этой мысли Элбрайну внезапно стало не по себе; никакого желания возвращаться к заброшенным развалинам Аиды он не испытывал. Всего неделю назад, до этого странного сна о Пони, он был уверен, что его путь лежит в прямо противоположную сторону. Хотя нет, это ведь был не сон. Сама Пони явилась ему во сне, и теперь он знал совершенно точно, что в ближайшее время им не суждено встретиться.

Может, на север его толкала злость на Пони, обида на нее? Трудно сказать. Одно ясно: прежде чем отправляться в это путешествие, нужно сесть и хорошенько все обдумать.

— Ты должен пойти. — Роджер шагал рядом с Элбрайном по темному лесу. — Они хорошие люди, каждый из них.

Тот не отвечал. Он уже объяснил Роджеру, с какими проблемами они могут столкнуться на этом пути, не упомянув, правда, об одной: если он отправится в Барбакан, Томас Джинджерворт месяц или даже больше не сможет рассчитывать на его помощь.

— Я работал в Санта-Мер-Абель, — продолжал Роджер. — Только очень мужественные люди могли решиться покинуть это место. Они рискнули всем, потому что не могли отречься от Джоджонаха...

Элбрайн поднял руку, останавливая его; Роджер уже начал повторяться.

— Давай спросим мнение Смотрителя, — сказал Элбрайн. — Верю, что брат Браумин и его друзья искренни в своей решимости. Если бы я хоть на миг усомнился в этом, то не стал бы разговаривать со Смотрителем. Но меня волнуют другие, с моей точки зрения более важные проблемы.

— Пони.

— Да, это одна из них. А вторая — погода. На краю поляны появился кентавр.

— Ты опоздал, — мрачно заявил он.

Над головой зашуршали ветки, и Элбрайн понял, почему у Смотрителя такая кислая физиономия. Приглядевшись, он увидел двух эльфов, быстро перескакивающих с ветки на ветку и опускающихся все ниже.

— Что тебя так удивило, Полуночник? — разглядев выражение его лица, спросила эльфийка по имени Тиел'марави.

Точнее, это было не имя, а прозвище, по-эльфийски означающее «птица певчая». Джуравиль когда-то объяснил Элбрайну, что подлинное имя Тиел'марави давно забылось; это прозвище лучше подходило той, чей мелодичный голос стал легендой даже среди эльфов, которые все обладали прекрасными голосами.

— Я думал, нашему союзу конец, — угрюмо ответил Полуночник. — Тол'алфар ходят теперь другими путями, и так продолжается уже много дней.

— Время течет медленно только для нетерпеливых людей, — ответил Ни'естиел.

Некоторое время они с эльфом молча сверлили друг друга вызывающими взглядами. Потом Ни'естиел встал на ветке и отвесил Элбрайну низкий поклон, улыбаясь от уха до уха.

Полуночник, однако, не улыбнулся в ответ.

— Это ты так считаешь, — сказал он. — А между тем дети Эндур'Блоу Иннинес не сочли нужным предупредить Полуночника о нападении гоблинов и принимали очень незначительное участие в сражении, хотя их луки могли бы внести в него неоценимый вклад.

— А может, они не знали, что Полуночник окажется среди солдат, — вставила Тиел'марави.

— Эти оправдания... — начал было Полуночник и смолк, напомнив себе природу этих созданий. Эльфы не люди, хотя он частенько забывал об этом. Их взгляд на мир не включал в себя такие чисто человеческие понятия, как сострадание к представителям другого, дружественного вида и необходимость действовать с ними сообща. И все же оправдать их пассивность в случае сражения, о котором шла речь, он не мог; как ни посмотри, люди могли быть союзниками эльфов, а гоблины — никогда. — Четыре человека погибли, и еще трое тяжело ранены...

Он замолчал, снова напомнив себе, с кем, собственно говоря, имеет дело, и заметив, что на тонких лицах обоих эльфов не отразилось никаких чувств. С какой стати? Что значит человеческая жизнь для созданий, способных пережить двадцать поколений людей?

А эти двое, Тиел'марави и Ни'естиел, если Элбрайн помнил точно по своей жизни в Эндур'Блоу Иннинес, относились к числу самых бесчувственных, когда дело касалось н'тол'алфар, то есть не-эльфов. И сразу же возникли новые вопросы: почему именно они

говорят с ним? Где Джуравиль? И где госпожа Дасслеронд?

За этим, безусловно, что-то стояло, и это что-то Элбрайну очень не нравилось.

— Ну, как видите, Полуночник был среди солдат и, следовательно, тоже мог погибнуть, — сказал он наконец, думая, что нет смысла дальше обсуждать эту проблему.

Однако Ни'естиел на этот счет явно был другого мнения.

— Если бы его убили какие-то жалкие гоблины, тогда бы он не был достоин имени Полуночник, которое тол'алфар дали ему, — заявил эльф и насмешливо рассмеялся. А вслед за ним и Тиел'марави.

Однако у Элбрайна почему-то возникло ощущение, что их веселость не совсем искренна.

— Ну, это дело прошлое, а у нас впереди долгий путь, — заявила Тиел'марави.

Элбрайн удивленно посмотрел на кентавра.

— Ну, ты же знаешь, какие у них уши, — ответил тот.

— Ты обдумываешь поход в Барбакан, — сказал Ни'естиел, — на то место, где был уничтожен демон дактиль.

— К могиле брата Эвелина Десбриса, — торжественно заявил Роджер.

На эльфов, однако, его слова явно не произвели впечатления.

— И что тол'алфар думают об этом? — спросил Элбрайн.

— А при чем тут тол'алфар? — вопросом на вопрос ответил Ни'естиел.

— Полуночник вправе идти туда, куда сочтет нужным, — добавила Тиел'марави. — Мы поможем, чем сможем.

— И если сочтете нужным, — с кривой улыбкой заметил кентавр.

— Как всегда, — не стал отпираться Ни'естиел.

— Ты осмотрел местность? — спросил Элбрайн Смотрителя.

Он разговаривал с ним сегодня днем, рассказал о просьбе Браумина и напомнил кентавру, что обещал Томасу Джинджервурту помочь с восстановлением деревни.

— Нет здесь никаких гоблинов или других тварей, — ответил Смотритель. — Думаю, они удирают отсюда во все лопатки.

— Да, местность полностью очищена, — добавила Тиел'марави.

— С какой стати мы должны верить вам? — спросил кентавр.

Однако ответил ему Элбрайн, заявив, что лично он верит эльфам. Он понимал их, да и Смотритель тоже, просто последнему было труднее подавить злость. Да, тол'алфар могли спокойно стоять в стороне, глядя, как гибнут люди, — именно так они поступили, например, когда был уничтожен первый Дундалис и погибла вся семья Элбрайна, — но людей они всегда ставили несравненно выше гоблинов и прочих тварей. Если сейчас эти двое утверждали, что местность очищена от монстров, значит, так оно и было. Смотритель и сам понимал это, но ограничился насмешливым фырканьем и взмахом руки.

— Тогда что мне делать? — спросил Элбрайн. — По правде говоря, я вовсе не хочу идти в Барбакан, но, разыскивая меня, эти люди проделали долгий и трудный путь на север. И они сердцем и душой последователи Эвелина, в этом я нисколько не сомневаюсь.

— Значит, ты обязан выполнить их просьбу в память о своем погибшем друге, — горячо сказал Роджер.

— Знаешь, может, этот поход на север не такая уж и плохая идея, — неожиданно заявил Смотритель. — К тому же лично я так и не видел этой могилы, о которой столько толкуют.

— И я тоже, — сказал Роджер.

— А вы что скажете? — спросил кентавр эльфов.

— Может, и мы пойдем, — ответила Тиел'марави.

— А может, и нет, — добавил Ни'естиел.

У них тут свои дела, понял Элбрайн, связанные не только с ним. Он все еще не мог понять, почему госпожа Дасслеронд не пришла обсудить с ним лично столь важную проблему. Или Джуравиль... Где в такой решающий момент его дорогой друг, единственный

друг из числа тол'алфар? И тут ему пришло в голову: а может, госпожи Дасслеронд, Джуравиля и остальных эльфов просто нет поблизости, может, они послали в Тимберленд только этих двоих?

— Ну, теперь остается лишь ждать хорошей погоды, — заметил Смотритель. — И, боюсь, ждать придется долго!

Элбрайн был согласен с ним. Он хорошо знал, что такое зима на севере: дни, недели, проведенные при тусклом свете костра, когда топливо используется экономно, только чтобы не замерзнуть насмерть, а вокруг лишь голые скалы и постепенно теряющие присутствие духа товарищи.

Элбрайн и Роджер вернулись в деревню и направились в палатку, установленную около стены большого общего дома. Браумин и остальные были уже там, томились в ожидании и явно нервничали.

— Если Томас Джинджерворт и солдаты подтвердят, что в состоянии сами защитить себя, я поведу вас в Барбакан, — заявил Элбрайн, рассеивая опасения монахов. Они тут же начали возбужденно перешептываться. — Больше трехсот миль, переход гораздо длиннее и труднее, чем от Палмариса до этих краев.

— Не так уж трудно, — еле слышно прошептал Муллахи.

— Не так уж долго, — легкомысленно заявил Виссенти.

— Думаю, нужно начинать готовиться, — сказал Браумин.

— И когда в путь? — спросил нетерпеливый Кастинагис.

— Когда станет ясно, что ветер не убьет нас, а снег не похоронит под собой, — жестко ответил Полуночник. — Думаю, в начале или конце баффэя.

Это сообщение явно разочаровало рвущихся в дорогу монахов, но Элбрайн остался непоколебим.

— Уходить раньше опасно. Вы слышали, как воет ветер, и видели, какой глубокий выпал снег, а ведь мы гораздо южнее Барбакана, и местность здесь значительно ниже. В северных горах все обстоит гораздо серьезнее, поверьте моему опыту. До сих пор зима протекает довольно мягко, и, если так будет продолжаться и дальше, мы, может быть, выйдем незадолго до начала баффэя. Но не раньше — даже если завтра солнце начнет жарить с такой силой, что мы сможем скинуть одежду и загорать нагишом!

С этими словами Полуночник коротко поклонился и покинул палатку, а Роджер остался со своими новыми друзьями, чтобы вместе порадоваться удаче, которую ничуть не омрачили мрачные предостережения Элбрайна.

Сначала Полуночник двинулся было в сторону палатки Томаса Джинджерворта, но потом передумал. Томаса будет нетрудно убедить; гораздо важнее договориться с тем, кому вместо Полуночника придется охранять поселенцев.

Шамус не спал, обходил свои караулы, с озабоченным видом сцепив за спиной руки и глядя на звезды. Увидев хмурого Элбрайна, он тут же заволновался, но постарался скрыть это, хотя получилось не слишком убедительно.

— Когда зима подойдет к концу, мне придется уйти на несколько недель, — с ходу заявил Элбрайн. — Поведу кое-каких людей на север.

— На север? — удивился Шамус. — Но мы нужны здесь.

— Я не уйду, пока не удостоверюсь, что местность полностью очищена от врагов, — ответил Полуночник. — И отсутствовать буду недолго... самое большее месяц. К тому же Томас Джинджерворт и другие поселенцы останутся в надежных руках капитана Шамуса Килрони и его солдат. Зачем я тут нужен?

— Ты мне льстишь, рейнджер. — Шамус обезоруживающе улыбнулся. — Но если здесь врагов не останется, почему бы и мне не пойти с тобой?

— В этом нет необходимости, — ответил Полуночник тоном, ясно дающим понять, что вопрос не обсуждается.

— И что за дела могут быть у кого-то на севере? — продолжал допытываться Шамус. — Лес здесь богатейший, деревьев хватит на тысячи тысяч мачт.

— Они идут на север в поисках богатства совсем другого сорта, — загадочно ответил Элбрайн, — и я верю: они найдут то, что ищут.

— Значит, Полуночник тоже гонится за богатством? — с усмешкой спросил Шамус.

— Может быть, — ответил Элбрайн со всей серьезностью, погасившей смех капитана.

— Полуночник идет туда, куда ему захочется, — мрачно заметил Шамус, почти дословно повторив слова Тиел'марави. — Остается лишь надеяться, что ты уйдешь ненадолго... а до того еще раз обдумаешь мое предложение отправиться вместе с вами.

— Обещаю и то и другое. — Элбрайн пожелал капитану доброй ночи и исчез в лесу.

После его ухода Шамус долго стоял, обдумывая услышанное и то, к чему это может привести. Зрелище беглого кентавра и без того донельзя расстроило его, а тут еще выясняется, что Полуночник собирается вести на север шесть человек, совсем недавно влившихся в ряды поселенцев. По некоторым косвенным признакам, например по тому, что они часто называли друг друга «брат», Шамус уже понял, что эти люди имеют или, по крайней мере, имели отношение к церкви Абея.

Может, Полуночник догадался, что Шамус действует по поручению Де'Уннеро?

Внезапно капитан услышал легкие шаги и увидел, что к нему приближается самый молодой из этих шестерых. Поравнявшись с капитаном, Роджер кивнул ему в знак приветствия.

— Полуночник рассказал мне, что поведет вашу группу на север, — сказал капитан ему в спину.

Тот остановился, удивленный, но нимало не насторожившийся. По его понятиям, солдаты барона и, следовательно, солдаты короля никак не могут быть на стороне церкви.

— Ну да, — ответил Роджер. — И все мы очень рады, что он будет с нами.

— Поход опасный, и вам повезло, что Полуночник будет с вами.

— Самой трудной будет первая часть пути, так мне кажется, — сказал Роджер. — Если гора Аида и впрямь полностью разрушена, вряд ли монстры осмелятся вернуться в такое страшное место.

Шамус с трудом скрыл удивление. Они собираются в Барбакан!

— Тогда мне не понятно, зачем вам-то туда идти? — спросил он.

И тут наконец Роджер насторожился. Он доверял капитану, но понимал, как важно для них сохранение тайны, и вдруг испугался, что сболтнул лишнее. Хотя, подумал Роджер, Шамусу наверняка уже все известно от Полуночника.

— Не знаю даже, как ответить, — сказал он. — На свете много мест, которые я не видел, но хотел бы увидеть. В одни легче добраться, в другие тяжелее, вот и все.

Надеясь, что ему удалось сбить Шамуса с толку, Роджер протяжно зевнул и сказал, что ему уже давно пора спать.

Вскоре капитан вручил одному из своих самых доверенных солдат пергамент, приказал скакать на юг и доставить сообщение епископу Де'Уннеро. Шамус постоянно говорил себе, что всего лишь выполняет долг офицера короля. И все же, предавая Полуночника, пусть даже объявленного преступником, Шамус чувствовал себя довольно гадко.

Часть четвертая

СЕРДЦЕ И ДУША КОРОНЫ

Я никогда не думал об этом прежде, дядя Мазер, потому что никогда не видел в этом проблемы. И возможно, потому, что меня никогда об этом не спрашивали. В самом деле, король Дануб Брок Урсальский — король Полуночника или нет? Вот какой вопрос, с виду совсем простой, задал мне Шамус, но он застал меня врасплох, и я не знал, как на него отвечать. Сказал что-то, но в сердце своем не знаю ответа до сих пор.

Может, я бездомный бродяга? Мое детство прошло в Дундалисе, которого

больше нет, даже если из его руин поднимется новая деревня. Я вырос и возмужал в Эндур'Блоу Иннинес, среди эльфов, и считаю их своими самыми дорогими друзьями.

Но семья?

Нет, в прямом смысле этого слова Белли'мар Джуравиль мне не брат, а госпожа Дасслеронд не королева. Я люблю Джуравилья как брата и с большим вниманием отношусь к распоряжениям госпожи Дасслеронд, но факт налицо — мы смотрим на мир разными глазами. Взгляд эльфов по сравнению с человеческим различает другие оттенки в яркой палитре мира.

Вот почему Эндур'Блоу Иннинес, не является, да и не может быть моим домом, как бы я этого ни желал. Когда я вернулся в эльфийскую долину, мне даже не позволили туда войти. Джуравиль объяснил это тем, что я н'тол'алфар, и хотя я спорил с ним, убеждая, что мыслю не как обычный человек, мы оба понимаем, что он прав: Элбрайн-Полуночник, несмотря на все обучение у эльфов и любовь к ним, тол'алфар не является.

Итак, госпожа Дасслеронд не моя королева. Выходит, за недостатком других вариантов, Дануб мой король?

Нет, дядя Мазер, и думаю, что его отец не был королем тебе. Получается, что мы с тобой все же бездомные бродяги? Вряд ли. Мой дом здесь, в лесах Тимберленда, пустошах Вайлдерлендса, к северу от Хонсе-Бира, или в степях и горах южного Альпинадора, если пожелаю. Это еще один аспект жизни рейнджера, лишь недавно открывшийся мне. Дом — это ощущение, а не место; для рейнджера он может перемещаться от одной территории к другой, но никогда не бывает замкнут в четырех стенах. Мой дом здесь, в Тимберленде, потому что это ощущение возникает у меня всякий раз, когда я сюда возвращаюсь.

Выходит, не мне рассуждать о королях и королевах, империях и королевствах. Какой бы правитель ни распространил свое влияние на эти земли, это не имеет никакого значения; границы — вещь невидимая и существующая исключительно на карте, не в жизни. Они — всего лишь расширение своего «я», утверждение власти, средство обогащения. И все это одна видимость, потому что расширение своего «я» таким способом ложно. Власть не столько свобода, сколько ловушка, а богатство эфемерно.

Да, одна видимость, дядя Мазер, способ, с помощью которого один человек может дать почувствовать другому свое превосходство. Эвелин как-то рассказывал мне об одной крепости где-то на задворках Урсала. Она служила тюрьмой для тех, кто осмеливался порочить короля, и обычно дверь для этих несчастных открывалась лишь в одну сторону. Прошло несколько десятилетий, для тех же целей построили новую крепость, и надобность в старой отпала. Король великодушным жестом даровал ее какому-то герцогу, но тот долгие годы не знал, что ему с этим подарком делать. Конечно, в крепости не было больше пыточных устройств, она превратилась в довольно уютное местечко, но находилась очень далеко от Урсала, где этот герцог наслаждался всеми прелестями придворной жизни.

Но он был предприимчивым человеком, дядя Мазер, и часто, разговаривая с придворными, рассказывал о «великолепных видах», открывающихся из его поместья. Там такая красота, говорил он, жаль только, что нет времени поддерживать крепость в хорошем состоянии. Поэтому он предлагал ее в аренду — за просто умопомрачительные деньги. Одна эта бешеная цена возбуждала любопытство придворных, а хитрый герцог все продолжал нахваливать свои потрясающие «виды».

Виды! Он играл на суетности этих людей, для которых «дороже» всегда означает «лучше». По словам Эвелина, из-за аренды этой крепости не раз на дуэлях лилась кровь, а между тремя провинциями чуть не вспыхнула самая настоящая междоусобная война. Леди умоляли своих мужей устроить в поместье резиденцию, одинокие придворные желали заполучить бывшую крепость, чтобы приглашать туда дам, соблазняя их удивительными «видами».

В конце концов королева Хонсе-Бира потребовала у мужа, чтобы он вернул

крепость себе; однако король, как человек чести, не стал отменять собственного решения. Вместо этого он арендовал у герцога крепость за тысячу золотых «медведей» в год.

И вот королева получила свои желанные «виды», те самые, которыми десятилетиями любовались враги короны.

Не правда ли, дядя Мазер? Богатство — это всего лишь вопрос восприятия, а яростное желание быть лучше других — не больше чем слабость. И король тоже угодил в ловушку, подхлестываемый мыслью о том, как подданные будут завидовать ему.

Для меня, дядя Мазер, нет ничего дороже свободы и моей любимой, Джилсепони. Свой дом мы будем носить с собой, куда бы ни забросила нас судьба, а все свои богатства хранить в душе и сердце.

И только два этих поистине бесценных сокровища — все, что на самом деле имеет значение.

Элбрайн Виндон

ГЛАВА 22 СЕМЕНА МЯТЕЖА

Люди называли это «оттепель на Прогос» и, хотя такое случалось каждый год, почему-то всегда оказывались захвачены врасплох, покачивали головами и рассуждали о странностях погоды. В этом году, впервые за много лет, у них были все основания для подобных рассуждений. Весна обрушилась на Палмарис внезапно, в начале второго месяца года, целой серией буранов, начинающихся тяжелым влажным снегом, а заканчивающихся холодным дождем.

Зима, одна из самых теплых на памяти даже очень старых людей, закончилась на удивление быстро. Теперь не заметить живот Пони стало просто невозможно. Учитывая это обстоятельство, она вообще больше не снимала фартука, даже когда не работала в трактире, даже если шла по улицам поздно вечером, чтобы встретиться с кем-то из своих товарищей-заговорщиков.

Соппротивление постепенно набирает силу, с надеждой напомнила она себе, выходя из трактира на улицу. Совместными усилиями друзей Белстера, Колин, снабжающей их сведениями из вражеского лагеря, и бехренцев противники Де'Унnero уже в большой степени контролировали городские улицы и доки. К открытым действиям пока не переходили, ограничивались лишь разговорами.

Пока. Да, они сеяли семена мятежа, насаждали и поддерживали отличающийся от официального взгляд на то, как церковь правит городом. Если дойдет до открытого столкновения — а Пони страстно надеялась, что так и будет, — епископ со своими приспешниками будут удивлены масштабом сопротивления.

Сейчас Пони быстро шагала на встречу с Колин Килрони. Жажда мести в ее душе не охладела, она по-прежнему была полна решимости в случае необходимости прибегнуть к каменной магии, магии Эвелина, чтобы обрушить свою ненависть на проклятых церковников, погубивших ее родителей и друзей.

Свернув в нужный переулок, Пони удивилась, увидев, что Колин не одна. Ее удивление лишь усилилось, когда она разглядела спутника Колин.

Она насторожилась и замедлила шаги.

Он прыгнул на нее и схватил руками за горло. Как и все монахи церкви Абея, этот человек изучал боевые искусства, действовал уверенно и быстро.

Пони пошатнулась под обрушившейся на нее тяжестью и схватила его за руки, пытаясь оторвать их от своего горла. Пони заметила, что Колин мечется у монаха за спиной, но, не обращая на нее внимания, подсунула большие пальцы под руки монаха, согнула ноги и опустилась на колени, потянув его за собой. Теперь перевес сил был на стороне Пони. С

силой повернув запястья, она разорвала хватку — и, продолжив это движение, могла бы сломать монаху руки.

Быстро встав, Пони развернулась и пяткой ударила его под подбородок, отшвырнув в сторону. Он поднял руки, отчаянно пытаясь защититься, но она уже метнулась вперед, словно смертоносная змея, нападающая на свою жертву. Последовал новый удар, на этот раз в переносицу, и из ноздрей монаха хлынула кровь.

Он начал падать, но Колин подхватила его, одновременно лишив возможности двигаться, — подсунула руку монаху под плечо и обхватила его за шею.

— Вижу, ты привела сюда доброго друга, — с иронией заметила Пони, поправляя одежду и угрожающе поглядывая на монаха.

Она сумела довольно быстро справиться со своей яростью — учитывая, что на нем была церковная ряса, — но решила, что убьет его, если он бросится снова.

— Это она, да, — пролепетал монах, заикаясь и сплевывая кровь. — П-п-подруга П-п-олуночника.

— Я это и без тебя знаю, — сказала Колин.

— И подруга еретика Эвелина, который украл священные камни и служил демону, — продолжал монах.

Колин фыркнула.

— Чего только про тебя не болтают, — сказала она, обращаясь к Пони. — Знаешь, девочка, ты нравишься мне все больше и больше.

— Ты не понимаешь! — воскликнул монах.

— Понимаю достаточно, чтобы отпустить тебя, — отрезала Колин. — Будет приятно посмотреть, как она вышибет из тебя дух. — Она перестала поддерживать монаха и отошла в сторону.

Человек заколебался, переводя взгляд с нее на Пони и вытирая рукавом бегущую из ноздрей кровь.

— Подруга Эвелина, да, — не стала отпираться Пони, засунула руку в карман фартука и швырнула монаху носовой платок. — Подруга Эвелина, того самого, который прикончил демона, что бы ваши магистры вам ни внушали. — Монах молчал, вытирая кровь и затравленно оглядываясь по сторонам. — Зачем ты привела его? — спросила Пони у Колин.

— Он недолгобливает Де'Уннеро, — ответила Колин. — Я подумала, раз у нас общий враг... Плохо ли иметь своего человека прямо в аббатстве? Мне даже в голову не приходило, что он так себя поведет. — Она пнула монаха ногой. — Я рассказывала ему о тебе, и он вроде бы был настроен вполне по-дружески.

— Это уловка, чтобы добраться до меня, — сказала Пони.

— Придется прикончить его. — Колин отстегнула от пояса кинжал и уткнула его кончик в спину монаха, отчего он тут же испуганно сгорбился.

— Я и впрямь не друг епископу, — пролепетал он.

— Тогда ты не друг и отцу-настоятелю Маркворту, — ответила Пони. — И гораздо ближе к Эвелину Десбрису, чем полагаешь.

— Коллегия заклеила его как еретика и убийцу.

— Пусть твоя Коллегия катится в преисподнюю! — взорвалась Пони. — У меня нет времени объяснять тебе правду, брат...

— Брат Талюмус, — подсказала Колин, — которого я считала другом.

— Я и был им, пока не узнал, что ты в сговоре с преступниками, — полуобернувшись к ней, проворчал он.

— Странные слова ты употребляешь, если учесть, что ты пришел сюда, чтобы принять участие в заговоре против Де'Уннеро, — заметила Пони.

— Так мы убеждать его будем или убивать? — жестко спросила Колин.

Чувствовалось, что она не шутит.

— Не убивай его, — быстро ответила Пони.

— Как думаешь, удастся нам убедить тебя? — сказала Колин монаху в ухо.

Талюмус не отвечал, и вообще непонятно было, услышал ли он ее слова.

— Ты уважал вашего прежнего аббата? — спросила Пони.

— Не смейте говорить плохо об аббате Добринионе! — горячо воскликнул Талюмус.

— Никто и не говорит о нем плохо, — ответила Пони. — Добринион был добрый человек, выдающийся человек, сродни Эвелину Десбрису гораздо больше, чем ты догадываешься. Поэтому отец-настоятель Маркворт и убил его. — Монах пробормотал что-то нечленораздельное и прикусил губу. — Колин привела тебя сюда и, на мой взгляд, правильно поняла твой характер, хотя прежде не раз ошибалась в своих оценках. — Пони обезоруживающе улыбнулась Колин. — Я расскажу тебе правду, все как есть, а дальше суди сам. Хочешь верь, хочешь нет.

— Но если ты не... — начала было Колин, в очередной раз ткнув монаха кинжалом.

— Если ты нам не поверишь, — перебила ее Пони, — тогда придется тебе посидеть пока взаперти. Но не бойся, в любом случае тебе ничто не грозит.

— Аббата Добриниона убил поври, — сказал Талюмус. — Мертвую тварь нашли прямо в его спальне.

— Наверное, тот самый поври, который не стал тратить время на то, чтобы прикончить Келли Ли и окунуть свой берет в ее кровь? — спросила Пони и сразу же поняла, что ее вопрос застал Талюмуса врасплох.

Он хотел было сказать, что, возможно, у твари просто не хватило на это времени, но вместо этого спросил:

— Откуда тебе это известно?

— Мне рассказал Коннор Бильдборо.

— Коннор, который не захотел с тобой жить как с женой. — Чувствовалось, что монах по-прежнему не верит Пони.

— Который прискакал на север и предупредил меня, что убийцы аббата Добриниона гонятся теперь и за ним, и за мной, — объяснила монаху Пони. — Коннор, которого все же убил один из этих людей, Карающий Брат, обученный и посланный настоятелем Санта-Мер-Абель.

— Коннор, чей дядя был убит человеком, которого теперь называют епископом, — добавила Колин.

Плечи Талюмуса поникли под тяжестью этих обвинений; ничего подобного до сих пор ему слышать не доводилось.

Пони понимала его состояние. Монах не мог вот так, сходу, поверить ей на слово, но не мог и совсем выкинуть из головы услышанное. И если что-то подтвердит ее правоту, весь его мир может в одночасье рухнуть.

— Теперь ведутся гонения на бехренцев, — сказала Пони, и Талюмус кивнул с убитым видом. — Ты не согласен с этой политикой. — Последовал новый кивок. — Тогда встань на нашу сторону или, по крайней мере, не выступай против нас. — Пони сделала знак Колин, и та наконец убрала кинжал.

— Я не пойду против ордена, — решительно заявил Талюмус.

— Тогда отойди в сторону и просто внимательно следи за тем, что происходит. И уговори других монахов аббатства Сент-Прешес вести себя точно так же. Епископ Де'Уннеро недобрый человек и даже по-настоящему неверующий в сердце своем. Мы докажем это.

— Я столько лет была тебе другом, — сказала Колин. — Не предавай меня.

— Хорошо, я буду наблюдать, — после долгой паузы заявил Талюмус. — И буду размышлять о том, что увижу. Но если в результате я приду к выводу, что вы ошибаетесь, то буду сражаться против вас.

Рука Колин тут же скользнула к кинжалу, но Пони остановила ее.

— Это все, о чем мы вправе просить тебя, — сказала она. — Ты поступаешь мудро.

Талюмус отступил на несколько шагов, не сводя обеспокоенного взгляда с Пони. Отойдя достаточно далеко, он повернулся и бросился бежать.

— Не следовало приводить его сюда, — сказала Пони. — Пока по крайней мере.

— А когда, интересно? — спросила Колин. — Думаешь, мы долго продержимся, если нам не станут помогать монахи? Ба! — Она насмешливо фыркнула. — Рано или поздно тебя все равно найдут и прикончат. Знаешь, почему я привела Талюмуса? Он признался, что прошлой ночью один из братьев почувствовал каменную магию в районе «Друга», а Талюмус знал, что я частенько захожу сюда.

При этих словах Пони сникла. Простой ночью она снова использовала гематит, чтобы посмотреть, как идут дела у ее ребенка — ребенка, который постепенно занимал все больше места в ее жизни. Ей даже в голову не приходило, что духовная связь с еще не рожденным крошечным человеком может иметь фатальные последствия. А вдруг Де'Уннеро и его приспешники тоже заметили применение каменной магии?

— Он посоветовал мне держаться подальше от «Друга», — закончила Колин.

— Значит, нужно ждать Де'Уннеро.

— Нет. Монах, заметивший, что ты применяла магию, рассказал об этом только Талюмусу, а тот мне. Ну, я и говорю Талюмусу: скажи своему дружку, что это ты баловался с камнями, а не враги церкви. Он так и сделал, а теперь, после разговора с тобой, уж точно никому ничего не скажет.

Пони задумалась. Может, им всем вместе — ей, Белстеру и Дейнси — стоит покинуть трактир? Не хотелось бы, конечно, — это может погубить все, чего они в своей подпольной деятельности добились за последние несколько недель.

— Брат Талюмус производит впечатление искреннего человека, — решила она. — Он не выдаст нас, по крайней мере сейчас.

— Тогда нужно позаботиться о том, чтобы представить ему убедительные доказательства нашей правоты, — заметила Колин.

Верный данному обещанию, брат Талюмус уже по дороге в аббатство начал обдумывать события последнего времени в свете сказанного Пони. Одна встреча в особенности казалась ему знаменательной: незадолго до того, как барон Бильдборо отправился в Урсал и был убит по дороге, он и еще один человек пришли к брату Талюмусу. Барон вместе со своим неизвестным спутником рассказали монаху об убийстве отца Добриниона и между прочим упомянули о том, что поври не зарезал Келли Ли и не окунул берет в ее кровь.

Талюмус знал о поври не слишком много и прежде не придавал этому факту того же значения, как барон Бильдборо, его неизвестный спутник и вот теперь эта женщина, Пони. И все же, можно ли счесть это доказательством в высшей степени гнусного предательства церкви Абея по отношению к одному из своих наиболее уважаемых аббатов? Такой вывод брат Талюмус пока был сделать не готов.

В зале аббатства Сент-Прешес Талюмус встретился со своим другом, братом Гуильосом, тем самым, который заметил использование каменной магии в районе трактира «У доброго друга».

— Брат! — воскликнул Гуильос, заметив все еще кровоточащий нос Талюмуса. — Что это с тобой?

— Проблема использования камней около «Друга» улажена, — ответил Талюмус.

Гуильос отступил и недоверчиво посмотрел на него.

— Ты же говорил, что это твоих рук дело?

— Это правда лишь наполовину, — заявил Талюмус, и Гуильос удивленно распахнул глаза. — Я... Я искал там женщину для... Ну, ты понимаешь? Ох, слабость плоти, грехи наши тяжкие!

Набожный Гуильос кивнул и сделал общепринятый, хотя и редко используемый в церкви жест: вытянул руку вперед на уровне груди, коснулся ею брови, резко отвел вниз и в сторону, потом снова вверх и в другую сторону; жест, обозначающий живое дерево.

— Эта женщина оказалась больна, — продолжал Талюмус, — что-то с поясницей. Ну, я

и дал ей на время камень души, чтобы она исцелилась...

— Что это за уличная шлюха, умеющая пользоваться священными камнями? — недоверчиво спросил Гуильос.

Талюмус смущенно улыбнулся.

— Уличные шлюхи много чего знают. Ну, я пошел к ней, чтобы забрать камень, но женщина решила, что при ее профессии эта вещь может сослужить ей хорошую службу.

— Брат Талюмус!

— Она ударила меня.

— А камень?

— У меня, конечно, — солгал Талюмус, от всей души надеясь, что Гуильос не захочет взглянуть на него.

Однако Гуильосу это даже в голову не пришло; недаром монахи часто называли его наивным младенцем. Он, простая душа, лишь вздохнул и повторил жест живого дерева.

— Я рассказал тебе об этом в надежде, что ты меня не выдашь, — продолжал Талюмус, — и будешь помалкивать о том, что обнаружил использование каменной магии неподалеку от «Друга». Епископ Де'Уннеро и так недолюбливает меня, не хотелось бы иметь новые неприятности!

Гуильос тепло улыбнулся другу.

— Ты должен покаяться и в дальнейшем быть осторожнее в выборе компании.

Вполне удовлетворенный объяснениями Талюмуса, он помог ему привести в порядок лицо, удивляясь многочисленным талантам шлюхи и, в частности, ее умению драться.

Желая показать, что он внимательно слушает болтовню Гуильоса, Талюмус время от времени издавал невразумительное мычание, хотя мысли его были далеко, в переулке рядом с трактиром. Еще многое требовалось обдумать... непонятного... тревожного...

— Эй, парень, подай-ка... вот это! — крикнул пьяный и с такой силой потянулся к лежащей рядом щербатой чашке, что потерял равновесие, даже несмотря на сидячее положение, и рухнул на землю.

Белли'мар Джуравиль, и впрямь слегка похожий на уличного мальчишку — для маскировки лицо он измазал сажей, а крылья спрятал под плащом; до чего же неудобно! — глянул на чашку, но не двинулся с места.

— Слышь, п-парень? — пьяный начал с трудом подниматься, держась за стену. — Давай сюда чашку, а то как дам!

Джуравиль с отвращением покачал головой. Перед ним был худший представитель рода человеческого, которого эльфу когда-либо доводилось видеть; он был даже гаже трех трапперов, когда-то получивших прощение от Полуночника. И Джуравиль понимал, что на его соплеменников, спрятавшихся поблизости в стратегически важных местах, этот, с позволения сказать, человек производит еще более худшее впечатление.

— Кому говорю, парень? — громко — слишком громко! — закричал пьяница и сделал шаг вперед.

Джуравиль резко развернулся, ногой заехал человеку по спине, подскочил, чисто инстинктивно пытаясь воспользоваться крыльями, — ох, как бы не повредить их! — и двумя ударами в лицо отшвырнул пьяницу к стене дома.

— Эй, да ты, оказывается, шустрый малый! — брызгая слюной, взорвался пьяница, изо всех сил пытаясь устоять на ногах.

И подскочил — Джуравиль тоже, — когда сверху упал кирпич, задев его по голове сбоку. Пьяница пошатнулся и упал.

Джуравиль поднял взгляд и увидел еще одного эльфа, стоящего на краю крыши.

— Может, ты убил его, — прошептал Джуравиль.

— Но если нет и если он, проснувшись, снова начнет шуметь, тогда я его точно убью! — ответил эльф.

Джуравиль узнал голос самой госпожи Дасслеронд и понял по ее тону, что она не

шутит.

С проворством, недоступным ни одному самому ловкому человеку, госпожа прыгнула с крыши, легко приземлилась на ноги и оказалась рядом с Джуравилем. Тот наклонился к пьянице и убедился, что он еще дышит.

— Она вернулась? — спросила госпожа Дасслеронд.

— Она внутри, обслуживает клиентов под видом жены Белстера, — ответил Джуравиль.

— Беременной жены Белстера, — заметила Дасслеронд. — Любому, кто потрудится приглядеться повнимательней, это очевидно. — Джуравиль не возражал; состояние Пони теперь ни у кого не вызывало сомнений. — Ловко она отвязалась от этого монаха.

Джуравиль понимал, что последние слова сказаны исключительно ради него: госпожа Дасслеронд хотела дать ему понять, что не сердится на Джилсепони.

— И все же вам не понравилось, что в такое тревожное время она встречается с человеком из церкви Абея, — ответил он.

— Зря женщина-солдат привела его.

— Вы сильно опасаетесь церкви? — спросил Джуравиль.

— При чем тут я? Вот твоей приятельнице следовало бы ее опасаться.

— А мне кажется, что и госпоже Дасслеронд тоже, — осмелился возразить Джуравиль.

К его облегчению, она не рассердилась.

— Я опасюсь любого человека, верящего, что его действия санкционированы Богом, — сказала госпожа. — А эта церковь к тому же имеет склонность объявлять врагом всякого инакомыслящего. Взять хотя бы положение бехренцев в порту. На какое отношение, в таком случае, могут рассчитывать тол'алфар?

— Какое нам до этого дело?

— Наши связи с людьми прочнее, чем хотелось бы, — мрачно ответила госпожа Дасслеронд.

Джуравиль не понимал, о каких связях идет речь. Да, эльфы связаны с рейнджерами; ну, и еще заключают сделки с очень немногими, специально отобранными торговцами, обменивая «болотное» вино на товары, которыми не могут обеспечить себя сами. И даже эти сделки осуществляются со всеми мыслимыми мерами предосторожности: зачастую торговцы понятия не имеют, кому поставляют товары и от кого получают вино.

— Война окончена, — продолжала госпожа Дасслеронд. — И после каждой войны у людей неизбежно начинается передел границ. На юг Хонсе-Бир не пойдет, несмотря на действия епископа против темнокожих. Все понимают, что воевать с Бехреном — дело безнадежное и опасное. Север тоже для них закрыт — там можно затронуть интересы диких альпинадорцев. На востоке — огромное море.

— А на западе Эндур'Блоу Иннинес, — закончил логическую цепочку ее рассуждений Джуравиль.

— Они и так слишком близко к нам, в особенности если учесть фанатизм и уверенность церкви Абея в своей правоте.

— Но как остановить их? Не воевать же? — спросил Джуравиль. — Вряд ли мы можем рассчитывать на победу, учитывая их численное преимущество.

— Возможно, настало время открыто поговорить с королем Хонсе-Бира, — заявила госпожа Дасслеронд; Джуравиль так удивился, что даже почувствовал слабость в коленях. — Хотя, возможно, до этого дело и не дойдет. Не исключено, что церковь интересуется только Палмарис.

— Король уже на пути сюда.

— И отец-настоятель тоже, — добавила госпожа Дасслеронд. — Это неплохо. Мы здесь для того, чтобы добыть как можно больше сведений, и лучше преуспеем в выполнении этой задачи, если в Палмарисе соберутся все ведущие силы королевства. Так что, Белли'мар Джуравиль, все происходящее лишь на пользу тол'алфар. — Она в упор посмотрела на него. — Это все, что тебя должно волновать.

Джуравиль негромко присвистнул и полез на стену трактира. Он понимал, что дела для его друга Джилсепони оборачиваются не лучшим образом, и понятия не имел, как помочь ей.

Снова переодевшись и войдя в общий зал «Друга», Пони поняла, что назревают неприятности. Один из главных осведомителей Белстера встретился с ней взглядом, еле заметно кивнул и направился к двери. Сам хозяин трактира с кислой миной стоял за стойкой. Народу в этот поздний час было не очень много, и Пони рьяно занялась делами, рассчитывая как можно скорее освободиться и поговорить с поджидающим ее человеком.

Все, однако, пошло совсем не так, как предполагалось. В трактир входили все новые и новые люди, в основном из подпольной сети Белстера, и это лишь подтверждало подозрения Пони о том, что что-то произошло.

В конце концов, уже где-то в середине ночи, последний клиент пошатываясь покинул трактир. Пони, Белстер и Дейнси остались одни.

— Драка в порту, — сказал Белстер Пони, не дожидаясь вопроса. — Солдаты упились вусмерть и забрели в порт, рассчитывая покуражиться над бехранцами.

— Ребенка избили! — взволнованно встала Дейнси. — И ты называешь это «покуражиться»?

— Я называю это неприятностями, — сердито ответил Белстер. — И они не избили парня — кстати, вовсе не ребенка, скорее юношу, — а лишь напугали его.

— И получили то, на что напрашивались, так я полагаю, — упрямо заявила Дейнси.

— Бехранцы пришли мальчику на помощь? — спросила Пони.

— Ага, человек десять или больше, — ответил Белстер. — Кулаки у них покрепче солдатских дубинок.

— Отдубасили солдат как следует, — пробормотала Дейнси. — И бросили в порту, одного при смерти. Хотя монахи вроде бы спасли его. А жаль.

— Слава богу, ты хочешь сказать, — рявкнул Белстер. — В порт вот-вот нагрянет тысяча солдат.

— И не найдут там ни одного бехранца, — заявила Пони.

— Хорошо бы, — с мрачным видом заметил Белстер.

— Ах, все обойдется! Как летняя буря — налетит и тут же умчится, не причинив никому вреда, — с надеждой в голосе сказала Дейнси, яростно вытирая тряпкой и без того чистый столик. — После первой бутылки люди и не вспомнят об этом.

— Скорее епископ найдет парочку козлов отпущения и повесит их на площади в назидание остальным, — рассудил Белстер. — Как это понравится капитану Альюмету, интересно? Если он еще тут.

— Что значит «тут»? — удивилась Пони.

— Говорят, его корабль поднял паруса и ушел вниз по реке, — ответил Белстер.

Пони задумалась. Странно. Альюмет исчез, не сообщив ей об этом? Почему? Может, хочет просить аудиенции у короля? Или поискать союзников в небольших городках южнее Палмариса? По городу ходили слухи, что король сам собирается в Палмарис. Может, Альюмет рассчитывает перехватить его по пути?

— Он скоро вернется, — заявила она, уверенная, что этот человек никогда не бросит своих соотечественников. — И вряд ли допустит, чтобы кого-нибудь повесили. Бехранцы скорее вступят в открытый бой, чем позволят несправедливо расправиться со своими.

— Ну, и очень глупо с их стороны, — заявил Белстер, и его бессердечие больно задело Пони. — Дадут епископу предлог, который он давно ищет, и погибнут все до единого, включая женщин и детей.

— А какую позицию мы займем? — настороженно спросила Пони.

— На галерее, — жестко ответил Белстер, — в качестве зрителей.

— И никаких действий?

— Только наблюдать. К войне мы не готовы и, полагаю, никогда не будем готовы. Если ты воображаешь, что найдешь много желающих прийти на помощь темнокожим, то глубоко

заблуждаешься.

Чтобы успокоиться, Пони несколько раз глубоко вдохнула воздух.

— А на чьей стороне сам Белстер? — спросила она, уже догадываясь, каков будет ответ.

— Я тебе уже не раз говорил, что темнокожие мне не друзья. Я никогда не делал вид, будто дело обстоит иначе. Мне не нравится, как от них пахнет, и не нравится бог, которому они молятся.

— Какому богу молиться — личное дело каждого, — ответила Пони. — А что касается запаха... От Белстера О'Комели разит пивом, но почему-то никого это не волнует.

— Кому что нравится.

— А если я встану на их сторону? — спросила Пони. — Белстер так и останется на галерее для трусов?

— Я не хочу ссориться с тобой из-за этого, девочка. — Спокойный тон Белстера свидетельствовал о том, что никакие призывы Пони не произведут на него желанного эффекта. — Ты знаешь, как я отношусь к темнокожим, я никогда этого не скрывал. И в этом я не одинок. Если бехранцы будут вместе с нами бороться против епископа, тогда что же. Но...

— Но мы не будем бороться вместе с ними, — закончила за него Пони дрожащим от возмущения голосом. — Кто, в таком случае, выглядит достойнее, Белстер О'Комели? Тот, кто ведет себя как друг, или тот, кто демонстрирует трусость?

— Не будем ссориться из-за этого, девочка, — повторил Белстер. — У каждого свое отношение, и ты не в силах изменить мое. Даже не пытайся!

Пони вздрогнула, состроила гримасу и не придумала ничего лучше, как уйти к себе в комнату. Злость клокотала в душе, но еще сильнее было чувство разочарования. Ощущая слабость, она уныло села на край постели.

Еще со времени первого упоминания о бехранцах и капитане Альюмете она подозревала, что с Белстером все может обернуться именно так. Просто не хотела думать об этом, поскольку любила Белстера — ведь он относился к ней как к дочери. Он и в самом деле напоминал ей приемных родителей, хотя по темпераменту был больше похож на Петтибву, чем на Грейвиса. Да, она любила его, но как можно было закрывать глаза на столь очевидный недостаток?

Подняв взгляд, Пони увидела стоящую в дверном проеме Дейнси. Что это, в самом деле? Такое впечатление, будто Дейнси стоит в ее дверном проеме всегда!

— Не суди его слишком строго, — сказала Дейнси. — Белстер хороший человек... просто не понимает темнокожих. У него нет среди них знакомых.

— Ну и что? Это, по-твоему, оправдывает его? — спросила Пони, изо всех сил стараясь сдержать негодование.

— Нет конечно, — ответила Дейнси. — Но это просто слова, слова насмерть перепуганного человека. Он не верит в нашу победу, с темнокожими или без них. Не суди его, пока дело не дойдет до схватки, если дело действительно до этого дойдет. Белстер О'Комели не будет просто стоять и смотреть, как невинным людям сворачивают шеи, независимо от того, какого цвета у них кожа.

Пони успокоилась. Она поверила Дейнси, не могла не поверить, потому что любила этого человека. Слова Дейнси внесли хотя бы временное успокоение в душу Пони.

— Что, ты и в самом деле стала бы сражаться вместе с темнокожими? — спросила Дейнси. — Я имею в виду, даже если бы ты знала, что мы тебе не помощники?

Пони кивнула и начала объяснять, что у нее к Де'Унnero свой счет и поэтому она непременно должна вступить с ним в схватку. И тогда, даже если вся армия Палмариса и духовенство поднимутся против нее и она погибнет, она все равно будет рада, что прихватит епископа с собой. Она хотела сказать все это Дейнси, объяснить, что для нее не играет роли неравенство сил, что ей не нужна полная и окончательная победа... но внезапно смолкла. На лице Пони появилось удивленное выражение, рука скользнула к животу.

Дейнси тут же оказалась рядом.

— Что с вами, мисс Пони? — в тревоге спросила она.

Пони посмотрела на нее с улыбкой, которая в это мгновение осветила ее лицо.

— Он шевелится.

Дейнси приложила ладонь к животу Пони и вскоре тоже почувствовала толчок.

Пони не пыталась сдержать слезы, хотя и понимала, что они льются не только от радости, вызванной первым движением ребенка.

Как могла она, оставаясь в здравом уме, думать о какой-то войне, когда внутри нее созревает новая жизнь?

ГЛАВА 23 СПУЩЕННЫЙ С ПРИВЯЗИ

— От капитана Килрони, — доложил солдат, вручая Де'Унnero пергамент.

Епископ взял его, удивленно разглядывая свиток.

— Этот человек умеет писать? Простой вояка?

Солдат тут же ошетинился, отчего тон Де'Унnero стал даже более насмешливым. Он не скрывал своего отношения к солдатам — городским и королевским, — ставя их во всех смыслах ниже монахов. Всякий раз, когда братья сопровождали армейские патрули на улицах, независимо от своего ранга и опыта они оказывались во всех смыслах компетентнее солдат и даже офицеров. Ясное дело, такое отношение не нравилось военным, но Де'Унnero, упоенный властью, чувствуя за спиной короля и отца-настоятеля, не обращал на это ни малейшего внимания. Точно так же он повел себя и сейчас.

— Ты читал письмо? — спросил он посланца.

— Конечно нет, мой господин.

— А ты вообще читать-то умеешь? — с издевкой спросил Де'Унnero.

— Мне было сказано доставить послание вам как можно быстрее, — ответил солдат, от неловкости переминаясь с ноги на ногу, что доставило епископу дополнительное удовольствие. — Я поскакал в Кертинеллу, и там мой бедный конь не выдержал и пал. Мне дали другого, и я помчался дальше. Триста миль, мой господин, всего за неделю.

— И ты будешь за это вознагражден, не сомневайся, — заверил его епископ, поднося свиток к лицу солдата. — Ты читал это? Говори!

— Нет, мой господин.

— Ты умеешь читать?

Солдат молча потупил взгляд. Епископ злобно усмехнулся, сорвал с пергамента ленточку, развернул свиток и повернул к посланцу исписанной стороной.

— Что тут написано? — требовательно спросил епископ; солдат заскрипел зубами, но молчал. — Ну? Отвечай!

— Я не умею читать, мой господин!

Что, собственно говоря, и хотел услышать епископ. Де'Унnero оставил солдата в покое, подошел к письменному столу, уселся на край и углубился в чтение.

— Хорошо пишет твой капитан, — пробормотал он, обратив внимание на ровный, отчетливый почерк Килрони.

И смолк, ошеломленный смыслом прочитанного. Выходит, этот преступник Полуночник снова проскользнул у него между пальцев!

Заворчав, епископ швырнул пергамент на стол и со злостью посмотрел на посланца.

— Убирайся! — рявкнул Де'Унnero.

Тот, не дожидаясь повторения приказа, стрелой вылетел из комнаты, по дороге врезавшись в дверь.

Де'Унnero вытащил из кармана тигриную лапу и едва не погрузился в магию камня, чтобы тут же броситься на север. Однако в последний момент он положил камень обратно, напомнив себе, что у него есть другие обязанности, более важные, по мнению отца-

настоятеля, пусть даже сам Де'Уннеро не согласен с такой оценкой. И достал камень души.

Маркворт должен узнать новости, решил он. Необходимо добиться его согласия.

Маркворт пытался сосредоточиться на молитве, но после каждой строфы голос внутри его произносил: «Отпусти его!»

«Молю тебя, Господи, пусть священные камни всегда служат лишь усилению твоей власти».

«Отпусти его!»

«Молю тебя, Господи, помоги мне стать верным помощником в осуществлении твоих планов».

«Отпусти его!»

«Укажи мне зло, чтобы я мог расправиться с ним».

«Отпусти его!»

«Укажи мне добро, чтобы я мог прославить его».

«Отпусти его!»

И так продолжалось на протяжении всей вечерней молитвы, последовавшей сразу за разговором Маркворта с Де'Уннеро, во время которого епископ умолял послать его вдогонку за Полуночником и сбежавшими еретиками. В противном случае, вопил дух епископа, все они могут ускользнуть, и теперь уж навсегда.

«Отпусти его!»

Отец-настоятель поднялся с колен, оставив попытки молиться.

— Почему Барбакан? — вслух спросил он.

Что могло понадобиться Полуночнику и беглым монахам в этом развороченном взрывом, заброшенном месте? Маркворт видел Барбакан глазами брата Фрэнсиса, в тело которого вселился, когда монахи прибыли на место. У него просто не укладывалось в голове, какой смысл тащиться туда, где все разрушено и сожжено.

— Может, они хотят воздвигнуть там святилище? — спросил отец-настоятель.

Он рассмеялся. Весь север был отравлен ядовитыми миазмами демона; интересно, сколько там просуществует любое построенное людьми сооружение? Но кто знает, может, в этом и состоял их план. Построить святилище и организовать паломничество к месту гибели «героя», как это обычно делается. Улыбка снова тронула сморщенные губы Маркворта. Он представил себе сотни жаждущих просветления, сбитых с толку глупцов, пустившихся в путь, чтобы почтить память погибшего еретика, а вместо этого убитых и ограбленных монстрами.

Справедливость в высшем смысле этого слова.

Однако голос в голове Маркворта не согласился с ним и показал ему другую сцену — народную любовь к Эвелину, достигшую небывалого накала; приведенную в порядок дорогу и толпы пилигримов на ней, беспрепятственно добирающиеся до святилища.

«Отпусти его!»

Внезапно отцу-настоятелю стало совершенно ясно, что пора дать епископу возможность решить проблему с Полуночником — дать ему то, чего он так страстно желал.

А также изменить ход событий в Палмарисе, продемонстрировать более мягкую сторону правления церкви Абея и сделать это до того, как Маркворт встретится там с королем.

Спустя несколько минут отец-настоятель постучался в дверь брата Фрэнсиса Деллакорта.

Тот, по-видимому, спал. Сначала он чуть приоткрыл дверь, но тут же распахнул ее, узнав ночного гостя. Маркворт вошел и знаком показал Фрэнсису закрыть дверь.

— Епископу Де'Уннеро предстоит срочно отправиться в дорогу, — сказал отец-настоятель. — В самом обычном смысле, не в духовном.

— А как же город... — начал было Фрэнсис, но Маркворт перебил его.

— Немедленно отправляйся в Палмарис, — приказал он. — Захвати побольше

священных камней... все, что сочтешь необходимым. — Совершенно сбитый с толку Фрэнсис недоуменно смотрел на него. — На время отсутствия епископа ты займешь его место. — Молодой монах покачнулся и едва не потерял сознание. — Вскоре я тоже там буду, у нас с королем назначена встреча в этом городе. От тебя требуется в принципе не менять политику епископа, но слегка ослабить хватку. Нужно, чтобы в глазах народа сравнение Маркало Де'Унnero с братом Фрэнсисом оказалось в пользу последнего. — Маркворт замолчал, прислушиваясь к голосу, звучавшему в его голове. — Люди должны испытывать расположение к *магистру* Фрэнсису Деллакорту.

Фрэнсис снова покачнулся и на этот раз был вынужден сесть на край постели, чтобы не упасть на пол.

— Но процедура введения в ранг магистра длится долго, — пролепетал он.

— Почему ты так удивлен? — сердито спросил Маркворт. — Мы ведь уже обсуждали эту тему.

— Что я стану магистром и временным епископом? Вот так, сразу. В это беспокойное время...

— В беспокойное время и происходят все важные события, — ответил Маркворт. — Никто в церкви не станет задавать мне никаких вопросов. Они подумают, что ты просто пешка, назначение которой в том, чтобы смягчить ситуацию в Палмарисе. — Фрэнсис задумчиво смотрел на него, пытаясь переварить услышанное. — Я всем так и объясню. — Маркворт улыбнулся и успокаивающе положил руку на плечо молодого монаха. — Просто пешка, и только мы с тобой будем знать правду.

Фрэнсис кивнул с растерянным видом.

— А вдруг я не оправдаю ваших ожиданий? — спросил он, повесив голову.

Маркворт рассмеялся.

— Каких ожиданий? — Внезапно в его голосе послышались мрачные, даже угрожающие нотки. — От тебя практически ничего не требуется. Пусть в Палмарисе все идет как идет. Чем меньше людей — в том числе и в самом аббатстве Сент-Прешес — будут тебя видеть и слышать, тем лучше. Просто чуть-чуть ослабь хватку. Отзови патрули с улиц, снизь налоги и скажи проповедникам, чтобы умерили свой пыл.

— И я должен руководить проведением религиозных церемоний?

— Нет! — воскликнул Маркворт. — Ты можешь оказаться не на высоте, что недопустимо, если иметь в виду мое намерение в дальнейшем укрепить твои позиции как магистра или как епископа. — Фрэнсис опустил взгляд. — Верь мне, твой день придет, и очень скоро. Не исключено, что в самое ближайшее время епископ Де'Унnero вообще будет смещен. В конце концов, король может потребовать этого от меня. А тут как раз и ты уже на месте.

Фрэнсис был так ошеломлен, что не задал больше ни одного вопроса. С тем Маркворт и ушел, оставив его наедине со своими мыслями. Все эти разговоры о том, что Фрэнсис должен произвести на горожан лучшее впечатление, чем Де'Унnero, заставляли предположить, что епископ впал в немилость или, по крайней мере, очень надолго оставляет Палмарис. И еще кое-что стало ясно Фрэнсису: Маркворт сказал, что представит его как временную пешку, и это утверждение было гораздо ближе к истине, чем хотел уверить его отец-настоятель.

Однако очень быстро все эти не слишком приятные раздумья выскочили у Фрэнсиса из головы. Осталось одно: несмотря на его помощь в бегстве пятерых предателей, он все еще играл очень важную роль в жизни ордена, даже если это была всего лишь роль пешки Маркворта.

— Я обдумал то, о чем ты рассказал мне, — заявил дух Маркворта Де'Унnero, посетив его позже той же ночью. — Ты уверен, что Полуночник собирается на север?

— Такое сообщение пришло от Шамуса Килрони, — ответил епископ. — Не вижу причин, почему бы он стал лгать мне.

— В Палмарисе есть всякие люди.

— Шамус Килрони никогда не был человеком барона, — ответил Де'Уннеро. — Я остановил свой выбор на нем, потому что он предан королю, короне и, следовательно, мне, епископу, поставленному в Палмарисе королем.

— Это хорошо, — сказал Маркворт. — А что тебе известно о других шестерых? Это точно наши беглые братья?

— Брат Браумин и еще четверо — еретики, — ответил Де'Уннеро. — Относительно шестого мне ничего не известно.

— Так выясни.

— У меня есть шпионы...

— Никаких шпионов! — рявкнул отец-настоятель. — Ты сам выяснишь это.

В первое мгновение лицо епископа вспыхнуло от злости, но постепенно смысл сказанного стал доходить до него.

— Я сам пойду?

— Ты ведь давно рвешься сразиться с Полуночником, — ответил Маркворт. — В конце концов, ты убедил меня в том, что лишь Маркало Де'Уннеро способен восстановить справедливость. Смотри не вздумай разочаровать меня! Возвращение украденных камней и гибель сторонников Эвелина усилят наши позиции внутри церкви, а это, в свою очередь, приведет к усилению позиции церкви внутри государства.

— А что мне делать с Браумином и остальными еретиками? — От волнения у Де'Уннеро перехватило дыхание и потемнело в глазах.

— Желательно, чтобы хоть кто-нибудь из них уцелел, чтобы можно было добиться публичного признания вины, прежде чем они окажутся на костре. Убей Полуночника, его подругу и этого мерзкого кентавра, а потом попроси Килрони помочь тебе схватить беглецов. Если они будут сопротивляться, убей и их тоже. Мне нужны головы двух ближайших сподвижников Эвелина и священные камни, а Браумин и его марионетки особого значения не имеют.

Нас ждет славная победа, друг мой. Король не осмелится выступить против церкви после того, как мы пронесем по улицам Палмариса свои ужасные трофеи и объявим, что зло окончательно побеждено!

— Говорил я вам, и не раз, что только мне под силу одолеть Полуночника, — уверенно заявил Де'Уннеро. — Теперь я понимаю, каково мое предназначение, для чего Бог направил мои стопы в Санта-Мер-Абель. Охота на Полуночника — ради этого я родился на свет, а потом долгие годы тренировал свою душу и тело. Все будет в порядке, вот увидите! — Маркворт лишь рассмеялся; он тоже верил в это. — Когда я могу отправляться?

— Как только будешь готов, — ответил Маркворт.

— Готов? Какие приготовления вы имеете в виду?

— Ну, еда, транспорт, как обычно... Ты поскачешь верхом или поедешь в карете?

— Поскачу? Нет, я побегу, а еду буду находить по дороге.

— Как это? — удивился Маркворт.

Епископ явно оживился. Обойдя постель, он подошел к духу Маркворта и протянул к нему раскрытую ладонь, на который лежал камень под названием «тигриная лапа».

— Это потрясающе, — признался он. — Как и вы с камнем души, я вышел на новый уровень с «тигриной лапой». Когда я преследовал барона Бильдборо, изменилась не только моя рука. Я сам стал тигром, отец-настоятель, и душой, и телом; ясное дело, зимняя стужа и голод такому зверю не страшны.

Услышанное произвело на отца-настоятеля сильное впечатление. Может, подумал он, у епископа тоже есть свой внутренний голос? Хотелось надеяться, что это не так; иначе гордость Маркворта оказалась бы задета.

Однако собственный внутренний голос тут же заверил его, что не стоит волноваться по этому поводу. Де'Уннеро вышел на более высокий уровень использования каменной магии только благодаря тому, что страстно желал расправиться с бароном. Сильный

эмоциональный накал способен творить чудеса; может он оказаться полезен и сейчас.

— Однако кое-какие приготовления тебе сделать все же придется, — сказал он Де'Унnero. — Кто тут у тебя в помощниках?

— Жалкий тип по имени брат Талюмус.

— Ты ему доверяешь?

— Нет.

— Скажи ему, что ты должен уехать, но предупреди, чтобы он никому не сообщал об этом, — распорядился Маркворт. — И пусть не отвечает ни на какие вопросы относительно твоего местонахождения.

Де'Унnero покачал головой.

— Вопросы и проблемы будут возникать ежедневно, а передо мной долгий путь.

— Твое место пока займет брат Фрэнсис, — объяснил ему Маркворт. — Ему можно доверять, но сам по себе он фигура столь незначительная, что хлопот у нас с ним не будет. — Де'Унnero улыбнулся. — Еще один вопрос, — продолжал Маркворт, прислушиваясь к голосу в своей голове. — Что случилось с торговцем Крапом?

— Он в темнице аббатства Сент-Прешес.

— Раскаивается?

— Вряд ли, — ответил епископ. — Слишком горд и упрям, чтобы признать собственные ошибки.

— Тогда выведи его завтра на площадь, во всеуслышание обвини в измене и дай возможность высказаться, — распорядился Маркворт.

— Он будет отрицать свою вину.

— Тогда казни его от имени короля, — жестко приказал отец-настоятель. Даже отнюдь не мягкосердечный Де'Унnero невольно отпрянул, услышав эти слова, однако спустя мгновение на лице его заиграла мрачная улыбка. — А теперь ты должен открыть мне свой разум. Я покажу тебе, как лучше использовать твой излюбленный камень, как достигнуть еще более высокого уровня каменной магии.

Во время слияния духов Маркворт передал Де'Унnero то, чему научился сам, и теперь епископ стал еще сильнее.

— Да поможет тебе Бог. Поторопись! — сказал на прощание отец-настоятель.

В ответ Де'Унnero поднял тигриную лапу.

— Так и будет, — сказал он. — Не сомневайтесь, так и будет!

ГЛАВА 24 ПОДГОТОВКА К ВСТРЕЧЕ В ПАЛМАРИСЕ

На следующее утро гордый и упрямый Алоизий Крап сыграл свою роль лучше некуда. Стоя на главной площади со связанными за спиной руками — другой конец веревки был обмотан вокруг столба, — на все обвинения Де'Унnero в измене и покушении на убийство он ответил тем, что плюнул епископу в лицо.

С точки зрения последнего, одно это придало всему происходящему особую прелесть. Воздав хвалу Господу, Де'Унnero поднял магический камень, змеевик, и создал вокруг ошеломленного Крапа защитное поле.

По толпе, в столь раннее время состоящей в основном из уличных разносчиков и торговцев рыбой, прокатился вздох изумления, хотя никто из них понятия не имел, что на самом деле происходит.

Одна из женщин — это была Пони, стоящая в задних рядах, у самого входа в проулок, — узнала это мерцание, хотя никак не могла взять в толк, зачем защитное поле обвиненному во всех смертных грехах торговцу. Бок о бок с ней за всем происходящим наблюдала Дейнси, осыпая Пони вопросами.

Епископ между тем создал второе защитное поле, уже вокруг себя самого, и поднял руку с посверкивающим красным камнем.

— Рубин, камень огня, — прошептала Пони, — хотя никакой огонь не возьмет того, кто накрыт защитным полем.

— Тогда зачем? — спросила Дейнси.

Пони покачала головой. Внезапно глаза у нее расширились — Де'Уннеро просунул руку с красным камнем сквозь защитное поле Крампа и приложил рубин к плечу торговца.

— Господи... — выдохнула Пони.

— Что он делает? — в очередной раз спросила Дейнси.

— Даю тебе еще один, последний шанс раскаяться в своих грехах, Алоизий Крамп, — провозгласил Де'Уннеро. — Признайся, что ты злоумышлял против короля Хонсе-Бира, и останешься жив.

Крамп снова плюнул, но в третий раз сделать этого не успел. Энергия рубина ожила, жар охватил тело торговца. Из его плеча повалил дым, глаза чуть не вылезли на лоб.

— В таком случае, пусть пламя очистит тебя, во имя Господа нашего и короля! — провозгласил Де'Уннеро. — И да снизойдет милость Божья на твою грешную душу!

С этими словами он отпустил на волю всю энергию рубина.

Пламя взъярилось внутри защитного поля, но вырваться наружу не могло.

— Он сожжет его заживо! — воскликнула Дейнси.

Другие люди в толпе тоже закричали, глядя на живой факел — охваченную пламенем фигуру внутри защитного поля.

Огонь почти мгновенно испепелил одежду и кожу Крампа, испарил содержащиеся в теле жидкости. Все было кончено в считанные мгновения.

Де'Уннеро убрал защитные поля, и почерневшие, распавшиеся на части останки Алоизия Крампа упали на платформу.

— Хвала Господу! — воскликнул епископ.

И покинул платформу, думая о том, что теперь ничто не мешает ему исполнить свое заветное желание — отправиться на поиски Полуночника.

Брат Фрэнсис был еще на полпути к Палмарису, когда город фактически остался без главы, — снедаемый страстным желанием, Де'Уннеро уже устремился на север.

В отличие от него Фрэнсис передвигался несравненно медленнее. Он и пять его телохранителей ехали в фургоне, который тащили два могучих коня. Кроме людей фургон вез весьма ценный груз: несколько сундуков с золотыми «медведями»; долженствующими обеспечить Фрэнсису любовь жителей Палмариса.

Обычно путешествие длиной в семьдесят миль до Мазур-Делавала занимает три дня, однако Маркворт велел ему уложиться в два. Для выполнения приказа один из братьев прихватил с собой гематит и бирюзу; с их помощью он вытягивал жизненную силу из попадающихся на пути животных и «скармливал» ее своим коням.

Таким образом, в конце первого дня Фрэнсис со своими спутниками оставили за спиной сорок миль. Когда опустилась ночь, они подкрепили силы мясом белохвостого оленя и продолжили путь.

Фрэнсиса такая быстрая езда вполне устраивала. Гонка практически без остановок мешала поддаться влиянию тысячи обуревающих Фрэнсиса сомнений, пытаться найти ответ на тысячу вопросов. Вымотавшись до предела, он просто уснул, хотя и ненадолго. Вторую короткую остановку они сделали вскоре после рассвета, и потом Фрэнсис снова задремал, а когда в разгаре дня его разбудили, перед ними уже катил свои воды великий залив.

Над Мазур-Делавалом стлался густой туман, скрывающий очертания города, которому предстояло стать новым домом Фрэнсиса. Однако к тому времени, когда на медленно плывущем пароме они добрались до середины залива, туман растаял; стал виден Палмарис, и вместе с его появлением в душе Фрэнсиса ожили все его сомнения.

Вот уж кто не торопился в Палмарис, так это король Дануб; зато он путешествовал с несравненно большими удобствами. Он сам, Таргон Брей Калас, Констанция Пемблбери и

еще несколько придворных плыли на королевском корабле под названием «Речной дворец», большой каравелле, чья команда состояла из самых опытных моряков и гребцов королевской армии. Не обошлось и без очаровательных женщин, не говоря уж об изысканной еде и прекрасных напитках.

Каравеллу сопровождала чуть не половина королевского флота — десять военных кораблей с солдатами и оружием на борту. Миниатюрный флот выстроился в боевом порядке, носящем название «копья», — два корабля позади «Речного дворца», два слева от него, один прямо впереди, на расстоянии примерно восьмисот футов от каравеллы, и оставшиеся пять вытянулись под углом к линии движения по правому борту.

Дозорные кораблей эскорта должны были заранее предупредить о возможной опасности. Не то чтобы король ожидал каких-то неприятностей; по обеим берегам впереди скакали всадники, предупреждая жителей, чтобы те не приближались к заливу и не спускали на воду суда, как только завидят красный парус с королевской эмблемой в виде стоящего на задних лапах черного медведя.

Поскольку плыли без спешки — король отвел на все путешествие три недели, — то заходили в каждый порт. Время текло медленно, без каких-либо происшествий; на борту развлекались всеми возможными способами, включая бесконечные пьянки и откровенный разгул.

В самом разгаре очередной пирушки корабль внезапно так резко накренился, что кое-кто попадал на палубу.

— Предупреждать надо! — крикнул король капитану на мостике.

— Вон, смотрите!

Таргон Брей Калас промчался мимо короля, вспрыгнул на поручни, ухватился за литье и сильно наклонился, вглядываясь вперед.

— Прямо на нас идет какой-то корабль! — закричал Калас.

— Что это? — спросил Дануб капитана.

— По виду обычное торговое судно, — ответил Калас, не дав капитану рта раскрыть.

— Я полагал, всем были даны указания не спускать суда на воду, — сказал король Дануб.

— Так точно, мой король, — ответил капитан.

— Выходит, капитан этого судна либо не слышал, либо проигнорировал наше предупреждение, — заметил Калас.

— Прикажите ему свернуть и пригрозите потопить в случае неповиновения! — приказал король.

— Слушаюсь, мой король! — ответил капитан.

Герцог Калас с улыбкой выслушал слова капитана и посмотрел на короля. Дануба, человека действия, впервые за все время путешествия — плотские радости не в счет — охватило возбуждение; те же чувства испытывал и сам Калас. Однако король не мог допустить неповиновения, отсюда и его приказ потопить корабль. И герцог, и Дануб ни на мгновение не сомневались, что судно свернет в сторону, поскольку никаких шансов на победу в столкновении с эскортирующим короля флотом у него не было.

«Речной дворец» и корабли сопровождения приспустили паруса и теперь шли вперед на веслах. Торговое судно подняло белый флаг и бросило якорь. Боевые корабли эскорта с трех сторон окружили его; катапульты, баллисты и лучники замерли наготове.

С корабля спустили маленькую лодку, устремившуюся к ближайшему королевскому судну. Вскоре оттуда прокричали в рог:

— «Сауди Хасинта»!

— «Сауди Хасинта»? — с недоумением повторила Констанция Пемблбери — эти слова ей ни о чем не говорили.

— Название судна, — объяснил Калас.

У него возникло ощущение, будто он уже слышал его прежде.

Затем пришло сообщение с именем капитана — его звали Альюмет; было сказано

также, что он вышел из Палмариса навстречу королю с целью поговорить с ним.

— Понятия не имею, кто это, — раздраженно сказал Дануб. — Капитан, передайте повторное приказание отойти в сторону. У меня нет времени...

— Альюмет! — внезапно воскликнул Калас. — Ну конечно!

— Ты знаешь этого человека? — удивленно спросил Дануб.

— Он бехренец, — ответил герцог. — По всем отзывам, прекрасный моряк.

— «Сауди Хасинта» — бехренский корабль?

— Ходит из Урсала в Палмарис, — объяснил Калас. — Сам Альюмет бехренец, но не его корабль и экипаж. Полагаю, он считает себя подданным короля Хонсе-Бира.

Известен был и еще один маленький факт касательно Альюмета или, точнее говоря, его религиозных убеждений, но Калас счел за лучшее не обсуждать его.

— Ты знаком с ним?

— Нет, просто слышал его имя, — ответил герцог. — Капитан-бехренец — большая редкость на Мазур-Делавале. Неудивительно, что он личность известная.

— И он пришел из Палмариса в надежде поговорить со мной, — пробормотал король Дануб. — Нахальство, я бы сказал.

— Может быть.

Взгляды короля и Каласа встретились; оба понимали, что бехренский капитан, скорее всего, лицо значительное. Какие новости он принес королю Данубу? Рассказы о зверствах епископа Де'Уннеро?

Стоя в стороне, аббат Джеховит обеспокоенно переминался с ноги на ногу, и это лишь подхлестнуло Каласа.

— Выслушайте его, — посоветовал он королю. — Мы знаем о ситуации в Палмарисе только то, что рассказывают обиженные торговцы и сами церковники; сама собой напрашивается мысль, что и те и другие предвзяты в своих суждениях.

— Как и бехренский моряк, — вклинился в разговор аббат.

— Но, по крайней мере, нам станет известна еще и третья точка зрения, — отрезал Калас, и они с Джеховитом угрожающе уставились друг на друга.

Король Дануб оглянулся, пытаясь понять, что думают его приближенные. Ему вовсе не улыбалось сворачивать кутеж и омрачать делами оставшуюся часть путешествия ради простого моряка, в особенности бехренца. Но, что ни говори, все же какое-то развлечение...

— Не дело давать аудиенцию всякому, кто попросит о ней, — сказал Джеховит, но его сопротивление лишь усилило решимость Дануба.

— Пошлите кого-нибудь выяснить, чего он хочет, — приказал он Каласу. — Если проблема стоит моего внимания, пусть их судно плывет следом за нами, и я поговорю с этим человеком, когда выберу время.

— Лодку с двумя гребцами на воду! — распорядился герцог.

Его приказание было тут же выполнено. К удивлению многих — и восхищению дам, — Калас перемахнул через перила, прыгнул в лодку и встал на носу. Маленькое судно отчалило.

— Ничего не скажешь, человек действия, — пробормотала Констанция Пемблбери, но радостные выкрики остальных дам заглушили иронические нотки в ее голосе.

Таргон Брей Калас любил воду; ему были приятны и покачивание лодки, и брызги в лицо. Он с радостью отдал бы все свои владения за то, чтобы называться герцогом Мирианика, но этот титул уже принадлежал герцогу Брезерфорду, мужчине в расцвете сил и к тому же имеющему нескольких наследников. Учитывая все сказанное, Калас никогда не упускал случая предаться любимому занятию — в том числе и сейчас.

Зрелище боевых кораблей наполнило его душу гордостью. На одном из них были установлены две тяжелые баллисты, стреляющие круглыми металлическими болванками, обмотанными цепью. Вращательное движение болванки в полете приводило к разматыванию цепи, хлесткие удары которой могли разодрать на клочки вражеские паруса.

Второй корабль имел на вооружении две небольшие катапульты, стреляющие горячей

смолой, а третий — баллисту. Ее копьа с металлическими наконечниками были способны пробить дыры в корпусе любого, кроме разве что самого тяжелого, корабля. В добавление ко всему перечисленному на борту каждого боевого судна замерли в ожидании опытные лучники. Калас понимал, что у «Сауди Хасинты» нет выбора; одно неосторожное движение — и корабль пошел бы ко дну со всем экипажем.

Герцог приказал гребцам подвести лодку прямо к переброшенной через борт «Хасинты» лестнице. Приблизившись, он узнал в стоящем у перил человеке капитана Альюмета.

— Вы просите аудиенции у короля? — спросил Калас, приняв протянутую Альюметом руку и поднявшись на борт «Хасинты».

— Да, это моя единственная цель. В Палмарисе прошел слух, что, несмотря на тяжелые времена, король едет к нам. Я надеялся, что он предпочтет путешествие по заливу Мазур-Делавал.

Калас оглянулся на боевые корабли.

— Думаете, это самая подходящая обстановка для переговоров? — с иронией спросил он.

— А на что еще я могу рассчитывать? Моего короля и должны хорошо охранять, — ответил Альюмет. — Я был бы всерьез обеспокоен, если бы дело обстояло иначе. — Калас улыбнулся; ему понравился ответ, в особенности эта отсылка к Данубу как к «моему королю». — Я молю короля Дануба выслушать меня. Это все, о чем я, простой моряк, осмеливаюсь просить и значительно меньше того, что я заслуживаю. Но в Палмарисе множество проблем, о которых он наверняка наслышан. Возможно, я лучше, чем кто-либо другой, мог бы рассказать ему о них.

— Со своей точки зрения.

— Я буду честен. — Темнокожий моряк расправил плечи.

— Эти проблемы касаются бехранцев, проживающих в Палмарисе?

Альюмет кивнул.

— Гонения епископа на них выходят за все рамки...

Калас улыбнулся и поднял руку, останавливая его.

— Это королю известно. — Мысли о новых возможностях вихрем закружились в голове герцога. Конечно, Альюмет будет свидетельствовать против епископа и, следовательно, церкви, но Дануб наверняка заявит, что встреча с капитаном может состояться и в Палмарисе. Однако существовала большая опасность, что ко времени прибытия в город Джеховит найдет способ не допустить этой встречи; да и отец Маркворт уже будет там и наверняка тоже приложит к этому руку. — Хотя, может быть, будет лучше, если король услышит все еще раз от вас, подлинного свидетеля событий, — решил герцог.

На обратном пути Калас снова занял позицию на носу лодки. На лице короля возникло удивленное выражение, когда он увидел в ней нового пассажира.

— Молю вас, выслушайте этого человека здесь и сейчас, мой король, — сказал герцог, перепрыгнув через перила и остановившись перед Данубом, Констанцией Пемблбери и остальными придворными, включая явно недовольного таким развитием событий аббата Джеховита. — Он принес из Палмариса новости о последних действиях нашего епископа. — Калас взял Альюмета за руку и подтянул к себе.

Король Дануб устремил на дерзкого герцога долгий недовольный взгляд; однако одновременно он не давал рта раскрыть Джеховиту, предостерегающе поднимая руку всякий раз, когда тот начинал говорить.

— Ты пришел защищать интересы своих людей, — сказал король Альюмету.

— Я пришел защищать интересы граждан Палмариса, над которыми издеваются, прикрываясь именем короля, — ответил капитан.

— Бехранских граждан, — с презрительной улыбкой пробормотала одна из дам, но тут же смешалась, заметив, что все взоры обратились на нее.

— Граждан бехранского происхождения, — уточнил Альюмет, — многие из которых

со своими семьями живут в Палмарисе уже около столетия. И, да, тех, кто прибыл из Бехрена недавно. Мы выглядим не так, как местные жители, и это многим не нравится, — без обиняков заявил он. — И наши обычаи вам кажутся странными, как и нам ваши. Однако мы не преступники, мы честные граждане и не заслуживаем подобного обращения.

— Этому учит бог, которому вы поклоняетесь? — с иронией спросил аббат Джеховит.

Чтобы не рассмеяться, герцог Калас прикусил губу; он знал, что этот вопрос уводит аббата на опасную почву, — учитывая, что Альюмет принадлежал к церкви Абея.

— Я поклоняюсь тому же богу, что и вы, — спокойно ответил капитан. — И, да, он учит нас относиться друг к другу порядочно и с уважением, независимо от цвета кожи. Аббат Добринион понимал это.

— Аббат Добринион мертв. — Резкий тон Джеховита выдал его огорчение.

— Город скорбит о нем.

— С чего бы это? — сказал Джеховит. — Разве не Добринион был главой аббатства Сент-Прешес, когда демон пробудился и на нашу землю пришла война?

— Вы имеете в виду, что аббат Добринион сыграл роль... — горячо начал было Альюмет, но король почувствовал, что с него хватит.

— Я не собираюсь начинать войну здесь, на палубе своего корабля, — заявил он. — Если вы так жаждете вступить в спор с этим человеком, аббат Джеховит, потерпите до Палмариса или отправляйтесь вместе с ним на его корабль, когда мы тут закончим. А теперь, — он перевел взгляд на Альюмета, — я готов выслушать вас.

Герцог Калас не смог сдержать улыбки. Озлобленность Джеховита играла ему на руку, так же как и предстоящий рассказ капитана. Может быть — он от всей души надеялся на это, — правлению церкви в Палмарисе придет конец.

Конечно, откуда ему было знать о тайной встрече короля с духом отца-настоятеля?

Капитан долго рассказывал о событиях в Палмарисе с такими подробностями и под таким углом зрения, которые отсутствовали в жалобах торговцев и посланника Рахиба Дайби. Сообщение о том, что, спасаясь от солдат, старики, женщины и дети вынуждены ежедневно нырять в холодную воду, заставило присутствующих дам захохотать, а придворных покачать головами, и даже король искоса бросал сердитые взгляды на и без того обеспокоенного аббата Джеховита. Не то чтобы вся эта собравшаяся на «Речном дворце» знать и в самом деле переживала за простых граждан — за исключением разве что Констанции Пемблбери, — в особенности темнокожих, но королю Данубу было стыдно слышать, что с его подданными так скверно обращаются.

Когда Альюмет закончил, аббату стало совсем не по себе.

— До меня доходили эти слухи, — ответил король капитану. — Собственно говоря, ими и объясняется мой визит в город.

— Вы хотите восстановить справедливость? — спросил Альюмет.

Король не привык, чтобы простые граждане задавали ему подобные вопросы; капитану разрешили изложить факты, но не допрашивать Дануба. Прищурившись, он вперил сердитый взгляд в Альюмета.

— Я хочу разобраться в ситуации, — холодно ответил он.

— Я от всей души надеюсь, что вы станете и на точку зрения тех, кто страдает от преследований епископа Де'Уннеро, — добавил капитан. — Если я добьюсь этого, то буду считать свое путешествие не напрасным. — Калас взял его за руку; оба понимали, что Альюмету не стоит дольше задерживаться. — Благодарю за то, что выслушали меня, мой король, подтвердив тем самым репутацию честного и поистине великого человека.

Низко поклонившись, он последовал за герцогом Каласом к лодке.

— Вы славно потрудились ради своих людей, — прошептал герцог, когда их разделили перила.

Позади на палубе повисло неловкое молчание, взгляды многих были устремлены на аббата Джеховита. Все помалкивали, выжидая, что скажет король.

Однако Дануб Брок Урсальский, ни на мгновение не забывая об ужасной ночной

встрече, говорил мало; зато много думал.

— Как пожелаете, магистр Фрэнсис, — повторил брат.

Хотя свое имя в сочетании с этим званием слышать было приятно, смятение Фрэнсиса усилилось.

— Меня полностью устраивают апартаменты, которые прежде занимал аббат Добринион, — сказал он.

— Но Чейзвинд Мэнор... — попытался было возразить брат Талюмус.

— Чейзвинд Мэнор следует подготовить к визиту более значительных людей, чем магистр Фрэнсис, — ответил Фрэнсис.

— Глава аббатства Фрэнсис, — явно нервничая, поправил его брат Талюмус.

— Да, глава аббатства Сент-Прешес. Здесь ему самое место. И епископу Де'Уннеро тоже придется перейти в аббатство, пока отец-настоятель и король не покинут город. — Глаза брата Талюмуса широко распахнулись от ужаса. — Епископ, конечно, уступит поместье королю и отцу-настоятелю.

Фрэнсис понимал, в чем источник этого ужаса. Не хотелось бы ему быть на месте того, кому придется сообщить Де'Уннеро о необходимости покинуть свое роскошное жилище!

— Вопрос решен, брат, — сказал он. — Нам нужно обсудить более важные проблемы.

Талюмус наконец успокоился; по крайней мере внешне. Его трясло от волнения с самого утра, когда из Санта-Мер-Абель прибыл фургон, в котором находились новый глава аббатства и, по слухам, целое сокровище.

— Я начну со встречи с торговцами, — объявил Фрэнсис. — У тебя ведь есть их список?

— Да, с именем и перечислением всех изъятых камней.

— Я посмотрю его прямо сейчас, — сказал Фрэнсис, — а потом пусть приходят торговцы.

— Один не сможет явиться, — понизив голос, ответил брат Талюмус. — Епископ Де'Уннеро публично казнил его на площади в день своего отъезда.

В первый момент Фрэнсис опешил; однако он напомнил себе, каким бешеным темпераментом обладает Де'Уннеро, и уже ничему не удивлялся.

— В таком случае, пригласи его домочадцев.

— У Алоизия Крампа не было семьи, — ответил Талюмус. — Остались лишь служащие.

Фрэнсис задумался. Его первым побуждением было дождаться приезда отца-настоятеля Маркворта и предоставить этому умудренному жизненным опытом человеку решать судьбу дома Крампа. Однако, поразмыслив, он отверг эту идею, напомнив себе, что теперь он магистр, глава аббатства Сент-Прешес и, возможно, будущий епископ Палмариса. Нужно быть решительней и уверенней в себе, нужно действовать в соответствии с указаниями отца-настоятеля Маркворта и во благо церкви.

— Передай его дом в распоряжение церкви, — приказал он.

Брат Талюмус во все глаза уставился на него.

— Люд-д-и и без того возмущены тем, как обошлись с г-г-осподином Крампом. — От волнения он даже начал заикаться. — Зачем снова обижать их?

— Передай дом церкви, — повторил Фрэнсис более решительно. — Пусть служащие, все до одного, остаются на месте и пусть им хорошо платят.

— А зачем нам этот дом? — спросил Талюмус. — Вы там будете жить?

— Разве я уже не сказал тебе, что останусь здесь? — Фрэнсис сделал вид, будто сердится. — Нет. Но мы найдем, как использовать этот дом во благо жителей Палмариса. Может, будем раздавать в нем еду нуждающимся или исцелять недужных с помощью священных камней.

Хмурое выражение на лице брата Талюмуса медленно сменилось улыбкой, и Фрэнсис понял, что поступил правильно. Церковь, конечно, приобретет ценное имущество, но и

простой народ останется не внакладе.

— Итак, список, брат. — Фрэнсис указал Талюмусу на дверь. — И пошли посланцев к пострадавшим торговцам. Скажи им, что они сегодня получают компенсацию. — По дороге к двери монах даже споткнулся от волнения. — И вот еще что, брат Талюмус, — сказал вслед ему Фрэнсис. — Пусть посланцы не делают тайны из своих поручений.

Талюмус улыбнулся и вышел, оставив довольного Фрэнсиса одного. А что? Быть человеком власти не так уж плохо, подумал новоиспеченный магистр. И политические игры — вещь весьма и весьма интересная.

ГЛАВА 25 НА СЕВЕР

В Кертинелле, как выяснилось, царил мир и покой. Вспашка полей уже началась, дома были выстроены заново или отремонтированы. Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как деревню захватили зловонные гоблины и поври, но их мерзкий запах уже выветрился. Де'Уннеро стало ясно, что жители, по крайней мере внешне, вернулись к мирной жизни.

И он не был склонен нарушать этот порядок вещей. На задворках деревни, укрывшись за склоном холма, епископ с неохотой освободился от чар тигриной лапы. Все пять предыдущих дней он провел, погрузившись в каменную магию, и был в той же степени диким котом, в какой и человеческим существом; удивительное ощущение власти и свободы.

Пять дней. Слишком долго, подумал Де'Уннеро. Он знал, что на мощных тигриных лапах сто пятьдесят миль от Палмариса до Кертинеллы можно было покрыть в три, а то и в два дня. В особенности если использовать камень души из кольца Крампа, чтобы буквально высасывать жизненную силу из попадающихся на пути животных, — усовершенствованный вариант того, как монахи омолаживают коней, вытягивая жизненную силу из оленей. Теперь, в качестве тигра, Де'Уннеро мог вообще бежать практически без остановок, на ходу выкачивая энергию жизни из своей жертвы, а потом сжирая ее уже в прямом смысле этого слова. Превосходный вариант, при котором перерабатывается вся энергия, без остатка. После такой трапезы Де'Уннеро-тигр был готов тут же снова пуститься в путь.

Тем не менее именно красота и мощь такого существования приводили к тому, что он двигался медленнее, чем мог, несмотря на то что страстно желал как можно быстрее добраться до Полуночника. По пути он нередко сворачивал в сторону — ради того чтобы продлить удовольствие.

Не важно, решил Де'Уннеро. Несколько дней не играют никакой роли, поскольку даже в этом огромном мире Полуночнику нигде не спрятаться от его когтей.

Он вошел в Кертинеллу в простой монашеской рясе, придав лицу безмятежное, обезоруживающее выражение.

— День добрый, отец! — один за другим приветствовали его крестьяне.

Все они усердно трудились, ремонтируя дома или — вот удивительное дело, поскольку до конца зимы оставалось еще пара недель! — готовя к обработке поля, уже освободившиеся от снега. Последний буран, закончившийся проливным дождем, растопил и смыл снег, обнажив землю. Сейчас крестьяне стаскивали в груды камни, размечали участки колышками.

— И тебе того же, дитя мое, — вежливо отвечал он. — Подскажите, где мне найти вашего управителя.

Доброжелательные крестьяне назвали имя и показали, в каком направлении находится нужный дом, окруженный густыми деревьями, между которыми еще оставался снег, пронзительно белевший в тени.

Управительницу — потому что это оказалась женщина, приземистая, лет сорока, — найти было проще простого; она трудилась на своем поле. Увидев Де'Уннеро, она оперлась о мотыгу обеими руками, положив на них подбородок.

— Ты Джанина О'Лейк? — приветливо спросил Де'Уннеро.

— Она самая, — ответила женщина. — А ты кто будешь? Может, хочешь основать

церковь тут, в Кертинелле?

— Я брат Симпл, — соврал Де'Уннеро, — просто прохожий. Хотя уверен — как только мирная жизнь наладится, церковь пришлет сюда священника.

— Ну, у нас есть монах Пемблтон, — ответила Джанина. — До него всего-то день пути. Все проповедует, чтобы люди о душе думали, а не о том, как бы брюхо набить, — Де'Уннеро с трудом сдержал желание ударить ее. — Однако у тебя такой вид, точно ты и сам не прочь перекусить.

— Так оно и есть. — Он скромно потупил взгляд. — Немного еды и рассказ о том, какая дорога ведет на север, — вот все, что мне нужно. Я иду в Тимберленд, там в последнее время проповедовать некому.

— Да уж, места там дикие, говорят, — улыбнулась Джанина. — Ну, посиди пока в тенечке, отдохни. Я скоро закончу и покормлю тебя на дорожку.

— Пожалуйста, добрая женщина. — Монах протянул руку к мотыге. — Позволь мне заработать себе еду.

Джанина удивилась, но спорить не стала.

— Вот уж не думала, что монах захочет поработать, — сказала она. — Но помощь мне не помешает, и я отблагодарю тебя за нее.

Де'Уннеро принялся мотыжить поле: чего-чего, а этого, наверное, никто никогда не ожидал от епископа Палмариса. Потом Джанина пригласила его вместе с несколькими другими крестьянами пообедать. Еда была горячая и вкусная, но Де'Уннеро, после его диких трапез, она показалась немного странной и оставила полуголодным.

За обедом шла неспешная беседа. Епископ выяснил, что в пути на север ему ничто не угрожает и добраться до Тимберленда будет не труднее, чем от Палмариса до Кертинеллы, — если, конечно, зима не выкинет напоследок какую-нибудь шутку. Правда, на севере и сейчас еще лежит снег, объяснили ему.

После обеда брат Симпл принял приглашение переночевать в сарае Джанины и предупредил ее, что утром она, скорее всего, его уже не увидит, так как он собирается продолжить путь с рассветом.

На самом деле он покинул сарай и Кертинеллу уже через час и помчался по залитым лунным светом полям на север, с каждым прыжком все глубже погружаясь в магию «тигриной лапы». Процесс превращения его ряссы в шкуру зверя был настолько совершенен, что кольцо с камнем души оказалось надето на палец тигриной лапы.

Ощущение было такое, словно он полностью превратился в зверя и видел мир глазами дикого кота. Вскоре он почуял присутствие рядом другого животного и понесся еще быстрее, принявшись к запаху, наслаждаясь им, а точнее говоря — страхом, которым был пропитан этот запах. Это придавало погоне особенную прелесть, порождая дикую, первобытную радость хищника, уверенного, что жертва от него не уйдет.

Невидимый, неслышимый, он мчался через темный лес. Чуткие уши уловили шорох в стороне, и почти сразу же он увидел их: два белохвостых оленя — самец с ветвистыми рогами и самка.

Мягко ступая, тигр приближался к ним.

Самец ударил копытом по земле; самка подпрыгнула, как бы собираясь умчаться прочь.

Но она не знала, в какую сторону бежать, понял Де'Уннеро. Он был рядом, совсем рядом, оставался один прыжок и... Он бросился на самца; с ним справиться было труднее.

Могучий тигр издал ужасающий рев, выпустил когти, широко расставил лапы, но самец не обратился в бегство и не замер на месте, а пошел прямо на него, опустив голову и выставив грозные рога. Когда они сошлись, Де'Уннеро ощутил болезненный укол в грудь, но не обратил на него никакого внимания. Он снова яростно взревел, тигриная лапа с размаху опустилась на голову оленя, вцепилась в его рога и резким рывком повернула голову в сторону, сломав хребет. Самец покачнулся и упал.

Де'Уннеро вгрызся ему в шею и разорвал главные вены, жадно лакая хлещущую из них кровь. Одновременно он мысленно воззвал к камню души, чтобы поглощать не только

физическую составляющую оленя, но и его жизненную силу.

Когда все было кончено, энергия так и колотала внутри. И все же ему было мало. Он бросился на поиски самки, нашел ее, накинулся сзади и возобновил пиршество.

Теперь можно было мчаться на север, не зная усталости, не испытывая потребности в отдыхе.

— Впереди все чисто, — сообщил Роджер, вернувшись к Элбрайну и Смотрителю, которые только что обшарили местность к западу и востоку.

Позади них на небольшой полянке немного в стороне от дороги — точнее говоря, всего лишь тропы, протоптанной солдатами армии демона, — пятеро монахов сидели в кружке вокруг костра и ели ужин, приготовленный Виссенти из съедобных корешков.

— Далеко же они убежали, — заметил рейнджер, недоверчиво покачивая головой.

Пройдя уже половину расстояния от Дундалиса до Барбакана, маленький отряд не встретил ни единого монстра — ни великанов, ни гоблинов, ни поври.

— Вайлдерлендс больше, чем кажется, — сказал кентавр, — больше, чем все населенные людьми земли, вместе взятые. Клич демона, сзывающего свою армию, пронесся по всей земле, вытащил гоблинов из их нор, согнал великанов с утесов безымянных гор и даже докатился до живущих за морем поври.

— А теперь, похоже, они вернулись в свои норы и скалы, — отозвался Полуночник. — И все же у меня нет ощущения, что здесь безопасно.

— Люди любят усложнять себе жизнь, — сухо заметил кентавр.

Полуночник снова покачал головой и уже в который раз оглянулся.

— Ну, жаловаться-то не стоит. — У Роджера возникло странное ощущение, будто Полуночник разочарован отсутствием монстров. — Лучше ни одного врага, чем много.

— Случается, что и один — слишком много, — задумчиво ответил Элбрайн.

— Если только тебя устраивает ужин из корешков, — засмеялся кентавр. — Хо, хо, знай наших!

Когда-то эта излюбленная присказка Эвелина, звучащая из уст кентавра, раздражала Элбрайна, но теперь заставляла лишь улыбаться.

— Что теперь, снова в разведку? — спросил Роджер.

Оба его собеседника заметили, что он бросил тоскующий взор в сторону костра.

— Да нет, хватит, — ответил Элбрайн, хотя знал, что и он, и кентавр будут рыскать по лесу до поздней ночи. — Иди к братьям, поужинай и ложись спать.

Роджер кивнул и побежал к костру, крича, чтобы Кастинагис оставил ему хоть чуточку.

— Его недаром тянет к огню, — сказал кентавр.

— Да, ветер холодный.

— Очень холодный. До сих пор нам везло, рейнджер. Так далеко на севере ветру ничего не стоило заморозить нас до костей, и однажды утром мы могли проснуться под толстым слоем снега.

— А нам еще идти и идти на север, — заметил Полуночник.

Смотритель кивнул.

— Да, и хотя скоро зиме конец, весна в Барбакане не то же самое, что в Дундалисе. Я на одно надеюсь: что после взрыва все там изменилось и в воздухе до сих пор плавают столько пыли, что она прикрывает землю, как одеялом. Ты видел, какой странный цвет имеет небо на рассвете и на закате. Может, это пыль смягчила погоду, что зимой, что летом.

В самом деле, как раз в этот момент западный край неба запылялся красным, словно облака охватил огонь. Полуночник полагал, что кентавр прав. Он уже давно жил на свете, втрое дольше самого старого человека; и ни одно земное создание, даже госпожа Дасслеронд из тол'алфар, не было столь восприимчиво к явлениям природы, как Смотритель. Однако и без него Полуночнику было ясно: сегодняшнее заметное похолодание может означать, что дальше в этом смысле будет только хуже, в особенности когда они начнут подниматься в горы. Может, их обманула необычно теплая зима в Тимберленде? А вдруг перевалы в горах

все еще завалены снегом?

— Пошли, — сказал он кентавру. — Пора и нам перекусить.

Смотритель покачал головой.

— Это не для моего брюха, — ответил он. — Да, монстров поблизости нет, но среди деревьев бегают множество всякой другой еды!

С этими словами он поскакал в лес, снимая с плеча огромный лук.

— Держись поблизости! — крикнул ему Элбрайн.

— Боишься невидимых монстров? — насмешливо ответил кентавр.

— Ничего подобного! Но в такую холодную ночь приятно слышать, как Смотритель играет на волынке!

— Услышишь, не сомневайся! — взревел кентавр и скрылся за густыми кустами; слышался лишь зычный голос. — Если только губы у меня не заледенеют от этого проклятого холода!

Сидя на ветке растущего на холме дерева, откуда вся деревня была видна как на ладони, Де'Уннеро сразу понял, что Дундалис сильно отличается от Кертинеллы. Дундалис оказался примерно вдвое меньше, но дело было не в размерах, а в том, что никаких признаков обычной крестьянской деятельности в деревне и вокруг нее не наблюдалось. Никто не расчищал поля, готовя их к весеннему севу, и даже лесопопавальные работы не велись.

Здесь, далеко на севере, жизнь еще не вернулась в нормальное русло. Дундалис был больше похож на крепость, чем на мирное селение, и это впечатление лишь усиливалось из-за присутствия Шамуса Килрони с его людьми. Чуть больше десяти домов находились на разных стадиях строительства, а некоторые были уже закончены, но больше всего бросалась в глаза стена вокруг деревни, выше самого высокого человека, вдоль которой все время ходили солдатские патрули. В северной части возвышалась крепость, и там, на самом верху, стояли двое караульных, чьи силуэты отчетливо выделялись на фоне сумеречного неба.

Наверняка дозорные есть и в лесу, хотя и немного. Де'Уннеро ни с кем из них не столкнулся и беспрепятственно подошел почти вплотную к деревне.

Вообще-то в деревне ему делать было нечего, разве что поговорить с Шамусом и, возможно, прихватить его и солдат с собой на север. Спрыгнув с дерева, Де'Уннеро углубился в лес, ломая голову над тем, как встретиться с Шамусом, не дав повода для подозрений никому из возможных друзей Полуночника.

Решение этой проблемы нашлось довольно скоро, когда Де'Уннеро заметил и подслушал разговор двух дозорных. Один был ничем не примечательный невысокий человек, а второй — крупный и грубоватый с виду. По тому, как к нему обращался первый — называя его Томасом, — можно было предположить, что этот последний занимает более высокое положение в деревенской иерархии; и, к радости Де'Уннеро, оба упоминали Шамуса Килрони.

Их беседа подсказала епископу, как лучше заговорить с ними.

Они подскочили от неожиданности, Томас в мгновение ока выхватил меч.

— Успокойся, брат, — сказал Де'Уннеро и поднял руки в знак смирения. — Я просто Божий человек и не враг вам.

Томас опустил меч.

— Как ты тут оказался? И кто ты такой?

— Я сам по себе, — с улыбкой ответил Де'Уннеро. Мужчины обменялись недоверчивыми взглядами. — Епископа Палмариса волнует то, что Тимберленд восстанавливается без участия церкви.

— Что-то церковь никогда раньше не интересовалась Тимберлендом, — ответил тот, что был меньше ростом.

Де'Уннеро заметил движение в лесу за их спинами и услышал шаги еще двух людей; надо полагать, другие разведчики услышали взволнованный разговор и подошли узнать, в

чем дело.

— Прежняя церковь, — уточнил он. — Сейчас все изменилось. Мы гораздо больше обеспокоены делами государства.

Двое подошедших встали у него по бокам и чуть сзади, но Де'Уннеро никак на это не прореагировал.

— Тимберленд не часть королевства, — с оттенком гордости объявил невысокий человек.

— И снова ты говоришь о том, что было раньше. Война многое изменила.

— Ты хочешь сказать, что теперь Дундалис принадлежит королю Хонсе-Бира? — возмущенно воскликнул собеседник Де'Уннеро.

— Я лишь хочу сказать, что на данный момент принадлежность Дундалиса не определена. — Де'Уннеро напомнил себе, что ему в общем-то плевать и на самих этих людей, и на их мнение. — Неплохо бы всем вам уяснить это, в особенности учитывая, что в деревне находятся королевские солдаты.

Пораженный таким неожиданно резким заявлением, человек отступил, а тот, кого он называл Томасом, насмешливо фыркнул.

— Я Томас Джинджерворт, — дружелюбным тоном представился он и протянул руку.

Хорошо, что Де'Уннеро держал «тигриную лапу» в левой руке и смог протянуть свою. Они обменялись рукопожатием.

— Разве сейчас в Дундалисе нет монахов церкви Абея? — спросил Де'Уннеро.

Этот вопрос застал его собеседников врасплох, поскольку в нем содержался намек на пребывание в Дундалисе Браумина и остальных братьев, пусть и пытавшихся замаскировать свою принадлежность к церкви.

— Никаких монахов тут нет, — быстро и решительно ответил Томас.

— Жаль. Значит, они уже ушли, — сказал епископ.

— Их тут и не было.

Де'Уннеро как бы опечалился.

— Они тут не появлялись? — с беспокойством спросил он, надеясь этим вопросом еще больше сбить собеседников с толку.

И это ему удалось. Теперь они уже не понимали, о ком идет речь — о Браумине с товарищами или о ком-то еще. Но — и это было даже важнее — сама реакция Томаса на его вопрос убедила Де'Уннеро в том, что этот человек друг Полуночника.

Как и все они.

— Я беспокоюсь за братьев, — продолжал епископ. — Что могло задержать их? Ведь путь из Палмариса через Кертинеллу очищен от врагов.

— Ну, наверняка кто-то из монстров еще бродит в округе, — не слишком уверенно сказал Томас.

Он, конечно, не понимал всей иронии этого заявления, поскольку не знал, что как раз в этот момент Де'Уннеро пробудил к жизни магическую энергию «тигриной лапы». Его левая рука соответствующим образом изменилась, но из-за широкого рукава этого никто не заметил.

— Пошли в деревню, там поговорим, — предложил Томас.

Епископ покачал головой.

— Томас Джинджерворт у нас тут за главного, — с нажимом произнес невысокий человек.

— Вот пусть Томас Джинджерворт и командует теми, кто ему подчиняется, — ответил Де'Уннеро. — Но не капитаном королевской армии и не посланцем церкви Абея.

— В деревню, я сказал. — Томас сделал жест в направлении Дундалиса.

— Иди, — в голосе Де'Уннеро прозвучали приказные нотки, — да поторопись. Пришли сюда капитана Шамуса Килрони. — Его тон заставил всех четверых мгновенно ошетиниться и недовольно заворчать. — Считаю, что тебе крупно повезло, — у меня нет времени пререкаться с тобой. — Де'Уннеро понимал, что злить этих людей бессмысленно, но просто

не мог удержаться. — Я поговорю с капитаном Килрони, но это произойдет именно здесь. Мне нечего делать среди грязных лачуг, которые вы называете своей деревней.

— Тогда убирайся отсюда, пока цел, — отрезал Томас.

— Теперь мне все ясно, — заявил Де'Унnero. — Ты друг того, кого называют Полуночником.

От удивления глаза Томаса округлились, но ни он, ни остальные не успели среагировать. Де'Унnero круто развернулся, выставил перед собой руку, превратившуюся в тигриную лапу, и процарапал грудь стоящего ближе всех человека. Ему ничего не стоило убить мерзавца — на самом деле он этого просто жаждал, — но у него хватило ума лишь вцепиться когтями в кожаную тунику и разорвать ее.

Вскрикнув от ужаса, человек отпрянул, а его товарищи начали надвигаться на Де'Унnero. Однако он оказался проворнее; правой рукой схватил одного из них за волосы, отогнул его голову назад, а тигриной лапой вцепился в лицо, царапая когтями кожу.

Томас и последний из уцелевших отскочили. К их удивлению, Де'Унnero освободил того, которого держал, с силой толкнув его в сторону Томаса.

— Людям в вашем положении не стоит так опрометчиво обзаводиться врагами, — заявил епископ. — Равно как недооценивать притязаний церкви и ее возможностей. Мы получим все, чего желаем. Теперь идите и пришлите ко мне Шамуса Килрони. Мое терпение на исходе.

Несколько мгновений все четверо стояли, словно окаменев.

— Когда они ушли в Барбакан? — спросил епископ. Томас и остальные не отвечали. — Ну, как хотите. — Де'Унnero слегка поклонился. — Ваш выбор ясен, но мой вам совет: думайте, кого выбираете в союзники.

— Ты много на себя берешь, — ответил Томас. — Говоришь о каком-то Полуночнике, как будто уверен, что мы знаем, кто это такой. Между тем...

Де'Унnero поднял свою человеческую руку.

— Как хотите, — повторил он и кивнул в сторону небольшой группы сосен. — Скажи капитану Килрони, что я жду его вон там и хочу поговорить с ним лично.

Несмотря на то что Де'Унnero мог назвать этих людей своими врагами, он без опаски повернулся к ним спиной, уверенный, что они не посмеют на него напасть. Он и в самом деле был великолепным воином и умел очень точно оценивать потенциальные возможности противников. Его уверенное спокойствие произвело на Томаса Джинджерворта и его товарищей устрашающее воздействие — в добавление к тому, что уже произошло раньше; ясное дело, никто из них и не думал о нападении.

Сумерки уже затопили лес, когда появился Шамус Килрони. Ему было сказано лишь, что монах церкви Абея хочет поговорить с ним; и, конечно, встреча с самим епископом произвела на него шоковое воздействие.

— Почему ты позволил Полуночнику уйти? — без единого слова приветствия спросил Де'Унnero.

— А чт-т-о я мог сделать? — заикаясь от волнения, вопросом на вопрос ответил Шамус. — Не сражаться же с ним? Вы мне это категорически запретили.

Де'Унnero сделал ему знак говорить потише; наверняка их разговор слышало множество любопытных ушей.

— Тебе было приказано не спускать с него глаз. И, однако, ты сидишь в этой жалкой деревушке, а Полуночник бродит где-то на севере. — В голосе епископа явственно прозвучало недовольство.

— Я просил его взять меня с собой, — возразил Шамус Килрони. — Но он отказал.

— Ты просил его? — удивленно повторил Де'Унnero. — Ты, капитан армии короля! Что, это звание уже ничего не стоит?

Шамус покачал головой.

— Вы не понимаете, что это за человек, — попытался объяснить он, — и какие у него взаимоотношения со здешними людьми. Тут, на диком севере, он значит больше, чем сам

король.

— Какая самонадеянность! — мрачно заявил епископ. — Очень опасная, очень. Ты должен был пойти с ним или, по крайней мере, сопровождать его незаметно. Сегодня же ночью собери людей и с удвоенной скоростью отправляйтесь вдогонку.

— И вы с нами?

Де'Унnero бросил на капитана презрительный взгляд.

— Я опережу вас. К тому времени, когда вы догоните меня, с Полуночником должно быть покончено. Ты со своими солдатами поможешь мне доставить в Палмарис уцелевших, если, конечно, они будут. — Шамус открыл было рот, но епископ остановил его. — Все, пора в путь.

Они вышли из рощи и увидели Томаса вместе с несколькими другими крестьянами, которые делали вид, что у них тут свои дела.

— Они поняли, что вы охотитесь на Полуночника, — шепнул Шамус Де'Унnero на ухо. Епископ презрительно фыркнул.

— Что мы охотимся на него, ты имеешь в виду, — прошептал он в ответ. — Не говори им, кто я такой.

Шамус лишь кивнул, не пускаясь в расспросы. В конце концов, Де'Унnero действовал от имени короля.

Сбившись в тесную группу и сжимая в руках оружие, Томас и его товарищи подошли к монаху и капитану.

Но не с целью напасть, понимал Де'Унnero; после всего случившегося на это у них не хватит мужества. В воздухе ощущалось вязкое напряжение, и епископ, получавший от этого дополнительное удовольствие, решил еще немного усилить его.

— Если кто-то захочет предупредить человека по имени Полуночник, что я отправляюсь на его поиски, пусть отдает себе отчет в том, что выступает против церкви Абея и что наказание будет скорым и неотвратимым.

Шамус подумал, что Де'Унnero перегибает палку.

Однако епископ понимал, что одержал верх. И действительно, Томас и остальные отошли в сторону, позволив им с капитаном пройти.

Идя вслед за епископом, Шамус чувствовал, как в его душе нарастает злость. Только когда они остались одни, он заметил трансформацию, происшедшую с рукой его спутника, — мощные когти, торчащие из складок широкого рукава. Капитана охватила дрожь, но на пути в Дундалис он не произнес ни слова. Де'Унnero повторил свой приказ выйти в путь той же ночью и ушел, направляясь на север.

В лесу между тем Томас Джинджерворт с товарищами изумленно разглядывали кожаную тунику, разорванную в клочья с такой легкостью, словно она была бумажная.

— Полуночник с ним справится, — сказал один из них, и все остальные согласно закивали.

Томас тоже кивал, хотя в душе отнюдь не был уверен в правильности такой оценки. Однако он не мог позволить себе показать это; напротив, он должен был помочь им найти хотя бы некоторое успокоение в искренней вере в Полуночника, ставшего всем им другом. Этот странный, смертельно опасный монах взволновал их всех, и в особенности Томаса, который единственный смотрел этому человеку в глаза и прочел в них такую силу воли, мощь и уверенность в собственном превосходстве, каких и вообразить себе не мог.

Дай бог, думал он, чтобы этот монах не нашел Полуночника.

На самом деле это была не пещера, а всего лишь выступ, естественная ниша, образовавшаяся на склоне скалистого утеса. Однако Элбрайн, который обычно прятался в покинутой медведем берлоге или под сенью низко растущих густых сосновых ветвей, счел, что это удача — найти такое удобное место для Оракула. Он укрылся под навесом, когда солнце коснулось западной линии горизонта, а небо все еще полыхало красным, розовым и фиолетовым; поставил зеркало на камень, завесил одеялом вход, отчего внутри стало еще

темнее, и бросил последний взгляд на полыхающее красками небо.

Сел, прислонился спиной к холодной скале и устремил взгляд на едва различимое зеркало, стараясь полностью сосредоточиться на нем. Спустя считанные мгновения в глубине зеркала сгустился туман и возник призрак.

— Дядя Мазер! — воскликнул Элбрайн, хотя прекрасно знал, что не услышит ответа.

Он уперся подбородком в сложенные руки и попытался разобраться в своих чувствах. Этой ночью у него возникла настоящая потребность обратиться к Оракулу, но вместе с тем в мыслях была ужасная путаница, а в душе нарастала тревога. Причин беспокойства он не понимал, чувствовал лишь, что этот поход ему не по душе.

— Может, я утратил желание? — спросил он. — В сражениях, когда гоблины устраивали нам засады и вокруг гибли солдаты... Мне не хотелось быть там. Я не боялся, нет, и, конечно, убивал гоблинов без всяких сожалений, но в душе моей не было страсти, дядя Мазер. Так же как и сейчас, когда я иду на север. Понятно, что поход в Барбакан важен для Браумина и его товарищей и что они таким образом воздают дань памяти моего дорогого друга, но...

Полуночник замолчал и с глубоким вздохом опустил голову. С тех самых пор, как он покинул эльфийскую долину, у него всегда было ясное чувство цели. Элбрайн воевал, никогда не уклоняясь от сражений, потому что понимал, что таков его долг. Когда монстры потерпели поражение, у него появилась новая цель и новые враги-те, кто захватил Смотрителя. Теперешний поход на север вполне можно было рассматривать как продолжение все той же борьбы Эвелина со своими сбившимися с пути братьями.

Однако непонятно, почему Элбрайн не испытывал настоящего желания участвовать в нем, утратил ощущение цели.

— Пони... — прошептал он, поднял взгляд и посмотрел в зеркало, внезапно с мучительной ясностью осознав, в чем источник его тревоги. — Все дело в Пони, дядя Мазер.

Но при чем тут Пони, если разобраться? Конечно, он скучал по ней с того самого мгновения, как она покинула Кертинеллу. Однако он всегда скучал, когда ее не было с ним, даже если разлука продолжалась всего день. С этим чувством было бесполезно бороться. Он любил ее всем сердцем, всей душой и не представлял себе жизни без нее. Она пробуждала в нем лучшие стороны его натуры. Даже в би'нелле дасада она помогла ему выйти на новый уровень мастерства. Но это так, пустяки. Гораздо важнее то, что Пони облагораживала его духовно, помогала видеть мир таким, каков он есть на самом деле, помогая лучше понять свое место в нем; и благодаря ей каждый день, каждое мгновение наполнялись радостью. С ней он чувствовал свою завершенность; что же удивляться, что ему так не доставало ее?

Но сейчас он точно знал, что это было нечто большее, чем просто печаль о Пони.

— Я боюсь, дядя Мазер. Пони в очень опасном месте, более опасном, чем то, где нахожусь я, хотя мой путь ведет туда, где обитало создание, сумевшее покрыть тьмой целый мир. Я не смогу помочь ей, если она будет в этом нуждаться; я не смогу услышать ее, если она позовет меня.

Он снова вздохнул, не отрывая взгляда от невозмутимого призрака, как бы ожидая, что дядя Мазер подтвердит его опасения или, напротив, опровергнет их. Или, может быть, скажет, что нужно бросить все и повернуть на юг, к Пони.

В зеркале, однако, ничего не изменилось.

Элбрайн углубился в мысли, пытаясь найти ответ; не добившись результата, он прислушался к своему сердцу.

— Я боюсь за нее, потому что наши пути разошлись. — Эти слова вырвались как бы помимо его воли.

Нужно было наконец признаться себе самому, что он сердился на Пони за то, что она покинула его, и не понимал, зачем она это сделала. На самом деле он не боялся за нее — она могла постоять за себя лучше, чем кто-либо другой из его окружения; возможно, лучше всех в мире! Нет, он опасался того, что какие-то обстоятельства помешают им встретиться снова, что он отпустил ее со злостью в сердце, в то время как там должны были быть лишь любовь

и доверие.

Он горько рассмеялся.

— Нужно было лучше расспросить и выслушать ее, — сказал Элбрайн, обращаясь не столько к призраку, сколько к себе самому, — и, возможно, вместе с ней отправиться на юг. — Он снова рассмеялся над своей глупостью. — Или, по крайней мере, нужно было как следует разобраться, зачем ей это понадобилось, тогда бы я не мучился так сейчас. А теперь нас разделяют сотни миль, дядя Мазер. Пони в Палмарисе, а я удаляюсь от него все дальше и дальше.

С последними словами призрак начал таять, а туман в зеркале стал гуще. В первый момент Элбрайн подумал, что связь с Оракулом прервалась и что, следовательно, он рассуждал правильно. Он уже начал было подниматься, как вдруг туман в центре зеркала рассеялся и там что-то замерцало.

Испуганный Элбрайн вглядывался в зеркало; изображение было кристально четким, хотя в нише стало почти совсем темно.

Перед ним была плоская вершина горы Аида, из которой торчала рука Эвелина.

Элбрайна охватило удивительное чувство любви и тепла, он с такой силой ощутил присутствие магии, как никогда в жизни.

И тут же изображение растаяло, но Полуночник еще долго сидел в нише. А когда вышел оттуда, то едва не поскользнулся на тонкой корочке льда.

Этот лед был водой, когда он входил в нишу. Лед... А ведь они еще даже не добрались до гор.

Впрочем, сейчас это не имело особого значения. Оракул показал ему путь, и теперь никаких сомнений у него не осталось. Схожее чувство, наверное, руководило Браумином и остальными братьями, когда они отправились в свое паломничество. Как и они, Элбрайн чувствовал, что в этом необычном месте найдет ответ на некоторые свои вопросы.

Теперь, даже если бы выпал очень глубокий снег, это бы его не остановило.

Он плотнее завернулся в одеяло, и только сейчас до него дошло, что в вечернем воздухе плывет затейливая мелодия, которую Лесной Дух выводил на волынке. Элбрайн не стал разыскивать кентавра, а подошел к костру. Предполагалось, что монахи и Роджер будут караулить, однако все они спали, замороженные музыкой кентавра.

Это не важно, решил Полуночник; поблизости нет ни гоблинов, ни других монстров. Продолжая кутаться в одеяло, он проверил, удобно ли устроен на ночь Дар, и пошел на звук музыки, безошибочно определив направление, как это умеют делать только те, кто прошел обучение у тол'алфар.

Он нашел кентавра на голой вершине невысокого холма — такие «подмостки» для исполнения сольного номера больше всего нравились Смотрителю. Элбрайн подходил к нему тихо, осторожно, стараясь не помешать, не прервать своим появлением магический транс, в который впадал кентавр, играя на волынке. Так продолжалось еще долго, очень долго.

В конце концов музыка смолкла. Кентавр открыл глаза и не выразил ни малейшего удивления, увидев сидящего рядом Полуночника.

— Ну, поговорил с призраками? — спросил он.

— Главным образом с самим собой, — ответил Элбрайн.

— И что же ты сказал сам себе?

— Что не хочу идти тем путем, который уводит меня все дальше от Пони. Я говорил тебе, что согласился сопровождать монахов только потому, что был зол на нее?

— Причина не хуже любой другой, — ответил кентавр.

— Еще в Дундалисе она явилась мне во сне, — продолжал Элбрайн. — Сказала, что мы не сможем встретиться в начале весны, как договорились. Ну, я и решил пойти с братом Браумином, хотя ни малейшего желания оказаться на горе Аида у меня не было.

— Отсюда до Дундалиса столько же, сколько до Аиды, — заметил кентавр. — Меня и самого воротит от мысли оказаться там, где все провоняло демоном.

Элбрайн покачал головой.

— Я сказал, что у меня не было желания оказаться там. Теперь мое настроение изменилось. Я знаю, что должен идти к горе Аида, с братом Браумином или без него. На этот путь меня толкнули злость и обида, но мне снова повезло. Оказывается, я сделал правильный выбор.

— Такое впечатление, будто без снов и призраков ты шагу ступить не можешь, — с усмешкой сказал кентавр. — Я беспокоюсь за тебя, мой мальчик. И за себя беспокоюсь, потому что иду за тобой как привязанный!

Элбрайн улыбнулся, а Смотритель снова поднес к губам волынку. И снова полилась мелодия — затейливая, изящная; музыка ночи, музыка Лесного Духа.

ГЛАВА 26 УБИЙЦА

— Брат Пантелеймон, — объявил слуга Фрэнсиса, один из пятерых, сопровождающих его из Санта-Мер-Абель.

Фрэнсис кивнул; он ожидал этого визита. Брат Пантелеймон не так давно прибыл из Санта-Мер-Абель с сообщением о предстоящем визите отца Маркворта.

Войдя, монах подошел к Фрэнсису и вручил ему пергаментный свиток, перевязанный голубой лентой с эмблемой отца-настоятеля. Фрэнсис развернул его и прочел, не слишком удивленный содержащимися в послании инструкциями. Отец-настоятель хотел, чтобы его встречал весь город, со всеми возможными почестями и приветствиями.

— Это должно стать настоящим праздником, — объяснил Фрэнсис монахам. — Отец-настоятель прибудет через три дня. Это время отводится нам на подготовку к встрече.

Вошел брат Талюмус, прослышавший о том, что из Санта-Мер-Абель прибыл гонец с новостями.

— Отправляйтесь к торговцам, с которыми мы... — начал было Фрэнсис, но со смешком замолчал, не зная, какое правильное употребить слово.

Расплатились? Так, может быть, если иметь в виду золото, полученное ими за отнятые у них камни? Но на самом деле это была не просто плата, а самая настоящая взятка. Вот так просто и без затей. И большинство из купцов приняли золото с улыбкой, обнадеживающей улыбкой, свидетельствующей о понимании того, что они не могут позволить себе роскошь враждовать с церковью. По крайней мере в данный момент.

Конечно, Фрэнсис не мог выразить вслух того, что думал по этому поводу.

— Отправляйтесь к торговцам, которым мы возместили ущерб, — сказал он. — Скажите им, что все их будущее благосостояние зависит от отца-настоятеля, что вскоре он сам прибудет в Палмарис и что нам требуется их помощь, чтобы достойно встретить его.

— А король Дануб далеко? — спросил брат Талюмус.

— Судя по сообщениям, ему требуется еще неделя, чтобы добраться до города, — ответил Фрэнсис.

— Получается, что через неделю нам предстоит организовать еще один праздник, — заметил Талюмус. — Ведь короля, насколько я понимаю, мы будем встречать с не меньшей пышностью, чем отца-настоятеля?

Фрэнсису не понравились почти обвиняющие нотки в его тоне. За последнюю пару недель он пришел к выводу, что с братом Талюмусом могут возникнуть проблемы. Тот часто куда-то уходил, а однажды, по слухам, даже одолжил камень души уличной шлюхе.

— У короля в городе наверняка есть шпионы, — закончил Талюмус. — Он обязательно узнает, если оказанные ему почести будут меньше тех, с которыми пройдет встреча отца-настоятеля.

— К этому времени отец Маркворт будет уже здесь, ему и решать, — ответил Фрэнсис. — Наша обязанность — подготовить встречу отца-настоятеля. — Талюмус начал было возражать, не обращая внимания на многозначительные гримасы своих товарищей, но

Фрэнсис прервал его. — Никто в мире не знает протокол лучше отца-настоятеля, уверяю тебя. И опыта у него побольше, чем у всех нас, вместе взятых. Ему не раз приходилось встречать королей, а всего несколько месяцев назад он с успехом провел Коллегию аббатов.

— Но... — снова начал было Талюмус. Однако, оглянувшись по сторонам и заметив, что никто его не поддерживает, прикусил наконец язык и извиняющимся жестом поднял руки. — Какие еще будут распоряжения?

— Начните с торговцев, а также пошлите солдат на улицы, открытые рынки и в трактиры. Нужно, чтобы люди встречали отца-настоятеля на переправе и стояли вдоль всего пути его следования по Палмарису.

Взмахом руки Фрэнсис отпустил монахов. Двое тут же торопливо покинули комнату, но Талюмус то и дело оглядывался на Фрэнсиса, словно его по-прежнему мучили какие-то сомнения.

Ушли наконец. Фрэнсис облегченно вздохнул. Выпавшее на его долю тяжелое испытание близилось к концу. Он верил, что выдержал его. Большинство купцов удовлетворены, но даже те, кто уходил с ворчанием, не смогут сказать отцу-настоятелю ни одного худого слова — Фрэнсис, безусловно, выигрывал в их глазах по сравнению с епископом Де'Уннеро. То же самое можно сказать и о простых людях. Проповеди в последнее время стали гораздо мягче, так же как и налоги.

Маркворт снабдил Фрэнсиса подробнейшими инструкциями, и тот неукоснительно следовал им. Все, что оставалось, — достойная встреча отца-настоятеля, настоящий праздник в честь его прибытия; по сравнению с тем, что уже сделано, это казалось Фрэнсису легкой задачей.

Этим вечером «Друг» был взбудоражен известиями о приближающемся визите отца-настоятеля и о той роли, которая отводилась в празднике простому народу. Подходили все новые и новые люди, и никто не спешил покидать трактир, обсуждая удивительные события последних недель. Пока в городе правил Де'Уннеро, все сходились на том, что долго он — и, следовательно, сама церковь — в Палмарисе не продержится. Но теперь...

Теперь люди не знали, что и думать.

Всеобщее возбуждение и смятение взволновали Пони; обслуживая столики, она внимательно прислушивалась ко всем разговорам. И вздрагивала каждый раз, когда кто-нибудь выступал в защиту Фрэнсиса, поскольку хорошо помнила этого человека по своему пребыванию в Санта-Мер-Абель. О да, она его не забыла! Смотритель называл Фрэнсиса лакеем Маркворта, и Элбрайн собственными глазами видел, как тот избивал закованного в кандалы кентавра.

И вот теперь этот человек здесь, улыбается, раздает золото — временный епископ, быстро ставший героем измученных жителей Палмариса. Де'Уннеро выступил в роли тирана, показал всем, какой мощью обладает церковь. Фрэнсис умело сыграл на этом, продемонстрировав милосердную сторону церкви. Чем жарче разгорались споры, тем очевиднее становилось, что расположение к Фрэнсису берет верх; более того, в душах людей проснулась надежда в связи с предстоящим визитом отца-настоятеля.

— Сейчас, когда война закончилась, может, это и хорошо, если церковь укажет нам путь, — сказал кто-то.

Тут же последовали тосты в честь церкви Абеля, нового епископа — хорошо бы он остался тут, даже когда Де'Уннеро вернется! — и отца-настоятеля. Кому, как не ему, прислушаться к мольбам простых людей?

Пони не стала дослушивать все тосты, вышла на улицу, в ночь, где властвовал холодный северный ветер. Несколько раз глубоко вздохнув, она немного успокоилась и обошла здание трактира, собираясь подняться на крышу, в свое излюбленное потайное местечко.

— Может, в твоем состоянии не стоит туда лазить? — послышался за спиной голос Белстера.

— Как ты мог оставить Дейнси одну, когда там столько народу? — проворчала Пони.

По правде говоря, она понимала справедливость его замечания. Теперь живот у нее был уже очень большой, а ребенок без конца брыкался и ворочался.

— Мэллори ей поможет, — отмахнулся Белстер. — И Прим О'Брайен тоже там. К тому же большинство клиентов уже прилично набрались и вряд ли станут пить еще.

— Стыдно слушать, какие глупости они говорят, — сказала Пони.

Белстер вздохнул.

— Ты сердишься на них, девочка.

Пони удивленно взглянула на него. Да, сердится; неужели он полагает, что несправедливо?

— Даже ты, так глубоко ненавидящая церковь, признаешь, что новый епископ лучше прежнего, — продолжал Белстер. — По мнению многих, это очень веский довод. — Пони покачала головой. — У тебя есть основания думать иначе. — Белстер подошел к ней и успокаивающе обхватил за плечи. — Никто не отрицает этого. Но люди склонны не оглядываться назад, а смотреть вперед, надеясь на лучшее. Им так мало надо! Возможность спокойно работать и спокойно развлекаться — вот и все, чего они ждут от правителей.

— И церковь как раз такой правитель? — недоверчиво спросила Пони. — Епископ Фрэнсис? — Белстер пожал плечами, и она с трудом удержалась, чтобы не стукнуть его. — Что, тоже собираешься вместе со всеми приветствовать отца-настоятеля в день его приезда?

— Раз приказано, значит, нужно исполнять, — ответил он. — Может, от этого отец-настоятель станет чуть-чуть счастливее и сделает нашу жизнь чуть-чуть легче. Не такая уж дорогая цена...

— Притворщик! — Пони оттолкнула Белстера и по его глазам поняла, как больно ему слышать такое оскорбление. Но это не заставило ее остановиться. — Ты не хуже меня знаешь, кто они такие на самом деле! Знаешь, что они творят!

— Знаю, друг мой, — угрюмо ответил Белстер. — Знаю. И не возлагаю на этих людей никаких дурацких надежд — ни на нового епископа, ни на отца-настоятеля. Но если им будет выгодно сделать для жителей Палмариса что-то полезное, они могут это сделать. На что еще надеяться простому человеку?

Ярость Пони сменилась искренним недоумением.

— Ты имеешь в виду вражду между церковью и государством? Думаешь, отец-настоятель попытается использовать город в своей игре против короля?

— Может, на самом деле никакой особой вражды и нет, — ответил Белстер. — По словам моих знакомых торговцев, обеим сторонам выгодно, чтобы в Палмарисе воцарилось спокойствие, хотя, как мне кажется, церковь попытается оставить город за собой.

— Недаром ради этого она пошла на убийство аббата Добриниона и барона Бильдборо, — напомнила Пони.

— Ты что, собираешься помешать им? — недоверчиво спросил он. — Мы уже не раз обсуждали этот вопрос в последнее время и пришли к выводу, что не тебе тягаться с ними. Не стоит и пробовать, девочка. Так будет лучше для всех — для Палмариса, для тебя самой и больше всего для маленького, которого ты носишь.

Рука Пони скользнула к животу. Вот такой он, Белстер; любой намек на возможные активные действия приводил к тому, что он напоминал ей о ребенке.

Она немного успокоилась, как всегда, когда ощущала жизнь внутри себя. Белстер не трус, просто прагматик. Он неплохо устроился тут, в городе. Как и большинство других жителей Палмариса, он предпочитает не обременять себя мыслями о бесчинствах правителей — по крайней мере до тех пор, пока они если не помогают, то хотя бы не мешают ему жить.

Умом Пони понимала эту точку зрения и старалась никого не осуждать. Но такая позиция не годилась для нее. Нет, нет и нет. Фрэнсис избивал Смотрителя; отец-настоятель в ответе за смерть ее приемных родителей и брата. Пони не могла ни простить, ни забыть. Вот почему ей было так больно слушать всю эту болтовню в «Друге»; ведь она считала собравшихся там людей друзьями. Но какой смысл спорить с Белстером сейчас, поздно

вечером, стоя в проулке под порывами холодного северного ветра?

— Иди помоги Дейнси, — сказала она ему. — Я хочу побыть одна. — Белстер открыл было рот, чтобы ответить, но она не дала ему сказать ни слова. — Я обдумываю твои слова. Может, в конце концов удастся обойтись и без войны.

Вряд ли от такой упрямой особы, как Пони, можно было добиться большей уступки. Белстер крепко обнял ее — и она ответила ему тем же — и ушел в трактир, бросив на ходу:

— Только не вздумай со своим животом лезть на крышу!

Пони лишь улыбнулась в ответ, и отчасти успокоившийся Белстер вернулся к своим обязанностям.

Как только он ушел, Пони с помощью малахита без проблем взлетела на крышу и уселась в своем потайном местечке, прислонившись к окну мансарды. Она действительно была настроена обдумать сказанное Белстером и сделала это, но ее настроение несколько не изменилось. Каждый раз, когда она пыталась уговорить себя, что, возможно, для Палмариса лучше забыть о прошлом, что о новых правителях нужно судить по тому, как они действуют сейчас, в памяти всплывали образы Грейвиса и Петтибвы, дорогих, ни в чем не повинных Грейвиса и Петтибвы. Нет, новый епископ не лучше прежнего, понимала она, а отец-настоятель, уж точно, как был, так и остался чрезвычайно опасным злодеем.

Они не сделали ничего, чтобы наладить жизнь в Палмарисе, если сравнивать нынешнее состояние города с тем, каким оно было до гибели Бильдборо и аббата Добриниона. И тем не менее люди будто позабыли об этом! Вся болтовня в «Друге» сводилась к тому, что новый епископ лучше прежнего, что денежные поборы церкви уменьшились, а проповеди звучат не так устрашающе. И этого, к сожалению, им вполне хватало!

В отличие от них Пони ясно видела истину, а также то, что скрывалось за ней, — настоящая ситуация возникла не сама собой, а была тщательно спланирована и организована.

Внушительных размеров караван прокладывал путь к берегам Мазур-Делавала. Он состоял из двадцати фургонов с сильными, хорошо вооруженными монахами. Чтобы пересечь залив, отец-настоятель намеревался прибегнуть к помощи янтаря. Однако, увидев поджидающие его великолепно украшенные паромы и суда, отец Маркворт приказал монахам убрать янтарь.

На водах залива покачивались более двадцати кораблей, у причала были привязаны несколько барж, которые должны были перевезти фургоны. На одной из них стояла новенькая карета для отца-настоятеля, удивительно искусно сделанная, позолоченная, запряженная в четверку вычищенных до блеска белых коней, нетерпеливо бьющих копытами. Правил ими кучер, роскошно одетый в цвета личной охраны бароны Бильдборо.

Как только флотилия тронулась в путь, на всех кораблях приветственно запели трубы. С пристани Палмариса им ответили призывные звуки рогов.

Таков был грандиозный план Фрэнсиса. Единственное, что в нем не устраивало Маркворта, — это медленное продвижение неуклюжих судов; их путь через залив затянулся на целых два часа. В конце концов показали доки Палмариса, и ушей отца-настоятеля коснулись приветственные крики и звуки труб.

Приветственные крики!

— Как это не похоже на мое последнее посещение Палмариса! — заметил Маркворт, обращаясь к сопровождающим его магистрам — Теориллу Энгрессу и второму, совсем молодому человеку. — Возможно, в конце концов они все же поняли, что такое церковь.

— Благодаря трудам епископа Де'Унnero, — ответил молодой монах.

Маркворт кивнул, не имея желания пускаться в объяснения, но прекрасно понимая, как в действительности обстояло дело. Всем, на что он мог рассчитывать в Палмарисе, он был обязан лишь стараниям Фрэнсиса, и тому явно пришлось немало потрудиться.

Вся пристань была запружена народом. Маркворт заметил среди них и бехранцев, и, хотя они выражали радость не так истово, как белокожие жители Палмариса, многие из них хлопали в ладоши, выкрикивая имя отца-настоятеля Маркворта.

— Ох, Фрэнсис, — пробормотал себе под нос старый аббат, — ты весьма и весьма облегчил мне задачу!

Очень довольный, он уселся на сиденье золоченой кареты, по обеим сторонам которой выстроились его личные охранники. На сиденье рядом с кучером взгромоздился опытный в обращении с лошадьми монах.

И потом процессия тронулась в путь. Со всех сторон слышались звуки труб и приветственные крики, в толпе там и тут со смехом и пением мелькали артисты всех мастей — жонглеры, фокусники, уличные певцы. Среди горожан сновали и солдаты, подогревая энтузиазм людей, однако стараясь делать это незаметно для взгляда отца-настоятеля.

Маркворт наслаждался, купаясь в лучах славы, которую, по его мнению, он заслужил. Разве не он с успехом провел Хонсе-Бир через войну, лично возглавив бой с флотилией поври, посмевавших напасть на Санта-Мер-Абель? Разве не он восстановил порядок в измученном войной Палмарисе, пока король отсиживался у себя в Урсале, развлекаясь верховой ездой и ухаживая за женщинами?

Конечно, сейчас отец-настоятель и не вспоминал о других своих поступках, почти никому не известных, но тоже способствующих тому, что сегодняшний день настал. Разве что вскользь подумал об ограниченности Добриниона и Бильдборо, не позволившей им увидеть картину во всей ее полноте, понять, какие возможности таят в себе смутные послевоенные времена. Да, эти мысли можно отложить до другого, не такого прекрасного дня. Сейчас Маркворт просто сидел, время от времени помахивая рукой и улыбаясь, когда приветственные крики становились громче.

Фрэнсис будет епископом, повторял он про себя снова и снова. Если даже Де'Унnero вернется с победой, принесет голову Полуночника и украденные камни и пригонит обратно сбежавших еретиков, ему можно будет найти другое применение; что ни говори, он не политик, а человек действия. Все продумано и осуществлено в точности так, как надо, отдельные части грандиозного плана встали на свои места, власть церкви возросла и будет становиться все сильнее, незаметно отбирая у короля одну часть его владений за другой. И в конце концов, как когда-то в славные, но давно прошедшие времена, в Хонсе-Бире вновь восторжествует теократия.

И начало всему будет положено здесь, в Палмарисе.

Люди в толпе и впрямь веселились искренне, от души надеясь что смогут вернуться к нормальной жизни, а тяжелые времена войны и послевоенной разрухи остались позади. Отец-настоятель видел это, что лишь усиливало удовольствие от всего происходящего.

В нескольких сотнях футов от него, прислонившись к скошенной крыше одного из самых высоких зданий и наблюдая за процессией, Пони тоже слушала приветственные крики. Она понимала, что простые люди готовы забыть о прошлом — не все, конечно, но очень, очень многие. Таких было вполне достаточно, чтобы ей пришлось распротиться с мечтой об организации какого бы то ни было сопротивления власти церкви. Они забудут об убийствах и несправедливости, а приходя в «Друга» и вспоминая Чиличанков, будут говорить «Какая жалость!» и «Вот не повезло!», ни словом не упоминая о жестокой расправе, вызывающей к отмщению. Люди слишком устали от войны, от того, что за последние несколько месяцев их мир несколько раз перевернулся вверх тормашками. О том, что перед этим были годы мирной, спокойной жизни, никто уже и не вспоминает; как и о том, чьими усилиями она была достигнута. Сколько долгих лет аббат Добринион отдал аббатству Сент-Прешес и удовлетворению духовных нужд Палмариса? Сколько десятилетий — нет, столетий! — продолжалось милосердное правление семьи барона Бильдборо? Все пошло прахом в течение нескольких недель, и теперь простые люди мечтали лишь о спокойном и безопасном существовании.

И сейчас им казалось, что обеспечить его может один-единственный человек — отец-настоятель Маркворт.

От этой мысли в горле у Пони запершило, а руки задрожали от ярости. Закусив губу, она попыталась отключиться от раздававшихся со всех сторон приветственных криков.

Приветственные крики! Приветственные крики! Они были обращены к человеку, который преследовал Эвелина, пытал Грейвиса, Петтибву, Греди и в конце концов убил их! К человеку, приказавшему вытащить героя кентавра из недр горы Аида, заковать в цепи и бросить в темницу Санта-Мер-Абель! К человеку, по чьей вине погибли аббат Добринион и барон Бильдборо!

А теперь эти люди приветствовали его, и их крики ударами молота отдавались в сердце Пони, все дальше унося ее от осуществления мечты нанести ответный удар этому человеку и его насквозь прогнившей церкви. Надежды на мятеж умирали здесь, на улицах Палмариса, похороненные под громкими и радостными приветственными возгласами.

Крепко стиснув руку, Пони лишь в этот момент осознала, что сжимает в пальцах один из своих магических камней. Даже не глядя на него, она знала, что это такое. Магнетит, вот что, и вовсе не случайно именно его она выудила из сумки с камнями.

Пони перевела взгляд на человека в золоченой карете. Сейчас он находился гораздо ближе, всего в сотне шагов от нее.

Что такое сотня шагов для магнетита, направляемого несокрушимой волей прекрасно владеющего каменной магией человека?

— Чего молчишь, подзаборник? Разевай свой поганый рот и вопи во всю глотку! — приказал солдат, толкая того, кого принял за мальчишку-беспризорника.

Белли'мар Джуравиль стоически воспринял такое обращение, понимая, что он, как и остальные эльфы, здесь всего лишь сторонний зритель и не может совершать никаких действий, способных причинить кому бы то ни было вред. Он оглянулся на госпожу Дасслеронд, которая тоже могла вызвать нарекание со стороны солдата. Она подмигнула ему, давая понять, что нужно подыграть солдату.

Как только солдат подошел к ней, она начала выкрикивать приветствия в честь отца-настоятеля, и остальные эльфы вторили ей.

На самом же деле открывшееся взору госпожи зрелище заставляло ее сильно нервничать. Она хотела иметь дело с королем, если уж жизнь вынуждала иметь дело с кем-то из людей ради безопасности ее народа. Однако пышный прием, оказанный отцу-настоятелю, так умело и продуманно организованный, заставил ее понять, что этот опасный человек играет гораздо более важную роль в определении судьбы Палмариса да, возможно, и всего королевства в целом.

Госпожа Дасслеронд приветствовала его, и остальные эльфы делали то же самое. Удовлетворенный солдат пошел дальше, направляясь к следующему зрителю, который, как ему показалось, не проявлял должного энтузиазма.

— Я — убийца? — вслух спросила Пони, и ее лицо перекошилось от этой мысли.

Она была воином, в совершенстве владеющим би'нелле дасада и обученным обращению с магическими камнями; воином, который был всегда готов встретиться со своим врагом в открытой схватке, меч против меча или магия против магии. Именно так она в конечном счете и мечтала встретиться с Марквортом.

Но этому не бывать, с болью поняла она. Не будет ни мятежа, ни открытой схватки.

Протянув руку с камнем над краем крыши, она направила ее в сторону проезжавшей внизу кареты. Действуя почти импульсивно, оживила магию магнетита и погрузилась в нее. Тотчас же все металлические предметы засияли особенным блеском — мечи солдат, подковы лошадей, драгоценности и монеты зрителей.

Сузив фокус, Пони выделила сначала лишь металлические предметы кареты, а потом те, которые были на отце-настоятеле. Три кольца на руках, брошь, скрепляющая верхнюю часть коричневого одеяния. Да, вот эта брошь. Немного высоковато и слишком далеко от сердца, но рана все равно наверняка окажется очень серьезной, а для человека возраста Маркворта, возможно, и роковой.

Незаметно для самой Пони, ее рука скользила все ниже. Могла она вот так убить

человека, любого человека? Неужели она и впрямь убийца? Этот человек беззащитен...

И тут Пони заметила что-то странное в ауре своего магнетита... что-то вроде отвращения, если это слово применимо к тому, что «чувствовал» мертвый камень. Она еще глубже погрузилась в магию... Вот оно! Кольцо на указательном пальце левой руки Маркворта. Кольцо с магнетитом. Конечно, отец-настоятель постарался защитить себя! Скорее всего, при нем были и другие предметы того же назначения — возможно, изумруд, создающий защитное поле для дерева точно так же, как магнетит делал это по отношению к металлу.

Пони с силой стиснула камень. Отец Маркворт отнюдь не был беззащитен, и именно этот факт придавал ей сил.

— Думаешь, в твоей власти остановить это? — беспощадно прошептала она, сфокусировав все внимание на броши, думая лишь о том, чтобы удар попал в цель, поразил Маркворта в грудь.

Перекачивая в магнетит свою энергию, она старалась нацелить его на единственный предмет. Мгновение проходило за мгновением, камень уже рвался из ее пальцев, как живой, но она удерживала его, продолжая накачивать энергией и постепенно доводя ее до невыносимого уровня.

Вдруг отец Маркворт улыбнулся в ответ на особенно громкие приветственные крики толпы, и Пони заметила, что у него металлические зубы; один из них, кажется, золотой.

Она слегка сместила фокус, сосредоточившись на правой стороне его рта.

Сейчас магнетит издавал легкое жужжание, вибрировал от накачанной в него мощи, как будто умоляя Пони отпустить его на свободу. И все же она продолжала удерживать его.

Потом...

— Думаешь, в твоей власти остановить это? — повторила она и разжала пальцы.

Магнетит понесся вниз с огромной скоростью, быстрее, чем падающий на свою жертву сокол, однако у Пони возникло странное ощущение, будто мир вокруг почти замер и камень движется очень медленно. Он пролетел над крышами, едва не задев карниз одной из них. Какая-то женщина повернула голову, оказавшуюся точно на его пути, но она тоже двигалась медленно, и камень пронесся мимо, лишь напугав ее. И дальше путь был открыт — к отцу-настоятелю, к его золотому зубу. Камень угодил ему в лицо, сломал кость, разорвал плоть, пронзил язык, раздробил зубы, вырвался с другой стороны черепа и врезался в стену кареты.

Голова Маркворта с силой дернулась в сторону. Он подпрыгнул на своем сиденье и бесформенной грудой рухнул на спину, заливая кровью одежду, карету, бросившихся к нему монахов и спину кучера, правящего экипажем и все еще не догадывающегося о том, что произошло позади.

Абсолютный хаос взорвался вокруг госпожи Дасслеронд и остальных эльфов, находившихся почти прямо напротив отца-настоятеля в тот момент, когда ему был нанесен удар. Большинство эльфов растерялись, но Дасслеронд и Джуравиль быстро сообразили, что произошло.

— Магический камень, — мрачно сказал Джуравиль.

— Похоже, тут замешана твоя приятельница, — явно осуждающим тоном заметила госпожа Дасслеронд, покачала головой и перевела взгляд на карету.

Солдаты и монахи стеной окружили раненого старика, криками понуждая кучера во весь опор скакать в аббатство Сент-Прешес.

Эльфы шныряли в толпе, собирая информацию для своей госпожи. Та прекрасно понимала, что случившееся еще больше осложнило ситуацию. Того же мнения придерживался и Джуравиль, от всей души надеясь, что их подозрения относительно личности возмутителя спокойствия не оправдаются.

Пони легла на спину, укрываясь за гребнем крыши. Итак, она стала убийцей — если, конечно, мерзавец умрет прежде, чем монахи смогут прибегнуть к помощи магических

камней.

— Нет, — вслух произнесла она, отбрасывая эту мысль.

Удар был слишком силен, ее камень слишком могуществен. Маркворт умер мгновенно.

Странная пустота охватила Пони, и в этом чувстве не было торжества осуществленной мести. Этот подлый человек убил ее родителей и брата; он обладал большой властью, позволяющей ему творить зло по отношению к огромному количеству людей, и мир без него, безусловно, станет лучше. Пони понимала это, но в тот ужасный миг это почему-то не имело значения.

Снизу доносились звуки всеобщего смятения.

Это было чересчур. Пони чувствовала себя грязной, опозоренной, бесчестной. С трудом проползла она к низкому краю крыши, и ее вырвало с такой силой, что заболели бока.

ГЛАВА 27 ГЛЯДЯ СМЕРТИ В ГЛАЗА

Они следили взглядами за тем, как он карабкается на каменный утес, с некоторым изумлением, но в то же время с определенным чувством гордости — Элбрайн двигался с грацией и проворством, недоступными большинству людей, в особенности таких крупных, как он. С точки зрения тол'алфар, эти движения, так похожие на естественные движения животных, служили доказательством того, насколько успешно он усвоил их науку и способ жизни. Они расценивали все достижения Полуночника как свои собственные, но, по их оценкам, он по-прежнему уступал в ловкости большинству даже самых неуклюжих эльфов.

Далеко внизу, на камнях старого русла реки, под сенью большой сосновой рощи, Смотритель, Роджер и монахи деятельно разбивали лагерь. Поначалу эльфы наблюдали за ними, оставаясь невидимыми и неслышимыми, как было на протяжении почти всего путешествия, а потом последовали за Полуночником, тоже не замечавшим их присутствия, несмотря на всю свою изощренную восприимчивость.

Элбрайн поднял руки, ощупывая пальцами камни, выискивая хотя бы крошечную трещину. Он закрыл глаза, сосредоточившись исключительно на чувстве осязания, позволив кончикам пальцев «смотреть» за него. И вот совсем небольшая трещина обнаружилась так высоко над головой, что пришлось встать на цыпочки. Впав в состояния абсолютного спокойствия, предоставив рукам действовать самостоятельно, он медленно, едва заметно полз вверх.

Потом поднялась вторая рука, выискивая, за что бы еще можно уцепиться. На этот раз ему попала трещина поглубже, он сумел просунуть в нее пальцы, нашел опору для ноги и подтянул все тело. Дальше дело пошло еще лучше — наверху ему попала широкая щель. Полуночник уцепился за нее обеими руками и подтянул себя к узкому выступу, на котором можно было отдохнуть.

Оказавшись наверху, он едва не свалился от неожиданности; там, явно поджидая его, сидел Ни'естиел, покуривая трубку и пуская в воздух кольца ароматного дыма.

— Слишком медленно, — с осуждением заметил эльф.

Полуночник подтянулся, сел и перевел дыхание.

— С крыльями, конечно, получилось бы быстрее, — сухо ответил он.

— И без крыльев тоже, если бы ты не позволил взять верх такому большому, неуклюжему телу, — сказал Ни'естиел. — И с чего это тебе вздумалось карабкаться сюда, когда солнце уже садится? В это время года после заката наверху очень холодно. Интересно, как ты будешь хвататься своими толстыми пальцами за обледенелые камни?

— Мне хотелось взглянуть, что там, впереди, — объяснил Полуночник. — Роджер обнаружил навес. Похоже, его соорудили гоблины.

— Мог бы просто спросить нас, — сказала Тиел'марави, опускаясь рядом с товарищем.

— Спросить? Я даже понятия не имел, что вы здесь, — сказал Элбрайн. — К тому же у

меня теперь нет уверенности, что вы захотите мне помочь. — Эльфы уставились друг на друга, Ни'естиел покачал головой. Потом они снова посмотрели на Полуночника, и вид у обоих был весьма и весьма недовольный. — Что я сделал не так? В последнее время вы ведете себя странно, и я никак не могу взять в толк, что повлияло на нашу дружбу.

— Дружбу? — с иронией повторила Тиел'марави. — Пока ты жил в Эндур'Блоу Иннинес, я вообще ни разу не разговаривала с тобой, Полуночник. С чего ты решил, что мы друзья?

Эти слова больно задели его, хотя, следовало признать, соответствовали действительности.

— Разве друг госпожи Дасслеронд не друг всех тол'алфар?

— Ты злоупотребил нашей дружбой, — ответил Ни'естиел.

— Что я сделал не так? — повторил Полуночник, возвысив голос. — Когда Белли'мар Джуравиль покинул...

— Ты научил ее, — прервал его Ни'естиел.

— Научил? — в первый момент Полуночник даже не понял, о чем идет речь, но потом до него дошло.

— Би'нелле дасада был даром тебе, — объяснила Тиел'марави, — и ты не имел права передавать его другому.

— Мы с Джуравилем обсудили этот вопрос... — начал было Полуночник.

— Слово Белли'мара Джуравилья по этому поводу далеко не последнее, — возразил Ни'естиел. — Госпожа Дасслеронд будет решать, следует тебя наказать или нет. Но пойми вот что, Полуночник: даже если госпожа оставит твой проступок без последствий, тол'алфар знают о нем и не одобряют его.

— Мы с Пони по-настоящему родственные души, — ответил Элбрайн. — Даже Белли'мар Джуравиль был поражен, когда увидел, как она танцует. И ответьте мне: по-вашему, я не-эльф, то есть обычный человек? Чего стоят все слова о дружбе...

— Сколько лет Джилсепони провела в Эндур'Блоу Иннинес? — с усмешкой перебил его Ни'естиел. — Сколько мудрости восприняла от тол'алфар, чтобы можно было доверить ей столь грозное оружие, как би'нелле дасада?

— Наш танец...

— Она усвоила его на чисто физическом уровне, — снова перебил Полуночника Ни'естиел. — Однако подлинный би'нелле дасада выходит далеко за эти рамки, поднимаясь на уровень духовности. Человека можно научить делать правильные движения, и только. Но как раз в этом случае би'нелле дасада становится очень опасной и даже ужасной вещью.

— В войне неразделимым образом сливаются душа и тело, — добавила Тиел'марави. — Только душа способна наделить его состраданием, подсказать, когда именно меч должен быть пущен в ход.

— И вот через этот запрет ты переступил, Полуночник, — продолжал Ни'естиел. — Ты научил свою женщину, а кого вздумает научить она? Те, в свою очередь, научат других. Скажи, что в конце концов останется от нашего дара?

Элбрайн слушал, покачивая головой. Он гораздо лучше них понимал Пони и был уверен, что этот секрет останется между ними. Знал, что на свете не существует больше никого, с кем он сам или она могли бы разделить столь личное переживание. Но он не стал ничего говорить, понимая опасения эльфийских друзей. Несмотря на существенную разницу в размерах и силе — а может быть, как раз благодаря этой разнице, — самый обычный эльф мог легко победить в бою любого опытного солдата. Би'нелле дасада давал им неоспоримое преимущество — стиль борьбы, с которым не мог сравниться ни один из человеческих.

Однако, понимая это, Полуночник не считал, что на самом деле преступил запрет.

— Госпожа Дасслеронд наверняка сама захочет увидеть ее, — внезапно пришло ему в голову.

— Госпожа Дасслеронд, Белли'мар Джуравиль и многие другие уже в Палмарисе, — ответил Ни'естиел.

На мгновение у Элбрайна мелькнула мрачная мысль, что эльфы могут причинить вред Пони. Но нет, тут же понял он. Эльфы могут быть очень опасны; их взгляд на мир, равно как концепция добра и зла, сильно отличаются от человеческих. Но тол'алфар не причинят вреда Пони.

— Прощу извинить меня за этот проступок, — сказал он. — Нет, прошу извинить за ту тревогу, которую посеял в вас. Но я убежден, что, как только госпожа Дасслеронд встретится с Пони и узнает ее, как только увидит, насколько гармонично Пони исполняет танец с мечом — и это гармония не только тела, но и духа, — она все поймет и перестанет беспокоиться.

Судя по выражению их лиц, эти слова удовлетворили эльфов; настолько, насколько это вообще было возможно в данный момент.

— Госпожа Дасслеронд отправилась в Палмарис не для того, чтобы оценивать искусство твоей любовницы в овладении танцем с мечом, — сказал Ни'естиел; Элбрайн заметил, что он бросил взгляд на свою подругу как бы в ожидании одобрения. — Она отправилась туда, чтобы увидеться с Джилсепони, возлюбленной Полуночника, которая скоро станет матерью его ребенка.

— Мы с Пони решили пока воздержаться от де... — начал было Полуночник. В этот потрясающий, одновременно ужасный и прекрасный миг даже самый легкий ветерок мог бы сдуть его с крошечного выступа, на котором он расположился, — такое смятение чувств охватило его. — Откуда вам это известно? — одними губами спросил он.

— Белли'мар Джуравиль сказал, — ответила Тиел'марави. — Он встретился с нами, когда мы сопровождали Роджера Не-Запрешь и монахов. Тогда госпожа Дасслеронд и приняла решение вместе с большинством эльфов отправиться в Палмарис, а нам двоим велела следовать за тобой.

Элбрайн едва мог дышать. Внезапно множество непонятных до сих пор вещей обрели для него смысл, и в то же время все показалось совершенно бессмысленным. Откуда Джуравилью было знать, что Пони беременна? Ведь после того, как она ушла в Палмарис, он все время оставался с Элбрайном.

И тут до него в полной мере дошел ужасный смысл сказанного. Пони знала и... покинула его! Она сбежала в Палмарис, опасаясь, что поход на север может повредить ребенку. И ни слова не сказала ему!

— Ты осуждаешь ее, Полуночник, — заметил Ни'естиел. Элбрайн перевел на него ничего не видящий взгляд. — И напрасно. Ты не знаешь всего.

— Откуда Джуравиль узнал? — спросил Полуночник. — Пони сказала ему? И если да, то почему она не сказала мне?

— Ты сердишься, а должен бы радоваться, — заметила Тиел'марави.

— Я должен вернуться к ней.

— Типично человеческое заявление, — сухо сказал Ни'естиел.

— Вот и ответ на твой вопрос, — добавила Тиел'марави. — Бросить все и кинуться к ней. Разумно, ничего не скажешь.

— Ты не считаешь, что в такое время я должен быть вместе с Пони?

— Если ситуация позволяет, тогда, конечно, должен, — твердо ответил Ни'естиел. — Но нельзя подходить к этой проблеме с точки зрения того, чего тебе больше всего хочется. С прагматичной точки зрения, ты должен закончить здесь то, за что взялся, а уж потом отправляться к своей возлюбленной.

— Теперь спускайся и поспи, — добавила Тиел'марави. — Мы пока разведаем дорогу и утром расскажем тебе, что видели.

Полуночник кивнул. Постепенно, по мере того как первые эмоции отступали и до него начал доходить истинный смысл услышанной новости, на его красивом лице расплылась широкая улыбка. Конечно, он страстно желал, чтобы Пони родила ему ребенка... да что там, сотню детей! Благословен миг истинного слияния в любви, приводящий к такому прекрасному результату.

— Солнце уже коснулось горизонта, — предостерег его Ни'естиел.

Элбрайн глянул вниз, и улыбка его погасла.

— Далеко спускаться. — Он со стоном потянул затекшие мышцы.

— Ты совсем недавно обижался, что мы считаем тебя не-эльфом, — поддразнила его Тиел'марави. — В таком случае, воспользуйся крыльями, эльф.

Элбрайн тяжело вздохнул и пополз вниз.

Ни'естиел и Тиел'марави, в полном соответствии со своим обещанием, тут же отправились на север. Они и в самом деле обнаружили навес, еще прежде замеченный Роджером, а также лагерь, совсем недавно покинутый гоблинами. Это их ничуть не удивило: в этих местах гоблины попадались сплошь и рядом. Странно было бы, если бы они не нашли никаких признаков гоблинов, а беспокоиться стоило, если бы что-то указывало на присутствие здесь поври, гораздо более коварного и умелого врага. Однако сейчас, по счастью, поври поблизости не оказалось.

Когда Шейла поползла по небу вверх, заливая призрачным светом покинутый лагерь, Ни'естиел сказал Тиел'марави:

— Только гоблины.

Теперь оставалось найти этих тупоумных тварей и рассказать Полуночнику, как он и его друзья могут избежать встречи с ними.

Но не только их взгляды были прикованы к покинутому лагерю. Глаза огромного кота изучали темный лес, видя в нем все до последней веточки так же ясно, как человек солнечным днем. Его острый взгляд заметил эльфов, чуткие уши расслышали их слова, а чувствительный нос ощутил запах крови в крошечных нежных телах.

Тигр Де'Унnero пополз в сторону эльфов. Ему мало что было известно о тол'алфар кроме легенд, изображающих их сильными и коварными врагами. Однако из подслушанного он сделал безошибочный вывод, что эти двое были друзьями Полуночника.

Лучше сначала покончить с ними, решил он, прорвав таким образом оборонительное кольцо вокруг его жертвы и сделав ее более уязвимой.

Неслышно, на мягких лапах, тигр подбирался все ближе.

Эльфы замерли; чуткие ко всему окружающему, они почувствовали присутствие хищника по тишине, внезапно наступившей за миг до его нападения.

Они выхватили изящные мечи, и в то же мгновение Де'Унnero прыгнул на Ни'естиела.

Эльф яростно заработал мечом, кромсая плоть тигра, но когти огромного хищника тоже не бездействовали, проводя глубокие борозды и стараясь добраться до руки, в которой Ни'естиел держал оружие.

Тиел'марави тут же бросилась на помощь другу, и Де'Унnero пришлось отскочить. Однако от Ни'естиела фактически больше не было толку; все, на что он был способен, — это стонать от боли и кричать Тиел'марави, чтобы она бросилась наутек.

— В самом деле, беги, — произнес тигр, и эльфы замерли, пораженно распахнув глаза.

И тут с тигром начали происходить удивительные изменения — сначала голова, потом туловище и наконец все тело, за исключением одной руки, выглядевшей как тигриная лапа, стали человеческими.

— Что за демон такой? — пробормотала Тиел'марави и бросилась на получеловека-полутигра, рассчитывая нанести ему смертельный удар, пока превращение еще не закончилось.

Де'Унnero выбросил вперед кошачью лапу и отбил меч, почувствовав острую боль от удара, а человеческой рукой попытался схватить эльфийку за голову, но она увернулась.

— Ловко! — сказал Де'Унnero. — Легенды о тол'алфар не врут.

— Кто ты? — спросила Тиел'марави, уже полностью взявшая себя в руки. — Новый демон дактиль, явившийся в мир, чтобы погрузить его во тьму?

— Демон? — повторил епископ со смешком. — Ну, моя дорогая маленькая эльфийка, ты не так уж далека от истины. Неужто не узнаешь Маркало Де'Унnero, епископа Палмариса?

Тиел'марави побледнела. Это казалось совершенно невероятным, и все же она чувствовала, что он не обманывает ее.

— Значит, ваша церковь объявила тол'алфар своими врагами? — спросила она, пытаясь сохранить спокойствие, хотя этому мешал вид Ни'естиела, который, похоже, был при смерти.

— Всякий, кто дружит с преступником Полуночником, — враг церкви! — объявил Де'Унnero.

Тиел'марави непроизвольно отшатнулась.

— И ты готов вершить суд без всякого разбирательства.

— Да, я имею такие полномочия, — ответил епископ и вскинул тигриную лапу.

Эльфийка, однако, была наготове. Яростно заработав крыльями, она взлетела в воздух, поднялась над епископом и обрушилась на него сверху, словно птица на свою жертву, выставив меч, точно острый коготь.

Де'Унnero рухнул на землю, откатился и замахал рукой, пытаясь схватить меч. Легенды об эльфах и впрямь не врал! Тиел'марави тут же метнулась в сторону, опустилась на землю и развернулась, приготовившись к новой атаке.

— Неплохо, — похвалил ее епископ.

К этому моменту превращение полностью завершилось, и теперь перед Тиел'марави стоял человек.

— Ты совершаешь ошибку, епископ Палмариса, — сказала она. — Неужели в твои планы входит воевать с тол'алфар? Можешь не сомневаться, мы из тех врагов, которые выше твоего понимания.

— Уже дрожу от страха, милая эльфийка, — ответил Де'Унnero. — И всерьез обдумываю, не заключить ли нам соглашение. Только вот... — Он замолчал и громко расхохотался. — Только вот уж очень поразило меня твое мастерство владения мечом. И теперь я не успокоюсь, пока не выясню, насколько велико это мастерство.

С этими словами епископ встал в боевую стойку, выставив перед собой согнутые руки. Он уже получил несколько ран — по коже струилась кровь, отблескивая в лунном свете, — и все же Тиел'марави понимала, что этот человек по-прежнему очень опасен. Он прекрасно владеет телом, молниеносно движется и невероятно силен. Она не будет торопиться, лучше подождет, пока он устанет и начнет слабеть от потери крови.

Увы, один взгляд в сторону Ни'естиела, хватающего ртом воздух, напомнил о том, что времени у нее нет. Не раздумывая больше, она бросилась в атаку.

И тут же выяснилось, что Тиел'марави недооценила этого человека.

Эльфийский атакующий стиль состоит в том, чтобы обрушить на противника ряд прямых ударов, настолько молниеносных и яростных, что они должны были вынудить противника отступить под их натиском. Однако Де'Унnero тоже прошел хорошую школу в церкви Абея. Не обращая внимания на раны, он скрестил перед собой руки, медленно, но верно поднимая их вверх и тем самым заставляя Тиел'марави тоже поднять меч.

Такая позиция оставила ее открытой для нападения; поняв это, она попыталась увернуться, но внезапно Де'Унnero ладонью нанес ей удар по лицу, настолько мощный и ошеломляющий, что она выронила меч.

— Беги! — захлебываясь кровью, закричал Ни'естиел.

Этот вопль хлестанул Тиел'марави, привел ее в чувство, и она яростно заработала крыльями. Сама мысль о том, чтобы бросить товарища, была ей глубоко ненавистна, но, как и все эльфы, долг она ставила выше чувств; сейчас он состоял в том, чтобы уцелеть и рассказать госпоже Дасслеронд о епископе.

Скорость, с которой она двигалась, поразила Де'Унnero. Миг — и она уже была в воздухе и летела прочь. Однако епископ снова воззвал к магии камня и бросился вдогонку за эльфийкой, оттолкнувшись от земли со всей мощью тигриных лап.

Он процарапал Тиел'марави бок чуть ниже крыла, но на этот раз ей повезло; если бы он разорвал крыло, то она рухнула бы на землю. Она вскрикнула от боли, но продолжала взлетать, понимая, что падение равносильно смерти. На теле ее засадила большая рана от

бедра до колена, однако она поднималась все выше и выше, добралась до ветки дерева, но не стала задерживаться, заставив себя сосредоточиться на одной цели: живой вернуться к Полуночнику.

И вот она уже летела между деревьями, а Де'Унnero в облике тигра бежал по земле, подпрыгивая каждый раз, когда Тиел'марави опускалась чуть ниже. Она попыталась изменить тактику, уселась на высоко растущую ветку, сняла лук и обрушила на тигра поток крошечных стрел. Однако, хотя в результате ее колчан наполовину опустел, ей было ясно, что это создание, чьи раны исцелялись, казалось, с такой же быстротой, как она их наносила, пострадало мало.

Ничего удивительного, поняла она. Этот человек умел обращаться с магическими камнями; один он использовал для трансформации, а другой для исцеления.

Хорошо хоть, что в результате тигр прыгнул в заросли кустарника и исчез там. От всей души надеясь, что он потеряет ее из виду, Тиел'марави полетела дальше.

Это было трудно, очень трудно — раненая нога онемела и кровоточила, эльфийку начало знобить, глаза плохо видели в ночной тьме. Прикладывая неимоверные усилия, она старалась удержаться в воздухе, но потом силы покинули ее, и Тиел'марави рухнула на землю. Где верх, где низ? Она потеряла ориентацию, а тигр между тем подкрадывался все ближе. Даже если ей удастся взлететь, он сможет в прыжке дотянуться до нее. Смерть была уже совсем рядом, и огромная печаль нахлынула на эльфийку, печаль о тех временах, которых она не увидит, но еще больше из-за того, что она подвела свою госпожу, не сумела предостеречь ее о том, какая беда надвигается на тол'алфар.

Дикий кот прыгнул. Тиел'марави закрыла золотистые глаза.

Послышалось рычание, а потом что-то с силой оглушительно затрещало. Она открыла глаза и увидела убегающего тигра. Рядом с ней возвышались мощные лошадиные ноги, бьющие копытами землю; Дар громко заржал, заставляя ее подняться. Сил забраться на него у Тиел'марави уже не было, и конь лег на землю.

Тигр летел впереди, как стрела, Дар мчался следом. Эльфийка изо всех сил вцепилась ему в гриву. Однако тигр может бегать быстро, но недолго; во всяком случае, с могучим жеребцом ему в этом смысле не сравниться. Де'Унnero пришлось снова трансформировать себя, после чего он с помощью гематита попытался мысленно связаться с жеребцом. И ему это с легкостью удалось; в груди Дара была утоплена бирюза, облегчающая подобный контакт.

Де'Унnero уже предвкушал, что скоро оба они окажутся у него в руках, — и какая это будет роскошная трапеза! — однако Дар не был обычным жеребцом; его ум далеко выходил за рамки лошадиного. Единственным откликом, которого добился Де'Унnero, была мощная стена гнева.

Разочарованный епископ повернулся и помчался к Ни'естиелу, надеясь, что сбежавшая эльфийка не вздумает разворачивать коня и не кинется спасти друга.

Тиел'марави знала, в чем состоит ее долг; к тому же у нее даже не было сил, чтобы управлять жеребцом. Да ему это и не требовалось.

От зрелища все еще живого, но смертельно раненного и ослабевшего Ни'естиела на губах Де'Унnero заиграла злая улыбка. Он снова превратился в тигра, почуял запах крови и набросился на несчастного эльфа, разрывая его на куски.

Немного погодя Смотритель заметил Дара, усталого, взмыленного, но упорно скачущего в сторону лагеря. На его спине лежала потерявшая сознание Тиел'марави. Конь двигался осторожно, стараясь не уронить ее.

— Бог мой Дионьел! — пробормотал кентавр, разглядывая ужасную рану.

Он тут же стянул с руки магическую красную повязку — когда-то подаренная Элбрайну эльфами, она позволила похороненному под развалинами горы Аида кентавру уцелеть на протяжении нескольких недель — и плотно затянул ее на предплечье Тиел'марави, хотя не был уверен, что повязка сработает, если ее надеть уже после того, как

была нанесена рана.

И с облегчением увидел, что кровь потекла медленнее. Бережно сняв эльфийку со спины Дара, кентавр обхватил ее могучими руками и поскакал в лагерь. Жеребец не отставал.

Увидев Тиел'марави, Элбрайн испытал смешанное чувство изумления и боли. Что это за создание, способное сделать такое с тол'алфар? И еще один мучительный вопрос: где Ни'естиел?

— С тех пор как я нашел ее, она не произнесла ни слова, — сказал кентавр. — Помоему, кто-то напал на нее, а Дар спас.

Полуночник перевел взгляд на коня; между ними мгновенно установился мысленный контакт, усиленный воздействием бирюзы в груди Дара. И тут Полуночнику стало по-настоящему страшно; конь передал ему образ огромного, сильного дикого кота, в точности соответствующего описанию, данному Роджером и ставшему причиной гибели барона Бильдборо.

— Ох, ну почему я не прихватил из аббатства камень души! — запричитал брат Виссенти, подходя вместе с остальными монахами.

Элбрайн тоже — и уже не в первый раз — пожалел о том, что при расставании с Пони не взял камень, который она ему предлагала.

— Она будет жить? — спросил Роджер склонившегося над эльфийкой брата Браумина, владеющего искусством исцеления и без магических камней.

Ничего не зная о природе исцеляющей повязки, Браумин начал развязывать ее, но Элбрайн с кентавром тут же объяснили ему, в чем дело.

— Она выглядит немного лучше, — с надеждой в голосе заметил Смотритель.

— Ее ранил когтями дикий кот, — сказал Элбрайн. — Скверная рана.

— Кот? — Роджер удивленно распахнул глаза.

— Огромный дикий кот с оранжевыми и черными полосками, — объяснил Полуночник. Почувствовав слабость в коленях, Роджер, наверное, упал бы, если бы Кастинагис не подхватил его. — Вроде того, который убил барона Бильдборо.

— Епископ... — прошелестел еле слышный голос Тиел'марави. — Епископ... тигр...

Элбрайн склонился над ней.

— Епископ?

Однако глаза эльфийки закрылись, и она не произнесла больше ни слова.

— Де'Уннеро, — объяснил брат Браумин. — Епископ Палмариса. Все знают, что он искусен в использовании «тигриной лапы» — камня, способного трансформировать человеческую руку в лапу тигра.

— И не только руку, — сказал Роджер.

— Он здесь? — недоверчиво спросил Элбрайн и оглянулся по сторонам, как будто ожидая, что в любой момент из леса на них может броситься тигр.

— И, думаю, всем ясно, зачем он тут оказался, — заметил кентавр.

— Ему нужны мы, — сказал брат Браумин. — Мы обратились к вам за помощью и тем самым навлекли на вас опасность.

Полуночник покачал головой.

— Мне почему-то кажется, что он охотится не столько за вами, сколько за мной.

— И за Пони, — добавил Смотритель.

Эта мысль неприятно кольнула Элбрайна. Если этот человек явился сюда, разыскивая его, не означает ли это, что он нашел Пони в Палмарисе и, может быть, даже пытал ее, добываясь интересных его сведений?

— Я должен найти его, — внезапно заявил он, объятый страхом за Пони и их будущего ребенка.

— Думаю, он сам вскоре найдет тебя, — криво улыбнулся кентавр.

— Что будем делать? — спросил брат Браумин.

— Идти туда, куда шли, — ответил Смотритель, опережая Элбрайна. Кентавр понял,

что Полуночник думает о своей возлюбленной и решает, не стоит ли ему вернуться в Палмарис. А это, по мнению Смотрителя, было бы ужасной ошибкой. — Ты сам сказал мне совсем недавно, что с Пони в Палмарисе эльфы. Они защитят ее не хуже тебя.

Полуночник не был уверен в этом, учитывая явно негативное отношение эльфов к тому, что Пони овладела искусством би'нелле дасада. Может, теперь они вообще не захотят защищать ее? Однако он тут же отбросил эту мысль. Да, тол'алфар многое воспринимают иначе, но они не враги, а союзники, напомнил он себе.

— Неужто ты такого высокого мнения о себе, что воображаешь, будто способен на большее, чем госпожа Дасслеронд, Белли'мар Джуравиль и остальные эльфы, вместе взятые? — гнул свое кентавр.

Эта нелепая мысль лишний раз напомнила Элбрайну об истинном могуществе эльфов.

— Идем дальше, — заявил он, — но все время будем настороже.

— А что будет с этой крошкой? — спросил кентавр, кивнув на Тиел'марави. — Не думаю, что ей по силам продолжать путешествие.

— Я даже не уверен, что она переживет завтрашний день, — вздохнул брат Браумин.

— Подождем, посмотрим, — без колебаний ответил Элбрайн. — А я возьму Дара и отправлюсь на поиски Ни'естиела, — добавил он, не слушая никаких возражений.

— Но не один, — заявил кентавр.

— В одиночку, да еще верхом, я могу передвигаться быстрее, — возразил Полуночник.

— Ну, я от тебя не отстану.

Элбрайн посмотрел на окружающих его друзей. Если Смотритель отправится вместе с ним, остальные останутся без защиты.

— Возьми кентавра, — сказал Кастинагис. — Глупо пытаться справиться с Де'Уннеро в одиночку.

— Епископ очень опасный враг, — добавил Муллахи.

Элбрайн и сам понимал это; недаром Де'Уннеро сумел одолеть двоих тол'алфар.

— Я беспокоюсь за вас, — сказал он.

— Нас все-таки шестеро, — возразил Роджер.

— И нас, монахов, в Санта-Мер-Абель обучали искусству рукопашного боя, — уверенно заявил брат Кастинагис.

Сделав знак кентавру, Элбрайн подошел к Дару, чтобы оседлать его. И тут увидел, что конь весь в поту, а на крупе у него серьезный порез. Наверное, нужно, чтобы он сначала немного передохнул. Перекинув одеяло и седло на спину Смотрителя, Элбрайн взнуздал жеребца и повел в лес. Кентавр следовал за ним.

Спустя два часа они нашли истерзанные останки Ни'естиела, но тигра поблизости не оказалось.

— Ты заплатишь за это, — пробормотал кентавр.

Элбрайн поглядел на окровавленные останки, перевел взгляд на лес и кивнул.

На следующее утро Тиел'марави все еще была не готова отправиться в путь. Тем не менее она выглядела лучше, сумела открыть глаза и рассказать о том, что на них напало существо, временами бывшее тигром, временами человеком, а временами чем-то средним между тем и другим. Она также подтвердила тот факт, что епископ охотится на Полуночника; это следовало из того, что он готов убить любого, кого считал его другом. И потом золотистые глаза Тиел'марави снова закрылись; она лежала такая тихая, такая хрупкая, что, казалось, ей остался всего шаг до смерти.

Упрямо следуя заведенному порядку, Полуночник не стал отказываться от обычного утреннего би'нелле дасада. Нашел полянку на берегу маленького озера, скинул одежду и целиком отдался танцу, который на этот раз дышал такой яростью и жадной мести, словно каждым своим движением Элбрайн бросал вызов Де'Уннеро. В глубине души он надеялся, что епископ найдет его и выйдет сразиться с ним не на жизнь, а на смерть.

И действительно, прячась неподалеку, Де'Уннеро наблюдал за его мощными и грациозными движениями. Потихоньку приближаясь, он решал, какую форму принять, тигра

или человека. И остановился на последнем, поскольку его тщеславие требовало победы в бою без применения магии; таким образом он рассчитывал доказать, что является лучшим бойцом на свете.

Однако он заметил неподалеку кентавра, тоже наблюдающего за Полуночником. Несмотря на всю свою самоуверенность, сразаться сразу с ними обоими епископ не хотел и неслышно скользнул обратно во тьму леса, но так, чтобы можно было досмотреть танец до конца. Ничего, его время придет. Шамус Килрони уже в пути, и его солдаты обезвредят друзей Полуночника.

И тогда Де'Уннеро докажет, чего он стоит.

ГЛАВА 28 ПОСЛЕДСТВИЯ

— Убирайся с улицы! — закричал солдат на удивленного Белстера О'Комели, вышедшего из трактира, чтобы выбросить мусор из корзины.

Солдат бежал, на ходу вытаскивая оружие, но Белстер уже отступил к двери, беспомощно подняв руки и бросив корзину на улице.

— И не смей выходить снова!

Вздыхнув, Белстер пошел в общий зал, где мирно выпивали Дейнси и Меллори. Утром, предчувствуя наплыв посетителей в связи с прибытием отца-настоятеля, Белстер официально нанял Меллори и Прим О'Брайена.

О, ирония судьбы! Все эти приготовления оказались напрасными. Сейчас трактир был пуст, если не считать трех постояльцев, снявших комнаты днем раньше. И никакие клиенты не добрались бы сюда, как бы ни жаждали обсудить последние события.

— Где она? — спросил Белстер, и Дейнси сделала жест в сторону личных помещений.

Он нашел Пони в ее комнате, тихо сидящей в темноте, глядя на единственное окно. Сквозь него доносились окрики солдат и монахов, прогоняющих людей с улиц. После нападения на отца-настоятеля город, казалось, вымер.

— Что же ты наделала, девочка? — Белстер подошел к Пони. — Это была ты... Не вздумай лгать мне! Последний человек, добравшийся до «Друга», рассказал, что отец-настоятель погиб от магического камня и что все монахи поражались, как это кто-то сумел нанести удар так точно и так издалека. И они, и я — все мы понимаем, что убийца очень хорошо владел искусством обращения с магическими камнями. Я знаю только одного такого человека.

— Может, Эвелин Десбрис снес ему голову с плеч, — почти равнодушным тоном сказала Пони, не отводя взгляда от окна.

Это ее безразличие взъярило Белстера. Схватив Пони за плечи, он с силой повернул ее к себе.

— Эвелин мертв! Мы оба знаем это, как и то, у кого теперь его камни. И один из этих камней магнетит, верно? Именно магнетитом убили отца-настоятеля. Ну, и где твой магнетит, девочка? — Прищурившись, Пони перевела на него взгляд голубых глаз; в них ощущалась такая решимость, что Белстер невольно сделал шаг назад. — Пони напала на отца-настоятеля.

— И жалею об этом ничуть не больше чем о том, что принимала участие в уничтожении Бестесбулзибара, — твердо сказала она, хотя скрытый смысл этого заявления был ей неведом.

— Ох, ты сама не понимаешь, что наделала! — запричитал Белстер, отошел от нее и забегал по комнате. — Думаешь, ты оказала услугу нашим друзьям? Себе самой? Выгляни наружу, девочка! Ты видела, чтобы хоть кто-то этим вечером был на улице?

— Это ненадолго, — стояла на своем Пони. — Сейчас монахи и солдаты испуганы, боятся серьезного мятежа, вот и разгоняют всех по домам. Но скоро это пройдет.

— А что насчет бехренцев? Как им придется расплатиться за то, что ты натворила?

— Бехренцы?

— А кого, по-твоему, обвиняют в этом нападении?

Пони насмешливо фыркнула.

— Бехренцы никогда не владели каменной магией, — ответила она. — Их религия рассматривает магические камни не как дар Божий, а как искушение Овиллара, земного воплощения демона дактиля. Жрецы рассматривают камни как способ избежать трудной и честной работы; по их мнению, камни представляют собой большую опасность, если попадут в руки людей, не заслуживающих того, чтобы владеть ими. Мысль, что бехренцы с помощью магических камней могли напасть на отца-настоятеля, просто...

— Ты меня убедила, — перебил ее Белстер. — Ну, а теперь скажи — после того, как ты это сделала, тебе стало легче?

Пони огорченно покачала головой. Неужели он не понимает? Легче, скажет тоже. Она сделала то, что должна была сделать и чего требовала от нее преданность памяти Чиличанков и Коннора, вот и все.

— Теперь благодаря тебе все мы попали в ужасную переделку, — продолжал Белстер. — Не исключено, что следующим отцом-настоятелем станет этот пес Де'Уннеро, и тогда все королевство окажется в таком же положении, как недавно Палмарис.

— Маркворт добивался усиления влияния церкви, — сказала Пони, качая головой. — Ради этого ему нужен был контроль над Палмарисом. Без него...

— Он убил твоих родителей, — без обиняков заявил Белстер. — И только об этом ты и думала. Может, Маркворт и заслуживает своей участи, но только не надо воображать, будто ты сделала это ради нас. Не надо, я говорю! Теперь нам предстоит жить в аду, и костер разожгла ты!

Он вышел, с силой хлопнув дверью, и Пони вздрогнула всем телом от этого резкого звука. Он ошибается, снова и снова повторяла она себе. Какое-то время, наверное, будет трудно, но это быстро пройдет. Скорее всего, город снова перейдет под контроль государства. Людям так будет спокойнее.

Она должна верить в это, иначе все вообще теряет смысл. Ей не стало легче, нет. Она удовлетворила жажду мести, но от этого не исчезла пустота в сердце, возникшая после смерти Грейвиса, Петтибвы и Греди. И Коннора. Теперь, когда ее замысел осуществился, оставалось лишь надеяться, что печаль пойдет на убыль.

— Это сделала она, — той же ночью сообщил госпоже Дасслеронд и Белли'мару Джуравиллю Талларейш Иссиншайн. — С крыши, неподалеку от места, где проезжал отец-настоятель.

— Похоже, ты недооценил ее мастерство управления магическими камнями, — сказала Джуравиллю госпожа Дасслеронд, но в ее голосе не чувствовалось одобрения.

— Джилсепони сильно пострадала от рук отца-настоятеля Маркворта, — попытался объяснить Джуравиль, хотя и сам чувствовал, что его слова звучат неубедительно.

Она владела искусством би'нелле дасада, она носила дитя Полуночника — все это должно было заставить ее проявить больше мудрости и осмотрительности. Нельзя было осуществлять лишь личную вендетту, нужно было видеть всю картину расстановки сил добра и зла в мире.

— Она действовала необдуманно, — со свойственной ей прямоотой заявила госпожа Дасслеронд, — не учитывая того, как ее поступок отзовется на всем остальном. В том числе и на ребенке, которого она носит. Один этот факт должен был остановить ее.

Джуравиль хотел было снова броситься на защиту Пони, но... вовремя прикусил язык. Значит, она нуждается в защите? И что греха таить — он и сам был не в восторге от того, что эта женщина сделала. Еще одна ошибка в череде других, которые она совершила, начиная с тех пор, как покинула Полуночника, даже не сообщив ему о ребенке. К тому же существовали еще и интересы тол'алфар; несмотря на самые дружеские отношения с Пони, Джуравиль смотрел на мир их глазами и никогда не забывал об их интересах.

— Сейчас церковь Абея полностью контролирует город, — продолжала госпожа Дасслеронд. — И они, без сомнения, будут руководить каждым шагом короля, ссылаясь на необходимость обеспечить его безопасность. Как в таких условиях я смогу увидаться с Данубом Броком Урсальским? Церковь не должна догадываться о том, что мы здесь. Она сделала глупость, Белли'мар Джуравиль. Это поступок человека, не-эльфа, кем Джилсепони и является.

Ее разочарованный вздох подсказал Джуравилью, как сильно Пони упала в глазах госпожи Дасслеронд; и, значит, ее отношение к Полуночнику тоже отныне изменится. Тем более что он открыл Пони тайну би'нелле дасада.

Но что Джуравиль мог сделать, по крайней мере сейчас? Пони оказалась пешкой в игре, захватившей всю Корону, а пешки очень часто приносятся в жертву.

Сейчас в «Друге» собрались десять человек. Трое постояльцев, Белстер с четырьмя своими помощниками — Пони тоже вышла в общую комнату, и Прим О'Брайен умудрился добраться до трактира — и еще двое клиентов, каким-то чудом проскользнувших сюда, несмотря на патрули на улицах. Все вздрогнули от страха, когда дверь внезапно распахнулась и в трактир вошли солдаты.

Одна рука Пони потянулась к сумке с камнями, другая нащупывала меч, спрятанный за стойкой. Однако все они почти сразу же расслабились, увидев, что отряд возглавляет Колин Килрони.

— Господин О'Комели, — сказала она, сделав своим спутникам знак сесть за столики. — Налейте-ка нам эля.

— Как прикажете. Белстер кинулся к стойке и принялся наполнять кружку за кружкой, а Дейнси и Меллори относили их к столикам.

Пока он трудился, Колин уговаривала своих товарищей расплатиться, хотя королевские солдаты считали, что это лишнее. По их мнению, хозяин трактира должен быть в восторге уже от того, что ему представился случай послужить солдатам короля.

Махнув на них рукой, Колин подошла к стойке и бросила на нее набитый деньгами кошелек. Белстер начал было возражать, но понял по ее лицу, что она хочет воспользоваться этим предлогом, чтобы по секрету от товарищей что-то сказать ему и стоящей рядом Пони.

— Говорят, отца-настоятеля сразила магия, — прошептала Колин. — Такая сильная, с какой никому из них сталкиваться не приходилось. — Тут она заметила, что Белстер непроизвольно бросил взгляд на Пони. — Значит, это была ты, — с усмешкой сказала Колин. — Ну, неплохой выстрел, по моему разумению...

— Мир теперь станет чище, — решительно заявила Пони. — Жителям Хонсе-Бира и всей Короны станет лучше жить без отца-настоятеля Маркворта.

— Без него? — с иронией спросила Колин.

Улыбка на лице Пони увяла.

— Он жив? — спросил Белстер.

— Жив и здоров, — ответила Колин. — Сначала сопровождающие его монахи подумали, что он умер, но старый пес каким-то чудом продержался до тех пор, пока уже в аббатстве его не принялись исцелять с помощью камней. И они вытащили его, хотя и твердят, что это чудо. Дескать, не иначе как сам Бог не позволил отцу-настоятелю умереть в такое трудное время.

Белстер со стоном тяжело навалился на стойку. Хотя он и сердился на Пони, но в глубине души надеялся, что ее поступок избавит мир от Маркворта.

Пони же, казалось, была полностью опустошена.

— Не может быть, — прошептала она одними губами, как будто ей не хватало дыхания. — Я нанесла ему такой удар! Его голова взорвалась, и никакому камню не под силу собрать эти осколки вместе. Я убила его.

— Хотелось бы, но... Нет, ты не убила его, — ответила Колин и улыбнулась Пони, подбадривая ее. — Ты храбрая девочка, — добавила она с оттенком уважения.

В этот момент к стойке подошел один из королевских солдат, и улыбка Колин увяла.

— Не можете договориться о цене? — спросил он.

— Добряк Белстер угощает нас бесплатно, — ответила Колин. — И спрашивает, как скоро люди смогут ходить по улицам. Без клиентов ему недалеко и разориться.

— Это отцу-настоятелю Маркворту решать, — ответил солдат, — или королю Данубу, если запрет не будет снят до его прибытия.

Он бросил суровый взгляд на Белстера и Пони. У нее перехватило дыхание. Вместе с этим солдатом она воевала под Кертинеллой, и сейчас оставалось лишь надеяться, что маскировка помешает ему узнать ее. Наконец он пошел обратно... оглядываясь, как будто заподозрил что-то.

— Он всегда такой, — объяснила Колин.

— Ты уверена, что отец-настоятель жив? — негромко спросила Пони.

Колин кивнула.

— Я сама его видела, в окружении монахов. Говорит немного невнятно, но на ногах, и в глазах то же безумие, не сомневайся!

— Будь он проклят, — пробормотала Пони, полная ярости и разочарования.

Как такое может быть? Теперь она понимала, что он опаснее, чем она думала. Его следовало убить.

И она пыталась сделать это.

— Камень нашли глубоко в металлической стенке кареты, — рассказал Талларейш, снова вернувшись к госпоже Дасслеронд.

На этот раз она выслушала его одна; Джуравиль неслышной тенью крался по улицам, наблюдая за солдатами, монахами и пытаясь оценить, насколько жестко они зажали в свои тиски Палмарис. Он также собирался поговорить с Пони, если выдастся случай, на что получил благословение госпожи Дасслеронд, хотя она поставила ему жесткие рамки того, о чем он может рассказать Пони.

— Значит, камень прошел через его голову и врезался в стенку кареты, — сказала госпожа. — И он жив?

— Жив. А монахи, которые исцеляли его, сейчас расхаживают по коридорам аббатства, славословя Бога за то, что он совершил это чудо и спас отца-настоятеля.

— Значит, у него была серьезная рана?

— По словам наших разведчиков, никто из монахов не думал, что он выживет, даже когда они начали исцелять его с помощью своих камней, — ответил Талларейш. — Уже началась подготовка к похоронам. Всю нижнюю половину головы ему разнесло. И вдруг спустя всего несколько часов этот человек поднялся, с виду полный сил, лишь чуть-чуть шепелявя и с небольшой припухлостью на нижней челюсти.

Этот образ внезапно восставшего со смертного одра Маркворта неотвязно сопровождал госпожу Дасслеронд и после того, как она отослала Талларейша, попросив его приглядывать за Джуравилем. Оставшись одна, она пробралась в свой укромный уголок на крыше.

Эльфы не используют каменную магию. Тем не менее госпожа Дасслеронд лучше всех остальных тол'алфар представляла себе, какой мощью магические камни обладают. У нее не укладывалось в голове, как Маркворт, самый обычный человек, тем более такой старый, мог остаться в живых после подобного удара. Однако он уцелел и даже чувствовал себя совсем неплохо!

Дасслеронд долго жила на свете, знала историю этого мира, легенды различных рас и народностей. Знала она все и о демоне дактиле. Вот почему то, что случилось с Марквортом, по-настоящему испугало ее.

ГЛАВА 29

ПРИГЛАШЕНИЕ К БИ'НЕЛЛЕ ДАСАДА

— Что, упрямец, снова собираешься в лес? — спросил Смотритель незадолго до рассвета на второй день их вынужденной остановки.

Элбрайн проснулся чуть раньше и уже проверил, в каком состоянии Тиел'марави. Она отдыхала, устроенная со всеми удобствами, но выглядела так, словно вряд ли была готова продолжить путь. Сейчас молодой человек стаскивал с себя одежду.

— Как и всегда, — ответил он. — Танец с мечом помогает мне обрести спокойствие и проясняет мысли перед испытаниями наступающего дня.

— Смотри, как бы тебе не нарваться не испытания во время этого проклятого танца, если епископ болтается где-то поблизости, — предостерег Элбрайна кентавр.

Молодой человек лишь усмехнулся и энергичным шагом покинул лагерь.

— Ты давай за нашими друзьями приглядывай, — кинул он через плечо и скрылся в лесу.

Его путь лежал к поляне на берегу маленького озера. Там Элбрайн снял оставшуюся одежду и остановился в центре поляны, глубоко, ритмично дыша, стараясь прояснить мысли, избавиться от страхов за Тиел'марави и остальных товарищей, за себя самого, за Пони, которая все больше и больше завладевала его мыслями. Уняв душевное волнение, он снова в полной мере стал Полуночником, воспитанным эльфами рейнджером, чутким ко всему тому, что его окружало.

Он чувствовал покрытую тонкой корочкой льда землю под ногами, видел мерцание утреннего солнца на казавшейся стеклянной поверхности озера. И не мог не отметить странность этого зрелища. В обычный год в это время под ногами лежало бы несколько футов снега, а озеро было бы покрыто льдом и тоже завалено снегом. Сейчас же лед сохранился лишь на незначительной части озера; все остальное представляло собой открытую воду.

Зима действительно из ряда вон, подумал Полуночник; впрочем, сейчас было не время размышлять об этом. Пора начинать двигаться, разогревать кровь, а то от обледелой травы уже начали стынуть ноги.

И вот он уже полностью погрузился в би'нелле дасада. Движения плавно перетекали одно в другое, и ему не было нужды обдумывать каждое последующее — тело так хорошо изучило танец с мечом, что все получалось само собой, легко и естественно. Повороты и выпады, немыслимые прыжки, заканчивающиеся мягким приземлением, и другие фигуры следовали одна за другой. Рисунок танца ото дня ко дню не оставался неизменным; при том уровне мастерства, которого достиг Полуночник, он постоянно и с удовольствием импровизировал.

Это было поистине прекрасное зрелище, которое лишь еще больше подогревало интерес Де'Унnero, наблюдающего за ним из кустов. И одновременно это был вызов; епископ понимал, что другого такого достойного противника ему не найти.

— Никакой брони, как я вижу, — заметил Де'Унnero, выходя на открытое пространство.

На нем была простая коричневая ряса ордена, подпоясанная белой веревкой с вплетенными в нее золотыми нитями, и мягкие сапоги. Один палец украшало кольцо, но больше никаких драгоценностей или магических камней видно не было.

— Как и у тебя, — спокойно ответил Полуночник, не выказывая никаких признаков удивления, поскольку лес уже давно рассказал ему о присутствии этого человека.

По правде говоря, он и пришел-то сюда в надежде встретиться с Де'Унnero.

— Я никогда не сражаюсь в броне, — заметил Де'Унnero и медленно двинулся по кругу вправо, в ответ на что Полуночник тоже начал обходить его, но с другой стороны. — Не ношу также кожаного жилета или тяжелых сапог, как у Полуночника. По-моему, это не совсем честно.

— Даже полностью одетый, я не ношу ничего, что могло бы защитить от удара копья, — ответил Полуночник.

— Значит, по-твоему, все честно? — спросил Де'Унnero.

Он был уверен в победе, но хотел, чтобы все условия были оговорены заранее.

— Честно, честно, — усмехнулся Полуночник, — если не считать того, что ты, кажется, забыл прихватить оружие.

Де'Уннеро засмеялся и воздел руки. Широкие рукава соскользнули вниз, и стала видна одна рука, превратившаяся в тигриную лапу.

— Я свое оружие ношу с собой.

Он был доволен; трансформация прошла без каких бы то ни было затруднений, хотя магический камень был у него не в руке, а в сумке. Да, отец-настоятель Маркворт открыл ему новые горизонты; это был новый, несравненно более высокий уровень мастерства.

— Продолжай в том же духе, — подбодрил его Полуночник. — Прими тот облик, в котором ты убил эльфа, а до этого барона Бильдборо и его свиту.

Де'Уннеро расхохотался и покачал головой. Он хотел сразиться с Полуночником на равных; тигриная лапа вместо руки, как ему казалось, равноценна прекрасному мечу у того в руке.

— Знаешь, зачем я здесь? — спросил он.

— Я знаю одно: твоя церковь всегда найдет оправдание тому, что делает, — ответил Элбрайн.

Де'Уннеро покачал головой.

— Церковь тут ни при чем, Полуночник, — сказал он. — Я пришел к тебе как Маркало Де'Уннеро, а не как епископ Де'Уннеро. Если бы ты сейчас был готов сдаться мне без боя, Маркало Де'Уннеро это не устроило бы, хотя епископу Де'Уннеро не оставалось бы ничего другого, как принять твоё предложение. — Элбрайн вскинул голову, не совсем понимая, что кроется за этими словами. — Я хочу, чтобы это был бой между Де'Уннеро и Полуночником.

Теперь рассмеялся Элбрайн, осознав абсурдность такого заявления.

— Выходит, это вопрос гордости, а не твоих искаженных представлений о справедливости. Тебя волнует, кто из нас сильнее как воин.

— Вот именно. Я должен уладить эту проблему.

— А потом?

— А потом, вырвав из твоей груди сердце и съев его, я разберусь с твоими друзьями. Первым я убью кентавра, потом этого маленького, трусливого человечка. И уж после дойдет очередь и до монахов. Может быть, я предложу им сдаться, вернуться в аббатство и предстать перед судом по обвинению в ереси, в глупой надежде на милосердие отца-настоятеля Маркворта. А может быть, сам убью их и оторву им головы. Эти трофеи удовлетворят моего господина.

Полуночник остановился, Де'Уннеро сделал то же самое.

— У тебя есть Бог, которому ты должен помолиться? — спросил епископ.

— Танец — моя молитва, — ответил Полуночник. — Молитва о том, чтобы Бог был милостив к душам тех, кого я вынужден буду убить.

Епископ взвыл и бросился в атаку, понимая, что должен приблизиться к Полуночнику до того, как тот успеет пустить в ход меч.

Элбрайн, однако, тоже понимал это. Поразившись проворству и быстроте противника, он резко увернулся, продолжая держать меч перед собой и тем самым ставя Де'Уннеро перед выбором: либо свернуть, либо оказаться насаженным на сверкающее лезвие.

Однако Де'Уннеро поступил иначе. Оказавшись перед самым кончиком меча, он неожиданно присел, а потом подпрыгнул высоко в воздух, перескочив над лезвием меча, и ногой с силой ударил Элбрайна в плечо.

И вот они снова стоят друг перед другом, на этот раз без единого слова, просто сверля соперника полными ненависти взглядами.

Полуночник обдумывал, как ему поступить: сделать обманный маневр, вынудив Де'Уннеро наступать, либо броситься в атаку самому. Тот, однако, решил все за него, неожиданно прыгнув вперед и тем самым заставив Полуночника уклониться вправо, развернулся вокруг себя и выставил перед собой тигриную лапу, целясь противнику в

голову.

Сверкающее лезвие взлетело вверх и нанесло мощный удар по тому месту, где тигриная лапа соединялась с запястьем человеческой руки, но когти успели процарапать Полуночнику плечо. Не обращая внимания на боль, епископ снова рванулся вперед, заставив Элбрайна отступить.

Внезапно Полуночник уронил на землю меч и нанес пораженному Де'Унnero мощный удар кулаком в подбородок, от которого у того подогнулись колени. Стараясь удержаться на ногах, епископ обхватил Полуночника рукой с тигриной лапой, вцепился когтями в его тело, другой рукой пытаясь блокировать сыпавшиеся на него удары.

Боль обожгла спину Полуночника как огнем. Он понимал, что, если оставит противнику пространство для маневра, тот просто разорвет ему спину. Не давая Де'Унnero опомниться, он нанес ему мощный удар под ребра, а потом снова по подбородку. Голова епископа резко дернулась набок. Спине стало немного легче, и Полуночник просунул руку под тигриную лапу, крепко удерживая ее, продолжая осыпать Де'Унnero ударами и стараясь свести бой к сражению на кулаках.

Так он надеялся. Однако Де'Унnero и в самом деле был самым выдающимся воином, когда-либо вышедшим из стен Санта-Мер-Абель. Недаром именно ему поручали натаскивать Карающих Братьев, ни один из которых даже близко не мог сравниться с мастерством своего наставника. В первые мгновения Полуночник сумел ошеломить его, но Де'Унnero быстро справился с собой и, в свою очередь, обрушил на противника серию резких, молниеносных ударов. Они пришлись по подбородку Полуночника, для чего тому пришлось проявить исключительную ловкость, поскольку он понимал: Де'Унnero пытается добраться до его горла, и, если это произойдет, сражение будет окончено.

И все же Элбрайн уже ощущал во рту вкус крови. Изменив тактику, он с силой вцепился пальцами в лицо Де'Унnero и стиснул его со всей силой. Тот перестал осыпать Полуночника ударами и застонал, как будто задыхаясь под давлением мощных пальцев.

Элбрайн подумал, что бой подходит к концу, и впереди замаячила победа. По-прежнему удерживая на расстоянии тигриную лапу, он продолжал железной хваткой стискивать пальцы правой руки, вгрызаясь ими в плоть лица Де'Унnero с такой силой, что, казалось, голова того вот-вот взорвется.

Епископ пытался вырваться, но Полуночник оказался сильнее.

Он уже почти праздновал победу, как вдруг...

Внезапная резкая боль ожгла ему запястье, как раз под ладонью; это Де'Унnero кончиком большого пальца надавил на болевую точку в этой области. К изумлению и ужасу Полуночника, указательный палец и мизинец у него ослабели, Де'Унnero вырвался из хватки и с силой оттолкнул его.

Чисто инстинктивно Элбрайн выставил вперед голову, и Де'Унnero сделал то же самое; хорошо еще, что они не ударились лоб в лоб, но все равно обоим досталось крепко, хотя епископу больше. Он, правда, быстро пришел в себя и вскинул колено, целясь Полуночнику в пах, но тот увернулся, и удар пришелся в бедро. В результате Элбрайн потерял равновесие, и, когда Де'Унnero внезапно отпрянул назад и упал на землю, Полуночник последовал за ним. Сцепившись, они покатались по некрутому склону прямо в озеро и рухнули в ледяную воду.

Вода вокруг них вспенилась и окрасилась кровью; оба были слишком ошеломлены этим падением, чтобы продолжать борьбу.

Наконец Полуночник, отплеываясь и хватая ртом воздух, вынырнул на поверхность, ожидая увидеть рядом с собой Де'Унnero. Однако вместо этого его взору предстали идущие по поляне кентавр и Роджер. Заметив Элбрайна, они припустили бегом.

— Теперь ты танцуешь в воде? — спросил Смотритель, помогая своему окровавленному, ошеломленному другу выбраться из холодной воды.

Элбрайн дрожал, кровь ручьями стекала по его телу. Одного взгляда на ужасные царапины на его спине, так похожие на те, которые они видели у Тиел'марави, оказалось

достаточно, чтобы кентавр и Роджер поняли, что здесь только что произошло. Смотритель тут же схватил огромный лук и натянул тетиву.

— Он-н-н в вод-д-де, — стуча зубами, сказал Элбрайн.

Роджер скинул плащ и обернул им Полуночника.

— Это тебя епископ Де'Унnero ранил? — недоверчиво спросил он.

— Где этот дурак? — воскликнул кентавр. — Ты убил его? Или хотя бы ранил достаточно сильно, чтобы он утонул?

Элбрайн пожал плечами и пробежал взглядом по поверхности озера.

Ответ на все вопросы кентавра последовал немедленно: голова Де'Унnero показалась над водой в самом центре озера. Он тут же поплыл прочь, потом нырнул, и посланная кентавром стрела лишь взбороздила поверхность воды, не причинив епископу вреда.

— Ну, сейчас он должен будет выбраться на берег, — сказал Смотритель после второго выстрела, столь же безрезультатного, как первый, — и тогда я получу свой шанс!

Не успел он закончить, как епископ превратился в огромного дикого кота, выпрыгнул из озера и скрылся в лесу столь молниеносно, что Смотритель даже не успел выстрелить.

— По крайней мере, он убегает, — заметил Роджер.

Элбрайн покачал головой. Нет, этот человек не убегал. Этот человек, настолько сильный и опасный, что мог бы одолеть их всех, отнюдь не сдался и не считал свою миссию оконченной.

— Мы можем позже поймать его, — предложил Роджер.

— Крошка-эльфийка все еще не в состоянии продолжить путь, — напомнил ему Смотритель.

— Как бы мы ни решили действовать, во всех случаях лучше нам держаться вместе, — сказал Полуночник.

Подойдя к лежащей на земле одежде, он быстро натянул ее. Все трое заторопились в лагерь и по дороге встретили Дара, которого мысленно вызвал Элбрайн.

Тиел'марави чувствовала себя лучше, но передвигаться самостоятельно все еще была не в состоянии. Они решили понести ее, но без спешки и тряски. Полуночнику не хотелось оставаться на месте, когда Де'Унnero бродит поблизости. Можно не сомневаться, он найдет способ нанести им удар. Они тронулись в путь, но двигались медленно и за день прошли всего три мили. Элбрайн на Даре все время прочесывали окрестности, в надежде снова встретиться с Де'Унnero.

Однако ни в этот день, ни на следующий никаких признаков епископа не обнаружилось. Потом им пришлось снова остановиться; Тиел'марави было трудно продолжать путь. Она умоляла оставить ее, снабдив продуктами, уверяя их, что отлежится с неделю и дальше будет в состоянии выжить самостоятельно.

Конечно, никому из них даже в голову не пришло сделать так, как она просит. Они разбили лагерь и стали ждать. Так прошел один день, второй, а на третий в лагерь галопом прискакал кентавр.

— С юга идут солдаты! — сообщил он. — Готов поспорить, что наш друг епископ с ними!

Элбрайн тут же вскочил на жеребца и поскакал вслед за Смотрителем, крикнув Роджеру и Браумину:

— Охраняйте лагерь! Держитесь плотной группой, прикрывайте тылы! Не исключено, что солдаты присланы сюда, чтобы расправиться с нами, но даже если это не так, епископ может нанести удар.

Подчиняясь мысленному приказу Полуночника, Дар понесся вслед за кентавром, точно стрела. Когда они добрались до высокого утеса, откуда Смотритель заметил приближающийся отряд, солдаты были уже достаточно близко, чтобы можно было их узнать.

— Шамус Килрони... — пробормотал Полуночник.

— И рядом с ним скачет Де'Унnero, — заметил кентавр. — А мы не можем бежать,

если только ты не готов пожертвовать Тиел'марави.

— Нет, мы не будем бежать, — твердо сказал Элбрайн.

— Их больше двадцати. Лично я попытался бы скрыться.

— Мы не побежим, — повторил Полуночник.

— Я имею в виду, на их месте лично я попытался бы скрыться, — пояснил кентавр.

Полуночник бросил на него одобрителный взгляд. — Остальным скажем?

Элбрайн задумался.

— У монахов нет с собой никакой магии. Не знаю, что они смогут противопоставить хорошо вооруженным солдатам, да еще на лошадях.

— Ба, я понял! Ты хочешь оставить самое интересное для себя, — ответил кентавр.

— Скажем нашим, чтобы они получше спрятались, а потом вернемся и встретимся с Шамусом и его людьми. Если дело дойдет до сражения...

— А ты надеешься, что нет? — перебил Элбрайна Смотритель. — С ними же Де'Уннеро. Что, он проделал весь этот путь, чтобы языком почесать?

— Тогда мы примем бой и рассеем их по лесу, — сказал Полуночник. — Будем гнаться за ними, все время стреляя и убивая по одному, а потом одолеем оставшихся. Поскакали!

Они сделали, как он и предлагал, — возвратились в лагерь и велели остальным как можно лучше спрятаться.

Они вернулись обратно и вскоре увидели приближающихся солдат. Те скакали открыто и, заметив Полуночника и кентавра, остановились примерно на расстоянии тридцати ярдов от них. Вперед вместе с тремя солдатами выехал Шамус, справа от него — Де'Уннеро верхом.

— Рад снова видеть Шамуса Килрони, — крикнул Полуночник, — хотя было бы лучше, если бы ты явился ко мне в более приличной компании.

Де'Уннеро что-то шепнул капитану, и тот закричал:

— У нас приказ захватить тебя, Полуночник, а также кентавра и твоих друзей-монахов. Ты оказался в компании тех, кого церковь Абея объявила вне закона. Собери их всех; обещаю, что с вами будут обращаться по справедливости.

— Поцелуй... — начал было Смотритель, но Элбрайн оборвал его.

— Со мной будут обращаться по справедливости? — спросил он, сделав ударение на первых словах. — И что, это обращение подразумевает то, что моих друзей повесят на глазах у всех? Или сожгут на костре... Мне рассказывали о том, что теперь это излюбленное развлечение монахов церкви Абея.

— Мы не хотим сражаться с тобой, — сказал Шамус.

— Значит, ты ловчее, чем кажешься, — заметил кентавр.

Капитан, явно нервничая, оглянулся на Де'Уннеро. Он, безусловно, уважал Полуночника, но не сомневался, что вместе со своими солдатами сумеет одолеть его и его товарищей. Без проблем, так он полагал.

Последовала долгая, томительная пауза.

— Взять их! — приказал Де'Уннеро.

Капитан не двинулся с места, и епископ повторил приказ, обращаясь к солдатам. Некоторые из них поскакали вперед, однако Шамус поднял руку, и они тут же послушно остановились.

Не исключено, что это был самый ужасный момент в жизни Шамуса Килрони. Его и Полуночника связывала дружба; только так можно было выстоять в совместной борьбе, которую они не так давно вели. Он сумел понять этого человека, заглянуть в его сердце и ни на миг не допускал, что тот и в самом деле злоумышляет против церкви и уж тем более против государства. Но вот кентавр... и беглые монахи... По собственному признанию Полуночника, он помог кентавру сбежать из застенков Санта-Мер-Абель, а монахи наверняка были еретиками и замыслили предательство.

Не отрываясь, он смотрел в зеленые глаза Полуночника.

— Взять их! — повторил Де'Уннеро. — Я сам поведу вас!

Епископ вскинул руку — точнее говоря, смертоносную тигриную лапу — и решительно поскакал вперед.

— Стой! — закричал Шамус, не дав солдатам тронуться с места.

Де'Унnero понимал, что одному ему с Полуночником и кентавром не справиться. Он развернул коня, удивленно глядя на капитана. И встретил пристальный взгляд Шамуса. Точнее говоря, тот смотрел на его тигриную лапу, и в его памяти всплыло все, что он знал о гибели барона Бильдборо.

— Значит, так, капитан, — сердито сказал Де'Унnero. — Я, епископ Палмариса, приказываю вам арестовать этого человека и вон то мерзкое создание, стоящее рядом с ним!

Элбрайн с кентавром обменялись понимающими взглядами и улыбками; для того чтобы передать игру чувств, овладевших Шамусом Килрони и отразившихся на его лице, потребовались бы тома.

— Я не пойду против Полуночника, — сказал он. — И мои люди тоже.

— В таком случае, все вы преступники! — воскликнул Де'Унnero, взмахом своей лапы объединяя их всех. — Любой, кто отказывается подчиниться мне, становится преступником в глазах церкви Абея — положение, которому не позавидуешь!

По рядам солдат прошло движение, но ни один из них не тронулся с места, ни один не решился послушаться Шамуса Килрони, который всегда пользовался их уважением и доверием.

— Ну, что же ты, вперед! — подначил епископа Смотритель. — Вообще-то я не ем людей, но для тебя могу сделать исключение.

— Не воображай, что вопрос решен, — сказал Де'Унnero Полуночнику. — На этот раз тебе от меня не уйти.

— Я даже не буду пытаться, — угрюмо ответил Полуночник.

Де'Унnero перевел взгляд на Шамуса Килрони и этих глупцов, его солдат.

Догадавшись, что произойдет в следующее мгновение, Элбрайн рванулся вперед.

Де'Унnero среагировал быстро — развернул своего коня и пронесся мимо Шамуса и солдат. Смотритель поскакал следом за Элбрайном, стреляя из огромного лука, но епископ бросал коня то влево, то вправо, и ни одна стрела не достигла цели.

Элбрайн тоже поскакал вдогонку, на ходу вскинув Крыло Сокола. Однако он не успел пустить в дело лук. Когда стало ясно, что Дар нагоняет своего менее проворного собрата, епископ спрыгнул на землю, на глазах у всех вместе с рясой и всем прочим превратился в огромного тигра и бросился в кусты.

Понимая, что лук ему сейчас не поможет, Элбрайн перекинул его за спину, выхватил меч и на предельной скорости поскакал следом. Однако в этих густых колючих зарослях могучему коню было не угнаться за быстрым, юрким тигром. Выскочив на поляну, Полуночник увидел, что Де'Унnero уже пересек ее и исчез в густом кустарнике на противоположной стороне.

Полуночник понял, что ему не догнать этого человека, развернул коня и поскакал обратно. Солдаты сгрудились, недоверчиво качая головами и обсуждая случившееся. Еще бы! Никому из них в жизни видеть такого не приходилось — чтобы человек в мгновение ока превратился в огромного тигра!

— Ну, значит, теперь мы все преступники, — сказал Полуночник Шамусу, подскакав к ним. — Согласно тому, что только что заявил убийца барона Бильдборо.

ГЛАВА 30 ТЬМА И СВЕТ

— Поистине, это чудо, — пробормотал пораженный брат Фрэнсис, когда отец Маркворт вошел в его комнату в аббатстве Сент-Прешес.

Отец-настоятель выглядел таким же сильным и здоровым, как и до покушения на его жизнь. Фрэнсис ожидал, по крайней мере, увидеть в его глазах страдание, неуверенность,

страх. Ничего подобного. Едва открыв глаза после исцеления, Маркворт возблагодарил Бога за спасение своей жизни — всего час назад ему, казалось, напрочь оторвало нижнюю челюсть, а сейчас она выглядела целехонькой! — и сказал, что имел озарение: все, что случилось, послужит только к еще большей славе церкви. Напуганный случившимся король Дануб не станет возражать против того, чтобы магические камни были возвращены церкви. Послушать отца Маркворта, и получалось, что теперь могущество церкви возрастет просто неимоверно.

В отличие от него брат Фрэнсис был смущен, сбит с толку и испытывал острое чувство вины. Однако после всего, что произошло, и он окончательно убедился, что его безграничная вера в отца-настоятеля имела под собой веские основания.

Маркворт двигался такой пружинистой, энергичной походкой, что нагнать его и держаться рядом потребовало от брата Фрэнсиса определенных усилий. В аббатство Сент-Прешес в сопровождении целого сонма охранников прибыл король Дануб Брок Урсальский, чтобы лично выразить сочувствие тяжелораненому отцу-настоятелю. Каково же было удивление короля, когда в зал для аудиенций уверенно вошел Маркворт, с широкой, хотя и слегка кривоватой улыбкой на старом морщинистом лице, и занял место напротив короля.

— Приветствую вас, отец-настоятель, — придя в себя, произнес Дануб, удивленно разглядывая совершенно, по всей видимости, исцелившегося Маркворта. — Я слышал, что вы серьезно ранены... Кое-кто из ваших монахов даже опасался, что вы не выживете, несмотря на всю исцеляющую магию.

— Так и должно было случиться, — слегка шепелявя, ответил Маркворт, — если бы Бог не решил сохранить мне жизнь.

Герцог Калас, сидящий рядом с королем, насмешливо фыркнул и тут же попытался сделать вид, что просто закашлялся.

Такая дерзость, судя по всему, рассердила отца-настоятеля. Он угрожающе сощурился, в воздухе начало ощутимо сгущаться напряжение. Калас, обычно самоуверенный и решительный, побледнел под его пристальным взглядом.

— Он знает, что меня ждут великие дела, — закончил Маркворт.

— Он? — спросил Дануб, потеряв нить разговора; на него тоже произвел впечатление суровый взгляд отца-настоятеля.

— Бог, — пояснил Маркворт.

— Подумать только, как часто люди оправдывают свои действия, ссылаясь на промысел Божий! — воскликнул Калас.

— Гораздо чаще сомневающиеся познают истину лишь в последний момент своей жалкой жизни, — отрезал Маркворт. — Лежа на смертном одре, они молят Бога простить им их заблуждения, только сейчас понимая, что, несмотря на все их сомнения, Он снова оказался прав. Потому что единственное, что имеет значение, ожидает нас после того, как мы избавимся от своей жалкой смертной оболочки.

Взгляд брата Фрэнсиса встретился со взглядом Констанции Пемблбери. Оба скептически воспринимали подтекст, отчетливо ощущаемый в этом разговоре. Ни для того, ни для другой не составляло труда вычислить, кто выйдет победителем, если Калас и дальше будет возражать отцу-настоятелю.

Маркворт сотрет его в порошок.

Король Дануб тоже понимал это.

— Теперь вы отдаете себе отчет в том, зачем нужно было вернуть церкви камни, — сказал Маркворт, обращаясь к нему. — Это слишком опасное оружие, которое не должно находиться в руках обычных людей.

— Ну, знатных людей Хонсе-Бира вряд ли можно назвать обычными, — тут же возразил герцог Калас.

— Но и святыми их тоже не назовешь, — спокойно ответил Маркворт. — Вот где проходит граница. Магические камни — дар Божий, предназначенный для избранных Богом.

— То есть для вас и ваших людей, — сухо заметил Калас.

— Если вы желаете присоединиться к ордену, то тоже вольетесь в ряды избранных. Я лично готов дать вам свое благословение.

Калас бросил на него яростный взгляд.

— С какой стати?

— Действительно, с какой стати? В самом вашем вопросе кроется причина того, почему меня так беспокоит судьба камней. Мы в ордене Абея проповедуем такой подход, при котором человек должен научиться полностью владеть своими эмоциями, прежде чем он получит доступ к магическим камням, — сказал Маркворт. — Без таких мер предосторожности слишком велика опасность несчастного случая. Итак, камни должны быть возвращены. Все до одного.

Это заявление было сделано таким категорическим тоном, что вздрогнул даже аббат Джеховит, почтительно стоящий чуть позади Маркворта. Совсем недавно он уверял короля Дануба, что план возвращения камней распространяется только на Палмарис и не коснется ни его самого, ни придворных. Сейчас Джеховит затаил дыхание, ожидая, что король взорвется от гнева.

Однако Маркворт чуть не пригвоздил Дануба к месту сверлящим взглядом, безмолвно напоминая ему о ночном визите и том могуществе, которым обладает.

— Я должен быть уверен, что, если все камни окажутся в руках церкви, они будут использоваться на благо короны, — ответил король Дануб, к вящему изумлению светских советников и даже Джеховита.

— Детали можно будет оговорить особо, — ответил Маркворт и вперил устрашающий взгляд в Каласа, который, судя по всему, собирался разразиться гневной речью.

И тут же отец-настоятель встал, давая понять, что аудиенция окончена, и явно не собираясь дожидаться позволения короля.

— Надеюсь, дом торговца Крампа, предоставленный вашему величеству для временного проживания, удовлетворяет всем необходимым требованиям, — сказал он королю.

Констанция и Калас только рот раскрыли. Судя по тону Маркворта, он обращался к королю не как подданный; это был просто жест доброй воли по отношению к тому, с существованием кого приходится мириться.

И Дануб в ответ лишь кивнул. Это напугало его советников еще больше.

Последним из монахов выходя из зала, брат Фрэнсис оглянулся и увидел потрясенного короля и его придворных, неподвижно сидящих на своих местах. Уж если они оказались бессильны перед отцом-настоятелем... Да, Фрэнсис, безусловно, сделал правильный выбор.

Отец-настоятель вернулся со встречи с королем в отличном настроении, однако сейчас король меньше всего занимал его мысли. Он вспоминал другую встречу, имевшую место сегодня утром: встречу с солдатами и монахами аббатства, на которой обсуждался вопрос поисков того, кто напал на него. Ни у кого из них не было сколько-нибудь приемлемой идеи насчет того, что это за человек. В основном монахи подозревали бехренцев, но Маркворт ни на мгновение не допускал подобной мысли. Он знал, что их религия отвергает использование камней, и никогда не слышал, чтобы какой-нибудь бехренец владел магическим искусством. А между тем тот, кто напал на него, был, без сомнения, очень силен в магии.

Солдаты обнаружили три места, где потенциально мог находиться нападающий; все на крышах и довольно далеко от пути проезда кортежа. Чтобы послать магнетит с такого расстояния и с такой силой, нужен был очень высокий уровень мастерства, превосходящий возможности всех магистров Санта-Мер-Абель и даже, не исключено, самого Маркворта!

Это, наряду с тем фактом, что среди украденных Эвелином Десбрисом камней был и магнетит, наводило на определенные мысли. На протяжении всего разговора с монахами и солдатами имя Джилл не раз всплывало в сознании отца-настоятеля.

И еще кое-что заинтересовало его. Одна из военных, рыжеволосая женщина по имени Колин Килрони, упорно повторяла, что нападающий, скорее всего, принадлежал к числу

обиженных торговцев или был нанят кем-то из них. Когда стали расспрашивать, что навело ее на такие мысли, никаких веских доводов Колин Килрони не привела, но упрямо продолжала стоять на своем.

Не слишком ли упрямо?

Все эти мысли вертелись в голове отца Маркворта, когда он вошел в личные покои после встречи с королем. Здесь, конечно, у него не было пентаграммы на полу, но, расчистив место в углу комнаты, он сел лицом к стене и постарался очистить разум от всех мыслей, чтобы подготовиться к глубокой медитации. И вскоре услышал уже ставший привычным голос, увлекший его за собой в серую пустоту.

И Маркворт снова начал мысленно перебирать все возможности, начиная от бехренцев и заканчивая кем-то из торговцев, сумевших спрятать магнетит от бдительного взора епископа Де'Унnero. Однако эти предположения никак не сочетались с отчетливым ощущением, что на него напала Джилл или какой-то другой последователь Эвелина Десбриса.

Пока эти мысли роились у него в голове, голос нашептывал ему что-то о рыжеволосой женщине. Маркворт подумал, что голос пытается убедить его в разумности ее доводов, и начал возражать. Но потом до него дошло, что голос говорит ему нечто прямо противоположное.

— Это отвлекающий маневр, — понял наконец отец-настоятель.

И задумался. Если дело действительно обстоит именно так, то каковы причины, заставившие Колин Килрони выдвинуть заведомо ложную теорию? Вскоре он уже знал ответ на этот вопрос и понимал, что должен предпринять.

Немедля покинув свои покои, он приказал брату Фрэнсису сей же миг доставить к нему Колин Килрони.

Потом оставалось лишь ждать; что он и делал — словно паук в паутине.

Наконец она вошла в комнату. Чувствовалось, что женщина напряжена. Напряжена и собрана; для Маркворта это послужило еще одним признаком того, что он на правильном пути.

— Вы твердо стояли на том, что нападающий был из числа торговцев, — сказал он, переходя прямо к делу.

Он жестом указал Колин на стул напротив своего письменного стола и так же жестом отпустил брата Фрэнсиса.

— По-моему, это очевидно, — ответила она.

— В самом деле?

Кажущееся простодушие вопроса заставило Колин взглянуть на сидящего напротив старика с подозрением; он и это не оставил без внимания.

— Ваш епископ нажил себе множество врагов среди купцов, — объяснила свою точку зрения Колин. — По большей части это друзья Алоизия Крампа. Вы, наверное, знаете, что его убили, причем жестоко и публично.

Маркворт поднял руку, не собираясь обсуждать с этой женщиной политику в отношении Палмариса или недостатки Де'Унnero.

— Как, по-вашему, это не мог сделать друг Эвелина Десбриса? — невинным тоном спросил он.

— Мне неизвестно это имя, — тут же ответила Колин, однако выражение ее лица свидетельствовало об обратном.

— Ах! — Маркворт кивнул. — Теперь понятно, почему вы так настаивали на том, что это был кто-то из торговцев.

Он замолчал, похлопывая по губам одним пальцем, и взмахом другой руки отпустил Колин. Однако стоило ей открыть дверь, как он снова окликнул ее и велел немедленно прислать к нему брата Фрэнсиса. Сбитая с толку женщина кивнула и вышла.

— Найди тех, кто знает, где она бывает, — приказал Маркворт Фрэнсису.

Он не сомневался — и в этом голос был полностью согласен с ним, — что Колин

Килрони не только знает имя Эвелина Десбриса, но совсем недавно контактировала с кем-то из последователей этого еретика.

Не успело солнце опуститься за горизонт, как отец-настоятель Маркворт вычислил еще одно место, куда следует направить усилия поисков: трактир «У доброго друга». Его дух выскользнул из тела и полетел сквозь штормовую ночь.

Из-за дождя, ветра и ослепительных вспышек молний этой ночью на улицах было мало солдат, и истосковавшиеся по общению люди решились наконец покинуть свои дома. В «Друге» было полным-полно клиентов. Они возбужденно переговаривались, обсуждая все, что случилось со времени нападения на отца-настоятеля. Некоторым уже удалось увидеть короля. Кое-кто высказывал надежду, что король Дануб наведет в Палмарисе порядок и будет способствовать ослаблению влияния церкви.

Другие уверяли, что нападение на отца Маркворта лишь укрепит его позиции в городе и что король после покушения на жизнь отца-настоятеля ни за что не пойдет против него.

Пони, как всегда, обслуживала столики. Ей было тяжело слушать такие разговоры. Она все еще с трудом верила, что старик выжил, но факт оставался фактом. Маркворт уцелел и был в полном здравии, отчего она чувствовала себя круглой душой. Подумать только! Надеясь убить его, она лишь укрепила позиции старого мерзавца!

Ночь тянулась долго, и из груди Пони не раз вырывался тяжкий вздох.

Люди, решившиеся этой ночью выйти из дома, стремились как можно скорее найти укрытие от грозы. В отличие от них тол'алфар вообще не обращали на дождь никакого внимания. Такие чуткие к явлениям природы, они принимали все, что она давала им. Конечно, в бурю хорошо отдохнуть, сидя около уютного очага, но, как только снег и ветер стихали, эльфы высыпали из домов, затевали веселые игры, бросались снежками, прорывали в снегу туннели и носились по ним друг за другом. Иными словами, буря причинила эльфам мало неудобств и лишь облегчила передвижение по опустевшим улицам Палмариса.

Госпожа Дасслеронд и Белли'мар Джуравиль сидели под навесом на крыше «Друга», обсуждая, как им действовать дальше в свете последних событий. Остальные эльфы бродили вокруг дома Крампа, пытаясь найти способ — через какого-нибудь военного или придворного — связаться с королем Данубом и попросить у него аудиенции для своей госпожи.

— Жду не дождусь, когда наши дела здесь закончатся и мы сможем вернуться на тихие луга Эндур'Блоу Иннинес, — сказала госпожа Дасслеронд.

Джуравиль был полностью согласен с ней.

— Я простился с Полуночником, и сейчас ничто не мешает мне тоже вернуться на наши луга. Как хорошо было бы провести там всю весну!

— Только весну?

— А потом лето, осень и так далее, — ответил Джуравиль. — Хватит с меня человеческих проблем.

Госпоже Дасслеронд было приятно слышать это признание. Глубокая привязанность Джуравиль к Полуночнику и Пони пугала ее. Для нее Полуночник — как и остальные рейнджеры — был кем-то вроде собственного ребенка; наверное, она смогла бы полюбить и Пони, судя по тому, что слышала о ней. Однако госпожа принадлежала к тол'алфар, а они нет; немаловажный фактор для приверженных своему роду эльфов. И она была главой жителей Эндур'Блоу Иннинес, с вытекающими отсюда очень непростыми обязанностями.

— И все же я с нетерпением жду встречи с Полуночником и Пони, — признался Джуравиль. — И с их наследником, которому, очень может быть, суждено стать одним из самых выдающихся людей.

— Я, наверное, вместе с тобой отправлюсь на эту встречу, — сказала Дасслеронд, и Джуравиль в полной мере оценил, какая ему и его друзьям оказана честь. — Пройдут года, в человеческом мире воцарится спокойствие, и мы, возможно, поступим разумно, если выйдем

из своего добровольного уединения. Или, может быть, откроем людям доступ в нашу долину и пригласим туда Полуночника с женой и ребенком.

Джуравиль не отрываясь смотрел на свою госпожу, пораженный мягкостью ее тона. А ведь она сердилась на Полуночника за то, что он показал Пони би'нелле дасада, а на Пони — за необдуманное нападение на отца-настоятеля. Однако сейчас она явно пыталась взглянуть на все происходящее шире и вполне допускала, что между тол'алфар, с одной стороны, и Полуночником и дорогими ему людьми — с другой, в будущем могут возникнуть более теплые отношения. Несмотря на темную штормовую ночь, Белли'мар Джуравиль имел все основания верить, что вслед за ней наступит рассвет.

И тут он почувствовал чье-то присутствие, абсолютную тьму и холод; примерно то же самое, что он испытал однажды, оказавшись ночью в лесу с группой людей-беженцев, которых вел в Эндур'Блоу Иннинес.

Дасслеронд испытала то же ощущение и мгновенно вскочила на ноги. Она положила ладонь на рукоятку меча, а другую руку сунула в висящую на боку сумку, где у нее хранился единственный магический камень, удивительный зеленый изумруд. Его подарил эльфам Терранен Динонъел несколько столетий назад, во время предыдущей войны с демоном Бестесбулзибаром. Это был самый могущественный камень, которым когда-либо владели тол'алфар.

— Джилсепони, — одними губами произнесла госпожа.

Они с Джуравилем бросились к краю крыши и подали знак охраняющему их эльфу немедленно собрать всех остальных.

Пони шла к стойке, чтобы забрать у Белстера поднос с кружками. Внезапно возникло очень странное ощущение... как будто кто-то окликнул ее... Она остановилась и оглянулась, пытаясь понять, в чем дело.

— Не стой, если хочешь, чтобы все были довольны, — со смехом сказал Белстер.

Пони сделала еще шаг вперед, но снова остановилась и принялась нервно оглядываться, чувствуя, что волосы на голове становятся дыбом; инстинкт воина явно предупреждал ее о чем-то.

— Карали? — окликнул ее Белстер; он уже давно взял за правило на людях не называть Пони ее настоящим именем.

Она посмотрела на него и пожала плечами, не понимая, что с ней такое. Сняла фартук, положила его на стойку и сказала:

— Скоро вернусь.

И прошла мимо Белстера туда, где находились их личные помещения.

Еще не дойдя до своей комнаты, она остановилась снова. Здесь кто-то был, вне всяких сомнений. И вдруг истина открылась ей, или, точнее говоря, лишь малая часть истины: ее выследил какой-то монах, способный совершать духовные путешествия!

— Джилл! — прозвучало у нее в голове. Она остановилась и сосредоточилась, пытаясь определить, откуда исходит звук. — Ты Джилл.

Это не был голос друга, поняла Пони. Она резко обернулась, собираясь вернуться в общую комнату, где было легче затеряться в толпе, и... замерла на месте.

Паря над полом в дверном проеме, на нее смотрел призрак отца-настоятеля Маркворта.

— Джилл, подруга Полуночника и Эвелина Десбриса.

Удивительное дело! Теперь его голос прозвучал не в голове у Пони, а так, как будто с ней разговаривал обычный человек.

Пони растерялась. До сих пор ей никогда не приходилось сталкиваться с таким видом магической связи; она даже не подозревала, что такое возможно!

— Джилл-убийца, — продолжал отец-настоятель. — Это ты нанесла мне удар, моя дорогая. — Он засмеялся ужасным, злобным смехом, от которого по всему телу Пони побежали мурашки. — У тебя есть кое-что, принадлежащее мне, Джилл, подруга Эвелина. Кое-что, присвоенное Эвелином.

— Убирайся отсюда, — ответила Пони. — Тебе здесь нечего делать.

Призрак снова расхохотался.

— Мне нужны мои камни, сегодня же ночью, Джилсепони Чиличанк.

Это имя причинило ей боль и одновременно пробудило к жизни такую волну гнева, что от всех ее страхов не осталось и следа! Вот он — человек, который убил ее родителей и которого она так жаждала уничтожить. Но что она может против него, обладающего таким невероятным могуществом?

— Видишь, что ты сделала со мной? — Внезапно очертания призрака изменились — челюсть растаяла, из разодранного рта свешивались лохмотья языка. — Ты, ты! Только силой магических камней я могу создавать у людей иллюзию своего прежнего облика и впечатление, будто я говорю с ними.

Пони оцепенела, когда поняла, что стоит за словами Маркворта. Лицо этого человека было чудовищно изуродовано — она сделала это! — и все же с помощью магических камней он создавал у окружающих иллюзию целостности! И того, что он может говорить! Какая мощь требовалась для этого, и притом не на короткое время, а постоянно, пока он находился на людях?

— Я пришел за тобой, — заявил призрак.

Пони отбросила всякое притворство, схватила меч и сумку с камнями. И пронеслась прямо сквозь призрачное тело — удивительное, никогда прежде не испытанное ощущение! Первой ее мыслью было кинуться к Белстеру, но потом она поняла, что, если не хочет навредить своим друзьям, лучше убежать от них подальше.

Однако у самой задней двери ей встретилась Дейнси Окоум.

— Ах, мисс Пони, с вами все в порядке? Белстер сказал, что вы убежали прямо не в себе...

— Слушай меня внимательно, Дейнси. — Пони нервно оглянулась и увидела, что призрак приближается к ней. — Я ухожу, и, наверное, навсегда.

— Но ваше дитя...

Пони резко оборвала ее, ужаснувшись тому, что Маркворт мог узнать о ребенке.

— Ты не знаешь всей правды обо мне, — нарочито громко сказала Пони, надеясь таким образом избавить друзей хотя бы от части грозящих им неприятностей. — Возьми Белстера и бегите отсюда, спрячьтесь где-нибудь. Хорошо, что вы оба тут ни при чем.

— М-м-мисс Пони...

— Больше у меня нет времени объясняться с тобой. — Пони схватила Дейнси за плечи и хорошенько встряхнула ее. — Прощай. Ты была мне добрым другом. — Она поцеловала женщину в щеку. — Поцелуй за меня Белстера, и бегите, спасайтесь! — Ошеломленная Дейнси стояла, словно окаменев. — Уходите! Сейчас же! Пообещай, что вы так и сделаете!

Дейнси тупо кивнула, а Пони выбежала в грозовую ночь. Что делать? Ее разоблачили, и, возможно, тем, кого она любит, придется заплатить за ее ошибки дорогую цену. Единственное, что она может сделать для них, — это бежать как можно быстрее и как можно дальше. Она свернула к северным воротам, рядом с которыми находилась конюшня, где содержался Грейстоун.

Белли'мар Джуравиль и госпожа Дасслеронд видели, как она выбежала на улицу.

— Это он, — еле слышно произнес Джуравиль. — Он нашел ее.

К ним подбежал еще один эльф, чтобы сообщить, что все собрались.

— К северным воротам, — распорядилась госпожа Дасслеронд.

— Мы должны помочь ей, — сказал Джуравиль и взглянул на свою госпожу, королеву эльфов.

Всего несколько мгновений назад она говорила о своей возможной встрече с Пони, Полуночником и их ребенком, но сейчас на ее прекрасном лице читалось сомнение.

Ну, по крайней мере пока они следуют за Пони на север — и то хорошо.

В конюшне все было спокойно, ни одного солдата поблизости. По дороге сюда Пони ужасно боялась, что Маркворт вызнал все ее секреты и пути к бегству окажутся отрезаны. Однако мальчик в конюшне без промедления вывел к ней коня, помог подготовить его к дороге и даже предложил старые седельные сумки и кое-что из припасов.

И вот она уже снова на улице, вздрагивает при каждом звонком ударе заново подкованных копыт. Нужно было придумать, как выбраться из города через северные ворота. Может, снова прибегнуть к маскараду, выдав себя за жену крестьянина? Нет, это не годится. Ее могут узнать поднятые по тревоге солдаты; да и мало кто без крайней необходимости отправится в путь в такую грозу.

Нет, надо действовать по-другому. Она поскакала вдоль городской стены, нашла тихое, темное местечко и с помощью малахита начала подниматься вверх вместе с конем. Грейстоун забил копытами и заржал от ужаса, но Пони поднималась все выше, перелетела через стену и приземлилась на другой стороне. Позади за стеной послышался шум — это бежали туда-сюда стражники, пытаясь понять, что произошло, если вообще произошло. Пони пустила коня легким галопом и поскакала по окутанным тьмой полям.

К тому времени, когда Маркворт уже в физическом теле и в сопровождении свиты появится в трактире, Пони будет далеко к северу от города, так она надеялась; дай только бог, чтобы Дейнси не подвела ее, чтобы они с Белстером убежали и спрятались где-нибудь подальше — может быть, у капитана Альямета, в тайных пещерах бехренцев.

Мысль о том, что они могут погибнуть из-за нее, была для Пони невыносима. Она даже подумала, что, может быть, нужно вернуться и сдаться Маркворту, чтобы ее друзья в Палмарисе не пострадали, когда из них будут выбивать сведения о ней.

Но потом она вспомнила о своем ребенке, ребенке Элбрайна. Нет, ничего не остается, как лишь надеяться на то, что Белстер и Дейнси прислушаются к ее совету. Ох, какая же это была глупость — напасть на Маркворта и тем самым поставить под удар всех, кто ей дорог!

По щекам Пони заструились слезы.

Но она упрямо скакала вперед, полная решимости добраться сначала до Кертинеллы, а потом до Дундалиса и оказаться в любящих объятиях Элбрайна. Вместе им не страшен никакой Маркворт.

Вместе.

Внезапно Грейстоун вздрогнул, дико заржал и встал на дыбы, сбросив Пони на раскисшее от грязи поле.

Она покатила по земле и застонала, инстинктивно прикрывая руками живот. В плече возникла стреляющая боль, а потом на Пони накатила волна такого страха, какого ей не приходилось испытывать никогда прежде. Перевернувшись на спину и постанывая от жгучей боли, она посмотрела на коня. Грейстоун стоял спокойно, свесив голову.

С трудом встав на ноги, Пони протянула здоровую руку к сумке с камнями.

И в тот же миг увидела его, опять в призрачном облике, но с такой ясностью, что можно было различить малейшие детали.

— Убегаешь? — спросил Маркворт. — Какая трусость! Из того, что мне довелось слышать об отважной Джилсепони, можно было сделать вывод, что ты с радостью воспользуешься возможностью сразиться со мной один на один.

— Это не трусость, убийца, — ответила Пони, собрав все свое мужество.

Да, в другое время и в другом месте она действительно с радостью воспользовалась бы возможностью сразиться с ним. Но она дала обещание Джуравиллю или, точнее говоря, своему будущему ребенку!

— Ох, она еще и ругается! — с издевкой сказал Маркворт.

К изумлению Пони, призрак начал наливаясь силой, все больше напоминая физическое тело, как будто Маркворт, используя этот необычный способ связи, и впрямь оказался тут во плоти!

— Если ты сдашься мне без боя, обещаю тебе быструю смерть, — заявил отец-настоятель. — И милосердную. Но при условии, что ты публично отречешься от еретика

Десбриса. — Пони рассмеялась. — В противном случае я добьюсь того же самого, но с помощью пыток, а потом буду убивать тебя медленно и долго, смакуя каждый момент. Но ты будешь рада и такой смерти, потому что к этому времени она станет казаться тебе райской мечтой по сравнению с той жизнью, на которую я тебя обреку.

— С той жизнью, на которую ты обрекаешь всех своих подданных. Как далеко ушел ты от Бога! — воскликнула Пони. — Где тебе понять, кем на самом деле был Эвелин! Ты даже не способен различить исходящий от него свет. Ты не можешь...

Слова застряли у нее в горле — Маркворт схватил ее, не в физическом, а в духовном смысле, но ощущение было не менее сильное, чем если бы он вцепился в нее руками. Стискивая в руке гематит, но не покидая тело, Пони сосредоточилась на духовной реальности. Ее взору открылось удивительное зрелище. Она увидела тень призрака Маркворта, вполне материальную, стоящую прямо перед ней и руками стискивающую ей горло. Ее собственный теневой образ также вскинул черные руки и вцепился в тень Маркворта, отталкивая его с такой силой, что очень скоро обе черные тени сдвинулись на заметное расстояние от тел.

— А ты сильна! — воскликнул Маркворт, и, к удивлению Пони, в его голосе ей послышались довольные нотки. — Жаль, что я не встретился с тобой раньше!

Пони продолжала давить, еще немного оттолкнула его тень и потом поднялась над ней, отжимая вниз. Теперь ее тень, казалось, уплотнилась, стала сильнее и чернее, а тень Маркворта съежилась, потеряла густоту и как будто выпцвела, став темно-серой.

Но тут у Маркворта неизвестно откуда взялись новые силы. Он ринулся на Пони, отталкивая ее тень в сторону тела. Она поняла, что, если ему удастся добиться своего, ей конец.

Она сражалась изо всех сил, не позволяя Маркворту сдвинуть себя с места, но оттолкнуть его снова у нее никак не получалось.

И тут отец-настоятель засмеялся, глядя ей в лицо.

Когда эльфы добрались до городской стены в том месте, где ее пересекла Пони, там суматошно бегали стражники, обыскивая все вокруг.

Это, однако, не остановило госпожу Дасслеронд. Она сделала знак эльфам, их крылья заработали. Солдаты закричали и бросились в сторону маленьких быстрых созданий. Однако не успели они приблизиться, как эльфы один за другим перепорхнули через стену и растворились в ночи. Солдаты растерянно топтались на месте, боязливо перешептываясь.

Собравшись по ту сторону стены, эльфы во главе со своей госпожой устремились на север.

Внезапно королева эльфов остановилась, непонимающе оглядываясь по сторонам.

— Что случилось? — спросил Белли'мар Джуравиль.

Госпожа затруднялась ответить на этот вопрос. Просто в пространстве возникло некоторое возмущение, как будто что-то магическое только что промчалось мимо них.

Эльфы владеют тремя собственными формами магии. К первой относятся их песни, с помощью которых они могли погрузить человека в сон и на закате частично разогнать туман, затягивающий Эндур'Блоу Иннинес, а с рассветом вернуть его обратно.

Второй вид магии — и самый важный для тол'алфар — связан с растениями. Эльфы прекрасно изучили диетологические, медицинские и другие свойства каждого из них. Они умеют изготавливать целебные мази и даже особый отвар, позволяющий выжить, надолго оставшись без доступа воздуха. Они могут разговаривать с растениями и от них узнавать, что произошло неподалеку от того места, где те росли, и кто тут прошел недавно, друг или враг.

А вот третий вид магии эльфам подарил человек, выдающийся герой, в чьих жилах текла и эльфийская, и человеческая кровь — очень редкое сочетание! Звали его Терранен Диноньел, и после первой великой битвы с Бестесбулзибаром, в которой эльфы сражались бок о бок с людьми, Терранен подарил тол'алфар изумруд, один из самых могущественных магических камней. Этот камень помогал госпоже Дасслеронд лучше чувствовать мир

вокруг и все живое в нем, поддерживать феерическую красоту Эндур'Блоу Иннинес и его безопасность. Благодаря ему Дасслеронд могла следить за тем, что происходит на тропах вокруг эльфийской долины, и запутывать их таким образом, что те, кто пытался проникнуть туда, начинали ходить по кругу.

И теперь этот камень сообщил ей, что какое-то создание магическим образом только что пролетело мимо.

Осознав это, она заторопила товарищей: быстрее, быстрее на север!

В их схватке сохранялось равновесие. Пони попыталась разжечь гнев, призывая на помощь воспоминания о разрушенном Дундалисе, о своих убитых родителях, об их захваченных дьявольскими силами телах, которые набросились на нее. На какое-то время это сработало, и ее тень стала сильнее, насыщеннее, заставив Маркворта отступить на шаг.

Но потом волной накрыло отчаяние, страх за еще не родившегося ребенка; пришла ужасная мысль о том, что она лишила Элбрайна самого драгоценного на свете — его сына.

Пони попыталась сосредоточиться на страшных воспоминаниях снова, призвать на помощь утихшую было ярость, но было уже слишком поздно. Призрак Маркворта пошел в наступление; у Пони возникло впечатление, будто его тень обрела огромные крылья, похожие на крылья летучей мыши.

И вот она уже снова в своем теле, а вокруг горла все плотнее сжимаются призрачные руки, по которым струится ледяной холод, высасывающий из нее жизнь.

В глазах у Пони потемнело.

Маркворт решил, что одолел ее! Нет, сейчас он не будет ее убивать — потом, потом, и какое это будет наслаждение! — просто лишит возможности сопротивляться.

Он заставил Пони опуститься на колени. Она потянулась к своей шее руками, физическими, раздирая и царапая ее. Духовные безжизненно повисли по сторонам тени. Нет, ему не удержаться, понял отец-настоятель! Он уничтожит своего самого могущественного врага прямо сейчас, и это будет потрясающе.

Кровь заструилась по шее Пони, теперь она дышала тяжело, с хрипом.

Ах, это изумительно! Наивысший экстаз!

Внезапно Маркворт почувствовал чье-то чужое присутствие. Оглянулся по сторонам... Но нет, никого. И потом его охватила бешеная радость. Разглядев наконец заметно выступающий живот Пони, Маркворт понял, чье присутствие он ощущал. Вот где затаился этот маленький дух, этот дух-ребенок...

Тьма клубилась вокруг; казалось, Пони видит мир сквозь длинный, темный туннель. Она не могла дышать и даже не чувствовала собственных пальцев, царапающих шею, хотя умом отдавала себе отчет в том, что делает это. Но даже понимая, что физическому телу не под силу одолеть теневое воздействие, она не хотела сдаваться, не могла не уступить мощному инстинкту выживания, подталкивавшему ее продолжать борьбу.

Внезапно хватка призрака ослабела, и Пони ощутила толчок в животе.

Ребенку угрожает опасность, поняла она! Это заставило ее собрать все остатки своей магической энергии в едином мощном броске. Отец-настоятель отлетел прочь.

Земля как будто бросилась ей навстречу, и вот уже Пони лежит на спине, полностью вымотанная, измученная, умирающая. А он снова стоит над ней, глядя сверху вниз.

Победитель.

Он потянулся вниз, как будто собираясь взять ее на руки.

Она не сопротивлялась.

Но потом земля угрожающе задрожала, и призрак Маркворта удивленно оглянулся.

— Проклятые эльфы! — донесся до Пони его крик, и тут же призрачная фигура начала таять.

И потом ее сознание окончательно заволочла тьма.

У госпожи Дасслеронд почти не осталось энергии, чтобы помочь смертельно раненной женщине; все силы королевы эльфов ушли на то, чтобы отшвырнуть дух Маркворта обратно в его физическое тело. Призвав на помощь магию изумруда, ей удалось заставить его врасплох. Но до чего же он оказался силен!

Сейчас эльфы во главе с Белли'маром Джуравилем столпились вокруг Пони, пытаясь оказать ей помощь с использованием второго вида эльфийской магии — изготовленных из растений целебных мазей. Некоторые раны, вроде царапин на шее, легко поддавались лечению, но другие — раны души — были слишком глубоки. Когда госпожа Дасслеронд окликнула Джуравиля, чтобы узнать, как идут дела, он, несмотря на все усилия эльфов, вынужден был лишь покачать головой.

— Что с ребенком? — спросила его Дасслеронд.

Джуравиль пожал плечами; он и в самом деле не знал.

— Может, именно ребенок и убивает ее, — заметил он. — Может, у Джилсепони не хватает сил на двоих.

К ним подбежал один из эльфов и сообщил, что северные ворота Палмариса распахнуты настежь и оттуда выходит целая армия монахов и солдат.

Вот тогда-то госпожа Дасслеронд и поняла, что нужно делать.

ГЛАВА 31 СВЯЩЕННОЕ МЕСТО

— Ты сделаешь глупость, если вернешься обратно, — сказал кентавр Шамусу несколько часов спустя.

Все вместе они только что прискакали в лагерь, где мирно отдыхала Тиел'марави. Капитан упрямо твердил, что должен со своими людьми вернуться в Палмарис и открыто выступить против епископа Де'Унnero в королевском суде.

— Не церковь правит в Хонсе-Бире, — повторял он, но...

В его голосе не чувствовалось былой уверенности. Этот человек и сам понимал, что его битва проиграна. Более того — все, на чем покоился его мир, зашаталось и готово было вот-вот рухнуть.

— Смотритель прав, — вмешался в разговор Элбрайн. — Нам не догнать Де'Унnero до того, как он вернется в Палмарис, а оказавшись в городе, он сможет собрать вокруг себя слишком большие силы. Нам не одолеть его, по крайней мере там.

— Что же делать? — спросил Шамус. — Король должен узнать о том, что произошло.

— Разве не сам король назначил его епископом? — с кривой улыбкой сказал Смотритель.

— Он не знал... — начал было Шамус, но замолчал, огорченно покачивая головой.

С фактами не поспоришь.

— Возможно, король и в самом деле не знает всей правды об этом человеке, — заметил Элбрайн, стараясь успокоить друга. — И когда он ее узнает, не исключено, что мы сможем вернуться в Палмарис и отдать себя на милость открытого судебного разбирательства. Но до этого еще очень далеко!

— Значит, необходимо рассказать королю всю правду, — сказал Шамус.

— Для этого нужно сначала одолеть Де'Унnero, — напомнил ему кентавр.

— Вовсе не обязательно, — покачал головой Элбрайн. — У нас есть человек, который именно это и собирается сделать. Хотя я не уверен, что король Дануб прислушается к ее словам. Для него гораздо комфортнее и проще действовать заодно с отцом-настоятелем.

— И?

— И значит, мы как были, так и останемся преступниками, — ответил Элбрайн. — Всю жизнь нам придется провести на севере, глубоко в лесах Тимберленда, сражаясь со всеми, кто придет по наши души от имени церкви или государства.

— Не слишком-то радужная перспектива, — вставил брат Брамин.

Однако огорченным он не выглядел; дело в том, что он и остальные монахи уже давно сделали те же самые выводы, что и Полуночник.

— А о каком человеке ты говорил? — спросил Шамус.

— О Пони, — ответил Элбрайн. — Она в Палмарисе, проводит тайную работу с теми, кого не устраивает деятельность Де'Унnero. Не стоит недооценивать ее!

— Что же нам теперь делать? Прятаться и ждать? — спросил один из солдат.

— Что касается нас, мы идем на север, в Барбакан.

Это заявление Элбрайна чрезвычайно удивило военных.

— Это я попросил отвести нас туда, — объяснил брат Брамин. — Там, на могиле брата Эвелина, мы рассчитываем обрести умиротворение и цель жизни. Мне было видение, капитан Килрони! Наше место там.

Остальные монахи расплылись в широких улыбках. Элбрайн, Роджер и Смотритель вполне разделяли их радость, но у солдат такая перспектива явно энтузиазма не вызвала.

Шамус сделал своим людям знак сесть на коней.

— Мы должны обсудить все с глазу на глаз, — заявил он. — Это слишком важное решение, чтобы принимать его сгоряча.

И он поскакал прочь во главе отряда. Вскоре они остановились — на виду, но так, что оставшимся не было слышно ни слова.

— Кое-кто из солдат наверняка уговаривает твоего друга-капитана попытаться захватить нас, — заявил кентавр после нескольких минут жарких дебатов среди военных. — Теперь, когда они поняли, что их ждет, предложение Де'Унnero может показаться им вполне сносным.

— Я доверяю Шамусу, — ответил Полуночник. — Кто-то из них, может, и решит покинуть отряд, но капитан не пойдет против нас и не позволит другим сделать это.

— А я доверяю себе, — сказал кентавр. — Чтобы ты знал, друг мой: если твой капитан пойдет против нас, я прикончу его еще до того, как он успеет выкрикнуть свои команды.

Смотритель натянул тетиву огромного лука, и Полуночник ничуть не сомневался, что одного-единственного выстрела окажется вполне достаточно.

Однако до этого дело не дошло. Вскоре Шамус прискакал обратно и спешил.

— Должен признаться, не все хотят принимать участие в походе, — сказал он, — но что еще им остается? Так что мы идем с вами.

Элбрайн кивнул с мрачным видом, понимая, что смелое решение капитана в какой-то степени осложнило им путь.

— Думаю, утром Тиел'марави уже будет в состоянии отправиться в дорогу. Мы должны все время быть настороже. Кто знает? Может, Де'Унnero решит вернуться и нанести нам новый удар.

Остаток дня и ночь прошли спокойно. На следующий день Тиел'марави стало заметно лучше; решили, что она сможет принять участие в походе, если двигаться не слишком быстро.

Так и сделали, от всей души надеясь, что погода не подведет.

— Ты не можешь не знать о нас, — произнес спокойный мелодичный голос, и в поле зрения возникла невысокая стройная фигурка.

Король Дануб удивленно открыл рот, стиснул в руке подсвечник — никакого другого оружия под рукой не оказалось — и сделал шаг назад.

— Ты благородного происхождения, — продолжала госпожа Дасслеронд. — Таким были твой отец, и отец твоего отца, и все прочие предки. Еще в детстве тебе должны были рассказывать о тол'алфар, если только твои родные не выжили из ума.

— Сказки о фейри, — еле слышно пробормотал Дануб.

— И ты знаешь, откуда берется квестел ни'тол, вино, которое вы называете «болотным», — продолжала Дасслеронд. — Возьми себя в руки, король Дануб. Я не могу

долго здесь оставаться, а мне нужно многое сказать тебе.

Он был королем Хонсе-Бира, величайшего королевства в мире, и за спиной у него действительно тянулась длинная вереница благородных предков. И все же теперь его буквально трясло при виде крошечного крылатого создания — ожившей сказки, которую он не раз слышал в детстве. Как ни странно, в конце концов именно это обстоятельство помогло ему справиться с собой.

Вскоре госпожа Дасслеронд покинула короля через давно заброшенный дымоход, очищенный ее разведчиками.

Теперь король знал, что эльфы думают о событиях в Палмарисе; ему также стало известно, что их мнение складывается не в пользу отца-настоятеля и церкви Абеля. Однако перед глазами Дануба все время маячил призрак Маркворта, явившийся ему в ночи, — зрелище, которое сводило на нет немалый опыт, полученный королем за долгие годы обучения и правления.

По знаку госпожи Дасслеронд Белли'мар Джуравиль вручил сумку с камнями Пони Белстеру О'Комели.

— А если она так и не придет в себя? — дрожащими руками взяв сумку, спросил Белстер, с ужасом глядя на Пони.

Та, такая хрупкая с виду, лежала на постели у стены подвала.

— Решай сам, что делать в этом случае, — ответила госпожа Дасслеронд. — Мы вверяем Джилсепони твоей заботе и передаем тебе ее камни. Дальнейшая судьба и того и другого — не проблема тол'алфар.

Джуравиль вздрогнул, услышав эти слова. Решение Дасслеронд, принятое еще там, в полях, где они нашли Пони почти при смерти, казалось ему жестоким. Но что делать? Он вынужден был смириться с этим решением.

— У н-н-нас есть д-д-друзья, — запинаясь сказал Белстер. — Бехренский моряк...

— Меня это не интересует, — холодно оборвала его госпожа Дасслеронд. — Вы, люди, сражаетесь между собой. Ну что же, это ваш выбор. Полагаю, я сделала для этой женщины больше, чем любой из вас заслуживает. Решай сам, что тебе делать с ней. Она ввязалась в схватку с отцом-настоятелем и, по моему мнению, поступила неправильно, хотя я не желаю ей зла.

Не успел Белстер сказать ни слова, как Дасслеронд в сопровождении остальных эльфов покинула подвал трактира. Белстер вслед за ними поднялся по лестнице и, оказавшись наверху, вручил камни испуганной Дейнси. Нервно проводив взглядом удивительных гостей, Дейнси бросилась в подвал, к Пони.

— Я никак не могу повлиять на ваше решение? — сделал последнюю попытку Белстер, обращаясь к госпоже Дасслеронд.

Вереница эльфов остановилась, давая возможность одному из них подойти к открытому окну и переглянуться с разведчиком в проулке. Тот подал знак, что все спокойно.

— Нужно как можно скорее забрать ее отсюда, — ответила Дасслеронд. — Здесь отец-настоятель будет искать ее, и здесь он ее найдет. Спрячьте ее куда-нибудь и уходите сами, вот вам мой совет.

И с этими словами эльфы ушли, оставив Белстера около открытого окна, испуганного и растерянного. Он уже выслал Мэллори и Прима О'Брайена разведать, каким путем можно будет скрыться. Оставалось лишь надеяться, что капитан Альюмет и другие бехренцы примут Пони и всех остальных.

Так Белстер стоял довольно долго, глядя перед собой невидящим взглядом и обдумывая ситуацию.

— Она очнулась, — послышался позади него голос Дейнси. Белстер тут же кинулся к лестнице, но Дейнси остановила его, схватив за руку. — Совсем ненадолго. Но этого ей хватило, чтобы понять: ребенка в животе у нее нет.

Белстер вздрогнул от сочувствия к Пони, совсем юной женщине, успевшей за свою

короткую жизнь пережить так много трагедий.

— Она сказала, что Маркворт убил его, — продолжала Дейнси. — Сказала, что там, на поле, ее будто ужалило что-то. Она поняла, что этот подлец нанес ей удар. И поклялась, что прикончит его.

Белстер покачал головой, вздохнул и вытер слезы. Бедная Пони, с душой, разодранной на части, во власти гнева и ненависти.

— А потом она заплакала и снова потеряла сознание. Наверное, просто была не в силах выносить такую боль, — сказала Дейнси.

— Это хорошо, что она очнулась, — сказал Белстер. Дейнси положила руки ему на плечи, пытаясь успокоить.

— Она могла вообще не выжить. Ей плохо, Белстер, очень плохо. Пожалуйста, не забывай об этом.

Белстер испустил еще один долгий вздох.

В трактир вошел явно очень расстроенный Хизкомб Мэллори.

— Их слишком много, — сказал Смотритель, и это был едва ли не первый случай, когда Элбрайн уловил в его голосе нотки тревоги. — Я-то думал, что проклятые твари постараются убежать подальше отсюда, где столько их погибло во время взрыва.

— Они и убежали, а потом вернулись в отчаянной надежде, что их предводитель жив, — ответил Полуночник.

— И, похоже, никуда больше не собираются уходить, — сказал кентавр.

Элбрайн непроизвольно перевел взгляд на юг.

— Мы зашли слишком далеко, чтобы сейчас отступить, — решительно заявил брат Браумин и посмотрел на гребень горы, возвышающийся над чашей Барбакана. — Даже епископ Де'Унnero не смог остановить нас; мало того, его солдаты отправились с нами!

Это правда, подумал Полуночник. Последние несколько дней дались им очень нелегко. Пробираясь по горам, они боролись с холодными ветрами, утопали в глубоком снегу и вот теперь остановились у перевала, того самого, который Элбрайн и остальные уже преодолевали, когда в прошлый раз шли к горе Аида. С того места, где они сейчас стояли, открывался вид на развороченную, имеющую форму чаши долину, где когда-то раскинула лагерь гигантская армия демона дактиля. Местность производила удручающее впечатление; казалось, погибло все живое. Даже снежный покров не скрадывал картину серой пустоты и всепоглощающего разрушения, которому подверглась гора Аида. Впрочем, Браумина это зрелище скорее радовало; он полагал, что монстры побоятся приближаться сюда. А иначе как бы исполнилась его мечта — превращение могилы Эвелина в святилище, новый символ нового ордена?

Однако в первую же ночь, проведенную на гребне горы, они заметили далекие огни. Смотритель тут же отправился на разведку и принес удручающее известие.

Элбрайн перевел взгляд на кентавра, ожидая, что тот поможет ему принять решение. Душа Полуночника по-прежнему рвалась на юг, в Палмарис. Де'Унnero уже, наверное, вернулся в город; а что, если ему станет известно, что и Пони там?

Пони и их еще не родившийся ребенок.

И все же Элбрайн пришел сюда, в далекий Барбакан. Его подгоняло отчаянное стремление монахов и совет Оракула. С тех пор как он в первый раз увидел в зеркале воздетую к небу руку Эвелина, этот образ повторялся при каждом свидании с дядей Мазером. Что пытается втолковать ему Оракул? Элбрайну страстно хотелось наконец получить ответ на этот вопрос.

— Можно добраться до места без боя, — предложил кентавр. — На этой стороне горы не так уж много гоблинов.

— А что, тут только гоблины? — спросил Полуночник.

— Я видел лишь этих мерзких тварей, — ответил Смотритель. — Прячутся в пещерах и щелях вдоль северного и западного отрогов Барбакана.

Элбрайн obeжал взглядом раскинувшуюся внизу панораму. Даже отсюда, с такого расстояния, место, где находилась могила Эвелина, притягивало взор. Элбрайн, конечно, не мог разглядеть детали, но удивительный образ и без того ярко запечатлелся в его сознании.

— Еще я видел следы великанов, — продолжал кентавр, — но, похоже, их совсем немного. И никаких признаков проклятых поври.

— Это хорошо, — кивнул Полуночник.

Как и все, кому приходилось иметь дело с коварными и удивительно выносливыми карликами, он не имел ни малейшего желания снова встречаться с ними.

— Получается, что мы сможем добраться туда, — с просветлевшим лицом сказал брат Браумин.

— Но что мы будем делать, когда окажемся на месте? — спросил Полуночник. — Чтобы провести хотя бы одну ночь на развороченной вершине Аиды, нужно развести костер. Огонь тут же заметят наши «соседи», как бы мы ни укрывали его.

— Там есть пещеры, — ответил Браумин, не желая сдаваться, когда до желанной цели уже было рукой подать.

— Спасибо, что напомнил об этом, — с кривой улыбкой заметил кентавр.

— И все же... — гнул свое Браумин.

— Если там есть пещеры, то в них наверняка прячутся гоблины или кое-кто похуже, — прервал его Элбрайн.

Брат Браумин испустил тяжкий вздох и отвернулся.

— Мы зашли слишком далеко, чтобы возвращаться, — вмешался в разговор брат Кастинагис.

— Я пойду на гору Аида, чтобы взглянуть на могилу брата Эвелина, даже если мне придется добираться туда в одиночку, — сказал обычно застенчивый брат Муллахи. — Я готов отдать жизнь, чтобы только увидеть это священное место.

Это решительное заявление, заставшее всех врасплох, прозвучало музыкой для ушей остальных монахов, за исключением, может быть, брата Виссенти. Бедняга так нервничал с момента возвращения кентавра, что весь дрожал.

— И мы тоже пойдем, — вмешался в разговор Шамус Килрони. — По крайней мере некоторые из нас. А остальные останутся здесь сторожить коней.

Элбрайн посмотрел на кентавра, рассчитывая услышать его веское слово, но тот лишь пожал плечами. Судя по всему, его устраивало любое решение.

— Если Смотритель говорит, что можно добраться до места без боя, мне кажется, мы должны рискнуть, — сказал наконец Полуночник. — Мы и впрямь проделали слишком долгий путь. Я тоже, как и брат Муллахи, хочу посетить могилу моего дорогого друга.

В этот момент на тропе показался Роджер.

— Вниз по склону нет ни одного гоблина, — сообщил он. — Путь в долину открыт.

Они тут же тронулись в путь — кентавр и Элбрайн, Роджер и монахи, Шамус Килрони и дюжина солдат. Тиел'марави все еще была слишком слаба, и ее поручили заботам оставшихся солдат. На их попечение оставили также Дара и других коней.

Спускаться вниз было легко, ветер уже сдул снег с тропинок, только кое-где лежал лед. К полудню они были в долине и двинулись вдоль того же самого черного отрога, что и во время первого похода к логову демона. Сейчас здесь было гораздо теплее. Скорее всего, из-за остаточного жара медленно охлаждающегося камня, хотя со времени взрыва прошло уже много месяцев. Хотя, может быть, с беспокойством подумал Элбрайн, внутри горы все еще клокочет расплавленная лава.

— Раскинем лагерь на южном склоне, — решил он. — Здесь много пещер, в которых можно укрыться и от ветра, и от глаз гоблинов.

Вскоре они нашли подходящее место, разожгли костер и мирно проспали рядом с ним всю ночь. Проснулись рано, с волнением предвкушая то, что принесет им новый день, и вскоре отправились в путь вдоль обрушенного, изломанного склона горы. Однако очень скоро надежды сменились страхом. Из пещеры чуть пониже по склону внезапно хлынули

гоблины — целая орда! — тыча в их сторону пальцами и завывая. За считанные секунды у подножия горы собралось множество этих уродливых тварей, отрезая путешественникам путь к бегству.

— Их слишком много, чтобы ввязываться в бой, — сказал Полуночник Шамусу, который тут же начал расставлять людей на оборонительные позиции. — Идите дальше, мы с кентавром задержим их.

— Ну, спасибо, что ты и про меня не забыл, — проворчал Смотритель, когда Шамус и остальные скрылись из виду и толпа гоблинов начала приближаться к нему и Элбрайну.

— Должен же я на ком-то скакать, если придется прорываться, — весело ответил Элбрайн.

Они знали, чем рискуют, отправляясь сюда; и теперь, похоже, время расплаты пришло. Однако с того самого дня, как Элбрайн покинул Эндур'Блоу Иннинес, он все время жил рискуя. Такова судьба рейнджера, и он принял ее как единственно для себя возможную. Было больно, конечно, думать о том, что он никогда не увидит Пони и их малыша, но он гнал от себя эти мысли. Он был воином телом и душой. Элбрайн — нет, Полуночник! — решил, что он устроит гоблинам такую бойню, которую они не скоро забудут!

Ближайшие твари находились уже примерно в пятидесяти ярдах. Элбрайн вскинул Крыло Сокола и пригвоздил одного из гоблинов к склону горы. Это слегка замедлило их приближение. Все — и гоблины, и сам Элбрайн, и кентавр — понимали, что на этот раз людям не победить, несмотря на все их мужество.

Теперь стрелы сыпались одна за другой; и множество гоблинов погибло. Но несметное количество продолжало наступать. Вскоре Элбрайн и кентавр вынуждены были занять позицию на узком участке тропы, чтобы к ним нельзя было подобраться сзади, и сменили луки на меч и дубину.

У их ног вырастали огромные груды гоблинов.

Мелькнула даже мысль, что, может быть, им удастся спастись, если они сумеют убить столько гоблинов, что остальные испугаются и уйдут. Но потом прямо рядом с Элбрайном и кентавром сверху рухнул огромный кусок скалы, едва не снеся Полуночнику голову.

Кто-то из гоблинов нашел в склоне горы туннель и пробрался наверх. Стало окончательно ясно, что все кончено.

— Беги! — закричал кентавр и ринулся в самую гущу нападающих.

Полуночник повернулся и бросился вверх по тропе, перепрыгивая через камни и вскрикивая, когда их острые края царапали ноги, но не забывая держать наготове лук. Там и тут со скал спрыгивали гоблины и падали, сраженные стрелами. Один монстр плюхнулся с выступа на то место, где они совсем недавно стояли с кентавром, однако сам выступ при этом обломился и полетел вниз, в долину.

Завернув за поворот, Полуночник столкнулся с горсткой поджидающих его гоблинов.

Браумин Херд первым увидел место упокоения Эвелина Десбриса. И хотя он знал, что монстры совсем близко и что, очень может быть, ему не пережить этот день, при виде воздетой к небу руки его охватил священный трепет.

Все девятнадцать человек молча столпились вокруг мумифицированной руки. Даже Роджер и солдаты не жалели, что оказались здесь. Пока все складывалось не так уж плохо, но снизу доносились звуки сражения, и все понимали, что скоро, очень скоро монстры могут добраться и до них.

Внезапная атака Смотрителя принесла, конечно, кое-какие плоды — двое гоблинов рухнули замертво, множество их получили раны и бросились наутек, — но в целом ничего не изменила. Гоблины быстро сориентировались и снова начали окружать его со всех сторон.

В отчаянии он прыгал и лягался, нанося удары копытами. Однако и гоблины сражались как бешеные. Один из них нанес ему удар мечом по задней ноге, оставив на ней глубокий кровоточащий порез. Тем не менее кентавр попытался вырваться из кольца, бросился бежать

— и получил удар копьём сначала по крупу, а потом в спину. Хуже того, сброшенный сверху камень сильно оцарапал ему голову и плечо. Ничего не видя залитым кровью глазом, он скакал, слыша позади истошные вопли гоблинов. Какая ирония, думал он, умереть в этих истерзанных взрывом горах, которые однажды уже едва не стали его могилой.

Гоблины были уверены, что застали Полуночника врасплох. Двое, стоящие ближе остальных, бросились на него с дикими, кровожадными воплями.

Однако не так-то просто застать врасплох рейнджера. Одним движением руки он снял тетиву с лука, превратив его тем самым в посох, и начал отбиваться острым кончиком.

Гоблины наступали, один справа, другой слева. Оба думали — это казалось очевидным, — что он попытается отбросить одного из них к обрыву. Рассуждая таким образом, они сделали все, чтобы этого не случилось. Полуночник между тем, размахивая посохом справа налево и обратно с такой скоростью, что не уследит глаз, с силой ударил одного из гоблинов в бок. Монстр с визгом прыгнул на него, но могучий Полуночник оторвал его от себя и швырнул во второго гоблина. Тот перекувырнулся и полетел с обрыва.

Круто развернувшись, Полуночник посохом нанес уцелевшему гоблину сокрушительный удар, отбросив его на землю. И прошел мимо, остановившись лишь на мгновение, чтобы сменить лук на меч и ногой столкнуть гоблина с обрыва.

Четыре оставшихся гоблина с тупым упрямством бросились на него; один из них далеко опережал своих товарищей.

Серебристой молнией сверкнул меч; теперь гоблинов осталось трое.

Их оружие составляли дубинка, меч и копьё. Призвав на помощь искусство би'нелле дасада, Полуночник увернулся от удара копьё и поднырнул под меч, однако смачного удара дубинкой ему избежать не удалось.

Снова сверкнул меч, гoblin с копьём дико завопил и рухнул на землю. Владелец меча бросился на Полуночника и тоже получил удар, разрубивший его от плеча вниз.

Полуночник резко отпрыгнул вправо и толкнул гоблина с дубинкой плечом в грудь. Тот отлетел, закачался на краю обрыва, но отчаянным усилием сумел удержать равновесие. Подняв голову, он увидел стоящего над ним Полуночника. Гоблин яростно замахал дубинкой, надеясь таким образом защититься от смертоносного меча. Полуночник, однако, не стал пускать в ход оружие, просто сильным ударом кулака скинул гоблина в пропасть.

— Славно потрудились, — раздался голос кентавра, как раз в этот момент вынырнувшего из-за поворота.

Промелькнувшая на лице Полуночника улыбка погасла при виде многочисленных ран Смотрителя и завывания мчащейся вслед за ним орды гоблинов.

Кентавр и человек бросились бежать. Им оставалось одолеть всего один крутой, почти отвесный склон футов десять в высоту, но, не имея возможности разбежаться, кентавр понял, что ему не справиться.

— Я останусь тут, — заявил он, но Полуночник и слышать об этом не хотел.

— Ухватись руками за выступ и подтягивайся наверх, — сказал он, — а я буду толкать тебя сзади.

Сильно сомневаясь, что из этого выйдет что-нибудь путное, Смотритель тем не менее послушался. Встал на дыбы, руками вцепился в край выступа и почувствовал, что Полуночник с рычанием ухватил его сзади.

И вдруг вся эта тысяча фунтов оказалась в воздухе и начала подниматься все выше, выше... И все же недостаточно высоко, чтобы у кентавра хватило сил втянуть себя наверх.

Но тут к нему склонились Роджер и Шамус Килрони, ухватили за руки, потянули на себя. К ним тут же присоединились остальные, и все вместе они сумели перетащить огромное лошадиное тело на плато, в центре которого покоилось тело Эвелина.

Полуночник вскарабкался следом, первым делом нашел взглядом место упокоения Эвелина, и на душе у него легчало.

Потом на краю выступа показались руки гоблинов, и сражение возобновилось с новой

силой. Монстров убивали, сбрасывали со скалы, но все новые и новые карабкались на плато, постепенно оттесняя людей от обрыва. Один солдат с криком боли рухнул на землю с копьем в животе, вскоре упал и брат Делман, получивший мощный удар по голове.

Волоча за собой раненых, люди медленно, но верно отступали и в конце концов сгрудились вокруг торчащей из земли руки Эвелина Десбриса.

Сражение застопорилось; гоблины, которых становилось все больше — сто, потом двести, — начали скапливаться по краю каменной чаши.

Госпожа Дасслеронд и остальные эльфы покинули Палмарис задолго до полуночи и устремились на север, в Кертинеллу, рассчитывая узнать там новости о Полуночнике, прежде чем вернуться к себе домой.

Дасслеронд считала, что они выполнили свою задачу в войне людей. Она собиралась еще раз поговорить с Полуночником, сообщить ему о случившемся с Джилсепони и отругать за то, что он научил свою возлюбленную би'нелле дасада. Королева эльфов не собиралась сдерживать возмущение. Женщина, способная действовать так опрометчиво, не заслуживает дара, который сделал ей Полуночник. Он просчитался.

Подавленный Белли'мар Джуравиль тащился в хвосте эльфийского отряда, часто оглядываясь на Палмарис.

— Прощайте, друзья мои, — говорил он, роняя слова в порывы вечернего ветра. — Полуночник, ты мне как брат, и я не вправе судить тебя. А Джилсепони мне как сестра. Я могу лишь молиться, чтобы наши пути пересеклись снова, чтобы пришло время, когда в наших сердцах воцарится веселье и мы будем не раз встречаться для дружеской беседы среди холмов, подальше от глупой, бессмысленной политической борьбы, которой так увлекаются люди.

Как Джуравилью хотелось, чтобы эти времена и в самом деле наступили! Слезы катились из его золотистых глаз, и это был первый случай в жизни эльфа, когда он плакал из-за человека. В особенности сердце его разрывалось, когда он думал о бедняжке Пони, о том, что, снова пробудившись к жизни, она обнаружит еще одну потерю.

Ему оставалось лишь надеяться, что когда-нибудь — конечно, очень нескоро! — он снова увидится со своими друзьями. Но их враг был так силен! Рано или поздно Полуночник и Пони встретятся с ним лицом к лицу, и Джуравиль вовсе не был уверен, что они победят. В особенности теперь, когда госпожа Дасслеронд приняла решение полностью устранить вмешательство в дела людей.

Он долго плелся позади своих товарищей, то и дело бросая несчастные взгляды в сторону Палмариса, где теперь Пони угрожает величайшая опасность. Да и Полуночник тоже, наверное, вскоре там объявится. Что их ожидает?

Далеко впереди госпожа Дасслеронд запела тиесттиел, звездную песнь эльфов — едва ли не самое большое из всех доступных тол'алфар удовольствий.

Остальные эльфы вторили ей, но только не Белли'мар Джуравиль. Ему не пелось, так тяжело было на сердце.

— Может, это совсем неплохое место, чтобы встретить смерть, — мрачно заметил Полуночник.

— Только пусть это произойдет не сейчас, — ответил Смотритель.

Брат Виссенти заплакал; Роджер попытался успокоить его, но плечи молодого монаха по-прежнему сотрясались от рыданий.

— Мы — наследники Эвелина Десбриса, — нараспев, как во время богослужений, начал брат Браумин. — Пусть нам суждено погибнуть, но будущее все равно за нами. Мы первые, но не последние. Найдутся и другие, чьи сердца приведут их сюда. Следуя за своей путеводной звездой, мы нашли путь к Богу и потому будем благословенны даже в смерти.

Он низко склонился над умирающим солдатом, чтобы тот тоже мог слышать молитву и упокоился с миром. И раненый перестал вздрагивать и жалобно стонать, и Виссенти

перестал плакать — все вслушивались в слова молитвы, которые нараспев произносил брат Браумин Херд.

Спустя несколько минут его прервал Шамус Килрони.

— Они приближаются, — сказал он.

— Будем молиться! — воскликнул брат Браумин.

— Будем сражаться, — с мрачным видом поправил его Полуночник. Однако, бросив взгляд на коленопреклоненных монахов, добавил с улыбкой: — Сражаться и молиться.

И так они молились нараспев, а гоблины, сотни гоблинов, медленно сужали круг. Но потом речитатив смолк; все до одного внезапно услышали жужжащий, странно гулкий звук.

— Она выбрала самое подходящее время, чтобы взорваться снова, — пробормотал кентавр, глядя на гору у себя под ногами.

Внезапно гоблины бросились в атаку, и люди забыли обо всем остальном.

Но тут во все стороны от руки Эвелина начала распространяться мощная пульсация, сопровождающаяся громким стонущим звуком, и все — люди, кентавр и гоблины — испуганно замерли. Вскоре быстро расширяющееся кольцо пурпурной энергии вышло за пределы маленькой группы, сгрудившейся в центре плато, докатилось до гоблинов и прошло сквозь их тела. За первым кольцом последовало второе, третье. Все они неудержимо, словно волны прилива, надвигались на ошеломленных монстров.

Гоблины удивленно разинули рты, однако не издали ни звука. Попытались убежать, но могли двинуть лишь верхней частью туловища; их ноги, казалось, приросли к камню.

Люди и кентавр с содроганием следили за тем, как тела монстров обретали прозрачность. Стали видны их скелеты.

А потом от целой армии гоблинов остались лишь кости.

Сотни скелетов с глухим шуршащим звуком осыпались на землю.

Брат Браумин упал ниц перед воздетой к небу рукой Эвелина и воскликнул, рыдая:

— Чудо! Великое чудо!

И ни Элблайн, ни кентавр, вообще скептически относящийся ко всем человеческим религиям, от которых, по его мнению, было мало толку, не нашли слов, чтобы возразить брату Браумину; они были так потрясены, что лишились дара речи.

Часть пятая ОБРАЗ В ЗЕРКАЛЕ

Даже надежду можно подкинуть человеку как приманку. Добро, зло, вечная борьба между ними... Эти понятия всегда казались мне очень далекими, и, должен признаться, дядя Мазер, они меня пугают. Но теперь я знаю, что эта борьба не менее реальна, чем все остальное в нашем мире, и очень боюсь, что именно она представляет собой подлинную угрозу для человечества.

Демон дактиль был ужасным созданием, настолько невероятным, что это выходит за пределы человеческого понимания. Когда я столкнулся с ним лицом к лицу на горе Аида, мне понадобилось собрать всю силу воли, чтобы я смог сделать хотя бы шаг в его направлении. Персонифицированное зло подавляет, дядя Мазер.

Однако именно увидев его воочию, я очень явственно ощутил, что конечная победа демона невозможна. На Короне всегда найдутся те, для кого это беспримесное, узнаваемое зло абсолютно неприемлемо; те, кто при встрече с ним не видит для себя другого пути, как лишь взять в руки меч и сражаться. Чтобы одержать в нашем мире уверенную победу, Бестесбулзибар должен уничтожить каждого мужчину, каждую женщину. Но это будет пустая победа, потому что главной своей цели он все равно никогда не достигнет. Его приспешники, все эти гоблины, великаны и поври, могут целиком искоренить человеческую расу, но одного ни они, ни сам Бестесбулзибар не добьются никогда: не сумеют поработить человеческую душу.

А вдруг хитростью можно заполучить то, что не удалось грубой силой?

Вот этого я по-настоящему боюсь. Обманщики из числа людей несравненно опаснее, чем любые демоны и их монстры. К таким обманщикам я отношу отца-настоятеля Маркворта; возможно, в этом смысле ему нет равных в нашем мире. Он и его церковь достигли выдающихся успехов в искусстве любой ценой добиваться своего. Это ужасает и глубоко огорчает меня — думать, что, возможно, они сумеют сделать то, в чем потерпел неудачу Бестесбулзибар. Как они хитры, как коварны! На словах говорят правильные вещи, рассуждая, делают логичные выводы, и все с одной-единственной целью: чтобы вызвать доверие к той философии, которую проповедуют на самом деле и которую, при тщательном рассмотрении, не поддержит ни один человек в здравом уме. Чтобы замаскировать ложь, они опутывают ее паутиной истины, а безнравственность оправдывают настоятельной необходимостью или ссылкой на традиции, уже давно утратившие смысл в нашем сегодняшнем мире.

Почему не снарядить за священными камнями экипаж из числа монахов? Почему не использовать магию этих камней, чтобы улучшить жизнь простого народа?

Они с легкостью дадут ответы на эти вопросы, дядя Мазер. На любой вопрос у них всегда есть ответ.

Но когда больная мать стучится в ворота Санта-Мер-Абель, умоляя об исцелении, чтобы ее дитя не осталось сиротой...

Этому нет оправданий. И вот тогда все их разглагольствования о необходимости следовать традициям или о каком-то предполагаемом «добре в широком смысле этого слова» теряют всякий смысл, и за ними обнажается ложь.

Но они очень искусны, эти обманщики, и это пугает меня. В их словах ровно столько истины, сколько нужно, чтобы успокоить простых людей. Время от времени они подбрасывают им ложную надежду, заставляя верить, что мир не так уж плох или что, по крайней мере, он станет таким еще при жизни их детей. А ведь, если разобраться, дядя Мазер, это и есть самое заветное желание любого человека.

Отец-настоятель Маркворт прекрасно понимает это.

Как-то я уже говорил в шутку, что, возможно, дух Бестесбулзибара жив и обрел даже более опасного хозяина. Это было сказано метафорически, конечно; или, по крайней мере, так я тогда думал. Но сейчас, когда битва между церковью и мной, Пони и другими последователями Эвелина разгорелась не на шутку, я задаюсь вопросом: а не поселился ли в самом деле дух Бестесбулзибара в сердцах некоторых людей? Что, если эти люди, зараженные дьявольской порчей, живут среди нас? И если это так, сумеют ли одержать победу хорошие, по-настоящему благочестивые люди или позволят обмануть себя сладкоголосыми песнями, в которых правда перемешана с ложью?

Да, даже надежду можно подкинуть человеку как приманку.

Элбрайн Виндон

ГЛАВА 32 ПОБЕДИТЕЛЬ

Когда Маркало Де'Уннеро оказался у ворот Палмариса, только бушевавшая в душе ярость заставила его забыть о страхе перед реакцией отца-настоятеля Маркворта на сообщение о том, что захватить Полуночника не удалось. Стражники не узнали его и принялись задавать вопросы, но он лишь свирепо глянул на них. В конце концов появился солдат, знавший его в лицо. Трясаясь от страха, он повел разъяренного Де'Уннеро в Чейзвинд Мэнор и по дороге рассказал ему последние новости: покушение на жизнь отца-настоятеля Маркворта; слухи о незатихающей борьбе между королем Данубом — его поселили в доме Алоизия Крампа — и отцом-настоятелем, распоряжающимся Чейзвинд Мэнор как собственным домом; и — последнее задело Де'Уннеро больше всего — симпатии народа,

обращенные к новому епископу, Фрэнсису Деллакорту.

Де'Унnero ворвался в Чейзвинд Мэнор и, не дожидаясь, пока о его появлении официально доложат, помчался в оранжерею, где отец-настоятель завтракал в обществе брата — или, может быть, магистра, а то и епископа? — Фрэнсиса.

— Судя по выражению твоего лица, тот, кого называют Полуночником, по-прежнему не пойман, — не без иронии заметил отец-настоятель.

Маркворт устроился в Чейзвинд Мэнор со всеми удобствами. Он занял его под свою резиденцию на следующий же день после неожиданной встречи с королем в аббатстве Сент-Прешес, понимая, что, если не поторопится, король сам расположится в Чейзвинд Мэнор.

— Я догнал его на севере Тимберленда, на пути в Барбакан, — сердито ответил Де'Унnero.

— В Барбакан? — недоверчиво повторил Фрэнсис.

Тот же самый вопрос вертелся и на языке у Маркворта, но он промолчал и внешне сохранял спокойствие.

— Я встретился с Полуночником в открытом бою, — продолжал Де'Унnero, — и оказался сильнее.

— Тем не менее он на свободе, — сухо заметил Маркворт. К этому моменту Де'Унnero немного успокоился и потому просто кивнул в ответ. — А что с этой женщиной... Джилл?

— Возможно, она там же, среди друзей Полуночника, — солгал Де'Унnero. — Именно они помешали мне закрепить свою победу.

— Ну, в таком случае, у нее очень длинные руки, друг мой. Иначе как бы она дотянулась из Палмариса до Тимберленда?

Де'Унnero задумался, пытаясь расшифровать для себя это высказывание. Внезапно глаза у него широко распахнулись.

— Вы нашли ее? — спросил он. Отец-настоятель улыбнулся и кивнул. — Где она? Я вытяну из нее все, что пожелаете, отец-настоятель. Обещаю...

— У нас ее нет, — признался Маркворт, — но нам она больше не страшна, хотя камни остались у нее. В ближайшее время у нее на уме будет одно: мысль о том, как бы выжить. Мы же должны все внимание переключить на то, чтобы умиротворить короля, который в данный момент завтракает в доме казненного тобой торговца.

Сделав Де'Унnero знак садиться, Маркворт махнул рукой, давая понять стоящим в стороне прислужникам-монахам, что нужно принести гостю завтрак.

— Ситуация в Палмарисе изменилась, — продолжал отец-настоятель.

— Солдат, провожавший меня от городских ворот, сказал, что вы были серьезно ранены, — сказал Де'Унnero, стараясь не смотреть на грубый шрам, пересекающий морщинистую щеку Маркворта. — Магическое нападение, по словам солдата. Напрашивается мысль, что тут замешана эта женщина.

— Она дорого заплатила за то, что сделала, — ответил Маркворт. — Я нашел и фактически сломил ее. Как и в твоём случае, только помощь друзей помешала нам захватить ее. Но это вопрос времени. Солдаты и монахи прочесывают город. Ей не скрыться.

— И тогда камни окажутся у нас, — робко вставил Фрэнсис.

Присутствие Де'Унnero явно сковывало его.

— Хорошо, что ты вернулся, — продолжал отец-настоятель, обращаясь к Де'Унnero с таким видом, как будто эта мысль только что пришла ему в голову. — Жаль, конечно, что ты не приволок сюда этого изменника... Выглядело бы очень символически.

— Люди могли бы по-разному понять этот символ, — снова осмелился вмешаться в разговор Фрэнсис.

— А? Ну да, конечно. Но если бы этот человек оказался у нас — или хотя бы его голова, — мы бы сочинили для простого народа очень убедительную историю, заставив людей поверить, какую угрозу несут в себе Эвелин и его последователи. Но хватит об этом. После жестокого нападения на меня и той работы, которую проделал епископ Фрэнсис, чтобы умиротворить народ, король больше не настроен против нас. Достаточно сказать, что

во время его визита ко мне я объявил, что отныне все магические камни в королевстве должны быть конфискованы церковью, и он ни слова не возразил. Палмарис полностью в нашей власти.

Темные глаза Де'Унnero удивленно расширились. Епископ Фрэнсис? Умиротворил народ? Последнее, что сделал Де'Унnero, прежде чем покинуть город, была казнь Алоизия Крампа!

— Ситуация изменилась, — повторил Маркворт. — Под руководством епископа Фрэнсиса церковь превратилась в мудрого и милостивого благодетеля. — Он поднял руку, не давая Де'Унnero рта раскрыть. — Я даровал этот титул нашему юному брату временно, но теперь все больше склоняюсь к тому, чтобы оставить его за ним и дальше. Я уже обсудил этот вопрос с аббатом Джеховитом, который сейчас тоже в Палмарисе. Он заверил меня, что ничего не имеет против.

Де'Унnero во все глаза злобно уставился на Фрэнсиса.

— Как, по-твоему, ты заслуживаешь носить этот титул? — неожиданно спросил Маркворт Де'Унnero.

— Я делал, что мне было приказано, — ответил тот.

Только сейчас до него дошло, какой спектакль устроил Маркворт. Давая свои указания — включая то, которое касалось публичной казни Крампа, — он исходил из расчета, что пребывание Де'Унnero на посту епископа будет временным. Маркворт возвысил его и сознательно использовал для нагнетания обстановки, чтобы на этом мрачном фоне благодеяния Фрэнсиса высветились особенно ярко.

— Прекрасно. — Маркворт расплылся в широкой улыбке. — Я не собираюсь критиковать действия епископа Де'Унnero. Ты был в точности тем, в ком нуждался Палмарис в то темное время нестабильности, но ситуация изменилась. Сейчас нужна более мягкая рука, такая, чтобы у короля не возникло никаких оснований оттолкнуть ее в сторону.

— Так и планировалось с самого начала? — напрямую спросил Де'Унnero.

Фрэнсис заерзал, испытывая неловкость, и слегка откинулся назад, ожидая со стороны Маркворта взрыва. Однако тот лишь кивнул.

— И теперь, значит, меня ждет наказание?

Судя по тону, Де'Унnero был не на шутку оскорблен. Он оглянулся по сторонам, как будто окидывая взглядом все, с чем ему придется проститься, — это место, которое он считал своим, и даже этот город.

Однако Маркворт по-прежнему сохранял спокойствие.

— Неужели ты думаешь, что останешься без награды за свою преданность и усердие? Друг мой, у нас еще много дел, и то, что я планирую для тебя, даст тебе все, чего ты пожелаешь. Чем дальше церковь будет продолжать свою деятельность, тем больше у нас будет врагов. Влиятельные люди вроде герцога Таргона Брея Каласа отнюдь не в восторге от того, что Палмарис, этот крупнейший город королевства, оказался под властью церкви. Я старый, усталый человек; мне нужен надежный помощник. Кто справится с этой ролью лучше Маркало Де'Унnero?

— Магистр Де'Унnero? — спросил бывший епископ, все еще пылая от гнева. — Или, может быть, просто брат Де'Унnero?

Маркворт громко расхохотался.

— Глава аббатства Сент-Прешес. — Это решение пришло к нему внезапно. — У епископа Фрэнсиса слишком много других проблем, чтобы заниматься еще и этой. Он будет рукой государства в Палмарисе, а ты — рукой церкви. Хотя обещаю: твое влияние и обязанности не ограничатся только этим городом.

— И кто кому будет подчиняться? — спросил Де'Унnero, выплевывая каждое слово и сверля Фрэнсиса злобым взглядом.

— Рука государства, рука церкви, — повторил Маркворт. — И обе они будут подчиняться мне. Ну все, уймись, я не хочу вражды между вами. У нас есть общий противник: король Дануб Брок Урсальский. Мы должны контролировать короля и его

советников, в особенности Каласа. По словам Джеховита, он серьезный противник. Калас когда-то командовал Бригадой Непобедимых и заработал два больших пера на свой шлем. Значительная часть этого элитного воинского подразделения вместе с королем прибыла сюда, в Палмарис. Малейшая ошибка с нашей стороны — и у герцога откроется пространство для маневра, чем он, без сомнения, не преминет воспользоваться.

Маркворт посмотрел сначала на одного собеседника, потом на другого; этот холодный взгляд заставил Фрэнсиса содрогнуться, а Де'Унnero, напротив, воспламенил.

— Мы должны учитывать все возможности, — угрюмо закончил отец-настоятель.

— Вы — точно лютня в его руках! Он играет вами! — Возмущение так и клокотало в голосе герцога Каласа.

Никогда прежде он не позволял себе разговаривать с королем подобным тоном.

Дануб бросил на него такой взгляд, что герцог невольно попятился.

— И за какую же струну ты намерен дернуть? — с иронией спросил Дануб.

— Прошу прощения, мой король. — Констанция Пемблбери встала между ними. — Герцог Калас, вне всякого сомнения, печется только о благе короны. Он не имел намерения оскорбить ваше величество.

Дануб усмехнулся, напряжение разрядилось. Все прекрасно понимали, какие настроения царят в городе. В глазах простых людей отец-настоятель Маркворт превратился в народного героя. Это, в сочетании с методами епископа Фрэнсиса, проявившего себя великодушным и мягким правителем, ослабило позиции короля и могло помешать ему отозвать титул епископа как главы города.

— Он заявил, что будут конфискованы все магические камни, и вы ни слова не сказали против, — продолжал нажимать герцог Калас. — Насколько это усилит влияние церкви и ослабит корону?

— Я не стал возражать отцу-настоятелю, исключительно учитывая его болезненное состояние, — ответил король, без малейших признаков возмущения, к облегчению Констанции Пемблбери. — Встреча носила неофициальный характер, и его слова не имеют законной силы. Но даже если он и в самом деле собирается вернуть церкви все камни, хотел бы я знать, каким образом он будет добиваться этого в Урсале? Или в Энтеле, или в других южных городах, где церковь обладает очень незначительным влиянием?

— Но здесь, в Палмарисе, где на него так удачно напали, а потом чудесным образом исцелили, он представляет собой грозную силу, — заметила Констанция.

— Это так, — ответил король Дануб, подумав, что Констанция и Калас понятия не имеют, до какой степени это и в самом деле так.

Он один знал об ужасном визите призрака, при воспоминании о котором его до сих пор пробирала дрожь.

— Экипаж подан, мой король, — доложил телохранитель Данубу.

— Он должен приезжать к нам, — проворчал Калас, — а не мы к нему. И мы должны были занять Чейзвинд Мэнор, а не ютиться здесь.

Дануб и Констанция, не обращая на него внимания, накинули дорожные плащи и направились к двери.

На пороге Чейзвинд Мэнор их встретил аббат Джеховит. Он приветствовал короля широкой улыбкой и мягко похлопал его по плечу.

— Епископ Де'Унnero вернулся в Палмарис, — сообщил старый аббат. — Он ждет вас вместе с отцом-настоятелем Марквортом и братом... магистром Фрэнсисом Деллакортом. Именно этому последнему отводится ведущая роль в налаживании жизни в Палмарисе.

— Де'Унnero! — воскликнул герцог Калас. — Я ему голову оторву!

Аббат Джеховит лишь улыбнулся, не желая ввязываться в спор. Кроме того, он полагал, что если герцог Калас и впрямь попытается сделать нечто подобное, то неизвестно еще, кто кому голову оторвет. Старик молча повел короля и его советников в комнату, где должна была происходить встреча. Военные вечно воображают о себе неизвестно что, думал

он по дороге. А между тем даже человек, достигший самого высокого уровня в военной иерархии — к примеру, бывший командир Бригады Непобедимых, — по своим навыкам не идет ни в какое сравнение с Карающими Братьями и уж тем более с Де'Уннеро, который обучал их!

Маркворт, Де'Уннеро и Фрэнсис ожидали их, сидя за одним концом длинного дубового стола. Джеховит сразу же отметил, как хитро отец-настоятель расставил кресла. Предназначенное для короля было повернуто к восточному окну; таким образом, прямо в лицо Данубу должно было светить восходящее солнце. Три кресла с каждой стороны от короля были пусты. Констанция Пемблбери и герцог Калас тут же заняли места справа и слева от него.

Интересно, зачем Маркворт приказал поставить столько кресел, удивился аббат Джеховит. Ведь он наверняка догадывался, что король прибудет в сопровождении всего двух советников. Однако аббат быстро нашел решение этой загадки и посмотрел на Маркворта с еще большим уважением. Это была проверка: где сядет Джеховит, рядом с советниками короля или Маркворта?

Нервно оглядываясь на короля Дануба, старый аббат опустил в соседнее с Де'Уннеро кресло.

Калас насмешливо фыркнул: позиции определены, можно начинать.

— Не буду ходить вокруг да около, — сказал король Дануб, прервав посреди фразы официальные приветствия отца-настоятеля. — Я пришел сюда, чтобы удостовериться, что с гражданами Палмариса — моими подданными — обращаются, как они того заслуживают, и что город в надежных руках.

— Вы знакомы с епископом Де'Уннеро? — спросил Маркворт.

Калас и Де'Уннеро тут же в упор посмотрели друг на друга; оба занимали примерно одинаковое положение при своих покровителях, что автоматически делало их главными соперниками.

— А это Фрэнсис Деллакорт, — продолжал Маркворт, сделав жест в сторону молодого монаха, сидящего слева от него. — До сегодняшнего утра он возглавлял аббатство Сент-Прешес, но теперь я намерен сделать его епископом Палмариса.

Все с любопытством посмотрели на Фрэнсиса, даже аббат Джеховит, который ничего не знал о готовящемся назначении.

— Епископ сидит справа от вас, насколько я понял, — заметил король Дануб.

— Бывший епископ, — уточнил отец-настоятель. — Магистр Де'Уннеро хорошо послужил Палмарису в этом качестве...

Герцог Калас снова громко фыркнул.

— В городе царил беспорядок, и он нуждался именно в таком правителе, — как ни в чем не бывало закончил Маркворт. — Теперь времена изменились. Де'Уннеро будет главой аббатства Сент-Прешес.

Констанция Пемблбери вопросительно взглянула на короля; тот кивнул, позволяя ей высказаться за него.

— А разве епископ Палмариса не является одновременно главой аббатства Сент-Прешес?

В голосе Констанции явственно прозвучало беспокойство. Как и всех остальных гостей из Урсала, ее встревожило это сообщение. Что, теперь в Палмарисе будут уже два облеченных властью церковных лидера?

— У меня относительно аббатства Сент-Прешес большие планы, — ответил Маркворт. — Тимберленд снова открыт для торговли, в связи с чем северные деревни потребуют особого внимания со стороны церкви. У епископа Фрэнсиса не хватит времени заниматься еще и этими делами. В Палмарисе много своих проблем.

Король Дануб откинулся в кресле, пытаясь осмыслить услышанное. Слова Маркворта удивили и обеспокоили его.

— В таком случае, может быть, самое время снова вернуться к тому, чтобы здесь

правили барон и аббат, — сказал он.

Герцог Калас не смог сдержать улыбки; именно эти слова он и жаждал услышать.

— Полагаю, что нет, — не моргнув глазом ответил отец-настоятель Маркворт.

Это заявление вызвало беспокойство на королевском конце стола. Подумать только, отец-настоятель открыто противопоставил себя королю Данубу!

— Отец-настоятель, я согласился с правлением епископа как с исключительно временным явлением, — твердо произнес король. — Судя по полученным мной сообщениям, опыт оказался неудачным.

— Думаю, эти сообщения не дают представления о ситуации в целом, — ответил Маркворт. — Да и о чем можно судить на основании нескольких первых недель? Тем более когда в городе такое творилось. Тут царило зло, чистое зло!

— Вы преувеличиваете, — заметил король.

Маркворт встал, наклонился над столом и повернул голову, выставя на всеобщее обозрение свой безобразный шрам.

— Неужели? — воскликнул он.

Калас тоже вскочил, сверля взглядом Де'Уннеро, но тот сохранял невозмутимое спокойствие.

— Одно это служит достаточным доказательством того, что священные камни не должны находиться в руках глупых мирян, — закончил отец-настоятель.

Король откинулся в кресле, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие.

— Разве не сам отец-настоятель Маркворт продавал эти камни глупым мирянам? — спросил он. — Ваши слова противоречат вашим действиям, отец-настоятель. Мы оказались в очень трудной ситуации. Я не могу допустить, чтобы класс торговцев ополчился против меня. — Маркворт не сводил с него пристального взгляда. Точно так же призрак отца-настоятеля смотрел на короля во время незабываемого ночного визита, и Дануб внутренне съежился под этим взглядом. Но, так или иначе, он был королем, а потому продолжил развивать наступление, изо всех сил стараясь унять дрожь в голосе. — Мой добрый отец-настоятель, я не могу ни поддерживать приличествующие взаимоотношения с Бехреном, ни дать достойный ответ на жалобы крупных торговцев — тех самых, которые сделали для Хонсе-Бира немало добра, — если вы будете продолжать преследовать в этом городе и тех и других. Это абсолютно неприемлемо, отец-настоятель!

— Сейчас величайшая угроза короне исходит именно от некоторых мирян, владеющих священными камнями, но не понимающих, какой мощью обладает этот дар Божий, и потому недостойных распоряжаться им, — вклинился в разговор Де'Уннеро.

Отец-настоятель, собиравшийся сам ответить королю, сердито посмотрел на Де'Уннеро, полагая, что лучше бы тому попридержать язык. Однако, не желая демонстрировать разногласия в своих рядах, Маркворт промолчал, позволив Де'Уннеро продолжать.

— Я говорю о последователях еретика Эвелина Десбриса, которые, можете мне поверить, задались целью уничтожить и церковь, и государство. Одна из его учениц напала на отца-настоятеля Маркворта. Мне известно, что она намерена предпринять такую же попытку в отношении короля Дануба.

— Безопасность короля обеспечивают надежные люди, — возразил герцог Калас.

На этот раз настала очередь короля бросать сердитые взоры на своего советника. Однако вскоре он успокоился, как и Маркворт. Оба они выглядели скорее заинтригованными, чем обеспокоенными.

— Продолжайте, герцог Калас, — сказал король.

— Прошу вас, аббат Де'Уннеро, — тут же произнес Маркворт.

— Вы не представляете себе, насколько могущественны еретики, о которых идет речь, и это может привести к очень печальному исходу, — заявил Де'Уннеро, прежде чем Калас успел открыть рот.

Герцог снова приподнялся и с угрожающим видом наклонился над столом, возмущенно

глядя на бывшего епископа, но Констанция схватила его за руку.

— Говорите, — подбодрил король Де'Уннеро.

Поймав взгляд Де'Уннеро, Маркворт попытался дать ему понять, что это очень скользкая тема. В конце концов, речь идет не о чем-нибудь, а об угрозе жизни короля и, может быть, существованию самой монархии!

— Их целая банда, и руководит ею очень опасный воин по имени Полуночник. Как раз сейчас он пробирается в Барбакан, с одной целью — призвать монстров снова подняться против нас. Этого можно было избежать — я держал в своих руках и его, и остальных заговорщиков, собираясь доставить их в Палмарис для открытого разбирательства, которое позволило бы показать измученным жителям Палмариса, что эти люди собой представляют.

— Измученным, — насмешливо повторил герцог Калас, пытаясь подчеркнуть иронию ситуации, когда бывший тиран рассуждает подобным образом о жителях Палмариса. — Очень точное слово.

Однако в данный момент многозначительные придирки Каласа короля не интересовали; он чувствовал, что Де'Уннеро очень серьезный противник.

— Вы заявили, что держали их в руках, — сказал он. — И тем не менее они от вас ускользнули?

— Да, Полуночнику и другим заговорщикам удалось сбежать на север, но этому способствовали действия королевских солдат.

— Если хоть один из моих солдат оказался не на высоте...

— Оказался не на высоте? — повторил Де'Уннеро. Король, не привыкший к тому, чтобы его перебивали, прищурился и возмущенно посмотрел на него. Маркворт, со своей стороны, тоже попытался взглядом напомнить Де'Уннеро, чтобы тот был крайне осторожен. — Нельзя сказать, что командир отряда и его солдаты оказались не на высоте, мой король. В самый решающий момент, когда изменников можно было схватить, военные выступили против короны.

Это заявление заставило короля вскинуть голову. Герцог Калас, напротив, стал весь внимание; то, что до сих пор казалось просто болтовней малозначительного человека, внезапно приобрело огромный вес.

— Так оно и было, — продолжал Де'Уннеро, посверкивая взглядом на герцога. — Далеко на севере Тимберленда я поймал Полуночника в ловушку, но офицер королевской армии и его солдаты не поддержали меня. Да, они оказали помощь изменникам, выступили против меня, своего законного начальника, епископа Палмариса, назначенного королем и отцом-настоятелем.

— Вы больше не епископ, — не удержался герцог Калас.

— В то время для капитана Килрони и его солдат я был епископом, — возразил Де'Уннеро, не желая уступать. — И тем не менее капитан королевской армии пошел против меня. Благодаря его поддержке самый опасный преступник королевства остался на свободе.

— Именно заговорщики, поддерживающие с ним связь, держат в страхе весь Палмарис, — вступил в разговор Маркворт, одобрительно кивнув Де'Уннеро.

В самом деле, усилиями бывшего епископа встреча явно оборачивалась в пользу отца-настоятеля. Не жалея красок, он, в свою очередь, принялся расписывать, какая опасная ситуация складывается в Палмарисе: реально существующее бехранское подполье; женщина по имени Джилл, подруга Полуночника, пытавшаяся убить его, Маркворта, и другие последователи Эвелина Десбриса по-прежнему на свободе.

Король сидел и внимательно слушал, нетерпеливо отмахиваясь от герцога каждый раз, когда тот пытался открыть рот.

Возвращаясь в карете в бывший дом Крампа, король, Калас и Констанция молчали. Все они прекрасно понимали, что сегодня Маркворт одержал победу. Сообщение Де'Уннеро о том, что королевский офицер помог людям, среди которых была женщина, пытавшаяся убить отца-настоятеля, дало неоспоримое преимущество Маркворту. Ну, что теперь было обсуждать?

Аббат Джеховит ловил каждое слово похвалы, которыми Маркворт осыпал Де'Унnero. — Ты проявил себя лучше некуда, и притом с совершенно неожиданной стороны. — Отец-настоятель даже похлопал бывшего епископа по плечу.

— Этого недостаточно, чтобы я снова стал епископом Палмариса? — спросил Де'Унnero, устремив на Фрэнсиса угрожающий взгляд.

— Нет, — быстро ответил Маркворт. — Сейчас для исполнения обязанностей епископа вовсе не нужен человек, обладающий твоими талантами. Все, что от него требуется, — это умиротворять народ и особо дерзких торговцев. Не слишком увлекательная, даже, я бы сказал, скучная работа. — Услышав эти слова, Де'Унnero улыбнулся, а Фрэнсис вздрогнул. — Нет, мой друг, мой помощник. У нас обширные планы, простирающиеся далеко за пределы этого города.

Аббат Джеховит не сомневался, что эта уверенность имеет под собой веские основания. Ему стало не по себе — во время беседы его удивительным образом игнорировали, и он чувствовал себя незванным гостем на чужом празднике.

Но он был стар и мудр, а потому напомнил себе, что лучше держаться подальше от вечно недовольного Каласа и явно нервничающего короля. Джеховит понимал, что сегодня Маркворт одержал победу, в результате которой церковь взяла верх над государством, а позиция епископа как главы Палмариса заметно упрочилась.

Вскоре они расстались, и Джеховит отправился в отведенные ему личные апартаменты, чтобы поразмыслить о своем положении. Он хотел оказаться на стороне победителя, кто бы тот ни был. Прежде он думал, что самое разумное — занимать выжидательную позицию, не навлекая на себя гнев ни отца-настоятеля, ни короля. Сейчас старый аббат склонялся в пользу Маркворта, поскольку со страхом чувствовал, насколько тот могущественен и опасен.

ГЛАВА 33

ВДАЛИ ДРУГ ОТ ДРУГА

Очнувшись, она поняла, что ребенка больше нет. Израненное тело требовало отдыха, но заснуть она не смогла и села на постели, во мраке и тишине трюма «Сауди Хасинты».

Спустя некоторое время в крохотную каюту вошла Колин Килрони, но Пони не узнала ее. Она сидела, покачиваясь и невидящим взглядом глядя во тьму.

— Хорошо, что ты проснулась, — сказала Колин.

Никакого ответа.

— Ах, ну и мерзавец же этот отец-настоятель! — воскликнула Колин. — Дьявол, сущий дьявол, и я отплачу ему за то, что он сделал с тобой!

По-прежнему никакого ответа.

— И моему кузену тоже, — продолжала Колин, — капитану королевской армии. Такой весь из себя великолепный, напомаженный, а сердце черное, как у нашего проклятого епископа. Ох, и ему я отплачу тоже!

Молчание. Пони даже не глянула в ее сторону, и Колин сдалась, вышла из комнаты.

— Она в очень плохом состоянии, — заявила она, войдя в каюту капитана, где сидели Альюмет и Белстер. — Этот дьявол оставил в ее сердце рану, которая не скоро затянется.

— Я пытался отговорить ее сражаться с ним, — сказал Белстер.

— Она не могла иначе, — возразил капитан.

— Не спорю, — ответил Белстер. — Но какой смысл ввязываться в драку без единого шанса на победу? Он слишком силен, этот Маркворт, как и епископ.

— Это не значит, что не стоило и пытаться, — стоял на своем Альюмет.

— Может, и так, но все равно это было глупо, — сказал Белстер.

Он понимал, что ему не переубедить бехранца, но не собирался отказываться от своей точки зрения.

— Наверное, тебе кажется, что у нее не было серьезных причин идти на такой риск, —

заметил Альюмет.

Белстер вздрогнул; темнокожий бехронец попал в самую точку. В самом деле, Белстер допускал, что можно говорить о борьбе с церковью, но только в том случае, если гонениям подвергаются люди, которых он считал равными себе: «медведи», как когда-то называли чистокровных граждан Хонсе-Бира. В первый момент у Белстера мелькнула мысль пропустить мимо ушей замечание капитана, но, поскольку речь шла о Пони, он решил, что пришло время посмотреть правде в глаза.

— Может, ты и прав, — сказал он, неотрывно глядя капитану в лицо. — Я, как и многие другие жители Палмариса, никогда не питал особого расположения к вашим людям, капитан Альюмет.

— Вот порадовалась бы Пони, услышав, как мы ссоримся друг с другом, — сухо заметила Колин.

Ни тот ни другой, однако, не обратили на ее слова ни малейшего внимания и продолжали сверлить друг друга взглядами. Это не было состязание воли; они просто пытались оценить друг друга.

Альюмет первым отвел взгляд и усмехнулся.

— В таком случае, господин О'Комели, имеет смысл показать тебе, каковы мы на самом деле. Тогда, может быть, ты кое-что поймешь.

Белстер улыбнулся и кивнул. Он и в самом деле был не прочь узнать побольше о соседях из южного королевства.

Однако обоим тут же стало ясно, что с этим придется повременить: дверь неожиданно распахнулась, и на пороге возникла бледная, осунувшаяся Пони.

— Я хочу к Элбрайну, — прошептала она.

— Он далеко на севере. — Белстер вскочил и подставил ей руку; казалось, она вот-вот упадет.

Пони покачала головой.

— Я хочу к Элбрайну, — повторила она, как будто расстояние не имело никакого значения. — Прямо сейчас.

Белстер посмотрел на Колин и Альюмета.

— Ты сначала сил наберись, девочка, — решительно заявила Колин. — Наберешься сил, и я сама поеду с тобой на север к твоему возлюбленному.

— Колин... — запротестовал было Белстер, но Альюмет перебил его.

— Я могу отвезти их морем и посадить к северу от города.

— Нет, что за чушь? — взорвался Белстер. — Она чуть живая, а тут такое долгое путешествие, да еще когда зима не закончилась!

— Думаешь, ей безопаснее в Палмарисе? — спросила Колин. — Лучше пусть будет со своим возлюбленным, чем здесь, где этот дьявол Маркворт охотится за ней.

— Я сама могу говорить за себя, — холодно сказала Пони, — и выбирать, что мне делать. Мне нужно отдохнуть еще дня два, не больше. И потом я отправлюсь к Элбрайну, что бы вы тут за меня не решали. — Она повернулась и вышла.

— Ох, и я вместе с ней, — заявила Колин, кипя от злости. — Нужно нанести визит моему дорогому кузену Шамусу, который совсем его не порадует, можете не сомневаться!

Белстер и Альюмет обменялись взглядами. Оба прекрасно понимали, как опасна нынешняя ситуация в Палмарисе, и имели все основания бояться того, что в ближайшие дни она может стать еще хуже.

Это даже трудно было назвать укрытием — всего лишь груда камней, на вершине которой каким-то чудом вырос жидкий кустарник. Но хотя буря только что накрыла Барбакан слоем снега в несколько футов толщиной и горные перевалы снова стали непроходимы, здесь, на священном плато, теплого укрытия и не требовалось. Казалось, что рука зимы, как и руки гоблинов, не могла коснуться этого места, и все живые создания — человек и эльф, кентавр и конь — чувствовали себя здесь не просто спокойно, но на

удивление хорошо. Те, кого тяжело ранили во время сражения с гоблинами — даже солдат, который был почти при смерти, и истекающий кровью кентавр, — быстро поправлялись, а Тиел'марави и вовсе полностью исцелилась.

Элбрайн не мог найти этому никакого объяснения, да и все они считали, что произошло еще одно чудо, и просто радовались ему.

Он, конечно, был счастлив, что они уцелели, но часами просиживал, глядя на юг, в сторону заваленных снегом троп. Все его мысли были устремлены к Пони и их будущему ребенку.

— В начале весны, как мне кажется, — ответил Элбрайн на вопрос кентавра о том, когда, по его мнению, родится дитя.

— Ну, мы там будем раньше, — заявил кентавр.

Может быть. Хотя... Если они не смогут покинуть Барбакан в течение двух ближайших недель, то вряд ли сумеют вовремя покрыть шестьсот миль, отделяющих их от Палмариса.

Элбрайну оставалось лишь с тоской смотреть на юг, надеясь, что с его дорогой Пони все в порядке и ребенок родится здоровым.

Откуда ему было знать, что ребенка больше нет?

— Я пришла попрощаться, — подойдя к ним, сказала Тиел'марави.

— Не боишься утонуть в этом снегу, крошка? — насмешливо спросил Смотритель.

Тиел'марави состроила гримасу; снег никогда не был преградой для быстроногих тол'алфар!

— И куда ты пойдешь? — заинтересованно спросил Полуночник. — В Палмарис?

— Нужно рассказать госпоже Дасслеронд о епископе Де'Унnero, — ответила эльфийка. — Да, в Палмарис.

— Я пойду с тобой, — внезапно заявил Полуночник.

Тиел'марави усмехнулась.

— Сейчас твоему коню не одолеть перевалы. Даже в долину он не сможет спуститься.

— Я пойду пешком.

— У меня нет времени дожидаться тебя, Полуночник, — отрезала Тиел'марави.

Расправив крылья, она в мгновение ока опустилась на выступ в тридцати футах под ними, до которого Элбрайну пришлось бы добираться не меньше получаса. И полетела дальше, даже не оглянувшись.

— Ты вернешься к Пони, — успокаивающе сказал Смотритель, провожая взглядом крошечную эльфийку, уже почти неразличимую на фоне изуродованной взрывом горы.

— Да, но когда?

— И потом, как же они? — кентавр кивнул в сторону людей в центре плато.

— По-моему, брат Браумин и остальные монахи решили поселиться здесь, — ответил Полуночник. — А Роджер наверняка пойдет со мной.

— А что? Тут хорошо. Тепло, никаких монстров. Вот только с едой им придется нелегко.

— Что касается Шамуса и его солдат... Не знаю, что они собираются делать, — сказал Полуночник. — Вряд ли захотят вернуться в Палмарис. По крайней мере до тех пор, пока не поймут, какая там в отношении них складывается ситуация.

— Что тут понимать? — ответил кентавр. — Если они вернутся, их вздернут, и все дела. Или сожгут на костре. Монахи, кажется, предпочитают жечь людей.

— Шамус сам должен решать, что ему делать. Я хочу одного: увидеться с Пони.

— А уж как она будет рада! — сказал кентавр.

— Ты уверен?

Этот вопрос застал Смотрителя врасплох. Однако потом он вспомнил, что Тиел'марави рассказывала о том, как Элбрайн воспринял отъезд Пони в Палмарис.

— Она самая храбрая женщина на свете, — заявил кентавр. — А то, что не сказала тебе о ребенке... Да просто была уверена, что если ты узнаешь, то тут же помчишься следом за ней. Вот так-то, парень.

— Ты так уверенно рассуждаешь, будто с тобой она была более откровенна, чем со мной, — обиженно сказал Элбрайн.

— И как только тебе в голову такое могло прийти? — ответил кентавр. — Не можешь ты не понимать — что бы она ни делала, она хотела как лучше.

На это Элбрайну нечего было возразить, в особенности когда он напомнил себе, через что пришлось пройти Пони за последние несколько месяцев. Вся его обида рассеялась, точно дым. Он по-прежнему страстно, почти отчаянно желал как можно скорее покинуть Барбакан и оказаться на пути на юг, но теперь его подгонял лишь страх за Пони.

Верный своим словам, капитан Альюмет на следующий же день вышел на «Хасинте» из Палмариса, несмотря на резкий ветер и сильное волнение на море.

Как только корабль покинул порт, на палубу поднялись Колин и Пони. Одинокaя фигура стоящего на пристани Белстера О'Комели все еще была отчетливо видна.

— Думаю, ты разбила ему сердце, — сказала Колин. — Может, ты так хорошо вошла в роль его жены, что он почти поверил в это.

Ее попытка пошутить осталась без ответа. Пони просто стояла у перил, глядя на Палмарис и гадая, вернется ли она когда-нибудь сюда — и даже захочет ли вернуться. Желание отомстить Маркворту по-прежнему сжигало ее, но она остро чувствовала свое бессилие. Он причинил ей невыносимую боль, и теперь она хотела лишь одного: оказаться в объятиях Элбрайна, как можно дальше от этого ужасного Палмариса.

— Господин О'Комели боится за тебя, — заметил капитан Альюмет, подходя к ним. — Он понимает твоё желание покинуть Палмарис, но беспокоится, сумеешь ли ты выдержать долгую дорогу. Тем более что в воздухе еще пахнет зимой.

— Слишком много он боится, — холодно ответила Пони. — Я много лет прожила на границе цивилизованного мира. Неужели зима для меня страшнее, чем церковь Абея?

— Нужно с уважением относиться к опасности, которую несет в себе и то и другое, — заметил капитан. — Не стоит порицать Белстера О'Комели. Он прекрасный друг.

— Кто же спорит? И я тоже беспокоюсь за него, — сказала Пони. — Он остается в Палмарисе. Боюсь, сейчас это место во много раз опаснее диких лесов Вайлдерлендса.

К северу от города капитан высадил на берег Пони, Колин и их коней, пожелал им доброго пути и пообещал позаботиться о Белстере и остальных.

— На самом деле больше всего он жаждет мира, — заметила Пони, когда они скакали по раскисшей от грязи тропе.

— Что же, его можно понять, — ответила Колин.

— Мира, в котором власть по-прежнему останется в руках Маркворта и Де'Уннеро.

Колин промолчала. Какой смысл затевать споры? Она не меньше Пони ненавидела церковных заправил, виновных в убийстве ее любимого барона, и от всей души жалела, что покушение на этого подлого Маркворта не причинило ему вреда.

Но цель оказалась недостижима. Оставалось лишь надеяться, что Пони когда-нибудь поймет это. Если дело все-таки дойдет до схватки... Что же, Колин будет сражаться, надеясь, по крайней мере, прихватить с собой на тот свет своего напыщенного кузена. Но в отличие от Пони она не рвалась в бой, потому что успела наглядно убедиться в могуществе Маркворта. Солдаты, близкие к Чейзвинд Мэнор и дому Алоизия Крампа, рассказывали, что ему удалось одержать верх даже над королем Данубом. Нет, Колин понимала — в отличие от Пони, — что мятеж в Палмарисе сейчас не имеет ни малейших шансов на успех.

Они скакали до самой темноты, а потом приняли приглашение радушного крестьянина остановиться у него на ночлег.

И, ясное дело, они понятия не имели, что отец-настоятель Маркворт затевает еще один поход на север, на этот раз с целью поймать Полуночника и свершить над ним правосудие — в понимании церкви Абея.

ГЛАВА 34

КТО КОГО ПЕРЕЩЕГОЛЯЕТ

Король Дануб стоял у окна своей временной резиденции в Палмарисе. Факт, что этот дом намного уступал в размерах и удобстве Чейзвинд Мэнор, служил лишним подтверждением того, что власть короля в опасности. В самом деле, Дануб правил Хонсе-Биром уже почти четверть века — более половины своей жизни — и сейчас впервые имел конфликт с церковью. Это пугало даже больше, чем война с демоном дактилем и его приспешниками.

Только сейчас, после знаменательной встречи с Марквортом и его советниками, Дануб начал понимать всю глубину проблемы. Церковь Абеля была сильна в королевстве всегда, были случаи, когда она оказывалась даже влиятельнее, чем корона. В самом начале правления Дануба, когда он был еще подростком, церковь захватила огромную власть; фактически в те времена в Урсале правил не Дануб, а аббат Джеховит из Сент-Хонса. Советники короля понимали, что это временное явление, что он пока не готов к исполнению роли монарха, и всячески помогали ему. Когда Дануб повзрослел, когда научился тому, как мягкими увещаниями и посулами добиваться от народа покорности и с помощью подкупа посланника Бехрена обеспечивать выгодную для Хонсе-Бира политику этого южного королевства, церковь снова отступила на второй план. Аббат Джеховит, похоже, ничего не имел против; ему спокойнее было оставаться в тени.

Однако теперь ситуация драматическим образом изменилась. Отец-настоятель Маркворт добивался отнюдь не временной власти — и в этом ему весьма успешно способствовал аббат Джеховит, напомнил себе король. Именно старый аббат убедил Дануба поставить во главе Палмариса не барона, а епископа. Это обеспечило действиям церкви твердую и, главное, законную основу, и изменить положение, без сомнения, будет нелегкой задачей.

Он понимал, что должен немедленно отменить это назначение, должен поставить Маркворта на место. Иначе велик риск, что между светской властью и церковью разразится самая настоящая война и у Маркворта есть все шансы оказаться в ней победителем. Дануб понимал также, что ему не под силу захватить Санта-Мер-Абель, эту огромную, прекрасно укрепленную крепость, но его армия — двадцать тысяч отлично вышколенных солдат, включая Бригаду Непобедимых, — в состоянии загнать монахов в их монастыри и не выпускать оттуда.

Но до этого никогда не дойдет, уговаривал себя Дануб. Отец-настоятель отнюдь не глуп, он поймет, куда может завести путь конфронтации, и отступит.

Однако было и кое-что еще, что нельзя сбрасывать со счета. Маркворт проник в его личную спальню в Урсале, прошел мимо всей охраны, и ни замки, ни каменные стены не остановили его. Королевство, может быть, и победит в борьбе с церковью Абеля или, по крайней мере, добьется равновесия сил; но эта война может превратиться в личное сражение между ним и Марквортом, а вот кто окажется победителем — это еще вопрос.

Так он и стоял у окна, чувствуя себя таким испуганным и беспомощным, как никогда за всю свою взрослую жизнь.

— Вы вызывали меня, мой король, — послышался позади мягкий голос Констанции Пемблери.

Дануб повернулся и посмотрел на нее. Констанция все еще была очень привлекательна. Рыжеватые волосы слегка потускнели, но тридцать пять лет за спиной не лишили блеска искрящиеся голубые глаза, а нежные щеки — приятной округлости. На протяжении многих лет она была любовницей Дануба. Эту «тайну» знал в Урсале весь двор, и почти никто не сомневался, что именно их связь стала причиной стремительного восхождения Констанции до положения личного советника короля и получения ею титула герцогини. Дануб уважал ее за ум и интуицию. Она лучше, чем кто-либо другой, понимала его характер — по крайней мере намного лучше Каласа.

— Я должен сам отправиться на север вместе с герцогом Каласом, — заявил Дануб.

Констанция сощурила глаза; ее он не назвал. — Отцу-настоятелю Маркворту известно, где скрывается Полуночник. Он решил найти этого человека и намерен взять с собой сотню монахов церкви Абея, в том числе и бывшего епископа.

— Конечно, вам нельзя оставаться в стороне, — согласилась Констанция. — Если отец-настоятель привезет в Палмарис этого разбойника, его популярность невероятно возрастет, что пойдет во вред королю Данубу.

— Так получается.

— Вы берете с собой Каласа как противовес Де'Унnero, — продолжала чуткая Констанция. — Ваш помощник против помощника Маркворта? — Король кивнул. — Нужно только не дать разгореться соперничеству между ними. Я уважаю герцога Каласа как воина и благородного человека, но Де'Унnero во многом его превосходит. Однако гордость никогда не позволит Каласу признать это. Если дело дойдет до схватки между Каласом и Де'Унnero, корона наверняка окажется в проигрыше.

Хороший совет, подумал Дануб. Он подошел к Констанции и нежно погладил ее по щеке.

— Ты нужна мне сейчас, — сказал он. — Может быть, больше, чем когда бы то ни было.

Неожиданно она поцеловала его, но это не был поцелуй страсти. Потом Констанция слегка отодвинулась и кивнула.

— Я с вами. Аббат Джеховит не друг короны. Он примет сторону того, кто сильнее. Вы наверняка заметили, с кем рядом он сел во время последней встречи.

— И что мне делать? — спросил Дануб.

— Аннулировать должность епископа, — ответила Констанция, — изгнать Маркворта из Чейзвинд Мэнор и назначить герцога Каласа временным бароном, до тех пор пока не будет найдена подходящая замена Бильдборо.

Прекрасный совет, понимал Дануб, но абсолютно неосуществимый, учитывая его встречу с призраком Маркворта.

— Хватит с Маркворта той власти в Палмарисе, которую дает аббатство Сент-Прешес, — закончила Констанция.

— Согласен, однако осуществить это будет нелегко, — ответил Дануб, глядя в сторону. Он едва не рассказал ей обо всем, но помешал страх.

— Почему?

Дануб взмахнул рукой, как бы не желая обсуждать этот вопрос.

— Мы займемся расстановкой сил в правящей структуре Палмариса после моего возвращения с севера. Я хочу, чтобы ты осталась здесь и была моими ушами и глазами. Вместе со мной отправятся Калас и Бригада Непобедимых; нужно, чтобы у нас с отцом-настоятелем были примерно равные силы. В поддержку тебе останутся королевские солдаты и флот. Приглядывайся ко всему, что станет предпринимать епископ Фрэнсис, который, как я понял, тоже остается в городе.

— Он будет в Чейзвинд Мэнор? — спросила Констанция.

— Нет. Насколько я понял, в аббатстве, — ответил король. — Возможно, на самом деле Маркворт не склонен передоверять епископу Фрэнсису все те обязанности, о которых он говорил.

— В таком случае, вряд ли в отсутствие отца-настоятеля новый епископ станет предпринимать сколько-нибудь значительные шаги, — заметила Констанция.

— Очень на это рассчитываю, — ответил король. — И тогда получается, что в отсутствие Маркворта и Де'Унnero, короля Дануба и герцога Каласа самый весомый голос в Палмарисе будет принадлежать Констанции Пемблбери.

— И тем не менее вы не хотите официально объявлять, что я могу выступать от вашего имени.

— Да, таких заявлений я делать не буду, — ответил король. — Не стоит расставлять никаких акцентов. Я прошу тебя не спускать глаз с епископа Фрэнсиса, чтобы у него не было

ни малейшей возможности предпринять какие-то открытые шаги, способствующие усилению власти церкви. Предоставляю тебе в этом вопросе полную свободу действий. Если придешь к выводу, что это необходимо, используй свой гарнизон против аббатства Сент-Прешес.

Констанция так удивилась, что даже рот приоткрыла.

— Вы хотите, чтобы я начала войну с церковью Абея?

— Ничего подобного, — ответил король. — Я хочу, чтобы ты полагалась исключительно на свое суждение. Если в мое отсутствие церковь попытается захватить власть, тогда Констанция Пемблбери должна остановить ее... Ты нужна мне, Констанция. — Король подошел совсем близко и обнял ее за плечи. — Если ты не оправдаешь мое доверие, корона может очень и очень пострадать. Мы рискуем прожить всю оставшуюся жизнь в тени церкви Абея.

У Констанции даже дыхание перехватило. Король обнял ее и страстно поцеловал. Чувствовалось, что он готов пойти и дальше, но она отодвинулась, охладив его пыл.

— Когда я вернусь с севера, нам с тобой будет о чем поговорить, — сказал Дануб.

— Я уже слишком стара, чтобы быть вашей любовницей.

Король пристально посмотрел ей в глаза, давая понять, что у него на уме нечто гораздо большее.

На этом они расстались. Дануб «клянул» ее в щеку, пообещал вернуться до начала лета и ушел.

Констанция долго стояла в пустой комнате одна. Вспоминала их первую любовную встречу; ему тогда было двадцать, а ей семнадцать. Столько же, сколько Вивиане, на которой Дануб женился на следующее утро.

Их любовь продолжалась несколько месяцев — почти год бурной страсти и восторга. Вивиана знала об этом — должна была знать! — но никогда не устраивала никаких сцен. Ну, если бы она вздумала устраивать сцены всем любовницам мужа, у нее не осталось бы времени для собственного любовника.

Спустя несколько лет, уже после смерти Вивианы, Дануб снова пришел к Констанции, и она пустила его к себе в постель. К этому времени пыл короля слегка поугас; Констанция была уверена, что на протяжении нескольких месяцев была его единственной любовницей. Однако он не женился на ней, объясняя это тем, что ее родословная не удовлетворяет всем требованиям придворного этикета. Это соответствовало действительности. Она должна была совершить что-то из ряда вон выходящее, чтобы двор согласился принять ее в качестве королевы Хонсе-Бира. Шли годы, королю уже было немало лет, и на него начало усиливаться давление в связи с тем, что он до сих пор не имеет наследника. Речь шла, конечно, о законном наследнике; ходили слухи, что у Дануба было по крайней мере двое незаконных детей. И вот сейчас Констанции предоставлялась великолепная возможность для великих свершений.

Но ей уже исполнилось тридцать пять — критический для женщины возраст с точки зрения рождения ребенка. А между тем единственное, что могло подтолкнуть короля к женитьбе, — это необходимость иметь наследника.

Констанция обдумала ситуацию, пытаясь прикинуть степень риска. А что, если она не сможет родить Данубу ребенка? Тогда король наверняка быстро расторгнет их брак — это в случае удачи! — а если церковь воспротивится этому, не остановится даже перед убийством!

Однако искушение было слишком велико, чтобы Констанция Пемблбери могла просто так взять и отбросить открывающиеся возможности. Приятно было представлять себя королевой, хотя она прекрасно понимала, что никакой реальной власти этот титул ей не даст. Закон в Урсале был сформулирован ясно и недвусмысленно: жена Дануба останется королевой до тех пор, пока он будет королем. Однако если он умрет бездетным, трон наследует его брат Мидалис Брок Урсальский. Однако совершенно очевидно, что даже и при жизни короля, учитывая его сильный характер, у королевы будет немного власти.

Но зато у нее будет возможность влиять на короля так, как никто другой, потому что

никто другой не сможет нашептывать ему на ушко. Однако даже больше этого Констанцию привлекала перспектива стать матерью будущего короля; своего собственного ребенка она уже точно сумеет сформировать таким, как пожелает, и научит его, как добиться того, чего добилась бы она сама, будь у нее другая родословная.

Да, да, она будет проводить в Палмарисе очень мудрую политику. Вернувшись, Дануб останется доволен ее действиями. Потом он придет к ней, и она мягко надавит на него, заставив осуществить тот план, который предлагала этим утром.

Из окна ей было видно, как со двора выехали король Дануб и герцог Калас, а вслед за ними сотня солдат Бригады Непобедимых; их нагрудные пластины, кончики копий и шлемы сверкали в утреннем свете. Возможно, это было самое сильное воинское подразделение в мире — личная охрана короля Хонсе-Бира.

И королевы Хонсе-Бира тоже, подумала Констанция.

— Вот, это поможет тебе справиться. — Отец-настоятель вручил епископу Фрэнсису сумку с магическими камнями; в основном там были графит и другие камни, которые могли быть использованы для нападения. — Во время нашего с аббатом Де'Уннеро отсутствия от тебя будет зависеть очень многое.

— Скажите, чего вы хотите, и я сделаю это, — покорно ответил Фрэнсис.

— В лучшем случае тебе не придется делать ничего, — объяснил ему отец-настоятель. — Старайся сохранить стабильность нынешней ситуации, не предпринимая никаких действий, могущих вызвать недовольство как народа, так и того, кого король оставляет тут вместо себя. Скорее всего, это будет Констанция Пемблбери, и я очень не советую тебе недооценивать ее. Аббат Джеховит, к примеру, о ней очень высокого мнения. Не исключено также, что, учитывая серьезность ситуации в Палмарисе, сюда явятся другие герцоги, в частности герцог Мирианика.

Магистр Энгресс будет помогать тебе, но многого от него не жди. Он старый, усталый человек и предпочел бы остаться в Санта-Мер-Абель, где, по правде говоря, ему самое место. Тем не менее он опытный магистр, и нужно относиться к нему со всем возможным уважением. Однако ничего не бойся. Я вызвал на помощь тебе сто двадцать монахов, которые уже на пути сюда из Санта-Мер-Абель.

— Получается, что мне и делать-то нечего, — осмелился сказать Фрэнсис.

— Вот и хорошо! — воскликнул Маркворт. — Больше всего меня устроит, если ко времени моего возвращения в Палмарисе сохранится то же равновесие сил, что и сейчас. Если тебе это удастся, ты окажешь мне огромную услугу. Но предупреждаю тебя: король Дануб может воспользоваться моим отсутствием, чтобы склонить чашу весов на свою сторону. Этого ни в коем случае допускать нельзя.

— Как он мог бы это сделать? — спросил Фрэнсис. — Он же не оставляет вместо себя никакого официального представителя.

— Поле боя станут сердца городских солдат, — ответил Маркворт, — многие из которых служили при дворе короля. Ты должен сделать все, чтобы они остались преданны церкви.

— Я не подведу вас, отец-настоятель, — заверил его Фрэнсис.

Маркворт двинулся было прочь, но в последний момент остановился и добавил:

— Ты должен перебраться в Чейзвинд Мэнор. Обязанности Де'Уннеро в аббатстве Сент-Прешес будет исполнять магистр Энгресс, а брат Талюмус поможет ему. Он послужит мостиком между тобой и здешними монахами. Пусть это станет традицией — отныне резиденцией епископа Палмариса будет Чейзвинд Мэнор.

Фрэнсис промолчал, не сумев, однако, скрыть удивление при слове «традиция».

— Каждая традиция где-нибудь и когда-нибудь возникает, — лукаво заметил отец-настоятель. — Ты будешь жить здесь, в этом прекрасном поместье, и здесь же пусть обоснуются монахи, которые придут из Санта-Мер-Абель. Постарайся расположить к себе городских стражников. Обращайся с ними хорошо, поощряй их преданность, но ни при

каких обстоятельствах не доверяй им ничего важного.

Когда отец-настоятель покидал замок, Фрэнсис, глядя в окно, провожал его взглядом с тем же самым выражением, какое было у Констанции Пемблбери этим утром. И, видит бог, его решимость была ничуть не меньше, чем у этой амбициозной женщины.

Под стук копыт они покинули город через северные ворота — король Дануб, герцог Калас и сотня солдат Бригады Непобедимых.

Вслед за ними выехала группа, представляющая церковь Абея. В центре ехал отец-настоятель, в том самом экипаже, на котором все еще можно было разглядеть дыру, оставшуюся от удара магического камня; как монахи ни старались, привести экипаж полностью в порядок они не успели. Со всех сторон Маркворта окружали пешие монахи во главе с Де'Уннеро, одетые в неприметные коричневые рясы.

Сразу за городскими воротами герцог Калас остановил Бригаду, дав возможность королю поговорить с Марквортом.

— Вы настаивали, чтобы мы поторопились, — сказал Дануб, с трудом сдерживая своего горячего тогайранского жеребца.

— Не смею спорить. — Отец-настоятель пожал плечами, как бы не понимая, к чему поднимать этот вопрос.

Король обвел взглядом монахов.

— Они что, рассчитывают угнаться за конями?

— Только если не решат опередить их, — ответил Маркворт.

Король вернулся к Каласу.

— Они воображают, будто угонятся за нами, — заявил он с кривой улыбкой. — Посмотрим, что из этого получится. В путь, да побыстрее!

Герцог Калас был счастлив лишний раз угодить королю и приказал солдатам пустить коней рысью.

Вслед за ними, делая немыслимо длинные прыжки, припустили и прошедшие специальное обучение монахи. Удивительно, но спустя полчаса они все еще шли с солдатами «ноздря в ноздю».

Король бросал яростные взоры на Каласа, но тот лишь беспомощно пожимал плечами. Люди не способны бежать с такой скоростью столь долгое время! Судя по всему, сегодня они отмахают не меньше тридцати миль — многовато для коня и невозможно для человека; и уж тем более немыслимо, чтобы такой трюк удалось повторить на второй день и на третий.

В середине дня сделали короткий привал, чтобы перекусить, и снова поскакали; монахи отнюдь не выглядели усталыми и по-прежнему не отставали от всадников.

Когда на ночь разбивали лагерь, у короля и Каласа создалось впечатление, что солдаты и кони вымотались больше монахов.

— Это невозможно, — все время твердил Калас.

Король хотел возразить: «Тем не менее это так», но у него не было сил на споры.

А дело в том, что, повинуясь внутреннему голосу, отец-настоятель Маркворт использовал малахит, камень левитации. Со всеми удобствами расположившись в экипаже, он поддерживал мысленную связь со своими братьями. Он раздал нескольким помощникам куски малахита, и все вместе они добились того, что на бегу монахи почти ничего не весили. Когда наступила ночь, на ногах у них не было волдырей, а мышцы устали не больше, чем от обычной прогулки.

Вечером в лагере явное огорчение короля и его людей доставило немало удовольствия отцу-настоятелю и Де'Уннеро. Поначалу Маркворт планировал, что монахи отправятся в путь верхом, но в церкви Абея почти никто не владел этим умением, и в аббатстве Сент-Прешес не было даже конюшен. До Маркворта дошло, что, даже если он найдет для всех монахов коней, они ни за что в жизни не угонятся за великолепными жеребцами из Тогая. Тем более что солдаты Бригады Непобедимых были отличными наездниками.

И тут с ним заговорил тот самый внутренний голос.

Да, Дануб и Калас сели в лужу. Все великолепие солдат — роскошные латы, сверкающее оружие и могучие жеребцы — померкло перед тем, на что оказались способны босые монахи в скромных коричневых рясах.

ГЛАВА 35 ЗАПАХ ДОБЫЧИ

— Они уже совсем близко, — удивленно заметила Пони.

Впервые они с Колин заметили отряд короля Дануба и Маркворта два дня назад, далеко позади, но с каждым днем расстояние между ними заметно сокращалось. Женщины, конечно, не имели ни малейшего представления о том, что это за отряд, но удивительно было уже то, что такой большой воинский контингент уверенно нагонял их.

— У нас нет выбора, — ответила Колин. — Тебе хорошо, ты скачешь на прекрасном коне, доставшемся от Коннора. Но моя бедная лошадка долго не протянет. К тому же твой Полночник может оказаться в Кертинелле.

Пони покачала головой. Она знала, что Элбрайн давно покинул город, ушел, по крайней мере, в Дундалис или еще дальше на север. Она бросила взгляд назад. Сейчас они с Колин всего на несколько часов опережали отряд. Ей не нравилась мысль о необходимости остановиться, чтобы дать кобыле Колин отдохнуть, а заодно и расспросить местных жителей — ведь их впоследствии, возможно, будут допрашивать. Однако лошадь Колин и впрямь была вся в мыле, к тому же потеряла подкову и хромала. Нужно раздобыть у местных другого коня, или очень скоро Колин придется идти пешком.

— Давай поищем кого-нибудь на опушке леса, — предложила Пони. — Крестьянина, который готовит поле к посеву или собирает дрова.

Колин не возражала, и Пони поскакала впереди, огибая сначала Ландсдаун, а потом и Кертинеллу с востока. Некоторое время они наблюдали за парой крестьян, которые рубили в лесу деревья, но потом услышали тарахтенье фургона и негромкое ржание коней.

Стараясь держаться среди деревьев, женщины поднялись на вершину невысокого холма. Вскоре на дороге внизу показался фургон. Его тащила пара коней, и еще пара была привязана сзади. Весело напевая, фургоном правил огромный человек с черными лохматыми волосами.

И на нем была ряса монаха церкви Абея.

— Не вздумай только прикончить его, — прошептала Колин.

— Прикончить? — удивленно повторила Пони. — Я даже не знаю, кто он такой!

— Зато ты наверняка узнала его рясу, — ответила Колин.

Пони вздрогнула и повесила голову. Она не убийца; ей и в голову не придет убивать того, кто этого не заслуживает. Где, однако, проходит граница того, что она способна сделать, а что нет? Разве ей решать, заслуживает ли человек остаться в живых? Да, она ненавидит отца-настоятеля и убьет его при первой же возможности. Неужели это означает, что ненависть высосала у нее всю душу?

Пони отогнала беспокойные мысли. Им нужен один из этих коней; и желательно сделать это таким образом, чтобы монах ничего не заметил. Но как? Пони задумчиво перебирала магические камни. Можно использовать алмаз, чтобы, к примеру, на какое-то время ослепить монаха, а потом с помощью малахита поднять его в воздух. Он не будет догадываться, что именно произошло, даже спустя много времени после того, как Пони позволит ему опуститься и тьма перед его глазами рассеется. Если, конечно, сразу же не заметит, что позади фургона привязана другая лошадь.

Однако в конце концов он наверняка сообразит, что здесь не обошлось без каменной магии. И догадается, какие именно камни были применены, а это облегчит поиск ищейкам Маркворта.

Нет, нужно проявить хитрость, решила Пони.

— Спускайся с холма и остановись рядом с дорогой в сотне ярдов впереди него, —

велела она Колин. — Расседлай лошадь. Когда он будет проезжать мимо — в этот момент я отвлеку его внимание, — быстро и бесшумно поменяй одного из тех коней, что привязаны сзади, на свою лошадь.

— Я бы предпочла одного из тех, что впереди, — сказала Колин.

— Прошу тебя, иди.

Несмотря на скверное настроение, Пони еле заметно улыбнулась, провожая взглядом Колин. Эта женщина стала ей настоящим другом; она очень хорошо чувствовала настроение Пони и умела отвлечь ее от мрачных мыслей, помогая сосредоточиться на настоящем.

Пони достала из сумки камень души и вызвала в сознании образ, отчасти напоминающий ее саму, стоящую на берегу озера после исполнения би'нелле дасада. Постаравшись сделать этот образ неузнаваемым, она мысленно представила, что на обнаженное тело накинуто полупрозрачное покрывало.

Интересно, насколько убедительно у нее получилось? Малейший промах — и монах догадается об истинной природе контакта. Тогда все ее усилия пойдут прахом.

Она погрузилась в магию камня, во всех деталях представила себе только что созданный образ и послала его в сознание монаха.

Монах Пемблтон то насвистывал, то напевал, радуясь прекрасной погоде и тому, что вот-вот начнется весна.

— Может, даже завтра! — громко воскликнул он. — Вот так-то! Ха-ха!

Он щелкнул поводьями, понуждая коней ускорить шаг. Ему хотелось добраться до Кертинеллы еще ранним утром; Джанина О'Лейк обещала угостить его завтраком, если он явится до того, как она уберет со стола. Он хотел...

Внезапно, точно ниоткуда, перед его мысленным взором возник удивительный, манящий образ. Монах и думать забыл о конях. Фургон поехал медленнее, а потом и вовсе едва не остановился, но очарованный монах не заметил этого. Он сидел очень тихо, прикрыв глаза и пытаясь понять, отчего это вдруг его мыслями завладел волнующий образ прелестной женщины-искусительницы.

Нужно прогнать его... Он даже пробормотал начало молитвы...

Без толку. Она заполонила его мысли, такая прекрасная, такая...

Колин Килрони бесшумно выскользнула из кустов позади фургона, ведя в поводу свою лошадь. Обменяла коней. Человек на козлах ничего не замечал. Интересно, что Пони сотворила с ним?

Спустя несколько минут, уже на свежем коне, Колин оказалась рядом с Пони. Та все еще сжимала в руке камень души, полностью погрузившись в его магию. Глянув вниз, на дорогу, Колин увидела медленно ползущий фургон и покачивающегося на козлах монаха.

— Что ты с ним сделала? — спросила она, и Пони очнулась от транса.

— Ну, просто развлекла немного... скучно же так ехать, — загадочно ответила Пони.

Колин некоторое время непонимающе таращилась на нее, но потом криво улыбнулась.

— Ну, ты и плутовка! — рассмеялась она.

Они поскакали дальше, стремясь как можно скорее оставить позади все еще зачарованного монаха.

Пемблтон медленно продолжал свой путь, все время пытаясь снова вызвать в сознании ускользающий образ. И только отвязывая коней у двери дома Джанины О'Лейк, заметил, что вместо одного из них к задней части фургона привязана чужая лошадь.

Они проскакали через Ландсдаун и Кертинеллу без особой помпы. И все же двести человек, среди которых были солдаты знаменитой Бригады Непобедимых, скачущие на не менее знаменитых тогайранских жеребцах, не могли не приковать к себе внимания местных жителей.

В Кертинелле сделали небольшой привал, дав солдатам возможность выгулять коней, проверить у них подковы, седла и смазать маслом броню и оружие. Маркворт и Дануб

согласились, что остановка продлится не дольше часа, хотя до заката оставалось всего часа два.

— Брат Симпл! — воскликнула Джанина О'Лейк, разглядев среди наводнивших Кертинеллу важных шишек Де'Уннеро. — Ты уже снова здесь? А я думала, ты все еще в Дундалисе. — Де'Уннеро отвернулся, не имея настроения болтать с простой крестьянкой. — Что-то в последнее время много кого так и тянет на север.

Маркворт услышал эти слова.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он женщину. — О ком говоришь?

Она пожала плечами.

— Один мой приятель сказал, что видел двоих, скачущих на север. Нынче утром, часов за шесть до вас.

— Двое всадников? — спросил Маркворт. — А не было ли среди них женщины?

Джанина снова пожала плечами.

— Он просто сказал, что видел двоих. Сегодня вообще всякие чудеса творятся. Монах Пемблтон привел сюда коней на продажу и только тогда заметил, что один из них не его, а какой-то чужой. Коня подменили, пока он добирался сюда, на хромую лошадь без одной подковы...

— В деревне есть монах церкви Абеля? — удивился Маркворт.

Внутренний голос нашептывал ему, что все это очень важно.

— Ну да, а я о ком толкую? Он еще так разволновался, увидев вас.

Едва она договорила, появился Пемблтон, нервно оглядываясь и ломая пальцы. Заметив рядом с Джаниной отца-настоятеля и Де'Уннеро, он зашагал в их сторону, то и дело кланяясь.

— Я не знал, что вы будете здесь, — забормотал он. — Если бы я знал...

Маркворт успокоительным жестом поднял руку.

— Я слышал, у тебя возникла проблема с конями.

Глаза у монаха стали как блюдца, он оглянулся на Джанину. Похоже, мысль, что эта нелепая история стала известна отцу-настоятелю, ужасала его. Может, они сочтут, что он сумасшедший?

— Я... Я ничего не понял... и сейчас не понимаю, — залепетал монах. — Вроде бы это не мой конь, но я их уже столько продал... Этот караван, который вы послали из Санта-Мер-Абель на север, отец-настоятель... Мы с ним торгуем...

Отец-настоятель похлопал монаха по плечу.

— Ну-ну, успокойся... Твой конь был хромой?

Пемблтон пожал плечами.

— Не знаю, что и сказать. Не помню...

— Ты, наверное, неплохо наживаешься на этих людях, мой добрый монах? — спросил Маркворт.

Де'Уннеро подошел поближе, и, хотя монах был тяжелее его фунтов на пятьдесят, он явно занервничал.

— Нет, отец-настоятель, что вы! — воскликнул он. — Я уже много лет веду дела с Кертинеллой и никогда никого не обманывал...

— Он хороший человек. Всегда берет честную цену за честный товар, — вставила Джанина.

— Ну что, Пемблтон? — спросил Маркворт. — Это твой конь или нет?

Монах выглядел потерянным, то и дело оглядываясь по сторонам.

— Наверное, мой, — забормотал он. — Так я думаю. Нельзя подменить коня, чтобы возница этого не заметил!

— Смотри на меня! — потребовал Маркворт, глядя прямо в глаза монаху. — И отвечай как на духу. Это твой конь?

— Нет, это не мой конь, — сказал монах. Джанина фыркнула и округлила глаза. — Чистая правда, отец-настоятель! Все кони стоят в моей конюшне уже несколько месяцев — с

тех пор, как тут прошел караван, — и я знаю каждого. Этот — чужой. Я сам подковываю коней, а этого не я подковывал.

Маркворт перевел взгляд на Де'Уннеро.

— Возьми кого-нибудь из монахов аббатства Сент-Прешес и осмотри коня, — приказал он. — Может, они узнают подковы.

Потом он снова занялся Пемблтоном, постарался успокоить его и попросил подробно описать, как протекала его поездка от часовни до деревни. Монах послушался, хотя и спотыкался на каждом слове. Внутренний голос продолжал твердить Маркворту, что все это может иметь большое значение.

В конце концов он отвел монаха в сторону, и тот признался, что согрешил в сердце своем.

Все это неспроста, понял Маркворт, что и подтвердилось, когда вернулся Де'Уннеро. Один из монахов узнал подковы. Это была работа кузнеца погибшего барона. Кузнец ставил на всех своих подковах особое клеймо в виде комбинации собственных инициалов.

Лошадь, на которую столь таинственно подменили коня Пемблтона, была привязана сзади фургона, который, по словам монаха, он ни разу не покидал на всем пути до Кертинеллы. Эта лошадь прискакала из Палмариса и, как утверждал Де'Уннеро, была в пути совсем недавно.

Маркворт был заинтригован, но больше этот вопрос обсуждать не стал. Позже, когда отряд разбил лагерь в двух часах пути от Кертинеллы, отец-настоятель вошел в свою палатку, взял камень души и полетел на север, по дороге обшаривая местность. Он быстро нашел то, что искал, — маленький лагерь под низко свисающими ветвями древней сосны. Кони были привязаны рядом. Маркворт не удивился, когда проскользнул сквозь ветки и обнаружил под ними свою заклятую врагиню. Она сидела, опершись спиной о ствол, а рядом лежала вторая женщина, покрупнее, одетая в форму городской стражи Палмариса.

У Маркворта мелькнула мысль немедленно напасть на Пони. Однако он подумал, что на этот раз она, возможно, в состоянии оказать ему более жесткий отпор; и теперь он не сможет опереться на ее страх за еще не родившегося ребенка, чтобы сломить недюжинную волю этой женщины. К тому же не исключено, что Дасслеронд снова где-то поблизости.

Его дух понесся обратно к телу. Маркворт вышел из палатки и окликнул Маркало Де'Уннеро.

Вскоре к приметной сосне уже во весь опор мчался тигр.

Однако все получилось не совсем так, как они рассчитывали. Одно дело лететь над землей, и совсем другое бежать по ней. На своем пути дикий кот встретил немало препятствий, над которыми дух проносился без малейшей задержки. К тому времени, когда Де'Уннеро добрался до места, рассвет уже наступил и женщины покинули место ночевки. Разочарование длилось недолго, ровно до тех пор, когда он понял, что он не один; как выяснилось, дух Маркворта все время незаметно сопровождал его.

— Кольцо с камнем души поможет тебе слышать меня, — сказал отец-настоятель. — Настрой свои мысли на мой дух, я укажу тебе путь.

И Маркворт понесся прочь быстрее, чем северный ветер.

Найдя женщин, он окликнул Де'Уннеро; погоня возобновилась.

Через некоторое время неустомимый Де'Уннеро наконец увидел их. Дух Маркворта парил неподалеку, в то время как его удобно покоящееся на носилках тело тащили бегущие монахи. Отец-настоятель очень хорошо представлял себе, на что способна Пони, да еще с магическими камнями в руках, и не хотел оставлять Де'Уннеро с ней один на один.

Поэтому он напал первым, с пронзительным воплем ворвавшись в сознание ее коня.

Грейстоун так резко встал на дыбы, что Пони едва не вылетела из седла. Конь начал вертеться, неистово лягая воздух. Колин испуганно вскрикнула, не понимая, что происходит.

В конце концов Пони все же не удержалась в седле и упала на землю, больно ударившись спиной. В голове у нее помутилось, она с трудом переводила дыхание, но сообразила откатиться в сторону, чтобы Грейстоун не затоптал ее.

— Что случи... — начала было Колин, но смолкла на полуслове.

Что-то огромное врезалось в нее, выбив из седла. Понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя, вытереть с глаз кровь и грязь. И тут она увидела чудовищного монстра, стоящего над Пони. Крик застрял у Колин в горле, так невероятно выглядело то, что открылось ее взгляду. От пояса вверх перед ней был сильный мужчина со странным лицом, в котором причудливым образом смешались кошачьи и человеческие черты. Нижняя половина тела у него была тигриная, полосатый хвост ходил вверх и вниз. Чудовище склонилось над Пони, та замахала руками, но тигриная лапа с такой силой ударила ее в грудь, что у Пони перехватило дыхание. Чувствовалось, что ее силы на исходе.

Колин заставила себя подняться и потянулась к мечу.

Жуткий монстр отпрыгнул от Пони и повернулся лицом к Колин.

— Так тебе это не пройдет, негодяй! — закричала она и бросилась вперед, яростно размахивая мечом.

Де'Унnero в невероятном прыжке подскочил вверх, взлетел над мечом и всей своей тяжестью обрушился на Колин, припечатав ее к земле.

Она с ужасом увидела, как чудовищная рука протянулась к ней, схватила меч и откинула далеко в сторону. Потом Де'Унnero с силой ударил ее по лицу, несколько раз пнул ногой в бок, поднял и швырнул под ноги испуганно гарцующему коню.

— Беги! — закричала Пони.

Тигр снова бросился к ней, но отступил, ослепленный ударом молнии. Однако если это и остановило его, то ненадолго. Не дав Пони возможности нанести еще один магический удар, он тут же прыгнул на нее.

Колин с трудом поднялась на ноги, вскарабкалась в седло и поскакала прочь. Конь мчался сквозь лес, ветки хлестали ее по лицу, а по пятам неслись тигр. О, теперь она поняла, каким образом был убит ее любимый барон!

Внезапно конь сделал резкий поворот. Колин не удержалась, вылетела из седла, пронеслась сквозь ветки сосен и рухнула в грязный снег на крутом склоне лощины. Соскальзывая вниз, она потеряла сознание и не почувствовала, как остановилась, врезавшись в ствол дерева.

Последнее, что она слышала, было испуганное ржание коня, на которого бросился тигр.

Только разъяренный призрак отца-настоятеля Маркворта смог оторвать Де'Унnero от его роскошной добычи — вкусной, сочной плоти коня. Когда это произошло, он тут же целиком принял облик человека. Удивительно, но, хотя он вошел в такой раж, что даже не помнил, где его магический камень, это, казалось, больше не имело особого значения, как будто он и «тигриная лапа» каким-то непонятным образом слились воедино.

Чувствуя, что Маркворт зол, и опасаясь последствий этого, Де'Унnero наступил на горло своей жажде убийства и полностью отказался от звериного облика. Почти опьянев от жизненной энергии коня, он подошел к Пони и убедился, что, по счастью, не убил ее. Указания Маркворта были предельно ясны: Де'Унnero должен доставить Пони в лагерь живой, вместе с украденными камнями. Вторая женщина отца-настоятеля не интересовала.

Пони пришла в себя гораздо позже и обнаружила, что стоит, привязанная к дереву. Руки были прижаты к стволу и тоже сильно стянуты веревкой.

А прямо перед ней возвышался Де'Унnero, сверля ее взглядом прищуренных глаз.

— Неужели до тебя еще не дошло, насколько сильны твои враги? — спросил он, склонившись так близко, что их лица едва не соприкасались.

Пони отвернулась, не в силах выдержать его взгляд. Он схватил ее за подбородок и грубо повернул лицом к себе. Мелькнула мысль, что он собирается ее удушить или превратить ее лицо в кровавое месиво, но потом ненавистную физиономию расколола кривая улыбка.

Пони едва не потеряла сознания от чувства собственной беспомощности. Он мог сделать с ней все, что угодно. Все, в самом грязном смысле этого слова.

— Такая прекрасная! — Внезапно Де'Унnero погладил Пони по щеке.

Уж лучше бы он убил ее!

Она снова отвернулась, но он тут же снова схватил ее за подбородок.

— Такая прекрасная, — продолжал Де'Унnero. — Такая умелая в обращении и с камнями, и с мечом. И очень, очень волевая. — Пони выставила челюсть, сощурила яркие голубые глаза. — Боишься, что я овладею тобой? — Де'Унnero широко улыбнулся и ухватил ее за рубашку. — Боишься, что я сорву с тебя одежду и ты предстанешь передо мной обнаженной? — Пони не сводила с него взгляда, но по-прежнему не отвечала. — Ты не понимаешь меня. — Внезапно он отстранился и отпустил ее рубашку. — Я готов сразиться с тобой в открытом поле и с радостью убью тебя в честном бою — как и твоего любовника, которого называют Полуночником. Но овладеть женщиной, которая меня не хочет... Нет, это удовольствие не для меня. Я человек Бога.

Пони насмешливо фыркнула и отвернулась, думая, что он снова ухватит ее за подбородок и повернет лицом к себе. Однако этого не произошло.

— Глупое дитя, — услышала она его голос и затем звук удаляющихся шагов. — Ты даже не понимаешь тех, кого считаешь своими врагами.

Вскоре послышался конский топот, и вот уже они окружили ее со всех сторон — Маркворт и монахи, солдаты в сияющих доспехах и сам король Хонсе-Бира!

ГЛАВА 36

БЕЗРАДОСТНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Когда Серый нашел ее, она лежала вся в крови, разбитая и почти ничего не соображающая. Не было сил, чтобы вскарабкаться на него. А между тем нужно, наверное, попытаться помочь Пони.

Пони! При одной мысли о том, как она лежит на земле, во власти этого ужасного, чудовищного зверя, она забыла обо всем. Однако Колин понимала, что вряд ли в силах помочь ей. Даже если она сумеет добраться до Пони, тигр просто прикончит ее, и дело с концом.

Нет, нужно отказаться от этой мысли, решила Колин. Она с невероятным трудом взгромоздилась на Грейстоуна и поскакала на север. То и дело проваливалась в бессознательное состояние, но каким-то чудом сумела удержаться в седле.

Этой ночью она не разбивала лагерь; не было сил даже слезть с коня. Грейстоун скакал все дальше и дальше, изредка останавливаясь, чтобы пощипать траву или подремать — когда чувствовал, что его всадница тоже спит.

Если у Пони и мелькнула мысль, что удастся поговорить с королем Данубом, она быстро избавилась от нее. По приказу отца-настоятеля Маркворта — и Дануб при этом не возразил ни слова — монахи окружили ее со всех сторон, срезали веревки, которыми она была привязана к дереву, и поволокли куда-то. Она видела, как Маркворт показывал королю ее магические камни, и слышала его замечание о том, что среди них не хватает магнетита. Король Дануб бросил на нее взгляд, в котором смешались жалость и отвращение.

А потом он отвернулся, и Пони поняла, что обречена.

Какое-то время спустя рядом с ней возник Де'Унnero.

— Тебе придется бежать, как и всем нам, — сказал он. — Братья поддержат, если ноги откажут.

По бокам от нее встали два сильных монаха, подхватили Пони под руки и приподняли так, что ее ноги едва касались земли.

— Советую заново обдумать свою позицию, пока мы не вернулись в Палмарис, — продолжал Де'Унnero. — Жаль, если человека, столь сильного душой и телом, придется казнить на глазах у всех.

Пони не понимала, с какой стати он говорит ей все это. Может, и в самом деле

проявляет искреннюю заботу? Или это всего лишь игра в искренность и заботу? Или что-то еще похуже? Может, Де'Уннеро решил притвориться ее другом, сделать вид, будто он настроен против отца-настоятеля, чтобы усыпить ее бдительность, а потом застать врасплох?

Ладно. Что бы это ни означало, решила Пони, она не будет ему подыгрывать. Они сумели захватить ее и отняли все; но есть кое-что, до чего им никогда не дотянуться своими грязными лапами, — ее душа.

Хорошо, что Де'Уннеро здесь, подумала она. Значит, он не стал преследовать Колин. Хотя кто знает, жива ли она? Может, Де'Уннеро прикончил ее, прежде чем вернуться к Пони.

— Я буду надеяться и верить, — прошептала она.

И тут же пожалела об этом. Но что делать? Ей так хотелось услышать эти слова произнесенными вслух! Но вдруг монахи начнут насмехаться над ней? Нет, они промолчали. Лишь один посмотрел на Пони, удивленно и даже с некоторым уважением.

Мужественно встретить смерть — не такой уж это подвиг; но что еще ей оставалось?

На следующий день боль немного отступила, и Колин прониклась мрачной решимостью во что бы то ни стало добраться до Полуночника и рассказать ему о судьбе его возлюбленной. Она понимала, что ранена серьезно. Рука сломана, а щиколотка так распухла, что невозможно снять сапог. И крови потеряно немало, и до костей пробирал холод.

Однако Колин думала об одном и неустанно понукала Грейстоуна, прекрасного, сильного, неумолимого коня.

Дни и ночи слились воедино, боль накатывала волна за волной. На третий день пошел дождь, но в своем полубреду Колин не заметила этого. От ее внимания ускользнуло даже то, что солдаты и монахи неуклонно нагоняли ее, хотя в отличие от них она скакала и ночью.

Она должна добраться до Дундалиса; только там можно будет немного отдохнуть.

На четвертый день она потеряла сознание и соскользнула с Грейстоуна, повиснув на стремях. У коня хватило разума остановиться, но это было все, чем он мог ей помочь. Придя в себя, она попыталась подняться, но снова упала, лишь расцарапав о колючие кусты щеку.

Солнце опускалось все ниже, и вскоре стало совсем темно.

Двигаясь со скоростью, присущей только тол'алфар, Тиел'марави пересекла предгорья Барбакана, перепрыгивая через снежные завалы, а дальше побежала по уже оттаявшей земле налегке, то и дело прибегая к помощи крыльев. Вопреки присущей ей, как и всем эльфам, неистребимой любви к песням и танцам, на этот раз она нигде не задерживалась и не отклонялась с пути; на сердце тяжким грузом лежало воспоминание о гибели Ни'естиела.

Госпожа Дасслеронд должна узнать обо всем, что произошло. О смерти эльфа, об убийце-епископе и — может быть, это важнее всего — об удивительной магии, спасшей Полуночника и саму Тиел'марави на плато горы Аида.

Незамеченная стражниками, она промчалась мимо Дундалиса. Чтобы возвратиться в Эндур'Блоу Иннинес, сразу за деревней следовало повернуть на запад. Однако Тиел'марави понимала, что госпожа, скорее всего, все еще в Палмарисе. Или, может быть, уже покинула его и сейчас движется на север.

Она ловила каждый звук, надеясь услышать тиесттиел, звездную песнь эльфов.

Однако вместо этого ее ушей коснулись негромкое ржание коня и стоны женщины.

Тиел'марави была не знакома с Колин Килрони; не узнала она и коня Джилсепони. Но, как ни спешила эльфийка, оставить раненую в таком ужасном состоянии она не могла. Обрезав сбрую, она со всеми возможными удобствами устроила женщину на земле, завернула ее в одеяло, а потом расседлала беднягу-коня, кожа которого оказалась стерта до гноящихся ран.

Колин каким-то чудом сумела разлепить один глаз; другой не открывался из-за спекшейся крови.

— Полуночник... — прошептала она растрескавшимися, пересохшими губами. —

Пони схватили.

Глаза у Тиел'марави округлились.

— Пони? — спросила она, легонько похлопав раненую по щеке. — Джилсепони? Кто ее схватил? Монахи?

Однако Колин полагала, что все самое главное уже сказано, и ее сознание снова погрузилось во тьму.

Тиел'марави была в растерянности. Что делать? Повернуть обратно? Мысль об этом была ей ненавистна, но, с другой стороны, это может оказаться очень важно. Она снова помчалась на север, но на этот раз, пробегая мимо Дундалиса, постаралась, чтобы стражники заметили ее.

— Там, на дороге, женщина! — закричала она и услышала топот сапог и бряцанье оружия. — Женщина на южной дороге, тяжело раненная!

— Кто здесь? — закричал один из стражников.

Но Тиел'марави уже исчезла.

Отойдя на некоторое расстояние, она с облегчением заметила небольшую группу людей, устремившуюся по дороге на юг.

Вскоре они увидели коня, а рядом с ним впавшую в беспамятство женщину.

— Она из стражи Палмариса, — заметил один человек, осторожно перевернув Колин на спину, в то время как его товарищ отвел в сторону коня.

— Кузина Шамуса Килрони, — сказал другой, крупный, с густыми черными волосами. — Колин, так ее зовут. Когда мы были в Кертинелле, она принесла сообщение о смерти барона.

— Похоже, вскоре она отправится следом за ним, — заявил третий человек.

Первый, успевший осмотреть раны Колин, покачал головой.

— Все не так уж плохо, — сказал он. — Все, что ей требуется, — это еда и теплая постель. Раненая, она скакала несколько дней, а чтобы не упасть, привязывала себя к седлу.

— Славный конь, — заметил третий.

Только тут черноволосый человек взглянул на жеребца, до предела измотанного, с гноящимися ранами. И удивленно вытаращил глаза.

— Кто расседлал коня? — спросил между тем второй.

— И кто сообщил нам о раненой женщине? — добавил третий.

Томас Джинджерворт не мог произнести ни слова; в горле у него застрял ком. Он узнал коня, каким бы измученным и истощенным тот ни был. Это Грейстоун, жеребец Пони!

— Несите ее в деревню, — приказал он. — Накормите, согрейте и любыми средствами добейтесь того, чтобы она заговорила! Быстро!

Его товарищи осторожно подняли Колин, положили ее на спину Грейстоуна и повели коня в деревню.

Томас, сильно расстроенный, торопливо шагал следом, тревожно оглядываясь по сторонам.

Тиел'марави воспользовалась моментом и выскользнула из зарослей.

Томас вскинул руки, показывая, что он безоружен.

— Я не враг эльфам, — сказал он, явно не выказывая удивления при виде миниатюрной эльфийки.

— Ты знаешь, кто мы такие, — рассудила Тиел'марави. — И еще ты знаешь что-то о раненой женщине.

— Меня зовут Томас Джинджерворт, — ответил он. — Я друг Полуночника и Джилсепони. Раненая женщина прискакала на ее коне.

Тиел'марави приложила все усилия, чтобы скрыть беспокойство; если Пони попала в беду, тогда что случилось с госпожой Дасслеронд?

— И еще я друг Белли'мара Джуравиля. Или, по крайней мере, товарищ, — закончил Томас. — Он проводил нас до этой деревни, а потом отправился к себе домой.

— А я Тиел'марави, — низко поклонившись, представилась эльфийка. — Раненая

женщина что-то знает о Джилсепони.

— В таком случае, умоляю тебя, пойдем с нами, — попросил ее Томас.

На мгновение задумавшись, эльфийка кивнула в знак согласия.

Когда они с Томасом торопливо шагали по деревне, она все время чувствовала прикованные к себе взгляды; но это были отнюдь не враждебные взгляды.

Измученная Колин, отчасти уже пришедшая в сознание, снова и снова повторяла, что Пони захватили и нужно сообщить об этом Полуночнику.

— Я оставила Полуночника в Барбакане, — сказала Тиел'марави. — Ему помешала отправиться в дорогу снежная буря. Он, наверное, пробудет там еще несколько дней, если, конечно, погода снова не испортится.

— Но тебе-то буря не страшна, — заметил Томас. — Ты можешь вернуться в Барбакан. — Эльфийка устремила на него пристальный взгляд. — Если Пони в беде, Полуночник обязательно должен об этом знать.

— Тогда пойди и скажи ему, — холодно ответила Тиел'марави, давая понять, что с нее хватит.

— Но по твоим же словам, Полуночник не смог пробиться сквозь пургу, — сказал Томас. — Как, в таком случае, сумеет это сделать кто-то из нас?

Не успела Тиел'марави ответить, как дверь распахнулась и в комнату вбежала взволнованная женщина.

— Солдаты идут, — с трудом переводя дыхание, сообщила она. — И монахи. Много монахов.

Томас повернулся к Тиел'марави... и увидел, как она выскользнула в раскрытое окно.

— Храни нас боги, — пробормотал он. — Нужно ее спрятать, — он кивнул на Колин. — И помните: нам ничего не известно о ней.

Томас выбежал из дома и помчался на южную окраину деревни, где в ожидании солдат уже собрались почти все жители. Он то и дело оглядывался по сторонам, надеясь заметить Тиел'марави, хотя догадывался, что она уже далеко.

— Интересно, что этим солдатам от нас нужно? — спросил кто-то.

— А монахам? — с оттенком презрения добавил второй.

Он вместе с Томасом был в лесу, когда они столкнулись с тем ужасным, злобным монахом. У него была тигриная лапа вместо руки, одним движением которой он разорвал на клочки кожаную тунуку их товарища.

— Это Непобедимые, — пронесся шепот, когда отряд подошел ближе. — И у некоторых на шлемах перья.

— Награда победителю.

— Далеко же они забрались от Урсала.

Это было, конечно, эффектное зрелище. Однако внимание Томаса привлекли прежде всего монахи в коричневых рясах церкви Абея, бегущие бок о бок со скачущими на сильных, красивых конях солдатами. Один из монахов в особенности приковал к себе его взгляд. Это он! Тот самый, с кем они столкнулись в лесу пару недель назад. Он тогда еще назвал Томаса и его товарищей друзьями Полуночника. И значит — врагами церкви.

Завидев карету с Марквортом, все вокруг Томаса от удивления разинули рты.

Томасу до сих пор никогда не приходилось видеть отца-настоятеля церкви Абея, но особое положение последнего бросалось в глаза. К тому же один из жителей Дундалиса узнал его.

— Что мы такого сделали, что все они сюда пожаловали? — спросил кто-то.

— Скорее всего, не мы, а Полуночник, — ответил второй.

Томас был того же мнения, но промолчал, не в силах оторвать взгляд от приближающейся процессии. И вдруг он увидел Пони, всю в грязи и синяках, поддерживаемую с обеих сторон монахами. Сердце у него упало. Сколько сил Пони и ее возлюбленный потратили, помогая Томасу и остальным уцелеть! Только сейчас, увидев ее в таком беспомощном, жалком состоянии, Томас понял, как сильно привязался к ней и

Полуночнику, как многим он им обязан.

Процессия остановилась на расстоянии примерно двадцати футов от толпы. Солдаты выстроились в два ряда, стоя так плотно друг к другу, что конские тела мешали различить стоящих во втором ряду.

— Бригада Непобедимых... — снова прошептал кто-то с благоговейным ужасом в голосе. — Лучшие в мире.

Учитывая, с кем они сегодня водили дружбу, Томас не был в этом так уж уверен.

Вперед выехал человек лет сорока, внушительный, сильный, на горячем коне. Один из монахов тут же оказался рядом с ним, и Томас скрипнул зубами, узнав его.

— Я герцог Таргон Брей Калас, — представился всадник.

— А я Де'Уннеро, глава аббатства Сент-Прешес, — добавил монах. — Томас Джинджерворт, ты по-прежнему считаешься в Дундалисе за главного?

То, что монах знаком с Томасом, явно удивило герцога, и он бросил на Де'Уннеро подозрительный взгляд.

— Мы бы подготовили лучший прием, если бы нас предупредили, что сюда едут такие важные гости, — с низким поклоном ответил Томас.

— Знаю я, какие вы тут оказываете приемы, — усмехнулся аббат.

Томас развел руками.

— Какого приема может ожидать незнакомец, неожиданно подошедший к нам в лесу? Здесь места дикие, мой добрый аббат.

— Добрый? — с иронией повторил Де'Уннеро.

— Хватит шуток шутить. — Герцог спрыгнул с коня, снял шлем с двумя перьями и встал между монахом и Томасом. — Мы ищем человека по имени Полуночник. Ты знаешь его?

— Он очень хорошо знает этого человека, — ответил Де'Уннеро, не дав Томасу рта раскрыть. — Он в дружбе с ним и нашей гостьей, Джилсепони, ученицей Эвелина, пытавшейся убить отца-настоятеля Маркворта. — Калас перевел на монаха сердитый взгляд, но тот и не думал униматься. — Предупреждаю тебя в последний раз, Томас Джинджерворт. Думай, что делаешь.

— Я знаю человека по имени Полуночник, — сказал Томас. — Выдающегося героя. — Де'Уннеро усмехнулся. — Именно Полуночник вместе с Пони, которую, как я вижу, вы захватили и держите в плену, спас всех нас, когда повсюду кишели приспешники демона. А теперь, значит, вы охотитесь на него, так надо понимать! И хотите, чтобы я — и все остальные, обязанные ему жизнью, — распахнули вам свои объятия и оказали помощь врагу нашего друга?

— Ты будешь делать то, что тебе прикажут. — Де'Уннеро сделал шаг в сторону Томаса, как будто собираясь ударить его.

— Добрый господин Джинджерворт, — вмешался в разговор герцог Калас. — Я говорю от имени самого короля Дануба. Полуночник и эта женщина совершили преступления против церкви и государства. Мы найдем его и доставим в Палмарис для дознания, с помощью жителей Дундалиса или без нее.

— Здесь, в Тимберленде, законы Хонсе-Бира не действуют, — сказал человек, стоящий рядом с Томасом.

— А вот это может стоить тебе языка, — отрезал герцог Калас.

— Власть нашего короля на эту территорию не распространяется, — поддержал товарища Томас.

— И церкви тоже, надо полагать? — спросил Де'Уннеро. — Ты что-то очень легко наживаешь себе врагов, Джинджерворт.

— Я не хочу иметь врагов, — ответил Томас.

— Тогда пойми вот что, — заявил Калас, заставив замолчать Де'Уннеро, который попытался заговорить одновременно с ним. — Кто не помогает нам, тот помогает Полуночнику. И если его вина в совершении преступлений, в которых его обвиняют, будет

доказана, те, кто помогал ему, вряд ли смогут рассчитывать на милость короля Дануба.

Сказав это, Калас жестко зафиксировал взгляд на Томасе, давая ему понять, что в этом вопросе компромисс невозможен, что тут они с Де'Уннеро единомышленники.

— Он здесь? — после паузы спросил герцог.

— Нет, — ответил Томас. — Он ушел отсюда много дней назад. Я не знаю, где он.

— Нет, знаешь, — снова вмешался в разговор Де'Уннеро. — Он пошел на север, в Барбакан, хотя, возможно, сейчас уже вернулся. — Его здесь нет, — повторил Томас.

— Обыскать деревню! — приказал Де'Уннеро, махнув монахам рукой.

Опасаясь, как бы его не опередили, герцог Калас сделал тот же жест. Солдаты Бригады Непобедимых рванулись вперед и рассыпались между домами.

— Тот, кто окажет сопротивление, будет убит на месте, — сказал Калас Томасу.

Жители Дундалиса изрядно потрудились, укрывая Колин Килрони. Ее и не нашли бы, да вот беда — с конем вышла промашка. Де'Уннеро заметил измученного Грейстоуна и расхохотался.

— Значит, жеребец Джилсепони у вас! — воскликнул он. — Отлично. А теперь признайся, мой добрый господин Джинджерворт, где всадница?

— Он прискакал один, — ответил Томас сквозь стиснутые зубы.

— Неужели? Всю дорогу от Кертинеллы? До чего же умное создание! — с иронией продолжал Де'Уннеро. Внезапно он прищурился и подошел вплотную к Томасу. — Она здесь. Я чую ее запах... Ищите рыжеволосую женщину! — приказал он монахам. — Она из стражи в Палмарисе и наверняка ранена.

Опасаясь, как бы его не опередили, герцог Калас отдал своим подчиненным такой же приказ. Монахи и солдаты принялись снова обшаривать каждый дом, раздавая тумачи направо и налево.

Все жители с надеждой смотрели на Томаса Джинджерворта, главу деревенской общины. Но что он мог поделать? Начал было возмущаться, но Де'Уннеро оттолкнул его и сам бросился на поиски. Томас попытался излить негодование на герцога Каласа, но ошеломленно смолк, когда из рядов солдат выступил вперед еще один человек.

— Томас Джинджерворт, — жестко сказал король Дануб, остановившись перед Томасом. — Ты больше не будешь ни во что вмешиваться и не произнесешь ни слова. Меня здесь не было бы, если бы не настоятельная необходимость разрешить эту проблему. Встань в стороне и скажи своим людям, чтобы они вели себя так же.

— М-м-мой король... — пролепетал Томас с низким поклоном.

— Да, и даже в Тимберленде, — подчеркнуто произнес Дануб, давая понять, что он слышал заявление насчет королевской власти, которая не распространяется на эти края.

Томас задрожал и упал на колени, моля о милосердии.

Вернулся Де'Уннеро. Позади него два монаха тащили Колин Килрони.

Томас Джинджерворт закрыл глаза и едва не потерял сознания. Он почти не слышал, как Де'Уннеро и Маркворт объявляли его преступником, принимавшим участие в заговоре против церкви и государства.

— Не против государства... — осмелился возразить кто-то из жителей Дундалиса, но его слова были прерваны смачным звуком оплеухи.

Томас открыл глаза и увидел рядом с собой лежащего ничком человека, над которым возвышался Де'Уннеро. Томас посмотрел на короля Дануба, взглядом умоляя его о снисхождении, но тот отвернулся и зашагал прочь.

После проведенного Де'Уннеро расследования под стражу были взяты Томас, еще пять мужчин и две женщины. Отец-настоятель конфисковал девять коней, и Пони вместе с новыми пленниками прикрутили к седлам, связав им запястья и лодыжки под брюхом коня.

Процессия двинулась дальше на север, тем же самым путем, которым не так давно прошли Полуночник и его товарищи.

И раненая женщина-солдат, и глава Дундалиса просили Тиел'марави вернуться в

Барбакан и рассказать Полуночнику о том, что случилось с Пони. Если бы он принадлежал к тол'алфар, то к моменту, когда солдаты и монахи вошли в маленькую деревню на окраине Тимберленда, эльфийка уже давно мчалась бы на север.

Однако Полуночник был не-эльф, как и его возлюбленная Пони. По этой причине Тиел'марави повернула на юг и той же ночью услышала плывущие в воздухе звуки тиесттиел.

К концу второго дня она встретилась с госпожой Дасслеронд и остальными. Как и следовало ожидать, ее рассказ о несчастье с Пони и угрожающей Полуночнику опасности тяжким грузом лег на души эльфов, в особенности Белли'мара Джуравилья.

— Мы не можем допустить этого, — сказал он госпоже Дасслеронд.

— Не забывай, во главе отряда идут отец-настоятель церкви Абеля и король Хонсе-Бира, — ответила она. — Что, предлагаешь нам начать войну с людьми?

Поняв, что она права, Джуравиль повесил голову.

— Все происходящее может напрямую сказаться на тол'алфар, — только и сказал он. — В особенности то, что случится с Полуночником.

Госпожа Дасслеронд безумно устала и хотела лишь одного: вернуться в Эндур'Блоу Иннинес. Однако она понимала, что в этом Джуравиль прав. Королева тол'алфар оглянулась по сторонам. Эльфы придвинулись ближе, ловя каждое слово.

— Ситуация стала слишком сложной и опасной, — заявила госпожа Дасслеронд, и все, даже Джуравиль, закивали головами в знак согласия. — Мы возвращаемся домой и больше не принимаем участия в делах людей. — Она выдержала долгую, многозначительную паузу. — Однако нам обязательно нужно знать, как события будут разворачиваться дальше, поэтому домой вернутся все, кроме Белли'мара Джуравилья. Он будет нашими ушами. — Джуравиль удивленно посмотрел на госпожу. — Ты, кажется, называешь себя другом Полуночника и этой женщины, — пояснила свое решение Дасслеронд.

— Мы все называем Полуночника своим другом, — ответил Джуравиль.

— Но не таким близким, как для Белли'мара Джуравилья, — продолжала Дасслеронд. — Ты так долго сражался рядом с Полуночником и этой женщиной, что имеешь право стать свидетелем их дальнейшей судьбы.

— Благодарю вас, моя госпожа, — ответил Джуравиль.

— Свидетелем, не более того, — жестко повторила госпожа. — Помни: нам ни к чему вмешиваться в то, что происходит между людьми. Полуночник и Пони должны справиться сами или принять свою судьбу. Ты будешь свидетелем, только свидетелем, а потом вернешься к нам и расскажешь обо всем.

Джуравиль понимал, какая огромная честь и доверие оказаны ему. А что касается всего остального... Госпожа Дасслеронд понимала его чувства к Полуночнику и Пони, справедливо предполагая, что у него может возникнуть искушение вмешаться.

Однако понимала она и то, что Белли'мар Джуравиль был тол'алфар, и этим все сказано.

ГЛАВА 37 В ОЖИДАНИИ ЧУДА

Снег не шел уже несколько дней, и воздух заметно прогрелся, даже в удалении от руки Эвелина, даже высоко в отрогах Барбакана. Элбрайн, Роджер и кое-кто из солдат Шамуса уже не раз спускались в долину и к подножию гор; главным образом ради охоты, а Полуночник, кроме того, все время выискивал доступную тропу на юг. Пока что его поиски не увенчались успехом, но по возвращении настроение Полуночника неизменно чуть-чуть повышалось. Каждый раз они забирались все глубже, и становилось ясно, что совсем скоро можно будет отправиться в путь. — Надеюсь, сегодня мне повезет, — сказал Элбрайн кентавру рано утром, в очередной раз отправляясь на поиски тропы.

Однако когда он вернулся, по выражению его лица Смотритель понял, что дороги на юг

все еще непроходимы. Проблема состояла в том, что Полуночник хотел отправиться в путь на Даре, но если сам он, может, и преодолел бы снежные завалы, то коню это было не под силу.

— Что, все завалено? — спросил кентавр.

— Чуть не утонул в снегу, — хмуро ответил Элбрайн.

— Ничего, он скоро растает.

— Не так уж скоро, — ответил Полуночник, устремив взгляд на юг. — И если после этого снова приморозит, то все обледенеет и мы можем застрять тут еще на месяц.

— Пока никаких признаков мороза или снегопада не наблюдается, — попытался успокоить друга Смотритель. — А если что-то и появляется, то с утренним солнцем все тает.

— Обиднее всего то, что к югу от гор земля наверняка уже очистилась от снега. Если бы я мог преодолеть горы, то давно бы скакал в Палмарис.

— С ней все в порядке, мальчик, — сказал кентавр. — Знаю, ты беспокоишься за нее, и не без причины. Но нужно доверять ей. Спорю, Пони уже сумела обзавестись там друзьями и соратниками. Она найдет способ ускользнуть от Маркворта, да и от этого мерзкого Де'Унnero тоже. Имей терпение. Всего несколько дней — и снег растает. А если погода вдруг испортится, к этому добавится еще несколько дней, только и всего. Дар — самый лучший конь на свете, но заснеженные перевалы ему не одолеть. Да и мне это не под силу. Я хоть раз ходил с тобой на охоту? То-то. Да, парень, все, что тебе нужно, — это немного терпения. Придется сидеть здесь до тех пор, пока зима не выпустит нас отсюда.

Элбрайн улыбнулся; значит, Смотритель утешал его не напрасно.

— По крайней мере, еды здесь хватает, — добавил кентавр.

И то правда, должен был признать Элбрайн. Вдоволь еды, исходящее от руки Эвелина тепло и, что немаловажно, полная безопасность, поскольку после убийства гоблинов ни один монстр не осмеливался появляться на плато или даже в тех местах, где Элбрайн и остальные охотились.

Все могло быть хуже, гораздо хуже, но... Ему так не хватало Пони, тепла ее сильных рук! А еще он мог бы держать ее за руку во время родов. Это должно случиться уже совсем скоро, и если в самое ближайшее время он не сумеет выбраться из Барбакана, то даже Дар не доставит его в Палмарис вовремя.

Между тем Маркворт, Дануб и их воинство беспрепятственно продвигались вперед. Тропы к северу от Дундалиса уже расчистились, и ничто не мешало сохранять хорошую скорость. В первый день они остановились совсем ненадолго — только чтобы наскоро перекусить и дать отдохнуть коням, и не развязывали пленников, раскинув ночью лагерь.

К этому времени тела у Томаса и остальных совершенно задеревенели. Бедняжка Пони, совсем недавно пострадавшая во время схватки с Марквортом и потерявшая свое дитя, не могла даже стоять. Она калачиком свернулась на земле, обхватив руками живот.

Томас умолял захватчиков позволить им или хотя бы Пони провести следующий день в седле. Маркворт отказал, сославшись на то, что она сама во всем виновата и что с ней обращаются, как она того заслуживает. Но потом Де'Унnero обратил его внимание на то, что, если ей станет хуже, это может замедлить их продвижение. К тому же, добавил он, живая Джилсепони может оказать им очень большую услугу, когда они наконец встретятся с Полуночником.

В результате на следующий день Пони скакала на коне, но резкая, рвущая боль в животе от этого слабее не стала. Она пыталась скрыть ее, не желая доставлять отцу-настоящему удовольствие видеть, как она страдает. Поглядывая на Томаса и остальных пленников, привязанных к спинам коней, точно это не живые люди, а седельные сумки или трупы, она говорила себе, что им гораздо хуже.

Каким-то чудом ей удалось выдержать этот день. Когда начали разбивать на ночь лагерь, она заставила себя сидеть прямо, преодолевая боль. И сумела даже немного поесть; ровно столько, чтобы поддержать силы.

Пони сидела на земле, опустив взгляд, когда к ней кто-то подошел. Даже не видя его, она поняла, что это Маркворт; его выдавала старческая походка.

— Если ты умрешь по дороге, я вызову духа, который вселится в твое тело, — сказал он. — И тогда твой нежный голосок приведет ничего не подозревающего Полуночника прямо в мои сети.

Пони призвала на помощь все свои силы, вскинула голову и с ненавистью посмотрела на старика.

— Демона, ты имеешь в виду. Можно, конечно, назвать его и духом, но суть от этого не изменится.

— Ты не забыла, как это впечатляет, когда тела мертвецов оживают? — спросил Маркворт, никак не реагируя на ее слова.

Пони отвернулась. В этот момент ею владело единственное желание: сразиться с ним снова. На кулаках или с камнем души — как он пожелает. Она знала, что на этот раз одолеет его, несмотря на всю свою слабость и боль. Уничтожит мерзавца и покажет всем, что он собой представляет. Король Дануб увидит черное сердце отца-настоятеля Маркворта, и тогда Пони получит могучего союзника в борьбе с церковью Абея!

— Сегодня вечером я снова немного полетал, — сказал Маркворт. — И нашел его.

Он говорил правду, и Пони понимала это. Был, однако, один огорчительный факт, о котором Маркворт умалчал: во время этого духовного путешествия что-то помешало ему приблизиться к плато на горе Аида, и он видел Полуночника и остальных лишь издалека.

— Полуночник, кентавр и их друзья, включая пятерых изменников-монахов, — продолжал старик, явно наслаждаясь моментом, — сидят на вершине горы Аида, не в силах прорваться сквозь снежные завалы Барбакана. И ждут нашего появления. Три дня, девочка моя, — и ты воссоединишься со своим другом Полуночником. Я получу огромное удовольствие, когда его, прикрученного к спине коня, протащат по улицам Палмариса. Вряд ли в таком виде народ воспримет его как героя, а? — Пони молча смотрела в сторону. — Людям, знаешь ли, нравится глазеть на казни. — Маркворт наклонился таким образом, чтобы попасть в поле ее зрения. — Когда человека вешают, или разбивают ему голову ударом камня, или сжигают... Да, в особенности им нравится костер. Это возбуждает их, вызывает обманчивое ощущение, будто сами они бессмертны. А может, им просто приятно смотреть на чужие страдания.

— Еще один человек Бога, — с иронией пробормотала Пони.

Маркворт грубо схватил ее за подбородок и вздернул лицо вверх.

— Да, человек Бога, — усмехнулся он, горячо дыша. — Господь милостив к тем, кто этого заслуживает, но безжалостен ко всем остальным. Я успел приглядеться к тебе, Джилсепони. Ты воображаешь себя этаким героиней простого народа, знающей истину, которая другим неведома. Но ты не героиня. Тем, кто следовал за тобой и твоим другом, вы принесли одни несчастья, а твоя «истина» — жалкая чушь, способная лишь на время облегчить страдания.

Пони вырвалась из его хватки, но на этот раз не отвернулась. В его словах ей почудился отзвук истины, и сердце у нее похолодело. Но потом она вспомнила, как во время войны они с Элбрайном сражались с врагами, в то время как монахи отсиживались в своих аббатствах, укрепленных не хуже крепостей. Вспомнила она и многое другое...

Нет, истина на ее стороне.

Маркворт ушел, а она еще долго раздумывала над его словами, стараясь разгадать его намерения, понять образ мыслей. Одно не вызывало сомнений: Элбрайну не уйти от столкновения с ним, и произойдет это очень скоро.

Весь следующий день она провела, погрузившись в глубокую медитацию и стараясь сохранять позу, при которой боль не так досаждала бы. Силы понемногу возвращались, как будто разговор с Марквортом снова дал ей ощущение цели. Приходилось, однако, скрывать эти перемены, потому что Де'Уннеро, словно чувствуя что-то, то и дело оказывался рядом с ее конем.

К тому времени, когда вдали показались отроги Барбакана, у нее начал созревать план.

Этим вечером у всех, кто давал себе труд взглянуть в ее сторону, возникало впечатление, будто Пони совсем плохо, — хотя, по правде говоря, она чувствовала себя гораздо лучше, чем остальные пленники, которые так и скакали, привязанные к спинам коней. Как только Де'Унnero оказывался поблизости, она начинала стонать громче.

На следующий день караван рассчитывал достичь предгорий Барбакана. Де'Унnero по-прежнему старался держаться рядом с Пони. Выбрав момент, когда, кроме него, поблизости никого не было, она с силой прикусила изнутри щеку. Почувствовала во рту вкус крови, внезапно накренилась и едва не соскользнула с коня.

Де'Унnero мгновенно оказался рядом, подхватил ее и помог сесть на коня. Пони покачивалась из стороны в сторону с таким видом, словно вот-вот упадет снова.

— Просто дайте мне лечь и умереть, — еле слышно произнесла она.

Де'Унnero внимательно посмотрел на Пони и заметил кровь у нее на губах.

— Что, уже выдохлась? — спросил он. — Маркворт еще даже не начал тебя обрабатывать, а ты уже умоляешь о смерти.

Пони покачала головой и снова пошатнулась.

— Дело не в том, — слабым голосом ответила она. — Я чувствую приближение смерти, вот и все. Сильное внутреннее кровотечение... Ужасное... Я не переживу этот день.

Де'Унnero всерьез встревожился. Сейчас, когда впереди их ждал Полуночник, ее смерть была бы совсем некстати. Если они не смогут предъявить ему Пони, у него будут развязаны руки. Конечно, солдаты Бригады Непобедимых вместе с монахами легко убьют Полуночника и всех его друзей, но ни сам Де'Унnero, ни Маркворт не желали такой развязки.

Нет, им нужна Пони, живая и, по возможности, в приличном состоянии — как приманка для Полуночника. Де'Унnero по-прежнему страстно жаждал сразиться с этим человеком один на один, но у него хватало здравого смысла понимать, что гораздо выгоднее захватить его в плен.

Аббат оглянулся на Маркворта. Тот со всеми удобствами расположился в своем экипаже, закрыв глаза и сосредоточившись на камнях, с помощью которых он облегчал монахам вес, помогая им не отставать от всадников. Не желая беспокоить его, Де'Унnero решил действовать на свой страх и риск. Прикоснувшись рукой с кольцом, в которое был вправлен камень души, к животу Пони, он усилил магическое воздействие за счет собственной энергии.

Пони мгновенно ощутила связь. Мысленно «оттолкнув» Де'Унnero, ее дух тут же погрузился в глубины камня души и понесся вдаль, над равниной и горами.

Разглядев внизу плоскую вершину Аиды и Элбрайна — дорогого Элбрайна! — она подлетела поближе и мысленно отчаянно воззвала к нему:

— Маркворт! Маркворт и король Дануб идут сюда! Бегите! Спасайте свою жизнь!

— Что? — спросил Элбрайн у стоящего рядом кентавра.

Тот, однако, лишь недоуменно посмотрел на него, и Элбрайн тут же все понял.

— Пони! — закричал он, пытаясь удержать ускользящее нечто.

Но она уже исчезла, умчалась прочь, вернулась в свое тело. Оно сейчас лежало на земле, и над ним возвышался разъяренный Де'Унnero.

Не совсем еще придя в себя, Пони посмотрела на него и... улыбнулась, несмотря на боль и кровь, хлынувшую из разбитого носа. Не такая уж большая победа, подумала она. Де'Унnero наклонился, снова ударил ее по лицу, грубо схватил на руки и швырнул на спину коня, приказав подбежавшим монахам привязать Пони, как остальных пленников.

Они не услышали от нее ни единой жалобы. Все ее мысли были сосредоточены на Элбрайне. Оставалось лишь надеяться, что он понял ее призыв и успеет скрыться.

— Что там такое? — спросил Маркворт Де'Унnero, обеспокоенно оглядываясь на короля Дануба и пытаясь понять, заметил тот суматоху вокруг Пони или нет.

— Она пыталась завладеть моим телом, — соврал монах. — С помощью камня души я

хотел исцелить ее раны. Не такие уж серьезные, как она старалась уверить меня, но это я уже потом понял. Ну, она и воспользовалась случаем...

Маркворт бросил полный ярости взгляд на Пони. «Не завладеть его телом она пыталась, — прошептал внутренний голос у него в голове. Маркворт широко распахнул глаза. — Послала свой дух на плато, чтобы предупредить сообщников».

— Сколько времени это продолжалось, прежде чем ты заметил? — спросил отец-настоятель.

— Несколько мгновений, не больше.

Несколько мгновений, вот как; не новичок в духовных странствиях, Маркворт понимал, что за несколько мгновений Пони могла улететь очень далеко.

— Чтобы никаких камней поблизости от нее не было, даже если ей и впрямь будет угрожать смерть! — приказал он.

После чего вернулся в карету, взял свой камень души и понесся тем же самым путем, каким совсем недавно летела Пони. Он чувствовал, что они по-прежнему никуда не делись — Полуночник и остальные заговорщики. Сейчас он увидит их и по их поведению поймет, успела эта женщина предупредить друзей или нет; может, ему даже удастся вселиться в тело одного из них.

Однако на краю плато дух Маркворта снова не смог преодолеть невидимую преграду; ощущение было такое, как если бы его тело со всего размаха врезалось в каменную стену.

Он попытался прорваться сквозь этот барьер, но ничего не получилось. Что-то мешало ему, что-то невероятно могущественное, во много раз превышающее даже то воздействие, которое оказала на него Дасслеронд, отшвырнув его дух обратно в Палмарис.

Он не понимал природу этой преграды — как и голос в его голове, — но знал совершенно определенно, что ему сквозь нее не прорваться. Может, уходя из Санта-Мер-Абель, Браумин и его приятели прихватили с собой очень мощный солнечник, подумал Маркворт? Но тогда это должен быть камень такой силы, какого ему никогда еще видеть не доводилось. Откуда бы они взяли его?

Потрясенный отец-настоятель вернулся в свое тело. Без его помощи монахи немного отстали от всадников, и он тут же с помощью малахита начал помогать им.

Весь оставшийся день Маркворт то и дело мысленно возвращался к таинственному барьеру на вершине взорванной горы Аида, радуясь тому, что в этом походе у него есть надежные и могущественные союзники.

— Они разбили лагерь прямо по ту сторону перевала, хотя там еще немало снега, — той же ночью сообщил Роджер Не-Запрешь, вернувшись из очередной разведки.

Элбрайн понимал: отцу-настоятелю, королю Данубу и, конечно, Де'Унnero нужен он.

— Скажи Шамусу, чтобы этой ночью глаз не смыкали, — сказал он кентавру. — Епископ может явиться к нам раньше всех, в одиночку.

— Хорошо бы, — ответил кентавр. — Может, удастся прикончить его еще до того, как на нас навалится вся эта проклятая армия.

— Мы остаемся здесь? — недоверчиво спросил Роджер.

— А куда нам деваться? — ответил Элбрайн. — Маркворт, с его магическими камнями, найдет нас где угодно. Здесь самая лучшая позиция. Здесь нам поможет Эвелин.

— По крайней мере, монахов-то, может, лучше и отослать, — заметил кентавр. — Зачем им погибать тут? Они Маркворту не нужны, его интересуют Полуночник и Смотритель.

— Я уже предлагал им это, — ответил Элбрайн, — но брат Браумин и слышать ничего не хочет. Он готов вернуться в Палмарис даже как пленник отца-настоятеля, лишь бы иметь возможность рассказать всем о чуде на горе Аида.

— Так ему и позволят языком болтать, — криво улыбнулся кентавр.

Элбрайн тоже не сомневался, что Маркворт ни за что не даст Браумину или любому другому из них рассказать правду. Полуночник понимал: здесь, на плато горы Аида, рядом с

воздетой к небу рукой Эвелина, они или победят, или потеряют все. Он хорошо представлял себе возможности магических камней, в частности камня души, с помощью которого Маркворт ни за что не даст им уйти.

Нет. Они или победят, или потеряют все.

Хотя... Может быть, и не все, подумал он.

— Уходи, — сказал он Роджеру. — Прямо сегодня, этой же ночью, на Даре. Скачи к перевалам и спрячься где-нибудь. Когда отряд Маркворта пройдет мимо, со всей возможной скоростью отправляйся на юг. Найди Пони и расскажи ей все — о чуде и о том, в какую ловушку мы угодили. Правда не должна умереть вместе с нами.

— Они не хотят убивать тебя, — явно недовольный решением Элбрайна, ответил Роджер. — Они хотят захватить тебя в плен.

— Тогда тем более важно, чтобы ты уцелел, — ответил Полуночник. — Возьми вот это, — добавил он, словно осененный внезапной мыслью.

Он снял с головы обруч с магическим камнем под названием «кошачий глаз» — единственным, если не считать того, который украшал рукоятку его меча, и бирюзы, утопленной в груди Дара, — оставленный ему Пони.

Роджер покачал головой, с ужасом глядя на обруч, как будто взять его — означало обречь Полуночника на смерть.

— Это я уговорил тебя идти на север. Я останусь с тобой. Если нам суждено погибнуть, то вместе.

— Хорошо сказано, — ответил Элбрайн, — но глупо. Я не прошу тебя бежать и прятаться из страха за твою жизнь, Роджер Не-Запрещь. Может, ты рискуешь даже больше моего! Если Маркворт захватит меня, Смотрителя и монахов, а король — Шамуса Килрони, они будут продолжать поиски. Ты единственный из нас, кто способен раствориться среди людей, так что им никогда не найти тебя. Я не собираюсь обсуждать этот вопрос. Когда мы отправлялись на север, все были согласны с тем, что возглавляю поход я. Бери Дара — и в путь, в Палмарис, к Пони.

Ища поддержки, Роджер посмотрел на Смотрителя, но почувствовал, что тот полностью согласен с решением Полуночника.

— Как думаешь, дух Эвелина может победить отца-настоятеля? — дрожащим голосом спросил он и взял у Элбрайна обруч.

Тот пожал плечами.

— Вообще-то мы уже должны быть мертвы. Кто знает, на какие чудеса еще способен дух Эвелина?

Вскоре Роджер ускакал; обруч с «кошачьим глазом» должен был помочь ему видеть в темноте. Тропы были все еще завалены снегом, но Дар и тут не подкачал. Еще даже не рассвело, а Роджер уже забрался далеко в горы, нашел укрытие и приготовился ждать.

Перевалы были все еще недоступны для перехода, но Маркворт выслал вперед группу монахов, снабдив их рубинами. Под воздействием исходящего от этих магических камней жара снег начал таять. Потоки мутной воды устремились вниз.

Вскоре после полудня показалась гора Аида. Стало ясно, что на закате они будут на месте.

Снедаемый любопытством, Роджер оставил Дара в укрытии и подкрался поближе, с изумлением и страхом разглядывая внушительный отряд. Чувство благоговейного ужаса только усилилось, когда мимо с грохотом проскакали солдаты из Бригады Непобедимых.

А потом сердце у него упало — он увидел пленников и среди них... Эти золотистые волосы могли принадлежать только его дорогой подруге! Чувствуя, что им овладевает паника, Роджер нервно оглянулся по сторонам. Нужно вернуться к Элбрайну и предупредить его! Или... может быть, попытаться спасти Пони?

Однако отряд несея вперед с такой скоростью! Ему не обогнать их; по крайней мере так, чтобы остаться незамеченным. А если его обнаружат, то тут же будет пущена в ход

магия, и ему конец.

И как он может спасти Пони? Глупость, конечно.

Все, что ему оставалось, — это беспомощно сидеть и наблюдать.

— Непобедимые... — простонал Шамус Килрони, заведя скачущий по долине отряд. — Мы обречены.

Его солдаты были того же мнения.

— Нужно доверять брату Эвелину, — сказал всем Браумин Херд.

— И своему королю, — добавил кентавр. — Вы говорили, он хороший человек. А хороший человек, выслушав ваш рассказ, поймет, что никакие вы не преступники.

Элбрайн, глядя вниз на приближающийся отряд, задумался над словами Смотрителя. Если кентавр прав, то как могут они стрелять по солдатам? Чему поверит король Дануб, глядя на склон, усыпанный телами подданных?

Полуночник мгновенно принял решение. Многим, в особенности кентавру, не доставило удовольствия услышать, что боя не будет; но, когда Полуночник высказал свои соображения, все согласились с его выбором.

Теперь, как и Роджеру, им оставалось одно: сидеть и наблюдать. Вскоре передовые всадники приблизились к плато.

— Здесь не Хонсе-Бир! — крикнул им брат Кастинагис. — Ваша власть сюда не распространяется!

В ответ на них обрушился шквал молний, заставивший всех отступить на ту же самую позицию, на которой они оказались под натиском гоблинов.

— Что-то ваш король не слишком склонен к разговорам, — мрачно заметил кентавр и поднял лук.

— Подожди, давай посмотрим. — Элбрайн схватил Смотрителя за руку, не давая ему осыпаться градом стрел взбирающихся на склон солдат и монахов.

Во главе монахов шел Маркало Де'Унnero.

— Ох, ну дай же хоть этого мерзавца прикончить! — воскликнул кентавр.

— Вот мы и встретились снова, Полуночник, — сказал Де'Унnero, игнорируя Смотрителя.

— Буду счастлив сразиться с тобой один на один, — ответил Элбрайн.

Искушение было очень велико, но чувство долга перевесило.

— Может, это нам еще предстоит, — сказал Де'Унnero. — Перед тем, как тебя казнят.

Смотритель вырвался из рук Элбрайна и вскинул лук.

— Меня послали предупредить тебя, Полуночник, что если ты окажешь сопротивление, то твоя подруга Пони — она сейчас внизу, вместе с отцом-настоятелем — умрет ужасной смертью.

Услышав эти слова, Элбрайн угрожающе прищурился, но Смотритель замер как вкопанный.

— Я — герцог Таргон Брей Калас, — заявил один из солдат, выдвигаясь на своем коне вперед. — Аббат Де'Унnero говорит правду, Полуночник. Ты должен сдаться без боя, и в обмен я от имени короля обещаю тебе беспристрастное расследование.

Полуночник повесил лук на плечо и дал знак солдатам Килрони отложить в сторону оружие. Он, однако, отнюдь не собирался сдаваться, рассчитывая заманить захватчиков на плато, где, как он надеялся, Эвелин еще раз проявит свое могущество. И тогда он бросится на Маркворта, а если на его пути окажется король, то Хонсе-Бир придется искать себе другого владыку!

— Ты знаешь меня, капитан Килрони, — продолжал герцог Калас. — Объясни своему другу, что наше терпение на исходе. В поисках вас мы проделали путь в шестьсот миль, солдаты измотаны и не прочь разрядить напряжение в бою.

— Он действительно тот, кем представился, — подтвердил слова герцога Шамус.

— Спокойно, спокойно... — сказал Полуночник товарищам.

Кольцо стягивалось вокруг них все ближе, ближе...

Однако гора молчала, и не чувствовалось покалывания силы, исходящей от руки Эвелина.

— Магия иссякла, наверное, — прошептал Шамус.

— Нет, — ответил брат Брамин. — Просто это не монстры демона дактиля.

— По крайней мере внешне, — криво улыбнулся Полуночник.

Он понимал, что товарищи только и ждут его сигнала. Стоит ему выхватить меч — и все тут же последуют за ним, готовые сражаться и умереть.

Но как он мог сделать это, когда Пони в руках Маркворта?

— Нет! — не выдержав, закричал обычно сдержанный Муллахи. — Нет! Я не хочу возвращаться, не хочу, чтобы из моей смерти сделали развлечение для глупцов, не понимающих, какое зло несет в себе Маркворт!

— Тише, брат! — успокаивающе сказал Брамин, а Кастинагис схватил Муллахи за плечи и оттащил назад.

— Заставь его замолчать, — приказал Де'Унnero стоящему рядом монаху.

Тот поднял руку, в которой был зажат графит.

— Нет! — повторил Муллахи, вырвался из рук Кастинагиса и бросился к обрыву.

— Остановите его! — закричал Де'Унnero.

Однако, прежде чем кто-либо успел вмешаться, брат Ромео Муллахи совершил, может быть, самый мужественный, самый значительный поступок в жизни, который не мог не затронуть сердца всех, ставших свидетелями этого.

Взывая к Эвелину Десбрису, молодой монах прыгнул с обрыва и полетел вниз, навстречу зубастым скалам и своей смерти.

Де'Унnero издал огорченный вздох.

— Ну что, Полуночник? — спросил герцог. — Каких еще сюрпризов можно ждать от тебя и твоих друзей?

— Вы обещали беспристрастное расследование, — ответил Полуночник.

Герцог Калас кивнул, глядя ему в глаза.

Полуночник вытащил меч и швырнул его под ноги коню Каласа.

Однако аббат Де'Унnero опередил герцога. Его вполне устраивало, чтобы Шамус Килрони и его солдаты стали пленниками Непобедимых, но кентавра, изменников-монахов и, главное, Полуночника должны были захватить монахи.

Отец-настоятель Маркворт со смешанным чувством наблюдал за спускающейся с горы Аида процессией. Он уже попытался совершить еще одно духовное путешествие на плато, и снова безрезультатно. Сейчас, когда преступники были захвачены и плато опустело, он повторил попытку, надеясь, что барьер каким-то непостижимым образом был связан с их присутствием.

И что же?

Неведомая сила и теперь не позволила ему пройти.

ГЛАВА 38 КАК ОПАСНО ПРИСЛУШИВАТЬСЯ К ГОЛОСУ СОВЕСТИ

Он был не таким уж хорошим наездником, но, учитывая, что под ним был Дар, это и не требовалось. Роджер повернул на юг, как только понял, что произошло на плато: магия Эвелина не защитила его друзей, и всех их захватили в плен.

Что делать? Он понятия не имел.

Мелькнула мысль прокрасться в лагерь и попытаться освободить Элбрайна и Пони. В конце концов, в Кертинелле ему удавалось прямо из-под носа поври выкрадывать еду и пленников! Однако здесь предстояло иметь дело не с поври. Здесь был король Хонсе-Бира со своим элитным воинским подразделением. Хуже того, здесь были отец-настоятель Маркворт, епископ Де'Унnero и целый сонм монахов церкви Абея, вооруженных

магическими камнями. В лагерь, может быть, Роджер и сумел бы проникнуть, но вот выбраться обратно... Нет, ни за что. И даже если бы ему удалось освободить Элбрайна, или Пони, или их обоих, а они сумели бы добраться до своего оружия и магических камней, от этого было бы мало толку. В конце концов, при столкновении на плато все осажденные были вооружены. И что же? У Роджера сложилось впечатление, что никто из людей короля и отца-настоятеля не был даже ранен!

Поэтому он скакал, скакал и скакал; Дар, казалось, не знал устали. Наконец Роджер прибыл в Дундалис и там узнал, к своему огорчению, что Томаса тоже схватили.

Он отправился дальше, мимо Кертинеллы и Ландсдауна, в Палмарис, по-прежнему ломая голову над тем, что можно предпринять. Чувствуя себя бесконечно потерянным и одиноким, он провел ночь под сенью сосновой рощи, и только там выяснилось, что не все его друзья погибли или в плену. Белли'мар Джуравиль нашел его, или скорее Дара, и бросился к Роджеру, в надежде услышать, что Полуночник каким-то образом ускользнул от отца-настоятеля и даже сумел расстроить его козни.

Первая радость и облегчение от встречи с Джуравилем быстро сменились тяжестью на сердце, по мере того как Роджер рассказывал ему о событиях в Барбакане. Эльф выслушал его и ужасно огорчился; возникло ощущение, что все потеряно.

— Что нам делать? — спросил Роджер, закончив.

Джуравиль слушал его, закрыв золотистые глаза. Сейчас он посмотрел на Роджера и покачал головой.

— Быть свидетелями, — ответил он, слово в слово повторив то, что говорила ему госпожа Дасслеронд.

— Свидетелями? — недоверчиво повторил Роджер. — Свидетелями чего? Массовой казни?

— Возможно, — ответил Джуравиль. — Они уже прошли через Кертинеллу?

— Не знаю, — сказал Роджер. — Через Дундалис они прошли за день до меня, но это было почти неделю назад. Однако их коням далеко до Дара, так что мне трудно сказать, где они сейчас.

— Полуночник и Пони еще живы?

Роджер вздрогнул, услышав этот вопрос; он и сам не раз задавал его себе.

— Наверное. Король хочет доставить их в Палмарис для расследования.

— Ну, значит, и нам туда дорога, — сказал эльф. — Только подождем за воротами. Я хочу сам убедиться, что наши друзья живы и находятся в городе. Если постараемся, то сможем узнать также, где их будут содержать.

В ответ Роджер Не-Запрешь устремил грустный взгляд на север. Кошмар продолжался, и юноша не видел способа что-либо изменить.

Весна уже была в самом разгаре, когда процессия прошла сквозь северные ворота Палмариса. Единственная уступка, которой Данубу удалось добиться от Маркворта, состояла в том, что пленники всю дорогу скакали верхом; это позволило им хотя бы отчасти сохранить достоинство и, конечно, силы. Что ни говори, до окончания формального расследования все они считались лишь подозреваемыми.

Элбрайну, однако, это было безразлично. Маркворт позаботился о том, чтобы опасный Полуночник и его не менее опасная жена на всем протяжении пути содержались как можно дальше друг от друга и не имели возможности поговорить. Если изредка им случайно удавалось переглянуться, Элбрайн с нежностью смотрел на Пони, говорил одними губами «я люблю тебя», улыбался — в общем, всячески старался показать, что он не сердится и не только прощает ее, но прекрасно понимает, что и прощать-то нечего.

Кое-что, однако, ставило Элбрайна в тупик и вызывало тревогу; а именно, тот факт, что никаких признаков беременности у Пони он не заметил. Его одолевали тысячи вопросов и больше всего огорчало то, что он не мог рассчитывать получить на них скорый ответ. Ребенок уже родился? Или она потеряла его? Если дитя живо, то с кем оно? Если нет, кто его

убил?

Со всех сторон его окружали Непобедимые, Пони скакала вдалеке. Охраняющие его солдаты получили строжайший приказ без крайней необходимости не вступать с ним ни в какие разговоры. К огорчению Элбрайна, на всем пути до Палмариса ситуация «крайней необходимости» не возникла ни разу.

Немного успокоил его тот факт, что Маркворт победил в споре с королем, возникшем сразу же, как только они оказались в черте города. В результате Элбрайн, Пони, пятеро монахов и Смотритель были доставлены в аббатство Сент-Прешес, а Колин Шамус и его солдаты, Томас и другие арестованные жители Дундалиса оказались в доме Алоизия Крампа, под охраной герцога Каласа.

Когда их сводили вниз в темницы аббатства, Элбрайн на мгновение оказался совсем рядом с Пони.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Мы будем вместе.

И тут же два монаха накинудись на него, повалили на пол; один из них сунул ему в рот кляп. Он услышал, как Пони прошептала:

— Я люблю тебя.

И еще она успела сказать, что в гибели их ребенка виновен Маркворт.

Потом Элбрайна затащили в камеру, швырнули на пол и с лязгом захлопнули дверь.

Собравшись с силами, он подполз к двери и принялся звать Пони.

К его удивлению, вскоре его ушей коснулся голос.

— Пони? — в отчаянной надежде спросил он.

— Нет, это брат Браумин, — пришел далекий ответ. — Пони в конце коридора, в самой дальней от тебя камере. А кентавр, наверное, вообще в другом коридоре; здесь, по крайней мере, его нет. — Совершенно убитый, Элбрайн тяжело вздохнул и уткнулся лбом в дверь. — Камеры братьев между твоей и Пони. Если хочешь, мы будем передавать твои слова ей и обратно.

Абсурдность ситуации вызвала у Элбрайна невольную усмешку. Тем не менее он воспользовался предложением Браумина и рассказал Пони обо всем, что произошло с ним после того, как она покинула Кертинеллу. Она, тоже через монахов, поведала ему о своих бедах, в частности о схватке с Марквортом, в результате которой она потеряла своего — их — ребенка.

— Они попытаются сначала разделаться с монахами, — сообщила Констанция Пемблбери королю на следующее утро.

Палмарис кипел слухами; стоило двум незнакомым людям встретиться на улице, как они начинали обмениваться новостями.

— Ну, думаю, этих четырех уцелевших монахов ничто не спасет, — ответил Дануб. — Маркворт, без сомнения, добьется их осуждения, но вряд ли казнит до того, как получит от них признания, которые позволят ему потребовать смерти для Полуночника и этой женщины.

— Отвратительное, грязное дело, — заметила Констанция. Король испытывал те же чувства. — Мы ничего не можем сделать?

Дануб лишь беспомощно улыбнулся.

— Мы должны провести расследование в отношении своих людей, — ответил он. — И, скорее всего, наш приговор будет не менее суров, чем отца-настоятеля. Эта женщина, Килрони, из охраны погибшего барона, и Шамус Килрони, конечно, обречены. Это будет вполне справедливо, учитывая, что они натворили.

— И все же они действовали по совести, боролись с тем, что считали несправедливым, — заметила Констанция.

Король усмехнулся.

— А разрешение на это они получили?

— Мы попытаемся опередить монахов? — спросила Констанция. — Или, может быть,

будем действовать одновременно с ними?

Король Дануб откинулся в кресле и надолго задумался.

— Нет, после них, — в конце концов решил он. — Может быть, к тому времени простой народ уже пресытится зрелищами казни и хоть кого-то из солдат Шамуса Килрони удастся спасти.

Констанция отвернулась. Ей хотелось закричать, напомнить ему, что он король, что он может снять обвинение со всех без исключения, даже с Полуночника и Пони. Хотя... Может ли? — внезапно спросила себя она. Какой ценой это обойдется, не считая откровенной враждебности церкви?

— Монах, который прыгнул с плато на вершине горы Аида... — произнес король, покачивая головой. — Знаешь, он рухнул прямо рядом со мной. Я видел его лицо, пока он летел вниз, за секунды до того, как он разбился о камни.

— Мне очень жаль, мой король, — ответила Констанция.

— Жаль? Этот человек не был испуган. Он улыбался! Улыбался, хотя и понимал, что через несколько мгновений умрет. Я никогда не понимал монахов церкви Абея, Констанция. Таких фанатичных, что им неведом даже страх смерти.

— Их можно понять, — пробормотала Констанция.

Внезапно на сердце у нее стало тяжело. Совершенно очевидно, что отец-настоятель берет над ними верх по всем направлениям. Маркворт, восставший из могилы. Старик, у которого хватило сил совершить путешествие в Барбакан, чтобы захватить самых опасных преступников в мире. Маркворт! Герой в глазах простого народа. По сравнению с ним позиция короля в Палмарисе выглядела несравненно слабее, и этого не могли изменить никакие Непобедимые.

В комнату ворвался разъяренный Калас.

— Кентавр не преступник! — воскликнул он.

— Ты разговаривал с этим созданием? — спросил Дануб.

— Его зовут Смотритель, — сказал Калас. — Нет, монахи не позволили мне поговорить ни с кем из пленников аббатства.

Король Дануб стукнул кулаком по ручке кресла. Он послал Каласа в аббатство именно с целью побеседовать с узниками, рассчитывая, что их признания будут способствовать расследованию в отношении Шамуса и его солдат. Он даже вручил герцогу личное предписание с королевской печатью!

Но для Маркворта это, по-видимому, ничего не значило.

— Я встретил аббата Джеховита на пути из аббатства в Чейзвинд Мэнор, — продолжал Калас.

— Джеховит! — сердито сказал король.

— И он тоже отказался говорить со мной! — возмущенно воскликнул Калас. — Смотрел на меня, как на пустое место! Тогда я заявил, что вырву ему язык, если он не пожелает разговаривать со мной по доброй воле. Меня сопровождали десять Непобедимых, а его лишь два монаха.

— Вы угрожали настоятелю Сент-Хонса? — удивленно, хотя и не слишком огорченно спросила Констанция.

— Я готов был убить его, — ответил герцог Калас, — прямо там, на улице, и пусть отец-настоятель Маркворт объявит бы меня преступником и попытался вздернуть!

— Но ты не сделал этого, — заметил король.

— Потому что он в конце концов соизволил разговаривать, — ответил Калас. — Он и сопровождающие его монахи. Оказывается, один из них принимал участие в первом походе на гору Аида, когда Маркворт захватил Смотрителя, в цепях протащил его по всему Палмарису и бросил в темницу Санта-Мер-Абель.

— А Полуночник и Пони освободили его, — вставила Констанция.

Калас кивнул.

— За это их и объявили преступниками. Но что именно противозаконное совершил

кентавр, мне выяснить так и не удалось; если не считать того, что он воспользовался помощью друзей и сбежал. В тот раз Смотритель отправился на гору Аида вместе с Полуночником, Пони и еще несколькими людьми, среди которых был Эвелин Десбрис, которого позже Коллегия аббатов объявила еретиком.

— Выходит, им вменяется в вину связь с еретиком, — рассудил Дануб.

— По словам кентавра, они пошли туда, чтобы уничтожить демона дактиля, со всей армией напавшего на Хонсе-Бир, — продолжал Калас. — И теперь даже церковь признает, что с демоном дактилем покончено!

— Они спасли страну, но остались преступниками в глазах церкви, — покачала головой Констанция.

— Надо что-то делать! Но что? — спросил герцог Калас.

Король Дануб задумался, уставившись отсутствующим взглядом в пространство. Призыв Каласа к действию был ему понятен. Более того, его самого так и тянуло открыто заявить, что церковь заблуждается, и потребовать освобождения всех пленников. Но он лучше, чем кто-либо другой, понимал истинную природу нынешней ситуации. Тайный разговор с госпожой Дасслеронд лишь убедил его в том, что он прав, а еще больше этому способствовали воспоминания о призраке Маркворта. Он, конечно, мог побороться с ними если не в военном смысле, то по крайней мере словесно. Но было совершенно очевидно, что стоит ему нанести сколько-нибудь ощутимый удар — и реакция Маркворта окажется сильнее во сто крат.

— Я только что сказал Констанции, что нам следует притормозить расследование по делу Шамуса и остальных до тех пор, пока церковь не закончит дознание и не вынесет приговор, — заговорил наконец Дануб. — И мы проявим милосердие к пленникам. Может быть, даже найдем способ полностью снять обвинение с некоторых из них. На этом фоне действия церкви будут выглядеть более зловеще.

— А что с Полуночником, Пони и Смотрителем? — спросил Калас. — И с плененными монахами?

— Монахи нас не касаются, — тут же ответил король. — Если Маркворт решит казнить их — а я не сомневаюсь, что так и будет, — пусть его судит народ.

— А остальные? — спросила Констанция.

Последовала долгая пауза.

— Придется позволить Маркворту разбираться с ними, как он сочтет нужным, — ответил король.

Констанция покачала головой, а герцог Калас с размаху ударил кулаком по стене.

— Если он казнит их... — начал Дануб.

— Что он, конечно, и сделает, — вставила Констанция.

Король кивнул и продолжал:

— Однако если по городу начнут циркулировать слухи о том, что произошло на горе Аида и кто на самом деле одолел демона дактиля, то после казни Полуночника, Пони и Смотрителя их станут воспринимать не как преступников, а как героев. Отцу-настоятелю Маркворту придется несладко.

И Констанция, и герцог Калас кивнули с угрюмым видом. Обоим претила мысль о принесении в жертву ни в чем не повинных людей, но прагматичная позиция короля Дануба была им понятна.

— Тогда я и назначу герцога Таргона Брея Каласа бароном Палмариса, — закончил король.

— Но ведь уже есть епископ, — возразил Калас.

— Если Маркворт мог назначить сюда двоих, и епископа, и аббата, ничто не помешает мне ввести еще и должность барона, — ответил король. — Против этого Маркворту нечего будет возразить, как и против того, чтобы резиденцией нового барона стал Чейзвинд Мэнор.

— А куда же денется епископ? — спросил герцог Калас, которому с каждой секундой этот план нравился все больше и больше.

— Все очень просто. Нужно лишь разыскать достаточно влиятельного торговца, который окажет нам любезность, объявив себя родственником Алоизия Крампа. Тогда мы получим основания выгнать церковь из обоих особняков и заставим монахов вернуться в аббатство, где им самое место.

Советники Дануба одобрили этот план. Король будет оказывать давление на Маркворта, не делая никаких резких движений. А то, что при этом погибнут ни в чем не повинные люди... Что же делать! Все трое прекрасно отдавали себе отчет в том, что эта смерть скомпрометирует Маркворта и, значит, выгодна короне.

Позже в тот же день в дом Крампа прибыл капитан Альюмет и был немедленно принят королем и его советниками. Он умолял Дануба вмешаться в дело Пони и ее друзей, уверяя, что эти люди невиновны, что на самом деле они герои.

Никто из присутствующих не усомнился в его словах — как и в том, что Альюмету не будет предоставлена возможность высказаться при проведении расследования церковью. Этот эпизод лишь укрепил уверенность короля в правильности избранной им позиции. Когда донельзя расстроенный капитан отбыл, Дануб и его советники в очередной раз пришли к выводу, что Маркворт совершает непростительную ошибку, которая в конечном счете приведет к потере церковью своей популярности.

Что стоила по сравнению с этим завоеванием жизнь каких-то Пони, Элбрайна и их друзей?

При виде трактира «У доброго друга» сердце у Роджера совсем упало. Прежде это было одно из самых процветающих заведений Палмариса, но сейчас здесь царили мрак и тишина; никаких клиентов, никаких служащих. А Роджер так надеялся найти тут Белстера, узнать у него последние новости и, может быть, с его помощью даже придумать способ добраться до Пони и остальных.

Однако ни Белстера, ни кого-либо еще он не нашел.

Грустно покачивая головой, Роджер свернул в проулок, где его поджидал Белли'мар Джуравиль, только что вернувшийся с разведки в аббатстве Сент-Прешес.

Не замеченные Роджером, с него не сводили глаз притворяющиеся пьянчужками Прим О'Брайен и Хизкомб Мэллори.

— Думаешь, это он? — спросил Мэллори.

Белстер предполагал и надеялся, что Роджер может объявиться у «Друга», и велел им караулить его на этом самом месте. Оба они были родом с севера и прежде встречались с Роджером, но юноша пробежал мимо них так быстро, что они не успели толком разглядеть его.

— Хороший вопрос, — пробормотал Прим О'Брайен.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что поблизости нет ни солдат, ни монахов, они бросились вдогонку.

Лицо Роджера просияло, когда он узнал их. И уже спустя час он разговаривал с Белстером О'Комели на борту «Сауди Хасинты».

— Маркворт захватил их обоих, — сказал Роджер.

Однако для Белстера это не было новостью; многочисленные шпионы уже донесли ему обо всем.

— Капитан Альюмет виделся с королем, — сообщил он, кивнув на высокого темнокожего человека.

— Король сочувствует пленникам, — сказал капитан, — но не пойдет против отца-настоятеля. Нашим друзьям нечего ждать помощи от короны.

— Они обречены, — вздохнул Белстер.

— Должен быть способ выволить их оттуда! — решительно заявил Роджер.

Увы, остальные отнюдь не разделяли его уверенности.

— Даже если мы соберем всех сочувствующих и общими силами выступим против аббатства, то просто погибнем на улицах, еще не дойдя до него, — ответил капитан. —

Боюсь, ты повторяешь ошибку Джилсепони. Веришь, что у нас хватит сил открыто выступить против церкви. А между тем это не принесет ничего, кроме новых бед.

— Что же, допустить, чтобы они умерли? — спросил Роджер, с ужасом глядя на Белстера.

— Если мы погибнем, пытаюсь вызволить их, им будет только тяжелее, — ответил тот.

— Это еще не конец, — проворчал Роджер. — Вместе со мной в Палмарис пришел Белли'мар Джуравиль. Он не будет безучастно стоять в стороне, когда его друзьям грозит гибель!

При имени Джуравиль в грустных глазах Белстера вспыхнула надежда.

— Джуравиль из тол'алфар, — объяснил он капитану. — Эльфийский друг Полуночника и Пони.

— Эльф... — повторил Альюмет и тоже с надеждой улыбнулся.

Он видел Джуравиль с Элбрайном, Пони и Смотрителем, когда перевозил их через Мазур-Делавал. Капитан практически ничего не знал о тол'алфар, но то, с какой уверенностью говорил о нем Роджер и как при упоминании о Джуравиле изменилось выражение глаз Белстера, породило и в его душе надежду на то, что, может быть, еще не все потеряно.

В то самое время, когда происходила встреча на борту «Сауди Хасинты», Белли'мар Джуравиль крался по коридорам дома Крампа. У него мелькнула мысль поговорить с королем Данубом, воспользовавшись тем же дымоходом, что и госпожа Дасслеронд. Но нет, это невозможно, напомнил он себе. Госпожа запретила ему вмешиваться.

И все же он не мог отказаться от мысли сделать хоть что-нибудь для своих друзей и потому не покидал старого дома. Эльфийское умение нагонять сон позволяло ему проходить незамеченным мимо стражников, а размеры — пролезать через камин и дымоходы. Таким образом он в конце концов добрался до затхлого подвала, где содержали Колин, Шамуса и остальных солдат.

Они были не в кандалах, но без оружия. Никакой возможности сбежать у них не было. Единственная лестница вела к окованной железом и запертой на тяжелый засов двери.

Не показываясь пленникам, эльф некоторое время наблюдал за ними и прислушивался к разговорам, пытаясь оценить этих людей, в особенности Колин, которая, как он знал, помогала Пони. Ему было известно, что остальные солдаты видели Тиел'марави, поэтому в конце концов он пришел к выводу, что может обнаружить свое присутствие.

— Я Белли'мар Джуравиль, друг Полуночника, — он перевел взгляд на Колин, — и Пони.

Солдаты тут же окружили эльфа.

— Ты видел ее? — спросила Колин.

Чувствовалось, что появление Джуравиль взволновало ее едва ли не сильнее, чем всех остальных. Ничего удивительного; она много слышала о Джуравиле, но никогда прежде не видела эльфа.

— А Полуночника? — спросил Шамус. — Как он?

— Они в аббатстве, — ответил Джуравиль. — Я пока не решаюсь туда проникнуть. Опасаюсь монахов с их магическими камнями.

— Я больше почти ни на что не надеюсь, — с грустью сказал Шамус. — У тех, кто верит в нас, нет ни власти, ни мужества, чтобы встать на нашу защиту. Я надеюсь только на то, что король Дануб выслушает меня, прежде чем выносить приговор. Но Полуночник и Пони в лапах отца-настоятеля Маркворта. А раз так — увы!

— Тогда постарайся, чтобы твои слова услышало как можно больше людей! — воскликнул Джуравиль. — Даже если это не поможет нашим друзьям, они будут знать, что умирают не напрасно.

— Расскажите королю о чуде, — сказал один из солдат.

В это время снаружи послышался шум, и Джуравиль нырнул в камин. Колин Килрони

подошла и остановилась рядом.

— В аббатстве есть монах по имени брат Талюмус, — прошептала она. — Он друг.

Описать монаха, однако, она не успела. Дверь распахнулась, и солдаты из Бригады Непобедимых внесли подносы с едой.

К тому времени, когда Роджер встретился с Джуравилем в проулке около «Друга», эльф уже побывал в аббатстве, хотя не нашел брата Талюмуса. Вместе они вернулись на «Хасинту», и Белстер заверил обоих, что найти монаха не составит труда. Правда, жестко предупредил он, если Талюмусу станет слишком многое известно и выяснится, что ему нельзя доверять, то его придется убить.

Уже на следующую ночь Роджер и эльф встретились с братом Талюмусом все в том же проулке. Монах не выразил желания открыто выступить против церкви, но признался, что его беспокоят предстоящее расследование и последующие за этим казни. Более того, он высказал мнение, что отец-настоятель в этом вопросе ошибается.

— Видишь? Ты все понимаешь правильно, — заявил Джуравиль. — Тогда помоги нам. Обещаю, что, если нас схватят, твое имя ни в коем случае не будет упомянуто. Но если ты пойдешь нам навстречу, то независимо от того, добьемся мы успеха или нет, совесть брата Талюмуса будет спокойна.

— Хорошо сказано, — ответил монах, пытаясь разглядеть прячущегося в тени Джуравилья, — но, по-моему, вы не понимаете меня. Думаете, я опасаюсь за свою жизнь? Вовсе нет. На самом деле я боюсь причинить вред моей церкви, что для меня совершенно неприемлемо. Если хотите знать, я не единственный, кто считает сложившуюся ситуацию ужасной. По крайней мере, один магистр... — Монах внезапно замолчал, видимо решив, что наговорил лишнего.

— Ты не хочешь причинить вред своей церкви, — сказал Джуравиль. — Но разве ее репутация не пострадает, если по ее вине погибнут невинные люди? И разве тот, кому она дорога, не должен стремиться помешать этому — хотя бы ради самой церкви?

— Ты искажаешь мои слова, — запротестовал Талюмус.

Чувствовалось, однако, что до него начинает доходить: нельзя просто так сидеть сложа руки, спокойно глядя, как невинных людей будут казнить одного за другим.

Когда они покидали проулок, у них уже начал вырисовываться план.

Однако к тому времени, когда брат Талюмус вошел в ворота аббатства, он отчетливо понимал, что у него не хватит сил и мужества довести дело до конца. Испытывая жгучее чувство вины, он отправился к единственному человеку, которому доверял, надеясь покаяться и получить отпущение грехов.

Когда их встреча закончилась, на сердце у брата Талюмуса стало легче, чего нельзя сказать о магистре Теорилле Энгрессе, принявшем у него покаяние. На протяжении нескольких последних месяцев это был уже второй случай, когда Энгрессу пришлось выслушивать признание в участии в заговоре, а потом разрываться между чувством долга и велением совести. Все это время мягкий, человечный магистр наблюдал, как Маркворт разворачивает церковь в новом направлении, считая всех, кто стоит у него на пути. Теперь церковь подбиралась уже к самой вершине власти, и, очевидно, она могла добраться туда только по телам невинных людей.

Энгресс почувствовал, что с него хватит. Той же ночью он пришел в келью брата Талюмуса. Молодой человек несказанно удивился, когда понял, что у старика на уме.

— Он предложил амнистию Кастинагису, Делману и Виссенти, если во время расследования они оговорят тебя, — сказал Элбрайну брат Браумин, только что вернувшийся с допроса у Маркворта.

— А брату Браумину он не предлагал амнистию? — спросил Полуночник.

— Нет, — ответил монах, и голос у него звучал на диво спокойно. — Скорее всего, я и без того вынужден буду выступить против тебя, Пони и Смотрителя, потому что в

противном случае меня будут пытаться, пока я не сделаю этого. Однако независимо от того, смогу ли я устоять, я умру сразу после того, как вы трое будете осуждены. Маркворт предлагал мне легкую смерть, если я оговорю тебя, но ничего более.

Элбрайна охватило чувство жалости к этому человеку, хотя он понимал, что его собственный конец будет гораздо страшнее.

— Однако все трое братьев поклялись не выступать против вас, — продолжал брат Браумин. — Как и Джоджонах, все мы прекрасно понимаем, что наше отступничество пошло бы на благо Маркворту.

— Всего несколько слов — и братья могут спасти свою жизнь, — сказал Элбрайн. — В противном случае их ждет смерть.

— Все мы смертны, Полуночник, — без тени волнения ответил монах. — Каждый мужчина, каждая женщина. Лучше умереть молодым, не запятнав совесть, чем прожить долгую жизнь во лжи. Если человек пойдет против своего сердца, как ему жить дальше с чувством вины, которое будет грызть его долгие годы? На что опереться? Попробуй представить себе, какой путь проходит человек, пожелавший стать монахом церкви Абея, и как сильна должна быть в нем вера. Тот, кто боится смерти, никогда не пройдет сквозь ворота Санта-Мер-Абель.

Эти слова немного успокоили Полуночника. Ему больно было думать о том, что братья должны погибнуть; так же мучительно больно, как вспоминать о славной смерти брата Муллахи. Но, с другой стороны, он и сам всегда считал, что не изменять принципам гораздо достойнее.

Их разговор неожиданно прервался. В коридоре раздались шаги, а потом позвякивание ключей у камеры Элбрайна. Вскоре дверь распахнулась, и Полуночник с удивлением увидел одного-единственного монаха; обычно они приходили втроем.

Ноги у Полуночника едва не подкосились, так что он был вынужден прислониться к стене. Мелькнула мысль напасть на монаха, но лицо того скрывал капюшон, и Элбрайн подумал, что это может быть и Де'Уннеро, пришедший сделать ему новый вызов.

А потом Элбрайн и впрямь едва не упал — когда монах откинул капюшон и взору Элбрайна предстала улыбающаяся физиономия Роджера Не-Запрешь.

— Прости, прости, — затараторил он. — Мне следовало появиться раньше, но тут были кое-какие сложности.

Элбрайн с таким пылом обнял его, что оба едва не рухнули на пол.

— Как тебе это удалось? — спросил он.

— Мне нужно было сначала раздобыть вот это. — Роджер распахнул рясу и показал свисающую с пояса сумку Пони с магическими камнями. — По счастью, они держат все улики вместе. Джуравиль снаружи ждет нас. Он сильно огорчен, что не удалось найти меч или лук, которые тебе подарили эльфы.

В этот момент в конце коридора показался еще один монах; о его ранге магистра свидетельствовал золотистый пояс, повязанный вокруг коричневой рясы. Лицо у него было старое, морщинистое, а взгляд мягкий.

— Быстро собирай друзей и уходите отсюда, — сказал он Элбрайну. — Скачите как можно дальше, хотя, боюсь, никакое расстояние не обеспечит вам полной безопасности.

— Кто вы? — спросил Полуночник. — Как все это стало возможно?

— Магистр Энгресс, — ответил Роджер, выбирая из огромной связки ключ от камеры Браумина. — Друг.

— В таком случае, вы должны бежать с нами, — решительно заявил Элбрайн.

— Нет. Когда меня схватят, я не буду отрицать, что помог вам бежать, — ответил Энгресс. — Я стар, одной ногой уже стою в могиле. Мысль о том, что я отдам свою жизнь за семь других, молодых и заслуживающих право иметь будущее, ничуть не печалит меня.

Ситуация по-прежнему оставалась непонятной для Элбрайна, но времени на расспросы не было; Роджер уже освободил Браумина и перешел к следующей двери. Кроме того, с дальнего конца коридора раздался голос, не ответить на призыв которого Элбрайн не мог. Он

бросился к двери Пони и замер там, пожирая ее взглядом. Заметив это, Роджер следующей открыл ее дверь. Наконец-то они снова были вместе, в объятиях друг друга; казалось, прошли годы с тех пор, как это происходило в последний раз. Прижимая к себе Пони, Элбрайн шептал ей на ухо, чтобы она успокоилась, что теперь все будет хорошо.

Конечно, это было далеко от истины, но тем не менее совсем скоро Роджер и остальные уже оказались рядом с Джуравилем, поджидающим их за стеной аббатства, и растворились во тьме.

Друзья встретили их в условленном месте и повели туда, откуда можно было проникнуть в подводные пещеры бехренцев; кентавра, правда, спрятали где-то еще, поскольку этот путь был для него заказан.

Элбрайн рвался немедленно скакать на север, но его убедили в том, что это невозможно. Северные ворота охраняли монахи и солдаты из Бригады Непобедимых, да и до рассвета было уже совсем недалеко. К тому же не вызывало сомнений, что весть об их бегстве молниеносно распространится по городу. Пока самым разумным решением было надежно спрятаться.

Рассвет застал Элбрайна, Пони и четырех монахов в потайных пещерах на берегу Мазур-Делавала.

К этому времени улицы заполнили разыскивающие беглецов солдаты и монахи. Герцог Калас, возглавляющий поиски со стороны военных, страстно желал сам найти сбежавших; в этом случае он собирался доставить их не в аббатство, а в дом Крампа.

— Убей меня, — сказал Маркворту магистр Энгресс, широко разведя руки в знак полной покорности. — Я не мог допустить этого, Далеберт Маркворт. Я молчал, когда ты сжег на костре Джоджонаха и несправедливо провозгласил Эвелина еретиком...

Слова застряли у него в горле, когда дух Маркворта вырвался из тела и набросился на старика.

Энгресс упал на колени, но тем не менее сумел произнести, хватая ртом воздух:

— Эвелин уничтожил Бестесбулзибара. Они не преступники.

И рухнул замертво на пол Чейзвинд Мэнор. Это видели своими глазами Де'Уннеро и Джеховит, епископ Фрэнсис и еще несколько монахов, включая перепуганного до смерти брата Талюмуса.

Однако в последние мгновения Энгресс испытал чувство удовлетворения. Он пришел прямо к разъяренному Маркворту, признался в том, что сделал, и, доведя его до бешенства, добился того, что тот убил его почти сразу же, не успев узнать, что свою роль в этом бегстве сыграл и брат Талюмус.

ГЛАВА 39 КОНФЛИКТ МИРОВОЗЗРЕНИЙ

Проникнуть в пещеру можно было, только нырнув в воду, но она оказалась удобной и достаточно большой, чтобы в ней можно было разжечь несколько маленьких костров. Без них всем пришлось бы плохо — плывя сюда, люди промокли до костей; естественно, пострадала и их одежда.

Всю ночь Элбрайн пролежал под одним одеялом с Пони. Поддерживал ее, говорил, как сильно ее любит, старался объяснить, что не сердится за то, что она покинула его, и, конечно, не винит в гибели их ребенка.

И с болью чувствовал, что каждый раз при упоминании ребенка Пони напрягается.

Все в пещере спали урывками, не имея представления, что сейчас, день или ночь. Единственным источником света служили костры, но и те горели еле-еле, поскольку с топливом дело обстояло неважно и взять его было неоткуда. Никто даже примерно не представлял, сколько еще времени придется провести тут.

Элбрайн проснулся первым и лежал, глядя на Пони. Во сне она казалась такой хрупкой

— прекрасная молодая женщина, которую он впервые поцеловал на северном склоне Дундалиса в тот злополучный день, когда на деревню напали гоблины, оставив их обоих сиротами. Вспоминал он и то, как впервые увидел ее снова после долгой разлуки, когда она вместе с Эвелином пришла в Дундалис.

Она казалась не менее прекрасной и сейчас, и это поражало его, если учесть все, что ей пришлось пережить за последнее время. Он нежно погладил ее по щеке, и Пони открыла затуманенные сном глаза. Элбрайн придвинулся поближе, собираясь обнять ее, но она внезапно села, и он почувствовал, как напряглось ее тело.

— Успокойся, — мягко сказал он. — На сегодняшний день борьба окончена. Мы незаметно исчезнем...

Она посмотрела на него с таким выражением, точно он предал ее.

— Нет!

— Нам их не победить.

— Может, мне и не нужна победа, — ответила Пони таким холодным тоном, какого Элбрайн никогда не слышал прежде.

Он покачал головой и снова попытался обнять ее. И снова Пони оттолкнула его.

— Я носила ребенка, — сказала она. — Твоего ребенка, нашего ребенка. Маркворт убил его, как прежде моих родителей.

Брат Браумин придвинулся поближе, и только сейчас до Пони и Элбрайна дошло, что у них есть слушатели.

— Пойдем со мной, — предложил Браумин, протягивая Пони руку. — Помолимся вместе. Может быть, это успокоит тебя.

Пони оттолкнула протянутую руку и сердито посмотрела на монаха.

— Маркворт, ваш отец-настоятель, убил мое дитя, мое невинное, еще не родившееся дитя, — резко ответила она.

— Он не мой... — начал было брат Браумин, но пылающая жаждой мести Пони не слушала его.

— Вы не понимаете всей глубины его зла, — продолжала она. — Я уже однажды испытывала подобное ощущение, в недрах горы далеко на севере. Той самой горы, где Маркворт захватил вас в плен. — Элбрайн удивленно посмотрел на нее. — Да. Он несет в себе то же зло, что и Бестесбулзибар. И поэтому так же силен.

— Но сам-то он человек, — возразил брат Браумин.

— Нет, он гораздо больше чем человек! — воскликнула Пони. — Несравненно больше. В свое время Эвелин спустился во тьму горы Аида, чтобы сразиться с демоном дактилем, хотя и не верил, что сможет победить. Точно так же и я должна сразиться с Марквортом еще раз, чтобы отплатить ему за все причиненное мне зло и освободить мир от его мерзкого присутствия.

— Только не сейчас, — продолжал стоять на своем Элбрайн. — Позже, когда он решит, что ему нечего опасаться, когда рядом с ним не будет Де'Унnero и целого сонма монахов, короля и Бригады Непобедимых.

Пони смотрела на него, не мигая, но ничего не сказала в ответ.

Время шло. Элбрайн не отходил от нее, но больше они не разговаривали. Он никогда не видел ее в такой ярости, даже когда они прошлым летом освободили кентавра и она рвалась вернуться в Санта-Мер-Абель. Что он мог сделать для своей дорогой возлюбленной? Только одно: постараться удерживать подальше от могущественных врагов, которые жаждали добраться до нее.

Эта задача заметно осложнилась, когда позже тем же утром в пещеру приплыл один из бехренцев.

— Они прочесывают весь город, — сообщил он, отдуваясь и сплевывая на пол воду. — «Сауди Хасинта» покинула порт, но военные корабли бросились вдогонку, обстреляли ее и приволокли обратно на буксире. Капитан Альюмет и многие другие из наших арестованы.

— Именем кого все это делается, короля или церкви? — спросил Элбрайн.

Темнокожий бехронец посмотрел на него, явно не понимая, какое это имеет значение.

— Корабли из флота короля, — ответил он. — Но и монахи хватают людей на улицах. И еще они... — Он замолчал и бросил сочувственный взгляд на Пони, смысл которого остался непонятен. — Ваш маленький крылатый дружок рассказал нам.

— О чем ты? — сердито спросила Пони.

— О трактире, где ты жила, — продолжал бехронец. — Его сожгли до основания. Монахи до сих пор просеивают пепел.

Пони закрыла глаза, и из ее груди вырвался странный звук — не то рычание, не то стон.

— Что с Белстером? — с тревогой спросил Элбрайн.

— Он спрятался, — ответил бехронец, — вместе с теми, кто там с ним работал. Но и они, и все мы опасаемся, как бы их не схватили.

— Приведите его сюда, — сказал брат Браумин.

— Нельзя, — ответил темнокожий. — Даже для меня было рискованно являться к вам — повсюду монахи и солдаты. Советуем бежать при первой же возможности. Уже схвачено столько народу, что, очень может быть, нашим врагам вскоре станет известно об этих пещерах. Опасайтесь незваных гостей. И не просто обычных, во плоти и крови. Монахи с помощью магии могут посылать свой чезчус... — Он замолчал, подыскивая точный перевод. — Свой дух, да?

— Да, — кивнула Пони. — Они умеют совершать духовные путешествия.

— И проходить сквозь стены! — воскликнул бехронец. — Никто и нигде не может почувствовать себя в безопасности.

— Нужно выбираться отсюда, — заявил брат Кастинагис.

— Но город наверняка закрыт, — возразил брат Делман.

— Все стены патрулируют сотни солдат и монахов, — подтвердил бехронец.

— Остается река, — сказал Полуночник. — Когда стемнеет, мы покинем пещеру и поплывем вниз по течению, в надежде, что далеко к югу от Палмариса сможем выбраться на берег.

— Реку тоже охраняют, — предостерег их бехронец. — Королевские корабли так и снуют туда и обратно.

— Ночью не так-то просто заметить торчащую из воды голову, — ответил Элбрайн. — А что ты будешь делать? Может, останешься с нами? Тебе есть куда бежать?

Темнокожий поклонился, отдавая дань тому, что Элбрайна волнует его судьба.

— Долг повелевает мне быть со своими людьми, — ответил он. — Я пришел только для того, чтобы предостеречь вас. Солнце еще высоко в небе. Да пребудет с вами Чезру.

Даже те, кто отвергал бехренское представление о Чезру как о Боге, оценили смысл этого благословения.

— Расскажи Белстеру о том, как мы собираемся действовать, — попросил Элбрайн бехренца. — И остальным нашим друзьям тоже — маленькому крылатому созданию и юноше... Ну, ты понимаешь, кого я имею в виду.

Бехронец кивнул и нырнул в воду.

Если до его появления в пещере царило уныние, то сейчас общее настроение стало еще хуже. Все отдавали себе отчет в том, что их бегство дорого обойдется жителям Палмариса.

Элбрайн не спускал взгляда с Пони. Она потянулась к сумке с камнями; он хотел было остановить ее, но она так на него посмотрела, что он отдернул руку.

Открыв сумку, Пони высыпала камни на одеяло. Все они оказались здесь — даже магнетит, которым она пыталась убить Маркворта. Как сказал Роджер, все улики они держали вместе.

Она зажала в ладони камень души, но тут Элбрайн не выдержал, с силой ухватил ее за запястье и повернул лицом к себе.

— Куда ты хочешь отправиться? — спросил он.

— Туда, где этот пес Маркворт, — холодно ответила она.

— И ты готова сделать это, зная, что мы все сидим тут, как в ловушке? — спросил

Полуночник. — А если он последует за тобой?

Пони разжала ладонь и уронила камень на одеяло.

— Я только произведу разведку и буду очень осторожна... — начала было она.

И смолкла, увидев, что Элбрайн качает головой, складывая камни в сумку.

Монахи сели в кружок, собираясь молиться, и предложили Пони и Элбрайну присоединиться к ним. Элбрайн с надеждой взглянул на Пони, думая, что молитва могла бы как-то помочь ей, но та лишь покачала головой и отвернулась.

Дождавшись, когда звуки напевного речитатива заполнили пространство пещеры, Элбрайн с обезоруживающей, мягкой улыбкой придвинулся к Пони.

— Я рассказывал тебе о чуде Эвелина? — спросил он.

Она кивнула; еще когда они сидели в заточении, этот рассказ дошел до нее устами монахов.

— Не просто о том, что именно произошло, — продолжал он, — а как именно все произошло. Как там, на плато, ко мне явился дух нашего дорогого друга, принес с собой мир и покой.

— Где же он был, когда пришел Маркворт? — с кривой усмешкой спросила Пони.

Элбрайн проигнорировал это замечание, напомнив себе, как сильно она страдает. И начал пересказывать историю о нападении гоблинов, обращая внимание на вмешательство Эвелина в особо важные, переломные моменты. Он надеялся, что напоминание о прежних временах поможет Пони успокоиться, пригасит ее эмоции. Насколько проще казалась тогда жизнь, а цели были так ясны и понятны!

Вроде бы получилось, с облегчением подумал Элбрайн. На губах Пони даже промелькнула улыбка. Но тут из воды вынырнул Роджер Не-Запрещь.

— Что ты здесь делаешь? — воскликнул Полуночник и замахал на него руками. — Я же говорил, чтобы ты держался подальше...

— Мы ведь друзья, так? Значит, я не мог не прийти, — возразил Роджер. — Джуравиль говорит, что вы обнаружены, что Маркворту известно об этих пещерах. Прямо сейчас его люди направляются к Мазур-Делавалу!

Все, кто находился в пещере, вскочили на ноги и начали собирать пожитки.

— Уходите! Уходите! — закричал Роджер. — И побыстрее!

— Они будут искать нас на севере, поэтому мы поплывем на юг, — сказал Элбрайн, обращаясь к остальным. — Старайтесь как можно больше оставаться под водой и держаться вдоль берегов. Используйте скалы как укрытие. И смотрите, никакого шума!

Монахи один за другим попрыгали в воду. То же самое сделал и Роджер, предварительно крепко стиснув руку Элбрайна.

— Я люблю тебя, — прошептал Элбрайн, стоя рядом с Пони у края воды.

Удивительно, но на ее лице заиграла теплая улыбка.

— Знаю, — ответила она и скрылась в воде.

Держась за привязанные бехренцами веревки, семеро беглецов без труда добрались до открытой воды — сначала Браумин и Виссенти, затем другие два монаха и Роджер. Пони, однако, вынырнув из воды, не поплыла дальше. Это было удивительное зрелище — сначала из воды показалась ее голова, грудь, а затем и все тело, но она продолжала подниматься, плавно скользя в сторону прибрежного утеса.

Едва вынырнув, Элбрайн тут же все понял. Пони решила в одиночку добраться до Маркворта!

— Пони! — закричал он, но она даже не обернулась.

Элбрайн выбрался на берег и начал лихорадочно одеваться. Монахи и Роджер недоуменно смотрели на него.

— Уходите! Уходите! — закричал Элбрайн. — Спасайтесь!

Однако никто из них не послушался. Он был связан с Пони узами любви, но чувство, которое друзья испытывали к ним обоим, оказалось ничуть не слабее.

Пони опустилась на вершину утеса почти в том же самом месте рядом с изгородью, где в свое время у нее произошла схватка с бехренцами. Она оделась, еще раз просмотрела свои камни и задумалась, что делать дальше. Она была уверена, что Маркворт в Чейзвинд Мэнор, и хорошо представляла себе, как туда добраться. Но в городе творилось что-то невообразимое, и даже отсюда Пони были видны столбы черного дыма, поднимающиеся в вечернем воздухе.

Солнце висело уже у самого горизонта, на город опускались сумерки, и все же было еще слишком светло, чтобы рассчитывать прокрасться незамеченной. Однако ждать до темноты она не могла.

Что делать, снова и снова спрашивала себя Пони, перебирая камни. Может, воспользоваться гематитом и найти Маркворта, отправившись в духовное путешествие?

Взглянув вниз, она увидела, что Элбрайн и остальные уже выбрались на берег. Нет, если ее дух полетит к Маркворту, то оставшееся на утесе тело будет слишком уязвимо и для врагов, и для друзей. Пони перевела взгляд на магнетит, с помощью которого она пыталась убить Маркворта и тем самым вынесла себе смертный приговор.

Ей припомнилось, что кентавр рассказывал о другом использовании этого камня, прямо противоположном основному. Примерно то же самое относилось и к алмазу: его прямое назначение сводилось к созданию ослепительного света, но — и в этом Пони убедилась еще в Кертинелле — с его помощью можно было также погрузить все вокруг во тьму.

Зажав в одной руке магнетит, а в другой рубин, змеевик, графит, малахит и гематит, Пони решительно двинулась в путь. Она не старалась укрыться в тени, не пряталась за домами, а шагала открыто и гордо, всем своим видом бросая вызов любой опасности.

Элбрайн и его товарищи, конечно, не могли себе этого позволить. Улицы кишели конными военными, у пирса покачивались больше десяти кораблей с вооруженным до зубов экипажем.

Они быстро перебежали от одного затененного участка к другому. В какой-то момент им встретился Прим О'Брайен, который тут же начал предлагать Элбрайну отвести его и остальных в безопасное место. Однако Полуночник продолжал бежать, и монахи без колебаний последовали за ним.

Вскоре к ним присоединились Белстер, Прим О'Брайен, Мэллори, Дейнси Окоум и множество других. Среди последних были сторонники как Элбрайна и Пони, так и Маркворта, а также совершенно случайные люди; всех их просто увлекла за собой быстро бегущая куда-то толпа.

Как только Пони оказалась в городе, ей на каждом шагу стали попадаться Непобедимые. Она продолжала шагать в прежнем направлении, стараясь не привлекать к себе внимания, что ей, как ни странно, довольно долго удавалось. Впрочем, на самом деле ничего удивительного в этом не было. В городе царил хаос, горели дома, ни в чем не повинных людей вытаскивали на улицы, и множество испуганных горожан метались туда и обратно.

На самом деле Пони увидели и узнали; ее призыв был услышан.

Она сконцентрировалась, призвав на помощь всю свою ненависть.

Однако на этот раз она прибегла к варианту отталкивания и не стала направлять энергию магнетита на какой-то один предмет, как тогда, с зубом Маркворта. Уже чувствовалось, что камень получил от нее достаточно мощный заряд энергии. Однако Пони не представляла себе, насколько он на самом деле велик, вплоть до того момента, когда впереди возникли двое Непобедимых верхом и попытались остановить ее. Они находились на расстоянии около двадцати футов. Внезапно их кони дико заржали, встали на дыбы и заскользили назад! Всадники вытаращили глаза и изо всех сил вцепились в поводья, пытаясь удержать коней, но тщетно.

Тележки продавцов взлетали в воздух, окованные металлом двери распахивались,

причем внутрь, даже если до этого они были открыты наружу. В домах слышались удивленные крики женщин — их кастрюли и миски тоже отправились в полет.

Поток энергии нарастал, постепенно вырываясь из-под контроля. Появлялись все новые солдаты, некоторые верхом; их тоже сносило, точно порывом ураганного ветра.

Пони напряглась, думая о своих погибших родителях, о погубленном ребенке. Наклонив голову, она бросилась вперед. Путь был расчищен, крики и всеобщая сумятица остались за спиной.

— Хаос, мой король! Хаос! — закричал солдат, ворвавшись в комнату, где беседовали Дануб и Констанция. Следом за ним появился герцог Калас. — Эта женщина, Джилсепони... Она идет по улицам совершенно открыто, расшвыривая всех, кто оказывается рядом. Никто не понимает, как она это делает!

— По улицам? — повторил король. — И куда она направляется?

— Через весь город на запад! К вам, мой король!

Калас хотел было вмешаться, но Дануб оборвал его, подняв руку.

— А может быть, в Чейзвинд Мэнор? — задумчиво сказала Констанция.

— Ей нужен Маркворт, — решил король. — Готовьте мою карету.

Констанция попыталась убедить его, что, может быть, лучше спрятаться, пересидеть где-нибудь в безопасном месте. Однако Дануб, как и многие жители Палмариса, чувствовал, что в городе назревает нечто важное, и не хотел оставаться в стороне.

С высокой стены на крыше аббатства Сент-Прешес брат Талюмус смотрел на город, где волнение нарастало с каждым мгновением. На одной из дальних улиц он разглядел решительно шагающую Джилсепони. Двое солдат и монах бросились ей наперерез, но их с невероятной силой отшвырнуло прочь.

Вот это магия, с благоговейным ужасом подумал Талюмус. А ведь это он выпустил на свободу эту невероятную мощь, в ту ночь, когда пришел к магистру Энгрессу и рассказал ему обо всем. Предполагалось, что эта опасная женщина и ее товарищи скроются в горах на севере и никто никогда больше их не увидит. А вон как все обернулось.

Инстинкт подсказал Талюмусу, куда направляется Джилсепони.

Вместе с множеством других монахов он бросился прочь из аббатства, стремясь оказаться как можно дальше от Маркворта.

В темной комнате глубоко в недрах аббатства сидел Джуравиль, дожидаясь, пока вся эта суматоха уляжется. Используя заброшенный дымоход, он пробрался сюда сразу после того, как отослал Роджера предупредить Элбрайна и остальных о надвигающейся опасности. Пробрался, рассчитывая вырвать из рук монахов Крыло Сокола и Ураган — эльфийское оружие, на которое церковь не имела никакого права.

Как хотелось ему снова увидеться с друзьями, где-нибудь далеко отсюда, на прекрасном северном лугу! Однако то, о чем возбужденно переговаривались пробегающие мимо монахи, наводило на мысль, что вряд ли его мечта исполнится.

Хуже всего было то, что сейчас оставалось лишь сидеть и ждать, пока можно будет убраться отсюда.

На перекрестке недалеко от аббатства брат Талюмус и монахи, которые бежали вместе с ним, столкнулись с другой группой. Это были Де'Уннеро и несколько монахов из Санта-Мер-Абель. Они обыскивали поля за пределами Палмариса в поисках сбежавших пленников, когда им стало ясно, что в городе творится что-то невообразимое.

— Это все та женщина, — объяснил Талюмус, когда Де'Уннеро подбежал к нему.

Аббат оглянулся по сторонам, на всех этих мечущихся, потерявших голову солдат и горожан, и повернул в сторону богатого района Палмариса, туда, где возвышался Чейзвинд Мэнор.

Вскоре к поместью, когда-то принадлежащему любимому барону горожан, а теперь захваченному церковью, устремилась еще одна толпа, на этот раз возглавляемая аббатом Де'Унnero.

Слишком много солдат, слишком много монахов. Они еще даже не добрались до торгового района, когда на них набросились монахи. По приказу Полуночника маленький отряд раскололся. Брата Кастинагиса схватили почти сразу же, но все же он успел мощными ударами кулаков свалить на землю двух монахов.

Брат Виссенти, окруженный со всех сторон, поднял руки в знак того, что сдается.

Какой-то монах бросился на Полуночника, внезапно присел и круто развернулся, высоко вскинув ногу.

Элбрайн ударил его кулаком в грудь с такой силой, что едва не проломил ее, и свалил на землю.

Откуда-то сбоку вынырнул второй монах и тоже кинулся на Полуночника. Тот обхватил его за туловище и отшвырнул в сторону, перевернув тележку торговца рыбой.

И бросился бежать, с болью осознавая, что друзья остались позади. Только Делман еще какое-то время мчался рядом, но потом и его схватили.

Услышав на улице конский топот и опасаясь, что это солдатский патруль, Полуночник свернул в узкий проулок.

И тут же услышал чей-то призыв. На крыше стоял Роджер и махал ему рукой.

Кони были без всадников и выглядели совершенно обезумевшими. Сделав знак Роджеру, Полуночник бросился к одному из них.

— Лучше уж на мне скакать, чем на этой старой кляче! — слышался хорошо знакомый голос.

Обернувшись, Полуночник увидел кентавра, как раз в этот момент скинувшего одеяло, которым он прикрывал человеческую часть туловища.

Смотритель проскакал мимо, и Полуночник вспрыгнул ему на спину.

— В Чейзвинд Мэнор! — кричал он.

— Думаешь, я сам не догадался? — проревел в ответ Смотритель. — Даже эти проклятые кони все поняли!

Огромные металлические ворота Чейзвинд Мэнор были закрыты и скреплены цепями.

Когда Пони оказалась рядом и ее ураганная магия распахнула их, одной из цепей с размаху ударило какого-то несчастного монаха, и Пони содрогнулась.

Навстречу ей вышли трое монахов. Первый сжимал в руке копьё с металлическим наконечником, которое, как и следовало ожидать, тут же с силой ударило его в лицо, свалило на землю и отлетело прочь, как будто им выстрелили из мощнейшей баллисты. К несчастью для второго монаха, у него было металлическое кольцо; его тоже отбросило вслед за копьём.

Однако на третьем монахе не было ничего металлического. Но и это не спасло; Пони подняла другую руку, и монах упал, сраженный ударом молнии.

Увидев это, епископ Фрэнсис и аббат Джеховит бросились предупредить отца-настоятеля. Он спокойно сидел на троне в зале для аудиенций.

Они пытались уговорить его бежать.

Маркворт, однако, не меньше Пони жаждал этого поединка и лишь рассмеялся в ответ.

— Не пытайтесь остановить ее, — приказал он. — Знайте, что, когда этот день закончится, власть церкви распространится на весь Хонсе-Бир. А теперь убирайтесь!

Сбитые с толку, испуганные монахи удивленно посмотрели друг на друга и бросились бежать.

Королевская карета в сопровождении отряда Непобедимых промчалась сквозь развороченные ворота почти сразу же после того, как Пони вошла в замок.

— Вон она! — кричал герцог Калас, обращаясь к солдатам. — Задержите ее!

— Нет! — мгновенно отменил приказание герцога король и жестом велел ему сесть рядом. — Давайте посмотрим, как будут разворачиваться события. С самого начала это был личный поединок Маркворта.

Двор между тем заполнялся солдатами, монахами и горожанами.

— Вон, на стене! — закричал один из солдат.

Все взоры обратились в указанном направлении, а там... Огромный кентавр проломил ограждение наверху восьмифутовой стены и рухнул на землю. Сидящего на нем Полуночника отбросило далеко в сторону.

— Ох, больно-то как... — простонал Смотритель, силясь подняться.

Полуночник бросился к нему, но кентавр, увидев быстро приближающихся монахов и солдат, махнул ему рукой.

— Иди к ней! — закричал он.

Элбрайн молниеносно развернулся и едва не столкнулся с солдатом, который бросился на него, высоко подняв над головой меч. Полуночник сделал шаг вперед, вскинул скрещенные руки, нанес солдату сокрушительный удар в лицо и вырвал у него меч. Продолжая то же великолепно рассчитанное, точное движение, свободной рукой он еще раз ударил солдата по лицу и свалил его на землю.

Теперь у Полуночника был меч, и дверь в особняк оказалась в поле зрения. Однако наперерез ему бросилась целая толпа солдат и монахов.

— Дайте ему пройти! — закричал король, поднявшись в карете.

Никто — ни один солдат, ни монах — не осмелился ослушаться его приказа.

— Но только ему! — снова закричал Дануб. — Окружайте особняк и никого больше внутрь не пропускайте!

— Вы рискуете, — заметила Констанция.

Король бросил на нее такой испепеляющий взгляд, какого ни ей, ни герцогу не доводилось видеть никогда прежде.

— Будь проклят этот Маркворт! — воскликнул Дануб. — Может, хоть Полуночник и Пони снесут ему голову!

Констанция широко распахнула глаза, услышав это дерзкое заявление, но Калас лишь улыбнулся и с трудом сдержал себя, чтобы не заключить короля в объятия.

В тот момент, когда Полуночник оказался у дверей, оттуда выскочили Джеховит и Фрэнсис. Фрэнсис попытался было остановить Полуночника, но, как и следовало ожидать, был отброшен далеко в сторону ударом могучего кулака и рухнул на траву.

Старый аббат вскинул руки и сделал шаг в сторону, пропуская Полуночника.

— Какой дипломат! — с кривой улыбкой заметил король Дануб.

Двор Чейзвинд Мэнор заполняла толпа со всех концов города — богатые торговцы и простые крестьяне; растерянные, ничего не понимающие монахи из аббатства Сент-Прешес; и даже бехренцы, требующие освобождения капитана Альюмета.

По приказу герцога солдаты начали теснить толпу, сдерживая ее. Калас понимал, насколько ситуация взрывоопасна, и распорядился, чтобы в случае чего солдаты первым делом защищали короля.

В целом толпа пока вела себя спокойно, хотя крики усилились. Вдруг какой-то человек из числа монахов, прорвав цепь солдат, бросился к особняку.

Солдаты остановили его, не дав добежать до дверей.

— Вы же знаете, кто я такой! — закричал монах.

Они в самом деле узнали бывшего епископа и принялись нервно оглядываться на герцога. Де'Унnero продолжал возмущаться и запугивать солдат, но герцог лишь покачал головой.

Де'Унnero повернулся к королевской карете.

— Я требую... — начал было он.

— Ты не вправе ничего требовать от меня, — перебил его король и крикнул, обращаясь к солдатам. — Никого не пускать в дом!

Внезапно Де'Уннеро вырвался и снова бросился к двери. Солдаты кинулись за ним, но он неожиданно свернул, помчался вдоль здания и скрылся за углом.

Герцог Калас послал несколько человек следом, хотя понимал, что опасаться нечего. В Чейзвинд Мэнор было всего два входа, центральный и задний, около которого тоже стояла охрана.

Убедившись, что проникнуть в особняк через двери ему не удастся, Де'Уннеро побежал обратно, но вдруг остановился, глядя на окно, достаточно большое, чтобы сквозь него мог пролезть человек.

Но вот беда — это окно находилось на высоте тридцати футов над землей.

Непобедимые втащили во двор брата Браумина и трех его товарищей. Калас распорядился отвести их в тюрьму, но снова вмешался король Дануб.

— Пусть останутся, — приказал он. — Может быть, сейчас решается их судьба. Пусть смотрят, но не спускайте с них глаз.

На лужайку перед домом незаметно проскользнул Роджер и тут же смешался с толпой. Пошарив взглядом по сторонам, он заметил Смотрителя, судя по всему раненого; по бокам от него возвышались два Непобедимых на лошадях.

Переживая за угодившего в ловушку друга, Роджер тем не менее ничем не мог ему помочь; все, что оставалось юноше, — это стоять и смотреть.

Едва Элбрайн проник в особняк — проблема найти Пони отпала сама собой; на всем пути следования она оставляла позади искореженные металлические детали, взорванные двери, разбитое стекло и стонущих монахов.

Коридор привел его в зал с колоннами, за которым начиналась уходящая вверх широкая лестница. Потом был еще один коридор и за ним третий, богато изукрашенный. В дальнем его конце виднелась покрытая резьбой дверь, и Полуночник мгновенно понял, что Пони скрылась за ней.

И конечно, там же находился Маркворт.

Из-за угла выбежали солдаты, крича, чтобы Де'Уннеро остановился.

Не обращая на них внимания, он превратил нижнюю часть туловища в тигриную, оглянулся на своих преследователей и зарычал. Испуганные солдаты остановились как вкопанные, едва не сбив друг друга с ног.

Де'Уннеро перевел взгляд на окно и пробормотал:

— Не уйдешь.

И прыгнул вверх, поднимаясь все выше, выше... Солдаты изумленно раскрыли рты.

Полуночник помчался по коридору, рассчитывая выбить дверь плечом и ворваться в комнату. Внезапно окно, мимо которого он пробежал, брызнуло осколками и в коридор влетел Де'Уннеро.

Миг — и они уже стояли лицом к лицу.

— Врешь, не уйдешь, — промурлыкал Де'Уннеро.

С самодовольным видом он сидел в огромном кресле — воплощение всего самого злого, присущего человеческому роду; всего, что Пони так ненавидела.

— Ловко же ты сбежала из аббатства, — похвалил ее Маркворт. — За это магистр Энгресс заплатил своей жизнью.

— Ты убиваешь всех, кто не согласен с тобой, — ответила она.

— Таков мой долг. — Он резко наклонился вперед. — Потому что я знаю, что прав, глупая женщина! Со мной говорит сам Бог.

— Нет, Бестесбулзибар! — воскликнула Пони и бесстрашно ринулась в бой.

Подняла руку с гематитом и, движимая ненавистью, погрузилась в магию камня.

Однако дух Маркворта уже поджидал ее. Страстная эмоциональная волна позволила ей

отшвырнуть его обратно к физическому телу; и тем не менее это была временная победа.

Маркворт, черпая силу у демона, не подпустил ее к себе.

Полуночник знал, насколько опасен Де'Уннеро; понимал, что им предстоит долгая борьба, во время которой ему придется добиваться преимущества буквально по капле. Прошлая схватка убедила его в том, что их силы с Де'Уннеро равны... ну, почти равны; а раз так, это должна быть борьба стратегий, а не состязание на скорость.

Шажок за шажком, шажок за шажком; и каждый из них чуть-чуть больше предыдущего.

Но разве реально было вести такую затяжную борьбу сейчас, когда резная дверь в конце коридора манила Элбрайна, потому что за ней Пони встретилась лицом к лицу с Марквортом, своим злейшим врагом, который причинил ей столько зла? Разве мог Элбрайн ждать?

Он обрушился на Де'Уннеро всей своей мощью, хотя его единственным оружием был отнятый у охранника меч.

Де'Уннеро не остался в долгу; спустя мгновение Полуночник уже вынужден был увертываться и прижиматься к стене, чтобы сохранить равновесие; и, увы, удары пока не причинили его противнику ни малейшего вреда.

— Он там пытается ее, — поддразнил Полуночника Де'Уннеро, не подпуская его к двери.

Тот, однако, не клюнул на эту наживку. Слишком хорошо он отдавал себе отчет в том, что Пони лучше не будет, если он упадет тут замертво. Превратив одну руку в тигриную лапу, Де'Уннеро угрожающе замахивался ею, но Полуночника это не остановило.

Теперь он рвался вперед, а его противник осторожно отступал, не давая кончику меча задеть себя.

Так продолжалось некоторое время; они боролись с переменным успехом, то один наступал, то другой, не давая противнику возможности нанести решающий удар.

Но потом из дальней комнаты послышался крик Пони.

Улыбнувшись, Де'Уннеро перевел взгляд на дверь.

Полуночник тут же воспользовался этим и бросился в наступление.

Де'Уннеро, однако, мгновенно опомнился и ринулся ему навстречу, поднырнул под меч и лапой ударил Полуночника по ногам, свалив его на пол.

Тот перекатился на спину и вскинул меч, заставив Де'Уннеро внезапно остановиться. Еще один кувырок в сторону — и Полуночник пружинисто вскочил на ноги, сделал два быстрых шага вперед и нанес Де'Уннеро удар в плечо. Если бы в его руке был знаменитый, выкованный эльфами Ураган, лезвие проткнуло бы мышцы насквозь и раздробило бы кость. Однако этот меч лишь оставил небольшую зарубку.

Тем не менее монах пошатнулся и отступил, зажимая человеческое предплечье тигриной лапой.

Полуночник снова бросился в атаку. Одного он не учел: истинной мощи задних тигриных лап. Де'Уннеро отступил и прыгнул. Выбил у Полуночника меч и с невероятной силой прижал его руки к бокам.

Смертельно опасное «объятие», поскольку на тигриной лапе были кинжально-острые когти.

Полуночник почувствовал, как они впиваются ему в спину. Он понимал, что, приложив все усилия, может вырваться, но отдавал себе отчет и в том, что в процессе этого тигриные когти просто разорвут ему спину! Он попытался просунуть ладонь под стискивающие его руки, чтобы ослабить хватку.

Де'Уннеро, напротив, усилил нажим, еще глубже впиваясь когтями в податливую плоть.

Однако Полуночник тоже не оставлял своих попыток и в конце концов просунул руку под тигриную лапу, одновременно стараясь лишить противника равновесия, на сохранение которого теперь уходила часть энергии Де'Уннеро.

Кольцо, стискивающее бока Полуночника, стало не таким плотным, он продолжал вертеться внутри его.

И вдруг лицо Де'Унnero тоже начало претерпевать чудовищную трансформацию, а его рот превратился в ужасную клыкастую пасть.

Полуночник начал наносить яростные удары головой по уродливо вытягивающемуся носу. Он бил, бил и вдруг почувствовал, как и вторая обхватывающая его рука превращается в лапу с когтями. С диким криком он широко раскинул руки, содрогаясь от боли, когда когти процарапали его плоть вдоль ребер.

Правой рукой он с силой ударил по отвратительно изменяющемуся лицу, а кулаком левой заехал Де'Унnero в пах. Вскрикивая от каждого движения, обхватил противника обеими руками, оторвал от пола и с размаху шмякнул о стену. Но не выпустил из рук, а тут же ударил снова и потом в третий раз, не обращая внимания на то, что Де'Унnero продолжал царапать его когтями, в том числе и по лицу, около глаз.

В последний раз стукнув Де'Унnero о стену, Полуночник принялся осыпать его градом ударов по лицу и груди. Отпрыгнул назад, остановился на мгновение и головой вперед ринулся на противника, целясь прямо в обезображенное лицо.

Ноги у Де'Унnero подогнулись, но если он думал, что на этом все кончится, то ошибся. Полуночник ухватил его одной рукой за горло, другой за пах, поднял высоко в воздух и швырнул прямо в разбитое окно.

Пошатываясь от боли, испытывая ощущение, будто внутренности у него вываливаются наружу, Полуночник выглянул из окна и с удовлетворением увидел, что мерзкая тварь лежит на усыпанной осколками стекла лужайке без движения, истекая кровью.

Даже не позаботясь поднять меч — что значило это оружие против Маркворта? — и чувствуя, что его силы на исходе, Полуночник кинулся к заветной двери.

Эта схватка была несравненно более яростной, чем той ужасной ночью на пустынном поле к северу от Палмариса. Настолько яростной, что из чисто духовной сферы быстро перешла в физическую.

Люди, замершие на лужайке перед особняком, все как один изумленно открыли рты и подались назад, когда огромное здание задрожало под напором бушующей внутри энергии, воздух начали вспарывать черные и белые молнии, а окна посыпались из своих переплетов.

— Молитесь, чтобы Маркворт не одержал победу, — прошептал король Дануб, обращаясь к советникам и Джеховиту, который тоже подошел к карете.

Констанция и Калас делали это и без его указания, а старый аббат, насмерть перепуганный открывшимся его взору зрелищем, не посмел послушаться короля.

Брат Фрэнсис стоял ближе всех к дому и беспомощно наблюдал за происходящим.

Потом дверь распахнулась и из нее вывалились два молодых монаха. Рухнув на траву, они поползли прочь, моля Бога о милосердии.

Фрэнсис был так потрясен, что не осмелился войти в особняк.

Больше ей не нужно было защищать своего будущего ребенка, и она сражалась со всей силой и яростью.

Однако победить Пони не могла и знала это. Дух Маркворта был слишком силен, невероятно силен; и черен, как ничто в целом мире. Она яростно сражалась, обрушивая на него всю энергию, которую имела в запасе. И не давала ему одолеть себя; но это было все, чего она добилась.

Поражаясь тому, насколько сильна эта женщина, дух Маркворта становился все выше, нависая над ее духом и обволакивая — точно заглатывая! — его. Тем не менее одолеть Пони ему не удавалось. Борьба продолжалась. Оба понимали, что время работает против Пони и что она устанет первой, несмотря на всю ярость.

Но потом она отвлеклась на мгновение, ощутив чье-то прикосновение к своему физическому плечу, чем немедленно воспользовался Маркворт, заставив ее отступить. Это

было очень нежное прикосновение, дружеское поглаживание, и потом как-то так получилось, что в их схватку с Марквортом включился третий дух. Призрак Полуночника пришел Пони на помощь.

«Вы снова вместе! — мысленно воскликнул Маркворт. — Наконец-то я избавлюсь сразу от вас обоих». Его дух стал еще массивнее и распростер над ними огромные черные крылья, похожие на крылья летучей мыши.

Дух Элбрайна потянулся к Пони и прикоснулся к ней, на мгновение заключив в нежное объятие.

Маркворт бросился в атаку. Однако теперь влюбленные слились воедино, как это происходило во время совместного исполнения би'нелле дасада. Вместе они сумели остановить отца-настоятеля и начали оттеснять его дух к физическому телу. Каждый дюйм давался им дорогой ценой, пожирал жизненные силы и энергию.

Они толкали и толкали. Элбрайн старался принимать на себя удары Маркворта — зная то, что было неведомо Пони. А именно, что его физическое тело быстро теряет силы, истекая кровью. Если он хотя бы заикнулся об этом, она тут же вышла бы из боя и кинулась исцелять его раны с помощью гематита.

Элбрайн понимал, что это то сражение, когда без жертвы не обойтись; и еще ему было совершенно ясно, что, если Пони переключится на него, Маркворт тут же воспользуется этим и расправится с ними обоими.

Они уже почти оттолкнули дух Маркворта к его физическому телу. Все трое понимали, что одержит победу тот, кто загонит дух в тело его хозяина, а потом и сам проникнет в него. Отец-настоятель удесятирил усилия, мысленно взревев от ярости.

Физическое тело Полуночника все сильнее сковывал холод. Он понимал, что за этим последует. Ему предстояло принести последнюю жертву — окончательное доказательство того, что он заслуживает право называться рейнджером.

Инстинкт внутри его вопил: остановись, попроси Пони о помощи, борись за свою жизнь!

Вместо этого он сражался все яростнее.

Маркворт вскрикнул, и мысленно, и физически. Элбрайн услышал его крик, донесшийся как будто издалека.

Весь мир, казалось, отодвинулся куда-то далеко...

Для тех, кто стоял снаружи, все закончилось, как огромный взрыв мрака, гигантская черная вспышка. Потом в особняке все стихло. Фрэнсис, а за ним король Дануб со своими советниками, Роджер и кентавр бросились в здание, и никто не попытался остановить их. Уже оказавшись внутри, Дануб обернулся и крикнул солдатам, чтобы они привели арестованных монахов.

— Именно сейчас их жизнь висит на волоске, — объяснил он.

На мгновение зависнув над лежащим позади особняка безжизненным телом Де'Уннеро, Белли'мар Джуравиль вспорхнул к разбитому окну и полетел по длинному коридору.

Пони почувствовала, как дух Маркворта буквально разорвало на части. И поняла, что это конец! Однако ее радость тут же угасла, когда она заметила, что второй дух, ее бесценный помощник, тоже быстро слабеет, что жизненные силы покидают Элбрайна. Она вышла из транса, вернулась в свое тело, увидела Маркворта, стоящего на подрагивающих ногах и удивленно взирающего на нее, а рядом с ним... Элбрайна, лежащего на полу в луже крови.

Пони бросилась к любимому, отчаянно взывая и пытаясь дотянуться до него с помощью гематита. Однако стоило ей опуститься на пол, как силы оставили ее и сознание затопила темнота.

Маркворт в ужасе смотрел на них. Они нанесли ему поражение — нет, не просто ему, но тому внутреннему голосу, который так долго направлял его и был, как во внезапном

озарении понял он, самостоятельным существом! Только сейчас отец-настоятель понял, кто это был на самом деле, и осознал, что вся его жизнь оказалась ложью, а избранный им путь вел во тьму без малейшей надежды на спасение.

Сейчас Маркворт мог убить их обоих, но меньше всего думал об этом. В растерянности он подошел к ним, но тут услышал внизу шум. Мужчине он был уже не в силах помочь, но женщину поднял на руки и на негнувшихся ногах понес к двери.

Он прошел мимо крошечной фигурки эльфа, даже не заметив его.

Бедняга Джуравиль не знал, что делать. Он слышал стоны Пони и чувствовал, что старик — и каким старым, разбитым выглядел сейчас Маркворт! — больше не причинит, просто не может причинить ей вреда. Нет, с отцом-настоятелем определено что-то произошло; ясно, долго он не протянет, дни его сочтены. Мелькнула мысль подойти к старому мерзавцу, вырвать из его рук Пони и унести ее подальше от того, кто причинил ей столько боли. Но тут Джуравиль увидел своего дорогого друга, который был ему как сын, без движения лежащего на полу.

Он метнулся к Элбрайну и голыми руками начал заталкивать внутрь его вывалившиеся из разодранного тела внутренности.

Слишком поздно.

Полуночник открыл зеленые глаза.

— Пони жива, — сказал Джуравиль, наклонившись вплотную к истерзанному болью лицу Элбрайна.

— Она победила, — тяжело дыша, прошептал тот. — Демона больше нет. — Он закрыл глаза и затих.

— Твой сын! — закричал Джуравиль, решив, что Элбрайн должен, должен узнать правду хотя бы в эти самые последние мгновения своей жизни. — Твой сын жив! Он в Эндур'Блоу Иннинес, под защитой госпожи Дасслеронд!

Элбрайн широко распахнул глаза, стиснул руку Джуравилья, улыбнулся и...

...упал замертво.

Епископ Фрэнсис первым ворвался в длинный коридор и первым наткнулся на Маркворта. Тяжело ступая, тот нес на руках Пони. Молодой монах бросился к своему наставнику, перехватил у него ношу, осторожно положил Пони на пол и едва успел подскочить к Маркворту, которого больше не держали ноги.

Остальные вбежали в коридор следом за Фрэнсисом. Роджер тут же с криком бросился к Пони.

— Я был не прав, — сказал Маркворт Фрэнсису с бледной улыбкой. — И с Джоджонахом, и с Эвелином. Да, с Эвелином. Мне открылась истина.

— Нет, отец... — начал было Фрэнсис.

Широко распахнув глаза, Маркворт с удивительной для его дряхлого тела силой стиснул руку Фрэнсиса.

— Да! Да! Я был не прав. Позаботься о моей церкви, дорогой Фрэнсис. Она должна быть пастырем, а не диктатором. Но остерегайся...

Старика начали сотрясать конвульсии, он упал на пол. Фрэнсис подскочил к нему, приподнял голову.

— Остерегайся! — повторил Маркворт. — Остерегайся того, чтобы в поисках гуманизма не утратить таинства духовности.

Дряхлое тело задрожало от нового приступа конвульсий, и, когда он закончился, отца-настоятеля не стало.

— Она жива! — воскликнул Роджер.

Фрэнсис обернулся и увидел, что Роджер хлопчет над Пони — и одновременно прячет в карман ее камни.

Рядом стоял король Дануб со своими советниками, солдаты не подпускали к ним монахов. Вот только кентавра удержать они не смогли, несмотря на все его раны. Он

прорвался сквозь кольцо Непобедимых и поскакал мимо короля Дануба к двери в дальнем конце коридора. Кто-то из солдат бросился следом, но король знаком приказал им вернуться.

— Отец-настоятель! — воскликнул Джеховит, появляясь в дверях.

— Он мертв, — ответил епископ Фрэнсис.

— Убийство! — завопил Джеховит. — Кровь отца-настоятеля вызывает к отмщению! Стража!

— Замолчите! — воскликнул брат Браумин, вырываясь из рук удерживающих его солдат. Король Дануб сделал Непобедимым знак отпустить его. — Если Далеберт Маркворт мертв, то причина этого только в нем самом!

— Это святотатство! — закричал Джеховит прямо в лицо Браумину.

И услышал приказ остановиться от того, от кого никак не ожидал таких слов.

— Этот человек просит тебя замолчать, мой добрый аббат, — сказал епископ Фрэнсис. — Он прав. Мы обсудим все происшедшее в своей среде — на Коллегии, которую нужно созвать как можно быстрее.

— Брат Фрэнсис! — попытался протестовать Джеховит.

— Однако я хочу предостеречь тебя, — продолжал Фрэнсис, словно ничего не слыша. — Если ты займешь в отношении брата Браумина и его товарищей ту же позицию, какую прежде занимал Маркворт, я выступлю против.

Джеховит пошатнулся, отступил, но не сказал ни слова. Он бросил взгляд на короля, однако тот не поддержал его.

— Согласно предсмертным словам отца-настоятеля, — продолжал Фрэнсис, — для церкви настало время перемен. Взгляните на эту женщину, ученицу Эвелина. — Он с надеждой посмотрел на Роджера, и тот кивнул, подтверждая, что Пони жива. — Церковь объявила ее преступницей. И тем не менее я буду предлагать именно ее назначить матерью-аббатисой новой церкви.

— Что за чушь? — воскликнул Джеховит.

— Одновременно я выступлю с предложением канонизировать брата Эвелина Десбриса, — закончил епископ Фрэнсис.

— Святой Эвелин! — воскликнул брат Виссенти.

— Невозможно! — закричал Джеховит.

— С какой стати вы терпите все это, мой король? — с отвращением спросил герцог Калас.

Король усмехнулся; он и впрямь немало натерпелся от церкви Абея.

— С этого момента я упраздняю должность епископа в Палмарисе, — заявил он таким тоном, что все мгновенно смолкли. — И предупреждаю вас: наведите у себя в церкви порядок, иначе я сам сделаю это. Если монах может выступать в роли епископа, почему бы королю не стать отцом-настоятелем!

Фрэнсис бросил взгляд на Браумина и решительно кивнул.

Джеховит, до которого дошло наконец, чья взяла, задумался над тем, как жить дальше с его подмоченной репутацией.

В этот момент из комнаты вышел кентавр с телом Элбрайна на руках; горе, великое горе настало для всех, для кого Полуночник был товарищем и другом.

Брат Браумин и остальные монахи в знак уважения склонили головы. Роджер упал на грудь Пони, оплакивая потерю и за себя, и за нее.

За стенами особняка, стоя на рассыпанном под ногами стекле, Белли'мар Джуравиль в последний раз взглянул вверх. Его сердце было разбито. Пора, пора возвращаться в Эндур'Блоу Иннинес, покинуть людей с их ненужными, глупыми баталиями.

Это у него не вызывало сомнений. Но вот что так и осталось для него загадкой — это каким образом исчезло тело Маркало Де'Уннеро.

ЭПИЛОГ

Она слышала, как за ее спиной в доме идут споры, слышала многократное упоминание своего имени, но сегодня, серым, ветреным летним днем все это не имело для Пони никакого значения. Ничто, казалось, сейчас не имело значения, кроме двух памятных знаков, установленных в саду Чейзвинд Мэнор. Один был даром короля Дануба, вернувшего себе поместье, — символический жест благодарности. Второй прислали брат Браумин и, что удивительно, брат Фрэнсис, в знак поддержки со стороны новой церкви Абея.

Хотя... Существует ли еще церковь Абея? В процессе жарких споров брат Браумин заявил, что его группа и те, кто пожелает присоединиться к ним, — а их список окажется длинным, очень длинным, понял его главный оппонент, аббат Джеховит, — скорее всего, отделятся от церкви Абея, чтобы основать церковь Эвелина.

— Теперь все они любят нас, — прошептала Пони, обращаясь к памятному знаку.

Это был всего лишь знак; тело Элбрайна тут не лежало. Пони не допустила этого. Ее муж должен быть похоронен в роще неподалеку от Дундалиса, той самой, где он нашел могилу дяди Мазера и Ураган, свой замечательный меч. Как раз сегодня кентавр и Роджер покинули Палмарис; Смотритель вез дроги, на которых был установлен гроб Элбрайна.

Пони до сих пор не верилось, что его больше нет. Она стояла здесь, очень спокойно, очень тихо, и пыталась осмыслить, какая цепочка событий привела ее в это ужасное место. Ничего не получалось — происшедшее никак не укладывалось в голове. Половина ее души ушла вместе с ним, и теперь она чувствовала себя опустошенной.

Поговаривали о том, чтобы она стала матерью-аббатисой, главой церкви. Король Дануб тоже обещал ей золотые горы, даже титул баронессы Палмариса, в знак высокой оценки того, какую услугу она оказала королевству; как и следовало ожидать, гибель Маркворта была провозглашена победой короны. Пони изо всех сил старалась быть доброй ко всем, но на самом деле хотела лишь одного: остаться наедине со своими воспоминаниями и болью.

Может, она и впрямь смогла бы стать главой церкви и повести ее в направлении, указанном Эвелином. Однако ей все это было глубоко безразлично.

Пони ощущала лишь пустоту в душе, беспомощность и чувство нереальности происшедшего. Стоило ей вспомнить, к примеру, как она соблазнила Элбрайна неподалеку от Кертинеллы, и накатывала такая слабость, что темнело в глазах.

Почувствовав мягкое прикосновение к плечу, Пони обернулась и увидела Каласа, временного барона Палмариса, и Констанцию Пемблбери.

— Ты тоже уйдешь на север? — спросила Констанция.

— Да. Завтра, наверное, — ответила Пони. — Или, если это дело с церковью не закончится, тогда, возможно, чуть позже.

По правде говоря, Пони не хотела сейчас возвращаться в Дундалис. Ей была невыносима мысль о том, чтобы своими глазами увидеть, как гроб с телом Элбрайна опускают в землю.

Они шли медленно и торжественно, не глядя на стоящих вдоль улиц людей, многие из которых бросали на дроги цветы. Элбрайн, Полуночник, быстро стал легендой Палмариса, к чему и у Роджера, и у кентавра было сложное отношение. Да, их друг был достоин любых почестей, но им не хотелось, чтобы подлинное величие и красота этого человека оказались затерты и искажены нелепыми преувеличениями легенды.

Однако они понимали, что этот миг навсегда останется в памяти всех, кто тут находился, в том числе и самого короля Дануба Брока Урсальского.

Возглавляющий процессию отряд Непобедимых будет сопровождать дроги до самого Дундалиса.

За воротами Палмариса народу оказалось еще больше. Казалось, здесь собрались крестьяне из всех северных деревень. Вдруг послышалось ржание; неподалеку на гребне холма стоял Дар.

— Он знает, — сказал кентавр Роджеру.

И, словно услышав его слова, огромный жеребец ринулся вниз по склону холма, проскакал мимо Непобедимых, с благоговением взиравших на него, — этот конь был быстрее и сильнее даже их знаменитых тогайранцев! — на мгновение замер у гроба и... ударил по нему копытом!

Смотритель, всегда необыкновенно чуткий к желаниям коней, снял с себя упряжь и надел ее на жеребца.

И они продолжили путь.

Белли'мар Джуравиль издалека наблюдал за тем, как его дорогой друг возвращается домой.

Незамеченный эльфом, хотя и находящийся не так уж далеко, Маркало Де'Уннеро тоже не сводил взгляда с процессии. С помощью гематита оказалось нетрудно исцелить физические раны, но вот что касается эмоциональных шрамов... Наблюдая за погребальной процессией, вслушиваясь в разговоры крестьян, проклинаящих Маркворта, славословящих Элбрайна и с надеждой обсуждающих огромные, чудесные перемены в церкви, монах — теперь уже бывший монах, судя по всему, — задавался множеством вопросов.

Ему до сих пор не верилось, что события обернулись именно таким образом, но, по правде говоря, у него хватало и собственных проблем. Вот уже несколько недель он не мог найти свой любимый камень, «тигρινую лапу», и постепенно пришел к выводу, что каким-то невероятным образом тот слился с его душой. Потому что сейчас он бывал то человеком, то зверем, и, хотя иногда мог по собственному желанию переходить из одного состояния в другое или даже в некое промежуточное, случалось и другое. Если им овладевала ярость или он чувствовал запах добычи, ничто не могло удержать его от перевоплощения в тигра.

Печаль окутала Эндур'Блоу Иннинес, когда позже тем же летом Белли'мар Джуравиль вернулся домой с сообщением о смерти Полуночника. Казалось бы, война окончилась наилучшим образом, Джуравиль вернулся к ним, ребенок Элбрайна и Пони рос сильным и здоровым. И тем не менее гибель Полуночника и Ни'естиела тяжким грузом легла на дружную маленькую семью тол'алфар.

Только сияющий улыбкой ребенок радовал сердца всех.

Вскоре после возвращения Джуравиль он и госпожа Дасслеронд подошли к малышу, лежащему на сочной зеленой траве. Госпожа наклонилась и погладила мягкую щечку.

— Он растет сильным, совсем не похожим ни на кого, — заметила она, — и, по-моему, во всех отношениях превзойдет своих родителей.

— Она жива, — сказал Джуравиль.

Дасслеронд вперила в него недовольный взгляд. Она уже знала все о судьбе Пони и прекрасно понимала, что означали только что прозвучавшие слова. Джуравиль намекал ей, что, по его мнению, ребенок должен быть со своей матерью. Госпожа Дасслеронд и слышать об этом не желала. Они взяли малыша под свою опеку. Он был ребенком Полуночника, а не Элбрайна, ребенком Эндур'Блоу Иннинес, и, с точки зрения эльфийской королевы, это решало все.

— Я помог им сбежать, — признался Джуравиль.

Госпожа Дасслеронд рассмеялась.

— Неужели ты вообразил, будто я, отпуская тебя к ним, не знала, что ты именно так и поступишь? — спросила она. — В этот раз ты все сделал как надо.

— А что насчет Джилсепони? Она знает би'нелле дасада, с этим ничего не поделаешь.

Госпожу Дасслеронд, однако, это теперь не волновало.

— Она была верной подругой Полуночнику и не предаст его, рассказав кому-то доверенную ей тайну.

Джуравиль от всей души надеялся, что так и будет. Он прекрасно понимал, что в ближайшее и достаточно долгое время Дасслеронд будет пристально следить за людьми. И если Пони начнет обучать танцу с мечом королевских солдат или монахов, то тут же

окажется в плену у тол'алфар.

И то если ей повезет и Дасслеронд проявит особое сострадание.

Снизу донеслось хихиканье, привлечшее их внимание к малышу. В его улыбке было что-то от Элбрайна, каким он впервые появился в Эндур'Блоу Иннинес, но сияющие глаза напоминали материнские.

Однако стоило им оставить его одного, как в его глазах вспыхнул алый отблеск, который он никак не мог унаследовать ни от матери, ни от отца. Семя, подсаженное в материнское лоно Пони демоном дактилем во время ее первого сражения с Далебертом Марквортом, в тело которого вселился Бестесбулзибар, тоже незаметно росло и крепло.